К 3
30
Дуб

Дубровин
„История
вн. войны
и русских
на Кавказе"
т. 5, 1887 г.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

DB
30
D79
Кавказ

И

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ V.

Проверено 1937 г.
НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА НИАНКП
ПОВРЕЖДЕНО
Тв (94)

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ. Колокольная, собственный д., № 14.
1887.

ОЭП
53
16474
IV
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
516725

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

и

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ГЛАВА I. Положеніе дѣлъ послѣ смерти князя Циціанова.—Состояніе войскъ.—Происшествія въ Имеретіи и Грузіи.—Назначеніе графа Гудовича главнокомандующимъ.—Краткій обзоръ края и боевыхъ средствъ, на которыя могъ разсчитывать главнокомандующій.—Число войскъ.—Предположенія правительства о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Мнѣніе по этому вопросу графа Гудовича.—Прибытіе главнокомандующаго въ Георгіевскъ.—Переговоры его съ кабардинцами и чеченцами. 1

ГЛАВА II. Враждебныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ хановъ казыкумухскаго, шекинскаго и карабагскаго.—Измѣна и смерть Ибраимъ-хана карабагскаго.—Вторженіе персіянъ въ наши предѣлы.—Дѣйствія генералъ-маіора Небольсина противъ персіянъ.—Бой въ Ханатинскомъ ущельѣ.—Соединенное дѣйствіе нашихъ отрядовъ противъ цесаревича Александра.—Удаленіе персіянъ изъ Карабага.—Назначеніе и утвержденіе Мехти-Кули-аги ханомъ карабагскимъ.—Происшествія въ Шекинскомъ ханствѣ. 30

ГЛАВА III. Движеніе генерала Глазенапа въ Дагестанъ.—Занятіе Дербента.—Назначеніе шахмала тарковскаго ханомъ дербентскимъ.—Вторженіе персіянъ въ Ширванское ханство, и мѣры, принятыя для изгнанія ихъ.—Движеніе Лисаневича къ Джавату.—Отступленіе персіянъ.—Экспедиція въ Баку.—Назначеніе генерала Булгакова начальникомъ экспедиціи.—Занятіе Баку и устройство тамъ правленія.—Покореніе Кубинскаго ханства.—Дѣйствія Булгакова въ Казыкумухѣ и присяга Сурхай-хана казыкумухскаго. 61

ГЛАВА IV. Дѣйствія генералъ-маіора Небольсина въ ханствѣ Шекинскомъ.—Занятіе Нухи.—Устраненіе Селимъ-хана отъ управленія ханствомъ и назначеніе Джафаръ-Кули ханомъ шекинскимъ.—Дѣйствія князя Орбеліани въ Джаро-Бѣлоканахъ.—Условія, заключенныя съ лезгинами.—Покорность хана аварскаго и султана елисуйскаго. 84

стр.

ГЛАВА V. Предположеніе о занятіи Эривани.—Несогласія, возникшія между Россіею и Турціею.—Интриги Франціи въ Константинополѣ.—Письмо Наполеона султану и отвѣтъ на него Императора Александра.—Нарушеніе Турціею трактатовъ, заключенныхъ съ Россіею.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію.—Наставленіе, данное гр. Гудовичу.—Переговоры съ Персіею о мирѣ.—Посылка въ Тегеранъ капитана Степанова. 95

ГЛАВА VI. Объявленіе въ Константинополѣ войны съ Россіею.—Рескриптъ Императора графу Гудовичу.—Положеніе Кавказской линіи и закавказскихъ провинцій—Нападеніе турокъ на Редутъ-Кале.—Расположеніе нашихъ войскъ.—Предполагаемый планъ дѣйствій. 127

ГЛАВА VII. Дѣйствія Несвѣтаева въ Карскомъ пашалыкѣ.—Переписка его съ карскимъ пашою.—Движеніе къ Карсу и занятіе форштадта.—Дѣйствія графа Гудовича въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ.—Штурмъ Ахалкалакъ.—Отступленіе въ свои границы.—Блокада г. Поти. 146

ГЛАВА VIII. Послѣдствія отступленія нашего отъ Ахалкалакъ и изъ Карскаго пашалыка.—Письмо Юсуфъ-паши и отвѣтъ на него генералъ-маіора Несвѣтаева.—Атака турками селенія Гумри.—Арпачайское сраженіе.—Просьба графа Гудовича объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго.—Рескриптъ Императора. 167

ГЛАВА IX. Переговоры съ персіянами о мирѣ.—Перемиріе съ турками.—Происшествія въ Имеретіи.—Недоброжелательство царя Соломона.—Предположеніе объ удаленіи его и устройствѣ временнаго управленія въ Имеретіи.—Некомплектъ въ войскахъ Кавказскаго корпуса.—Рескриптъ Императора графу Гудовичу. 180

ГЛАВА X. Французское посольство въ Персіи.—Возобновленіе переговоровъ о мирѣ.—Письмо графа Гудовича Аббасъ-Мирзѣ и отвѣтъ на него.—Движеніе графа Гудовича къ Эривани, а генерала Несвѣтаева къ Нахичевани.—Обложеніе Эриванской крѣпости.—Занятіе предмѣстья.—Прокламація графа Гудовича жителямъ.—Занятіе Нахичевани.—Прибытіе въ русскій лагерь секретаря французскаго посольства.—Штурмъ Эривани.—Отступленіе.—Просьба графа Гудовича объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго и назначеніе на его мѣсто генерала Тормасова. 200

ГЛАВА XI. Вступленіе Тормасова въ командованіе войсками и управленіе краемъ.—Число войскъ.—Состояніе нашихъ пограничнымъ дѣлъ съ Персіею и Турціею.—Воззваніе Баба-хана.—Письмо Тормасова Аббасъ-Мирзѣ.—Вторженіе персіянъ въ наши границы.—Боевыя средства главнокомандующаго.—Отраженіе непріятеля.—Переговоры о мирѣ.—Происшествія въ Талышенскомъ ханствѣ.—Возванія грузинскаго царевича Александра. 228

стр.

ГЛАВА XII. Поведеніе имеретинскаго царя Соломона.—Князь Зурабъ Церетели.—Воззваніе Тормасова къ имеретинамъ.—Послѣдствія этого воззванія.—Положеніе дѣлъ въ Абхазіи.—Междоусобная вражда за право наслѣдства.—Осада Поти и взятіе ее русскими войсками. 252

ГЛАВА XIII. Происшествія въ Кубѣ и Казикумухѣ.—Дѣятельность бѣжавшаго ШихъАли-хана дербентскаго.—Сурхай-ханъ казикумухскій.—Сношенія паши съ Персіею.—Положеніе ханства Талышенскаго.—Переговоры о мирѣ съ Персіею и прекращеніе ихъ. 275

ГЛАВА XIV. Присылка имеретинскихъ депутатовъ въ Тифлисъ.—Порученіе, данное имъ отъ царя Соломона.—Его просьба о заключеніи новаго трактата о подданствѣ.—Отказъ выдать аманатовъ.—Князь Леонидзе.—Письмо Тормасова Соломону.—Посылка Могилевскаго въ Имеретію.—Свиданіе его съ Соломономъ.—Мѣры къ удаленію царя изъ Имеретіи.—Прокламація къ имеретинамъ.—Движеніе войскъ.—Поведеніе Соломона и князя Зураба Церетели.—Присяга имеретинъ.—Покорность Соломона и отправленіе его въ Тифлисъ.—Временное управленіе въ Имеретіи.—Начала, на которыхъ оно было основано.—Подданство Гуріи.—Бѣгство Соломона изъ Тифлиса. . . 287

ГЛАВА XV. Происшествія въ Ахалцыхѣ.—Междоусобная вражда Шерифъ-паши съ Селимъ-пашою.—Просьба послѣдняго о принятіи его подъ покровительство Россіи.—Прокламація Соломона въ Имеретіи.—Возстаніе имеретинъ.—Дѣйствія Кабардинскаго полка въ Альскомъ ущельѣ.—Дѣйствія отрядовъ генералъ-лейтенанта барона Розена и Симоновича.—Атака Ханійскаго ущелья.—Бѣгство Соломона въ Ахалцыхскій пашалыкъ.—Усмиреніе возстанія. 319

ГЛАВА XVI. Мѣры, принятыя главнокомандующимъ противъ вторженія персіянъ въ наши границы.—Расположеніе войскъ.—Враждебныя отношенія къ Россіи хановъ ширванскаго и карабагскаго.—Уравнительная раскладка податей въ Карабагѣ.—Непріязненныя дѣйствія персіянъ.—Прокламація Аббасъ-Мирзы.—Стараніе персіянъ склонить на свою сторону хана талышенскаго.—Вторженіе ихъ въ Карабагъ.—Побѣда, одержанная Котляревскимъ у с. Мигри.—Нападеніе персіянъ на Артикъ.—Пораженіе ихъ у Ахалкалакъ и при р. Джагорѣ.—Письмо Тормасова карабагскому хану.—Экспедиція въ Ахалцыхскій пашалыкъ.—Воззваніе къ жителямъ.—Обложеніе Ахалцыха.—Бомбардированіе города.—Снятіе блокады.—Отступленіе. . 336

ГЛАВА XVII. Происки тегеранскаго двора среди мусульманскаго населенія края.—Волненіе въ Кубинской провинціи.—Дѣйствія нашихъ войскъ.—Инструкція, данная полковнику Лисаневичу.—Поведеніе ширванскаго хана.—Письмо Тормасова Мустафѣ-хану.—Усмиреніе волненій въ Кубинской провинціи.—Появленіе грузинскаго царевича

стр.

Левана въ Осетіи.—Волненія осетинъ.—Мѣры, принятыя главнокомандующимъ къ усмиренію волненій и къ поимкѣ Левана.—Экспедиція въ Осетію и результаты ея.—Бѣгство Левана въ Имеретію.—Князь Зурабъ Церетели и его поведеніе.—Положеніе дѣлъ въ Имеретіи.—Преобразованіе въ управленіи.—Административное дѣленіе области.—Положеніе дѣлъ въ Абхазіи.—Письмо царя Соломона Тормасову и отвѣтъ на него. 371

ГЛАВА XVIII. Приготовленія Персіи и Турціи къ открытію военныхъ дѣйствій.—Состояніе кавказской линіи.—Положеніе поселенныхъ казаковъ и предположеніе о преобразованіи ихъ административнаго устройства.—Мѣновая торговля, какъ средство къ сближенію съ горцами.—Положеніе Закавказья въ началѣ 1811 г.—Увольненіе Тормасова отъ управленія краемъ.—Внутреннія преобразованія. 403

ГЛАВА XIX. Назначеніе маркиза Паулуччи главнокомандующимъ въ Закавказьѣ.—Его характеристика и приказы.—Намѣреніе персіянъ вторгнуться въ наши предѣлы.—Происки Шихъ-Али, бывшаго хана дербентскаго и кубинскаго.—Сборъ значительной партіи лезгинъ въ Табасаранскомъ ущельѣ.—Бой генералъ-маіора Гурьева у м. Зіахуръ и генералъ-маіора Хатунцева у сел. Рустовъ.—Экспедиція Хатунцева въ Кюринскую область.—Занятіе г. Кюры.—Назначеніе Асланъ-бека правителемъ Кюринской области.—Экспедиція Котляревскаго въ Ахалцыхскій пашалыкъ.—Штурмъ крѣп. Ахалкалакъ. 419

ГЛАВА XX. Арестованіе Джафаръ-Кули-аги карабагскаго.—Письмо Аббасъ-Мирзы Джафару.—Положеніе ханствъ: Карабагскаго, Ширванскаго и Талышенскаго.—Вторженіе персіянъ въ Карабагъ.—Дѣло у СултанъБуда.—Дѣйствія Котляревскаго. 438

ГЛАВА XXI. Состояніе Закавказья: чума и голодъ.—Возстаніе въ Грузіи.—Провозглашеніе царевича Григорія царемъ Грузіи.—Положеніе нашихъ войскъ.—Дѣйствія отрядовъ полковника Тихановскаго и подполковника Ушакова.—Неудачный штурмъ Ахалкалакъ Шерифомъ-пашою.—Прокламація маркиза Паулуччи.—Отвѣтъ на нее инсургентовъ.—Дѣйствія главнокомандующаго.—Освобожденіе Телава.—Прекращеніе волненій.—Отозваніе маркиза Паулуччи и назначеніе на его мѣсто генерала Ртищева. 452

Алфавитный указатель именъ 187

1.

Положеніе дѣлъ послѣ смерти князя Циціанова.—Состояніе войскъ.—Происшествія въ Имеретіи и Грузіи.—Назначеніе графа Гудовича главнокомандующимъ.—Краткій обзоръ края и боевыхъ средствъ, на которыя могъ разсчитывать главнокомандующій.—Число войскъ.—Предположенія правительства о предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Мнѣніе по этому вопросу графа Гудовича.—Прибытіе главнокомандующаго въ Георгіевскъ.—Переговоры его съ кабардинцами и чеченцами.

Происшествіе подъ Баку, такъ печально окончившееся измѣннической убійствомъ князя Циціанова, поставило отрядъ, блокировавшій эту крѣпость, въ самое невыгодное положеніе. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, занятіе крѣпости казалось несомнѣннымъ; теперь же всѣ невзгоды обрушились на недавнихъ побѣдителей. Съ тѣхъ самыхъ стѣнъ, на которыхъ долженъ былъ развѣваться русскій флагъ, открытъ былъ по нашимъ войскамъ сильный огонь, заставившій ихъ отступить и расположиться неподалеку отъ города.

Генералъ-маіоръ Завалишинъ, какъ старшій, принялъ начальство; положеніе его, какъ начальника, было далеко незавидное.

Простоявъ болѣе мѣсяца подъ крѣпостью и продовольствуясь половинною дачею, отрядъ былъ безъ лошадей, переполненъ больными, стоялъ въ снѣгу, безъ хлѣба, безъ дровъ, безъ одежды и амуниціи. По неимѣнію достаточнаго количества лазаретныхъ вещей, больные лежали на землѣ подъ покрышкою однѣхъ шинелей, въ большинствѣ изодранныхъ; у многихъ солдатъ не было бѣлья. Жестокія вьюги, начавшіяся съ 4-го февраля и продолжавшіяся попеременно то съ дождемъ, то со снѣгомъ и моро-

зомъ, развили болѣзни; много было обмороженныхъ [1]). Въ отрядѣ было здоровыхъ не болѣе тысячи чловѣкъ, изъ которыхъ только треть въ состояніи была владѣть оружіемъ; остальные были до такой степени слабы, что не могли быть употреблены на службу. Вода, годная для приготовленія пищи, была подъ выстрѣлами крѣпости, такъ что войска принуждены были добывать ее изъ снѣга и въ такомъ видѣ употреблять въ пищу и питье. Съ 5-го февраля, за неимѣніемъ дровъ, люди, въ теченіе нѣсколькихъ дней, оставались безъ варки, и генералъ-маіоръ Завалишинъ принужденъ былъ употребить на дрова двѣ казенныя фуры. Онъ отодвинулся на шесть верстъ отъ Баку и перешелъ ближе къ берегу моря, къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ сошелъ съ судовъ.

Постоянный холодъ и мятели все болѣе и болѣе изнуряли солдатъ, утомленныхъ походомъ изъ Грузіи, походомъ, при которомъ они должны были везти на себѣ большую часть тяжестей. Теперь всѣ чины отряда были поставлены еще въ худшее положеніе и принуждены драться за каждое полѣно, посылать отдѣльные отряды въ сосѣднія селенія за дровами и нефтью. «Я собралъ, доносилъ Завалишинъ [2]), до 400 четвертей сухарей, кои уже истощаются. Судовъ — только транспортовъ десять и три военныхъ, изъ коихъ одинъ галіотъ. Отрядъ-же, теперь подъ моимъ начальствомъ состоящій, остается на пустомъ берегу, безъ дровъ и лошадей. Изъ сихъ послѣднихъ, отъ безкормицы и худобы, многія ежедневно падаютъ, и самая флотилія въ неминуемой гибели. Нѣтъ другаго средства спасти отрядъ, какъ сѣсть на суда... Если удастся достать нефти и напечь скоро хлѣба, также на семъ безплодномъ берегу налиться, безъ помѣшательства отъ вѣтровъ и пересѣсть на суда, то что либо спасено быть можетъ. Однимъ словомъ, Всемилостивѣйшій Государь, мы заведены въ такую западню, изъ которой развѣ единая только десница Божія вывесть насъ можетъ.»

---

[1]) Рапортъ Завалишина графу Гудовичу 4-го сентября 1806 г., № 530. Рапортъ полковника Штауде ему же, 13-го сентября, № 377.

[2]) Въ рапортѣ Государю Императору отъ 15-го февраля 1806 года. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806—15, № 2-й.

Оставаться на одномъ мѣстѣ безъ всякой дѣятельности было бы болѣе чѣмъ неблагоразумно, и Завалишинъ, 11-го февраля 1806 года, собралъ военный совѣтъ изъ наличныхъ командировъ частей и штабъ-офицеровъ. Два-три голоса было подано въ пользу штурма, но большинство членовъ совѣта было противнаго мнѣнія и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ выражалось крайне неопредѣленно, предоставляя усмотрѣнію самого Завалишина штурмовать или нѣтъ Баку.

Послѣдній предпочелъ сѣсть на суда и отплыть на островъ Сару. Отправивъ на удачу курьера въ Георгіевскъ, генералъ Завалишинъ просилъ командовавшаго войсками на линіи, генералъ-лейтенанта Глазенапа, прислать ему на островъ Сару какой нибудь шкоутъ съ сухарями и заготовить ихъ въ Сладкоеричной пристани, куда думалъ отплыть съ острова Сары и пробраться потомъ къ Кизляру.

На островѣ Сарѣ положеніе отряда немного улучшилось. Глазенапъ не успѣлъ сдѣлать необходимыхъ заготовленій, и войска ощущали большой недостатокъ въ продовольствіи. Завалишинъ принужденъ былъ торопиться отплытіемъ съ острова, и ровно черезъ мѣсяцъ отрядъ прибылъ въ Кизляръ, гдѣ десантное войско было распущено по своимъ мѣстамъ, полки, бывшіе въ Грузіи, оставлены на линіи, а въ Закавказье Высочайше повелѣно отправить всѣхъ рекрутъ, слѣдующихъ на пополненіе тамошнихъ войскъ и Троицкій мушкетерскій полкъ, совершенно укомплектованный и исправный [1]).

Со смертью князя Циціанова явилось три начальника на Кавказѣ: на линіи—генералъ-лейтенантъ Глазенапъ, а въ Закавказьѣ—генералъ-маіоры Портнягинъ и Несвѣтаевъ. Первый былъ уполномоченъ еще княземъ Циціановымъ, который, выступая въ походъ подъ Баку, назначилъ Портнягина командующимъ остальными войсками въ Закавказьѣ, а генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ признавалъ за собою это право по старшинству въ чинѣ. Пріѣхавъ

[1]) Рескриптъ Глазенапу 22-го марта 1806 г. Военн. Учен. Архивъ, дѣло № 2,416. Предписаніе Глазенапа генералу Портнягину 9-го марта, № 7-й. Письмо графа Ливена Глазенапу 25-го мая. Тифл. Арх. Главн. Шт. Кав. Арм., дѣло № 33.

изъ Памбакъ въ Тифлисъ, Несвѣтаевъ написалъ приказъ о своемъ вступленіи въ командованіе войсками и 8-го марта собралъ совѣтъ для рѣшенія вопроса о предстоявшихъ дѣйствіяхъ, какъ относительно обезпеченія границъ, такъ и внутренняго управленія краемъ [1]). Совѣтъ этотъ не имѣлъ серьезнаго значенія и не могъ постановить никакого опредѣленнаго рѣшенія; никто изъ присутствовавшихъ не имѣлъ свѣдѣнія ни о состояніи края, ни о расположеніи войскъ. Генералъ Портнягинъ въ совѣтѣ не принималъ никакого участія, а канцеляріи главнокомандующаго не было въ Тифлисѣ и потому собравшіеся на совѣщаніе не знали предначертаній правительства. Совѣтъ постановилъ заняться исключительно обезпеченіемъ границъ и продовольствіемъ войскъ. Тогда Портнягинъ отправилъ Глазенапу копію съ предписанія, даннаго ему покойнымъ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ, по которому онъ назначался начальникомъ всѣхъ войскъ, облегающихъ Грузію или, иначе сказать, расположенныхъ въ Закавказьѣ. Руководясь правилами старшинства, Глазенапъ призналъ, однако же, генерала Несвѣтаева временно командующимъ, но оставилъ за собою право давать ему приказанія изъ Георгіевска. Портнягинъ не согласился съ авторитетомъ Глазенапа и не хотѣлъ отказаться отъ власти. Какъ онъ, такъ и Несвѣтаевъ требовали, чтобы начальники частей относились къ нимъ по дѣламъ службы; каждый отдавалъ свои приказанія, дѣлалъ распоряженія и требовалъ ихъ исполненія. Дѣла въ Закавказьѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывались и двойственность власти вела только къ безпорядкамъ. «Въ разсужденіи сего, доносилъ полковникъ Карягинъ [2]), испрашиваю съ обѣихъ сторонъ согласнаго, одного предписанія, къ кому именно относиться, ибо въ службѣ Его Императорскаго Величества долженъ быть одинъ главный начальникъ отдѣленнымъ войскамъ. А какъ я служу Его Величеству и любезному отечеству, какъ сынъ онаго, притомъ желаю общественной пользы, посему за нужное считаю извѣстить ваше превосходительство, что по теперешнимъ

[1]) Предписаніе Несвѣтаева ко всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ частей, отъ 8-го марта 1806 года.

[2]) Несвѣтаеву отъ 16-го марта, № 202. Тифл. Арх. Шт. Кавк. воен. Округа, дѣло № 86.

смутнымъ обстоятельствамъ и по причинѣ смерти князя П. Д. Циціанова нужно единое согласіе и исполненіе всѣхъ его благихъ намѣреній и заведеній. А какъ уже непріятельскія партіи появляются въ границахъ нашихъ и буде узнаютъ разстройство въ начальствѣ нашемъ, то, конечно, причтутъ совершенно слабостямъ нашимъ и потщатся съ большимъ усиліемъ дѣлать грабежи и опустошенія».

Чтобы прекратить раздоры, Императоръ назначилъ генерала Глазенапа временно командующимъ всѣми войсками, впредь до назначенія главнаго начальника всего края.

Отсутствіе единства и строгой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ могло имѣть самыя гибельныя послѣдствія, въ особенности въ краѣ, населенномъ горскими племенами, признававшими власть въ лицѣ одного человѣка и привыкшими считать всѣ предпріятія зависящими единственно отъ того лица, которое приводитъ ихъ въ исполненіе.

Всѣ покорившіеся намъ ханы большихъ и малыхъ владѣній, собственно говоря, не признавали надъ собою власти русскаго правительства и не понимали этого слова. Они покорились русскому *инспектору* князю Циціанову, какъ называли они князя Павла Дмитріевича [1]). Передъ нимъ они ползали, унижались, льстили и его одного боялись. Неизмѣнное слово его было для всѣхъ закономъ, и самъ князь Циціановъ въ глазахъ тѣхъ же хановъ былъ именно то, что они называли Россіей. Такой узкій взглядъ былъ причиною измѣнническаго поступка бакинскаго хана, человѣка, по тамошнему, умнаго и близко знакомаго князю Циціанову. Если бы Хуссейнъ-ханъ сознавалъ, что со смертію *инспектора* онъ не избавится отъ покорности Россіи и что явится другой точно такой же главнокомандующій, то, конечно, не рѣшился бы на столь коварный поступокъ. Хуссейнъ посягнулъ на жизнь князя Циціанова въ полномъ убѣжденіи, что съ его смертью прекратится и всякая зависимость хана отъ Россіи.

Точно такихъ же убѣжденій были всѣ прочіе ханы, и вотъ

[1]) Въ мусульманскихъ провинціяхъ и въ Персіи подъ именемъ *инспектора* извѣстенъ былъ изъ всѣхъ главнокомандующихъ только одинъ князь Циціановъ.

причина, почему происшествіе подъ Баку съ быстротою молніи разнеслось по всему Закавказью и во многихъ мѣстахъ было ознаменовано торжественнымъ празднествомъ.

Сіе происшествіе, сказано въ запискѣ, приложенной къ всеподданнѣйшему докладу [1]), долженствовало необходимо произвесть чувствительное вліяніе на умы азіятскихъ народовъ, привыкшихъ къ необузданности, которые взираютъ съ завистью на утверждающуюся между ними власть россійскую и которые съ отвращеніемъ, рождаемымъ разностью нравовъ и религій, повинуются чужестранной власти, или боятся подпасть подъ оную, будучи къ тому побуждаемы съ одной стороны силою оружія, съ другой—собственными ихъ неустройствами и междоусобными враждами.»

Пользуясь временнымъ замѣшательствомъ въ администраціи края, всѣ владѣльцы встрепенулись и готовы были уклониться отъ зависимости, наложенной на нихъ нашимъ правительствомъ. Въ числѣ первыхъ лицъ, явно выказавшихъ свое недоброжелательство къ Россіи, былъ имеретинскій царь Соломонъ.

Присоединивъ Имеретію противъ желанія Соломона, мы пріобрѣли въ лицѣ его тайнаго врага, готоваго на всѣ хитрости, козни и коварства, лишь бы только возстановить свою прежнюю самостоятельность. Склонность имеретинъ ко всякого рода перемѣнамъ была причиною, что и отъ самаго народа непоколебимой вѣрности ожидать было невозможно. Въ Имеретіи не было того, что мы привыкли подразумѣвать подъ словомъ *народное единство*; каждый шелъ врознь и заботился о собственномъ благосостояніи. Отъ этого происходило, что тотъ, кто былъ преданъ намъ сегодня, могъ быть заклятымъ врагомъ завтра. Въ князьяхъ всего царства мы встрѣтили, по словамъ современника, «предателей и измѣнниковъ, готовыхъ себя оказать таковыми при первомъ удобномъ случаѣ»; въ народѣ—людей привыкшихъ къ грабительству и присвоенію чужой собственности, людей забитыхъ, угнетенныхъ и неимѣвшихъ достаточной твердости, чтобы заявить желаніе о перемѣнѣ къ лучшему своей участи.

Зная характеръ народа и предательство князей, генералъ-маіоръ

[1]) Отъ 16-го апрѣля 1806 г. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Рыкгофъ, находившійся въ то время въ Имеретіи, тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти князя Циціанова и о неудачѣ его подъ Баку, занялъ однимъ баталіономъ Бѣлевскаго полка Кутаисъ, столицу Имеретіи, и мѣстечко Марани, гдѣ находился нашъ провіантскій магазинъ [1]).

Предположенія Рыкгофа скоро оправдались. Смерть князя Павла Дмитріевича и сомнительное положеніе дѣлъ нашихъ относительно Порты подавали большія надежды Соломону на возможность возстановить свою независимость и отдѣлиться отъ Россіи. Въ Имеретіи дѣла запутывались. Генералъ Рыкгофъ, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, былъ мало способенъ «какъ духомъ, такъ и тѣломъ къ военнымъ дѣйствіямъ» и энергическимъ мѣрамъ. Соломонъ и его приближенные видѣли это и пользовались случаемъ. Царь прекратилъ сношеніе съ русскими, не отвѣчалъ на письма начальствующихъ лицъ, не думалъ назначать депутатовъ къ Высочайшему двору, а говорилъ, что пошлетъ въ Петербургъ одного изъ своихъ довѣренныхъ и не иначе какъ въ качествѣ посланника. Не ограничиваясь этимъ и не скрывая уже своего недоброжелательства къ Россіи, имеретинскій царь портилъ дороги, заваливалъ ихъ засѣками, прервалъ сообщеніе съ Мингреліею, и намѣренъ былъ атаковать Кутаисъ.

Онъ успѣлъ заставить многихъ князей присягнуть ему и дать обѣщаніе вооружить своихъ людей для нападенія на столицу Имеретіи. Отъ грузинскаго царевича Александра явился посланный, который, склоняя Соломона къ возстанію, говорилъ, что если царь будетъ дѣйствовать противъ русскихъ, то ахалцыхскій паша пришлетъ ему въ помощь лезгинъ. Соломонъ собиралъ ополченіе и подготовлялъ запасы продовольствія; его агенты разъѣзжали по селеніямъ, волновали имеретинъ и въ особенности жителей Леч-

[1]) Въ подробностяхъ Бѣлевскій полкъ былъ расположенъ: гренадерскій баталіонъ и два орудія, въ которыхъ было 21 офицеръ и 457 человѣкъ нижнихъ чиновъ, находился въ Кутаисѣ; три мушкетерскія роты: 10 офицеровъ и 306 нижнихъ чиновъ въ м. Марани; три роты съ четырьмя орудіями, 12 офицеровъ, 210 человѣкъ нижнихъ чиновъ, въ Редутъ-Кале. Одна рота: три офицера, 83 рядовыхъ въ крѣпости Рухѣ, на абхазской границѣ. Одна рота: четыре офицера, 117 рядовыхъ въ Лечгумѣ и Лайлашѣ (Рыкгофъ Несвѣтаеву, 2-го апрѣля, № 181, дѣло № 309).

гума. Посланные царя увѣряли послѣднихъ, что Соломонъ заставитъ русскія войска оставить Имеретію и тогда разоритъ всѣхъ ему противящихся. Вся Имеретія волновалась и положеніе русскихъ войскъ становилось весьма затруднительнымъ. Запасъ продовольствія въ Бѣлевскомъ полку приходилъ къ концу, а подвозъ провіанта изъ Тифлиса сопряженъ былъ съ большими трудностями; на доставку же его моремъ черезъ Поти также разсчитывать было нечего: комендантъ потійской крѣпости просилъ 500 голандскихъ червонцевъ за то только, чтобы дозволить выгрузить нашъ хлѣбъ, привезенный въ Поти [1]). Оставалось одно средство: покупать хлѣбъ на мѣстѣ, но и этотъ источникъ скоро изсякъ, такъ какъ царь запретилъ привозить его въ городъ и продавать нашимъ войскамъ. Генералъ Рыкгофъ требовалъ, чтобы Соломонъ, на основаніи заключеннаго трактата, доставилъ положенное количество провіанта, но царь отказался это исполнить.

— Выведите войска изъ Кутаиса, говорилъ онъ, и поставьте ихъ въ другое мѣсто, тогда доставлю все необходимое.

Но какъ было возможно оставить столицу Имеретіи, когда баталіонъ Бѣлевскаго полка, шедшій изъ Хони въ Кутаисъ, имѣлъ уже перестрѣлку съ войсками Соломона, перестрѣлку, вслѣдствіе которой двинуты были къ границамъ Имеретіи войска изъ Карталиніи [2]).

Поступки Соломона, по необходимости, должны были, до времени, оставаться безнаказанными, въ виду тѣхъ волненій, которыя происходили почти повсемѣстно. Прилежавшіе къ Карталиніи осетины волновались и отказывались отъ повиновенія; ахалцыхскій паша покровительствовалъ хищническимъ набѣгамъ лезгинъ, давалъ имъ убѣжище, и границы Грузіи были въ постоянной опасности. Со стороны Персіи собирались значительныя толпы вооруженныхъ и замѣтны были еще большія приготовленія. Дагестанцы, владѣнія которыхъ прилегали къ Кахетіи, имѣя постоянныя сношенія съ Баба-ханомъ, готовились черезъ Нуху вторгнуться въ предѣлы Грузіи и хвалились тѣмъ, что завладѣютъ всею Ганжею.

[1]) Рапортъ Рыкгофа генералу Несвѣтаеву 20-го мая, № 112. Тифлисскій Архивъ, дѣло № 309.

[2]) Предписаніе Глазенапа Портнягину 19-го апрѣля, № 97. Тамъ же.

— Пусть жители Ганжи (Елисаветполя), говорили они нашему посланному, готовятся быть нашими рабами.

Ни увѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали на джаро-бѣлоканцевъ. Видя ничтожность русскихъ силъ въ Закавказьѣ и кичась помощью, полученною отъ Сурхай-хана кизикумухскаго, они разсчитывали на многое и продолжали грабить жителей окрестныхъ селеній. Разбросанное положеніе нашихъ войскъ и обширность границы, проходившей по хребтамъ горъ, изрытыхъ множествомъ глубокихъ ущелій, покрытыхъ лѣсомъ, дозволяли партіямъ хищниковъ вторгаться безнаказанно въ наши владѣнія. Мѣстность, способствовавшая къ совершенному отрѣзанію постовъ, требовала съ нашей стороны, въ обезпеченіе отъ прорыва хищниковъ, или составленія самостоятельныхъ отрядовъ, или образованія особыхъ резервовъ, могущихъ подать помощь тѣмъ сторожевымъ постамъ, которые будутъ въ томъ нуждаться. Закавказскому начальству не представлялось возможнымъ сдѣлать ни того, ни другаго. Большая часть полковъ была некомплектна и неподвижна за неимѣніемъ обоза и лошадей, убыль которыхъ была такъ значительна, что во многихъ казачьихъ полкахъ половина людей была спѣшена. Къ тому же, самое расположеніе войскъ въ Закавказьѣ находилось въ полной зависимости отъ продовольствія, покупаемаго, почти исключительно, въ Карскомъ пашалыкѣ. Въ началѣ 1806 года войска ощущали недостатокъ въ продовольствіи, потому что въ Турціи распространилась заразительная болѣзнь, затруднявшая сношенія между жителями и почти прекратившая возможность пріобрѣтать хлѣбъ. Въ обезпеченіе отъ прорыва заразы въ наши предѣлы, мѣстное начальство принуждено было устроить карантины и учредить новые посты, а слѣдовательно, усилить сторожевую службу войскъ, и безъ того обремененныхъ и изнуренныхъ. Хотя въ Грузію и отправленъ былъ съ линіи Троицкій мушкетерскій полкъ [1]), но, считая прибавку одного полка слишкомъ недостаточною для защиты края, Глазенапъ просилъ разрѣшенія командировать туда еще одинъ пѣхотный и два донскихъ казачьихъ полка.

[1]) Полкъ этотъ, подъ начальствомъ своего шефа, генералъ маіора Небольсина, вступилъ въ Тифлисъ 13-го мая 1806 года.

Между тѣмъ, политическія событія въ Европѣ отвлекали вниманіе правительства въ иную сторону, такъ что дѣятельность наша въ Азіи и у подошвы Кавказскихъ горъ, становилась второстепенною. Участіе, которое принимала Россія въ дѣлахъ Европы, привлекало все наше вниманіе къ западной границѣ, вблизи которой, въ короткое время, произошли весьма крупныя событія. Въ то время часть русскихъ войскъ находилась уже въ Германіи, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовала война между Франціею и Австріею. Несчастія, постигшія Австрію, въ продолженіе съ небольшимъ двухъ мѣсяцевъ, потеря всей австрійской арміи и занятіе столицы непріятелемъ, произвели совершенное разстройство во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Храбрость русскихъ войскъ не могла спасти Австріи, стоявшей на краю гибели. Претерпѣвая во всемъ недостатокъ и перенося всѣ трудности, наши войска хотя и боролись съ успѣхомъ, но, вынужденныя сразиться со всею французскою арміею, успѣвшею соединиться между Брюномъ и Ольмюцомъ, близъ Аустерлица, должны были уступить превосходной силѣ непріятеля, имѣвшаго на своей сторонѣ всѣ выгоды позиціи. Будучи личнымъ свидѣтелемъ подвиговъ русской арміи и видя причины, заставившія ее уступить многочисленному врагу, австрійскій императоръ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости прекратить военныя дѣйствія.

Между Австріею и Франціею заключено было перемиріе на 24 часа, которое потомъ, послѣ свиданія австрійскаго императора съ Наполеономъ, было продолжено, съ условіемъ, чтобы русскія и французскія войска одновременно выступили изъ австрійскихъ владѣній. По своему обыкновенію, Бонапарте нарушилъ данныя обязательства и заставилъ Австрію подписать мирныя условія, по которымъ она лишилась Тироля и всѣхъ Венеціанскихъ областей. Истрія и Далмація присоединены къ королевству Итальянскому, и, такимъ образомъ, владѣнія Наполеона становились пограничными съ Портою.

Не было никакого сомнѣнія, что Франція воспользуется всѣми выгодами такого сосѣдства. Можно было предвидѣть, что Порта, устрашенная угрозами Наполеона, или обольщенная обѣщаніемъ возвратить ей области, потерянныя во время войнъ съ Россіею,

перейдетъ на сторону Франціи и, не смотря на всѣ наши старанія сохранить съ турецкимъ правительствомъ доброе согласіе, оно посягнетъ на поднятіе противъ насъ оружія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ положеніе главнокомандующаго на Кавказѣ могло быть весьма затруднительнымъ. Въ виду продолжающейся войны съ Персіею, ему пришлось бы бороться одновременно съ двумя непріятелями: персіянами и турками.

Предвидя возможность подобныхъ обстоятельствъ, петербургскій кабинетъ предлагалъ еще князю Циціанову привести къ скорѣйшему окончанію внутреннія дѣла края и если представится возможность, то заключить миръ съ Баба-ханомъ и даже стараться привлечь его на свою сторону, для дѣйствія противъ турокъ [1]). Скорое осуществленіе подобнаго желанія было не въ силахъ главнокомандующаго. По тогдашнему положенію края, несвязаннаго прочно съ Россіею, по состоянію политическихъ дѣлъ и боевыхъ средствъ, нельзя было не видѣть, что Баба-ханъ не согласится на заключеніе выгодныхъ для насъ условій мира до тѣхъ поръ, пока вновь не испытаетъ сильнаго пораженія, нанесеннаго ему нашими войсками. Напротивъ, по всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ извѣстно было, что властитель Персіи собираетъ значительныя войска, съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши границы, защищенныя небольшими отрядами русскихъ войскъ. Протянувъ свои войска отъ Баку вдоль по Курѣ и Араксу до Эриванской области, Баба-ханъ намѣренъ былъ самъ съ нѣсколькими отрядами вступить въ Елисаветпольскій округъ, Карабахское и Нухинское (Шекинское) ханства, а сына своего Аббасъ-мирзу, вмѣстѣ съ царевичемъ Александромъ, отправить въ Памбаки и Шурагель Призванные къ оружію лезгины должны были въ то же время атаковать русскія войска, расположенныя вдоль рѣки Алазани.

Въ апрѣлѣ значительное число персидскихъ войскъ собралось въ Талынѣ, съ намѣреніемъ напасть на Шурагельскую провинцію. Не рѣшаясь дѣйствовать открыто, они ограничивались разбойничьимъ нападеніемъ на отдѣльныя селенія шурагельскихъ жите-

[1]) Письмо князя Чарторижскаго князю Циціанову 14-го февраля 1806 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806—1815, № 3.

лей. Тогда находившійся вблизи этого сборища полковникъ Симоновичъ, съ тремя стами человѣкъ пѣхоты, сотнею казаковъ и съ нѣкоторымъ числомъ татарской конницы, выступилъ ночью, 19-го апрѣля, пошелъ форсированнымъ маршемъ въ Талынь, куда и прибылъ на разсвѣтѣ. Персіяне, узнавшіе о его движеніи, не рѣшились принять боя и бѣжали къ Эривани. Вслѣдъ затѣмъ, 29-го апрѣля, отрядъ персіянъ, въ числѣ семисотъ человѣкъ, показался въ виду разореннаго селенія Суханъ-верды и угналъ гумринскій скотъ. Посланный, подъ начальствомъ Кавказскаго гренадерскаго полка маіора Шмидта, отрядъ догналъ непріятеля, взялъ девять человѣкъ въ плѣнъ, отбилъ весь скотъ, 120 лошадей и много разныхъ военныхъ доспѣховъ.

Сосредоточеніе въ нѣсколькихъ пунктахъ вблизи нашихъ границъ персидскихъ войскъ и появленіе, одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, среди магометанскаго населенія, фирмановъ Бабахана, призывавшихъ къ единодушному соединенію противъ русскихъ, показывали, что властитель Персіи имѣлъ въ виду не одни только внѣшнія военныя дѣйствія, но намѣренъ былъ возстановить враговъ и въ нѣдрахъ Грузіи, среди ея многочисленныхъ поклонниковъ Магомета. При тогдашнемъ безначаліи въ Закавказьѣ и отсутствіи единства власти, внутренніе враги пріобрѣтали гораздо большее значеніе, чѣмъ внѣшнія ополченія.

Временно командовавшій войсками генералъ Несвѣтаевъ просилъ о присылкѣ новыхъ силъ и доносилъ, что въ самой Грузіи начались волненія отъ распространенія ложныхъ слуховъ.

Въ Тифлисъ пріѣхалъ поручикъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка князь Романъ Багратіонъ, родной братъ князя Петра Ивановича Багратіона, бывшаго впослѣдствіи, въ 1809 году, главнокомандующимъ на Дунаѣ, и умершаго отъ раны, полученной въ 1812 году въ Бородинскомъ сраженіи. Разсказывая всѣмъ, будто пріѣхалъ по порученію Императора Александра, для улучшенія быта грузинскаго народа, князь Багратіонъ сталъ дурно отзываться о начальствовавшихъ лицахъ, говорилъ, что князь Циціановъ дѣйствовалъ произвольно и вопреки желаніямъ Императора.

Разсказы молодаго князя, только что пріѣхавшаго изъ столицы, взволновали грузинъ, съѣхавшихся въ Тифлисъ для новыхъ дво-

рянскихъ выборовъ. Многіе повѣрили на слово юному гусару, и между собравшимися начались сходки, тайныя совѣщанія и подписки. Въ короткое время образовались двѣ враждебныя партіи, и ссора между ними дошла до драки, едва не кончившейся смертоубійствомъ. Нѣкоторые болѣе благоразумные князья, обращались къ правителю Грузіи, прося разъясненія причины тайныхъ совѣщаній и сборищъ. Князья эти заявили, что довольны русскимъ правленіемъ, что не желаютъ ни о чемъ просить Государя Императора, и что будутъ «довольны всѣмъ, что онъ своею благостію и неизреченнымъ правосудіемъ указать изволитъ» [1]).

Народъ, незнавшій, о чемъ спорятъ князья и дворяне, выводилъ свои заключенія, часто нелѣпыя, и началъ волноваться. Генералъ Несвѣтаевъ призналъ необходимымъ выслать князя Багратіона изъ Грузіи, но, при отъѣздѣ своемъ, юноша успѣлъ, однакоже, взять съ собою прошеніе нѣкоторыхъ грузинскихъ князей и дворянъ на имя князя Петра Ивановича Багратіона. Въ прошеніи этомъ подписавшіеся просили:

1) Производить судъ въ Грузіи по обычаямъ страны, «поелику, говорили они, не вѣдаемъ мы ни языка россійскаго, ниже грамоты».

2) Уничтожить капитанъ-исправниковъ, а казенныя селенія передать въ управленіе грузинскихъ князей, наименовавъ ихъ, по прежнему, моуравами, съ тѣмъ, чтобы моуравствами владѣла одна фамилія, по праву наслѣдства.

3) Права и преимущества грузинскихъ князей и дворянъ сравнять съ русскими князьями и дворянами.

4) Назначить пенсіи, и въ томъ же размѣрѣ, тѣмъ князьямъ, которые получали ихъ при грузинскихъ царяхъ, а остальнымъ, всѣмъ безъ исключенія, опредѣлить также содержаніе по достоинству каждаго.

5) Благородныхъ отличить какимъ либо знакомъ, «дабы солдаты признавали за благороднаго и не могли причинять обиды».

6) Освободить арестованныхъ по разнымъ случаямъ.

---

[1]) Рапортъ правителя Грузіи министру внутреннихъ дѣлъ 16-го іюля 1806 года.

7) Не судить уголовными законами воровъ, а судить по законамъ царя Вахтанга.

8) Давать провіантъ грузинскимъ войскамъ наравнѣ съ русскими.

9) Поспѣшить назначеніемъ главнокомандующаго, «ибо непріятели уже пробрались внутрь границъ» [1]).

Молва о присылкѣ князя Багратіона, такъ сказать, для провѣрки дѣйствій кавказскаго начальства, быстро распространилась по всей Грузіи и даже зашла за ея предѣлы. Многіе изъ подвластныхъ ей горскихъ племенъ, надѣясь на льготы и новыя милости, также заявляли свои претензіи и волновались. Въ числѣ первыхъ были хевсуры. Недовольные своимъ моуравомъ, они выгнали его изъ своихъ владѣній и сдѣлали двукратное нападеніе на постъ Тіонетскій, состоявшій изъ двухъ ротъ, при одномъ орудіи. Нападеніе это, оставленное безъ наказанія, «по причинѣ проходовъ и мѣстоположеній, ихъ защищающихъ», ободрило хевсуръ. Заявивъ, что не желаютъ имѣть при себѣ ни моурава, ни пристава, они дѣлали набѣги, соединяясь съ другими бунтующими и сосѣдними имъ народами. Въ огражденіе отъ подобныхъ нападеній, по всѣмъ входамъ и выходамъ изъ ущелій, были поставлены наши войска, и хевсуры очутились запертыми въ своихъ безплодныхъ горахъ и въ своей дикой мѣстности. Они пришли въ крайнюю бѣдность, претерпѣвали недостатокъ въ хлѣбѣ и соли, получаемыхъ ими изъ Грузіи [2]). Выгоняя прежде скотъ свой для пастьбы въ зимнее время въ Грузію, хевсуры принуждены были теперь оставлять его въ своихъ горахъ. Отъ холода и сильной стужи скотъ падалъ, но туземцы, не смотря на то, что терпѣли недостатокъ почти во всемъ самомъ необходимомъ, не просили прощенія. Страхъ наказанія и боязнь имѣть начальника не по своему избранію останавливали всякое побужденіе ихъ къ покорности. Послѣ нападенія хевсуръ, 6-го апрѣля, на Тіонетскій постъ, гдѣ они были разбиты, правитель Грузіи вошелъ съ ними въ переговоры. Предложеніе выбрать самимъ себѣ моурава было принято

[1]) Прошеніе грузинскихъ князей 16-го іюня. Тифлисскій Архивъ.

[2]) Рапортъ правителя Грузіи министру внутреннихъ дѣлъ, 16-го іюня, № 637.

хевсурами съ радостью. Отправивъ тотчасъ же своихъ старшинъ въ Тифлись, они просили назначить имъ моуравомъ князя Ивана Челокаева [1]); разрѣшить свободный проѣздъ въ Грузію и возвратить имъ виноградный садъ въ Кахетіи, который былъ переданъ въ ихъ собственность грузинскими царями, а потомъ отобранъ въ казну, и приносилъ 160 руб. ежегоднаго дохода.

Императоръ Александръ приказалъ удовлетворить всѣ просьбы хевсуръ и утвердить князя Челокаева моуравомъ [2]).

Всѣ эти происшествія требовали скорѣйшаго назначенія на Кавказъ главнаго начальника, который бы единолично управлялъ дѣлами края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо было укомплектовать войска, находившіяся на линіи и въ Закавказьѣ, такъ какъ, по мнѣнію министра иностранныхъ дѣлъ, «ни въ какомъ случаѣ, а наипаче при теперешнихъ сомнительныхъ расположеніяхъ Порты Отоманской, не должно помышлять объ оставленіи пріобрѣтенныхъ въ Персіи и Грузіи завоеваній» [3]). Укомплектованіе это необходимо было произвести не рекрутами, для обученія которыхъ пришлось бы отдѣлить еще часть дѣйствующихъ силъ, а готовыми старыми солдатами, или командированіемъ новыхъ полковъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и казачьихъ. Императоръ приказалъ на укомплектованіе полковъ, находившихся въ Грузіи, употребить нижнихъ чиновъ изъ гарнизоновъ кавказской инспекціи и изъ гарнизонныхъ баталіоновъ Саратовскаго и Симбирскаго. До тѣхъ же поръ, пока войска не укомплектуются окончательно или не прибудутъ свѣжія, рѣшено было употреблять деньги, которыя всегда имѣли большое дѣйствіе въ Персіи [4]).

Не меньшая необходимость была и въ томъ, чтобы флотилія на Каспійскомъ морѣ была также приведена въ должный видъ и могла бы служить какъ поддержкою для сухопутныхъ войскъ, такъ

---

[1]) Уволеннаго отъ службы за самовольную отлучку.

[2]) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ графу Гудовичу, 12-го октября, № 2,081.

[3]) Всеподданнѣйшій докладъ 30-го апрѣля. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1—13-й, № 2-й.

[4]) Князю Циціанову на такое употребленіе было отпущено въ сентябрѣ 1805 года 200,000 руб.

и для наблюденія за господствомъ русскаго флага и за тѣмъ, чтобы на Каспійскомъ морѣ не было ни одного вооруженнаго персидскаго судна, даже и въ томъ случаѣ, если бы заключенъ былъ миръ съ этою державою. Относительно послѣдняго рѣшено было, подъ благовиднымъ предлогомъ, открыть переговоры съ Баба-ханомъ; согласиться даже на признаніе его шахомъ, но съ тѣмъ, чтобы границею между обѣими державами были признаны рѣки Кура и Аракъ. Имѣя въ виду религіозную вражду, существовавшую между персіянами и турками, наше правительство надѣялось, при успѣшномъ ходѣ переговоровъ, убѣдить тегеранскій дворъ дѣйствовать съ нами заодно противъ турокъ, если бы послѣдніе открыли непріязненныя дѣйствія противъ Россіи.

Для приведенія въ исполненіе всѣхъ предположеній правительства, было избрано лицо, бывшее на Кавказѣ и нѣсколько знакомое съ положеніемъ тамошняго края. Высочайшимъ приказомъ, 2-го іюня, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ назначенъ главнокомандующимъ на Кавказской линіи и въ Грузіи.

Положеніе вновь ввѣреннаго ему края было далеко не то, какимъ онъ оставилъ его въ концѣ прошлаго столѣтія. Русское владычество не ограничивалось уже одною Кавказскою линіею, но распространилось и въ Закавказьѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Россія владѣла въ новоприобрѣтенныхъ земляхъ и ханствахъ, не считая Грузіи, населеніемъ, доходившимъ до 120,000 дворовъ [1]). Населеніе это почти въ шесть разъ превышало населеніе Грузіи, а пространство новоприобрѣтенныхъ земель было въ три раза болѣе ея протяженія. Территорія всѣхъ вообще завоеваній нашихъ, начиная отъ береговъ Чернаго моря и до Баку, имѣла около 700 верстъ длины, а отъ Дарьяла до Карабагскихъ предѣловъ до 350 верстъ поперечника. Обильная природа этихъ областей давала полную надежду въ будущемъ на богатую разработку хлѣбо-

[1]) По современнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, насчитывалось: въ Джаро-Бѣлоканахъ 8,000 дворовъ, въ Мингреліи 15,000 дворовъ, въ Ганжинской области до 8,000 дворовъ, въ Имеретіи до 40,000 дворовъ, въ Карабагѣ до 4,000 дворовъ, въ ханствахъ: Шекинскомъ (Нухинскомъ) до 20,000 дворовъ, Шемахинскомъ (Ширванскомъ) до 25,000 дворовъ и въ Шурагельской провинціи 2,000 дворовъ (Арх. М. И. Д. 1—13, № 2-й).

пашества, шелководства, винодѣлія и ожидала только рукъ и внутренняго спокойствія населенія, весьма разнохарактернаго по образу жизни и скорѣе преданнаго военному ремеслу, чѣмъ мирнымъ сельскимъ занятіямъ.

По числу населенія всегда можно опредѣлить приблизительно количество вооруженныхъ людей. Въ Азіи, въ этомъ отношеніи, считаютъ на каждый дворъ одного человѣка, годнаго нести оружіе. По этому разсчету число вооруженныхъ надо было предполагать въ 120,000 человѣкъ, а включая сюда и Грузію, выходило, что всѣ завоеванныя области могли выставить болѣе 140,000 воиновъ.

Эта, такъ сказать, земская сила раздѣлялась на три части: 1) на явно противную интересамъ Россіи, 2) на подозрительную и 3) на бездѣйственную.

Къ первой принадлежали осетины, жившіе въ Грузіи, татары, обитавшіе въ Памбакахъ и Борчалахъ, и лезгины Джаро-Бѣлоканскаго округа, народъ необузданный, дикій, привыкшій къ своевольной жизни. Союзниками ихъ были: Сурхай-ханъ казыкумухскій, дагестанскія независимыя общества и сосѣди ихъ, шекинскіе жители.

Ахметъ-ханъ аварскій вступилъ въ подданство въ 1802 году, по смерти отца своего Омаръ-хана, злѣйшаго непріятеля Грузіи. Онъ былъ молодъ и не имѣлъ власти въ народѣ, незнавшемъ повиновенія и по произволу своему соединявшемся съ непріятелями Россіи. Недостатокъ военныхъ силъ и крѣпкія мѣста, въ которыхъ жили лезгины, его подданные, лишали всякой возможности наказывать ихъ за производимые грабежи, такъ что къ обузданію ихъ не было другаго способа, какъ деньги и терпѣніе.

Умный каракайдакскій Абдулъ-бекъ и кадій табасаранскій, вступившіе также въ 1802 году въ подданство, мало подавали надежды къ выполненію своихъ новыхъ обязанностей. Вообще, подданство горскихъ народовъ можно было считать только наружнымъ и нимало не дѣйствительнымъ. Изъ знатнѣйшихъ дагестанскихъ владѣльцевъ Сурхай-ханъ-хамбутай казыкумухскій былъ одинъ непокорившійся русскому оружію. Благоразуміе и храбрость его привлекли къ нему почтеніе всѣхъ горскихъ народовъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
576725

Въ подозрительную часть населенія входили татары казахскіе, Имеретія, ханства Шемахинское (Ширванское) и Шекинское (Нухинское). Первые два народа по опыту оказались двуличнаго поведенія, а послѣдніе, по постоянному ихъ сношенію съ горцами и недавнему подданству, не могли быть причислены къ тѣмъ, на которыхъ можно было положиться. Имеретинскій царь Соломонъ, человѣкъ недовѣрчивый, двуличный, нѣсколько разъ показывалъ уже недоброжелательство къ Россіи. Главная причина неудовольствій его на наше правительство лежала въ давнишней враждѣ между Имеретіею и Мингреліею, изъ которыхъ послѣдняя заступничествомъ Россіи была избавлена отъ притѣсненій имеретинскаго царя. Наконецъ, въ число подозрительныхъ надо отнести и Шихъ-Алихана дербентскаго, человѣка коварнаго, честолюбиваго, на подданство котораго нельзя было разсчитывать до тѣхъ поръ, пока не будетъ русскаго гарнизона въ Дербентѣ. Непріятель его, Мустафаханъ ширванскій (шемахинскій), человѣкъ честолюбивый и дѣятельный, былъ издавна недоброжелателенъ Россіи и принужденъ покориться ей силою оружія. Будучи однимъ изъ сильнѣйшихъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ сосѣдей, а потому, какъ человѣкъ коварный, обращалъ на себя особое вниманіе нашего правительства.

Грузія и Мингрелія въ большинствѣ своемъ были, конечно, преданы Россіи и составляли часть бездѣйственную. Опытъ прошедшихъ лѣтъ показалъ, однако же, что грузины, не смотря на ихъ усердіе, неспособны къ содѣйствію регулярнымъ войскамъ, по свойственному имъ непослушанію, безпорядку и привычкѣ къ своеволію. Наконецъ, малое населеніе и слабость хана карабагскаго (шушинскаго) заставляли также и его включить въ часть бездѣйственную. Мегдій-шамхалъ тарковскій, предки котораго издревле находились въ россійскомъ подданствѣ, былъ преданнѣйшимъ изъ горскихъ владѣльцевъ. Если бы съ силами и выгодами его положенія соединены были личныя достоинства, которыхъ онъ не имѣлъ, то усердіе этого владѣльца могло бы быть весьма полезно для дѣлъ того края; но, при тогдашнемъ положеніи шамхала, о немъ можно было сказать только то, что онъ безвреденъ русскому правительству.

Такимъ образомъ, главнокомандующій не могъ разсчитывать не только на содѣйствіе войскамъ со стороны мѣстныхъ жителей, но, напротивъ того, долженъ былъ зорко слѣдить за самымъ населеніемъ и, въ случаѣ волненій, употреблять на усмиреніе его тѣ незначительныя силы, которыя, находясь въ его распоряженіи, оставались свободными отъ внѣшнихъ дѣйствій съ непріятелемъ.

Число нашихъ войскъ, находившихся въ Закавказьѣ, состояло тогда изъ девяти пѣхотныхъ, одного драгунскаго, пяти казачьихъ полковъ и одного баталіона артиллеріи въ 48 орудій, состоявшаго изъ двухъ ротъ батарейныхъ и двухъ легкихъ [1]).

Войска эти должны были охранять границы и внутреннія сообщенія въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи, защищать Памбаки, Елисаветполь, Маданское ущелье противъ Дагестана, Александровскій редутъ и другіе пункты, лежащіе по р. Алазани. Ханства карабагское, шекинское и урочище Джаватъ, гдѣ Араксъ сливается съ Курою, также не могли быть оставлены безъ охраны русскихъ войскъ, присутствіе которыхъ тамъ было вполнѣ необходимо для удержанія въ страхѣ Персіи и Дагестана.

Занявъ всѣ эти пункты самымъ необходимымъ и ограниченнымъ числомъ войскъ, главнокомандующій, въ случаѣ надобности, могъ составить отдѣльный отрядъ, ни въ какомъ случаѣ не превышающій двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ. Это послѣднее число и составляло, можно сказать, всю боевую силу, съ которою онъ долженъ былъ отражать непріятельскія нападенія; остальныя войска были заняты гарнизонною и сторожевою службами. Вѣрность такого вывода доказывается всѣми экспедиціями, при которыхъ были сами главнокомандующіе. Такъ, въ эриванской экспедиціи въ отрядѣ князя Циціанова было около 3,000 человѣкъ, въ экспедиціи его

[1]) Полки эти были: Кавказскій гренадерскій; мушкетерскіе: Кабардинскій, Тифлисскій, Севастопольскій, Саратовскій и Троицкій; егерскіе: 9-й, 15-й и 17-й полки, Нарвскій драгунскій и 7-й артиллерійскій баталіонъ, изъ котораго, согласно положенію, утвержденному 23-го августа 1806 г., сформирована Кавказская и Грузинская артиллерійскія бригады. *На Кавказской линіи* находились полки: драгунскіе: Владимірскій, Таганрогскій, Нижегородскій и Борисоглѣбскій; мушкетерскіе: Суздальскій, Херсонскій, Вологодскій, Казанскій и 16-й егерскій.

же въ 1805 году было только 1,200 чел., а въ послѣдней экспедиціи подъ Баку находилось 1,379 человѣкъ.

Это ничтожное число войскъ составляло защиту весьма обширнаго театра дѣйствій.

За пограничной чертой и за рѣками Курою и Араксомъ находились владѣнія хановъ: эриванскаго, нахичеванскаго, талышенскаго, тавризскаго, карадагскаго, хойскаго и шагахскаго. Мехмедъ-ханъ эриванскій извѣстенъ былъ намъ какъ человѣкъ двуличный и недоброжелательный Россіи. Въ 1804 году онъ обѣщалъ сдать свою крѣпость и русскимъ, и персіянамъ, но ни тѣхъ, ни другихъ не впустилъ въ Эривань, придерживаясь персидской политики, которая состоитъ въ томъ, чтобы оправдаться передъ тѣмъ кто рѣшительно одолѣетъ своего непріятеля.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, посланныя Баба-ханомъ войска успѣли захватить Мехмедъ-хана въ свои руки со всѣмъ семействомъ и отвезли въ Тегеранъ въ заключеніе.

Союзникъ Мехмедъ-хана, съ которымъ онъ находился въ искренней дружбѣ, Кіалъ-балы-ханъ нахичеванскій, былъ однимъ изъ самыхъ благоразумнѣйшихъ хановъ Персіи, хотя также нерасположенный къ Россіи.

Миръ-Мустафа-ханъ талышенскій—человѣкъ, соединявшій съ глупостью двуличность. Незначительность его владѣній дѣлала его ничего незначащимъ въ Персіи. Хотя Миръ-Мустафа и находился съ давнихъ поръ подъ покровительствомъ Россіи, хотя онъ получалъ отъ насъ нѣсколько разъ помощь и убѣжище на военномъ фрегатѣ, стоявшемъ у Энзелинскаго залива, но все это не помѣшало ему, однако же, во время эриванской экспедиціи князя Циціанова, дать Баба-хану въ помощь свои войска, дѣйствовавшія противъ русскихъ.

Остальные ханы хотя и могли считаться намъ преданными, но за то не имѣли никакого значенія въ Персіи.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее положеніе страны, легко замѣтить, что протяженіе границы вновь присоединенныхъ земель было весьма обширно и несоразмѣрно съ числомъ военныхъ силъ, занимавшихъ и охранявшихъ эти владѣнія. Правда, что большинство хановъ и владѣтелей,

какъ покоренныхъ русскимъ оружіемъ, такъ и находившихся во власти Персіи, далеко не было расположено въ Баба-хану, а скорѣе ненавидило его, тѣмъ не менѣе положеніе войскъ и главнокомандующаго было затруднительно, потому что почти каждый владѣлецъ хлопоталъ о своей независимости и всегда готовъ былъ уклониться отъ подданства и принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Затрудненіе увеличивалось еще и тѣмъ, что петербургскій кабинетъ, соображаясь съ политическимъ положеніемъ Россіи относительно европейскихъ державъ, твердо рѣшился не подкрѣплять вовсе или очень мало войска, находящіяся въ Грузіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ сохранить то вліяніе, которое было пріобрѣтено въ Персіи и для поддержанія котораго необходимо было скрыть отъ тегеранского двора ничтожность нашихъ боевыхъ средствъ.

Если бы главнокомандующій спросилъ теперь, какъ ему достигнуть этой цѣли съ тѣми незначительными силами, которыя были у него въ распоряженіи, то подобнымъ вопросомъ онъ поставилъ бы себя въ самое неловкое положеніе. Ему отвѣтили бы: «дѣйствовать соразмѣрно съ военными силами и съ мѣстными удобностями, которыя замѣняютъ иногда военныя силы» [1]).

Разсчитывая на способности главнокомандующаго, министерство иностранныхъ дѣлъ ожидало, что онъ будетъ въ состояніи не только сохранить всѣ завоеванныя земли, но и пріобрѣсти новыя, т. е. дѣйствовать наступательно. «Сколько бы ни велики были удобности къ расширенію предѣловъ нашихъ въ Персіи, сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министерства, кажется, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ предстоитъ болѣе нужда ограничивать ихъ, нежели онымъ пользоваться, ибо, сверхъ того числа войска, которое занимаетъ важнѣйшіе пункты грузинскихъ и персидскихъ границъ, необходимо нужно имѣть нѣкоторое количество запаснаго войска, для отраженія непредвидимыхъ непріятельскихъ дѣйствій со стороны Баба-хана. Въ противномъ случаѣ, развлеченіе военныхъ силъ можетъ удобно разорвать сообщеніе отдѣльныхъ пунктовъ съ центромъ начальства. Дабы не уронить пріобрѣтен-

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ министерства иностранныхъ дѣлъ 30-го апрѣля 1806 г.

наго въ Персіи вліянія, а наипаче послѣ смерти князя Циціанова, который, поселя страхъ между горскими и персидскими народами, пріобрѣлъ отъ нихъ личное уваженіе, сіе запасное войско еще болѣе нужно. Посредствомъ онаго производимыя движенія, оказательства (?) и при случаѣ оборонительныя стычки съ непріятелемъ будутъ держать персіянъ въ страхѣ и на нѣкоторое время въ неизвѣстности о дѣйствительномъ положеніи силъ и предпріятій россійскихъ. Между тѣмъ, новому главному начальнику, который имѣетъ быть назначенъ на мѣсто князя Циціанова, поручить сдѣлать экспедицію на Баку, не отлагая оную далѣе, какъ до настоящаго лѣта, предписавъ ему, по взятіи города, Хуссейнъ-Кули-хана и наслѣдниковъ его лишить навсегда бакинскаго ханства въ наказаніе за злодѣйскій его поступокъ. Послѣ чего приступить къ учрежденію новой линіи по Курѣ, связывая оную военными постами и укрѣпленіями даже до Елисаветполя. Городъ Сальянъ, при устьѣ Куры лежащій, и урочище Джеватъ, при стеченіи Куры и Аракса, необходимо нужно будетъ занять войсками и построить тамъ военныя укрѣпленія, дабы открыть свободное плаваніе по Курѣ мелкимъ и плоскодоннымъ судамъ. Сверхъ того, сіи два пункта, по физическому положенію своему, имѣютъ быть главными сборными мѣстами новой прожектированной линіи и защитою сообщенія Баки съ Грузіею. Польза, могущая произойти отъ утвержденія сихъ пунктовъ, столь важна для тамошнихъ дѣлъ, что никакія препятствія не долженствуютъ отвращать отъ выполненія сего плана, кромѣ только одного обстоятельства, если бы случилось, что Мустафа-ханъ шемахинскій (ширванскій) отложился отъ новаго своего подданства, а таковое опасеніе, основанное на опытахъ, содѣлывается вѣроятнымъ.

«До того самаго времени, доколѣ не приняты будутъ рѣшительныя мѣры къ совершенію окончательныхъ завоеваній, россійское начальство, будучи въ необходимости ограничить предпріятія соразмѣрно съ военными силами, можетъ употребить сей промежутокъ бездѣйствія на устроеніе въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ крѣпостей, дорогъ, на обезпеченіе грузинскихъ предѣловъ, на внутреннее благоустройство новопокорившихся народовъ, на привлеченіе довѣренности сосѣдственныхъ персидскихъ хановъ, Баба-

хану неблагопріятствующихъ. Такимъ образомъ, самое бездѣйствіе, въ пользу употребленное, положитъ прочнѣйшее основаніе будущимъ предпріятіямъ. Слѣдовательно, сокращенное будущее предначертаніе заключается въ слѣдующихъ главнѣйшихъ статьяхъ: 1) дѣйствовать сообразно съ силами, значитъ, на сей разъ ограничить, прекратить даже военныя дѣйствія и воздержаться отъ новыхъ завоеваній впредь до удобнѣйшаго времени, за исключеніемъ занятія Баку, яко лучшей гавани на Каспійскомъ морѣ, и дабы не оставить смертоубійства князя Циціанова ненаказаннымъ. Завоеваніе сей крѣпости не можетъ обратиться въ тягость Имперіи или сдѣлаться непрочнымъ, ибо морское сообщеніе съ Астраханью обезпечиваетъ мѣсто сіе отъ всѣхъ неудобствъ, которымъ подвержены другіе пункты. 2) Поддерживать власть, пріобрѣтенную въ Персіи, демонстраціями, а между тѣмъ стараться открыть съ Баба-ханомъ переговоры, на основаніи Высочайшихъ предписаній, данныхъ покойному князю Циціанову, дабы такимъ благовиднымъ предлогомъ можно было прикрыть бездѣйствіе и малыя силы войскъ россійскихъ. 3) Съ горскими народами вести войну по прежнему, сохраняя возможную бдительность для отраженія ихъ наглостей, соразмѣряя, однако же, наказаніе съ преступленіемъ, поелику война есть обыкновенный ихъ образъ жизни. Но Дагестанъ непремѣнно и надолго нужно еще держать въ блокадѣ, не подаваясь нимало во внутренность горъ, хотя бы представилась къ тому временная удобность. Ибо между могущею быть пользою и опасностью нѣтъ никакой соразмѣрности. Единственный способъ, могущій быть дѣйствительнымъ и полезнымъ противъ горскихъ народовъ, состоитъ въ томъ, чтобы, довольствуясь наружными знаками ихъ подданства, стараться удержать ихъ въ блокадѣ.

«Военныя границы, по рѣкамъ Тереку и Алазани существующія, и предполагаемое занятіе западнаго берега Каспійскаго моря, до устья Куры, обложивъ Дагестанъ со всѣхъ сторонъ, весьма способствовать могутъ къ обузданію лезгиновъ, которые, съ одной стороны, мало по малу пріобыкнутъ покоряться закону необходимости, а съ другой—не будутъ имѣть никакого явнаго предлога къ неудовольствію на россійское начальство, защищающее соб-

ственные свои предѣлы. 4) Сіе время бездѣйствія или, лучше сказать, оборонительной системы употребить на внутреннее устроеніе новопріобрѣтенныхъ областей, равно какъ и на привлеченіе преданности персидскихъ и горскихъ владѣльцовъ, дабы тѣмъ самымъ приготовить и облегчить будущія предпріятія.»

Надобно сознаться, что, прекращая военныя дѣйствія съ Персіею и переходя изъ наступательнаго въ оборонительное положеніе, мы дѣлали шагъ назадъ, тѣмъ не менѣе, правительство не находило возможнымъ усилить войска, находящіяся въ Грузіи. Вновь назначенному главнокомандующему поручалось, во время этого, такъ сказать, бездѣйствія, приготовлять все необходимое для выполненія впослѣдствіи общаго плана относительно протяженія новой линіи по Курѣ и Араксу, для прочнаго устройства которой необходимо было пріобрѣтеніе Баку, Эривани и Нахичевани. «Нѣтъ ничего нужнѣе во всякомъ предпріятіи», сказано въ докладѣ министерства [1]), «какъ знать съ достовѣрностью, съ чего полезнѣе начать прежде и что дѣлать послѣ. Одни мѣстныя обстоятельства или точное и подробное объ оныхъ свѣдѣніе могутъ разрѣшить во всемъ пространствѣ сей важный вопросъ. Если взять въ разсужденіе, что разныя цѣпи Кавказскихъ горъ окружаютъ или перерѣзываютъ тѣ области, въ которыхъ производятся военныя дѣйствія; что Грузія, будучи совершенно отрѣзана отъ Кавказской линіи независящими горскими народами, сообщается съ оною кавказскимъ ущельемъ, котораго проходъ, сверхъ трудности самаго пути, подверженъ бываетъ пресѣченію вовсе отъ разлитія Терека и по причинѣ недоброжелательства горскихъ народовъ, то изъ сего явствуетъ, что устроеніе прочной дороги въ кавказскомъ ущельѣ, не смотря ни на какія трудности и издержки, есть начальный шагъ, безъ коего всѣ прочіе не могутъ имѣть надлежащей связи. Итакъ учредить безпечное сообщеніе Кавказской линіи съ Грузіею есть первый шагъ, необходимо нужный. Потомъ нужно равномѣрно устроить дороги, ведущія изъ Тифлиса въ Елисаветполь и Шушу, изъ Тифлиса въ Памбаки, яко на сей разъ нужныя для движенія войскъ и современемъ могущія быть полезными

[1]) Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ, 1—13, № 2 й.

для хожденія купеческихъ каравановъ. Въ то же самое время, если не встрѣтятся важныя препятствія, нужно заняться устроеніемъ новой линіи по Курѣ до Елисаветполя, оставляя продолженіе линіи по Араксу до удобнаго времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока не откроется случай, добровольно или силою оружія, покорить Эриванъ и Нахичеванъ и тѣмъ самымъ округлить новопроэктированную границу. Но если бы, по малости войскъ или другимъ обстоятельствамъ, удержаніе линіи по Курѣ произвело въ силахъ нашихъ развлеченіе, то кажется, что должно принять за правило имѣть всегда въ виду преимущественно устроеніе кавказскаго пути, яко главнѣйшее препятствіе къ военному сообщенію, и устремить на оное всѣ способы и неусыпное вниманіе. Изъ сего явствуетъ, что самая естественная постепенность есть слѣдующая: 1) устроить дорогу въ кавказскомъ ущельѣ; 2) устроить дороги, идущія изъ Тифлиса въ Имеретію, Мингрелію, въ Елисаветполь, Шушу и въ Баку; 3) за ними или вмѣстѣ, буде возможность откроется, слѣдуетъ учрежденіе линіи по Курѣ до Елисаветполя. Трудно и безполезно было бы исчислять всѣ прочія постепенности будущихъ подвиговъ, когда на исполненіе всего вышесказаннаго нужно употребить въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ прилежнѣйшія старанія, сопряженныя съ большими издержками и съ непредвидимыми случаями. По совершеніи сего важнаго начала, время и обстоятельства укажутъ сами дальнѣйшія распоряженія, которыя истекать будутъ изъ общаго обращенія дѣлъ государственныхъ».

Масса предположеній и обязанностей, возлагаемыхъ министерствомъ на новаго главнокомандующаго, побудили Императора Александра поручить графу Гудовичу изложить свое мнѣніе и представить заключеніе о предстоящихъ дѣйствіяхъ. 12-го іюня 1806 года будущій начальникъ, не видавшій еще ввѣреннаго ему края, представилъ свое мнѣніе и планъ дѣйствій, который и былъ тогда же утвержденъ Императоромъ [1]).

Графъ Иванъ Васильевичъ, съ самонадѣянностью, свойствен-

[1]) Рескриптъ графу Гудовичу 18-го іюня. Архивъ Минис. Иностр. Дѣлъ' 1—13, № 2-й., л. 143-144
1806

ною многимъ, считалъ возможнымъ покорить всѣхъ хановъ и владѣльцевъ «великой Арменіи и Дагестана», заставивъ ихъ платить Россіи хотя незначительную дань, какъ знакъ ихъ подданства. Шамхала тарковскаго, какъ человѣка издавна преданнаго Россіи, онъ считалъ полезнымъ освободить отъ платежа такой дани. Непокорныхъ и упорствующихъ намъ хановъ изгнать изъ ихъ владѣній, которыя и раздѣлить между сосѣдними ханами, намъ преданными, или такими, на которыхъ можно было положиться. Бакинскаго хана наказать, имеретинского царя Соломона лишить сана, а Дадіана мингрельскаго удостоить особымъ Высочайшимъ покровительствомъ.

По мнѣнію Гудовича, жившихъ въ сосѣдствѣ Кавказской линіи горцевъ легче всего было успокоить и привести въ повиновеніе увѣщаніемъ и предоставленіемъ нѣкоторыхъ выгодъ, нежели оружіемъ, «которымъ, писалъ онъ, хотя они поражены и будутъ, но, имѣя вѣрное убѣжище, уйдутъ въ горы, будутъ всегда питать непримиримое мщеніе, имъ сродное, за пораженіе, а особливо за нанесенный вредъ ихъ имѣнію».

Графъ Гудовичъ считалъ необходимымъ прекратить поиски на закубанцевъ и стараться ласкою уговорить ушедшихъ за Кубань татаръ возвратиться въ свои жилища близъ Бештовыхъ горъ. Главнокомандующій такъ много вѣрилъ въ силу своего слова и убѣжденія, что надѣялся уговорить чеченцевъ подвинуть свои селенія ближе къ рѣкѣ Тереку, съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы они отвѣчали за всякое злодѣяніе, сдѣланное на Кавказской линіи въ предѣлахъ «*ихъ дистанціи*». Онъ думалъ достигнуть этого обѣщаніемъ отпускать имъ соль и дозволеніемъ, по примѣру кабардинцевъ, пасти свой скотъ на лѣвомъ берегу Терека. «Въ случаѣ же упорства ихъ или другого затерскаго народа», писалъ графъ Гудовичъ, «надобно сосѣднихъ уговорить для наживы нападать на нихъ» и черезъ то заставить ихъ или прибѣгать подъ покровительство русскихъ войскъ, или искать ихъ защиты.

Принимая на себя трудную обязанность быть преемникомъ князя Циціанова, графъ Гудовичъ замышлялъ и обѣщалъ гораздо болѣе, чѣмъ въ состояніи былъ исполнить. Это былъ человѣкъ самонадѣянный, тщеславный старикъ, полагавшійся на свою опыт-

ность, кичившійся своими заслугами, но уже отжившій и бездѣятельный.

— Будучи старшимъ генераломъ русской арміи, говорилъ онъ горцамъ, я не даромъ сюда присланъ.

Полагая, что подвиги его извѣстны всѣмъ и даже за предѣлами Россіи, графъ Гудовичъ разсчитывалъ однимъ своимъ именемъ запугать персіянъ и турокъ.

— Шпіоны должны, говорилъ онъ, гдѣ имъ можно будетъ, искуснымъ образомъ разгласить, что я (разсказавъ мое прежнее здѣсь начальство) присланъ съ бо̀льшимъ прибавленіемъ войскъ и уже въ дорогѣ къ Тифлису [1]).

Пріѣзду своему въ столицу Грузіи главнокомандующій придавалъ большое значеніе, считая, что одного присутствія его въ этомъ городѣ будетъ достаточно, чтобы обезпечить области отъ непріятельскихъ покушеній.

— Личное нахожденіе мое въ здѣшнемъ краю, говорилъ онъ Мустафѣ-хану ширванскому, должно васъ обезпечить отъ вторженія непріятеля.

Графъ Иванъ Васильевичъ отправлялся на Кавказъ не въ первый разъ, а это главнѣйшимъ образомъ и вредило успѣху. Гордый и самонадѣянный, онъ не принималъ ничьихъ совѣтовъ, не уважалъ посторонняго мнѣнія и полагалъ, что хорошо знаетъ край и тамошнее положеніе дѣлъ. На самомъ дѣлѣ онъ зналъ только одну Кавказскую линію, войсками на которой командовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прошлаго столѣтія. Положеніе дѣлъ въ Закавказьѣ графу Гудовичу было до такой степени мало извѣстно, что онъ въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ рѣшился сказать, что со временемъ будетъ много и тѣхъ войскъ, которыя тамъ находились; что онъ найдетъ средства убавить тамъ войска, «въ которыхъ, по жаркому климату, отъ болѣзней всегда не малая убыль бываетъ» [2]).

Пріѣхавъ на мѣсто, графъ Гудовичъ принужденъ былъ отказаться отъ своего обѣщанія и сознать ошибочность мнѣнія, ле-

[1]) См. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. III, № 160.

[2]) Мнѣніе графа Гудовича отъ 12-го іюня, представленное Императору. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806 г., № 2-й.

лѣяннаго имъ съ прошлаго столѣтія, когда владѣнія Россіи простирались не много далѣе Георгіевска, въ которомъ онъ разочаровался при послѣднемъ своемъ пріѣздѣ.

27-го іюля новый главнокомандующій былъ уже въ Георгіевскѣ, и первое донесеніе его Императору было сознаніе въ своемъ разочарованіи. «По пріѣздѣ моемъ на Кавказскую линію, доносилъ онъ [1]), при первоначальномъ взглядѣ нахожу оную не въ томъ положеніи, какъ прежде, отъѣзжая отсюда, оставилъ». Въ Георгіевскѣ Гудовичъ сразу увидѣлъ весь Кавказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ могъ бы его видѣть въ Петербургѣ, если бы прочелъ внимательно докладъ министерства.

Въ Петербургѣ онъ обѣщалъ успокоить все и всѣхъ, а потомъ убавить войска; въ Георгіевскѣ—Глазенапъ, командовавшій Кавказскою линіею, не сдѣлалъ ему встрѣчи, и все обѣщанное Гудовичемъ оказалось трудно исполнимымъ. Главнокомандующему не нравились казармы и конюшни, казавшіяся обвалившимися; онъ какъ будто совершенно неожиданно нашелъ сосѣднихъ горскихъ народовъ непокоренными.

«Отъ генералъ-лейтенанта Глазенапа, со времени опредѣленія моего, доносилъ онъ, я не получилъ никакого увѣдомленія, хотя онъ уже давно извѣстенъ о Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества опредѣленіи меня главнокомандующимъ здѣшними войсками, и къ вящему изнуренію затасканныхъ солдатъ и расточенію казны, при пріѣздѣ моемъ сюда, я нашелъ, что генералъ-лейтенантъ Глазенапъ самовластно нарядилъ, сверхъ того отряда, о которомъ онъ доносилъ, что пошелъ съ онымъ будто бы для наказанія чеченцевъ, еще отборныя команды, для посаженія на судна; нарядилъ и суда изъ Астрахани, не назначивъ вѣдомства его на то суммы; взялъ съ собою всю казну, вещи для подарковъ и чины, его распоряженію непринадлежащіе; словомъ, все, не оставивши къ пріѣзду моему никакой сдачи.

«Оставшемуся по немъ генералъ-лейтенанту Мусину-Пушкину не оставилъ онъ ни дѣлъ, ни надобной суммы, ни должнаго на-

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 27-го іюля. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806 г., № 2.

ставленія, такимъ образомъ, что, пріѣхавъ сюда, долженъ все самъ отыскивать и писать» [1]).

Графъ Гудовичъ хотѣлъ вызвать Глазенапа изъ экспедиціи, но Императоръ Александръ приказалъ «дать ему время и способы окончить начатое», и потомъ, если нужно будетъ, потребовать его для личнаго представленія главнокомандующему надлежащихъ отчетовъ, за все время управленія его на Кавказской линіи [2]).

Оставаясь въ Георгіевскѣ въ ожиданіи возвращенія Глазенапа, Гудовичъ, по его словамъ, приводилъ въ порядокъ Кавказскую линію и велъ переговоры съ чеченцами и кабардинцами. Мирнымъ путемъ и обѣщаніемъ онъ надѣялся привести ихъ къ спокойствію и покорности. Кабардинцы жаловались ему на притѣсненіе русскаго начальства и на разореніе ихъ селеній войсками, но сознавались сами, что разореніе это произведено при экспедиціяхъ, назначенныхъ для наказанія за ихъ хищничество. Желая лично переговорить съ представителями народа, Гудовичъ приглашалъ первѣйшихъ князей пріѣхать къ нему въ Георгіевскъ, но князья отвѣчали, что, по случаю междоусобной вражды между родами, пріѣхать не могутъ, а когда все успокоится, то пріѣдутъ. Жившіе за Терекомъ чеченцы хищничали и увѣряли, что хищничаютъ также отъ притѣсненія русскаго начальства. Графъ Гудовичъ уговаривалъ ихъ и обѣщалъ всѣмъ тѣмъ, которые останутся спокойными, отпускать соль въ неограниченномъ размѣрѣ, за самую ничтожную плату; дозволить перегонять скотъ для пастьбы въ зимнее время на лѣвый берегъ рѣки Терека; улучшить положеніе ихъ аманатовъ (заложниковъ вѣрности); оградить чеченцевъ отъ притѣсненій и обидъ и, наконецъ, сравнять ихъ съ русскими подданными.

Чеченцы остались очень довольны обѣщаніемъ главнокомандующаго, благодарили его, дали слово жить тихо и мирно, но въ ту же ночь отогнали скотъ и увели въ плѣнъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 27-го іюля. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806 г., №2.

[2]) Графъ Ливенъ барону Будбергу, 11-го августа. Арх. Мин. Ив. Дѣлъ, 1—13, № 2-й.

II.

Враждебныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ хановъ казыкумухскаго, шекинскаго и карабагскаго.—Измѣна и смерть Ибраимъ-хана карабагскаго.—Вторженіе персіянъ въ наши предѣлы.—Дѣйствія генералъ-маіора Небольсина противъ персіянъ.—Бой въ Ханатинскомъ ущельѣ.—Соединенное дѣйствіе нашихъ отрядовъ противъ царевича Александра.—Удаленіе персіянъ изъ Карабага.—Назначеніе и утвержденіе Мехти-Кули-аги ханомъ карабагскимъ.—Происшествія въ Шекинскомъ ханствѣ.

Желаніе наказать хана бакинскаго за измѣнническое убійство князя Циціанова не было оставлено, но прежде чѣмъ предпринять экспедицію въ Баку, необходимо было привести къ окончанію дѣла въ находившихся на пути слѣдованія ханствахъ Карабагскомъ (Шушинскомъ) и Шекинскомъ (Нухинскомъ) и покорить Сурхай-хана казыкумухскаго.

Едва только получено было свѣдѣніе о смерти князя Циціанова, какъ вступившіе въ подданство Россіи ханы карабагскій, шекинскій, шемахинскій и Сурхай-ханъ казыкумухскій, соединившись вмѣстѣ, рѣшили не признавать надъ собою власти Россіи и истребить русскія войска, находившіяся въ ихъ владѣніяхъ. Открытыя дѣйствія противъ насъ принялъ на себя Сурхай-ханъ, какъ человѣкъ болѣе рѣшительный и энергичный. Для успѣха въ дѣлѣ союзники положили своими демонстраціями заставить русскихъ придвинуть войска изъ Елисаветполя къ Нухѣ, а отъ Алазани къ Джарамъ, и тогда пересѣчь имъ сообщенія и дороги къ отступленію, истребить плоты, паромы и занять всѣ переправы. Для достиженія этой цѣли рѣшено было уговорить джаробѣлоканскихъ лезгинъ открыть непріязненныя дѣйствія, двинуться со стороны Алазани, распустить слухъ, что будто бы Сурхай-ханъ намѣренъ низвергнуть Селимъ-хана шекинскаго, и только съ этою цѣлію идетъ въ Нуху съ своими войсками.

Условившись такимъ образомъ, союзники стали готовиться къ дѣйствіямъ.

Сурхай-ханъ казыкумухскій увеличивалъ свои силы вновь прибывающими изъ Дагестана лезгинами. Селимъ-ханъ, почти

всегда содержавшій на жалованьѣ до семи сотъ человѣкъ лезгинъ, изъ которыхъ сто человѣкъ постоянно находились въ воротахъ крѣпости и составляли крѣпостной караулъ, вдругъ отпустилъ ихъ, а караулъ себѣ составилъ изъ армянъ [1]). Подобнымъ поступкомъ и частымъ отправленіемъ писемъ къ начальникамъ войскъ Селимъ думалъ замаскировать свои поступки и показаться человѣкомъ, преданнымъ Россіи.

17-го марта небольшая лезгинская партія, переправившись черезъ Алазань, верстахъ въ тридцати ниже нашего лагеря, расположеннаго при урочищѣ Пейкаро, угнала 200 барановъ, пасшихся неподалеку отъ мѣста переправы [2]). Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что джаро-бѣлоканцы, рѣшившись отложиться отъ Россіи, отправили старшинъ для переговоровъ по этому дѣлу къ Сурхай-хану, у котораго было въ сборѣ до 12,000 глуходаръ.

Въ мартѣ, Сурхай съ двумя сыновьями и войскомъ прибылъ въ мѣстечко Алмало, лежащее на рѣкѣ Алазани, въ пятидесяти верстахъ ниже урочища Пейкаро, съ намѣреніемъ напасть на стоявшій тамъ отрядъ князя Орбеліани, численность котораго не превышала 770 человѣкъ [3]). На обязанности князя Орбеліани была защита госпиталей и цейхаузовъ, находившихся въ селеніяхъ Бодбисхеви и Мачханахъ, а также поданіе, въ случаѣ надобности, помощи Александровскому редуту. Послѣдній находился на той же рѣкѣ Алазани, въ семи верстахъ отъ расположенія Орбеліани, и былъ отдѣленъ непроходимымъ лѣсомъ, тянувшимся верстъ на пять. Если бы лезгины заняли этотъ лѣсъ, то подать помощь Александровскому редуту было бы не только затруднительно, но почти невозможно. Къ тому же, чтобы достигнуть до редута, необходимо было перейти черезъ рѣку Алазань по мосту, который лезгины начали было ломать, но были прогнаны.

---

[1]) Рапортъ маіора Ребиндера полковнику Карягину, 10-го апрѣля.

[2]) Рапортъ князя Орбеліани Несвѣтаеву, 18-го марта, № 90.

[3]) Въ отрядѣ находилось нижнихъ чиновъ Кабардинскаго полка 369; 15-го Егерскаго 298; казачьяго Ребрикова 262, 7-го артилерійскаго баталіона 87; всего 893 человѣка. Изъ этого числа было въ Александровскомъ редутѣ 123 человѣка Кабардинскаго полка (Рапортъ князя Орбеліани Несвѣтаеву, 19-го марта, № 3. Тифл. Арх. Глав. Шт. Кавк. Арміи, дѣло № 297).

Согласившись съ аварскимъ ханомъ, обѣщавшимъ также придти къ нему на помощь съ своими войсками, Сурхай намѣренъ былъ открыть военныя дѣйствія захватомъ поста на рѣкѣ Курѣ и движеніемъ къ Елисаветполю, въ то время, когда дербентскій Шихъ-Али-ханъ и Мустафа-ханъ шемахинскій (ширванскій) придутъ съ своими войсками въ Нуху, для соединенія и совокупнаго дѣйствія съ нухинскимъ (шекинскимъ) ханомъ. Къ этому же времени, Аббасъ-мирза съ царевичемъ Александромъ и персидскими войсками обѣщалъ подойти также къ Елисаветполю. Все дѣло останавливалось теперь только на томъ, чтобы отвлечь наши силы отъ рѣки Алазани и изъ Елисаветполя къ Нухѣ, и тѣмъ ослабить эти пункты.

Въ концѣ марта, согласно заключенному условію, Сурхай явился въ Джарахъ и отправилъ къ Селимъ-хану нарочнаго съ увѣдомленіемъ, что переправляется черезъ рѣку Куру и слѣдуетъ на соединеніе съ нимъ. Вѣрный данному обѣщанію, Селимъ тотчасъ же обратился къ стоявшему въ Елисаветполѣ полковнику Карягину съ просьбою о помощи противъ мнимыхъ замысловъ Сурхая на его владѣніе, и при этомъ ссылался на трактатъ, по которому въ Шекинскомъ ханствѣ должно было постоянно находиться не менѣе пятисотъ человѣкъ русской пѣхоты [1]). Не подозрѣвая измѣны, полковникъ Карягинъ находилъ просьбу Селима справедливою, спрашивалъ генерала Несвѣтаева, какъ поступить въ данномъ случаѣ, и признавалъ необходимымъ назначить особый отрядъ для наказанія бунтующихъ лезгинъ [2]).

Волненія, происходившія внутри Грузіи и у хевсуръ, вторженія эриванскихъ войскъ въ Шурагельскую и Памбакскую провинціи, не дозволяли тронуть войскъ съ занятыхъ ими постовъ, такъ что для составленія такого отряда пришлось бы взять войска, находившіяся въ крѣпостяхъ Елисаветпольской, Шушинской и часть отряда, стоявшаго на рѣкѣ Алазани. Оставить эти посты незанятыми также не представлялось никакой возможности, потому что, при быстротѣ передвиженія лезгинъ, нельзя было опредѣлить

[1]) Письмо, приложенное къ рапорту Карягина генералу Несвѣтаеву, 2-го апрѣля, № 235. Тифл. Арх. Гл. Шт. Кавк. Арміи, дѣло № 297.
[2]) Рапортъ Карягина Несвѣтаеву, 6-го апрѣля, № 252. Тамъ же.

точно направленія ихъ дѣйствій и, слѣдовательно, приходилось быть готовымъ къ отраженію одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ. Предполагая, что дѣйствія Сурхай-хана направлены исключительно къ тому, чтобы отвлечь отъ границъ наши силы и дать возможность Аббасъ-мирзѣ и царевичу Александру вторгнуться въ наши предѣлы, Несвѣтаевъ не рѣшился собирать отрядъ для наказанія лезгинъ, и отложилъ это до прибытія новыхъ подкрѣпленій. Напротивъ, узнавъ о появленіи Сурхая въ Джарахъ, онъ отправилъ на усиленіе отряда князя Орбеліани двѣ роты Кабардинскаго полка, и просилъ полковника Карягина увѣрить шекинскаго хана, что, немедленно по прибытіи въ Грузію Троицкаго мушкетерскаго и Донскаго казачьяго полковъ, будетъ посланъ сильный отрядъ въ его владѣнія [1]), а до того времени онъ считаетъ достаточнымъ для отраженія непріятеля отряда маіора Ребиндера, стоявшаго на нашемъ берегу рѣки Куры, близь шекинскихъ владѣній.

Между тѣмъ, Селимъ, имѣя въ виду точное исполненіе задуманнаго плана, снова просилъ помощи противъ мнимаго нашествія Сурхай-хана.

«По обстоятельствамъ здѣшняго края, писалъ онъ Карягину [2]), послалъ я къ вамъ почтеннаго Асланъ-бека, съ тѣмъ, чтобы, въ нужномъ случаѣ, могъ я взять войско, находящееся въ Орѣшѣ, для защиты владѣнія моего противъ непріятеля. Вы въ отвѣтъ изволили писать мнѣ, что оное объявите начальнику, находящемуся въ Тифлисѣ, и, по повелѣнію его, будете исполнять. Таковыя слова другія мысли вселяютъ въ мое сердце, ибо я вошелъ подъ покровительство и въ подданство Его Императорскаго Величества (съ тѣмъ), чтобы, въ случаѣ прибытія непріятеля въ мои владѣнія, безъ спросу генераловъ, полковниковъ и маіоровъ, взявъ оное войско противъ непріятелей, могъ наказать ихъ; да и Его Императорское Величество, въ милостивой грамотѣ своей, пожаловалъ меня въ чинъ генералъ-лейтенанта, и представилъ мнѣ волю распоряжаться здѣсь находящимися войсками, съ тѣмъ, чтобы въ

[1]) Предписаніе Несвѣтаева Карягину, 15-го апрѣля, № 489.

[2]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806 г., № 2-й.

случаѣ непріятельскаго покушенія на мое владѣніе, взялъ я оное войско и отражалъ непріятеля, а не то, чтобы на мое требованіе у маіора, когда непріятель стоитъ въ четырехъ агачахъ (миляхъ) отъ моего владѣнія, тотъ увѣдомлялъ елисаветпольскаго начальника, а тотъ тифлисскаго.»

Селимъ жаловался на медленность въ исполненіи его желаній; говорилъ, что полученіе разрѣшенія изъ Тифлиса требуетъ много времени; что отъ его владѣній два дня ѣзды до Елисаветполя, а оттуда до Тифлиса три дня, что пройдетъ десять или двѣнадцать дней, пока онъ получитъ помощь. Если такъ поступаютъ, писалъ Селимъ-ханъ, то «на что мнѣ быть подданнымъ Его Императорскаго Величества, и давать войскамъ 700 таговъ провіанту и 7,000 голандскихъ червонцевъ въ подать? Кромѣ сего упрекаютъ меня мои сосѣди, что я, отошедъ отъ татаръ, служу Государю. А какъ я, по обыкновенію россійскому, имѣю чинъ генералъ-лейтенанта и старѣе по чину другихъ генераловъ, то надлежитъ, въ такомъ нужномъ случаѣ, чтобы здѣсь находящееся войско было бы въ распоряженіи моемъ, а не объявлялъ бы я другому».

Находя, что при такихъ условіяхъ чинъ генералъ-лейтенанта для него безполезенъ и, опираясь на трактатъ, Селимъ-ханъ настаивалъ, чтобы ему дана была помощь русскими войсками, а въ противномъ случаѣ требовалъ отъ Карягина подписки, что онъ не въ состояніи защищать его владѣній, и тогда, говорилъ онъ, пусть русскія войска выйдутъ изъ Шекинскаго ханства. Для лучшаго замаскированія своихъ дѣйствій, Селимъ заявилъ, что Сурхай удостовѣряетъ его въ безопасности, если онъ отправитъ къ нему своего сына въ аманаты; что Пиръ-Кули-ханъ и другіе персидскіе начальники уговариваютъ его, отступившись отъ русскихъ, присоединиться къ нимъ, но что онъ, въ ожиданіи помощи, не далъ имъ никакого отвѣта.

Простой и въ высшей степени честный человѣкъ, какимъ былъ Карягинъ, не могъ не поддаться двуличію Селима. Карягину было какъ-то странно не оказать помощи человѣку, просящему ея, хану вступившему въ подданство Россіи; ему странно было видѣть, что хищники разоряютъ и грабятъ союзника въ виду русскихъ войскъ, и Карягинъ рѣшился взять на себя исполненіе просьбы шекин-

скаго хана. Онъ приказалъ маіору Ребиндеру двинуться во владѣніе Селимъ-хана, а вмѣсто него, на переправу къ рѣкѣ Курѣ, отправилъ изъ Елисаветполя 100 человѣкъ Тифлисскаго и 50 человѣкъ Кавказскаго гренадерскаго полковъ, съ однимъ орудіемъ [1]).

Селимъ благодарилъ Карягина за такой поступокъ, тотчасъ же выѣхалъ изъ Нухинской крѣпости съ небольшимъ числомъ войскъ, и расположился лагеремъ вблизи нашего отряда, стоявшаго на Арватанскомъ полѣ. Черезъ два дня онъ пріѣхалъ къ маіору Ребиндеру и былъ принятъ съ почестію.

Соединеніе Селима съ нашими войсками было сдѣлано съ единственною цѣлью заявить о своей мнимой преданности и тѣмъ ввести насъ еще въ большій обманъ. Онъ привелъ съ собою не болѣе 3,000 человѣкъ, плохо вооруженныхъ, тогда какъ, въ случаѣ дѣйствительной опасности его владѣнію, могъ собрать до 15,000 человѣкъ [2]).

При свиданіи съ Ребиндеромъ ханъ склонилъ его на скорѣйшее, по возможности, наступательное дѣйствіе противъ Сурхай-хана казыкумухскаго [3]), но тотъ не принялъ совѣта хитраго Селима, такъ какъ въ это время получено было свѣдѣніе, что къ шекинскому (нухинскому) хану прибылъ посланный изъ Тегерана, котораго онъ выдавалъ, однако, за своего родственника. На самомъ же дѣлѣ это былъ бѣжавшій изъ Елисаветполя Касимъ-бекъ, привезшій фирманы Аббасъ-мирзы къ Селиму и Сурхай-хану казыкумухскому. Полковникъ Карягинъ требовалъ выдачи посланнаго и приказалъ находившемуся въ Арватанѣ отряду, изъ 107 чел. пѣхоты [4]), 10 казаковъ и двухъ орудій, перейти къ Мейгечаурской переправѣ, подъ предлогомъ недостатка провіанта, отъ поставки котораго для нашихъ войскъ ханъ отказался. На требованіе Карягина Селимъ отвѣчалъ, что Касимъ-бекъ хотя и пріѣзжалъ къ границамъ его владѣнія, но что ханъ послалъ сказать, что если онъ ѣдетъ съ какими либо приказаніями отъ Аббасъ-

---

[1]) Тифл. Арх. Главн. Шт. Кавк. Арміи, дѣло № 297.
[2]) Рапортъ маіора Ребиндера Карягину, 15-го апрѣля, № 85.
[3]) Тоже, 13-го апрѣля, № 84-й.
[4]) Кавказскаго гренадерскаго полка 53 чел. и Тифлискаго мушкетерскаго 54 человѣка.

мирзы, то будетъ выданъ русскимъ войскамъ. Касимъ-бекъ, по словамъ Селима, отправился къ Сурхай-хану.

Послѣдній, переправившись черезъ р. Куру, подошелъ къ Нухѣ. Въ подкрѣпленіе находившихся тамъ войскъ полковникъ Карягинъ отправилъ маіора Котляревскаго съ отрядомъ, собраннымъ изъ разныхъ полковъ. Въ составъ его вошло: 55 человѣкъ Тифлисскаго мушкетерскаго и 62 человѣка 17-го егерскаго полковъ и 16 казаковъ Сидорова полка. Переправившись у Менгечаура и присоединивъ къ себѣ тамошній постъ, Котляревскій долженъ былъ идти форспированными маршами на соединеніе съ нухинскимъ отрядомъ маіора Ребиндера, при которомъ находился и Селимъ-ханъ съ своею толпою. Сурхай бѣжалъ въ Дагестанъ, прежде чѣмъ Котляревскій успѣлъ соединиться, а шекинскій ханъ распускалъ слухъ, что онъ одинъ причиною бѣгства Сурхая.

11-го мая Селимъ сообщилъ маіору Ребиндеру, что караулъ его, бывшій у селенія Бѣлачинъ, разбитъ Сурхаемъ и бѣжитъ къ селенію Кейнюкъ, а потому онъ, ханъ, лично одинъ съ своею конницею идетъ спасать остатки караула отъ окончательнаго истребленія. Вслѣдъ затѣмъ, Селимъ увѣдомилъ Ребиндера, что разбилъ на-голову Сурхая, убилъ у него 1,000 лезгиновъ, 700 человѣкъ ранилъ, и за такой подвигъ просилъ себѣ награды. Эта громкая побѣда была одною выдумкою нухинскаго (шекинскаго) хана. Сурхай ушелъ, потому что нечѣмъ было продовольствовать войска, которыя разбѣжались на половину, а съ остальными идти онъ не рѣшался, боясь встрѣчи съ русскими [1]). Котляревскій хотѣлъ было идти по слѣдамъ Сурхая, въ Джары, но лезгины просили пощады, обѣщали выдать аманатовъ и уплатить дань въ теченіе двадцати дней [2]). Приказавъ имъ отправить своихъ депутатовъ къ генералъ-маіору князю Орбеліани, Котляревскій, по приказанію Карягина, 24-го мая возвратился обратно въ Елисаветполь.

Такимъ образомъ, предполагаемое соединеніе союзниковъ не состоялось, и имъ не удалось уничтожить русскихъ. Ханы карабагскій (шушинскій) и шемахинскій (ширванскій) ограничились одними

[1]) Выписки происшествій. Тиф. Арх. Главн. Шт. Кавк. Арміи. Книга донесеній, 241.

[2]) Рапортъ Котляревскаго Карягину 21-го мая, дѣло № 297.

обѣщаніями и не пришли на помощь Селиму съ Сурхаемъ. Видя несостоятельность своихъ дѣйствій открытою силою, они рѣшились дѣйствовать разными побочными средствами и, прежде всего, затрудненіемъ въ отпускѣ нашимъ войскамъ провіанта, который они обязаны были доставлять на основаніи заключенныхъ съ ними трактатовъ о подданствѣ.

Еще при жизни князя Циціанова Селимъ-ханъ отказывался доставлять провіантъ нашимъ войскамъ, не соглашался посылать курьеровъ и давать конвой для сопровожденія транспортовъ, говоря, что подданные его не *почтари*.

Князь Циціановъ писалъ хану, что письмо его, вмѣстѣ съ отговорками, въ оригиналѣ представилъ Государю Императору, изъ котораго Онъ усмотритъ, «какой вы подданный Россіи и что не стоите вы ханства, управленію вашему ввѣреннаго. А буде ваше превосходительство халвары, которыхъ, по силѣ заключеннаго съ вами трактата, вы обязаны ежегодно для продовольствія войскъ поставлять 529, считая каждый халваръ въ 10 кодъ, не хотите дать, въ томъ ваша воля. Буде не хотите довольствовать 500 человѣкъ, и трактатъ подписали въ томъ только расположеніи, чтобы по оному не исполнять, то и въ томъ воля ваша. Знайте, однако же, что по возвращеніи моемъ изъ похода я покажу вамъ, какъ должно соблюдать трактатъ; я научу васъ, что вамъ должно дѣлать» [1]).

Получивъ это письмо, Селимъ сталъ предупредительнѣе и нѣсколько акуратнѣе въ доставленіи продовольствія, но съ кончиною князя Циціанова принялся за прежнія продѣлки. Всѣ вообще войска наши, расположенныя по границамъ закавказскихъ владѣній, продовольствовались преимущественно хлѣбомъ, покупаемымъ въ Карскомъ пашалыкѣ. Сначала, какъ мы видѣли, заразительная болѣзнь, а потомъ натянутыя отношенія съ Турціею были причиною того, что карскій паша, въ апрѣлѣ 1806 года, вовсе отказался продавать намъ хлѣбъ. Ему отправлены были въ подарокъ золотые часы, получивъ которые, паша хотя и обѣщалъ постав-

[1]) Письмо князя Циціанова Селимъ-хану 29-го января 1806 г. Тифл. Арх. Главн. Шт. Кавк. Арміи, дѣло № 124.

лять хлѣбъ по прежнему, но поставка эта шла медленно и неакуратно, отчего войска наши крайне нуждались въ продовольствіи. Зная сомнительную преданность къ намъ хановъ карабагскаго, нухинскаго и ширванскаго, Глазенапъ не находилъ возможнымъ вывести войска изъ ихъ владѣній и приказалъ покупать провіантъ на мѣстѣ, хотя бы это стоило большихъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сколько нибудь уменьшить расходы казны, Глазенапъ поручилъ начальникамъ отрядовъ, каждому въ своемъ раіонѣ, требовать отъ хановъ поставки провіанта, слѣдуемаго по заключеннымъ съ ними трактатамъ подданства [1]).

Селимъ-ханъ шекинскій доставлялъ продовольствіе изрѣдка и притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, а Ибраимъ-ханъ карабагскій совершенно отказался отъ продовольствія русскихъ войскъ, расположенныхъ въ его владѣніяхъ. Онъ отговаривался тѣмъ, что всѣ поля выжжены персіянами и сами жители не имѣютъ хлѣба. Такой отказъ Ибраима побудилъ стоявшихъ въ Карабагѣ съ отрядами маіоровъ Лисаневича и Джораева неоднократно обращаться къ хану съ просьбою быть болѣе внимательнымъ къ выполненію трактата, причемъ они принуждены были нѣсколько разъ повторить въ подробности тѣ условія и обязательства, которыя были даны ханомъ при вступленіи его въ подданство Россіи.

Привыкшій къ самовластію и неограниченному деспотизму и будучи старъ годами, Ибраимъ нелегко переносилъ подобное вмѣшательство въ дѣла его ханства. Неискренняя же преданность и отсутствіе честныхъ убѣжденій заставляли его подчиняться той сторонѣ, которая была лично выгоднѣе для хана, — и вотъ причина, почему Ибраимъ задумалъ освободиться изъ-подъ власти русскаго правительства и вновь войти въ сношеніе съ Баба-ханомъ.

Частая посылка людей и секретные переговоры съ властителемъ Персіи, письма Ибраима къ наслѣднику персидскаго престола Аббасъ-мирзѣ были извѣстны нашему правительству, непринимавшему, впрочемъ, никакихъ видимыхъ мѣръ противъ интригъ карабагскаго хана до тѣхъ поръ, пока тайное отправленіе въ Пер-

[1]) Предписаніе Глазенапа Несвѣтаеву 10-го мая, № 115, дѣло № 209.

сію карабагскаго жителя Нукъ-Магомета не разоблачило окончательно его поведенія [1]).

Ибраимъ просилъ шаха простить его за то, что вступилъ въ русское подданство, и обѣщалъ выгнать русскихъ изъ своего ханства, если ему дана будетъ помощь персидскими войсками. Для лучшаго успѣха и слитія, такъ сказать, своихъ интересовъ съ интересами тегеранскаго двора, Ибраимъ обѣщалъ двухъ своихъ дочерей выдать въ замужество за двухъ сыновей властителя Персіи.

Исканіе Ибраима было неожиданно-пріятнымъ происшествіемъ для Баба-хана. Торжественно прощая карабагскаго хана, онъ обѣщалъ прислать ему въ помощь свои войска, 120,000 руб. по разсчету тегеранскою монетою и отдать Карадагъ въ управленіе сына его Абулъ-фетха. Обѣщанія Баба-хана, съ своей стороны, также сильно подѣйствовали и на Ибраима. Получивъ столь удовлетворительный отвѣтъ изъ Персіи, онъ, подъ предлогомъ того, что, по вмѣшательству Лисаневича во внутреннія дѣла его ханства, не можетъ оставаться въ шушинской крѣпости, приказалъ разбить себѣ палатку внѣ города, куда и переселился съ женою, тремя сыновьями и двумя дочерьми, обѣщанными въ замужество за сыновей Баба-хана.

За одно съ нимъ дѣйствовалъ и Селимъ-ханъ шекинскій, также женатый на дочери Ибраимъ-хана. Съѣхавшись вмѣстѣ, они сговорились поступать во всемъ согласно и передаться на сторону персіянъ [2]).

Въ маѣ, по всѣмъ имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, главныя силы персидскихъ войскъ находились въ Ардевилѣ, но нѣкоторая часть ихъ, переправившись черезъ Араксъ у Нахичевани, растянулась вплоть до Эривани. Сборный пунктъ этому отряду назначенъ былъ на р. Гарничаѣ. Предполагая дѣйствовать одновременно

---

[1]) Впослѣдствіи сынъ его и карабагскіе старшины, подавшіе жалобу на поступки Лисаневича, не отрицая того, что Ибраимъ имѣлъ сношеніе съ персіянами, говорили, что причиною тому было желаніе хана до прибытія русскихъ войскъ сохранить свое владѣніе отъ новаго разоренія и „дабы по прошлогоднему не лишиться урожая“.

[2]) Перехваченное письмо карабагскаго чиновника Мамэдъ-аги къ Селимъ-хану.

со стороны Карабага и Эривани [1]), персіяне надѣялись свободно проникнуть въ наши границы, такъ какъ въ виду ихъ русскихъ войскъ тогда не было.

Рѣка Араксъ отъ своего устья до мѣстечка Чувандура имѣетъ плоскій и большею частью ровный берегъ. Когда въ Араксѣ нѣтъ полой воды, то рѣка представляетъ повсюду мѣста, удобныя для переправы, но за то въ полноводіе переправы почти нигдѣ не бываетъ. Отъ начала весны и до половины іюня бродовъ на Араксѣ не было, а слѣдовательно, при отсутствіи мостовъ, за исключеніемъ одного Худо-аферинскаго, намъ не было необходимости содержать охранительныхъ отрядовъ, а достаточно было однихъ наблюдательныхъ постовъ.

Переправы персіянъ черезъ Араксъ производились всегда у Худо-аферинскаго моста и на Мугани на лодкахъ. Ага-Магометъ-ханъ, при послѣднемъ вторженіи въ Грузію, прошелъ черезъ Аскаранское ущелье. Занявъ эти проходы и переправы, мы могли быть обезпечены отъ непріятельскаго вторженія. Проходъ у Аскарани, по близости и удобству для персіянъ, обращалъ на себя особенное вниманіе. Два находившіеся тамъ замка необходимо было занять отрядомъ, по крайней мѣрѣ, въ 1,000 человѣкъ, прославъ ихъ въ концѣ мая съ мѣсячнымъ провіантомъ. Ранѣе этого срока нечего было ожидать вторженія персіянъ, потому что они не имѣютъ обыкновенія заготовлять провіантъ для своихъ войскъ, и при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ надѣются на хлѣбъ, стоящій на корню. На этомъ основаніи зимою и раннею весною, а также осенью, по уборкѣ хлѣба, персіяне неспособны къ дѣйствію большими массами и ограничиваются грабежами въ разныхъ направленіяхъ и небольшими партіями.

Занявъ замки въ Аскаранѣ и присоединивъ къ этому отряду часть войскъ, находившихся въ Шушѣ, можно было быть увѣреннымъ, что отрядъ этотъ не допуститъ персіянъ не только вторгнуться и разорить Карабагъ, но и не дозволитъ имъ переправиться черезъ рѣку Араксъ. Составленіе этого отряда было необходимо даже для одного ободренія туземнаго населенія, стра-

[1]) См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 598.

шившагося за свои посѣвы, которые непріятель всегда старался выжигать [1]). Многіе изъ жителей Карабага уже страдали отъ прошлогодняго нашествія персіянъ и въ теченіе болѣе полугода питались зеленью и кореньями.

Считая себя до нѣкоторой степени обезпеченнымъ со стороны Карабага, Несвѣтаевъ хлопоталъ о своевременной защитѣ селеній праваго фланга театра дѣйствій и съ этою цѣлью назначилъ для отправленія изъ Елисаветполя въ Демурчасалы баталіонъ Севастопольскаго полка, но генералъ-маіоръ Небольсинъ удержалъ его въ Елисаветполѣ и тѣмъ открылъ Шамшадыльскую и Борчалинскую провинціи для вторженія непріятеля, стоявшаго у Эривани и озера Гокча. Время это было самое неудобное для исправленія ошибки Небольсина, и командовавшій войсками въ Закавказьѣ не имѣлъ никакой возможности усилить демурчасальскій отрядъ, такъ какъ персіяне уже вторглись въ наши границы.

1-го іюня авангардъ персидскихъ войскъ, изъ отряда Аббасъ-мирзы, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до 20,000 человѣкъ, подошелъ къ Шушѣ и, остановясь въ шести агачахъ [2]) отъ нея, расположился лагеремъ. Ибраимъ-ханъ выѣхалъ изъ своихъ садовъ, гдѣ жилъ, версты четыре за крѣпость и, собравъ отъ 400 до 500 человѣкъ вооруженныхъ, сталъ укрѣпляться. Лисаневичъ требовалъ, чтобы ханъ возвратился въ Шушу, но онъ отвѣчалъ, что намѣренъ служить шаху, и чтобы Лисаневичъ съ своими войсками выходилъ изъ его владѣній.

— Я не признаю надъ собой никакой другой власти, говорилъ Ибраимъ, кромѣ власти персидскаго шаха.

Извѣстіе о приближеніи персіянъ заставило многихъ жителей искать спасенія въ крѣпости — обыкновенномъ мѣстѣ ихъ убѣжища при всякомъ вторженіи непріятеля; но Ибраимъ убѣждалъ ихъ быть спокойными и оставаться въ своихъ селеніяхъ, говоря, что персіяне идутъ для его и ихъ защиты, «и чтобы они ничего не боялись». Кочующіе въ Карабагѣ татары получили приказаніе хана слѣдовать въ горы, неподалеку отъ Шуши лежавшія, куда должны были прибыть персіяне на соединеніе съ татарами.

[1]) Рапортъ Лисаневича полковнику Карягину 18-го марта, № 45.
[2]) Агачъ почти равенъ нѣмецкой мили.

Измѣна становилась слишкомъ очевидною; медлить было нечего. Желая употребить всѣ средства къ возвращенію Ибраимъ-хана, Лисаневичъ отправилъ къ нему сначала его внука Джафаръ-Кули-бека [1]), а потомъ и сына Мехти-агу, съ порученіемъ уговорить хана разорвать всякую связь съ персіянами и возвратиться со всѣмъ семействомъ въ крѣпость. Первый изъ отправленныхъ былъ человѣкъ искренно преданный Россіи, а второй старался казаться таковымъ, но на самомъ дѣлѣ былъ скрытенъ, хитръ и чрезвычайно властолюбивъ.

Пробывъ у Ибраима цѣлый день, оба посланные возвратились обратно и объявили Лисаневичу, что на все уговариванье ихъ ханъ отвѣчалъ только бранью русскихъ; что онъ просилъ своего внука Джафара какимъ нибудь образомъ зазвать къ себѣ Лисаневича, схватить его и передать дѣду, и если можно выкрасть изъ Елисаветполя брата Ибраима, находившагося тамъ аманатомъ. Джафаръ не согласился на это, и тогда Ибраимъ, не стѣсняясь, объявилъ, что въ предстоящую ночь или самъ уйдетъ къ персіянамъ, или персіяне соединятся съ нимъ подъ стѣнами крѣпости.

Мехти-ага и Джафаръ-Кули-ханъ пытались было еще разуговорить карабагскаго хана не измѣнять русскимъ.

— Это не дѣло измѣнять, говорили они, не дѣлай этого, служи Государю вѣрно. Но Ибраимъ не слушалъ и настаивалъ на своемъ [2]).

Въ шушинской крѣпости находился весьма незначительный русскій гарнизонъ и притомъ необезпеченный продовольствіемъ. Осадивъ Шушу, персіяне поставили бы его въ весьма затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что могли получить подкрѣпленіе отъ Аббасъ-мирзы, переправившагося уже черезъ Араксъ и имѣвшаго возможность въ два перехода появиться у стѣнъ шушинской крѣпости.

Не имѣя надежды привести Ибраима къ раскаянію и покорности, Лисаневичъ рѣшился въ ту же почь арестовать хана. На-

[1]) Джафаръ-Кули-бекъ былъ сынъ умершаго наслѣдника Мамедъ-Хассанъ-аги, человѣка намъ преданнаго, при посредствѣ котораго Ибраимъ согласился вступить въ подданство Россіи.

[2]) См. Акты Кав. Арх. Ком., т. III, №№ 600 и 615.

значивъ сто человѣкъ егерей, Лисаневичъ самъ отправился съ ними, но приказалъ людямъ отнюдь не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не откроютъ огня приверженцы Ибраима.

Старый ханъ былъ насторожѣ. Начиная отъ крѣпости и до его палатки были разставлены часовые, не подозрѣвавшіе, впрочемъ, обходнаго движенія Лисаневича. Ибраимъ-ханъ и его приближенные замѣтили нашъ отрядъ только тогда, когда онъ подошелъ къ палаткѣ менѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Въ ханскомъ помѣщеніи поднялись шумъ и суета. Конвой Ибраима началъ стрѣлять по нашимъ солдатамъ и не слушалъ ни увѣщаній, ни просьбы прекратить огонь. Тогда Лисаневичъ приказалъ егерямъ броситься въ штыки «и въ мигъ измѣнники были сбиты съ крѣпкаго ихъ мѣста».

Ибраимъ-ханъ былъ убитъ пулею; сынъ его и дочь найдены также убитыми недалеко отъ палатки въ кустахъ, куда они бѣжали вмѣстѣ съ толпою, и въ ночной темнотѣ не могли быть узнаны нашими солдатами.

Въ ту же ночь явился къ Лисаневичу одинъ изъ жителей съ объявленіемъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени должны прибыть къ Шушѣ 2,000 персіянъ, за которыми послалъ Ибраимъ-ханъ. Лисаневичъ тотчасъ же возвратился въ крѣпость и на разсвѣтѣ узналъ, что непріятель дѣйствительно появился въ двухъ верстахъ отъ крѣпости. Взявъ 150 человѣкъ егерей и нѣсколько карабагской конницы, онъ двинулся на встрѣчу непріятелю, но не нашелъ его на указанномъ мѣстѣ. Бѣжавшіе приверженцы Ибраима, встрѣтившись съ персіянами, сообщили имъ объ участи, постигшей хана, и вмѣстѣ съ ними скрылись въ горахъ, такъ что Лисаневичъ успѣлъ только возвратить въ селенія нѣсколько татарскихъ семей, также ушедшихъ въ горы, по приказанію Ибраима.

Между тѣмъ, извѣстіе о появленіи персіянъ въ разныхъ пунктахъ и вблизи нашихъ границъ заставило тифлисское начальство измѣнить расположеніе войскъ. Два баталіона Троицкаго мушкетерскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Небольсина, отправлены сначала на рѣку Куракъ-чай, съ тѣмъ, чтобы, расположившись тамъ лагеремъ, были готовы, по первому приказа-

нію, двинуться въ Карабагъ. Двѣ роты третьяго баталіона того же полка посланы на усиленіе отряда полковника Симоновича, расположеннаго въ Памбакахъ и Шурагели. Имѣя въ своемъ распоряженіи Саратовскій мушкетерскій полкъ и баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка, Симоновичъ долженъ былъ охранять эти двѣ провинціи отъ вторженія непріятеля. Онъ началъ свою дѣятельность съ того, что перевелъ всѣхъ пограничныхъ жителей Шурагели изъ слабыхъ мѣстъ въ болѣе крѣпкія и защищенныя природою, каковыми были: селенія Артикъ, Караулъ-тепь и Кавчаго. Расположивъ въ каждомъ изъ селеній по двѣ роты [1]), Симоновичъ принялъ надъ ними личное начальство. Занявъ селеніе Гумры двумя ротами Кавказскаго гренадерскаго полка съ двумя орудіями, а селеніе Гамамли ротою Саратовскаго полка, Симоновичъ обезпечивалъ всѣ важнѣйшія мѣста Шурагельской провинціи [2]).

Для защиты Казахской и Шамшадыльской дистанцій и главнѣйшимъ образомъ для обезпеченія сообщенія Тифлиса съ Елисаветполемъ были отправлены въ Демурчасалы остальныя двѣ роты Троицкаго мушкетерскаго полка, къ которымъ впослѣдствіи, по усмиреніи хевсуръ, были присоединены изъ Тіонетъ двѣ роты Кабардинскаго полка съ тремя орудіями.

Два баталіона Троицкаго полка, расположенные на р. Куракъ-чай, не долго оставались на мѣстѣ. Какъ только Несвѣтаевъ узналъ объ измѣнѣ Ибраимъ-хана, онъ тотчасъ же приказалъ генералъ-маіору Небольсину присоединить къ себѣ полковника Карягина съ частью 17-го егерскаго полка и слѣдовать въ Карабагъ для защиты жителей отъ разореній непріятеля. Имѣя въ строю 1,092 человѣка пѣхоты, 113 человѣкъ казаковъ и восемь орудій [3]),

---

[1]) Въ Артикѣ были расположены двѣ роты Троицкаго полка; въ Караулъ-тепи—Кавказскаго и въ Кавчаго—Саратовскаго полковъ.

[2]) Рапортъ Несвѣтаева генералу Глазенапу отъ 16-го іюня, № 1287.

[3]) Въ отрядѣ Небольсина находилось: Троицкаго мушкетерскаго полка 726 строевыхъ рядовыхъ; Тифлисскаго мушкетерскаго 117 человѣкъ; 17-го егерскаго 249 строевыхъ рядовыхъ; казаковъ Сидорова полка 66 человѣкъ; Кондрашева 47 человѣкъ и 8 орудій 7-го артиллерійскаго баталіона съ 98 человѣками прислуги. (Рапортъ Небольсина Несвѣтаеву 4-го іюня, № 561. Тифл. Арх. Гл. Шт. Кавк. Арм., дѣло № 312).

Небольсинъ 5-го іюня выступилъ изъ лагеря и за три перехода отъ Шуши узналъ, что часть персіянъ, подъ начальствомъ Угурлу-аги, сына ганджинскаго Джавадъ-хана, появилась на р. Тертерѣ, близъ Елисаветполя. Не отвлекаясь посторонними дѣйствіями и предоставляя Угурлу-агѣ писать громкія воззванія къ жителямъ [1]), Небольсинъ слѣдовалъ далѣе, и 8-го іюня, на пути между Шахъ-булагомъ и Аскаранью, былъ атакованъ передовою конницею Аббасъ-мирзы въ числѣ 4,000 человѣкъ. Прокладывая себѣ дорогу штыками на разстояніи 16-ти верстъ, Небольсинъ, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, достигъ, однако же, до Аскарана, гдѣ и присоединилъ къ себѣ 109 человѣкъ строевыхъ чиновъ, пришедшихъ туда съ маіоромъ Лисаневичемъ. Считая себя достаточно сильнымъ, чтобы съ успѣхомъ бороться съ непріятелемъ, Небольсинъ рѣшился атаковать персіянъ. Оставивъ обозъ и тяжести въ Аскаранѣ подъ прикрытіемъ одного орудія и части пѣхоты, онъ, 10-го іюня, двинулся къ Карапапету, гдѣ были расположены главныя силы Аббасъ-мирзы, но, не заставъ тамъ непріятеля, пошелъ къ рѣчкѣ Ханатинъ. Въ часъ пополуночи 13-го іюня русскій отрядъ, пройдя не болѣе семи верстъ отъ лагеря, былъ встрѣченъ персидскою конницею, позади которой, въ Ханатинскомъ ущельѣ, была расположена пѣхота. Аббасъ-мирза успѣлъ сосредоточить на этомъ пунктѣ 4,000 пѣхоты и около 16,000 кавалеріи [2]). Онъ притянулъ къ себѣ всѣ мелкіе отряды и даже тотъ,

[1]) „Вы всегда усердные подданные были намъ, писалъ Угурли-ага елисаветпольскимъ жителямъ христіанскаго исповѣданія, и никогда не отказывались отъ службы нашей. Если вы опасаетесь со стороны того, что вы крестопоклонники и, по прибытіи нашемъ и завладѣніи страною, будемъ давать татарамъ почести, а васъ притѣснять, то клянусь вамъ Богомъ и душою покойнаго отца моего, что будемъ давать вамъ почести, нимало не различая отъ татаръ. Если вы полагаете, что нынѣшній походъ будетъ сообразенъ прежнимъ походамъ, т. е. на короткое время, и мы опять возвратимся, то это не такъ, а сего года останемся здѣсь, и Шахъ-задэ будетъ въ здѣшнихъ владѣніяхъ, и будьте увѣрены, что персіяне не оставятъ сіе намѣреніе, а напротивъ того, самъ государь съ многочисленными непобѣдимыми войсками изволилъ выступить изъ Тавриза и находится въ Софіяне. Ежели вы окажете свое усердіе, получите милость, а если нѣтъ, то напрасно предадитесь разоренію.“ (Тифл. Арх. Главн. Шт. Кавк. Арм., книга донесеній, № 243).

[2]) Рапортъ Небольсина Несвѣтаеву 14-го іюня, № 575.

который имѣлъ стычку съ Небольсинымъ между Шахъ-булагомъ и Аскаранью.

Съ разсвѣтомъ, вся масса непріятеля атаковала русскій отрядъ. Атака персіянъ не отличалась ни стройностію, ни порядкомъ— это былъ наѣздъ толпы, старавшейся окружить насъ со всѣхъ сторонъ. Для отраженія такой атаки, каре и штыки были лучшими тактическими дѣйствіями, а наступленіе на лагерь или на вагенбургъ—лучшими стратегическими соображеніями. Потеря лагеря или вьюковъ были особенно страшны для персіянъ, потому что они, лишившись средствъ къ существованію и разсыпавшись въ разныя стороны, принуждены бывали путемъ грабежа мѣстныхъ жителей искать средствъ къ продовольствію.

Въ данномъ случаѣ генералъ-маіоръ Небольсинъ поступилъ точно также. Не останавливая своего движенія и построивъ войска въ каре, онъ подавался впередъ, штыками выгналъ персіянъ изъ ущелій и заставилъ ихъ вмѣстѣ съ Аббасъ-мирзою отступить къ Араксу. Непріятель потерялъ много убитыми, ранеными и два фальконета; съ нашей же стороны убито восемь, ранено: оберъ-офицеровъ четыре и нижнихъ чиновъ 52 человѣка. Затѣмъ маіоръ Лисаневичъ, пройдя форспрованными маршами въ верховья рѣки Мигри, 20-го іюня разбилъ и прогналъ встрѣченную тамъ партію персіянъ [1]).

Одновременно съ появленіемъ персіянъ въ Карабагѣ, царевичъ Александръ, съ 7,000 человѣкъ персидскихъ войскъ, прибылъ на рѣку Балахлу, въ разстояніи одного дня ѣзды отъ Казахской провинціи. Отсюда онъ отправилъ къ казахамъ своего посланнаго съ требованіемъ, чтобы они прислали ему, въ знакъ вѣрности, четырехъ старшинъ. Оставивъ ихъ у себя въ качествѣ аманатовъ и обѣщая избавить Грузію отъ власти русскихъ, царевичъ 12-го іюня, потянулся къ Шамшадыльской провинціи. Цѣль его движенія состояла въ томъ, чтобы поднять противъ насъ одновременно казаховъ и шамшадыльцевъ, и затѣмъ, соединясь съ Аббасъ-мирзою, двинуться къ Тифлису. Остановившись близъ озера Гокча, персіяне раздѣлились на двѣ части: одна, подъ на-

[1]) Рапортъ Лисаневича Небольсину, 9-го іюля № 156. Тиф. Арх. Глав. Шт. Кавк. Арм., дѣло № 312.

чальствомъ царевича Александра, расположилась у Торчая, а другая, подъ командою Хуссейнъ-Кули-хана урумійскаго, перешла въ вершины Дзагами, въ 80-ти верстахъ отъ Елисаветполя.

Не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, оба отряда ожидали соединенія съ главными силами Аббасъ-мирзы, который намѣревался, черезъ Карабагъ и Елисаветполь, слѣдовать къ Тифлису. Среди весьма продолжительнаго ожиданія какъ царевичъ Александръ, такъ и Хуссейнъ-Кули-ханъ старались привлечь на свою сторону подвластныхъ Россіи жителей. Хуссейнъ отправилъ казахамъ и шамшадыльцамъ воззваніе и требовалъ отъ всѣхъ агаларовъ, чтобы они соединились съ персіянами для дѣйствія противъ русскихъ, которыхъ обѣщалъ истребить всѣхъ до единаго.

«По повелѣнію всемилостивѣйшаго и великаго Шахъ-задэ (Аббасъ-мирзы), писалъ онъ въ одной изъ прокламацій, я отправленъ для управленія и распоряженія дѣлами Тифлисской стороны, и, при милости Божіей, прибуду туда съ безчисленными войсками черезъ короткое время. Объявляю вамъ, яко народамъ и сосѣдямъ нашимъ, что всегда желаемъ имѣть къ вамъ почтеніе, и вы должны быть удостовѣрены, что получите такую милость, которой не ожидали. Будьте рачительны къ службѣ безъ всякаго опасенія и страха, дабы по прибытіи Шахъ-задэ была оказана ваша служба.»

Царевичъ Александръ писалъ также, что прибылъ съ значительнымъ войскомъ въ Шаруръ и что агалары должны встрѣтить его съ «повиновеніемъ». Царевичъ увѣрялъ, что на этотъ разъ пришелъ не даромъ, но или погибнетъ со всѣмъ своимъ войскомъ, или выгонитъ «мерзкаго непріятеля» и истребитъ его мечомъ непобѣдимыхъ войскъ своихъ. «Вамъ извѣстно, писалъ онъ, что предметъ толикихъ походовъ и безпокойствія войскъ государевыхъ (Баба-хана) есть избавленіе ваше и спокойствіе. Карабагское дѣло почти сдѣлано, Высочайшій же и милостивѣйшій Шахъ-задэ, переправясь черезъ Худо-аферинскій мостъ, поставитъ войска для блокады Ганжи (Елисаветполя), а самъ изволитъ отправиться на Тифлисъ. Кто выѣдетъ навстрѣчу, тотъ получитъ милость, а кто воспротивится, наказанъ будетъ сильнымъ мечомъ [1]).»

[1]) Письмо царевича, книга донесеній, № 241.

Угрозы не дѣйствовали; агалары не ѣхали ни къ царевичу, ни къ Хуссейнъ-Кули-хану. Александръ снова писалъ имъ, чтобы они не боялись дѣйствовать открыто и ѣхали къ нему смѣло. Если же думаютъ, что персидскія войска, не удержавшись въ Грузіи, возвратятся назадъ, а они останутся въ рукахъ русскихъ, то пусть пришлютъ къ нему нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ удостовѣриться, съ какимъ числомъ войскъ идетъ онъ на Грузію. «Но когда вы увидите, писалъ царевичъ, что отъ сего войска никакого слѣдствія не можетъ быть, то сидите на мѣстѣ. Богомъ клянусь вамъ, что такого приготовленія никогда не было какъ нынѣ, и весьма стараются на сей разъ истребить русскихъ и дѣло привесть въ совершенство.»

Посланные вмѣстѣ съ письмами, при самомъ ихъ вступленіи въ Казахи, были схвачены и отправлены въ Тифлисъ. Казахскому моураву, надворному совѣтнику князю Бебутову, поручено вести переговоры съ царевичемъ Александромъ и предложить ему пріѣхать въ Тифлисъ, не ожидая побѣды, а съ покорностью и съ просьбою о прощеніи. Какъ ни велики были, по словамъ царевича, силы персіянъ, но онъ предпочелъ отвѣчать Бебутову, что готовъ покориться, если выдано будетъ ему письменное ручательство въ его безопасности; если примутъ съ почестью, какъ его, такъ и всѣхъ при немъ находящихся, и наконецъ, если дозволено будетъ, по прибытіи въ Тифлисъ, написать прошеніе Императору Александру [1]).

Несвѣтаевъ обѣщалъ принять Александра съ почестью и предоставить ему выгоды и преимущества, «которыми, писалъ онъ, обильно пользуются свѣтлѣйшіе ваши братья и всѣ члены грузинскаго царственнаго дома [2]).»

Гудовичъ же не одобрилъ поступка Несвѣтаева и, не желая показать, что русское правительство придаетъ большое значеніе возвращенію царевича, приказалъ сообщить ему, что отличныхъ почестей себѣ онъ требовать не можетъ, а будетъ принятъ «такъ,

---

[1]) Рапортъ князя Бебутова правителю Грузіи, 25-го іюля, № 185.
[2]) Рапортъ Несвѣтаева Глазенапу, 31-го іюля, № 1992. Книга донесеній № 241.

какъ и братья его царевичи принимаются, партикулярно [1]); приближеннымъ же его будетъ исходатайствовано прощеніе. Относительно послѣднихъ, Несвѣтаеву было поручено, въ случаѣ успѣха въ переговорахъ съ царевичемъ, стараться впускать съ нимъ въ Грузію какъ можно меньше свиты, дабы наплывъ бѣглыхъ грузинъ, явившихся въ страну подъ видомъ раскаянія, не имѣлъ въ дѣйствительности вреднаго вліянія на жителей.

Личныя обѣщанія Несвѣтаева не удовлетворили царевича Александра, считавшаго ихъ недостаточными для своего благосостоянія. Въ отвѣтѣ своемъ онъ писалъ, что готовъ ѣхать въ Тифлисъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ и единственнымъ условіемъ, что будетъ оставленъ въ Грузіи, а не отосланъ въ Россію.

«Будьте увѣрены, писалъ онъ генералу Несвѣтаеву, что если я буду на моей родной землѣ, то это составитъ мое успокоеніе, благоденствіе и великую государеву милость; а если не буду въ моей отчизнѣ, то не успокоюсь. Если вы меня оставите на моей родинѣ — куда какъ хорошо; если же вызовете въ Россію, то сколько бы сокровищъ ни посулили—зачѣмъ они мнѣ?»

Царевичъ говорилъ, что останется вѣренъ или русскому Императору или шаху, смотря потому, кто дастъ ему средства жить въ родной странѣ, и если сдѣлаетъ это русскій Императоръ, то Александръ обѣщалъ ему служить такъ, какъ служили Христу святые мученики, пролившіе за него кровь свою. На обѣщаніе прощенія прежнихъ поступковъ царевичъ писалъ Несвѣтаеву, что не знаетъ за собою вины, и въ этомъ случаѣ поступалъ не чистосердечно; онъ хорошо зналъ, что кругомъ виноватъ передъ русскимъ правительствомъ.

«Ты пишешь мнѣ, говорилъ Александръ въ письмѣ своемъ князю Іосифу Бебутову [2]), изволь де прибыть и довѣриться русскимъ, и Государь-де милосердъ и много окажетъ милостей. Но по этому слову какъ можно мнѣ такъ скоро прибыть и помириться, если 10 и 12 подобныхъ дѣлъ не пройдетъ и я не буду весьма обнадеженъ? Вотъ теперь я тебѣ пишу: иди и помирись

[1]) Секретное предписаніе Несвѣтаеву, № 5.
[2]) Отъ 24-го августа 1806 году. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 121.

съ персіянами, предъ которыми ты не провинился и которые ни какой вражды за тобою не знаютъ; развѣ сейчасъ же пойдешь и довѣришься имъ, пока они пять и шесть разъ тебя не обнадежатъ? Подумай-ка, разсмотри и обсуди, можно ли мнѣ такъ скоро предаться имъ (русскимъ)? Вѣдь сколько разъ я съ ними воевалъ, сколько русскихъ побито чрезъ меня, какъ же мнѣ зря взять да и придти? Да хотя бы меня и обнадежили твердо и неизмѣнно все-таки сперва я и ты должны видѣться между собою, поговорить въ одномъ просторномъ мѣстѣ, обмѣняться лицомъ къ лицу своими мыслями и затѣмъ уже, когда мое сердце увѣрится и я буду обнадеженъ, статься можетъ, что и передамся».

Свиданія этого не послѣдовало, такъ какъ обстоятельства заставили царевича Александра удалиться отъ границъ Грузіи.

Неудачная попытка Аббасъ-мирзы въ Карабагѣ и бѣгство его за рѣку Араксъ разрушили всѣ планы царевича и поставили его въ опасное положеніе человѣка, рискующаго быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и попасться въ руки непріятеля. Дѣйствительно, удаленіе Аббасъ-мирзы дозволяло намъ открыть дѣйствія противъ Александра одновременно съ разныхъ сторонъ. и Несвѣтаевъ не преминулъ этимъ воспользоваться. Онъ приказалъ находившемуся въ Елисаветполѣ маіору Просвиркину взять 200 человѣкъ пѣхоты, два орудія и 300 человѣкъ обывательской конницы, съ которыми и дѣйствовать противъ Хуссейнъ-Кули-хана, стоявшаго у вершины Дзегамскаго ущелья. Другой отрядъ, подъ начальствомъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка подполковника князя Эристова, получилъ приказаніе двинуться Делижанскимъ ущельемъ къ озеру Гокча и тѣмъ заставить царевича Александра удалиться отъ шамшадыльскихъ границъ. Чтобы еще болѣе развлечь непріятеля, подполковнику Эристову приказано было отдѣлить изъ своего отряда 40 человѣкъ, которыхъ и отправить въ Шамшадыль съ маіоромъ Новицкимъ. Принявъ начальство надъ тамошними войсками и присоединивъ къ себѣ возможно большее число шамшадыльской конницы, маіоръ Новицкій долженъ былъ слѣдовать ближайшею дорогою на отрядъ царевича, разобщить его съ отрядомъ Хуссейнъ-Кули-хана, своими дѣйствіями

привлечь на себя вниманіе Александра и занять его до тѣхъ поръ, пока Эристовъ не зайдетъ ему въ тылъ.

Чтобы персіяне отъ Гарни-чая или Эривани не могли подать помощи Хуссейнъ-Кули-хану, признано полезнымъ сдѣлать диверсію изъ Памбакъ къ Эривани по абаранской дорогѣ. Полковникъ Симоновичъ съ 350 человѣкъ пѣхоты, при трехъ орудіяхъ и съ нѣкоторымъ числомъ татарской конницы, получилъ приказаніе сдѣлать впередъ два перехода отъ Караванъ-сарая и потомъ послать партію къ озеру Гокча. Наконецъ, со стороны Караклиса двинутъ былъ маіоръ Загорѣльскій со 150 человѣками гренадеръ.

Всѣмъ начальникамъ отрядовъ при приближеніи къ назначеннымъ мѣстамъ вмѣнено въ обязанность снестись между собою и дѣйствовать совокупными силами [1]). Планъ, хорошо задуманный, не былъ такъ же хорошо исполненъ, и совершенное истребленіе непріятеля не состоялось. Трудные переходы по весьма гористой мѣстности задержали многіе отряды, и они опоздали занять назначенные имъ пункты. Персіяне, провѣдавшіе о движеніи русскихъ отрядовъ съ разныхъ сторонъ, опасаясь быть окруженными, бѣжали въ одиночку черезъ горы такими дорогами, по которымъ сомкнутыми частями слѣдовать было невозможно. Царевичъ Александръ счелъ лучшимъ также уйти, но, отступая, наткнулся на отрядъ подполковника князя Эристова, потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Эривань. Съ удаленіемъ его, Елисаветпольская, Казахская, Шамшадыльская и Памбакская провинціи были совершенно успокоены. Большая часть жителей Карабага, скрывавшаяся отъ непріятельскаго разоренія въ разныхъ неприступныхъ мѣстахъ, возвращалась теперь въ свои селенія. Смерть Ибраимъ-хана не произвела между ними никакого замѣшательства, и большинство жителей не только не сожалѣло о кончинѣ хана, но, напротивъ, было даже радо такому происшествію. «Будьте извѣстны, писалъ карабагскій чиновникъ Мамедъ-ага дочери покойнаго Ибраимъ-хана [2]), что намѣреніе всего народа есть то, чтобы весь родъ по-

[1]) Рапортъ Несвѣтаева Глазенапу, 29-го іюня, № 1464. Книга донесеній, № 241.

[2]) Тути-бегюмъ, бывшей замужемъ за Селимъ-ханомъ шекинскимъ. См. «Ак. Кав. Арх. Ком.» т. III, № 607.

койнаго Ибраимъ-хана былъ уничтоженъ. Мы точно и твердо знаемъ, что изъ ханскаго роду, здѣсь мой Мехти-Кули-ханъ, а тамъ вы, а прочіе никто не желаютъ осчастливиться сему дому.»

Въ трактатѣ, заключенномъ съ карабагскимъ ханомъ, было сказано, что новый ханъ долженъ быть избираемъ потомственно по старшинству колѣна. Такимъ образомъ, послѣ смерти Ибраима, Карабагское ханство должно было перейти къ старшему его сыну, Мамедъ-Хассанъ-агѣ, а такъ какъ онъ умеръ еще при жизни отца, то къ сыну его Джафаръ-Кули-агѣ, восемнадцатилѣтнему юношѣ. Мехти-Кули-ага, второй сынъ Ибраима, также явился претендентомъ на ханское достоинство. При помощи обѣщаній и отчасти угрозъ, онъ заставилъ 65 человѣкъ разнаго званія людей подписать просьбу о томъ, что Карабагъ желаетъ его имѣть своимъ ханомъ. Заручившись этою просьбою, Мехти отправился въ Тифлисъ, куда поѣхалъ также и Джафаръ-ага, считавшій себя законнымъ наслѣдникомъ Карабагскаго ханства. Оба претендента хлопотали объ одномъ и томъ же ханскомъ достоинствѣ, и имѣли каждый партіи себѣ преданныхъ, причемъ партія Мехти была сильнѣе и многочисленнѣе партіи Джафара. Первый своимъ ловкимъ поведеніемъ успѣлъ обмануть многихъ, привлечь на свою сторону болѣе уважаемыхъ бековъ и вообще повести дѣла такъ, что, повидимому, пользовался большимъ уваженіемъ и преданностію народа. Оба искатели ханскаго достоинства казались расположенными къ Россіи, съ тою только разницею, что, какъ открылось впослѣдствіи, Джафаръ былъ человѣкъ чистосердечно намъ преданный, тогда какъ Мехти дѣлалъ это изъ разсчета: оба они не только не принимали никакого участія въ возстаніи, но, напротивъ, своими дѣйствіями способствовали къ усмиренію волненій и къ изгнанію непріятеля изъ Карабага. Мехти хлопоталъ потомъ объ уборкѣ хлѣба жителями и о доставленіи продовольствія русскимъ войскамъ, а Джафаръ о возвращеніи жителей, уведенныхъ персіянами [1]).

Сознавая, однако же, что племянникъ его Джафаръ имѣетъ

---

[1]) Рапортъ Несвѣтаева генералу Глазенапу, 18-го іюля. «Акты Кавк. Арх. Ком.» т. III, № 602.

больше правъ на управленіе Карабагомъ, Мехти не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы достигнуть предположенной цѣли. Узнавъ, что въ Тифлисѣ жилъ бывшій хойскій Джафаръ-Кули-ханъ, человѣкъ, уважаемый нашимъ правительствомъ за оказанныя имъ услуги Россіи во время управленія краемъ князя Циціанова, Мехти сталъ дѣйствовать черезъ него. Однажды ночью, пробравшись въ домъ Джафара, Мехти просилъ его, чтобы онъ уговорилъ графа Гудовича утвердить его ханомъ. Джафаръ долго не соглашался вмѣшиваться въ постороннія для него дѣла и уступилъ просьбѣ Мехти только тогда, когда тотъ обѣщалъ, въ знакъ благодарности, отдать въ жены Джафару сестру свою Геоухеръ, извѣстную красавицу во всемъ Закавказьѣ. Шестидесятилѣтній старецъ Джафаръ прельстился этимъ обѣщаніемъ и отправился къ графу Гудовичу просить за Мехти-Кули-агу. Онъ говорилъ главнокомандующему, что хотя его тесна Джафаръ и имѣетъ больше правъ на владѣніе Карабагскимъ ханствомъ, но онъ гораздо менѣе любимъ народомъ, чѣмъ Мехти-Кули-ага; что послѣдній болѣе щедръ, а это въ глазахъ мусульманъ имѣетъ огромное значеніе; и, наконецъ, что Мехти-Кули-ага принесетъ гораздо болѣе пользы Россіи, чѣмъ Джафаръ, который еще молодъ и неопытенъ [1]). Подъ предлогомъ того, что Джафаръ имѣетъ только 18 лѣтъ отъ роду и не можетъ управлять ханствомъ [2]), графъ Гудовичъ назначилъ Мехти-Кули-агу управляющимъ Карабагомъ впредь до утвержденія его въ ханскомъ достоинствѣ Императоромъ Александромъ [3]).

[1]) Изъ разсказовъ Мирзы-Фетхъ-Али-Ахундова, Ширмазана Вартанова и другихъ.

[2]) Отношеніе графа Гудовича барону Будбергу 23-го ноября 1806 года. А. К. Ар. Ком. т. III, № 621.

[3]) Мехти-Кули-ханъ исполнилъ данное обѣщаніе, и красавицу сестру выдалъ замужъ за Джафара. Свадьба состоялась, но молодая и прекрасная Геоухеръ скоро убѣдилась въ немощи своего стараго мужа. Она влюбилась въ красиваго и молодаго секретаря Джафара, Мирзу-Али, вступила съ нимъ въ связь и переписку, которая не скрылась отъ первой жены хана, Султанетъ-бегюмъ. Геоухеръ хранила дорогія ей письма въ особой шкатулкѣ, которую всегда клала къ себѣ подъ подушку. Султанетъ-бегюмъ уговорила свою дочь украсть шкатулку и передала ее Джафару. Мирза-Али былъ схваченъ и застрѣленъ.

Послѣ смерти мужа Геоухеръ возвратилась въ Карабагъ. Она была еще такъ хороша собою, что сосѣдніе персидскіе владѣтели одинъ за другимъ

Въ сентябрѣ 1806 года такое утвержденіе послѣдовало, и Императоръ, подверждая отъ слова до слова всѣ условія, заключенныя съ Ибраимъ-ханомъ, поручалъ новому владѣтелю управлять народомъ съ кротостію и правосудіемъ. Ему предоставлено владѣть ханствомъ подъ верховнымъ покровительствомъ русскаго Императора и съ признаніемъ надъ собою его единственной власти [1]).

Графъ Гудовичъ пригласилъ Мехти-Кули-хана къ себѣ въ Тифлисъ, далъ въ честь его балъ и вручилъ Высочайшую грамату на ханство, обѣщая при этомъ въ непродолжительномъ времени доставить ему саблю и знамя [2]). Главнокомандующій былъ на столько убѣжденъ въ чистосердечномъ расположеніи къ намъ новаго владѣтеля, что запретилъ находившемуся въ Карабагѣ съ отрядомъ подполковнику Котляревскому вмѣшиваться во внутреннее управленіе ханства.

Получивъ утвержденіе, Мехти-Кули-ханъ тотчасъ же потребовалъ отъ своего племянника Джафара письменное обязательство въ томъ, что будетъ признавать его власть надъ собою. Джафаръ отвѣчалъ, что будетъ покорнымъ и вѣрнымъ Мехти до тѣхъ поръ, пока послѣдній самъ сохранитъ должное повиновеніе русскому Императору. Это выраженіе послужило, впослѣдствіи, поводомъ къ гоненію Джафара, во многихъ случаяхъ препятствовавшаго дурнымъ замысламъ карабагскаго хана [3]).

искали ея руки. Князь Мадатовъ уговорилъ ее выйти замужъ за хана Киши-бека, человѣка слабоумнаго, но владѣвшаго огромными богатствами. Ханъ Киши-бекъ умеръ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и Геоухеръ, присвоивъ себѣ всѣ его сокровища, жила на славу. Когда она выходила замужъ вторично, карабагскіе поэты писали въ честь ея стихи и сожалѣли, что оселъ—какъ называли они будущаго ея слабоумнаго супруга—недостойный даже ослинаго стекляруса, завладѣлъ лучшею въ мірѣ жемчужиною. (Изъ разсказовъ Мирзы-Фетхъ-Али-Ахундова).

[1]) Высочайшая грамата Мехти-Кули-хану и обвѣщеніе карабагскому народу отъ 10-го сентября 1806 года.

[2]) Газета «Кавказъ» 1855 года, № 69.

[3]) Притѣсненія эти заставили Джафара отправиться въ Тифлисъ, гдѣ, явясь къ графу Гудовичу, онъ подалъ ему прошеніе. Не смотря на обиду, нанесенную ему презрѣніемъ его правъ на ханство, Джафаръ просилъ только, чтобы обратили на него вниманіе и дали случай воспользоваться щедротами русскаго Императора. «Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ своемъ

Добиваясь ханскаго достоинства, Мехти-Кули-ханъ не оставлялъ подпольныхъ интригъ, въ тайнѣ сочувствовалъ поведенію отца и не прекращалъ сношеній съ своимъ родственникомъ Селимъ-ханомъ шекинскимъ. Смерть Ибраимъ-хана еще болѣе возстановила послѣдняго противъ русскихъ. Вѣрный обычаямъ страны и сынъ своего вѣка, Селимъ считалъ себя обязаннымъ отмстить за кровь своего тестя. Подговоры приверженцевъ умершаго хана еще болѣе убѣждали шекинскаго хана въ необходимости такого мщенія.

«Вы извѣстны о томъ», писалъ Селимъ-хану тотъ же карабагскій чиновникъ Мамедъ-ага, «какое намѣреніе имѣлъ Ибраимъ и какая была наша мысль. Средство и можно было найти; если бы человѣкъ сдѣлалъ дѣло съ терпѣніемъ и умышленностію, то онъ могъ бы получить желаемое, но отъ нѣкоторыхъ людей здѣсь находящихся, которые безъ помышленія дураки, измѣнники, корыстолюбивы и упорны, сіе дѣло дошло до сего. Теперь какая польза? дѣло прошло и нельзя возвратить, а нынѣ, если вы любите Бога и себя, сдѣлайте такое дѣло съ терпѣніемъ, *чтобы на свѣтѣ оставить про себя славу и чтобы вы тамъ, а здѣсь мой господинъ (Мехти-Кули-ханъ)* не могли бы понесть убытка и сдѣлали бы дѣло. Первый совѣтъ сего дѣла есть тотъ, чтобы вы отъ Мехти-Кули-хана сердечно не удалились, а по наружности, какъ бы то ни было, все можно обойтиться; второй есть тотъ, чтобы какимъ нибудь образомъ съ русскими заводить сношеніе и дружбу, и третій тотъ, чтобы отсель персіяне отдалились, потому что чѣмъ они далѣе будутъ, тѣмъ русскіе будутъ въ безопасности и безосторожности, и доколѣ персіяне будутъ близко, дотолѣ они будутъ стараться такимъ же образомъ. Русскіе во всякомъ дѣлѣ осторожны и никто не можетъ ничего выиграть у нихъ» [1]).

Писавшій хвастался Селиму, что наружною преданностію и

прошеніи, что вашему сіятельству угодно будетъ мнѣ приказать, я все то буду стараться исполнить и, поступая по совѣтамъ вашимъ, служить со всѣмъ усердіемъ Его Императорскому Величеству до пролитія крови моей». Джафару предоставлено было въ пользованіе 36 деревень въ Карабагѣ; онъ произведенъ въ полковники съ жалованьемъ по чину.

[1]) Перехваченное письмо Мамедъ-аги къ Селимъ-хану. См. Ак. Кавк. Арх. Ком. т. III, № 607.

жалобою Мехти-Кули-ханъ успѣлъ удалить Лисаневича и Джораева изъ Карабага. Мехти ложно обвинялъ Лисаневича, что онъ взялъ себѣ большую часть богатства Ибраима, его вещи, деньги, уборъ и палатки; что онъ не платилъ денегъ за доставленный провіантъ и проч. [1]). Хотя тифлисское начальство и не давало вѣры взводимымъ на Лисаневича обвиненіямъ, но, для скорѣйшаго успокоенія Карабага, признало нужнымъ отозвать какъ его, такъ и маіора Джараева. Не довольствуясь этимъ, Мехти и его приверженцы тотчасъ подкупили и отправили въ Тифлисъ мирзу Али-бека, чтобы тотъ отъ своего имени жаловался на Лисаневича и Джораева и обвинилъ ихъ на столько, «чтобы они погибли». Посланный не достигъ цѣли своего пріѣзда въ Тифлисъ, точно такъ же какъ и самъ Мехти получилъ отказъ въ просьбѣ вывести русскія войска изъ Карабага. Выводъ этихъ войскъ необходимъ былъ по общему плану дѣйствій прежнихъ союзниковъ, плану, до сихъ поръ поддерживаемому Селимъ-ханомъ шекинскимъ.

Послѣдній не послѣдовалъ осторожному совѣту Мамедъ-аги и торопливостію въ дѣйствіяхъ окончательно разоблачилъ свое поведеніе и непріязнь къ Россіи. Не соразмѣривъ своихъ силъ и средствъ, онъ рѣшился мстить за убійство Ибраима и избавиться отъ присутствія русскихъ войскъ въ его владѣніяхъ. Въ глазахъ Селима цѣль оправдывала средства, и онъ не думалъ о послѣдствіяхъ.

Въ то время въ шекинскомъ владѣніи находился отрядъ, подъ начальствомъ 17-го егерскаго полка маіора Парфенова, который и былъ расположенъ лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ нухинской крѣпости, постояннаго мѣстопребыванія Селимъ-хана. Въ отрядѣ состояло 284 человѣка Тифлисскаго мушкетерскаго полка и 2 орудія [2]).

---

[1]) Прошеніе карабагскихъ старшинъ генералъ-маіору Несвѣтаеву. По слѣдствію, произведенному надъ Лисаневичемъ (см. всеподд. рапортъ графа Гудовича отъ 14-го іюля 1807 года, № 130), всѣ наговоры эти оказались ложными. Вещи были расхищены собственными служителями Ибраима, и многія изъ нихъ отысканы. Скотъ и провіантъ Ибраимъ-ханъ давалъ нѣсколько разъ въ подарокъ войскамъ и Лисаневичъ никакихъ денегъ на покупку его не выводилъ.

[2]) Рап. Парфенова полковн. Карягину 26-го мая, № 109, дѣло № 298.

Какъ только Селимъ-ханъ узналъ о смерти Ибраимъ-хана, онъ тотчасъ же отправилъ посланнаго къ маіору Парфенову, прося его какъ можно скорѣе пріѣхать къ нему. Посланный объявилъ, что ханъ желаетъ скорѣйшаго свиданія съ нимъ потому, что, получивъ вѣрныя извѣстія, будто персіяне идутъ на его владѣніе, намѣренъ съ общаго совѣта соединить свои войска съ русскими и двинуться вмѣстѣ къ границамъ, для отраженія непріятеля. Не подозрѣвая измѣны, Парфеновъ согласился исполнить просьбу хана. Взявъ съ собою адъютанта и пятнадцать человѣкъ конвойныхъ казаковъ, онъ рано утромъ выѣхалъ изъ лагеря. Не доѣзжая верстъ семь до Нухи, Парфеновъ увидѣлъ стоящее лагеремъ войско Селимъ-хана, доходившее числомъ до 3,000 человѣкъ. Эта неожиданная встрѣча еще болѣе убѣдила Парфенова въ справедливости слуховъ о близкомъ вторженіи персіянъ, и потому онъ съ полнымъ довѣріемъ подъѣхалъ къ лагерю.

— Что дѣлаетъ ханъ? и скоро ли я могу надѣяться его видѣть? спросилъ Парфеновъ ханскаго чиновника Мирзу-бека, черезъ котораго обыкновенно все докладывалось хану.

Не отвѣчая прямо на вопросъ, Мирза подошелъ къ Парфенову и проговорилъ съ нимъ съ четверть часа о совершенно посторонникъ предметахъ.

— Отчего ханъ съ войскомъ такъ скоро вышелъ въ лагерь, и не извѣстилъ предварительно меня? спросилъ опять Парфеновъ.

— Онъ поторопился это сдѣлать единственно потому, что персидскія войска очень близко, отвѣчалъ Мирза-бекъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Мирза пригласилъ Парфенова и его адъютанта въ свою палатку, и, подъ предлогомъ необходимости повидаться съ ханомъ, ушелъ, оставивъ ихъ однихъ. Спустя часъ времени, Парфеновъ увидѣлъ, что до 100 человѣкъ вооруженныхъ шекинцевъ бросились на его казаковъ, которыхъ частію перерѣзали, а частію обезоружили. Оборвавъ одежду и оставивъ казаковъ въ однѣхъ рубахахъ, шекинцы завязали имъ назадъ руки и отобрали лошадей.

Почти одновременно съ этимъ въ палатку, въ которой находился Парфеновъ, ворвалось шесть человѣкъ съ обнаженными саблями. Поваливъ его на землю, они зажали ему ротъ, отобрали

всѣ цѣнныя вещи и деньги, и, связавъ назадъ руки, отправили въ такомъ видѣ пѣшкомъ въ нухинскую крѣпость подъ сильнымъ конвоемъ. Удары плетью и прикладами сыпались на бѣдныхъ путниковъ, принужденныхъ идти почти бѣгомъ. Парфеновъ помѣщенъ былъ въ подземелье вмѣстѣ съ адъютантомъ. Тамъ ихъ раздѣли, связали назадъ руки, набили имъ на ноги колодки, вѣсомъ пуда въ два каждая, и бросили въ углу. Въ такомъ положеніи узники пробыли часа два, окруженные конвоемъ до 25 человѣкъ.

Отсюда повели ихъ обратно въ лагерь, гдѣ Мирза-бекъ укорялъ Парфенова въ томъ, что русскіе измѣнническки убили Ибраимъ-хана.

— Лисаневичъ сдѣлалъ это по повелѣнію Государя? спрашивалъ Мирза.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ Парфеновъ.

— За смерть Ибраимъ-хана, Селимъ хочетъ истребить тебя вмѣстѣ съ отрядомъ.

— Вѣрноподанный моего Государя, отвѣчалъ Парфеновъ, я готовъ пролить мою кровь на службѣ и съ спокойнымъ духомъ готовъ сейчасъ умереть.

Мирза перемѣнилъ свой звѣрскій видъ на ласковый.

— Не хотите ли мнѣ приказать что нибудь доложить хану, — я все исполню, сказалъ онъ.

— Послѣдняя моя просьба та, отвѣчалъ Парфеновъ, чтобы по совершеніи надо мною и всѣми со мною находящимися смертной казни, отрядъ русскихъ войскъ, который былъ до сего подъ моимъ начальствомъ, былъ выведенъ Селимъ-ханомъ изъ границъ его владѣній, не причиняя ему никакого вреда.

Мирза отправился къ хану, а Парфеновъ остался съ связанными руками и въ ожиданіи новыхъ истязаній.

Черезъ четверть часа явился другой чиновникъ, съ конвертомъ Парфенова, недѣлю тому назадъ отправленнымъ къ полковнику Карягину. Посланные съ письмомъ казаки были схвачены ханскими людьми и бумаги представлены къ Селиму.

— Что это за бумага и о чемъ? спросилъ посланный.

— О моемъ собственномъ дѣлѣ, отвѣчалъ Парфеновъ.

Передъ вечеромъ Парфенову объявили, что ханъ отпускаетъ его въ свой лагерь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ по прибытіи туда онъ вывелъ отрядъ изъ шекинскаго владѣнія. Проводникъ Селима довелъ узниковъ до лагеря, въ который они и прибыли ночью [1]). Тамъ Парфеновъ узналъ, что одновременно съ его арестованіемъ Селимъ-ханъ отправилъ вооруженную толпу къ нашему лагерю съ приказаніемъ произвести нечаянную атаку на нашъ отрядъ. Шекинцы наткнулись на табунъ, пасшійся близъ отряда, были тотчасъ же замѣчены нашими войсками, но успѣли, однако же, отогнать лошадей, не смотря на открытый по нимъ ружейный и артиллерійскій огонь [2]).

На другой день по возвращеніи Парфенова въ лагерь, Селимъ прислалъ къ нему чиновника, который вручилъ письмо хана къ полковнику Карягину.

«Вамъ извѣстно, писалъ Селимъ, что покойный Ибраимъ-ханъ и я, къ стыду нашему, отклонясь отъ единовѣрнаго намъ государя, вступили въ повиновеніе россійскому и отдали наши владѣнія русскимъ. Это сдѣлали мы не для инаго чего, какъ чтобъ въ нужномъ случаѣ давали они намъ помощь и были бы мы въ спокойствіи. Первая помощь намъ отъ русскихъ была та, что сильный непріятель пришелъ на мое владѣніе, и не могли они мнѣ дать никакой помощи; второе, что Ибраимъ-хану на мѣсто благодарности приключили вы бѣдствіе; маіоръ Лисаневичъ худымъ поведеніемъ своимъ притѣснялъ его, и Ибраимъ-ханъ только два мѣсяца имѣлъ переговоры съ единовѣрнымъ себѣ государемъ. Но за всѣмъ тѣмъ крѣпость была еще въ рукахъ русскихъ, и онъ самъ оказывалъ еще имъ почтеніе и ласки.

«Вотъ ваше обыкновеніе каково, что и мою сестру убили и другихъ съ ней! Послѣ такого вашего вѣроломства могу ли вѣрить вамъ и содержать ваше войско? Подданные мои за таковое дѣло, будучи раздражены, хотѣли истребить все войско россійское и безъ вѣдома моего, собравшись вмѣстѣ, взяли маіора, чиновниковъ и нѣкоторыхъ убили и отогнали всѣхъ лошадей ихъ. Но я,

[1]) Рапортъ Парфенова Несвѣтаеву 12-го іюня, № 121. Тифл. Арх. Главн. Штаба Кавк. Арм. Книга донесеній, № 123.

[2]) Тоже отъ 12-го іюня, № 123.

не соглашаясь на сіе, не хотѣлъ показать вѣроломство подобно Хуссейнъ-Кули-хану бакинскому, и какъ россійское войско взято сюда мною, то и не хотѣлъ я учинить такого вѣроломства, какое сдѣлали вы, освободилъ маіора и другихъ и возвратилъ назадъ лошадей. Теперь вамъ должно взять изъ сего владѣнія ваше войско, а если вы сіе не сдѣлаете, вамъ худо будетъ, ибо народъ мой возсталъ противъ онаго и нельзя быть оному здѣсь.

«Если въ сердцѣ вашемъ не было вражды и вы были бы искренни, какъ я, то маіоръ, находящійся въ крѣпости, могъ бы успокоить Ибраимъ-хана, или бы удержалъ его какимъ либо образомъ въ крѣпости до появленія непріятеля, а по наказаніи онаго могъ бы онъ Ибраимъ-хана опять удостовѣрить и успокоить, а не долженъ бы дѣлать такое постыдное вѣроломство. Послѣ этого кто вамъ повѣрить? Я во владѣніи моемъ не сдѣлаю такого вѣроломства, и когда выступитъ войско изъ моего владѣнія, тогда при Божіей милости появится мое доброжелательство или недоброжелательство. Однако же, возьмите отсель войско, послѣ я не буду виноватъ.»

Посланный отъ имени хана требовалъ, чтобы Парфеновъ съ отрядомъ какъ можно скорѣе оставилъ шекинское владѣніе, и предупреждалъ, чтобы онъ не отступалъ по дорогѣ, ведущей къ Менгечаурской переправѣ.

— Это почему? спросилъ Парфеновъ.

— Потому что тамъ разломаны всѣ мосты и стоятъ войска наши и хана ширванскаго.

Въ то же время, для скорѣйшаго понужденія русскихъ выдти изъ его владѣній, Селимъ выслалъ свои войска, появившіяся въ виду нашего лагеря. Парфеновъ сталъ въ боевой порядокъ и объявилъ чиновнику, что если шекинскія войска подойдутъ близко, то онъ откроетъ огонь и будетъ дѣйствовать какъ противъ непріятелей. Шекинцы отошли назадъ, и кавалерія ихъ спѣшилась. Тогда Парфеновъ началъ отступать и былъ провожаемъ шекинскими войсками, шедшими спереди и сзади, до самыхъ границъ шекинскаго владѣнія, откуда и прибылъ въ Елисаветполь.

Несвѣтаевъ требовалъ отъ Селима объясненій въ его поступкахъ и ханъ отвѣчалъ, что настаивалъ на выводѣ войскъ изъ

опасенія, чтобы и его не постигла та же участь, какая постигла Ибраима. Селимъ заявлялъ, что если русскіе хотятъ его покорности и вѣрности, то пусть произведутъ слѣдствіе надъ поступками Лисаневича, и если, писалъ онъ, «воспослѣдуетъ надлежащее наказаніе за кровь мою, чѣмъ я буду почтенъ въ своихъ владѣніяхъ, то хорошо, а если нѣтъ, то будетъ воля Божія! А я до полученія отъ Государя разрѣшенія не могу вѣрить ни вашей дружбѣ, ниже буду оказывать вражду къ вамъ».

Отступленіе Парфенова было крайне неумѣстно и несообразно со славою русскаго оружія и съ тою репутаціею, которую составили себѣ въ томъ краѣ даже незначительные наши отряды, всегда выходившіе побѣдителями въ борьбѣ съ многочисленными полчищами персіянъ. Недостатокъ стойкости и твердости имѣлъ дурныя послѣдствія, и сдѣланная ошибка стоила большихъ усилій для ея исправленія.

III.

Движеніе генерала Глазенапа въ Дагестанъ.—Занятіе Дербента.—Назначеніе шахмала тарковскаго ханомъ дербентскимъ.—Вторженіе персіянъ въ Ширванское ханство, и мѣры, принятыя для изгнанія ихъ.—Движеніе Лисаневича къ Джавату.—Отступленіе персіянъ.—Экспедиція въ Баку.—Назначеніе генерала Булгакова начальникомъ экспедиціи.—Занятіе Баку и устройство тамъ правленія.—Покореніе Кубинскаго ханства.—Дѣйствія Булгакова въ Казыкумухѣ и присяга Сурхай-хана казыкумухскаго.

Извѣстіе о союзѣ, заключенномъ между тремя ханами: казыкумухскимъ, карабагскимъ и шекинскимъ, побудило генерала Глазенапа сосредоточить отрядъ въ 3,000 человѣкъ, съ десятью орудіями [1]), съ тѣмъ, чтобы обезпечить лѣвый флангъ Кавказ-

[1]) Въ отрядѣ находилось: 581 человѣкъ Казанскаго, 364 Вологодскаго и 464 человѣка 16-го Егерскаго полковъ; кавалеріи: 275 человѣкъ Нижегородскаго драгунскаго и 268 человѣкъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полковъ; 259 человѣкъ Моздокскаго, 137 Хоперскаго, 157 Волгскаго, 102 Кубанскаго казачьихъ полковъ; 128 человѣкъ Гребенскаго, 81 Терскаго-семейнаго, 32 Терскаго-кизлярскаго, 21 Моздокской команды, набираемой

ской линіи отъ вторженія Сурхай-хана казыкумухскаго, если бы онъ вздумалъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Вслѣдъ затѣмъ получены были свѣдѣнія, что Сурхай набираетъ значительное ополченіе изъ кумыкъ, чеченцевъ и другихъ горскихъ народовъ, не съ цѣлію вторгнуться на линію, а для того, чтобы, соединившись съ своими союзниками и съ персіянами, напасть одновременно и съ разныхъ сторонъ на наши Закавказскія владѣнія и, главнѣйшимъ образомъ, на Грузію. Чтобы предупредить такое намѣреніе и не дать возможности Сурхаю дѣйствовать соединенно съ персіянами, Глазенапъ придвинулъ войска къ границамъ его владѣній. Сосредоточенный у Кизляра отрядъ, переправившись, 2-го мая, черезъ оба Терека, старый и новый, остановился лагеремъ у Додручкова поста, гдѣ и простоялъ до іюня мѣсяца безъ всякой дѣятельности.

«Остановясь тамъ», писалъ Глазенапъ [1]), «хочу ихъ (дагестанцевъ) на нѣкоторое время держать въ сомнѣніи, на кого изъ нихъ будетъ нашествіе, а тѣмъ случаемъ не премину учредить на Кавказской линіи, особенно же вдоль по рѣкѣ Кубани, твердое оборонительное положеніе, понеже сильныя партіи тамошнихъ народовъ, какъ видно подстрекаемыя покровительствующею ихъ державою (Турціею), и забывъ полученное ими жестокое наказаніе, разъѣзжаютъ паки вдоль по Кубани, до противоположнаго берега».

Пока Глазенапъ занимался устройствомъ обороны праваго фланга Кавказской линіи, на лѣвомъ флангѣ дѣятельность Сурхая была уже окончена, и онъ, какъ мы видѣли, возвратился въ свои владѣнія. Обезпеченный съ этой стороны и имѣя Высочайшее повелѣніе наказать Хуссейнъ-Кули-хана бакинскаго за измѣнническій поступокъ съ княземъ Циціановымъ, Глазенапъ рѣшился дѣйствовать наступательно со стороны Кавказской линіи, тѣмъ болѣе, что, одновременно съ движеніемъ на Баку, онъ могъ

изъ горцевъ, и 156 человѣкъ артилерійской прислуги. Такимъ образомъ, весь отрядъ состоялъ изъ 5 генераловъ, 82 штабъ и оберъ-офицеровъ, 26 казачьихъ старшинъ 2,919 человѣкъ нижнихъ чиновъ (Военно-ученый Архивъ, дѣло № 2416).

[1]) Князю Чарторижскому, отъ 3-го мая, № 105. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, № 2.

привести къ покорности дербентскаго хана, колебавшагося въ своемъ расположеніи къ Россіи.

«Шихъ-Али-ханъ дербентскій,» писалъ Глазенапъ, «по свойственной маловѣрности восточнымъ народамъ, перемѣнилъ свои расположенія, льстя себя пустыми обѣщаніями Баба-хана, о утвержденіи его владѣльцемъ всѣхъ приморскихъ ханствъ. Однако же, съ приближеніемъ моимъ къ его владѣніямъ, полагаю, что онъ паки возвратится къ прежнимъ намѣреніямъ.»

Сладострастный и развратный Шихъ-Али-ханъ хлопоталъ только объ удовлетвореніи собственныхъ прихотей и не заботился о благѣ своихъ подданныхъ. Торговля упадала, онъ умножалъ налоги, расточая ихъ на красивыхъ невольницъ и лучшія вина. Распутство его не имѣло предѣловъ: онъ силою похищалъ лучшихъ красавицъ дербентскихъ, отнималъ женъ отъ мужей, чтобы потомъ, послѣ удовлетворенія своей страсти, отослать ихъ съ поруганіемъ въ свои жилища. «Ни слезы добродѣтельныхъ красавицъ, говоритъ современникъ [1]), ни бѣшенство мужей, ни просьбы матерей — ничто не смягчало сладострастнаго деспота; онъ съ злобнымъ смѣхомъ смотрѣлъ на отчаянныя лица жертвъ своихъ, хладнокровно внималъ крику мятущихся гражданъ, и въ часы ярости своей лишалъ жизни знаменитыхъ бековъ противъ него вопіющихъ.»

Зная, что жители Дербентскаго ханства тяготятся своимъ ханомъ и желаютъ избавиться отъ его ига, Глазенапъ торопился воспользоваться такимъ настроеніемъ туземнаго населенія. 2-го іюня онъ прибылъ въ лагерь, принялъ начальство надъ собранными тамъ войсками и на другой день выступилъ въ Дагестанъ. Въ то же время, начальнику каспійской флотиліи приказано было снарядить сколь возможно болѣе судовъ къ выступленію въ море. Посадивъ на суда баталіонъ Севастопольскаго полка, и нагрузивъ нѣсколько орудій и часть провіанта, эскадра должна была слѣдовать къ Дербенту и далѣе къ Баку, для производства демонстраціи и для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ.

На походѣ Глазенапъ узналъ, что почетные старшины и на-

[1]) Извѣстіе о взятіи Дербента, изд. 1806 года.

родъ дербентскій, будучи озлоблены поступками и развратнымъ поведеніемъ Шихъ-Али-хана, и притомъ опасаясь, чтобы русскія войска не уничтожили созрѣвшій уже на поляхъ хлѣбъ, рѣшились покориться. Такому рѣшенію дербентцевъ много содѣйствовалъ своими внушеніями Мегдій шамхалъ тарковскій, жена котораго, Чиганъ-ханумъ, была прямою наслѣдницею дербентскаго ханства. Она была законная дочь бывшаго владѣтеля Фетхъ-Али-хана, тогда какъ владѣвшій ханствомъ Шихъ-Али былъ рожденъ отъ наложницы.

Еще ранѣе движенія Глазенапа, шамхалъ присоединилъ къ нашему отряду свои войска и отправилъ въ Дербентъ преданныхъ ему лицъ, работавшихъ въ его пользу. Они разглашали, что значительный отрядъ русскихъ войскъ вступилъ уже въ Дагестанъ и посланъ для разрушенія города, такъ что единственное спасеніе для дербентцевъ есть покорность и преданіе себя великодушію Императора. Послѣдствіемъ такихъ разсказовъ было волненіе жителей, борьба партій, враждебныхъ другъ другу, и ссоры, едва не доходившія до драки. Пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, Глазенапъ ускорилъ свое движеніе и скоро подошелъ къ Дербенту. Страшась наказанія, знатнѣйшія лица города просили Шихъ-Али-хана выйти навстрѣчу русскому начальнику и покориться. Ханъ отвергъ предложеніе и намѣренъ былъ запереть городскія ворота, никого не выпускать изъ крѣпости и защищаться въ ней съ небольшою горстью наемныхъ войскъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ Дагестана. Тогда одинъ изъ главнѣйшихъ бековъ, Али-Пенахъ, собралъ себѣ партію, выгналъ Шихъ-Али-хана изъ города, и 21-го іюня отправилъ къ Глазенапу тринадцать человѣкъ почетныхъ депутатовъ съ объявленіемъ, что городъ и народъ повергаетъ себя во всегдашнее подданство русскому Императору.

Прибывъ въ урочище Куцу, гдѣ находился нашъ лагерь, депутаты просили прислать какъ можно скорѣе русскія войска въ обезпеченіе жителей отъ нападенія Шихъ-Али-хана.

Измѣнническій поступокъ бакинскаго хана съ княземъ Циціановымъ былъ у всѣхъ въ памяти, и Глазенапъ, опасаясь измѣны, не рѣшался удовлетворить просьбѣ депутатовъ; но шефъ 16-го Егерскаго полка, генералъ-маіоръ Лихачевъ, уговорилъ его.

Зная перемѣнчивость характера азіятцевъ, Лихачевъ убѣдилъ Глазенапа воспользоваться случаемъ и отправить впередъ небольшое число казаковъ для занятія города. Онъ говорилъ, что всякая медленность здѣсь не у мѣста, и что колеблющаяся нерѣшительность можетъ произвести недовѣріе къ русскому войску. Глазенапъ предложилъ Лихачеву самому отправиться въ Дербентъ.

— Честь—мой Богъ, сказалъ онъ при прощаніи съ окружавшими его; я умру, если должно, чтобы я умеръ, заботясь о пользахъ отечества своего.

Сѣвъ на лошадь, онъ скрылся въ ночной темнотѣ съ шестью депутатами, шестью стами казаковъ и съ однимъ орудіемъ. Ему приказано было, прежде всего, занять замокъ Нарынъ-калэ, гдѣ былъ ханскій домъ.

Проѣхавъ въ одну ночь около шестидесяти верстъ, Лихачевъ, на разсвѣтѣ, явился подъ стѣнами Дербента и отправилъ депутатовъ въ городъ съ объявленіемъ, что русскія войска прибыли для его защиты. Жители огромною толпою вышли на встрѣчу русскимъ и скоро между отрядомъ и городомъ образовалась живая улица, среди которой генералъ-маіоръ Лихачевъ проѣхалъ въ замокъ Нарынъ-калэ [1]).

На слѣдующій день, весь отрядъ, около одиннадцати часовъ утра, подошелъ къ Дербенту, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ и солью, а почетные старшины поднесли Глазенапу ключи крѣпости [2]). 23-го іюня, при огромномъ стеченіи народа, было совершено благодарственное молебствіе, а на слѣдующій день всѣ жители приведены къ присягѣ въ главной мечети города.

Шихъ-Али-ханъ скрылся въ горахъ, а потомъ переѣхалъ въ Кубу, гдѣ кутилъ и пьянствовалъ. Онъ просилъ прощенія и отказывался навсегда отъ ханства Дербентскаго, съ тѣмъ, чтобы ему даны были средства къ существованію. Никто не вѣрилъ ни чистосердечности его раскаянія, ни обѣщаніямъ, неоднократно нарушеннымъ, и для хана не было уже возврата. Мегдій шамхалъ тарковскій въ короткое время пріобрѣлъ такое вліяніе въ Дер-

[1]) Извѣстіе о взятіи Дербента. С.-Петербургъ, изд. 1806 года.

[2]) Отношеніе Глазенапа князю Чарторижскому 26-го іюня, № 154. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806—1807, № 5.

бентѣ, что жители сами просили объ утвержденіи его своимъ ханомъ. Въ этомъ отношеніи агенты его дѣйствовали весьма ловко [1]).

— Русскіе не имѣютъ постоянства, говорили они дербентцамъ, и сколько разъ они не выступали въ походъ на Персію, всегда ворочались назадъ. Хотя вы и выгнали своего хана, но послѣ возвращенія русскихъ потерпите отъ него притѣсненія. Полезнѣе всего для васъ просить себѣ правителемъ шамхала, который защититъ васъ отъ всѣхъ притязаній бывшаго хана.

Представители народа явились къ генералу Глазенапу съ просьбою утвердить Мегдія шамхала тарковскаго ханомъ дербентскимъ. Глазенапъ обѣщалъ удовлетворить желаніе народа и тѣмъ охотнѣе, что находилъ такое назначеніе въ интересахъ Россіи и согласнымъ съ видами нашего правительства.

«Будучи ханомъ», писалъ онъ о шамхалѣ [2]), «всѣ замыслы и предпріятія сосѣдственныхъ горцевъ собственно уже тогда для своей пользы всегда будетъ открывать, имѣя на то способы и оные превращать въ ничтожество. А Шихъ-Али-хана, конечно, поймаетъ живаго и доставитъ къ намъ; ежели не успѣетъ въ семъ, то постарается, по своему обычаю, его умертвить. Сей есть самой развратной жизни человѣкъ.»

Императоръ Александръ утвердилъ представленіе Глазенапа, и въ сентябрѣ 1806 года Мегдій шамхалъ тарковскій, владѣлецъ буйнакскій и дагестанскій, генералъ-лейтенантъ русской службы, возведенъ, самъ и потомственно, въ достоинство хана дербентскаго, подъ непосредственнымъ покровительствомъ и защитою Россіи [3]). Мегдію предоставлено право пользоваться доходами съ ханства, за исключеніемъ доходовъ съ города Дербента, которые должны были поступать въ казну. Онъ получилъ золотую медаль съ бриліантами, цѣною въ 5,000 рублей; его приближенные и родственники осыпаны чинами, жалованьемъ и подарками, состояв-

---

[1]) Изъ прошенія дербентскихъ жителей графу Гудовичу. Тифл. Арх. Главн. Штаба Кавказ. Арм., Книга донесеній, 1807 года, № 247.

[2]) Князю Чарторижскому, отъ 26-го іюня 1806 года, № 154. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806—1807, № 5.

[3]) Высочайшая грамата шамхалу и обвѣщеніе дербентскому народу отъ 10-го сентября 1806 года.

шими изъ бархата, атласа, часовъ, цѣпочекъ и проч. [1]). Однимъ словомъ, щедроты Императора были такъ велики, что шамхалъ не могъ на нихъ не только разсчитывать, но и ожидать. «По особому къ вамъ Высочайшему благоволенію, писалъ впослѣдствіи графъ Гудовичъ шамхалу [2]), имѣете счастіе пользоваться преимуществами передъ всѣми прочими ханами тѣмъ, что всѣ прочіе въ знакъ подданства своего платятъ дань ежегодно по 8,000 червонцевъ; вмѣсто того, ваше превосходительство, сами отъ щедротъ Его Величества изволите получать жалованья 6,000 рублей въ годъ.»

Шамхалъ все-таки не былъ вполнѣ доволенъ милостями Императора, и, какъ азіятецъ, былъ жаденъ и корыстолюбивъ до крайности. Благодаря за назначеніе его ханомъ дербентскимъ, Мегдій просилъ о пожалованіи ему, въ знакъ ханскаго достоинства, знамени; объ освобожденіи дербентскихъ деревень отъ всякой повинности и вноса податей и, наконецъ, объ увеличеніи ему содержанія, считая получаемое недостаточнымъ, «поелику», писалъ онъ [3]), «я имѣю много издержекъ относительно пріуготовленія войскъ моихъ и другихъ дѣлъ.»

Главнокомандующій обѣщалъ исходатайствовать ему знамя, но отказалъ въ прибавкѣ содержанія и въ освобожденіи жителей отъ платежа податей и повинностей.

Между тѣмъ, Шихъ-Али-ханъ, остававшійся все это время въ Кубѣ, не могъ, конечно, быть празднымъ зрителемъ совершающихся событій. Онъ набиралъ себѣ партію преданныхъ, искалъ помощи у сосѣдей, и Глазенапъ скоро узналъ, будто-бы въ Кубу пришло до 4,000 персидскихъ войскъ съ четырьмя орудіями; что Сурхай-ханъ казыкумухскій снова набираетъ войска и намѣренъ, соединившись съ персіянами, идти къ Дербенту и атаковать его. Хотя слухи о числительности непріятеля и казались слишкомъ преувеличенными, тѣмъ не менѣе, за неприбытіемъ десанта и флотиліи, Глазенапъ, не продолжая своего движенія впередъ, рѣшился

[1]) Письма Гудовича шамхалу 4-го сентября и 6-го декабря 1806 года. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, №№ 766 и 768.

[2]) 10-го ноября 1806 года, № 349. Исход. журналъ.

[3]) Графу Гудовичу, отъ 6-го января 1807 года. Книга донесеній, № 247.

*

остаться въ Дербентѣ и выждать, пока не выяснятся намѣренія противниковъ.

Посланный въ Кубу нашъ лазутчикъ принесъ извѣстіе, что въ окрестностяхъ этого города, по деревнямъ, дѣйствительно стоятъ персіяне, но число ихъ не болѣе 2,000 человѣкъ; что они находятся въ весьма плохомъ состояніи и ощущаютъ недостатокъ въ продовольствіи, которое берутъ силою у окрестныхъ жителей. Командированный въ Карабагъ, вмѣсто маіора Лисаневича, подполковникъ Котляревскій доносилъ также, что Аббасъ-Мирза переправился было на нашу сторону Аракса, но 21-го іюля, вечеромъ, перешелъ обратно и потянулся на Мугань, какъ слышно, съ цѣлью перевести всѣхъ тамошнихъ жителей въ Ордубатъ, и по просьбѣ Касимъ-бека, брата Мустафы-хана ширванскаго (шемахинскаго), свергнуть послѣдняго съ ханства и возвести Касима [1]).

Въ концѣ іюля прибылъ въ Ширвань посланный Аббаса-Мирзы съ объявленіемъ, что шахъ возложилъ на своего сына и наслѣдника изгнать талышенцевъ изъ Сальянъ и передать этотъ магалъ (волость) въ вѣдѣніе ширванскаго (шемахинскаго) хана въ томъ случаѣ, если послѣдній дастъ свое войско въ помощь персіянамъ и будетъ дѣйствовать съ ними противъ русскихъ [2]). Мустафа, зная, что Касимъ давно ищетъ его погибели, не вѣрилъ льстивымъ обѣщаніямъ персіянина.

— Войска я не дамъ, отвѣчалъ онъ посланному; мое войско не пойдетъ противъ русскихъ; я не буду служить шаху и Сальянъ отъ принца не хочу.

Опасаясь разореній, Мустафа просилъ прислать ему въ помощь отрядъ русскихъ войскъ. Эта просьба, за неимѣніемъ войскъ, готовыхъ къ движенію, не могла быть удовлетворена безотлагательно, а между тѣмъ Аббасъ-Мирза, находившійся съ своими войсками близъ Джавата, лежавшаго при сліяніи рѣкъ Куры и Аракса, вторгнулся въ Ширванское ханство. Передовые его отряды появились близъ города Шемахи и увели съ собою нѣсколькихъ жителей, которыхъ Мустафа не успѣлъ переселить въ горы. Послѣд-

[1]) Рапортъ Котляревскаго 27-го іюля 1806 года, № 197.
[2]) Письмо Мустафы графу Гудовичу 24-го іюля 1860 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 531.

ній скрылся самъ на Фитъ-Дагѣ, укрѣпленной горѣ, куда пріѣхалъ къ нему другой посланный отъ наслѣдника персидскаго престола, съ предложеніемъ покориться и съ обѣщаніемъ полнаго прощенія [1]). Отказавшись и на этотъ разъ исполнить требованіе Аббаса-Мирзы, ширванскій ханъ снова просилъ нашей помощи.

Ближе другихъ къ Ширвани стоялъ тогда генералъ-маіоръ Небольсинъ съ своимъ отрядомъ, только что возвратившимся изъ карабагской экспедиціи, и расположеннымъ на рѣкѣ Куракъ-чаѣ. Какъ только Несвѣтаевъ получилъ первую просьбу Мустафы-хана ширванскаго и узналъ, что Аббасъ-Мирза переправился черезъ рѣку Куру, онъ предписалъ генералъ-маіору Небольсину прогнать непріятеля и для того слѣдовать черезъ Аскарань къ Джавату. Движеніе это не могло состояться скоро, за неимѣніемъ запаснаго провіанта, заготовленіе котораго производилось весьма медленно. Хотя въ елисаветпольскій магазинъ, какъ ближайшій къ расположенію отряда, и было доставлено пшеницы до ста четвертей, но она тотчасъ же была разобрана полками и командами на текущее продовольствіе, а магазинъ оставался по прежнему пустымъ. Причиною большой медленности въ заготовленіи продовольствія войскамъ было, во-первыхъ, затрудненіе въ перевозкѣ хлѣба по мѣстности пересѣченной и гористой, гдѣ доставка производилась большею частію на вьюкахъ, а во вторыхъ и то, что хлѣбъ пріобрѣтался преимущественно въ зернѣ и помолъ его производился самими нижними чинами на небольшихъ азіятскихъ мельницахъ. При самомъ усиленномъ нарядѣ солдаты могли въ теченіе дня намолоть такое лишь количество муки, которое было едва достаточно на трехсуточное довольствіе. Купить хлѣба у мѣстныхъ жителей было невозможно, по неимѣнію его и, слѣдовательно, обезпеченіе отряда продовольствіемъ могло быть произведено только доставкою готоваго хлѣба изъ Грузіи. Отъ скорости доставки зависѣло скорое или медленное выступленіе отряда Небольсина, немогшаго предпринять продолжительнаго похода безъ значительныхъ запасовъ провіанта.

---

[1]) Рапортъ Котляревскаго Небольсину 2-го августа, № 205. Книга донесеній, № 241.

Движеніе къ Джавату, по необитаемымъ и непроходимымъ мѣстамъ, представляло немалыя затрудненія; разстояніе это, при тогдашнемъ состояніи дорогъ, могло быть пройдено отрядомъ не менѣе какъ въ двадцать переходовъ и, слѣдовательно, вопросъ о продовольствіи становился капитальнымъ и самымъ существеннымъ. Имѣя въ виду, что у Небольсина не было ни провіантскихъ, ни лазаретныхъ фуръ, ни лошадей, Несвѣтаевъ приказалъ выслать изъ Шамшадыля на Куракъ-чай 850 вьючныхъ быковъ съ погонщиками, а изъ Грузіи отправить туда же 60 арбъ для перевозки больныхъ.

Заготовленіе запасовъ было единственною причиною, почему куракчайскій отрядъ не могъ двинуться съ мѣста ранѣе половины сентября [1]). Чтобы ускорить движеніе, Несвѣтаевъ просилъ хана ширванскаго доставить провіантъ для войскъ, посылаемыхъ ему въ помощь [2]). Мустафа въ отвѣтъ на это писалъ, что заготовить большихъ запасовъ провіанта теперь невозможно, такъ какъ персіяне, ворвавшись въ его владѣнія, разоряютъ уже Шилліанъ, защищаемый братомъ его Измаилъ-бекомъ. Тогда генералу Небольсину приказано было сформировать летучій отрядъ изъ тысячи человѣкъ съ пятью орудіями, который и былъ отправленъ, подъ командою полковника Карягина, къ переправѣ черезъ рѣку Куру у мѣстечка Зардобъ, лежавшаго на границѣ Ширвана.

Мѣстечко Шилліанъ было окружено съ трехъ сторонъ озеромъ, и потому доступно только съ одной стороны. Двинувшись со стороны Зардоба, мы запирали непріятелю отступленіе, и потому, если бы персіяне, узнавъ о движеніи нашемъ въ этомъ направленіи, не приняли боя и, по одному только слуху о прибытіи русскихъ войскъ, ушли изъ Ширвана, то отряду полковника Карягина приказано было, переправившись черезъ рѣку Куру, остановиться у Берды, на рѣкѣ Тертерѣ [3]). Простоявъ на этомъ мѣстѣ нѣкоторое время, Карягинъ долженъ былъ возвратиться об-

[1]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу 27-го августа, № 2,523. Книга донесеній, № 241.

[2]) Несвѣтаевъ Небольсину 27-го августа, № 2,522 и 28-го августа, № 2,536.

[3]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу 6-го сентября, № 2690, дѣло № 176.

ратно на рѣку Куракъ-чай [1]); въ случаѣ же сопротивленія персіянъ гнать ихъ къ Араксу.

Дойдя до Зардоба, полковникъ Карягинъ захворалъ и не могъ слѣдовать далѣе. Оставшійся старшимъ по немъ, подполковникъ Лисаневичъ принялъ команду надъ отрядомъ, взялъ 250 человѣкъ 17-го Егерскаго полка, съ двумя орудіями, и выступилъ съ ними, 30-го сентября, къ Джавату, на соединеніе съ войсками хана ширванскаго.

Генералъ-маіоръ Небольсинъ писалъ Мустафѣ, что слѣдомъ за Карягинымъ выступилъ бы и самъ, но ожидаетъ отъ хана пособія при переправѣ черезъ рѣку Куру, прибытія аманата, проводниковъ и извѣстія объ обезпеченіи его отряда продовольствіемъ въ ширванскомъ владѣніи. Не упоминая ни слова о провіантѣ, Мустафа отвѣчалъ, что 11-го сентября Аббасъ-Мирза со всѣмъ своимъ отрядомъ снялся изъ окрестностей Акъ-су и направился къ рѣкѣ Курѣ. «Покорнѣйше прошу, писалъ ханъ [2]), день и ночь, не дѣлая отдыха и ночлега, спѣшить сюда на крыльяхъ поспѣшности; я надѣюсь, что дѣла примутъ желаемый оборотъ.»

«Вы изволите требовать», писалъ Мустафа въ другомъ письмѣ Несвѣтаеву, «для большей довѣренности въ аманаты одного изъ дѣтей моихъ родныхъ, равно и одного вѣрнаго моего чиновника въ проводники, дабы показать удобное мѣсто на переправѣ для сдѣланія живаго моста и прочихъ нуждъ непобѣдимаго войска. Хотя все сіе справедливо, но, по нѣкоторымъ случаямъ, прислать аманата невозможно,—первое потому, что сказанныя дѣти очень малолѣтны, и имъ нужны кормилицы и слуги; второе потому, что шекинское и персидское войска окружаютъ меня на подобіе кольца и, при семъ случаѣ, не время тѣхъ дѣтей прислать... Мой же совѣтъ есть тотъ, чтобы по частямъ не присылать войска, а чтобы со всѣмъ войскомъ прибыли-бъ вы въ скорости съ полною довѣренностью; но вы не подумайте, чтобы я былъ вѣроломный нарушитель обѣщанія своего, какъ прочіе мухамеданс. Благодареніе Богу, всѣмъ извѣстно, что я, со всѣмъ семействомъ, имуществомъ

[1]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу 6-го сентября, № 2,680, дѣло № 176.

[2]) Акт. Кавк. Арх. Ком., т. III, № 534.

и владѣніемъ своимъ, предался въ томъ обѣщаніи и присягѣ, которыя мною даны князю Циціанову; я разорилъ владѣніе свое и оказалъ себя персидскому шаху противнымъ для того только, чтобы не оказаться къ службѣ Его Императорскаго Величества лживымъ до пролитія крови и нарушителемъ своего обѣщанія. А потому опытнаго не слѣдуетъ испытывать, я отъ васъ не отчужденъ; дѣло сіе, клонящееся къ наказанію непріятеля, буде исполнено будетъ, то съ обѣихъ сторонъ какъ оказаны будутъ услуги Его Императорскому Величеству, такъ и земля его очистится отъ мерзости непріятельской, слѣдовательно, не хорошо вамъ медлить, а нужно въ скорости прибыть со всѣмъ войскомъ» [1]).

Переправившись черезъ рѣку Куру у Менгечаура, Небольсинъ вступилъ въ шекинское владѣніе въ то время, когда персіяне, разоривъ Ширванское ханство и встрѣтивъ сопротивленіе со стороны самого хана, перешли обратно черезъ рѣку Араксъ и ушли на Муганскую степь. Хотя они отступили весьма удачно, не были отрѣзаны и избѣжали встрѣчи съ нашими войсками, тѣмъ не менѣе Баба-ханъ былъ недоволенъ дѣйствіями своихъ военачальниковъ. Онъ упрекалъ Пиръ-Кули-хана въ томъ, что тотъ не далъ помощи его сыну Аббасу-Мирзѣ и сидѣлъ спокойно въ Ахарѣ.—«Таковаго твоего поступка мы не одобряемъ, писалъ повелитель Персіи, потому что мы ожидали отъ тебя, въ случаѣ какого покушенія русскихъ войскъ на тамошніе края, что ты, безъ повелѣнія нашего и безъ всякой нужды въ войскѣ, можешь наказать ихъ даже съ десятью человѣками и искоренить все злонамѣріе ихъ, а не то, чтобы ты, яко чуждъ, сидѣлъ въ Ахарѣ» [2]). Баба-ханъ сообщалъ Пиръ-Кули-хану, что онъ приказалъ собрать *«ловящихъ львовъ»* еще 10,000 человѣкъ, изъ которыхъ 3,000 пѣшихъ отправить гилянскою стороною, а 7,000 кавалеріи по Хамсійской дорогѣ; что всѣ эти войска соберутся подъ начальствомъ сына его Аббаса-Мирзы на Мугани, и что къ нимъ присоединятся дагестанскіе народы [3]).

Соединенія этого однако же не послѣдовало. Съ одной стороны,

---

[1]) Акт. Кавк. Арх. Ком., т. III, 547.
[2]) Фирманъ Баба-хана Пиръ-Кули-хану. Книга донесеній, № 241.
[3]) Фирманъ Баба-хана Пиръ-Кули-хану. Книга донесеній, № 24.

пребываніе русскихъ войскъ въ Дербентѣ, а съ другой, движеніе отряда генерала Небольсина устрашали хана казыкумухскаго, и онъ предпочелъ оставаться въ своихъ горахъ, не трогаясь съ мѣста. Предположеніе о нападеніи на Дербентъ было оставлено Сурхаемъ, и генералъ Глазенапъ имѣлъ теперь полную возможность привести въ исполненіе мысль о покореніи Баку. Главнокомандующій настаивалъ, чтобы городъ покоренъ былъ непремѣнно въ сентябрѣ, и чтобы самостоятельность ханства была уничтожена.

Ханство это, занимая нѣсколько верстъ въ окружности, примыкало, съ одной стороны къ Каспійскому морю, а съ прочихъ сторонъ — къ Дагестану и ханству Шемахинскому или Ширванскому, полное спокойствіе въ которыхъ могло быть соблюдено только со введеніемъ русскаго управленія въ Баку. Сверхъ наказанія бакинскаго хана за измѣнническій поступокъ съ княземъ Циціановымъ, покореніе этого ханства признавалось необходимымъ еще и потому, что Баку былъ крайній и важнѣйшій пунктъ при установленіи предположенной границы по рѣкамъ Курѣ и Араксу [1]).

Предпринимая экспедицію въ Баку, Глазенапъ пригласилъ шамхала къ совокупному дѣйствію съ русскими войсками и поручилъ ему употребить все свое стараніе къ убѣжденію туземцевъ сдать городъ добровольно, полагаясь вполнѣ на великодушіе русскаго Императора. Для бо̀льшаго устрашенія жителей флотилія наша должна была появиться въ виду Баку, какъ только отрядъ Глазенапа переправится черезъ рѣку Самуръ. Съ этою цѣлью генералъ-маіору Баркову вторично подтверждено, чтобы онъ, какъ только суда прибудутъ въ Сладкоеричную пристань, нагрузилъ на нихъ 15 орудій, посадилъ баталіонъ Севастопольскаго полка и отправилъ ихъ къ Дербенту.

Присоединивъ къ себѣ донской Нечаева полкъ, присланный на подкрѣпленіе, и дождавшись прибытія флотиліи къ Дербенту, Глазенапъ намѣренъ былъ выступить, но въ это время получилъ предписаніе графа Гудовича сдать начальство генералу-отъ-инфантеріи Булгакову. Послѣдній, вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ министерства 16 го апрѣля. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806—1807, № 2.

между главнокомандующимъ и генераломъ Глазенапомъ, назначенъ сначала начальникомъ Кавказской линіи, а потомъ ему предписано было отправиться въ отрядъ Глазенапа, гдѣ и принять главное начальство [1]).

Булгаковъ былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, но храбрый, довольно энергичный, способный болѣе дѣйствовать штыкомъ, чѣмъ перомъ, отъ котораго онъ и пострадалъ впослѣдствіи. Съ началомъ боя онъ оживалъ, увлекался и былъ полонъ отваги.

26-го августа Булгаковъ прибылъ въ Дербентъ, гдѣ и принялъ начальство надъ войсками, въ составѣ которыхъ находилось 111 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2,927 человѣкъ нижнихъ чиновъ съ 10 орудіями [2]). Войска имѣли провіантъ только по 1-е сентября, но, расходуя собственный экономическій, могли продовольствоваться до 5-го числа. Предвидя недостатокъ въ продовольствіи, Глазенапъ, еще до выступленія въ походъ, сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи его моремъ изъ Астрахани въ Дербентъ, но различныя обстоятельства, въ томъ числѣ и неисправность каспійской эскарды, были причиною замедленія въ доставкѣ. Графъ Гудовичъ, съ своей стороны, также хлопоталъ о скорѣйшей доставкѣ хлѣба въ Дербентъ и Баку, и торопилъ Булгакова выступленіемъ.

«Я полагаю, писалъ главнокомандующій [3]), по рапорту отъ

---

[1]) Предписаніе графа Гудовича Булгакову, 16-го августа, № 10.

[2]) Войска регулярныя состояли изъ слѣдующаго числа чиновъ: Нижегородскаго драгунскаго полка 15 штабъ и оберъ-офицеровъ, 245 человѣкъ нижнихъ чиновъ; Борисоглѣбскаго драгунскаго полка 10 штабъ и оберъ офицеровъ, 239 нижнихъ чиновъ; Казанскаго мушкетерскаго полка 18 штабъ и оберъ-офицеровъ, 522 нижнихъ чина; Вологодскаго мушкетерскаго полка 18 штабъ и оберъ-офицеровъ, 304 нижнихъ чина; 16-го Егерскаго полка 18 штабъ и оберъ-офицеровъ, 422 нижнихъ чина; 7-го артил. баталіона 3 штабъ и оберъ-офицера, 143 нижнихъ чина. Иррегулярныя: донскаго Нечаева 6 штабъ и оберъ-офицеровъ, 315 нижнихъ чиновъ; линейныхъ: Моздокскаго полка 6 штабъ и оберъ-офицеровъ, 198 нижнихъ чиновъ; Хоперскаго 5 штабъ и оберъ-офицеровъ, 102 нижнихъ чина; Кубанскаго 1 офицеръ, 84 нижнихъ чина; Волгскаго 5 штабъ и оберъ-офцеровъ, 120 нижнихъ чиновъ; Гребенскаго войска 2 офицера, 112 нижнихъ чиновъ; Семейнаго 2 офицера, 67 нижнихъ чиновъ; Терскаго 1 офицеръ, 19 нижнихъ чиновъ; Моздокской горской команды 1 офицеръ, 15 нижнихъ чиновъ (Рапортъ Булгакова Гудовичу, 18-го сентября, № 113).

[3]) Булгакову отъ 9-го сентября, № 40. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. III, № 166.

десантной флотиліи, которая готова была 27-го августа къ выходу въ море и ожидала вѣтра, что вы завтра или послѣ завтра выступите отъ Дербента къ Баку для покоренія оной, покоривши прежде Хамбутая (хана казыкумухскаго) и Кубу. Флотилія должна прежде прибытія вашего туда стать на рейдѣ предъ Баку. Я не думаю, чтобы оная (Баку), увидѣвши съ моря (?) вашъ корпусъ, осмѣлилась держаться.»

Булгаковъ предупредилъ желаніе графа Гудовича относительно выступленія изъ Дербента, но, руководствуясь требованіемъ, чтобы крѣпость была покорена въ сентябрѣ мѣсяцѣ, двинулся прямо къ Баку, оставивъ въ сторонѣ Кубу и Сурхай-хана казыкумухскаго.

Какъ только 5-го сентября прибыла къ Дербенту флотилія съ десантомъ и съ частью продовольствія [1]), Булгаковъ тотчасъ же выступилъ въ походъ. Не доходя верстъ девяносто до города, онъ, вечеромъ 28-го сентября, отправилъ къ бакинцамъ письмо, въ которомъ писалъ, что если жители не раскаются и не повергнутъ себя милосердію русскаго Императора, то онъ «потрясетъ непобѣдимымъ войскомъ россійскимъ основаніе города». Совершенно неожиданно Булгаковъ получилъ отвѣтъ отъ самого Хуссейнъ-Кули-хана и письмо отъ одного изъ преданныхъ хану лицъ — Сулейманъ-Бека. Первый раскаивался въ поступкѣ своемъ съ княземъ Цицiановымъ, просилъ прощенія и помилованія, а второй довольно хитро и вкрадчиво объяснялъ, что народъ безъ воли хана ни къ чему приступить не можетъ. Прибывшіе съ письмами въ тоже время объяснили Булгакову, что если хану не будетъ обѣщано прощеніе, то онъ будетъ защищаться до послѣдней капли крови, а затѣмъ прибавляли, что въ случаѣ неудачи онъ уйдетъ изъ города, для чего и приготовилъ лодки.

Булгаковъ обѣщалъ прощеніе хану, и съ этимъ отвѣтомъ отправилъ своего сына, подполковника Борисоглѣбскаго драгунскаго полка. Подъѣзжая къ городу въ десять часовъ вечера 1-го октября, подполковникъ Булгаковъ замѣтилъ, что весь почти народъ выбрался изъ Баку.

---

[1]) Рапортъ капитанъ-лейтенанта Веселаго графу Гудовичу, 5-го сентября, № 187, дѣло № 20.

Собственное сознаніе убѣждало Хуссейнъ-Кули-хана въ его тяжкой и неискупимой виновности. Не дождавшись приближенія русскихъ войскъ, онъ скрылся, оставивъ жителей въ большомъ волненіи. Ханъ бѣжалъ въ Кубу, гдѣ и поселился съ другимъ изгнанникомъ, Шихъ-Али, бывшимъ ханомъ дербентскимъ. Тамъ оставались они до тѣхъ поръ, пока снова не были изгнаны русскими войсками и пока Куба не покорилась русскому оружію...

Всю ночь подполковникъ Булгаковъ ходилъ по улицамъ, объявляя населенію, что онъ сынъ генерала, командующаго войсками, присланъ затѣмъ, чтобы успокоить жителей и объявить имъ прощеніе. Бакинцы мало вѣрили словамъ посланнаго, и народъ по прежнему спѣшилъ оставить городъ. Наступило утро 2-го октября; большинство населенія встрѣтило его за чертою роднаго города. Подполковникъ Булгаковъ долженъ былъ и за городомъ останавливать народъ, собравшійся, со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействами, бѣжать за рѣку Куру, гдѣ Хуссейнъ-Кули-ханъ обѣщалъ имъ дать новое мѣсто для заселенія [1]). Только убѣжденія бековъ и старшинъ заставили жителей возвратиться въ городъ и тамъ съ покорностію ожидать прихода русскихъ войскъ.

Отрядъ, между тѣмъ, подходилъ къ Баку.

На встрѣчу къ Булгакову, за нѣсколько верстъ отъ городской черты, вышелъ самый почтенный изъ бековъ, Касимъ, съ 16-ю эфендіями и старшинами. Поднося знамя города, Касимъ просилъ пощады и помилованія не отъ своего только имени, но отъ лица всего народа, стремившагося навстрѣчу русскимъ войскамъ. Стрѣльба съ крѣпостныхъ стѣнъ, туземная музыка, сопровождаемая фиглярами, армяне съ духовенствомъ, крестами и хоругвями вышли привѣтствовать русскія войска. Преклонивъ знамена и головы, бакинцы, по азіятскому обычаю, ожидали рѣшенія своей участи. Скоро всѣ опасенія ихъ разсѣялись, и изъ устъ маіора Тарасова туземцы узнали о своемъ прощеніи.

— Народъ бакинскій! — сказалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ отъ имени генерала Булгакова: —Государь Императоръ Всероссійскій, давно страдая объ участи вашей и о томъ угне-

[1]) Рапортъ подполковника Булгакова отцу, 4-го октября.

теніи, которому вы безчеловѣчнымъ образомъ подвергались отъ управляющихъ вами хановъ, имѣлъ человѣколюбивое намѣреніе избавить васъ отъ онаго и въ прошломъ году для сего присылалъ къ вамъ войска. Злоковарный Хуссейнъ-ханъ, предусмотрѣвъ вамъ, бакинскому народу, пользу, а свою пагубу, разными непріязненными хитростями, какъ извергъ человѣчества, умертвилъ полнаго генерала россійскихъ войскъ измѣною и тирански у самыхъ стѣнъ города и помышлялъ даже объ истребленіи побѣдоноснаго войска Его Императорскаго Величества. Такой поступокъ могъ-ли остаться ненаказаннымъ? Могъ ли городъ Баку существовать послѣ сего злодѣйства? Государь Императоръ Всероссійскій дѣйствительно послалъ меня, съ частію побѣдоносныхъ войскъ своихъ и сильнымъ флотомъ, наказать злодѣйство достойно поступку, и когда городъ и жители не повергнутъ себя его милости и покровительству, не оставитъ въ немъ камня на камнѣ и истребить злодѣевъ безъ остатка. Но когда ханъ, еще умышлявшій зло, какъ извергъ, какъ недостойный человѣчества правитель, оставилъ городъ, опасаясь заслуженнаго возмездія, когда Богъ, милосердовавшій о васъ, внушилъ вамъ благую мысль упасть къ милосердному престолу всемогущаго Монарха, то я именемъ Его Императорскаго Величества, объявляю вамъ прощеніе и помилованіе, съ тѣмъ, что не будетъ уже у васъ отнынѣ и навсегда хана, и вы, отрицаясь отъ всякаго дурнаго управленія, единогласно должны теперь доброхотно всѣ вообще учинить присягу Его Императорскому Величеству Государю Всероссійскому. Ежели же изъ васъ есть кто такой, который нерасположенъ быть вѣрнымъ подданнымъ, тотъ да отдѣлится отъ благонамѣренныхъ общества, не опасаясь никакого со стороны моей насилія, и пусть всякій таковой ищетъ, если можетъ сыскать себѣ, другаго владыку, ибо милосердый Государь нашъ Александръ Павловичъ пріемлетъ однихъ только истинно приверженныхъ и преданныхъ, а не коварныхъ лицемѣровъ, надѣвшихъ одну личину раскаянія и приверженности; пусть, говорю, всякій противникъ удалится отсюда, оставя однихъ истинно и душевно желающихъ быть подданными Государю Императору Всероссійскому, а вы, новые односоименники мои, заклю-

чите присягою свое желаніе и будьте въ полномъ увѣреніи на милосердіе, небомъ ниспосланнаго вамъ, новаго Государя.»

Послѣ рѣчи Тарасова народъ началъ тотчасъ же присягать.

Такимъ образомъ, 3-го октября 1806 года, городъ Баку былъ окончательно покоренъ и занятъ нашими войсками. Въ тотъ же день на бакинскій рейдъ прибылъ бомбардирскій корабль «Громъ» и два купеческія судна съ 1,000 четвертей муки и 500 четвертей овса [1]).

На слѣдующій день, въ восемь часовъ утра, поднятъ русскій флагъ на стѣнахъ крѣпости, а въ одиннадцать часовъ назначенъ парадъ войскамъ и отслужено благодарственное молебствіе. Генералъ-маіоры графъ Гудовичъ (сынъ главнокомандующаго) и Дехтеревъ отправлены по деревнямъ для приведенія къ присягѣ жителей [2]).

Хитрый Шихъ-Али, бывшій ханъ дербентскій, письмомъ поздравлялъ Булгакова съ покореніемъ Баку, и въ то же время далъ у себя убѣжище Хусейнъ-Кули-хану бакинскому, бѣжавшему впослѣдствіи черезъ Сальяны въ Персію.

Управленіе бакинскимъ ханствомъ возложено на шефа Севастопольскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіора Гурьева и трехъ почетнѣйшихъ и надежнѣйшихъ бековъ.

Подъ предлогомъ того, что тамъ, гдѣ войска защищаютъ крѣпость, нѣтъ надобности жителямъ въ самозащитѣ, главнокомандующій предписалъ Гурьеву наблюдать, чтобы въ городѣ никто изъ жителей не былъ вооруженъ, исключая самыхъ почетнѣйшихъ бековъ [3]). Съ этою цѣлью приказано было отобрать у всѣхъ оружіе, и «выдавать имъ оное, когда кто выѣзжаетъ куда за городъ, а при въѣздѣ, отбирая оное на форпостахъ, паки отдавать оное подъ присмотръ».

Для занятія гарнизона въ Баку были назначены гренадерскій баталіонъ Севастопольскаго полка, укомплектованный ротою Тифлисскаго, и 296 человѣкъ казаковъ, а въ бакинской гавани оставлена флотилія, состоявшая изъ бомбардирскаго корабля «Громъ»,

[1]) Рап. Булгакова графу Гудовичу, 8-го октября, № 190, дѣло № 200.
[2]) Рап. его же, 9-го октября, № 195. Ibid.
[3]) Предписаніе графа Гудовича Гурьеву, 22-го октября, № 1672.

фрегата № 1, брига «Волга» и 11-ти купеческихъ транспортовъ [1]). Войскъ этихъ съ обезоруженіемъ жителей было совершенно достаточно для внутренней обороны крѣпости. «Съ внѣшней же стороны,» писалъ графъ Гудовичъ [2]), «нечего, какъ я думаю, опасаться, ибо на рейдѣ стоитъ флотилія, на коей людей довольно, и Мустафа-ханъ ширванскій намъ приверженъ.»

Со введеніемъ русскаго правленія сдѣлано распоряженіе о приведеніи въ извѣстность доходовъ города, и изыскивались средства къ ихъ увеличенію. Главнокомандующій призывалъ всѣхъ жителей къ покорности, къ вѣрному исполненію присяги, данной русскому Императору и ко внесенію податей [3]).

«Главное неудобство для Баку», доносилъ Гурьевъ [4]), «недостатокъ земли, которой въ разстояніи отъ Баку до кубинской границы не болѣе какъ на 30, а до Ширванской на 40 верстъ, и то мѣста безводныя. Народъ, мало имѣя способовъ къ упражненію, по большей части безъ дѣла; ежедневно улицы наполнены праздными и бѣдными людьми; небольшое пропитаніе многихъ зависитъ отъ торговли. Куба въ соединеніи съ Баку могла бы составить весьма важную провинцію—тамъ лѣсъ и множество земли для хлѣбопашества, здѣсь нефть, соль и торговля. Дорога отъ Баку до Кизляра могла бы также быть наилучшая, но всѣ проѣзжающіе, опасаясь Шихъ-Али хана, удерживаются поѣздкою. Всѣ курьеры и другіе должны ѣхать на однѣхъ лошадяхъ отъ Баку до Дербента. Извѣстныя правила сего человѣка не подаютъ никакой надежды къ лучшему.»

[1]) На эскадрѣ было 42 орудія разнаго калибра и экипажа: 18 штабъ и оберъ-офицеровъ и 605 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Владимірскаго драгунскаго 7 офицеровъ, 169 рядовыхъ; Таганрогскаго 5 офицеровъ, 153 рядовыхъ; 7-го артил. 2 офиц., 59 ряд.; осадн. пуш. 4 (рапортъ Булгакова графу Гудовичу, 10-го ноября, № 416, дѣло № 200). Въ гарнизонѣ состояло: Севастопольскаго мушкетерскаго полка 16 штабъ и оберъ-офицеровъ, 574 человѣка нижнихъ чиновъ; Тифлисскаго полка 4 офицера, 153 человѣка нижнихъ чиновъ; 7-го артиллерійскаго баталіона 1 офицеръ и 31 человѣкъ нижнихъ чиновъ; гарнизоннаго артиллерійскаго баталіона 1 офиц., 19 челов. нижн. чиновъ; Донскаго Нечаева полка 3 офицера, 296 рядовыхъ и три крѣпостныя пушки (рапортъ Булгакова Гудовичу 28-го октября, № 333, и 10-го ноября, № 416.

[2]) Булгакову, 10-го ноября, № 1837.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ак. Кав. Арх. Ком., т. Ш, № 650.

Такимъ образомъ, благосостояніе бакинцевъ вполнѣ зависѣло отъ сосѣдей, а въ особенности отъ жителей Кубы и окружающихъ ея селеній. Пока Куба находилась въ рукахъ вѣтренаго Шихъ-Али-хана, до тѣхъ поръ мы не могли ручаться ни за безопасность дорогъ, ни за благосостояніе жителей, и, слѣдовательно, присоединивъ Баку къ составу Россіи, должны были привести къ покорности и жителей кубинскихъ селеній. Занятіе г. Кубы являлось естественнымъ послѣдствіемъ занятія Баку. Поэтому, устроивъ дѣла бакинскаго ханства, Булгаковъ двинулся къ г. Кубѣ. Въ отрядѣ его находилось 98 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2,072 человѣка нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ собственно строевыхъ было 1,852 человѣка съ 10-ю орудіями [1]).

При приближеніи отряда къ г. Кубѣ, Шихъ-Али-ханъ съ нѣкоторымъ числомъ своихъ приближенныхъ выѣхалъ изъ города, и, остановившись въ семи верстахъ отъ него, прислалъ Булгакову просьбу, въ которой, раскаиваясь въ своихъ поступкахъ, просилъ прощенія и приведенія его къ присягѣ, съ тѣмъ, чтобы присяга эта была дана отдѣльно отъ жителей Кубы и чтобы ему дозволено было не являться къ Булгакову, до полученія Высочайшаго повелѣнія о дальнѣйшей его участи. Булгаковъ отправилъ къ Шихъ-Али-хану генералъ-маіора Лихачева, въ присутствіи котораго, показывая видъ раскаявшагося, бывшій ханъ дербентскій присягнулъ на вѣрность Россіи. Не вѣря въ чистосердечное раскаяніе Шихъ-Али, графъ Гудовичъ приказалъ Булгакову наблюдать за нимъ и имѣть всегда въ своихъ рукахъ. Его запрещено было впускать въ Кубу, приказано устранить отъ управленія владѣніемъ и поручить какъ управленіе, такъ и сборъ доходовъ выбраннымъ для того бекамъ.

Булгаковъ не исполнилъ въ точности приказанія главнокомандующаго и тѣмъ далъ средства бывшему хану привести въ исполненіе свои враждебные замыслы. Тотчасъ послѣ присяги онъ собралъ и увелъ народъ въ горы, оставивъ г. Кубу совершенно пустымъ, такъ что когда русскій отрядъ подошелъ къ городу, то не нашелъ жителей ни въ немъ, ни въ ближайшихъ къ нему де-

[1]) Рапортъ Булгакова графу Гудовичу, отъ 10-го ноября, № 494.

ревняхъ. На другой день послѣ прихода, поутру, Булгаковъ узналъ, что жители съ семействами находятся въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города, и что ханъ прислалъ отъ себя конвой для дальнѣйшаго препровожденія ихъ въ глубину горъ. Для воспрепятствованія этому генералъ-лейтенантъ Глазенапъ отправленъ съ отрядомъ вправо, а генералъ-маіоръ Лихачевъ влѣво отъ мѣста нахожденія жителей. Сильная партія казаковъ послана еще ранѣе для того, чтобы отрѣзать ихъ отъ горъ, одновременно съ дѣйствіемъ боковыхъ отрядовъ. Приближеніе нашихъ войскъ съ трехъ сторонъ заставило конвойныхъ хана скрыться, а жители безъ всякаго затрудненія возвратились въ городъ и селенія. Приведя кубинцевъ къ присягѣ, Булгаковъ объявилъ бекамъ и народу, что Шихъ-Али-ханъ навсегда устраняется отъ управленія ханствомъ; что тотъ, кто станетъ повиноваться ему, будетъ подвергнутъ наказанію, и что для управленія ханствомъ будетъ поставленъ наибъ. Взявъ въ аманаты десять человѣкъ дѣтей почетныхъ бековъ, Булгаковъ утвердилъ Хаджи-бека наибомъ Кубинской провинціи и поручилъ ему заботиться о благосостояніи народа, судить его, «но, писалъ онъ въ инструкціи, всякая не только смертная казнь, но и жестокое наказаніе тебѣ воспрещаются» [1]).

Занявъ Кубу русскими войсками, Булгаковъ, изъ опасенія, что Шихъ-Али будетъ производить грабительства, разрѣшилъ ему выбрать одну деревню для жительства въ кубинскомъ владѣніи. Хаджи-беку поручено давать бывшему хану необходимыя жизненныя потребности, наблюдать, чтобы онъ жилъ на одномъ мѣстѣ и не въѣзжалъ не только въ городъ, но и въ сосѣднія деревни.

Совѣтъ бековъ долженъ былъ управлять городомъ подъ предсѣдательствомъ штабъ-офицера, оставленнаго въ Кубѣ съ двумя ротами Казанскаго полка и однимъ орудіемъ. На обязанность того же штабъ-офицера возложено наблюденіе за сохраненіемъ кубинцами покорности шамхалу тарковскому и за тѣмъ, чтобы доходы, собранные съ города, посылаемы были генералъ-маіору Гурьеву въ Баку.

---

[1]) Инструкція, данная Булгаковымъ Хаджи-Беку.

Избравъ себѣ мѣсто жительства, Шихъ-Али-ханъ не оставался въ немъ постоянно, а, напротивъ, разъѣзжая по селеніямъ, волновалъ народъ, наказывалъ тѣхъ, которые не хотѣли сопротивляться русскимъ и не препятствовали ихъ переправѣ черезъ рѣку Самуръ.

Булгаковъ требовалъ къ себѣ бывшаго хана, но тотъ не ѣхалъ, а захватить его силою не было средствъ, потому что, скитаясь по горамъ, онъ окружалъ себя постояннымъ конвоемъ. Къ тому же скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что бывшій ханъ, собравъ преданныхъ себѣ лицъ, ушелъ съ ними въ Казыкумухъ. Это было тогда, когда Булгаковъ, устроивъ временное управленіе въ Кубинскомъ ханствѣ, двинулся для наказанія Сурхай-хана казыкумухскаго.

Передъ выступленіемъ своимъ изъ Кубы Булгаковъ отправилъ письмо къ Сурхай-хану, въ которомъ просилъ назначить мѣсто, гдѣ онъ желаетъ присягнуть на вѣрность Русскому Императору. Вмѣсто отвѣта, Сурхай собралъ до 20,000 человѣкъ вооруженныхъ и, пригласивъ къ совокупному дѣйствію Шихъ-Али, согласился съ нимъ атаковать Булгакова съ разныхъ сторонъ. Явившись на помощь Сурхаю съ 3,000 вооруженныхъ людей, Шихъ-Али въ то же время клялся въ своей преданности и говорилъ, что ушелъ самъ и увелъ жителей въ горы единственно изъ страха разоренія ихъ русскими войсками. Булгаковъ требовалъ, чтобы онъ явился къ нему съ покорностію и уговорилъ къ тому же Сурхая, для наказанія котораго перешелъ въ верховья Самура и остановился близъ деревни Цейхуръ. Деревня эта находилась почти въ центрѣ владѣній казыкумухскихъ и въ 50 верстахъ отъ города Кубы. Отсюда Булгаковъ отправилъ къ Сурхаю своего адъютанта Кривцова съ проектомъ трактата и требовалъ, чтобы ханъ подписалъ его и со всѣмъ своимъ народомъ вступилъ въ подданство Россіи. Сурхай отвѣчалъ, что хотя предки его никогда и никому не присягали, но онъ готовъ «съ чистосердечнымъ усердіемъ повергнуть себя съ дѣтьми своими и со всѣмъ своимъ владѣніемъ въ вѣчное подданство русскому скиптру», но проситъ только избавить его отъ подписки условій подданства. Подъ предлогомъ того, что доходы его едва достаточны для прокормленія семейства, Сурхай

увѣрялъ, что не въ состояніи платить ту дань, которая назначена въ трактатѣ.

— Живя въ горахъ, говорилъ онъ, имѣю неплодородную землю и такое малое количество хлѣба, что даже подданные мои покупаютъ его для своего пропитанія.

Отъ постройки крѣпости въ его владѣніяхъ Сурхай просилъ его избавить, говоря, что, современемъ, когда осмотрится, привыкнетъ и ближе узнаетъ русскихъ, то согласится на ея построеніе

Графъ Гудовичъ настаивалъ на своемъ и требовалъ, чтобы Сурхай подписалъ трактатъ, говоря, что назначенная въ немъ дань невелика и что все будетъ сдѣлано для блага хана казыкумухскаго и его подданныхъ. Онъ писалъ Сурхаю, что хотя Шека, Ширвань и Карабагъ платятъ точно такую же дань, но для хана казыкумухскаго онъ уменьшаетъ ее на 2,000 червонныхъ, «зная, что не только сія, но и вся дань не составляетъ ничего для Всероссійскаго Государя Императора и взимается единственно для означенія зависимости и подданства».

Главнокомандующій увѣрялъ Сурхая, что если онъ окажетъ истинную преданность Россіи, тогда не только дань будетъ обращена въ его собственную пользу, но онъ будетъ награжденъ чиномъ, жалованьемъ, и все благосостояніе его устроится къ лучшему. «Вы сами можете заключить о таковой вашей пользѣ», писалъ Гудовичъ [1]), «судя по теперешнему положенію вашего владѣнія; бывъ окружены со всѣхъ сторонъ ханствами Шекинскимъ, Ширванскимъ, Дербентскимъ и другими, состоящими въ подданствѣ Россіи. Не лучше ли и вамъ слѣдовать примѣру сихъ хановъ, подписавъ добровольно трактатъ, вамъ предложенный? Я оставляю сіе на собственный судъ вашъ».

Сурхай не раздѣлялъ убѣжденій представителя русской власти и не соглашался исполнить его требованій. Сопротивленіе казыкумухскаго хана подписать трактатъ было на столько упорно, а желаніе графа Гудовича привести его въ подданство Россіи на столько непреодолимо, что онъ не могъ скрыть своего нетерпѣнія, подписалъ трактатъ ранѣе хана и рѣшился сбавить дань до 3,000 чер-

[1]) Сурхай-хану, отъ 16-го декабря, № 429. Исходящій журналъ.

вонцевъ и уничтожить пунктъ о построеніи крѣпости для русскихъ войскъ въ Казикумухскомъ владѣніи, замѣнивъ его постановленіемъ, чтобы «по надобностямъ и обстоятельствамъ вводить въ сіи владѣнія русскія войска для защищенія онаго». Не согласившись и на это, Сурхай не подписалъ трактата. Гудовичъ требовалъ, чтобы онъ выдалъ въ аманаты своего сына и прислалъ его въ Елисаветполь, а ханъ отвѣчалъ, что готовъ дать въ аманаты сына, если онъ будетъ содержаться при русскихъ войскахъ въ шекинскомъ владѣніи.

Такими уловками и переговорами Сурхай успѣлъ затянуть дѣло. Позднее время года и опасеніе быть застигнутымъ зимою въ горахъ заставили Булгакова удовольствоваться одною присягою хана казыкумухскаго. Обѣщаясь быть вѣрнымъ русскому правительству, Сурхай, какъ увидимъ, скоро нарушилъ данное обязательство, не считая того для себя предосудительнымъ.

IV.

Дѣйствія генералъ-маіора Небольсина въ ханствѣ Шекинскомъ. — Занятіе Нухи. — Устраненіе Селимъ-хана отъ управленія ханствомъ и назначеніе Джафаръ-Кули ханомъ шекинскимъ.—Дѣйствія князя Орбеліани въ Джаро-Бѣлоканахъ.—Условія, заключенныя съ лезгинами.—Покорность хана аварскаго и султана елисуйскаго.

Продолжительные переговоры, веденные главнокомандующимъ съ казыкумухскимъ ханомъ, хотя и не привели ни къ какимъ важнымъ результатамъ, но, отвлекая все вниманіе Сурхая, дозволили наказать союзника его, Селимъ-хана шекинскаго, за вѣроломный поступокъ съ маіоромъ Парфеновымъ. Наступавшая осень до нѣкоторой степени обезпечивала насъ отъ вторженія персіянъ, и границы наши могли быть охраняемы меньшимъ числомъ войскъ, часть которыхъ, дѣлаясь свободною, была готова дѣйствовать по указанію главнокомандующаго.

Пользуясь присутствіемъ въ Дагестанѣ отряда генерала Булгакова, графъ Гудовичъ отправилъ генералъ-маіора Небольсина

для наказанія шекинскаго хана, а генералъ-маіора князя Орбеліани въ Джаро-Бѣлоканы для приведенія къ покорности лезгинъ, непокидавшихъ своихъ хищническихъ наѣздовъ на Грузію.

Отрядъ князя Орбеліани былъ расположенъ, по прежнему, на рѣкѣ Алазани, при урочищѣ Пейкаро, а генералъ-маіора Небольсина на рѣкѣ Куракъ-чаѣ, въ двадцати верстахъ отъ Елисаветполя.

Небольсинъ и князь Орбеліани въ предстоящихъ дѣйствіяхъ должны были взаимно поддерживать другъ друга. Съ этою цѣлью первому приказано было, исполнивъ порученіе, остаться въ г. Нухѣ до дальнѣйшихъ приказаній, а второму—оказывать содѣйствіе Небольсину, если бы потребовалась помощь для низложенія Селимъ-хана шекинскаго, «ибо», писалъ графъ Гудовичъ, «прежде нежели начать дѣло съ лезгинами, нужно наказать Шеку» [1]).

Въ половинѣ октября генералъ-маіоръ Небольсинъ вступилъ въ Шекинское ханство, имѣя подъ ружьемъ 26 офицеровъ и 886 человѣкъ нижнихъ чиновъ съ пятью орудіями [2]). Для поддержанія его были оставлены: на Менгечаурской переправѣ маіоръ Просвиркинъ съ 232 человѣками Севастопольскаго полка и двумя орудіями, а въ Елисаветполѣ Тифлисскаго полка маіоръ Токаревъ съ 875 человѣками гарнизона [3]).

Остановившись неподалеку отъ Нухи, въ урочищѣ Арватанъ, Небольсинъ узналъ, что большинство жителей ханства, какъ татары, такъ и армяне, были угнаны въ горы. Самъ Селимъ думалъ защищаться и собралъ до тысячи человѣкъ вооруженныхъ; конные его пикеты разъѣзжали въ виду нашего лагеря, но боялись вступить съ нами въ перестрѣлку. Небольсинъ требовалъ,

---

[1]) Предписаніе графа Гудовича князю Орбеліани, 31 октября, № 1743. Исходящій журналъ.

[2]) Въ отрядѣ Небольсина находились: Троицкаго полка 22 офицера, 727 нижнихъ чиновъ; Тифлисскаго 2 офицера, 52 нижнихъ чина; 7-го артиллерійскаго баталіона 2 офицера, 66 нижнихъ чиновъ; казачьихъ полковъ: Богачева 2 офицера, 82 нижнихъ чина; Кондратьева 25 нижнихъ чиновъ. (Рапорты Небольсина, 6-го и 19-го ноября, за №№ 1299 и 1365, дѣло № 124).

[3]) Рапортъ генералъ-лейтенанта барона Розена графу Гудовичу, 17-го октября, № 606.

чтобы ханъ выдалъ аманатовъ, но получилъ отвѣтъ совершенно неопредѣленнаго содержанія, въ которомъ объ аманатахъ ничего не упоминалось [1]).

Двинувшись изъ Арватана, Небольсинъ встрѣтилъ сопротивленіе шекинцевъ, препятствовавшихъ его переправѣ черезъ рѣку Ахри и укрѣпившихся въ селеніи Кишлахѣ. Выгнавъ непріятеля изъ его укрѣпленій, Небольсинъ продолжалъ движеніе, и 22-го октября, въ двухъ верстахъ отъ г. Нухи, былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ толпою шекинцевъ въ 8,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и лезгины. Съ восьми часовъ утра и до семи вечера длилось сраженіе, по окончаніи котораго русскія войска, прогнавъ непріятеля, расположились на ночлегъ въ верстѣ отъ города. На слѣдующій день Небольсинъ взялъ Нуху штурмомъ; Селимъ бѣжалъ въ горы. Потеря непріятеля простиралась до 500 человѣкъ убитыми; съ нашей стороны убито 23 человѣка нижнихъ чиновъ и ранено: 4 оберъ-офицера и 27 нижнихъ чиновъ [2]).

Въ городѣ не оказалось никого изъ жителей кромѣ гарнизона. Для возвращенія обывателей, угнанныхъ въ горы, и для того, чтобы Селимъ не могъ ихъ переселить еще далѣе, посланъ былъ отрядъ подъ начальствомъ маіора Соловьева, съ 300 человѣкъ и двумя орудіями. Разбѣжавшіеся скоро возвратились, и Нуха заселилась попрежнему; порядокъ возстановился какъ въ городѣ, такъ и въ окружныхъ селеніяхъ, гдѣ жители стали даже заниматься уборкою полей.

Приближенные Селима распускали слухъ, что ханъ съ нѣкоторыми беками бѣжалъ за рѣку Араксъ въ Ардевиль, гдѣ жили его родственники, но на самомъ дѣлѣ онъ скрылся у своего родственника Мустафы-хана ширванскаго (шемахинскаго). Послѣднему отправлено приказаніе задержать Селима, но онъ отвѣчалъ, что письмо опоздало, что теперь Селима нѣтъ въ его владѣніяхъ, но если бы онъ находился у него, то непремѣнно былъ бы представленъ русскому начальству.

---

[1]) Рапортъ Небольсина генералъ-лейтенанту барону Розену, 15-го октября, № 1251, дѣло № 124.

[2]) Тоже, отъ 23-го октября, № 1257. Тамъ же.

Узнавъ, что Селимъ находится въ селеніи Гюйнюкѣ, Небольсинъ тотчасъ же отправилъ къ нему своего адъютанта съ требованіемъ, чтобы ханъ со всѣмъ своимъ семействомъ прибылъ въ Нуху. Адъютанту поручено было разузнать какъ дорогу къ этому селенію, такъ и то, нельзя ли захватить Селима въ наши руки. Ханъ отвѣчалъ посланному, что въ городъ не поѣдетъ, а просилъ дозволенія поселиться въ селеніи Кельдекѣ, откуда онъ обѣщалъ отправиться въ Тифлисъ къ главнокомандующему просить прощенія. Переѣхавъ въ селеніе Кельдеки, со всѣмъ семействомъ, преданными ему беками и прислужниками, Селимъ, 30-го числа, прислалъ посланнаго къ Небольсину, прося отправить его съ письмомъ въ Тифлисъ [1]). Изъ опасенія, чтобы онъ не набралъ себѣ шайки и не сталъ возмущать народъ, Небольсинъ предлагалъ хану самому отправиться въ Тифлисъ, и обѣщалъ дать ему, какъ генералъ-лейтенанту нашей службы, конвой подъ предлогомъ безопаснаго его проѣзда [2]).

Графъ Гудовичъ не одобрилъ поступковъ Небольсина и предписалъ ему выгнать хана изъ селенія Кельдеки, не давать ему пристанища нигдѣ въ шекинскомъ владѣніи и отнюдь не обѣщать полнаго прощенія, но отвѣчать только, что объ этомъ будутъ ходатайствовать.

«Впрочемъ, когда увѣритесь», писалъ графъ Гудовичъ [3]), «что онъ дѣйствительно желаетъ ѣхать въ Тифлисъ для испрошенія въ винѣ своей прощенія, то вы старайтесь поддержать его въ сей рѣшительности, лишь бы въ семъ не былъ одинъ обманъ, и подавъ ему всѣ способы къ исполненію сего, препроводите ко мнѣ съ пристойнымъ конвоемъ, строжайше приказавъ надзирать за нимъ, дабы онъ не бѣжалъ съ дороги».

Задержать Селима не было возможности, хотя для полнаго спокойствія народа удаленіе его изъ ханства признавалось необходимымъ. «Онъ всегда имѣетъ готовыхъ лошадей къ уходу», пи-

---

[1]) Рапортъ Небольсина генералъ-лейтенанту Глазенапу, 30-го октября, № 1279.

[2]) Письмо Небольсина Селимъ-хану, 30-го октября.

[3]) Генералъ-маіору Небольсину, 9-го ноября, № 348. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. Ш, № 482.

салъ Небольсинъ, «жители здѣшніе хотя и обѣщали поймать его, но того не исполнили; я же надежной конницы къ тому не имѣю».

Самымъ лучшимъ средствомъ къ успокоенію ханства было бы введеніе въ немъ русскаго правленія, котораго желали и сами жители, но графъ Гудовичъ поступилъ иначе.

Съ покореніемъ Шекинскаго ханства, Небольсину предписано оставаться тамъ до дальнѣйшихъ распоряженій, и для управленія ханствомъ подъ своимъ наблюденіемъ избрать почетнѣйшихъ бековъ, изъ числа лицъ, противодѣйствовавшихъ бывшему хану. По просьбѣ жителей, ханство поручено было управленію Фетхъ-Али-бека и Мегметъ-бека.

Послѣдній былъ изгнанъ Селимомъ за вѣрность и преданность Россіи и долгое время жилъ въ Шпрвани. Фехтъ-Али-бекъ былъ родной братъ Селима и Мехметъ-Ассанъ-хана, находившагося въ Персіи. Обоихъ братьевъ онъ ненавидѣлъ за то, что Селимъ, будучи ханомъ, едва давалъ ему дневное пропитаніе, а Мехметъ выкололъ глаза.

Графъ Гудовичъ признавалъ необходимымъ, для лучшаго управленія ханствомъ, назначить въ составъ правленія еще двухъ бековъ, но Небольсинъ находилъ это излишнимъ, потому, во-первыхъ, что почти всѣ главные беки были родственники Селима, а во-вторыхъ, и потому, что, по обычаю страны, они, какъ правители, при своихъ поѣздкахъ обременили бы народъ поборами на угощеніе [1]).

Хотя оба лица, избранныя для управленія ханствомъ, были привержены Россіи, и назначеніемъ ихъ жители были довольны, но, опасаясь возвращенія Селима, они просили объ уничтоженіи ханскаго званія и объ устройствѣ у нихъ управленія, подобнаго тому, какое устроено въ Елисаветполѣ.

Графъ Гудовичъ не съумѣлъ воспользоваться такимъ настроеніемъ общества, и вмѣсто того, чтобы сразу уничтожить среди туземнаго населенія идею о сепаратизмѣ, и слить вновь покоренныя области съ Россіею, онъ не согласился удовлетворить желанію шекинцевъ. Народу было объявлено только, что Селимъ на-

[1]) Рапорты Небольсина графу Гудовичу, 19-го ноября, №№ 1,365 и 1367. Книга донесеній, № 241.

всегда лишается ханскаго достоинства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлано распоряженіе о приводѣ жителей къ присягѣ, сначала въ городахъ, а потомъ въ селеніяхъ. Шекинцы остались въ ожиданіи рѣшенія своей участи, а главнокомандующій присматривался и размышлялъ, кого бы посадить ему на ханство Шекинское. Выборъ палъ на жившаго въ то время въ Тифлисѣ Джафаръ-Кули, бывшаго хана хойскаго, и онъ рѣшился назначить его ханомъ шекинскимъ.

Не считая возможнымъ уничтожить вовсе ханское достоинство, графъ Гудовичъ плодилъ новыхъ хановъ, и это было съ его стороны весьма важною административною ошибкою. Независимо отъ того, что каждый вновь назначенный ханъ былъ лихоимецъ и точно такой же грабитель своихъ подвластныхъ, какъ и его предшественникъ, онъ былъ еще для народа пришлецъ, навязанный ему силою обстоятельствъ и чуждый его интересамъ. То, что жители готовы были сносить отъ своего природнаго хана, они не желали терпѣть отъ вновь назначеннаго. Постоянныя жалобы на притѣсненія, поборы и грабежи хановъ были слѣдствіемъ подобныхъ назначеній и вели только къ безпорядкамъ, уничтожать которые, какъ скоро мы увидимъ, пришлось не только самому графу Гудовичу, но и его преемникамъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе такой системы управленія, покоренныя области въ теченіе десятковъ лѣтъ оставались не только равнодушными къ интересамъ Россіи, но и враждебными ей.

Зная, что̀ писалъ графъ Гудовичъ относительно хановъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ Императору, трудно сказать, чѣмъ руководился главнокомандующій, принимая такую систему дѣйствій; но несомнѣнно, что назначеніемъ шамхала ханомъ дербентскимъ и кубинскимъ, Мегдій-Кули — ханомъ карабагскимъ и, наконецъ, бывшаго хана хойскаго Джафара—ханомъ шекинскимъ, онъ отдалилъ умиротвореніе края. Повидимому, графъ Гудовичъ не понималъ той важности, которая была сопряжена съ уничтоженіемъ ханскаго достоинства и со введеніемъ русскаго управленія въ покоряемыхъ областяхъ. Онъ не зналъ, напримѣръ, что̀ ему дѣлать въ томъ случаѣ, если бы Джафаръ-Кули-ханъ отказался отъ назначенія его ханомъ шекинскимъ. «На случай», писалъ графъ

Гудовичъ барону Будбергу [1]), «что Джафаръ-Кули-ханъ, о коемъ я писалъ, не приметъ сего ханства, то какимъ образомъ съ нимъ (ханствомъ) поступить, поколику тамъ нуженъ весьма надежный, который бы могъ лезгинцевъ держать въ уздѣ, (прошу?) исходатайствовать мнѣ Высочайшее разрѣшеніе».

Джафаръ, конечно, не поставилъ графа Гудовича въ затруднительное положеніе и, имѣя скудныя средства къ существованію, съ радостію принялъ предложеніе сѣсть на ханство Шекинское (Нухинское). Въ декабрѣ 1806 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, награжденъ алмазнымъ перомъ и въ званіи хана шекинскаго присягнулъ на вѣрноподданство Россіи. Подтвердивъ всѣ пункты трактата, заключеннаго съ Селимомъ, Джафаръ, сверхъ того, обѣщалъ держать въ повиновеніи лезгинъ и отражать ихъ собственными войсками [2]). Этотъ послѣдній пунктъ введенъ въ виду облегченія нашихъ войскъ, необходимыхъ на другихъ пунктахъ театра дѣйствій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшаго обезпеченія границъ отъ хищническихъ вторженій лезгинъ и тѣхъ грабежей, которые производили они постоянно, не смотря на заключенныя съ ними мирныя условія и предоставленныя имъ выгоды и преимущества.

Участіе, которое принимали лезгины во всѣхъ враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ хановъ казыкумухскаго, шекинскаго, паши ахалцыхскаго и другихъ, убѣдили наконецъ графа Гудовича, что единственное средство къ ихъ усмиренію было наказаніе силою оружія. Предпринимая дѣйствія противъ шекинскаго хана и желая лишить его помощи лезгинъ, главнокомандующій, какъ мы видѣли, предписалъ генералъ-маіору князю Орбеліани двинуться въ Джаро-Бѣлоканы, одновременно со вступленіемъ отряда Небольсина въ шекинское владѣніе. Князю Орбеліани приказано щадить мирныхъ лезгинъ, а бунтовщиковъ, нарушившихъ присягу, «отказавшихся отъ платежа подати и прорывающихся для воровства

---

[1]) Отъ 22-го октября 1806 года. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. III, № 642.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Ком., т. III, №№ 487—494, 625.

въ Грузію, наказать такъ, чтобы въ другой разъ не было уже нужды ими заниматься» [1]).

Передъ самымъ выступленіемъ своимъ въ экспедицію, генералъ-маіоръ князь Орбеліани узналъ, что къ джарцамъ прибыли на помощь глуходары, въ числѣ до 4,000 конныхъ и до 6,000 пѣшихъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 1,339 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ [2]), князь Орбеліани просилъ о прибавкѣ войскъ. Главнокомандующій и самъ хлопоталъ о томъ, чтобы дать возможность алазанскому отряду дѣйствовать самостоятельно, и съ этою цѣлью были присоединены къ нему роты 15-го егерскаго полка, расположенныя въ селеніяхъ Сабдѣ, Гавазѣ, Гамборахъ, и половина командъ, находившихся въ Телавѣ и Сигнахѣ [3]). Сверхъ того, сдѣлано распоряженіе о назначеніи въ тотъ же отрядъ конно-вооруженныхъ грузинъ: изъ Горійскаго уѣзда 400 чел., Тифлисскаго 400, Ананурскаго 200, Телавскаго 500, Сигнахскаго 500, а всего 2,000 чел., съ тѣмъ, чтобы два послѣдніе уѣзда присоединили своихъ людей къ отряду тотчасъ же, а остальные черезъ пятнадцать дней [4]).

Несвоевременное прибытіе конныхъ грузиновъ задержало князя Орбеліани при урочищѣ Пейкаро, такъ что онъ только ночью съ 7-го на 8-е ноября переправился черезъ р. Алазань и въ восемь часовъ утра занялъ селеніе Катехи, имѣя подъ ружьемъ 1,600 человѣкъ регулярныхъ войскъ [5]). Жители селенія ушли въ За-

---

[1]) Предписаніе графа Гудовича князю Орбеліани 31-го октября 1806 г., № 1743. Исходящій журналъ.

[2]) Въ отрядѣ состояло на лицо, за исключеніемъ больныхъ: Кабардинскаго мушкетерскаго полка 40 штабъ и оберъ-офицеровъ, 821 чел. нижнахъ чиновъ; 15-го егерскаго полка 22 офицера, 238 чел. нижнихъ чиновъ; Донскаго Ребрикова 6 офицеровъ, 197 рядовыхъ; артиллерійской команды 2 офицера, 83 чел. нижнихъ чиновъ (рапортъ князя Орбеліани генералу барону Розену 15-го октября, № 314, дѣло № 218).

[3]) Предписаніе графа Гудовича князю Орбеліани 6-го ноября, № 1800. Исходящій журналъ.

[4]) Рапортъ барона Розена гр. Гудовичу 28-го октября, № 765, дѣло № 128.

[5]) Съ прибытіемъ ротъ и возвращеніемъ изъ командировокъ отрядъ состоялъ: Кабардинскаго полка 30 офицеровъ, 902 рядовыхъ; 15-го Егерскаго 31 офицеръ, 544 рядовыхъ; Донскаго Ребрикова 6 офицеровъ, 78 рядовыхъ; артиллерійской команды 2 офицера, 78 нижнихъ чиновъ; всего 1,602 строевыхъ. Рапортъ кн. Орбеліани гр. Гудовичу, 15-го ноября, № 370, дѣло № 218.

каталы, оставивъ въ Катехскомъ ущельѣ до 400 чел. вооруженныхъ, которые и были выбиты нашими войсками.

Простоявъ два дня въ этомъ селеніи, князь Орбеліани, черезъ урочище Гогами, двинулся къ селенію Джарамъ, гдѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собрались въ значительномъ числѣ аварцы, жители Джаро-Бѣлоканскаго округа и подданные хана казыкумухскаго. Приготовляясь къ оборонѣ, они укрѣпляли Джары. Не считая для себя нужнымъ исполнять только что данное обязательство, Сурхай требовалъ, чтобы князь Орбеліани оставилъ джарцевъ и отступилъ за р. Алазань.

«Извѣстно намъ», писалъ онъ [1]), «что Россійскій Государь не приказалъ войну вамъ вести противъ джарцевъ и расположиться въ землѣ ихъ. Джарская провинція не отдѣлена отъ владѣнія моего, и я за нее не долженъ щадить ни жизни, ни имущества. Я пришелъ сюда не съ тѣмъ, что они Государя подданные; если вы хотите себѣ спокойствія, то переведите своихъ солдатъ по ту сторону рѣки, а то наша война продлится, и при помощи Божіей вашихъ людей не оставимъ въ спокойствіи. Сіи мои слова вы уразумѣете».

Не обращая вниманія на эти угрозы, князь Орбеліани, подходя къ селенію Джарамъ, отправилъ посланнаго съ объявленіемъ, что если жители желаютъ пощады, то прислали бы знатнѣйшихъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности. Подвиги генералъ-маіора Гулякова были еще у всѣхъ въ памяти, и джарскіе депутаты явились съ обѣщаніемъ внести всю дань, на нихъ наложенную.

Въ Джарахъ находился аварскій султанъ Ахметъ-ханъ, наслѣдовавшій Омаръ-хану и писавшій князю Орбеліани, что, желая вступить съ нимъ въ мирные переговоры, онъ намѣренъ распустить свои войска и выслать ихъ изъ Джаръ. Князь пригласилъ Ахметъ-хана къ себѣ въ лагерь, куда тотъ и пріѣхалъ. При свиданіи султанъ заявилъ, что прибылъ въ Джары съ единственною цѣлью, черезъ посредство графа Гудовича, просить милости и покровительства Русскаго Императора, выхлопотать себѣ прежнее жалованье, удержанное, по его словамъ, несправедливо княземъ

[1]) Кн. Орбеліани. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. III, № 713.

Цицiановымъ, и, наконецъ, исходатайствовать дозволеніе теткѣ его, находившейся въ Карабагѣ, возвратиться къ отцу ея въ Дагестанъ. По совѣту Орбеліани, Ахметъ-ханъ удалился изъ Джаръ съ своими войсками, оставивъ въ нашемъ лагерѣ прошеніе, которое и было отослано главнокомандующему.

Графъ Гудовичъ соглашался удовлетворить желанію аварскаго хана при томъ только условіи, чтобы онъ выдалъ аманатовъ и далъ письменное обязательство въ своей вѣрности [1]). Ахметъ-ханъ прислалъ въ аманаты двоюроднаго брата и двухъ старшинъ съ обязательствомъ, что будетъ сохранять вѣрность, усердіе и преданность; что запретитъ своимъ подданнымъ производить грабежи, не будетъ удерживать у себя бѣглыхъ русскихъ подданныхъ и, наконецъ, съ дагестанскими хищниками будетъ поступать какъ съ собственными врагами и непріятелями. Разрѣшивъ Ахмету взять сестру изъ Карабага, если только это не будетъ противно обычаямъ страны, графъ Гудовичъ торопился отправить хану жалованье, 2,475 рублей, за полгода впередъ и просилъ о производствѣ его въ генералъ-маіоры. Императоръ Александръ изъявилъ согласіе на ходатайство главнокомандующаго, и Высочайшею грамотою, 16-го марта 1807 года, Ахметъ-ханъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [2]).

Лишившись одного союзника, джаро-бѣлоканцы окончательно потеряли надежду на успѣхъ борьбы съ русскими, и должны были безусловно покориться. Графъ Гудовичъ требовалъ, чтобы они выдали отъ каждаго рода самаго почетнаго аманата, и тотчасъ же внесли всѣ накопившіяся недоимки [3]). Князь Орбеліани отправилъ джарцамъ длинный реестръ того, что слѣдовало съ нихъ получить за прошлое время, и по порученію главнокомандующаго объявилъ, что они послѣдній разъ вносятъ дань деньгами, а на будущее время обязаны будутъ платить шелкомъ; что они должны выдать всѣхъ бѣглыхъ и плѣнныхъ, съ письменнымъ обязательствомъ за всякаго утаеннаго заплатить по 1,500 рублей и, на-

[1]) Письмо графа Гудовича Ахметъ-хану 3-го декабря 1806 года, № 405. Исход. журн.

[2]) См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, №№ 703—707.

[3]) Предписаніе графа Гудовича князю Орбеліани 5-го декабря, № 406. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 586.

конецъ, за всякій грабежъ въ нашихъ предѣлахъ должны отвѣчать круговою порукою, даже и въ томъ случаѣ, если бы грабежъ этотъ произведенъ былъ ихъ союзниками глуходарами.

По причинѣ крайней бѣдности, джаро-бѣлоканцы не могли тотчасъ же исполнить требованія главнокомандующаго, и князь Орбеліани сознавалъ самъ, что оно слишкомъ велико. «Отправилъ я джарской провинціи лезгинамъ реестръ», доносилъ онъ [1]), «что слѣдуетъ съ нихъ получить за прошлое время, по коему такъ много съ нихъ требуется, что имъ въ короткое время выплатить трудно». Въ теченіе одиннадцати дней князь Орбеліани не получилъ дани, хотя ежедневно видѣлъ джарскихъ старшинъ, увѣрявшихъ его, что она будетъ внесена скоро. Предполагая, что горцы уклоняются отъ платежа и намѣрены, пользуясь временемъ, укрѣпиться, Орбеліани двинулся къ селенію Джарамъ, жители котораго, оставя въ домахъ часть своего имущества, скрылись сами въ близлежащихъ ущельяхъ. Поставленные въ безвыходное положеніе отводомъ воды и прерваніемъ сообщенія съ сосѣдними деревнями, джарцы, имѣя съ собою весьма малый запасъ хлѣба, снова выслали своихъ старшинъ съ просьбою о помилованіи и съ обѣщаніемъ внести деньги въ разные сроки и не позже 20-го апрѣля 1807 года.

Видя крайнее положеніе лезгинъ, князь Орбеліани, изъ чувства состраданія къ несчастнымъ, отошелъ къ селенію Али-Абаду, успѣвъ взыскать съ нихъ 8,339 червонцевъ. «Жители области Джарской», доносилъ онъ [2]), «жизненно хотя и не наказаны по той единственно причинѣ, что не смѣли подумать поднять вооруженную руку, но имущественно такъ разстроены, что надобно великаго времени къ исправленію ихъ, и во весь походъ мой не смѣли даже изъявить негодованія, когда, въ глазахъ ихъ, разбираютъ на продовольствіе отряда все оставшееся въ домахъ ихъ заготовленіе».

Депутаты ихъ, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, были отправлены въ Тифлисъ, гдѣ и явились къ графу Гудовичу съ повѣ-

[1]) Графу Гудовичу, въ рапортѣ отъ 14-го ноября, за № 361. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 586.

[2]) Отъ 8-го декабря, за № 476. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 587.

шенными на шеяхъ саблями—знакомъ своего крайняго смиренія. Прося пощады и помилованія, они обѣщали исполнить безусловно всѣ требованія главнокомандующаго и прекратить хищничество [1]). Представители джаро-бѣлоканцевъ обязались выдать аманатовъ по выбору князя Орбеліани, вносить въ извѣстные сроки и бездоимочно всю дань, половину деньгами, половину шелкомъ; возвратить всѣхъ плѣнныхъ на условіяхъ, предложенныхъ графомъ Гудовичемъ и, наконецъ, не притѣсняя живущихъ у нихъ грузинъ, предоставить имъ исповѣдовать ту религію, которую они захотятъ [2]).

Съ приведеніемъ къ покорности лезгинъ явился въ Тифлисъ и Ахметъ, султанъ елисуйскій, съ тринадцатилѣтнимъ сыномъ. Онъ просилъ принять его въ подданство Россіи и, въ доказательство своей преданности, оставилъ сына на воспитаніе въ тифлисскомъ училищѣ. За такой поступокъ султанъ произведенъ былъ въ полковники, съ жалованьемъ по чину и съ обѣщаніемъ защищать его владѣнія отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній

V.

Предположеніе о занятіи Эривани.—Несогласія, возникшія между Россіею и Турціею.—Интриги Франціи въ Константинополѣ.—Письмо Наполеона султану и отвѣтъ на него Императора Александра.—Нарушеніе Турціею трактатовъ, заключенныхъ съ Россіею.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію.—Наставленіе, данное гр. Гудовичу.—Переговоры съ Персіею о мирѣ.—Посылка въ Тегеранъ капитана Степанова.

Покорность лезгинъ Джаро-Бѣлоканскаго округа и большей части владѣльцевъ Дагестана, прекращеніе волненій въ ханствахъ Карабагскомъ (Шушинскомъ), Шекинскомъ (Нухинскомъ) и, наконецъ, занятіе Дербента, Кубы и Баку, распространило владычество русскихъ въ Закавказьѣ до береговъ рѣкъ Куры и Аракса. Желаніе нашего правительства установить эти рѣки границею

[1]) Отношеніе графа Гудовича Булгакову, 16-го декабря, № 430. Исход. журн.

[2]) Прокламація лезгинамъ 16-го декабря, № 423. Тамъ же.

между Россіею и Персіею казалось готово было осуществиться, и, для скорѣйшаго достиженія цѣли, главнокомандующему оставалось только овладѣть Эриванью и съ занятіемъ этого ханства положить естественный рубежъ между двумя державами.

Получаемыя извнѣ извѣстія были вполнѣ благопріятны и сходились всѣ на томъ, что эриванская крѣпость слаба и защищается ничтожнымъ числомъ войскъ, тамъ находящихся. Баба-ханъ, оставаясь въ Султаніи, занимался внутренними преобразованіями: усмиреніемъ волнующихся и утвержденіемъ своей власти. Его стѣсненныя обстоятельства давали намъ полную возможность, воспользовавшись случаемъ, занять всѣ главнѣйшіе пункты по правый берегъ р. Аракса. Существовавшія въ то время враждебныя дѣйствія между Персіею и Турціею окончательно лишали Баба-хана возможности подать какую либо помощь ханамъ эриванскому и нахичеванскому.

Въ іюнѣ, карсскій паша увѣдомилъ подполковника Симоновича, что паша, управляющій городами, граничащими съ Багдадомъ, измѣнилъ султану и съ подвластными ему народами перешелъ на сторону Баба-хана. Султанъ требовалъ выдачи измѣнника, но Баба-ханъ, вмѣсто удовлетворенія требованію, отправилъ на помощь паши свои войска. Въ отвѣтъ на это Порта разослала фирманы ко всѣмъ пограничнымъ правителямъ, чтобы они собирали войска и открывали военныя дѣйствія противъ персіянъ [1]).

Съ своей стороны, Баба-ханъ, зная, что паши карсскій и ахалцыхскій неохотно подчиняются требованіямъ Порты, отправилъ къ нимъ своего посланнаго съ подарками и просьбою если не соединиться съ нимъ, то оставаться нейтральными.

Привыкшій двуличничать и всегда готовый ловить рыбу въ мутной водѣ, карсскій паша принялъ подарки Баба-хана, и въ то же время, предлагалъ намъ свои услуги.

— Карсскій паша,—говорилъ братъ его, присланный къ Симоновичу, — зная, что Россія находится въ войнѣ съ Персіею, желаетъ, для общей пользы и спокойствія, соединиться съ русскими.

Паша предлагалъ поступить такъ: присоединить свои войска

---

[1]) Рапортъ Симоновича Несвѣтаеву, 16-го іюня, № 181.

сначала къ персіянамъ, подвести ихъ въ удобное мѣсто, неподалеку отъ селенія Артикъ, и отрѣзавъ имъ путь къ отступленію, при первой атакѣ русскихъ передаться на нашу сторону. Посланный клялся надъ кораномъ, что все сказанное будетъ свято исполнено пашою и обѣщалъ, для большей вѣрности, прислать въ атаманы своего старшаго сына.

Предложеніе карсскаго паши было, конечно, отклонено. Россія не имѣла надобности прибѣгать къ такимъ уловкамъ и находила неумѣстнымъ вмѣшиваться въ ссору двухъ державъ, дошедшихъ уже до открытыхъ военныхъ дѣйствій между собою. Юсуфъ-паша разбилъ Аббасъ-Мирзу, и съ обѣихъ сторонъ собирались новыя войска для дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій.

Въ Баязетъ изъ Эрзерума прибыло до 700 человѣкъ турокъ, съ цѣлью, соединившись съ войсками паши баязетскаго, дѣйствовать противъ Хусейнъ-аги куртинскаго, бывшаго въ зависимости эриванскаго хана. Генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ опасался, что турки, въ случаѣ успѣха надъ куртинами, овладѣютъ Эриванью и тѣмъ предупредятъ насъ. Пользуясь временнымъ затишьемъ и спокойствіемъ въ занятыхъ нами областяхъ, онъ предлагалъ быстрымъ движеніемъ впередъ занять эриванскую крѣпость.

Наступленіе всего легче было произвести войсками праваго фланга, какъ наиболѣе обезпеченными продовольствіемъ изъ памбакской и шурагельской провинцій. Оставивъ небольшой отрядъ для блокады Эривани, мы съ остальными войсками праваго фланга могли пройти прямо на р. Араксъ, мимо Эривани и Нахичевани, къ Ордубаду и возстановить сообщеніе съ шушинскимъ отрядомъ. Путь этотъ былъ удобнѣе другихъ, и притомъ куртины, изъ опасенія нашествія турокъ, ожидали только прибытія нашихъ войскъ, чтобы вступить въ подданство Россіи. Охваченные тогда съ фронта и тыла, крѣпости эриванская и нахичеванская принуждены были бы сдаться [1]). «Жители,» писалъ Несвѣтаевъ, «сами сдадутъ крѣпость, ибо они чувствуютъ и ожидаютъ, что ей не уйти отъ нашихъ рукъ [2])». Въ Эривани находилось тогда не бо-

[1]) Рап. Несвѣтаева гр. Гудовичу, 10-го сентября, № 2755, дѣло № 188.
[2]) Рап. его же Глазенапу, 31-го іюля, № 2005. Книга донесеній, № 241.

лѣе 1,500 человѣкъ гарнизона, обремененнаго множествомъ больныхъ и неспособныхъ; тамъ свирѣпствовала горячка, какъ въ войскахъ, такъ и между жителями. Отъ бывшаго неурожая, народъ нуждался въ хлѣбѣ, а между тѣмъ, выпускъ его изъ сосѣдняго карсскаго пашалыка былъ строго воспрещенъ. Грабительство эриванскаго хана и его поборы усиливали бѣдствія и заставили многихъ жителей покинуть дома и бѣжать въ Карсъ, Баязетъ и другія мѣста [1]).

Все это хотя и служило ручательствомъ за успѣхъ наступательныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе предложеніе Несвѣтаева не было принято главнокомандующимъ, опасавшимся, что, въ случаѣ разрыва съ Портою, турки будутъ дѣйствовать во флангъ нашимъ войскамъ, или займутъ наши провинціи, оставленныя безъ защиты. Оставаясь все время въ Георгіевскѣ и никуда не выѣзжая изъ него, графъ Гудовичъ получалъ запоздалыя извѣстія изъ Персіи и Турціи, не зналъ современнаго состоянія политическихъ дѣлъ, не видѣлъ страны, ввѣренной его попеченію и, наконецъ, вовсе не былъ знакомъ съ театромъ дѣйствій. Онъ опаздывалъ въ своихъ распоряженіяхъ и видѣлъ близкую опасность тамъ, гдѣ ея не было.

Взаимныя отношенія Россіи и Турціи были дѣйствительно скорѣе непріязненны, чѣмъ дружелюбны, но окончательный разрывъ не могъ послѣдовать такъ скоро, и быстрыхъ наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ ожидать было нечего. Ни въ Карсѣ, ни въ Баязетѣ значительныхъ сборовъ турецкихъ войскъ не было, а въ Анадоліи происходило волненіе, для усмиренія котораго пришлось употребить силу. Правда, въ Ахалцыхѣ былъ небольшой отрядъ турецкихъ войскъ, но онъ собранъ былъ единственно для того, чтобы двинуться сухимъ путемъ въ Абхазію для наказанія тамошняго владѣльца Келешъ-бека за укрываніе у себя измѣнившаго султану Таяръ-паши трапезоптскаго.

Въ маѣ 1806 года были отправлены въ Черное море три турецкіе фрегата и восемь гребныхъ судовъ. На вопросъ Италии-

[1]) Рап. подполк. Симоновича Несвѣтаеву, 29-го сентября, № 311, дѣло № 209.

скаго, нашего посланника въ Константинополѣ, для какой цѣли они туда посылаются, Порта отвѣчала, что они отправлены въ Сухумъ для поимки Таяръ-паши, бѣжавшаго въ Абхазію. При этомъ рейсъ-ефенди въ разговорѣ съ Италинскимъ преднамѣренно замѣтилъ, что начальнику эскадры будетъ содѣйствовать чильдирскій (ахалцыхскій) паша, вслѣдствіе отправленнаго къ нему повелѣнія. Ахалцыхскій паша могъ оказать помощь флотиліи только отправленіемъ въ Сухумъ отряда берегомъ моря, причемъ, по необходимости, турки должны были пройти черезъ Кемхалъ, гдѣ учрежденъ былъ нашъ военный постъ. Порта хорошо понимала, что слѣдованіе отряда этимъ единственнымъ, впрочемъ, путемъ могло подать поводъ къ разногласію между двумя державами, взаимныя отношенія которыхъ и безъ того были скорѣе враждебны, чѣмъ дружелюбны. Руководимая изъ Парижа, Порта въ послѣднее время дозволяла себѣ поступки, противные трактатамъ, правиламъ благопристойности и должнаго уваженія къ Россіи. Смотря равнодушно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на наши дѣйствія въ Закавказьѣ, турецкое правительство вдругъ признало обиднымъ для себя занятіе русскими Кемхала, и требовало, чтобы находящіяся тамъ наши учрежденія были уничтожены [1]).

25-го іюля турецкая флотилія прошла мимо укрѣпленія нашего, стоявшаго при устьѣ рѣки Хопи. Начальствовавшій эскадрою требовалъ отъ Келешъ-бека выдачи Таяръ-паши и объявилъ, что тому, кто доставитъ его голову, будетъ отпускаться ежегодно по пяти кесъ [2]) золота. Келешъ-бекъ искалъ нашей защиты и, собравъ до 25,000 человѣкъ черкесовъ и абазинцевъ, имѣлъ намѣреніе защищаться въ Сухумѣ.

Получивъ свѣдѣніе о появленіи турецкой эскадры въ виду нашихъ береговъ, графъ Гудовичъ, подъ предлогомъ извѣщенія о вступленіи своемъ въ главное начальство краемъ, отправилъ посланнаго къ ахалцыхскому пашѣ съ извѣстительнымъ письмомъ. Посланному поручено было разузнать какъ о числѣ войскъ, собранныхъ въ Ахалцыхѣ, такъ и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ

[1]) Письмо Италинскаго д. с. с. Литвинову, 2-го (14-го) іюня 1806 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 905.

[2]) Кеса (Kis) или кошелекъ золота равенъ 1,670 руб. 75½ коп.

Порты. Въ случаѣ справедливости слуховъ и дѣйствительнаго вступленія турецкихъ войскъ въ Абхазію, главнокомандующій не приказалъ предпринимать противъ нихъ ничего непріязненнаго, а объявить только турецкому начальнику, что такое поведеніе не соотвѣтствуетъ существующей дружбѣ между двумя имперіями, и требовать, чтобы онъ предъявилъ повелѣніе дивана, приказавшаго ему пройти черезъ мѣста, находящіяся во владѣніи Россіи. Если, не смотря на эти внушенія, начальникъ турецкаго отряда все-таки вступилъ бы въ предѣлы Мингреліи для слѣдованія въ Абхазію, то Императоръ Александръ приказалъ графу Гудовичу тотчасъ же двинуть войска и запереть ему обратный выходъ.

«Какъ скоро турки перейдутъ съ лѣваго берега рѣки Ріона на правый,» писалъ баронъ Будбергъ [1]), «безъ предварительнаго сношенія о семъ Порты съ дворомъ нашимъ, таковой поступокъ не иначе можно почитать какъ нарушеніемъ мирнаго трактата». Графу Гудовичу въ такомъ случаѣ предоставлено право дѣйствовать по усмотрѣнію и обстоятельствамъ.

Отказъ Келешъ-Бека выдать Таяръ-пашу и готовность его защищаться заставили флотилію возвратиться обратно, и никакихъ движеній сухопутныхъ войскъ со стороны Ахалцыха замѣчено не было. Тѣмъ не менѣе, попытка эта и притязаніе турецкаго правительства ясно указывали, что Порта съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывалась въ сѣти, разставленныя ей Наполеономъ. Интриги Франціи въ Константинополѣ не предвѣщали для насъ ничего хорошаго и клонились исключительно къ тому, чтобы нарушить дружественныя отношенія, существовавшія между Россіею и Турціею со времени ясскаго мира.

Заключенный 29-го декабря 1791 года миръ этотъ положилъ границею между двумя державами рѣки Днѣстръ и Кубань и убѣдилъ турокъ въ необходимости сохранить самую тѣсную дружбу съ Россіею. Уклонившись тогда отъ долголѣтняго союза съ Франціею, Порта сблизилась съ Россіею на столько, что въ 1798 г. былъ заключенъ договоръ, по которому обѣщана взаимная защита и оборонительный союзъ противъ французовъ, занимавшихъ тогда

[1]) Гр. Гудовичу, 3-го сентября 1086 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, № 4.

Египетъ. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра, Порта нѣсколько разъ высказывала желаніе, и даже ранѣе срока, продолжить договоръ 1798 года. Начатые въ 1804 году переговоры по этому вопросу окончились 11-го сентября 1805 года подписаніемъ трактата, по которому Россія получила право на покровительство христіанамъ, подвластнымъ Турціи, и дозволеніе свободнаго прохода черезъ Босфоръ для защиты острововъ на Средиземномъ морѣ, находившихся подъ общимъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Столь тѣсное сближеніе Порты Отоманской съ русскимъ правительствомъ и вліяніе послѣдняго на дѣла Востока не нравились Наполеону, старавшемуся разорвать существовавшую дружбу и поссорить союзниковъ между собою. Вскорѣ послѣ пресбургскаго мира, французскій официальный журналъ сталъ доказывать, что съ присоединеніемъ къ Итальянскому королевству венеціанской Далмаціи и Боко-ди-Катаро судьба Турціи зависитъ исключительно отъ Франціи. Король Италіи, говорили официальные публицисты и политики, посредствомъ этихъ пріобрѣтеній, сдѣлался сорубежнымъ съ Европейскою Турціею и французская армія въ самое короткое время можетъ явиться въ Турцію для вспомоществованія и образца турецкимъ войскамъ. «Послѣдствія, могущія произойти отъ новаго сего устройства, неисчислимы; можно предсказать, что Турецкая имперія вскорѣ воспріиметъ прежній свой блескъ, а войско ея прежнюю свою знаменитость; *или же колоссъ сей, не имѣющій болѣе никакой существенной связи, вскорѣ совершенно исчезнетъ*. То или другое событіе зависитъ отъ будущихъ поступковъ Селима и министерства его противъ Франціи.»

Не смотря на такія угрозы, Наполеонъ долгое время не могъ склонить на свою сторону правительство султана. Русскій и англійскій посланники господствовали въ Константинополѣ, то вмѣстѣ, то порознь, и всѣми мѣрами старались удержать Турцію отъ союза съ Франціею. Дѣятельность французской миссіи была безуспѣшна на столько, что когда Наполеонъ отправилъ въ Константинополь маршала Брюна съ извѣщеніемъ о принятіи имъ титула императора, то султанъ, слѣдуя примѣру Россіи, не призналъ его императоромъ. Брюнъ явился въ столицу Турціи съ блестящею сви-

тою, былъ крайне предупредителенъ, старался угодить Селиму и предлагалъ содѣйствіе Франціи къ осуществленію любимой идеи султана объ устройствѣ регулярнаго войска, но, не смотря на всѣ усилія, не успѣлъ исполнить съ успѣхомъ даннаго порученія. Недовольный дѣйствіями маршала, Наполеонъ отозвалъ Брюна изъ Константинополя и написалъ султану полное угрозъ письмо, въ которомъ старался напугать его завоевательными видами Россіи.

«Въ то время», писалъ онъ, «когда я оказываю вамъ всевозможное уваженіе и почести, зачѣмъ отказываетесь вы признать права мои? Зачѣмъ переносите вы терпѣливо поступки Россіи? Войско ея въ Корфу простирается нынѣ до 15,000 человѣкъ. Съ какою цѣлью находится оно тамъ? Русскій флотъ проходитъ часто въ виду вашей столицы, и Россія не оставляетъ своего замысла о покореніи грековъ. Сообразно ли съ вашими выгодами не обращать на то вниманія и дѣйствовать противъ меня? Если бы я не зналъ настоящей цѣли Россіи, то не говорилъ бы съ вами откровенно. Ваши министры преданы Россіи. Предупреждаю васъ, что если вы будете впредь довѣрять соблазнительнымъ словамъ русскихъ и откажете мнѣ въ выгодахъ, какими у васъ съ давняго времени пользовалась Франція, то должны будете видѣть во мнѣ своего непріятеля.

«Диванъ не заботится о происходящемъ въ Каирѣ, Дамаскѣ, Меккѣ и Мединѣ, и между тѣмъ какъ русскіе покоряютъ Персію,—послѣдствія чего падутъ на васъ,—ваши министры даже не упоминаютъ объ этомъ и дѣйствуютъ противъ меня. При вашемъ дворѣ я не имѣю ни одного приверженнаго мнѣ человѣка, и потому рѣшился писать прямо къ вамъ, убѣждая васъ ввѣриться Франціи, вашей естественной союзницѣ, безъ чего вы подвергнетесь опасности, о которой я предупреждалъ васъ. Я знаю, до какой степени простираются пагубные замыслы Россіи противъ васъ. Половина подданныхъ вашихъ исповѣдуетъ одну съ нею вѣру и предана ей. На Семи островахъ у васъ нѣтъ болѣе подданныхъ. Тамъ на всѣхъ купеческихъ судахъ русскій флагъ. Даже ваши министры почитаютъ корфіотовъ за русскихъ. Отъ вашего благоразумія не могутъ скрыться такіе поступки дивана. Будучи вашею союзницей, Россія заключила отдѣльный миръ. Когда дѣло

идетъ о его выгодахъ, петербургскій дворъ не обращаетъ вниманія на выгоды Порты и на обязанности, налагаемыя на него союзомъ съ вами. Отнынѣ отношенія наши зависятъ отъ большей или меньшей откровенности ожидаемаго мною отъ васъ отвѣта. Если вы хотите разрыва съ Франціей, то не буду жалѣть о послѣдствіяхъ, которыя изъ этого произойдутъ. Идите по слѣдамъ вашихъ предковъ, султановъ Селима и Мустафы.»

Это предательское и полное укоровъ письмо также не имѣло желаемаго успѣха. Какъ бы въ доказательство истинной дружбы и личнаго довѣрія, султанъ приказалъ сообщить петербургскому кабинету копію съ письма, полученнаго имъ отъ представителя Франціи. Императоръ Александръ благодарилъ Селима и писалъ, что старанія Наполеона поселить раздоръ между союзниками доказываютъ только, что онъ считаетъ дружбу ихъ сильнѣйшею преградою своимъ властолюбивымъ видамъ.

«Полагаю даже излишнимъ опровергать клеветы,» писалъ Императоръ Александръ султану [1]), «кои онъ въ письмѣ своемъ дѣлаетъ противъ Россіи, ибо, не сомнѣваюсь нимало, что ваше величество увѣрены въ искренности моихъ чувствованій, въ незыблемости моей дружбы и въ томъ, что самая существенная польза Россіи требуетъ сохраненія цѣлости и благоденствія Оттоманской имперіи. Личная дружба наша, сопряженная съ наклонностію нашею сохранить ее навсегда, будучи необходима для самаго благоденствія нашихъ имперій, налагаетъ на насъ взаимную обязанность вяще утвердить ее обоюдною довѣренностію и скрѣпить постановленіемъ, какое, по настоящимъ обстоятельствамъ, окажется нужнымъ, для воздержанія безмѣрнаго властолюбія Бонапартова и положенія преградъ видамъ его, стремящимся къ тому, чтобы повсюду давать законы. Ваше величество не можете не согласиться, что если бы Россія простирала виды на области Оттоманской имперіи, то она со времени французской революціи довольно имѣла случаевъ для приведенія оныхъ въ дѣйство. Я могу увѣрить васъ, что даже блаженной памяти бабка моя, при концѣ царствованія своего, перемѣнила образъ мыслей относительно имперіи Турецкой

[1]) Воен. Учен. Архивъ, № 47372.

и приняла ту самую систему, какой слѣдовалъ блаженной памяти родитель мой и каковой теперь я слѣдую. Сіе должно достаточно увѣрить ваше величество въ откровенности моихъ чувствованій. Хотя на обширныхъ предѣлахъ нашей имперіи, обитаемой разными народами, и могутъ встрѣтиться иногда отъ недоразумѣнія или опрометчивости нѣкоторыхъ начальниковъ какія либо неумышленныя происшествія, мы не должны, однако, допускать, чтобы они служили врагамъ нашимъ къ поколебанію нашей искренней дружбы, но должны поспѣшить объясненіями исправлять оныя. Самая готовность наша къ тому будетъ служить доказательствомъ желанія нашего сохранить доброе согласіе, чему я далъ уже вашему величеству опытъ посланными отъ меня предписаніями главнокомандующему въ Грузіи, тотчасъ по полученіи извѣстія о случившемся противъ нашей воли и противъ распоряженій самаго начальника [1]). Увѣряю васъ, что съ моей стороны всегда найдете равную готовность къ сохраненію дружбы нашей».

Письмо Наполеона и отвѣтъ на него Императора Александра были пространно объясняемы дивану: съ одной стороны, французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, съ другой нашимъ посланникомъ Италинскимъ и англійскимъ министромъ Эрбутнотомъ. Совокупныя убѣжденія двухъ посланниковъ, русскаго и англійскаго, имѣли успѣхъ уже и потому, что султанъ не довѣрялъ Наполеону, съ тѣхъ поръ какъ послѣдній, въ разговорѣ съ лордомъ Витвортомъ, высказалъ предположеніе о раздѣлѣ Турціи и при этомъ замѣтилъ, что тогда Египетъ долженъ достаться на долю Франціи. Такое заявленіе отдаляло Порту отъ сближенія съ Наполеономъ, и султанъ снова увѣрялъ Императора въ неизмѣнности своихъ чувствъ и истинномъ расположеніи къ Россіи. Но на свѣтѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго, и дѣла скоро приняли иной оборотъ.

Небывалые боевые успѣхи французовъ озадачили Порту, и она стала колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ. Блистательный походъ Наполеона въ Австрію, кончившійся аустерлицкимъ сраженіемъ, заставилъ султана не только перейти на сторону Франціи, но и подчиниться вліянію Наполеона. Порта считала невозможнымъ про-

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о своевольномъ занятіи генераломъ Рыкгофомъ турецкой крѣпости Анаклія.

тивиться тому, кто побѣдилъ соединенныя силы двухъ великихъ державъ. Султанъ призналъ Бонапарте императоромъ и отправилъ своего посланника въ Парижъ. Наполеонъ благодарилъ султана и назначилъ генерала Себастіани чрезвычайнымъ посломъ въ Турцію.

Въ іюлѣ 1806 года Себастіани пріѣхалъ въ Константинополь съ большими полномочіями и съ цѣлою толпою офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, съ цѣлью дать наставниковъ и руководителей при устройствѣ турецкихъ войскъ по европейскому образцу.

Себастіани поручено было, не пренебрегая ничѣмъ, употреблять всевозможныя средства къ тому, чтобы возстановить турецкое правительство противъ Россіи, хотя бы и съ обѣщаніемъ помощи французскими войсками. Постоянно пугая Порту завоевательными видами Россіи и обѣщая широкую помощь Франціи, Себастіани успѣлъ достичь того, что Турція съ недовѣрчивостью смотрѣла на всѣ наши дѣйствія, и, не придавая имъ прямаго значенія, старалась объяснить все въ дурную сторону. Подъ вліяніемъ такого взгляда и настоянія Франціи турецкое правительство стало приводить войска на военное положеніе, исправлять и вооружать крѣпости.

Военная свита Себастіани разъѣхалась въ разныя стороны и занялась укрѣпленіемъ Босфора, дунайскихъ крѣпостей, устройствомъ на европейскій образецъ турецкой артиллеріи и войскъ, а посолъ, въ то же время, интриговалъ противъ Россіи и Англіи. Константинополь представлялъ тогда базаръ дипломатической купли и продажи, гдѣ представители трехъ державъ боролись между собою. Себастіани успѣлъ вкрасться въ довѣренность султана, и по его происканъ старое министерство замѣнено новымъ, преданнымъ интересамъ Франціи. Вступивъ въ управленіе, новые дѣятели начали съ того, что запретили всѣмъ грекамъ имѣть на своихъ судахъ русскій флагъ, издавна ими употребляемый, а вслѣдъ затѣмъ Порта объявила, что не будетъ болѣе пропускать русскіе военные корабли черезъ Дарданеллы. Такой поступокъ вызвалъ продолжительные переговоры, среди которыхъ вспыхнуло возстаніе въ Сербіи, давшее случай французской миссіи возстановить Турцію еще болѣе противъ Россіи. Обращая вниманіе султана на дѣйствія сербовъ, французскій посолъ увѣрялъ, что госпо-

дари Молдавіи и Валахіи, будучи преданы Россіи, втайнѣ по кровительствуютъ возстанію, и что удаленіе ихъ необходимо Прописки Себастіани удались. Султанъ смѣнилъ князей Инсиланти и Мурузи, и безъ предварительнаго сношенія съ Россіею назначилъ на ихъ мѣсто господарями Молдавіи и Валахіи Суццо и Калимахи [1]).

Такимъ образомъ, ясскій миръ, по которому господари, избираясь на семь лѣтъ, не могли быть смѣнены безъ согласія нашего правительства, былъ нарушенъ, и Порта, дозволивъ себѣ подобный поступокъ, становилась явно во враждебныя отношенія къ Россіи. Разрывая давнюю дружбу съ послѣднею и становясь въ непріязненныя отношенія къ Англіи, Турція пріобрѣтала только одного союзника въ лицѣ Франціи и, слѣдовательно, отъ ея побужденій должно было зависѣть дальнѣйшее поведеніе Порты. Измѣнчивая политика Наполеона не обѣщала ничего прочнаго и постояннаго, и можно было предвидѣть, что пока Франція будетъ сохранять свое вліяніе въ Константинополѣ, до тѣхъ поръ Россія не можетъ разсчитывать на продолжительность мирныхъ отношеній съ правительствомъ султана. Постоянно выжидательное положеніе и зависимость войны или мира съ Портою отъ прихотей Франціи были несообразны съ достоинствомъ Россіи, и Императоръ Александръ положилъ, дѣйствуя твердо и рѣшительно, однимъ разомъ уничтожить всѣ сомнѣнія и опредѣлить то положеніе, въ которомъ должна находиться Россія относительно Турціи. Онъ поручилъ Италинскому испытать еще разъ, не представится ли возможнымъ возстановить дружественныя отношенія съ турецкимъ правительствомъ. Изложивъ всѣ причины, подавшія поводъ къ неудовольствію со стороны нашего двора, Италинскій долженъ былъ требовать отъ Порты, чтобы прежніе господари, князья Инсиланти и Мурузи, были тотчасъ же не только возстановлены, но и не смѣняемы въ теченіе семи лѣтъ, а вновь назначенные князья Суццо и Калимахи отозваны изъ Молдавіи и Валахіи; чтобы возстановлено было прежнее право русскимъ судамъ, какъ военнымъ, такъ и купеческимъ, проходить черезъ Дарданеллы въ

[1]) Депеша Италинскаго 11-го августа 1806 года.

Средиземное море, чтобы обезпечено было спокойствіе Іонической республики обузданіемъ самовластія янинскаго Али-паши и, наконецъ, чтобы были подтверждены всѣ права и преимущества, пріобрѣтенныя княжествами Молдавіею и Валахіею подъ покровительствомъ Россіи. Въ случаѣ неудовлетворительности отвѣта Порты, Италинскому приказано выѣхать изъ Константинополя, оставивъ тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ [1]).

«По нынѣшнему положенію сношеній нашихъ съ Портою Оттоманскою,» писалъ Императоръ генералу отъ кавалеріи Михельсону [2]), «легко прерваться могутъ существовавшія понынѣ между обѣими имперіями дружба и доброе согласіе. Хотя и зависитъ еще отъ турецкаго правительства сохранить оныя принятіемъ во уваженіе справедливаго нашего требованія о возстановленіи паки господарей Мурузія и Ипсилантія, однако же, смотря по наклонности, каковую обнаруживаетъ Порта ко внушеніямъ французскимъ, скорѣе ожидать должно, что она отринетъ и послѣднее сіе средство, съ правотою и умѣренностію нашею ей предлагаемое.

«Для чего и нахожу нужнымъ предписать вамъ, чтобы вы, коль скоро получите извѣстіе объ отъѣздѣ посланника Италинскаго, изъ Константинополя, со всею ввѣренною вамъ арміею двинулись впередъ, такимъ образомъ, чтобъ войска, составляющія первую линію оной, приближались, поколико возможно, къ Днѣстру, и были бы въ совершенной готовности перейти черезъ сію границу по полученіи перваго повелѣнія, которое о томъ отъ насъ дано вамъ будетъ».

Порта молчала и на требованіе Италинскаго не давала никакого отвѣта. Съ одной стороны, русскій и англійскій посланники убѣждали ее сохранить съ Россіею миръ и доброе согласіе; съ другой, французскій посолъ своими требованіями велъ султана къ нарушенію трактатовъ, слѣдовательно къ враждебному дѣйствію противъ Россіи. Султанъ Селимъ долгое время не зналъ,

[1]) Баронъ Будбергъ графу Гудовичу, 3-го сентября 1806 года. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 911.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 7-го августа 1806 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, «Campagne de Turquie», картонъ № 58.

какому вліянію слѣдовать: русскому и англійскому или французскому. Озадаченный новыми побѣдами Наполеона надъ прусаками, онъ опасался дать рѣшительный отвѣтъ, и какъ будто выжидалъ указаній Бонапарте, въ то время обращавшаго на себя всеобщее вниманіе.

Возгорѣвшаяся между Франціею и Пруссіею война навлекла гибельныя послѣдствія на послѣднюю. Въ двухъ сраженіяхъ, при Ауэрштедтѣ и Пренцлау, Пруссія лишилась почти всей своей арміи, и Берлинъ перешелъ въ руки французовъ. Города Штетинъ и Кюстринъ также сдались непріятелю, и Наполеонъ приближался уже къ Вислѣ. Императоръ Александръ, принимая живое участіе въ несчастіи, постигшемъ его союзника, и не менѣе того помышляя объ обезпеченіи собственныхъ границъ, приказалъ двумъ арміямъ, бывшимъ подъ начальствомъ генераловъ Бенигсена и Буксгевдена, вступить въ предѣлы Пруссіи и, соединившись съ королевскими войсками, дѣйствовать общими силами противъ непріятеля.

Одновременно съ этимъ, чтобы не подать Портѣ повода къ заключенію, что Россія слишкомъ озабочена дѣйствіями противъ французовъ, Императоръ приказалъ генералу Михельсону вступить съ ввѣренными ему войсками въ Молдавію и Валахію. Вступленіе это удивило членовъ дивана, недопускавшихъ возможности, что Россія была въ состояніи бороться одновременно съ двумя столь сильными противниками. Хотя Себастіани и старался успокоить султана, и убѣждалъ его отвергнуть требованіе Италинскаго, но заявленіе англійскаго посла, что онъ призоветъ англійскій флотъ къ Константинополю, если не будутъ исполнены желанія Россіи относительно Молдавіи и Валахіи, заставило Порту согласиться на возстановленіе господарей князей Ипсиланти и Мурузи. Она сознавала, что движеніе Михельсона въ Молдавію и Валахію, дѣлая его владѣльцемъ запасовъ продовольствія, заготовленнаго для турецкой арміи, было гораздо опаснѣе объявленія войны. Признавая уступку Порты дѣломъ нечистосердечнымъ, и имѣя въ виду, что занятіе нашими войсками Молдавіи и Валахіи должно было служить только къ скорѣйшему побужденію турецкаго министерства согласиться на остальныя наши требо-

ванія, Императоръ не отмѣнилъ повелѣній, данныхъ Михельсону, но приказалъ Италинскому повторять свои настоянія по прочимъ статьямъ данной ему инструкціи. Графу Гудовичу приказано было, однако же, до увѣдомленія, не начинать военныхъ дѣйствій [1]), а, напротивъ, сохраняя дружественныя отношенія съ турецкими пограничными начальниками, склонять ихъ на нашу сторону.

«При первомъ шагѣ военныхъ дѣйствій, писалъ баронъ Будбергъ графу Гудовичу [2]), и даже при сомнѣніи о разрывѣ нашемъ съ Портою, осторожность требуетъ удостовѣриться, нѣтъ ли какихъ тайныхъ сношеній между Баба-ханомъ и турецкимъ дворомъ, не взирая на оказательство нынѣ возгорѣвшейся непріязни, можетъ быть только наружной. Во всякомъ случаѣ, настоитъ нужда не допустить турокъ соединиться съ персіянами, чтобы не имѣть противъ себя въ одно время двухъ непріятелей.

«Достиженіе сей первоначальной цѣли весьма важно для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій, военныхъ и политическихъ. Открывшаяся недавно вражда между Портою и Баба-ханомъ весьма къ тому благопріятствуетъ, буде сіи слухи справедливы. Какъ скоро разрывъ съ турками у насъ рѣшительно воспослѣдуетъ, кажется не безполезно было бы отправить къ Баба-хану довѣренную особу, съ обнадеживаніемъ нашей помощи противъ турокъ и съ изъявленіемъ желанія вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Причемъ можно внушить ему, что россійскій дворъ, будучи издревле въ союзѣ съ шахами персидскими, при успѣшномъ дѣйствіи оружія употребитъ всѣ старанія, чтобы возвратить Персіи завоеванныя отъ нея турками провинціи. Извѣстно, что въ числѣ сихъ находится Карсъ, Баязетъ и Эрзерумъ, составлявшіе прежде часть Курдистана. Объясненія, касающіяся до уступки земель по Куру и Араксу и до признанія его въ шахскомъ достоинствѣ, можно отложить до формальныхъ переговоровъ чрезъ посредство уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ, а на сей

[1]) Отношеніе барона Будберга графу Гудовичу 14-го ноября 1806 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 920.

[2]) Отъ 25-го сентября 1806 года, № 25. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806—1808, № 9.

разъ, кажется, достаточно было бы заключить съ Баба-ханомъ перемиріе, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за симъ отъ него отправлены были уполномоченные въ С.-Петербургъ.

«Съ другой стороны, не менѣе нужно стараться пріобрѣсть довѣренность и добрыя расположенія пограничныхъ пашей турецкихъ, которые, не взирая на повелѣнія, отъ Порты получаемыя, могутъ оказать намъ важныя услуги, пользуясь независимостью, въ коей они находятся, и своевольнымъ образомъ управленія тамошними пашалыками».

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, графъ Гудовичъ узналъ, что карсскій паша, казавшійся преданнымъ Россіи и во владѣніяхъ котораго пріобрѣталась большая часть провіанта для нашихъ войскъ, присылалъ за грузинскимъ лекаремъ. Главнокомандующій тотчасъ же отправилъ ему въ подарокъ соболью шубу въ 600 рублей и своего доктора, которому поручилъ внушить пашѣ, что Россія всегда бываетъ признательна къ тѣмъ людямъ, которые оказываются къ ней доброжелательными [1]). Паша принялъ подарокъ, благодарилъ за него Гудовича и увѣрялъ, что всегда останется расположеннымъ къ русскому правительству [2]).

— Хотя бы и случился разрывъ Россіи съ Портою, говорилъ онъ, я всетаки останусь преданнымъ Россіи; прошу только, въ случаѣ надобности, прислать для моей защиты пятьсотъ человѣкъ русской пѣхоты съ двумя орудіями, ибо я увѣренъ, что Порта отрѣшитъ меня отъ управленія пашалыкомъ.

Онъ сообщилъ, между прочимъ, что турки приготовляются къ военнымъ дѣйствіямъ, и что Юсуфъ-паша прибылъ уже въ Эрзерумъ съ войсками. По другимъ свѣдѣніямъ, турецкія крѣпости Карсъ, Баязетъ и Ахалцыхъ снабжались военными припасами; Анапа исправлялась, и хотя туда прибыло до шестисотъ человѣкъ турецкихъ войскъ, но говорили, что они присланы только по просьбѣ самихъ жителей, искавшихъ защиты отъ шапсуговъ.

Имѣя Высочайшее повелѣніе принять мѣры къ обезпеченію границъ, графъ Гудовичъ, при первомъ извѣстіи о сборѣ турец-

[1]) Письмо графа Гудовича барону Будбергу 31-го октября, № 69. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1806—1814, № 3.

[2]) Тоже, отъ 3-го декабря. Тамъ же.

кихъ войскъ, сформировалъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Портнягина, особый отрядъ, которому и приказалъ расположиться въ Шурагелѣ для занятія постовъ въ Талынѣ и Мостарахѣ [1]).

Осматривая Талынь и Мостарахъ, Портнягинъ нашелъ ихъ совершенно опустѣвшими. Въ обоихъ селеніяхъ не было ни одного человѣка; сакли всѣ разорены такъ, что въ нихъ ничего не оставалось кромѣ каменныхъ стѣнъ: все дерево, какое только могло быть въ строеніяхъ, было увезено жителями. Обширные сады въ Талынѣ были по большей части вырублены, и въ окрестностяхъ по сю сторону Арпачая и Аракса лѣса вовсе не было. «Словомъ,» доносилъ Портнягинъ, «въ Мостарахѣ, кромѣ одной опустѣлой церкви, а въ Талынѣ, кромѣ одного ветхаго большаго въ замкѣ зданія и небольшой церкви, нѣтъ ни одного строенія покрытаго». Необходимость заставила измѣнить расположеніе шурагельскаго отряда, и впослѣдствіи войска были расположены близъ Артика въ селеніяхъ Мечетлѣ, Тамардаши и Казанча [2]).

Между тѣмъ, поѣздка генералъ-маіора Портнягина встревожила эриванскаго хана; со дня на день эриванцы ожидали прибытія нашихъ войскъ и разсказывали, что русскій отрядъ въ 15,000 человѣкъ съ 12-ю орудіями выступилъ уже въ походъ. Въ крѣпости было не болѣе тысячи человѣкъ гарнизона, необезпеченнаго продовольствіемъ. Еще по первымъ извѣстіямъ, разнесшимся въ сентябрѣ мѣсяцѣ о томъ, что русскіе намѣрены овладѣть Эриванью, ханъ сталъ укрѣплять городъ и просилъ помощи у Баба-хана, отъ котораго были присланы чиновники развѣдать дѣйствительное положеніе дѣлъ. Посланные нашли ханство въ самомъ печальномъ положеніи: свирѣпствовавшая болѣзнь опустошала населеніе, голодающее отъ недостатка хлѣба, выпускъ котораго изъ карсскаго пашалыка былъ вовсе прекращенъ. Занятый внутренними дѣлами и утвержденіемъ своей власти, Баба-ханъ не могъ

[1]) Въ составъ шурагельскаго отряда были назначены: баталіонъ Троицкаго полка съ тремя орудіями, 150 казаковъ Агѣева полка и 100 человѣкъ конницы Джафаръ-Кули хана хойскаго.

[2]) Рапорты Портнягина графу Гудовичу 3-го и 12-го ноября 1806 г., №№ 3 и 10.

оказать существенной помощи и рѣшился хотя временно облегчить положеніе жителей и отдалить нашествіе русскихъ. Властитель Персіи отправилъ одновременно двухъ посланныхъ: одного въ Константинополь съ просьбою о прекращеніи существовавшей вражды и о дозволеніи персіянамъ покупать хлѣбъ въ ближайшихъ турецкихъ провинціяхъ; другаго—въ Россію съ предложеніемъ мирныхъ условій.

Посланному въ Константинополь вмѣнялось въ обязанность, сверхъ мирнаго соглашенія съ турецкимъ правительствомъ, представить Портѣ дѣла Персіи съ Россіею въ самомъ блестящемъ видѣ. Онъ долженъ былъ говорить, что послѣдній походъ Аббасъ-Мирзы на Мугань увѣнчался большою побѣдою, послѣ которой русскіе принуждены были оставить мусульманскія провинціи и отплыть въ Астрахань, но такъ какъ Волга покрыта льдомъ, то они останутся нѣкоторое время въ морѣ, прежде чѣмъ высадятся въ Астрахани; что русскіе потеряли всю артиллерію, и что персидскій принцъ собираетъ новыя войска, чтобы изгнать русскихъ изъ Ганжи. На вопросъ великаго визиря о численности персидскихъ войскъ посланному приказано отвѣчать, что самъ повелитель стоитъ во главѣ 100,000 человѣкъ; у Аббасъ-Мирзы — 40,000 человѣкъ, у Мухамедъ-Вели-Мирзы 30,000 человѣкъ и, наконецъ, у Ибраимъ-хана-беглербея 20,000 человѣкъ войска. Изъ Константинополя персидскій посланный долженъ былъ пробраться въ Парижъ, гдѣ увѣрить французское правительство въ небывалыхъ побѣдахъ персіянъ надъ русскими, въ искреннѣйшемъ расположеніи шаха къ Наполеону и постараться выхлопотать помощь Баба-хану.

Порученіе, данное отправленному въ Россію, не было такъ запутано и обременительно. Онъ посылался только съ письмомъ и не отъ имени властителя Персіи, опасавшагося, чтобы починомъ отъ своего лица не подать повода къ неблагопріятнымъ для него заключеніямъ, а отъ имени правителя Гилянской области.

Желая вступить въ мирные переговоры съ Россіею и пользуясь назначеніемъ новаго начальника, тегеранскій дворъ, подъ предлогомъ поздравленія главнокомандующаго, поручилъ правителю Гилянской области, Мирза-Мусѣ, войти въ сношеніе съ графомъ Гу-

довичемъ и предложить себя въ посредники, при переговорахъ нашихъ съ персидскимъ правительствомъ.

Въ сентябрѣ 1806 года Мирза-Муса, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ Баба-хана, человѣкъ, котораго персіяне считали весьма умнымъ и знающимъ, прислалъ черезъ Астрахань чиновника Мирзу-Мамедъ-Али съ письмомъ къ главнокомандующему. Извѣстіе о прибытіи посланнаго въ нашъ портъ съ важнымъ порученіемъ, и именно въ то время, когда вопросъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ на Эривань и Нахичевань не былъ еще оставленъ, ввело въ заблужденіе графа Гудовича. Предполагая, что Персія искренно желаетъ прекратить вражду и опасаясь наступательныхъ дѣйствій со стороны Турціи, графъ Гудовичъ надѣялся мирнымъ путемъ достигнуть того, что генералъ Несвѣтаевъ предлагалъ взять силою оружія. Мнѣніе о необходимости безотлагательнаго занятія Эривани было отвергнуто и присланный персіянинъ потребованъ изъ Астрахани въ Георгіевскъ. Впослѣдствіи графъ Гудовичъ долженъ былъ жалѣть, что не послѣдовалъ совѣту Несвѣтаева; но тогда, смотря на дѣла изъ Георгіевска, онъ считалъ свои дѣйствія безошибочными и полагалъ, что идетъ прямо къ цѣли.

Развивая ту мысль, что государи назначаютъ начальниковъ для того, чтобы они дѣлали всѣмъ добро и жили мирно съ сосѣдями, Мирза-Муса предлагалъ графу Гудовичу сдѣлать добро и помириться съ Персіею. По словамъ правителя Гиляна, тегеранскій дворъ никогда не желалъ войны съ Россіею, но былъ вовлеченъ въ нее своевольствомъ князя Циціанова. Мирза-Муса предлагалъ графу Гудовичу, черезъ его посредство, войти въ сношеніе съ Баба-ханомъ или отправить своего посланнаго прямо въ Тегеранъ съ предложеніемъ мирныхъ условій [1]).

— Будучи старшимъ генераломъ,—говорилъ графъ Гудовичъ при свиданіи съ Мамедъ-Али,—я присланъ сюда съ значительнымъ войскомъ, конечно, не для того, чтобы искать мира. Только одно непзрѣченное человѣколюбіе Государя можетъ содѣйствовать же-

[1]) Письмо графа Гудовича Будбергу, 17-го сентября 1806 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1806—14, № 3.

лаемому персіянами миру, но и то тогда, когда онъ будетъ заключенъ сообразно съ достоинствомъ величайшаго въ свѣтѣ Императора.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ персидскимъ посланнымъ, главнокомандующій старался выставить всѣ выгоды, которыя можетъ пріобрѣсть Персія, если не отъ союза, то, по крайней мѣрѣ, отъ мирныхъ сношеній съ нашимъ правительствомъ.

— Продолжая войну съ Россіею,—говорилъ онъ,—Баба-ханъ ничего не пріобрѣтетъ, а можетъ потерять многое. Мнѣ кажется, что прежде Баязетъ, Эрзерумъ и Карсъ были персидскими провинціями.

Послѣднее замѣчаніе служило намекомъ на то, что при содѣйствіи Россіи провинціи эти могли бы быть опять возвращены Персіи. Мамедъ-Али тотчасъ же понялъ мысль главнокомандующаго.

— А Россія можетъ намъ возвратить ихъ?—спросилъ онъ съ увлеченіемъ.

— Я упомянулъ объ этомъ только въ разговорѣ, между прочимъ,—отвѣчалъ графъ Гудовичъ,—я считаю рановременымъ входить съ Персіею въ какіе либо переговоры по этому дѣлу, когда мы въ войнѣ съ нею. Объ этомъ я не имѣю никакихъ повелѣній отъ Императора [1]).

Мамедъ-Али просилъ главнокомандующаго, чтобы отвѣтъ на привезенное имъ письмо былъ отправленъ прямо въ Тегеранъ съ русскимъ курьеромъ.

Не желая показать персидскому правительству, что мы ищемъ мира или нуждаемся въ немъ, графъ Гудовичъ не согласился на эту просьбу. Подъ предлогомъ того, что Мамедъ-Али не представилъ никакихъ полномочій отъ своего двора, главнокомандующій отвѣчалъ ему, что не имѣетъ ни основаній, ни повода входить въ сношеніе съ персидскимъ правительствомъ, а будетъ отвѣчать гилянскому правителю.

«Письмо ваше я получилъ,» писалъ графъ Гудовичъ Мирза-

---

[1]) Письмо графа Гудовича Будбергу, 31-го октября, № 69. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1806—1814, № 3.

Мусѣ [1]), «и увидѣвъ изъ онаго желаніе Персіи спокойствія, добраго согласія и мира, увѣдомляю васъ, что Государь Императоръ мой, сколько великъ, столько и человѣколюбивъ, жалѣетъ пролитія крови не только своихъ вѣрноподданныхъ, но и непріятельской. Вѣдая потому сію волю, я не удаляюсь отъ клонящагося къ доброму согласію и миру сношенія, съ тѣмъ, однакожь, чтобы миръ былъ сходственный Высочайшему достоинству величайшаго въ свѣтѣ Государя Императора. Твердость и постоянство мира зависятъ наипаче отъ постановленія постоянныхъ, твердыхъ и самою натурою показуемыхъ границъ, какъ, напримѣръ, рѣки Кура и Араксъ. Ежели доброе и искреннее намѣреніе къ миру съ вашей стороны есть, и сей первый о вышеписанныхъ границахъ пунктъ постановленъ будетъ основаніемъ мира, то я осмѣлюсь о томъ донести всеподданнѣйше Его Императорскому Величеству и надѣюсь, что великій Государь Императоръ мой дастъ свое Высочайшее мнѣ повелѣніе на дальнѣйшее постановленіе мирнаго договора и затѣмъ, великодушное признаніе можетъ послѣдовать владѣющаго нынѣ персидскими провинціями въ настоящемъ его, по прежнимъ обыкновеніямъ персидскимъ, достоинствѣ [2]).»

Починъ гилянскаго владѣльца принятъ былъ нашимъ правительствомъ тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что при тогдашнемъ положеніи двора нашего съ Портою Оттоманскою необходимо было употребить все стараніе къ отвлеченію персіянъ отъ соединенія съ турками. Не допуская того, чтобы Баба-ханъ согласился на уступку намъ земель по рѣки Куру и Араксъ, петербургскій кабинетъ разрѣшилъ главнокомандующему, по полученіи отвѣта Мирза-Мусы, смотря по степени податливости тегеранскаго двора, видоизмѣнить условія, но объявить категорически тѣ главныя основанія, на которыхъ Россія готова приступить къ переговорамъ съ уполномоченными Баба-хана [3]).

«Усматривая изъ донесенія вашего, отъ 17-го сентября сего

---

[1]) Отъ 15-го сентября 1806 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—10, 1806—1814, № 3.

[2]) То есть, что Баба-ханъ можетъ быть признанъ шахомъ всей Персіи.

[3]) Письмо Будберга графу Гудовичу, 5-го октября 1806 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1806—14, № 3.

*

года, писалъ Императоръ графу Гудовичу [1]), что письмо, присланное къ вамъ отъ гилянскаго правителя Мирзы-Мусы, заключаетъ въ себѣ наклонность Баба-хана къ миру съ Россіею, я почитаю нужнымъ предписать вамъ предварительно основанія, на коихъ вы имѣете вступить въ переговоры съ уполномоченными отъ Баба-хана.

«Сходно съ отвѣтомъ, вами учиненнымъ, Кура и Аракъ должествуютъ быть непремѣнною чертою, опредѣляющею границы между Россійскою Имперіею и Персіею. Но какъ при стеченіи настоящихъ обстоятельствъ, прекращеніе воинскихъ дѣйствій съ Персіею представляется важнѣйшимъ предметомъ, я повелѣваю вамъ, не входя въ переговоры о границѣ и предоставляя оные до формальнаго трактованія о мирѣ, предложить уполномоченнымъ отъ Баба-хана слѣдующія прелиминарныя статьи, какъ скоро получите вы удовлетворительный отвѣтъ на письмо, писанное къ гилянскому правителю:

«1) Прекращеніе съ обѣихъ сторонъ воинскихъ дѣйствій.

«2) Всякой сторонѣ оставаться во владѣніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ какой державы находятся войска.

«3) До заключенія мира, или до разрыва переговоровъ, могущія встрѣтиться пограничныя несогласія разбирать полюбовно чрезъ нарочно опредѣляемыхъ для сего съ обѣихъ сторонъ комисаровъ, назначая имъ съѣздъ въ Елисаветполѣ или въ иномъ пограничномъ городѣ.

«4) По подписаніи сихъ прелиминарныхъ статей уполномоченными отъ персидскаго владѣльца Баба-хана, тѣ же уполномоченные или другіе немедленно назначены будутъ къ отправленію въ С.-Петербургъ для заключенія мирнаго постановленія».

По свойственному персіянамъ характеру и ихъ нерѣшительности можно было ожидать, что переговоры будутъ весьма продолжительны, а потому петербургскій кабинетъ признавалъ необходимымъ ограничить прелиминарные пункты заключеніемъ перемирія, оставляя обѣ воюющія стороны во владѣніи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ войска ихъ находятся.

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 4-го октября 1806 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 790.

«Если бы, сверхъ чаянія, случилось», писалъ при этомъ баронъ Будбергъ графу Гудовичу [1]), «что персидское правительство не окажетъ большихъ затрудненій касательно первоначальнаго предложенія, вами учиненнаго, о утвержденіи границы по рѣкамъ Курѣ и Араксу, въ таковомъ случаѣ Его Величество соизволяетъ, чтобы ваше сіятельство воспользовались сею удобностію и вмѣсто втораго пункта прелиминарныхъ статей, помѣщенныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, включили бы слѣдующую статью:

«Впредь до опредѣленія границъ во всей точности между Россіею и Персіею, да будутъ предѣломъ слѣдующія рѣки: Кура отъ устья своего до Джевада и Араксъ отъ стеченія своего съ Курою до впаденія въ Араксъ рѣки Арпачая, гдѣ начинается турецкое владѣніе Карскаго пашалыка; такимъ образомъ, что буде россійскія или персидскія войска переступятъ чрезъ вышепомянутую черту, сіе примется за нарушеніе мирныхъ переговоровъ.

«Поелику же ханства Эриванское и Нахичеванское находятся еще въ зависимости Баба-хана и несовмѣстно было бы требовать прекращенія между ними сношеній прежде окончательнаго постановленія о мирѣ и о границахъ, то ваше сіятельство можете письменно объясниться съ министерствомъ персидскимъ, что запрещеніе персидскимъ войскамъ переходить чрезъ Араксъ относится только до тѣхъ войскъ, которыя могли бы подать сомнѣніе о непріятельскихъ дѣйствіяхъ, а не до тѣхъ командъ или конвоевъ, которые, по тамошнимъ обычаямъ, необходимо нужны для безпечнаго сообщенія. Однимъ словомъ, всѣ торговыя и гражданскія сообщенія чрезъ Араксъ могутъ оставаться на прежнемъ положеніи, лишь бы подъ видомъ оныхъ не укрывались воинскія ополченія».

Графъ Гудовичъ находилъ неудобнымъ заключить перемиріе, не положивъ границею между двумя государствами рѣки Аракса отъ устья до впаденія въ нее рѣки Арпачая. Главнокомандующій надѣялся, что совершившееся уже покореніе Баку и извѣстіе о движеніи отправленнаго съ линіи Херсонскаго гренадерскаго полка заставятъ персіянъ согласиться на всѣ предложенныя нами усло-

[1]) Въ письмѣ отъ 5-го октября 1806 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—10, 1806—14, № 3.

вія [1]); но на самомъ дѣлѣ предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться.

Посланный гилянскаго правителя былъ задержанъ бурями въ Астрахани до 24-го октября, и слѣдовательно нельзя было ожидать, чтобы отвѣтъ Мирза-Мусы былъ полученъ ранѣе декабря мѣсяца, а между тѣмъ, въ виду постепенно усложнявшихся переговоровъ и враждебныхъ отношеній нашихъ съ Турціею, петербургскій кабинетъ настаивалъ, чтобы графъ Гудовичъ поспѣшилъ заключеніемъ мира съ Персіею. Успѣхи нашего оружія въ Дагестанѣ и на берегу Каспійскаго моря дозволяли главнокомандующему, не нарушая достоинства Россіи, самому предложить персидскому правительству вступить съ нами въ переговоры о мирѣ.

«Пріобрѣтеніе Кубы и Баку», писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ графу Гудовичу [2]), «заставляетъ тѣмъ паче помышлять о скорѣйшемъ окончаніи мирныхъ переговоровъ, начавшихся съ Баба-ханомъ; а потому Государь Императоръ соизволяетъ, чтобы употреблены были всевозможныя средства для достиженія сей цѣли. Имѣя въ рукахъ Дагестанъ и часть Адербейджана, ваше сіятельство можете безъ униженія россійскаго достоинства отозваться къ Баба-хану прямо съ повторительными предложеніями мира. Сей поступокъ при новыхъ успѣхахъ, вами одержанныхъ, не иначе можетъ быть почитаемъ, какъ явнымъ опытомъ умѣренности россійскаго двора, и не чаятельно, чтобы персіяне учинили изъ сего другое заключеніе. А между тѣмъ я долженъ открыть вамъ, что миръ съ Баба-ханомъ весьма нуженъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, чтобы имѣть развязанныя руки на случай войны съ Портою Отоманскою и чтобы самихъ персіянъ обратить противъ турковъ, буде сіе возможно».

Главнокомандующій самъ находилъ это необходимымъ, и еще ранѣе полученія письма изъ Петербурга просилъ разрѣшенія отправить посланнаго въ Тегеранъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы спросить Мирза-Мусу гилянскаго получилъ ли онъ письмо, посланное къ нему съ Мамедъ-Али. Теперь же, когда графъ Гудо-

[1]) Отношеніе графа Гудовича барону Будбергу, 31-го октября, № 69, тамъ же, № 794.

[2]) Отъ 14-го ноября 1806 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 795.

вичъ имѣлъ разрѣшеніе Императора, онъ отправилъ въ Тегеранъ своего адъютанта, маіора Степанова, съ письмомъ и подаркомъ къ Мирза-Шефи, первому визирю и наиболѣе довѣренному министру Баба-хана.

Разсказавъ въ подробности свои сношенія съ правителемъ гилянскимъ, графъ Гудовичъ писалъ Шефи, что онъ уполномоченъ заключить перемиріе съ тѣмъ, чтобы «чертою между нами остались рѣки Кура и Араксъ до впаденія въ нее рѣки Арпачая». Впредь до совершеннаго заключенія мира, главнокомандующій предлагалъ не переходить этихъ рѣкъ ни русскимъ, ни персидскимъ войскамъ, не возбраняя персіянамъ переходить ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не находились во власти Россіи. Въ случаѣ согласія персидскаго правительства на предложенныя условія, гр. Гудовичъ просилъ Мирза-Шефи прислать въ г. Шушу двухъ уполномоченныхъ, для заключенія окончательныхъ условій перемирія [1]).

Въ половинѣ декабря маіоръ Степановъ выѣхалъ изъ Тифлиса, и хотя главнокомандующій зналъ, что посланный въ Тегеранъ не можетъ миновать Тавриза, гдѣ жилъ Аббасъ-Мирза, онъ не счелъ однако же нужнымъ снабдить его хотя бы рекомендательнымъ письмомъ къ наслѣднику персидскаго престола. Самолюбіе азіятца чрезвычайно щекотливо, и нигдѣ этикетъ не соблюдается такъ строго, какъ на Востокѣ. Упущеніе въ этомъ отношеніи имѣло не малое вліяніе на мирные переговоры наши съ Персіею.

31-го декабря Степановъ прибылъ въ Тавризъ и въ тотъ же день имѣлъ свиданіе съ Мирза-Безюркомъ, первымъ визиремъ и наставникомъ Аббасъ-Мирзы. Безюркъ принялъ посланнаго съ подобающею почестію и уваженіемъ; онъ ожидалъ, что Степановъ передастъ письмо графа Гудовича или къ нему, визирю, или къ Аббасъ-Мирзѣ; но Степановъ долженъ былъ ограничиться однимъ словеснымъ изъявленіемъ почтенія главнокомандующаго.

— Прежде сего наши государи,—говорилъ Безюркъ,—были всегда въ дружбѣ и добромъ согласіи между собою, но съ нѣкотораго времени злые люди посѣяли между ними вражду. Мы знаемъ, что графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, когда и прежде былъ

[1]) Письмо графа Гудовича къ Мирза-Шефи, отъ 10-го декабря, 1806 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 797.

на линіи, всегда покровительствовалъ персіянамъ, и наши купцы всегда возвращались съ благодарностію и похвалою о немъ. Я удивляюсь, однако же, почему графъ, отправляя васъ къ Мирза-Шефи, не написалъ ни слова ни къ шахъ-задэ (Аббасъ-Мирзѣ), ни ко мнѣ. У насъ также принято за правило, чтобы лица, отправляемыя къ Государю Императору, не проѣзжали мимо графа, а шахъ-задэ—наслѣдникъ престола, и весь здѣшній край порученъ его управленію. Не знаю, чему приписать, что графъ не подумалъ объ этомъ и не написалъ намъ ни слова. Князь Циціановъ иногда писалъ мнѣ самъ, или черезъ другихъ поручалъ слова; я отвѣчалъ ему точно такъ же.

Степановъ не могъ объяснить причины столь важнаго, по мнѣнію Безюрка, упущенія со стороны главнокомандующаго, а между тѣмъ визирю очень хотѣлось знать, съ какимъ именно порученіемъ онъ отправленъ въ Тегеранъ.

— Съ чѣмъ вы пріѣхали? — спрашивалъ онъ русскаго посланнаго.—Если съ однимъ письмомъ къ Мирза-Шефи, то я такъ и долженъ доложить шахъ-задэ; если имѣете какія словесныя порученія къ наслѣднику, то также должны мнѣ сказать, какія именно.

Степановъ отвѣчалъ, что никакихъ порученій къ Аббасъ-Мирзѣ не имѣетъ и отправленъ только съ однимъ письмомъ къ визирю Баба-хана. Безюркъ не вѣрилъ.

— Неужели же вы,—говорилъ онъ,—будучи адъютантомъ столь великаго человѣка и служивши прежде при князѣ Циціановѣ, отправлены только съ однимъ письмомъ? Этого быть не можетъ. Вы не курьеръ, чтобы съ одной бумагой скакать. Васъ графъ такъ не пошлетъ, да и я бы въ такомъ случаѣ не позвалъ бы васъ къ себѣ и не посадилъ бы.

Степановъ подтвердилъ свое прежнее показаніе и увѣрялъ Безюрка, что не имѣетъ никакихъ порученій къ наслѣднику. Предполагая однако же, что цѣль посылки имѣетъ важный политическій характеръ, визирь надѣялся окольными путями и продолжительною бесѣдою вывѣдать тайну.

— Полковникъ Карягинъ сказывалъ ли князю Циціанову,— спрашивалъ Безюркъ,—что шахъ-задэ посылалъ ему хлѣбъ, и что

онъ далъ намъ письмо, съ обязательствомъ черезъ три дня вступить въ нашу службу? Или русскіе думаютъ, что мы не могли его истребить. Неужели вы думаете, что если бы мы хотѣли, не могли разорить Карабага, Ганжи и Грузіи?

Мирза-Безюркъ говорилъ долго, разспрашивалъ много, но, не добившись ничего положительнаго, отпустилъ Степанова, обѣщая представить его Аббасъ-Мирзѣ. Прошелъ слѣдующій день, день новаго года, а Степановъ все-таки не былъ представленъ. Вечеромъ къ нему пришелъ тотъ же Безюркъ и имѣлъ продолжительный разговоръ, не имѣвшій, впрочемъ, даже и второстепеннаго значенія.

— Хорошо ли, началъ онъ, если посланникъ уѣзжаетъ скоро? Наши обычаи таковы, что онъ долженъ видѣть начальниковъ, себя показать, какъ имъ, такъ и народу, дабы знали всѣ, что онъ за человѣкъ. Между нами есть разница: у меня одна шапка, а у васъ другая; у меня одѣяніе, а у васъ—другое; вы сидите на стулѣ, а я на полу. Если у насъ, противъ вашего обыкновенія, замѣчаете что недостаточнымъ—извините.

Касаясь политическихъ дѣлъ, Безюркъ старался выставить блестящее положеніе, въ которомъ, по его словамъ, находилась Персія.

— Къ намъ ѣдетъ,—говорилъ онъ,—турецкій посланникъ съ большими подарками, а другой, нашъ, возвращается изъ Франціи. Насъ увѣдомляютъ, что изъ Франціи, кромѣ того, ѣдутъ къ намъ два посланника, чтобы одному всегда находиться при шахѣ, а другому при шахъ-задэ, но скоро ли они будутъ — не знаемъ. Для меня удивительно, что французы, пока мы были дружны съ вами, никогда не присылали къ намъ ни одного человѣка, а теперь, когда мы съ вами въ несогласіи—они присылаютъ къ намъ посланниковъ.

— Мы прежде воевали,—продолжалъ онъ,—и съ турками и съ вами. Слава Богу, теперь съ ними помирились, и если Богъ захочетъ, то и съ вами попрежнему будемъ. Съ англичанами мы сохраняемъ пріязнь и даже половину Индіи уступили имъ, чтобы только не раздражить существующей дружбы. Французовъ никогда мы не сравняемъ съ русскими. Развѣ я не знаю, что они убили

своего государя, побили поповъ и разграбили церкви; возвели Бонапарте и его поддерживаютъ, надѣясь на его счастіе и храбрость. Намъ извѣстно, что Государь вашъ природный и происходитъ отъ рода царей, а Бонапарте человѣкъ вчерашній. Я на французскаго посланника не промѣняю васъ, ибо у нихъ правды никогда не бываетъ. Люблю я русскіе законы, они тверды: какъ отъ Петра Великаго положено, такъ и идетъ. У насъ совсѣмъ напротивъ: послѣ смерти шаха сынъ никогда не наслѣдуетъ, а обнажая саблю говоритъ: «я хочу заслужить престолъ», и чья сабля вострѣе, тотъ и правъ, малый великаго не боится. Худо, худо наше обыкновеніе, я знаю.

Пользуясь длинными вечерами, Мирза-Безюркъ, по его собственнымъ словамъ, хотѣлъ войти въ подробныя объясненія съ Степановымъ и продолжалъ:

— Никогда ни шахъ, ни шахъ-задэ не приказывали бакинскому хану коварнымъ образомъ убивать князя Циціанова. Отъ великихъ людей можетъ ли послѣдовать такое приказаніе? Вашъ начальникъ также не приказывалъ маіору (Лисаневичу) убивать Ибраимъ-хана, но, конечно, какъ тотъ, такъ и другой сдѣлали это изъ боязни.

Зная изъ предъидущихъ сношеній, что русское правительство въ основаніе мирныхъ переговоровъ положило требованіе, чтобы рѣки Кура и Араксъ были установлены границами между двумя государствами, Безюркъ старался убѣдить Степанова, что требованіе это будетъ невыгодно для Россіи.

— Тамъ, за Араксомъ, говорилъ онъ, живетъ народъ мерзкій, коварный, отъ котораго мы сами никакой пользы не видѣли. Васъ просилъ Насимъ-бекъ и Джевадъ-ханъ (ганжинскій), чтобы вы приблизили къ нимъ свои войска, но были ли они вѣрны? Первый измѣнилъ и ушелъ, а послѣдній дрался. Селимъ-ханъ не просилъ ли у васъ прислать помощь и защиту? Онъ присягнулъ, а что потомъ сдѣлалъ? Ибраимъ-ханъ ѣздилъ къ вамъ на Куракъ-чай и присягнулъ, но былъ ли вѣренъ? Сурхай-ханъ столько разъ на вашу и на нашу сторону передавался; къ намъ прислалъ, клялся въ вѣрности и обѣщалъ войско. Прошлаго года мы къ нему денегъ послали до милліона. Эриванскій ханъ сколько просилъ

князя Циціанова придти съ войскомъ, но когда пришли вы, что съ вами сдѣлалъ? Со вступленія вашего въ Грузію сколько вы потеряли людей, сколько казны, и какую получили отъ того пользу?

Неуполномоченный вступать въ какія бы то ни было объясненія, Степановъ не могъ отвѣчать на многочисленные вопросы Безюрка, и визирю наслѣдника не оставалось ничего болѣе, какъ прекратить свои посѣщенія. Уходя, онъ снова обѣщалъ Степанову представить его Аббасъ-Мирзѣ и не задерживая отправить въ Тегеранъ. 2-го января наслѣдникъ ѣздилъ на охоту, а на слѣдующій день отправлялъ курьера къ отцу, былъ занятъ дѣлами и потому будто бы не могъ принять русскаго посланнаго; наконецъ, 4-го января свиданіе состоялось.

— Изъ Россіи пріѣхалъ посланникъ къ услугамъ вашимъ,— проговорилъ чиновникъ, вводя Степанова къ Аббазъ-Мирзѣ.

— Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ,—сказалъ вошедшій,— посылая меня въ здѣшній край, приказалъ явиться къ вамъ, отдать поклонъ и пожелать здравія.

— Хошъ-келды,—отвѣчалъ Аббазъ-Мирза.

Степановъ поклонился.

— Въ добромъ ли здоровьѣ?—спросилъ наслѣдникъ.

— Слава Богу.

— Здоровъ ли графъ?

— Здоровъ.

— Имѣете ли извѣстіе о здоровьѣ Императора Александра?

— При отъѣздѣ моемъ изъ Грузіи слышалъ, что, къ счастію нашему, здоровъ.

— Великій Императоръ! великій Императоръ!—пробормоталъ нѣсколько разъ Аббасъ-Мирза,—болѣе его и лучше нѣтъ.

Аудіенція была окончена. Аббасъ-Мирза просилъ Степанова въ случаѣ нужды обращаться къ нему не стѣсняясь; онъ поручилъ Безюрку устроить его какъ можно лучше и если пожелаетъ, то отправить въ Тегеранъ. Степанова содержали очень хорошо; къ нему приставлена была тьма прислуги, поминутно спрашивали, не желаетъ ли онъ музыкантовъ, танцовщиковъ и присылали раз-

ныхъ чиновниковъ, чтобы занимать и развлекать его [1]). Такая предупредительность простиралась только до тѣхъ поръ, пока онъ не заявилъ своего желанія ѣхать далѣе и не высказалъ Безюрку просьбы отправить его въ Тегеранъ какъ можно скорѣе. Отговариваясь тѣмъ, что ни одинъ посланникъ къ владѣтелю персидскихъ провинцій не можетъ проѣхать въ Тегеранъ, безъ предварительнаго сношенія съ наслѣдникомъ, Безюркъ отказывался отправить Степанова далѣе. Визирь просилъ его донести о томъ графу Гудовичу и просить, чтобы онъ сообщилъ, съ какимъ именно порученіемъ отправленъ посланный къ Мирза-Шефи. При этомъ Безюркъ сначала намекнулъ, а потомъ сказалъ прямо Степанову, что главнѣйшею причиною задержанія его въ Тавризѣ было ожиданіе подарковъ какъ наслѣднику, такъ и ему, визирю. Корыстолюбивый персіянинъ, не стѣсняясь, говорилъ, что такіе подарки со стороны посланныхъ всѣми приняты и необходимы. Графъ Гудовичъ хотя и удивлялся подобному нахальству, но, зная, что Аббасъ-Мирза и его визирь имѣютъ большое участіе и вліяніе въ дѣлахъ Баба-хана, и что наслѣдникъ, болѣе чѣмъ всѣ другіе, сторонникъ военныхъ дѣйствій, отправилъ тотчасъ же въ подарокъ Аббасъ-Мирзѣ соболій мѣхъ въ 800 рублей и дамскіе брилліантовые часы въ 1,470 рублей, а Мирзѣ Безюрку брилліантовый перстень въ 900 рублей [2]).

Подарки эти достигли Тавриза, когда Степанова уже тамъ не было: онъ отправился въ Тегеранъ по требованію Баба-хана, узнавшаго, что русскій посланный самопроизвольно задержанъ въ Тавризѣ. Не смѣя ослушаться приказаній отца и желая все-таки вывѣдать тайну, Аббасъ-Мирза призвалъ къ себѣ секретно Степанова и просилъ сказать откровенно, съ чѣмъ онъ посылается въ Тегеранъ. Степановъ отвѣчалъ, что наслѣднику извѣстно содержаніе отвѣтнаго письма главнокомандующаго Мирза-Мусѣ гилянскому, и что письмо къ Мирза-Шефи того же содержанія, т. е.

---

[1]) Дневникъ Степанова. Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1806—14, № 3.

[2]) Отношеніе графа Гудовича барону Будбергу, 5-го февраля 1807 года. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ Ш, № 802.

что русское правительство согласно на заключеніе мира, самими персіанами предложеннаго.

20-го января Степановъ выѣхалъ изъ Тавриза въ Тегеранъ, въ сопровожденіи большаго конвоя, даннаго ему Аббасъ-Мирзою. Слѣдомъ за нимъ скакалъ курьеромъ изъ Тифлиса поручикъ Меликовъ съ предписаніемъ Степанову, внушить визирю Мирза-Шефи, чтобы онъ принялъ мѣры къ скорѣйшему прекращенію военныхъ дѣйствій и къ возстановленію дружественныхъ отношеній между двумя державами.

«Старайтесь»,—писалъ гр. Гудовичъ маіору Степанову [1]),—«чтобы васъ скорѣе изъ Тегерана отправили съ отвѣтомъ, и для того внушите визирю, чтобы онъ не вѣрилъ ложнымъ разглашеніямъ французскимъ и турецкимъ; у насъ армія противъ французовъ превеликая и больше несравненно французской. Бонапарте имѣлъ баталію со всею своею арміею, гдѣ самъ командовалъ, съ корпусомъ только нашимъ, а армія наша тогда была назади; но тутъ Бонапарте потерялъ баталію, разбитъ и прогнанъ *и теперь лежитъ при смерти больнъ въ прусскомъ владѣніи, можетъ уже и умеръ, а ежели и останется живъ, то онъ занесся столь далеко, что пагуба его неизбѣжна,* и Россія сокрушитъ его гордость. У турковъ взяли наши всѣ крѣпости по Дунай, завладѣли всею Молдавіею и Валахіею.

«Внушите секретно визирю, чтобы они спѣшили дѣлать съ нами миръ, ибо, будучи въ войнѣ, потеряютъ только людей, а сдѣлавши съ нами союзъ, могутъ въ одно лѣто пріобрѣсть отъ турокъ знатныя, прежде бывшія персидскія провинціи, какъ, напримѣръ, Эрзерумъ, Баязетъ, и я имъ помогу. Турки чрезвычайно слабы и на пагубу свою послушали совѣта Бонапарте, который старается обманывать. Ничего незначащій Черный Георгій [2]) взялъ у нихъ крѣпость большую Бѣлградъ и соединился съ нашими войсками. Англичане, союзники и друзья наши, пришли съ большимъ военнымъ флотомъ къ самому Константинополю и могутъ стрѣлять по сералю. Вамъ и всѣмъ извѣстно, что я турокъ

[1]) Отъ 12-го февраля 1807 г., № 50. Акты Кавк. Арх. Ком., т. Ш, № 804.

[2]) Вождь сербскаго народа.

въ прошедшія войны вездѣ билъ, въ послѣднюю войну я взялъ у нихъ пять крѣпостей: Килію, Измаилъ, Анапу, Суджукъ-кале и Хаджи-бей, что теперь называется Одесса; взялъ у нихъ болѣе 300 пушекъ, до 30,000 плѣнныхъ и *теперь погоню какъ овецъ.*

«Итакъ, Персіи весьма полезно быть съ нами въ союзѣ, ибо тогда уже никто ихъ коснуться не можетъ; торгъ съ Россіею принесетъ тоже великую имъ пользу. Я слышу, что наслѣдникъ владѣтеля персидскихъ провинцій весьма достойный; визирь Мирза-Шефи и Мирза-Безюркъ—министры умные: то и думаю, что не упустятъ, для пользы своего владѣтеля, поспѣшно прекратить съ нами непріятельскія дѣйствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ найдутъ и свою пользу; извѣстно тоже и то, что мы, русскіе, когда союзники и пріятели, то весьма надежны и тверды. Армія моя укомплектована, и славный, прекрасный гренадерскій (Херсонскій) полкъ, который со мною сюда пришелъ, (?)—признаюсь, что не хотѣлось бы мнѣ употреблять моей арміи противъ Персіи, но, когда повѣрятъ обманамъ французскимъ, которые никакой помощи дать не въ состояніи, а туркамъ, которые такъ слабы, что и сами себя защищать не могутъ, то долженъ буду показать, что я, будучи старшій и первый генералъ по всему Россійскому государству, не даромъ сюда присланъ и для того бывъ уполномоченъ отъ великаго нашего Государя Императора, я сдѣлалъ требованія мои весьма умѣренныя и охотно бы отдѣлилъ часть моей арміи на помощь Персіи. Весь Дагестанъ и всѣ партіи горскія мнѣ покорились. Лезгины не смѣли и драться, а прислали ко мнѣ первыхъ своихъ 12-ть старшинъ, которые и явились ко мнѣ съ повѣшенными на шеяхъ саблями, въ знакъ своего крайняго смиренія и покорности, и просили пощады, выдали всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ и заплатили всю дань».

Предписаніе было написано въ формѣ письма, съ тою цѣлью, чтобы маіоръ Степановъ могъ показать его и дать прочесть тѣмъ лицамъ, которымъ найдетъ необходимымъ и полезнымъ. Письмо это и даже личныя представленія посланнаго не подвинули тегеранскій дворъ къ скорѣйшему заключенію мирныхъ условій. Степановъ, какъ увидимъ, долженъ былъ оставить столицу Персіи, не получивъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, и своею по-

ѣздкою въ Тагеранъ далъ только случай Аббасъ-Мирзѣ увѣрять всѣхъ, что русскіе ищутъ мира.

«Вѣроятно и до васъ дошло», писалъ наслѣдникъ персидскаго престола дагестанскимъ владѣльцамъ [1]), «что за нѣсколько времени передъ симъ пріѣхалъ ко мнѣ посланецъ отъ русскаго главнокомандующаго и открылъ переговоры о дружбѣ, изъявляя извиненія за прежнія свои дѣйствія. Я посланца этого отправилъ къ высочайшему двору шаха. Цѣль того посланца состояла въ томъ, чтобы мы примирились съ русскими, дабы пыль вражды и злобы смелась съ насъ; но просьба его не будетъ уважена до тѣхъ поръ, пока полы этихъ владѣній не очистятся отъ гадости ихъ существа. Я уже положилъ свою высокую энергію на ихъ изгнаніе изъ предѣловъ Ирана, что удастся съ помощью Алаха. Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей и лѣтописями, извѣстно, что ни одному царю не было дороги въ Персію—это сущая истина и послѣ этого, по благословенію Алаха и счастію падишаха, ея и не будетъ.

«Извѣщеніе васъ объ этихъ обстоятельствахъ было необходимо, а потому мы увѣдомляемъ васъ объ этомъ, дабы вы подкрѣпились развѣваніемъ разноцвѣтныхъ знаменъ нашей націи и движеніемъ карающихъ воиновъ Ислама, приготовились къ священной войнѣ и поспѣшили къ стяжанію спасенія и избавленія».

VI.

Объявленіе въ Константинополѣ войны съ Россіею.—Рескриптъ Императора графу Гудовичу.—Положеніе Кавказской линіи и закавказскихъ провинцій.—Нападеніе турокъ на Редутъ-Кале.—Расположеніе нашихъ войскъ.—Предполагаемый планъ дѣйствій.

Вступленіе нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества и вслѣдъ затѣмъ занятіе Хотина, Бендеръ, Паланки, Аккермана, Киліи и Бухареста встревожили турецкое правительство. На совѣщаніи, происходившемъ у султана, большая часть собравшихся была про-

[1]) Въ воззваніи кадіямъ акушенскому и табасаранскому, обществу джаробѣлоканскому и Сурхай-хану казикумухскому. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 800.

тивъ войны и настаивала на удовлетвореніи требованій нашего правительства. Члены совѣта сознавали, что для Порты слѣдствія войны съ Россіею будутъ гораздо ощутительнѣе, чѣмъ всѣ угрозы Наполеона. Россія открыла уже свои дѣйствія вступленіемъ въ турецкія владѣнія, тогда какъ Наполеонъ грозилъ только въ будущемъ. Мнѣніе противниковъ войны взяло перевѣсъ, и въ диванѣ положено было удовлетворить требованію петербургскаго кабинета.

Узнавъ о такомъ рѣшеніи совѣта, генералъ Себастіани успѣлъ выхлопотать себѣ личную аудіенцію у султана и убѣдить его, что Порта никогда не будетъ имѣть случая, благопріятнѣе настоящаго, для возвращенія прежнихъ потерь и даже Крыма. Онъ обѣщалъ содѣйствіе Франціи и совѣтовалъ поднять оружіе противъ Россіи, главныя силы которой, по его словамъ, находились на Вислѣ. Себастіани увѣрялъ Селима, что Наполеонъ съ 300,000 человѣкъ овладѣлъ уже Польшею и, слѣдовательно, Россія, будучи отвлечена французами, не въ силахъ будетъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Турціи; что французскія войска, въ случаѣ надобности, пройдутъ черезъ турецкія владѣнія для дѣйствія противъ русскихъ на Днѣстрѣ и, наконецъ, положительно объявилъ, что Наполеонъ будетъ считать султана своимъ врагомъ, если онъ останется въ союзѣ съ непріятелями Франціи—Россіей и Англіей. Самъ Наполеонъ, послѣ вступленія своего въ Берлинъ, пригласилъ къ себѣ находившагося тамъ турецкаго полномочнаго и поручилъ ему сообщить султану Селиму, что онъ не допуститъ русскихъ сохранить выгоды, пріобрѣтенныя ими на Дунаѣ. Это извѣстіе ободрило колебавшееся турецкое правительство, и султанъ, полагаясь на обѣщанія Наполеона, поддался вліянію французскаго посла. 18-го декабря 1806 года Селимъ объявилъ войну Россіи.

«Невѣрные москвитяне», сказано было въ манифестѣ, «внезапно нарушили договоры, нечаянно и безъ причины вступили въ предѣлы блистательной Порты и заняли Бендеры и Хотинъ, обнаруживая тѣмъ давно питаемыя ими противъ мусульманъ вѣроломныя намѣренія. Потому рѣшено вести съ москвитянами войну».

Порта обвиняла Россію въ нарушеніи трактатовъ, говоря, что, по условіямъ, заключеннымъ въ 1774 году, она не имѣла права владѣть Крымомъ; что Россія завладѣла полуостровомъ самопроиз-

вольно, среди мира и, не смотря на то, Турція все-таки сохранила съ нею дружественныя отношенія. Умалчивая о ясскомъ мирѣ, по которому присоединеніе Крыма къ Россіи было утверждено обѣими сторонами, правительство султана обвиняло теперь насъ въ неправильномъ завладѣніи Іоническою республикою, въ возбужденіи подданныхъ Турціи къ возстанію и въ другихъ противозаконныхъ поступкахъ.

Въ день объявленія манифеста, въ Константинополѣ былъ арестованъ нашъ бригъ, посланный туда для препровожденія посольства, но посланникъ Италинскій успѣлъ сѣсть на англійское судно и ушелъ въ Средиземное море, на эскадру вице-адмирала Сенявина.

Сплетенный интригами Наполеона узелъ, наконецъ, развязался. Порта снаряжала войска и назначила главнокомандующимъ войсками на Дунаѣ рущукскаго аяна Мустафу-Байрактара, а въ Азіи—Юсуфъ-Зія-пашу эрзерумскаго. Предполагая дѣйствовать на сухомъ пути и на морѣ, Порта намѣрена была отправить въ Черное море значительную эскадру, составленную изъ тридцати двухъ различной величины судовъ [1]). Хотя цифра эта и казалась преувеличенною, но достовѣрно было то, что черноморскіе берега были избраны театромъ дѣйствій для турецкаго флота.

Извѣстіе объ объявленіи войны въ Константинополѣ достигло до Петербурга 3-го января 1807 года и вызвало со стороны Императора Александра энергическое рѣшеніе: для достиженія успѣха и въ этой новой войнѣ — не останавливаться ни передъ какими препятствіями и не ограничивать себя никакими средствами.

«Полученное на сихъ дняхъ извѣстіе», писалъ Государь графу Гудовичу [2]), «о объявленіи Россіи войны Портою Оттоманскою, побуждаетъ меня дѣйствовать противъ сего новаго непріятеля безъ всякаго ограниченія вооруженною рукою. Вамъ уже довольно извѣстна была продолжительная колеблемость Порты и ожиданіе разрыва съ ея стороны. Не распространяясь здѣсь о предшество-

[1]) Письмо барона Будберга графу Гудовичу, 7-го января 1807 года. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 923.

[2]) Отъ 7-го января 1807 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1806—1809, № 4.

вавшихъ обстоятельствахъ, ни о справедливости дѣла, мною защищаемаго, я обращаюсь съ полною довѣренностію къ вашимъ знаніямъ и испытанному вашему усердію къ службѣ отечественной, съ объясненіемъ вамъ только главныхъ видовъ плана, предоставляя всѣ прочія дѣйствія на собственное ваше соображеніе.

«Изъ доставленныхъ вамъ министромъ иностранныхъ дѣлъ свѣдѣній вы увидите, что войска россійскія занимаютъ уже все пространство Молдавіи, Валахіи и Бесарабіи по Дунай, за исключеніемъ крѣпостей Измаила, Браилова и Журжи. Упразднивъ и сіи послѣднія мѣста отъ турецкихъ гарнизоновъ, я располагаюсь протянуть оборонительную линію по Дунаю и держаться въ сей выгодной позиціи, не попускаясь на дальнѣйшія предпріятія, дабы не ослабить войскъ, дѣйствующихъ на Вислѣ. Къ успѣшному выполненію сего намѣренія весьма могутъ способствовать наступательныя ваши дѣйствія, устремленныя на азіятскія владѣнія Порты, отвлекая для защищенія оныхъ часть анатольскихъ войскъ, назначаемыхъ въ Европу.

«Предъ симъ объяснено вамъ было желаніе мое, дабы, предупреждая разрывъ съ Портою, стараться прекратить непріятельскія дѣйствія съ Персіею и, буде можно, соединиться съ Баба-ханомъ противъ турокъ, дабы обратить всѣ ваши силы и все вниманіе въ сію сторону. Къ удовольствію моему скоро я получилъ извѣстіе, что черезъ попеченія ваши учиненъ начальный шагъ къ мирнымъ переговорамъ. Нынѣ сей предметъ сдѣлался столь важнымъ, что достиженіе онаго я признаю началомъ будущихъ успѣховъ, и потому поручаю сіе дѣло особенному вашему старанію, предоставляя благоразумію вашему изобрѣсть для сего приличнѣйшіе способы. Нахожу нужнымъ только повторить мое желаніе, чтобы границы россійскія остались въ томъ положеніи, въ какомъ оныя теперь находятся, т. е. по Куру и часть Аракса, заключающую въ себѣ область Елисаветпольскую и ханство Карабахское».

Такимъ образомъ, первое время надежда на успѣхъ и вся тяжесть военныхъ дѣйствій должна была лечь на немногочисленную кавказскую армію, передъ которою стояло два непріятеля: персіяне и турки. Одновременная борьба съ двумя противниками,

безъ надежды на помощь свѣжими силами, была крайне затруднительна и не предвѣщала успѣха, а между тѣмъ петербургскій кабинетъ, обѣщая главнокомандующему поддержку только деньгами и подарками, а не войсками, желалъ, чтобы графъ Гудовичъ, не ограничиваясь пассивною обороною, дѣйствовалъ наступательно противъ турокъ и овладѣлъ крѣпостями, лежавшими на берегу Чернаго моря между Мингреліею и Анапою.

«Изъ положенія границъ нашихъ съ Портою, около береговъ Чернаго моря, усматривается то неудобство,» писалъ баронъ Будбергъ графу Гудовичу [1]), «что отъ полуострова Тамани россійское владѣніе прерывается крѣпостями Анапою, Сухумъ-Кале, Изгауромъ, Анаклісю, потомъ слѣдуетъ берегъ мингрельскій, принадлежащій Россіи до самаго устья Ріона, по ту сторону рѣки опять начинаются турецкія поморскія владѣнія: Поти, Батумъ, Гоніе, всѣ издревле принадлежавшія къ царству Грузинскому. Слѣдовательно, нельзя не желать возможности присоединить всѣ сіи мѣста подъ державу Россійскую, дабы тѣмъ вяще обезпечить Грузію и усмирить закубанскіе народы, находящіе пристанище въ Анапѣ и другихъ турецкихъ городахъ. Тогда только можно надѣяться, что воспослѣдуетъ совершенное покореніе горскихъ народовъ, и что россійское начальство, не мѣшаясь во внутреннее ихъ устройство, будетъ имѣть въ рукахъ достаточные способы къ удержанію ихъ въ должномъ повиновеніи.»

«Если въ Анапѣ», писалъ баронъ Будбергъ въ другомъ письмѣ гр. Гудовичу [2]), «не находится еще сильнаго вооруженія, можетъ быть, ваше сіятельство найдете способъ занять сію важную крѣпость нѣкоторыми движеніями войскъ или черезъ дружественныя сношенія съ тамошнимъ турецкимъ начальникомъ.»

Для удовлетворенія такимъ требованіямъ, главнокомандующій долженъ былъ сосредоточить все свое вниманіе на двухъ главныхъ предметахъ: поспѣшить скорѣйшимъ заключеніемъ мира или перемирія съ Персіею и затѣмъ устремить всѣ свои силы на ту-

[1]) Отъ 25-го сентября 1806 года. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 918.

[2]) Отъ 7-го января 1807 г. Тамъ же, № 923.

рецкія области, сопредѣльныя Грузіи. Усмотрѣнію графа Гудовича предоставлялось дѣйствовать въ послѣднемъ случаѣ силою оружія или склоненіемъ къ вступленію подъ покровительство Россіи пограничныхъ намъ пашей, подвластныхъ Турціи. Сношеніемъ съ карсскимъ пашой, Келешъ-бекомъ владѣльцемъ абхазскимъ, и другими думали облегчить труды войскъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ и сложить часть тяжелой обороны на новыхъ союзниковъ, до тѣхъ поръ, пока «не откроется возможность дѣйствовать всѣми нашими силами».

При незначительности боевыхъ силъ на линіи и въ Закавказьѣ трудно было удовлетворить желанію нашего правительства. Большее или меньшее число свободныхъ войскъ, съ которыми можно было открыть наступательныя дѣйствія, опредѣлялось положеніемъ самаго края, протяженіемъ его границъ, внутреннимъ состояніемъ страны и, наконецъ, числительнымъ составомъ войскъ.

На преданность Россіи вновь пріобрѣтенныхъ провинцій главнокомандующій разсчитывать не могъ, точно такъ же, какъ на скорое заключеніе мирныхъ условій съ Персіею, потому что вскорѣ послѣ объявленія войны въ Константинополѣ французскій эмиссаръ Жобертъ проѣхалъ въ Персію вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Парижа посланникомъ Баба-хана. Это извѣстіе не оставляло сомнѣнія, что, при посредствѣ Турціи, послѣдовало сближеніе между Франціею и Персіею, и что первая употребитъ всѣ свои усилія, чтобы отклонить тегеранскій дворъ отъ заключенія мирныхъ условій съ Россіею. На этомъ основаніи необходимо было имѣть особый отрядъ для отраженія персіянъ и содержать постоянные гарнизоны: въ Дербентѣ, Баку, Шушѣ, Шекѣ, Елисаветполѣ, Имеретіи, Мингреліи и противъ джаро-бѣлоканцевъ. Сомнительная вѣрность жителей этихъ провинцій не дозволяла вывести гарнизоны, но, напротивъ, требовала, чтобы они были самостоятельными по численности, такъ какъ, съ выступленіемъ главныхъ силъ противъ непріятеля, они не могли уже разсчитывать ни на какую поддержку.

Въ концѣ 1806 года, всѣ войска, какъ бывшія на Кавказской линіи, такъ и находившіяся въ Закавказьѣ, раздѣлены на

двѣ дивизіи: 19-ю на линіи [1]) и 20-ю въ Закавказьѣ [2]). Начальникомъ первой назначенъ генералъ отъ инфантеріи Булгаковъ, главная квартира котораго была въ Георгіевскѣ, а второй—генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ, находившійся въ Тифлисѣ.

На всемъ протяженіи Кавказской линіи происходили почти безпрерывно грабежи и хищничества. Закубанцы разграбили Воровсколѣсскую станицу, нападали нѣсколько разъ на Ставрополь, хищничали у Моздока и Кумскаго ретраншамента. Подговоренные анапскимъ пашою, шапсуги, собравшись значительными партіями, вторгались въ земли черноморскихъ казаковъ, выжигали селенія и уводили въ плѣнъ жителей. На рѣкѣ Урупѣ собралось до 4,000 бесленейцевъ, а значительное скопище темиргойцевъ стояло въ вершинахъ рѣки Лабы. Анапскій паша отправилъ своего посланнаго для возмущенія кабардинцевъ. Онъ снабдилъ его значительною суммою денегъ для раздачи болѣе вліятельнымъ князьямъ, которымъ писалъ, что къ нему прибыло уже турецкое войско на пяти корабляхъ; что съ этимъ войскомъ онъ скоро придетъ на линію, и что «покровительствующій весь міръ государь (султанъ) повелѣлъ возстать всѣмъ магометанамъ противъ невѣрныхъ враговъ». Паша приглашалъ кабардинцевъ соединиться съ нимъ, какъ сдѣлали это абадзехи, шапсуги и натухайцы, уже прибывшіе къ нему, и высказывалъ полную увѣренность, что они исполнятъ повелѣніе «великаго государя, который признаетъ себя могущимъ побѣдить всѣ войска, на землѣ имѣющіяся, или всѣ мѣста обратить въ ничтожность, яко невѣрныхъ» [3]).

Не ограничиваясь одними воззваніями, паша оставилъ Анапу, переѣхалъ въ горы и поселился у натухайцевъ. Получивъ съ ко-

---

[1]) Въ составъ ея входили полки: Владимірскій, Таганрогскій, Нижегородскій и Борисоглѣбскій драгунскіе; Казанскій, Суздальскій и Вологодскій мушкетерскіе; Севастопольскій и Бѣлевскій, находившіеся въ Закавказьѣ; 16-й егерскій полкъ; гарнизонные полки: Астраханскій, Кизлярскій, Владикавказскій и Моздокскій.

[2]) Въ 20-й дивизіи были полки: Нарвскій драгунскій; Херсонскій и Кавказскій гренадерскіе; Кабардинскій, Троицкій, Тифлисскій и Саратовскій мушкетерскіе; 9-й, 15-й и 17-й егерскіе.

[3]) Переводъ турецкаго письма анапскаго паши. Военно-Ученый Архивъ, «Дѣло о нападеніи закубанскихъ черкесовъ».

раблей военные припасы, онъ раздавалъ ихъ горцамъ, одарялъ князей и вліятельнѣйшихъ лицъ изъ духовенства подарками, назначилъ многимъ изъ нихъ жалованье, а простой народъ обязывалъ присягою дѣйствовать заодно съ войсками султана. Одновременно съ этимъ, въ Кабардѣ, въ Закубаньѣ и у чеченцевъ появились турецкіе эмиссары съ фирманами султана и съ значительною суммою денегъ, присланныхъ князьямъ на наемъ войскъ противъ русскихъ. Порта приглашала ихъ сдѣлать нападеніе на крѣпости Усть-Лабинскую, Прочноокопскую и на Екатеринодаръ. Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что закубанцы вторглись въ Черноморію противъ Корсунскаго селенія, въ семнадцати верстахъ отъ редута Изряднаго источника; другая партія прорвалась между постами Погорѣлымъ и Державнымъ на селеніе Богоявленское, третья у Бѣломечетскаго поста, и, наконецъ, на шедшій изъ Владикавказа транспортъ напала партія чеченцевъ. Кабардинцы также волновались и раздѣлились на двѣ партіи: люди молодые желали соединиться съ турками и дѣйствовать противъ Россіи, а наученные опытомъ князья уговаривали народъ оставаться нейтральнымъ.

— Мы пробовали,—говорили князья буйной молодежи,—нѣсколько разъ обольщаться турецкимъ золотомъ и довели себя тѣмъ до совершеннаго разоренія, и если бы Россія не была столь милосердна, мы давно уже были бы въ корень истреблены. При теперешнихъ бѣдственныхъ нашихъ обстоятельствахъ, когда Богъ насъ наказалъ, и моровая язва истребила почти половину народа, если бы Россія не помогла намъ хлѣбомъ, то и послѣдніе всѣ бы померли голодною смертью. Правда, молодые люди сему случаю много радуются, но они глупы, ничего не знаютъ.

Убѣжденія эти хотя на этотъ разъ и удержали Кабарду отъ явнаго возстанія, тѣмъ не менѣе среди ея населенія явилась раздѣльность интересовъ и борьба партій. Шефъ Суздальскаго полка, генералъ-маіоръ Шеншинъ, призвалъ къ себѣ въ Усть-Лабу владѣльцевъ и убѣждалъ ихъ оставаться вѣрными Россіи и не слушать турокъ. Князья обѣщали сохранить нейтралитетъ, но положительно отказались не только собрать войска для дѣйствія про-

тивъ турокъ, но и сопротивляться имъ, если бы турки прошли черезъ ихъ владѣнія [1]).

Для привлеченія главнѣйшихъ князей на нашу сторону главнокомандующій отправилъ въ распоряженіе Шеншина 200 голландскихъ червонцевъ и приказалъ употребить ихъ на подарки кабардинцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для обезпеченія линіи отъ вторженія закубанцевъ, были собраны и поставлены лагеремъ два отряда: одинъ у Баталпашинской переправы и Невиннаго мыса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Капцевича [2]), другой—у Кавказской крѣпости, неподалеку отъ Сухаго-Дуба, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Мусина-Пушкина [3]). Сверхъ того, генералъ отъ инфантеріи Булгаковъ просилъ главнокомандующаго выслать на службу 3,000 калмыковъ, приказалъ всѣмъ отставнымъ казакамъ, имѣвшимъ ружья, выдать порохъ, свинецъ и употреблять ихъ на службу вмѣстѣ со служащими полками. Графъ Гудовичъ признавалъ необходимымъ вдоль всей линіи протянуть казачью цѣпь и писалъ, что съ такимъ распоряженіемъ, онъ увѣренъ «что линія будетъ безопасна» [4]).

Безопасность эта требовала особенной бдительности войскъ и наблюденія чуть ли не за каждымъ проѣзжающимъ горцемъ, которыхъ не рѣдко ловили съ возмутительными письмами, разсылаемыми въ значительномъ числѣ турецкимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ было бы весьма рискованно взять съ линіи хотя одного солдата и тѣмъ болѣе, что съ ослабленіемъ обороны на линіи тылъ войскъ, находившихся въ Закавказьѣ, не былъ ничѣмъ обезпеченъ.

Мтіулетинцы, гудомакарцы, хевсуры и жители Хевскаго ущелья также волновались и намѣрены были напасть на Пасанаурскій постъ, охраняемый незначительнымъ гарнизономъ, имѣвшимъ «весьма неисправное оружіе». Вслѣдъ затѣмъ, въ Тифлисѣ полу-

[1]) Отношеніе графа Гудовича военному министру, 31-го марта 1807 г., № 105. Рапортъ Шеншина графу Гудовичу, 3-го апрѣля, № 366.

[2]) Въ составъ этого отряда вошли: 16-й егерскій полкъ, Нижегородскій и Борисоглѣбскій драгунскіе и часть Казанскаго мушкетерскаго полка.

[3]) Вологодскій мушкетерскій и Таганрогскій драгунскій.

[4]) Предписаніе графа Гудовича генералу Булгакову, 6-го апрѣля, № 111.

чено было извѣстіе, что жители Ксанскаго ущелья и осетины собрались противъ селенія Цирковъ и, вооруженные, двинулись въ Горійскій уѣздъ къ селенію Чаламъ. Посылаемые отряды разгоняли собравшихся, но не могли прекратить волненій и грабежа. Уступая силѣ, хищники разбѣгались и черезъ нѣсколько дней снова появлялись, то на Гартискарскомъ посту, близъ Пасанаура, то вторгались въ Памбакскую провинцію, или отгоняли скотъ, пасшійся у Беканта. Караклисъ, селенія Метехи, Саганлугъ, Демурчасалы, Казанча, Артикъ, Ларсъ и Кайшауръ испытали ихъ вторженіе. Всѣ эти мѣста требовали обороны, которая затруднялась еще болѣе вслѣдствіе ложной системы, принятой въ устройствѣ внутренняго управленія вновь покоренными ханствами. Не уничтожая ханскаго званія и плодя хановъ, графъ Гудовичъ создавалъ себѣ тайныхъ враговъ или въ лицѣ самихъ правителей, или среди туземнаго населенія. Жители Дербентскаго ханства жаловались на притѣсненія шамхала тарковскаго, на установленіе новыхъ налоговъ и поборовъ. Въ Кубѣ происходили волненія и безпорядки. Поставленный тамъ наибомъ Хаджи-бекъ, былъ человѣкъ слабаго характера, нерѣшительный и неимѣвшій никакой силы въ народѣ. Не принимая участія въ дѣлахъ, онъ жилъ большею частію въ своей деревнѣ, предоставивъ распоряжаться ханствомъ бѣглому Шихъ-Али-хану. Въ этомъ виноватъ былъ самъ главнокомандующій, недозволявшій русскимъ властямъ вмѣшиваться въ управленіе туземнаго населенія. Пользуясь бездѣятельностью Хаджи-бека и тѣмъ, что ближайшій надзоръ за кубинскимъ владѣніемъ былъ порученъ генералъ-маіору Гурьеву, находившемуся въ Баку, Шихъ-Али избралъ себѣ довѣреннымъ лицомъ Явангулъ-бека, черезъ котораго и управлялъ кубинскимъ владѣніемъ. Онъ разъѣзжалъ по селеніямъ, устанавливалъ налоги, собралъ съ жителей болѣе 14,000 руб. и даже учредилъ монетный дворъ. Хаджи-бекъ не противился существовавшему порядку; оставленный безъ всякой поддержки и опоры, онъ боялся Шихъ-Али, при которомъ всегда находилось до 400 человѣкъ хорошо вооруженныхъ лезгинъ[1]).

---

[1]) Рапортъ Гурьева графу Гудовичу, 6-го февраля 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 749.

Графъ Гудовичъ, подобно Хаджи-беку, не найдя средствъ къ удаленію Шихъ-Али, предписалъ генералъ-маіору Гурьеву *ласкать его* и стараться обратить къ вѣрности и усердію, но совѣты главнокомандующаго были до того оригинальны, что не обѣщали никакого успѣха. «Шихъ-Али,» писалъ онъ [1]), «продолжайте ласкать, а между тѣмъ держите онаго въ неизвѣстности, дабы тѣмъ надежнѣе обратить его къ вѣрности и усердію для россійскаго правленія; не упускайте случаевъ увѣрять его, что владѣніе его никогда уже изъ нашихъ рукъ не выйдетъ, а потому и оставилъ бы онъ уповать на персіянъ и сноситься съ ними, а во всемъ вспомоществовалъ бы нашимъ пользамъ. Симъ единымъ средствомъ найдетъ онъ во мнѣ своего ходатая предъ всемилостивѣйшимъ Монархомъ, но прежде онъ не можетъ надѣяться достигнуть ханства кубинскаго, пока не пріѣдетъ ко мнѣ, ибо на таковое важное достоинство долженъ онъ принять присягу въ присутствіи моемъ.»

Такое порученіе Гурьеву, послѣ изгнанія Шихъ-Али изъ ханства и назначенія шамхала тарковскаго ханомъ дербентскимъ и кубинскимъ, было болѣе чѣмъ странно. Шихъ-Али понималъ, что его не предпочтутъ шамхалу; что онъ можетъ добиться ханства только одною силою, и конечно, не ѣхалъ въ Тифлисъ, чтобы присягать въ присутствіи главнокомандующаго. Къ тому же, по азіятскимъ понятіямъ, присяга, данная *гяуру*, не обязывая присягавшаго исполнять въ точности данную клятву, не была для насъ залогомъ вѣрности хановъ.

Мехти-Кули-ханъ карабагскій присягалъ въ Тифлисѣ, клялся быть вѣрнымъ, а по пріѣздѣ въ свое владѣніе сталъ дѣйствовать противъ интересовъ Россіи. Онъ окружилъ себя лицами, намъ недоброжелательствующими, и на границѣ съ Персіею поставилъ такихъ правителей, которые снабжали хлѣбомъ его брата, измѣнника Абулъ-Фетха и были посредниками въ сношеніяхъ хана съ персіянами. О доставленіи провіанта нашимъ войскамъ Мехти заботился на столько, что солдаты получали только половинную порцію. Ссылаясь на то, что Карабагъ разоренъ персіянами, что въ

[1]) Предписаніе Гурьеву 3-го іюля 1807 г. Тамъ же, № 750.

немъ нѣтъ хлѣба, Мехти-Кули-ханъ просилъ убавить число русскихъ войскъ, находящихся въ его владѣніи, и запретить начальникамъ вмѣшиваться въ его управленіе. Вмѣшательство это состояло въ томъ, что подполковникъ Котлярёвскій требовалъ отпуска солдатамъ полной дачи продовольствія и указывалъ на значительные запасы провіанта, которые, по ходившимъ тогда слухамъ, были сдѣланы ханомъ для персіянъ, въ случаѣ появленія ихъ въ Карабагѣ. Главнокомандующій, все еще вѣрившій въ чистосердечіе Мехти-Кули-хана, давалъ преимущество его представленіямъ и писалъ хану предупредительныя и вѣжливыя письма.

«Подполковнику Котляревскому», писалъ графъ хану [1]), «я прежде предписывалъ и теперь еще подтвердилъ, чтобы онъ не входилъ ни въ какія дѣла, до управленія относящіяся, и командуя гарнизономъ, въ Шушѣ расположеннымъ, соблюдалъ бы строгую дисциплину между командою ему ввѣренною, дабы отъ солдатъ не было вашимъ подвластнымъ дѣлано какихъ обидъ и притѣсненій, и равномѣрно имѣлъ бы всегда должное чину уваженіе. Убавлять же войскъ, въ Карабагѣ стоящихъ, я теперь еще не признаю надобнымъ, а впрочемъ не оставлю и сего сдѣлать въ свое время, когда обстоятельства то позволятъ.»

Притѣсняя своего племянника Джафара и стараясь ослабить его значеніе въ народѣ, карабагскій ханъ не вводилъ Джафара во владѣніе деревнями, назначенными ему Императоромъ Александромъ, и тѣмъ лишалъ доходовъ съ принадлежащихъ ему имѣній. Джафаръ не могъ содержать, по азіятскому обычаю, достаточнаго числа прислуги и принужденъ былъ сначала кормить ее обнадеживаніемъ, а потомъ и распустить всю свою свиту. По мѣрѣ того, какъ уменшалась свита Джафара, онъ лишался лицъ себѣ преданныхъ и постепенно терялъ вліяніе, которое переходило въ значительной степени къ Мехти-Кули-хану, искавшему популярности По древнимъ обычаямъ Карабага, въ предосторожность отъ возмущенія, отъ всѣхъ татарскихъ селеній находилось всегда въ крѣпости по нѣсколько заложниковъ. Мехти безъ всякой побудительной причины распустилъ ихъ, думая такимъ поступкомъ еще бо-

[1]) Отъ 13-го марта 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 626.

лѣс привлечь населеніе на свою сторону. Ослабивъ значеніе Джафара и успѣвъ устранить всякое вмѣшательство въ свои дѣла русской власти, Мехти, по словамъ Котляревскаго, «оставаясь совершенно свободнымъ, можетъ предпринимать все, что ему вздумается [1])», и дѣйствительно, скоро узнали, что карабагскій ханъ, не доставляя провіанта нашимъ войскамъ, заготовляетъ его секретно и въ большомъ количествѣ для родственника своего, Селима, бывшаго хана шекинскаго, обѣщающаго явиться въ Карабагъ съ персидскими войсками [2]).

Изгнанный изъ своихъ владѣній, Селимъ не переставалъ волновать шекинцевъ и имѣлъ успѣхъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Назначеніе старика Джафара-хойскаго ханомъ шекинскимъ не нравилось народу, да оно и не могло быть иначе: чуждый населенію, онъ былъ къ тому же магометанинъ другой секты. Шекинцы, какъ всѣ вообще азіятцы, были преданы династіи, издавна ими управлявшей, не признавали пришельца своимъ повелителемъ и опасались за стѣсненіе ихъ религіи. Кто знаетъ ненависть, питаемую магометанами одной секты къ мусульманамъ другой, тотъ пойметъ, съ какимъ страхомъ жители шіиты должны были узнать о назначеніи къ нимъ ханомъ Джафара, сунита. Графъ Гудовичъ принужденъ былъ успокоивать шекинцевъ и выставить всѣ блестящія качества новаго хана.

«Джафаръ-Кули-ханъ», писалъ главнокомандующій генералу Небольсину [3]), «совсѣмъ не таковъ, какъ бывшій измѣнникъ Селимъ-ханъ, но испытанъ уже въ ненарушимой вѣрности и усердіи къ Россіи, извѣстенъ по уму своему и добронравію, который будетъ управлять ими (шекинцами) съ кротостію и милосердіемъ, не употребляя варварскихъ способовъ бывшаго измѣнника Селимъ-хана и котораго, конечно, они сами признаютъ справедливымъ и могущимъ составить ихъ благоденствіе, когда увидятъ и узнаютъ его поступки и кротость управленія надъ ними. А сверхъ сего,

---

[1]) Рапортъ Котляревскаго графу Гудовичу, 7-го февраля 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 629.

[2]) Предписаніе графа Гудовича Небольсину, 17-го марта 1807 года. Тамъ же, № 631.

[3]) Отъ 14-го января 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 495.

замѣтьте имъ, что онъ же имѣетъ чинъ россійскаго генералъ-лейтенанта, больше вашего чина. Относительно вѣры растолкуйте имъ внятныхъ образомъ, что въ благоучрежденномъ россійскомъ правленіи всякое исповѣданіе вѣръ терпимо и свободно, а потому они, съ сей стороны, должны оставаться совершенно спокойны, что Джафаръ Кули-ханъ шекинскій, происходя такъ же отъ магометанъ, какъ и шекинцы, если и имѣетъ какую либо малую несходственность съ ними въ исповѣданіи своемъ, по раздѣленію Магометовой вѣры на разныя секты, однако-жъ исповѣданіе ихъ вѣры останется свободно и ни малѣйшаго не потерпитъ отъ него принужденія или нарушенія».

Ни толкованія Небольсина, ни прокламація самого главнокомандующаго [1]) не поправили дѣла, въ основаніи ложнаго, и не могли сроднить шекинцевъ съ новымъ ханомъ. Назначеніе правителя, взятаго со стороны и преданнаго намъ потому только, что въ томъ была его собственная польза, было неудачнымъ административнымъ распоряженіемъ. Видя, что въ Грузіи царское достоинство было уничтожено и члены царскаго дома устранены отъ управленія, что въ Елисаветполѣ и Баку поступлено точно также, шекинцы сами просили объ уничтоженіи и у нихъ ханскаго достоинства. Сознавая, что русское правленіе, какъ бы дурно ни было, все же будетъ лучше ханскаго произвола, жители радовались введенію народнаго правленія и совершенно было успокоились, какъ вдругъ узнали о назначеніи ханомъ Джафара. Извѣстіе это было принято весьма неравнодушно, такъ что графу Гудовичу пришлось для поддержанія новаго хана дать ему конвой, приказать устроить въ Нухѣ почетную встрѣчу и оказывать ему почести, приличныя его званію и чину. Вслѣдъ за тѣмъ, обстоятельства заставили ввести въ Нуху три роты Кабардинскаго полка и сдѣлать распоряженіе объ обезоруженіи жителей [2]). Самъ Джафаръ прибылъ въ ханство съ значительнымъ конвоемъ бывшихъ своихъ подданныхъ хойцевъ, на которыхъ шекинцы смотрѣли, какъ на опричниковъ и лицъ, имъ враждебныхъ. Симпатія народа

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком.. т. III, № 496.

[2]) Письмо графа Гудовича Джафару, отъ 7-го марта 1807 г. Тамъ же, № 497.

клонилась на сторону Селима, и долгое время Джафару приходилось бороться съ бывшимъ ханомъ шекинскимъ. Соединившись съ своимъ родственникомъ, Мустафою ширванскимъ (шемахинскимъ), Селимъ волновалъ народъ, а Мустафа велъ переговоры съ Баба-ханомъ и Аббасъ-Мирзою.

«Съ Мустафою-ханомъ» (ширванскимъ), писалъ Джафаръ [1]), «я не могу ужиться: онъ волкъ въ овечьей шкурѣ. Если бы онъ объявилъ себя явнымъ измѣнникомъ, то я былъ бы въ состояніи одолѣть его, но что мнѣ дѣлать: на словахъ онъ выказываетъ себя преданнымъ слугою Шахиншаха, но въ тайнѣ дѣйствуетъ подло».

Конфиденты Мустафы и Селима увѣряли шекинцевъ, что французы разбили русскихъ; что турки въ большихъ силахъ собираются у рѣки Арпачая; что Баба-ханъ обѣщалъ прислать Селиму 12,000 человѣкъ своихъ войскъ и что персіяне, соединившись съ турками, будутъ дѣйствовать совокупными силами противъ русскихъ. Послѣднее было справедливо. При содѣйствіи французскаго правительства Порта успѣла привлечь Персію на свою сторону и склонить ее дѣйствовать противъ Россіи. Сераскиръ Юсуфъ сообщилъ всѣмъ пашамъ азіятскихъ владѣній Турціи, чтобыони, когда русскія войска откроютъ дѣйствія, въ эриванской или другой какой области, со всѣми силами слѣдовали на соединеніе съ персіянами. Съ своей стороны, Баба-ханъ также обѣщалъ содѣйствовать туркамъ и отправилъ къ Юсуфъ-пашѣ нѣсколькихъ хановъ для совѣщаній относительно совокупныхъ дѣйствій [2]). Согласившись съ ними и желая съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать на подвѣдомственное Россіи магометанское населеніе, сераскиръ и Аббасъ-Мирза разослали вмѣстѣ свои воззванія къ Мустафѣ-хану ширванскому (шемахинскому), Сурхай-хану казикумухскому, хану аварскому, Шихъ-Али, бывшему хану дербентскому, кадію табасаранскому, джаро-бѣлоканскимъ лезгинамъ, казахскимъ татарамъ и даже въ Мингрелію. Союзники писали, что они одновременно иоднимаютъ «разноцвѣтныя знамена» для пораженія русскихъ,

[1]) Графу Гудовичу, 29-го марта 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 499.

[2]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 13-го января, № 39.

отъ которыхъ отступились всѣ европейскія державы, не исключая и англійскаго короля, всегда бывшаго съ ними въ дружбѣ.

«По милости Аллаха», писалъ Аббасъ-Мирза [1])», въ то время, когда зефиръ дуновеніемъ своимъ распространитъ запахъ весны, орлы побѣдоносныхъ знаменъ нашихъ распустятъ крылья изъ Тавриза, для уничтоженія націи вражды и коварства. Тогда визирь Юсуфъ-Зія-паша двинется черезъ Башачукъ (Имеретію) въ Тифлисъ, для очищенія этого города отъ невѣрныхъ, и вслѣдствіе единовременнаго похода обѣихъ сторонъ достигнется цѣль двухъ державъ и исполнятся желанія двухъ дворовъ. Воины же, участвовавшіе въ этомъ предпріятіи, удостоятся несмѣтныхъ нашихъ милостей и безчисленныхъ наградъ».

Юсуфъ-паша говорилъ, что въ день науруза (10-го марта) непремѣнно двинется въ Тифлисъ, и приглашалъ соединиться съ нимъ не только сосѣднихъ хановъ, но и жившихъ въ Грузіи борчалинскихъ татаръ. Онъ высказывалъ полную увѣренность, что они, какъ магометане, найдутъ случай защитить свой законъ отъ невѣрныхъ, ибо каждый твердый въ магометанскомъ законѣ долженъ думать о счастіи въ настоящемъ вѣкѣ и о царствіи небесномъ въ будущемъ.

Приглашая населеніе, помышляя о небесномъ царствіи, помогать земному, Юсуфъ сообщалъ, что русскій гарнизонъ въ Гумри атакованъ «звѣздо-подобными» турецкими войсками и будетъ скоро уничтоженъ; что магометанскія войска, «льву подобныя», двинутся къ Тифлису, и тогда кто не присоединится къ нему, «тѣхъ головы будутъ потоптаны лошадиными ногами».

Посланный съ этимъ воззваніемъ былъ задержанъ на границѣ Грузіи, другой такой же былъ пойманъ въ Ширванскомъ ханствѣ, при переправѣ черезъ р. Куру. Содержаніе отобранныхъ у нихъ бумагъ ясно указывало, что, согласившись дѣйствовать вмѣстѣ и одновременно съ разныхъ сторонъ, персіяне намѣрены были вторгнуться въ Карабагъ, а турки—въ Мингрелію и Имеретію, гдѣ надѣялись встрѣтить содѣйствіе со стороны царя Соломона. При

[1]) См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 800.

извѣстномъ недоброжелательствѣ послѣдняго къ Россіи, направленіе дѣйствій, избираемое турками, пріобрѣтало особенную важность. «При малѣйшемъ разрывѣ съ турками», писалъ правитель Грузіи [1]), «царь имеретинскій воспользуется случаемъ и не оставитъ передаться непріятелю; тогда всякое сообщеніе прекратится». По мнѣнію Литвинова, потеря Имеретіи была неизбѣжна, если не будутъ приняты мѣры къ удаленію отъ управленія Соломона и нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ. Не раздѣляя такого взгляда, графъ Гудовичъ поручилъ генералу Рыкгофу слѣдить за поведеніемъ царя и только въ случаѣ явной измѣны стараться арестовать его и отправить въ Тифлисъ.

Между тѣмъ, Соломонъ не переставалъ интриговать противъ Россіи. Онъ уговаривалъ ахалцыхскаго пашу дѣйствовать наступательно, думая соединиться съ нимъ и избавиться отъ подданства Россіи. Паша приказалъ обезоружить всѣхъ жителей христіанскаго исповѣданія, заготовлялъ значительные запасы продовольствія и вооружалъ крѣпость съ большою поспѣшностію. По разсказамъ пріѣхавшихъ изъ Ахалцыха грузинъ и имеретинъ, туда прибыло много войскъ изъ Эрзерума, съ тѣмъ, чтобы, по словамъ однихъ, сдѣлать нападеніе на Карталинію, а по увѣренію другихъ—на Мингрелію и Имеретію. Келешъ-бекъ, владѣлецъ абхазскій, старавшійся казаться преданнымъ Россіи и выражавшій даже желаніе отправить своего сына на воспитаніе въ Петербургъ, сообщалъ также, что турки намѣрены напасть на Редутъ-Кале [2]).

Главнокомандующій просилъ генерала Рыкгофа озаботиться обезпеченіемъ границъ и скорѣйшимъ окончаніемъ работъ по укрѣпленію устья рѣки Хопи. «Между тѣмъ», писалъ онъ [3]), «ежели вы вѣрный случай найти можете, то внушите пашѣ (ахалцыхскому) отъ моего имени секретно, что ежели окажетъ къ Россіи свое доброжелательство, то найдетъ въ томъ совершенное свое благополучіе и за то я отвѣчаю». Къ владѣльцу абхазскому графъ

[1]) Рапортъ дѣйств. ст. сов. Литвинова графу Гудовичу, 28-го іюля, 1806 г., № 1103.

[2]) Рапортъ генерала Рыкгофа графу Гудовичу, 1-го февраля 1807 г., № 57.

[3]) Генералу Рыкгофу, отъ 19-го января 1807 г., № 10.

Гудовичъ писалъ самъ письмо, въ которомъ просилъ его, въ случаѣ появленія турецкихъ силъ со стороны Чернаго моря, воспрепятствовать проходу ихъ къ нашему укрѣпленію, устроенному при устьѣ рѣки Хопи, и своими силами вспомоществовать нашимъ войскамъ, въ томъ укрѣпленіи находившимся. Келешъ-беку обѣщана независимость отъ Порты и сохраненіе владѣнія наслѣдственно въ его родѣ. Отговорившись малою къ нему преданностію абхазцевъ, Келешъ-бекъ уклонился отъ участія въ дѣлахъ нашихъ съ турками.

Послѣдніе, въ три часа пополуночи, 8-го февраля, напали на Редутъ-Кале, въ которомъ находились три роты Бѣлевскаго полка, подъ начальствомъ маіора Лыкошина. По тѣснотѣ редута, большая часть гарнизона помѣщалась въ двухъ деревянныхъ казармахъ, построенныхъ внѣ укрѣпленія. Пробравшись скрытымъ образомъ мимо казачьяго пикета, турки бросились, прежде всего, къ казармамъ, окружили ихъ и открыли огонь въ окна и двери. Застигнутые врасплохъ, наши солдаты скоро отбили турокъ и, выйдя изъ казармъ, бросились на защиту укрѣпленія, атакованнаго другою колонною. Упорное сраженіе продолжалось до восьми часовъ утра, и когда турки, видя стойкость гарнизона, стали отступать, то маіоръ Лыкошинъ перешелъ въ наступленіе и штыками преслѣдовалъ непріятеля по берегу моря. Турки успѣли сжечь наши цейхгаузы, двѣ казармы, находившіяся внѣ редута, и лазаретъ, въ которомъ погибли всѣ больные, а бывшій при нихъ докторъ уведенъ въ плѣнъ [1]).

При первомъ извѣстіи о нападеніи на Редутъ-Кале, графъ Гудовичъ отправилъ въ помощь генералу Рыкгофу баталіонъ 9-го егерскаго полка [2]), и не желая допустить непріятеля вторгнуться въ наши владѣнія, стянулъ къ границамъ всѣ войска, которыя, безъ ослабленія внутренней обороны, оставались свободными. Онъ расположилъ ихъ въ четырехъ главныхъ пунктахъ:

На лѣвомъ флангѣ, для защиты Карабага, Ширвани, Шеки и Елисаветполя былъ сформированъ отрядъ, подъ начальствомъ гене-

[1]) См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. Ш, №№ 931—942.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Гудовича 16-го февраля и предписаніе генералу Рывгофу 22-го февраля 1807 г. Тамъ же, №№ 936 и 937.

ралъ-маіора Небольсина, изъ восьми ротъ Троицкаго мушкетерскаго, шести ротъ 17-го егерскаго полковъ, донскаго казачьяго Попова 16-го полка и шести орудій. Отрядъ этотъ расположенъ на границѣ Карабагскаго ханства, на рѣкѣ Тертерѣ, у разореннаго города Бе́рды, какъ въ пунктѣ, съ котораго могли быть прикрыты всѣ четыре провинціи. Независимо отъ этого, три роты Кабардинскаго полка находились въ Нухинской крѣпости, четыре роты егерей—въ Шушѣ и двѣ—въ Елисаветполѣ. Въ окрестностяхъ этого послѣдняго города стоялъ лагеремъ и Тифлисскій мушкетерскій полкъ, который, находясь только въ шестидесяти верстахъ отъ расположенія отряда Небольсина, могъ скоро подкрѣпить его. При приближеніи персидскихъ войскъ къ Араксу, Небольсину приказано было тотчасъ же идти имъ навстрѣчу, не допустить переправиться на нашу сторону, и для содѣйствія себѣ требовать отъ хановъ карабагскаго (шушинскаго), ширванскаго, (шемахинскаго) и шекинскаго (нухинскаго) ихъ конницу, которая, по сдѣланному распоряженію у каждаго изъ нихъ, должна была быть въ готовности.

Для дѣйствія въ Карскомъ пашалыкѣ предназначался отрядъ расположенный въ Памбакской и Шурагельской провинціяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Несвѣтаева. Въ отрядѣ этомъ состояли: Саратовскій мушкетерскій полкъ, баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго, баталіонъ Троицкаго мушкетерскаго, баталіонъ 15-го егерскаго полковъ и два полка казаковъ.

На правомъ флангѣ, въ Имеретіи и Мингреліи, находился генералъ-маіоръ Рыкгофъ съ Бѣлевскимъ мушкетерскимъ полкомъ и баталіономъ 9-го егерскаго полка. Резервомъ для трехъ дѣйствующихъ отрядовъ служили, собранные подъ личнымъ начальствомъ графа Гудовича въ окрестностяхъ Тифлиса, полки: Херсонскій гренадерскій (три баталіона), два баталіона Кавказскаго гренадерскаго, два—9-го егерскаго и два—15-го егерскаго; три эскадрона Нарвскаго драгунскаго полка, два полка донскихъ казаковъ и конвой главной квартиры, составленный изъ линейныхъ казаковъ.

«Я готовлюсь ко всему,» писалъ графъ Гудовичъ[1]), «и какъ

[1]) Барону Будбергу, 5-го февраля 1807 года. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. III, № 929.

скоро возможность позволитъ, то и стану дѣйствовать. Долженъ притомъ признаться, что, безъ заключенія перемирія съ Персіею, трудно мнѣ будетъ изворачиваться, особливо имѣя такія мѣста, откуда войскъ взять не можно. Корпусъ не по чину и не по долговременной моей службѣ будетъ у меня малый; надѣюсь, однако, на Бога, что исполню Высочайшую волю».

Рѣшась дѣйствовать оборонительно противъ персіянъ и наступательно противъ турокъ, главнокомандующій предполагалъ двинуться впередъ одновременно въ трехъ пунктахъ: правымъ флангомъ на Поти, центромъ на Ахалцыхъ и лѣвымъ флангомъ на Карсъ, гдѣ скорѣе всего надѣялся имѣть успѣхъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

VII.

Дѣйствія Несвѣтаева въ Карскомъ пашалыкѣ.—Переписка его съ карскимъ пашою.—Движеніе къ Карсу и занятіе форштадта.—Дѣйствія графа Гудовича въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ.—Штурмъ Ахалкалакъ.—Отступленіе въ свои границы.—Блокада г. Поти.

Первыя извѣстія объ окончательномъ разрывѣ съ Турціею были получены въ Тифлисѣ отъ карскаго Мамедъ-паши, искавшаго покровительства Россіи и казавшагося намъ преданнымъ. Еще до объявленія войны, вскорѣ послѣ полученія въ подарокъ собольей шубы, посланной ему графомъ Гудовичемъ, Мамедъ-паша отправилъ прошеніе Императору Александру съ просьбою о защитѣ. Говоря, что правители турецкихъ областей не имѣютъ отъ своихъ государей «ничего надежнаго къ сохраненію самихъ себя», паша просилъ принять его въ подданство Россіи съ тремя сыновьями и двумя братьями, съ тѣмъ, что «если», писалъ онъ, «отъ государя моего велѣно будетъ меня наказать, и я убѣгу и прибуду во владѣнія ваши, то государю моему назадъ меня не отдавать, ибо нѣтъ у меня къ спасенію другаго мѣста, ни надежды, кромѣ васъ» [1]).

[1]) Просьба карскаго паши Императору, 10-го октября 1806 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 1009.

Мамедъ обѣщалъ исполнять всѣ наши требованія; въ случаѣ войны не только не противиться русскимъ войскамъ при вступленіи ихъ въ Карскій пашалыкъ, но содѣйствовать имъ и заготовить продовольствіе. «Со стороны хлѣба», писалъ онъ, «не безпокойтесь, я секретно отпущу».

Отношенія наши съ пашою не укрылись отъ жителей Карса. Вскорѣ послѣ назначенія сераскира Юсуфъ-паши главнокомандующимъ войсками въ Азіятской Турціи, жители донесли ему, что Мамедъ-паша отпускаетъ русскимъ хлѣбъ, и что они мало надѣятся на его вѣрность султану. Юсуфъ прислалъ своихъ чиновниковъ для наблюденія за пашою, строжайше запретилъ вывозъ хлѣба въ наши владѣнія и учредилъ два провіантскихъ магазина: одинъ въ Магизбердѣ, а другой въ Карсѣ, куда и приказалъ свозить весь хлѣбъ съ окружныхъ деревень. Личное нерасположеніе сераскира и учрежденіе надзора дали понять пашѣ, что голова его непрочна на плечахъ. Мамедъ струсилъ и сталъ прибѣгать къ полумѣрамъ. «Прошу васъ», писалъ онъ Несвѣтаеву [1]), «если можно, писать къ Юсуфъ-пашѣ на меня жалобу, яко бы русскими прежде четырехъ мѣсяцовъ деньги розданы были народу за пшеницу, но теперь карскій Мамедъ-паша хочетъ запретить, чтобъ онъ не имѣлъ сумнѣнія, что я съ вами имѣю много пріятельскихъ обращеній, послѣ чего я могу и еще давать вамъ провіанту».

Эта просьба казалась написанною человѣкомъ, чистосердечно преданнымъ Россіи, и графъ Гудовичъ, отправляя ему, по порученію Императора, брилліантовое перо въ 4,000 рублей, просилъ Несвѣтаева удостовѣрить пашу, что какъ только послѣдуетъ окончательный разрывъ съ Турціею, онъ тотчасъ же окажетъ ему помощь русскими войсками, и если паша будетъ твердъ въ своемъ намѣреніи и увѣренъ въ довѣренности къ нему подвластныхъ, то останется независимымъ отъ Порты владѣтелемъ Карскаго пашалыка, и будетъ утвержденъ къ этомъ званіи наслѣдственно [2]).

Ни брилліантовое перо, ни порученіе, данное Несвѣтаеву, не

[1]) Отъ 21-го декабря 1806 г. Тифл. Арх. Кавк. Намѣст., дѣло № 36.
[2]) Предписаніе графа Гудовича Несвѣтаеву, 21-го января 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1012.

*

достигли еще своего назначенія, когда Мамедъ сообщилъ, что въ Константинополѣ война уже объявлена, что Юсуфъ-паша приказалъ, поступая съ русскими, какъ съ непріятелями, задерживать ихъ посланныхъ; что Карсъ укрѣпляется и въ окрестностяхъ его будетъ расположено нѣсколько тысячъ турецкихъ войскъ. Паша писалъ при этомъ, что онъ все-таки остается при прежнемъ желаніи быть подъ защитою Россіи и снова просилъ о помощи. Не желая упускать удобнаго случая, графъ Гудовичъ намѣренъ былъ прежде всего занять Карскій пашалыкъ, и тѣмъ болѣе, что зимнее время года не дозволяло ему предпринять наступленіе на Ахалцыхъ.

«Въ ту сторону, т. е. въ Карсъ», писалъ онъ [1]), хотя съ немалою трудностію для войскъ можно теперь дѣйствовать, но вступить въ Ахалцыхъ прежде весны отъ Тифлиса невозможно, какъ по причинѣ большаго снѣга въ горахъ, черезъ которыя орудій перевезти нельзя, такъ и потому, что фуража доставать невозможно».

Занятіемъ Карскаго пашалыка главнокомандующій думалъ скорѣе всего удовлетворить желанію нашего правительства, требовавшаго наступательныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи. Находившійся въ Памбакахъ генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ получилъ приказаніе содѣйствовать карскому пашѣ въ его дѣйствіяхъ противъ сераскира, какъ говорили, искавшаго низверженія Мамеда, и если представится возможность, то, не ограничиваясь однимъ содѣйствіемъ пашѣ, занять пашалыкъ русскими войсками.

Приготовленія къ экспедиціи въ Карсъ должны были производиться самымъ скрытнымъ образомъ, чтобы не обратить на себя вниманія турокъ. При незначительности отряда, назначеннаго для дѣйствій, весь успѣхъ былъ разсчитанъ на преданности къ намъ паши, на нечаянности и быстротѣ движеній. Если бы жители стали противиться нашему вступленію и не согласились покориться, то Мамеду объявлено, что и тогда онъ все-таки найдетъ покровительство и убѣжище въ Россіи, лишь бы только самъ былъ вѣренъ. При убѣжденіи въ чистосердечіи паши, Несвѣтаевъ дол-

[1]) Барону Будбергу, 5-го февраля 1807 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. III, № 929.

женъ былъ немедленно двинуться въ Карскій пашалыкъ съ тѣми войсками, которыя были въ его распоряженіи.

Въ половинѣ февраля отрядъ былъ уже готовъ къ выступленію. По случаю большихъ снѣговъ, Несвѣтаевъ заготовилъ легкія дровни для перевозки артиллеріи и патронныхъ ящиковъ, а чтобы не изнурять людей, предполагалъ оставить на мѣстѣ всѣ тяжести, такъ какъ до границъ Турціи ему приходилось двигаться черезъ мѣста населенныя, а съ выступленіемъ за границу надѣялся получить все на мѣстѣ. Несвѣтаевъ ожидалъ только увѣдомленія Мамеда, когда долженъ придти къ нему на помощь, но время проходило, паша помощи не требовалъ, и казалось сталъ измѣнять свое поведеніе. Правда, онъ самъ предложилъ въ залогъ своей вѣрности прислать сына въ аманаты, но со страннымъ условіемъ, чтобы до весны не занимать его владѣній русскими войсками, какъ потому, что боится лишиться своей власти, такъ и потому, что при возстановленіи мира владѣніе его легко можетъ быть возвращено обратно Турціи.

Графъ Гудовичъ увѣрялъ пашу, что занятіе Карса будетъ сдѣлано вовсе не для того, чтобы мѣшаться въ его управленіе, а, напротивъ, для возстановленія его правъ и въ защиту отъ турокъ; что, сдавъ крѣпость и присягнувъ на вѣрность Россіи, онъ тотчасъ же получитъ утвердительную грамату въ своемъ достоинствѣ и знатный «россійскій чинъ», и что, наконецъ, Карскій пашалыкъ никогда не будетъ возвращенъ Портѣ, но останется въ зависимости отъ Россіи и въ наслѣдственномъ владѣніи его, Мамедъ-паши.

«Если же бы Мамедъ-паша», писалъ главнокомандующій генералу Несвѣтаеву [1]), «и затѣмъ, когда вы будете имѣть въ аманатахъ его сына и когда подвинетесь съ войсками къ Карскому пашалыку, препятствовалъ войти и занять вамъ оный, то вы тогда дайте ему знать, что когда онъ, прежде еще объявленія формальной войны съ турками, неоднократно просилъ помощи войсками, обѣщевая сдать Карсъ, особливо когда самъ письменно просилъ всемилостивѣйшаго Государя Императора объ осчастливленіи

[1]) Отъ 27-го февраля 1807 г., № 69. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1020.

его принятіемъ въ сильное покровительство и защиту Россіи, на что и воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе, но теперь онъ не желаетъ принять въ Карсъ россійскія войска, пришедшія для защищенія онаго и утвержденія его наслѣдственнымъ владѣльцемъ, то ваше превосходительство, имѣя отъ меня большое усиленіе войсками, принуждены будете войти въ Карсъ силою и вооруженною рукою, какъ въ непріятельскую землю, съ которою Россія ведетъ войну. Въ такомъ случаѣ онъ потеряетъ весьма много, и какъ Порта будетъ свѣдома, что онъ самъ письменно просилъ отъ Его Императорскаго Величества помощи противъ оной войсками и покровительства, то, конечно, тогда не найдетъ онъ отъ Порты никакой для себя пользы, ниже убѣжища».

Угрозы эти не подѣйствовали. Мамедъ-паша принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые личную выгоду ставятъ выше всего, хотя бы пришлось пожертвовать честью, совѣстью и добрымъ именемъ. Онъ всегда держался стороны сильнѣйшаго и потому, не зная, кто въ предстоящей войнѣ останется побѣдителемъ, старался затянуть время, пока выяснятся обстоятельства. Онъ увѣрялъ насъ въ вѣрности и готовъ былъ отдать сына въ аманаты, потому что видѣлъ невозможность сопротивляться Россіи и зналъ, что въ зимнее время ему некуда удалить жителей изъ селеній съ ихъ имуществомъ и скотомъ; весною же, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, все населеніе той части Карской области, которая граничила съ Шулаверскою провинціею, удобно могло быть переведено въ Карсъ, въ крѣпкія мѣста, и тогда эта половина края до самой крѣпости дѣлалась безлюдною. Понимая причину, побуждающую пашу отдалить занятіе Карскаго пашалыка русскими войсками, Несвѣтаевъ требовалъ отъ Мамеда категорическаго отвѣта, когда онъ долженъ вступить въ его владѣніе.

«Увидѣлъ я изъ писемъ вашихъ», — писалъ Несвѣтаевъ пашѣ [1]), — «и отъ посланныхъ узналъ, что по желанію вашему, входя въ покровительство всемилостивѣйшаго нашего Государя и подъ защиту войскъ его, изволите отлагать ваши намѣренія до весны. А какъ я, по волѣ Государя Императора, отъ главнаго начальства имѣю

[1]) Отъ 23-го февраля 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1024.

повелѣніе, чтобъ непремѣнно ваше высокостепенство сохранить со всею вашею провинціею отъ всѣхъ неудовольственныхъ случаевъ, то таковое сохраненіе должно быть въ скоромъ дѣйствіи, не упуская ни малѣйшаго времени; тогда уже поздно будетъ васъ защищать, когда войско Юсуфъ-паши вступитъ въ ваши границы, отчего можетъ послѣдовать разореніе вашихъ подданныхъ. А какъ вы сами пишете въ письмѣ изъ Библіи святое слово—построивши домъ, надо оный совершить — то на сіе теперь самый удобный случай». Тогда турецкихъ войскъ вблизи не было, и сераскиръ Юсуфъ-паша, подходившій уже къ границамъ Карскаго пашалыка, вдругъ измѣнилъ направленіе и, по совѣту баязетскаго паши, двинулся для наказанія куртинцевъ, такъ часто безпокоившихъ турецкія владѣнія. Съ удаленіемъ сераскира, Мамедъ-паша имѣлъ время и средства сдать крѣпость русскимъ войскамъ, но онъ отвѣчалъ, что ранѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца сдѣлать этого не можетъ. Мамедъ говорилъ, что, не имѣя отвѣта отъ самого Императора и не зная навѣрное, будетъ ли принятъ подъ покровительство Россіи, онъ не рѣшается сдать крѣпость. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ не въ силахъ исполнить требованіе Несвѣтаева, потому что встрѣтилъ сопротивленіе въ лицѣ своего брата Кара-бека.

Мамедъ-паша самъ по себѣ имѣлъ весьма небольшое число лицъ, къ нему расположенныхъ; гораздо значительнѣе была партія Кара-бека, имѣвшаго непосредственное и большое вліяніе на жителей Карской области. Не желая вступать подъ покровительство Россіи, Кара-бекъ настаивалъ, чтобы не только не сдавать русскимъ Карса, но и не впускать ихъ въ Карскій пашалыкъ. Съ этою цѣлью онъ собралъ 300 чел. пѣхоты и 400 конницы и, явившись съ ними на границѣ, расположился по деревнямъ, сосѣднимъ съ Шурагельскою провинціею [1]). Ожидая скораго прибытія русскихъ войскъ, Кара-бекъ приказалъ жителямъ перевозить все свое имущество въ Магизбердъ, свою резиденцію, считавшуюся неприступною, и хвалился, что если русскіе не всту-

[1]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 1-го марта 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1022.

пять скоро въ Карскій пашалыкъ, то останутся вовсе безъ продовольствія и фуража, такъ какъ всѣ селенія, расположенныя по Арпачаю, будутъ выведены внутрь пашалыка. «Посему нахожу я»,—доносилъ Несвѣтаевъ [1]),—«что интриги паши иначе рѣшены быть не могутъ, какъ черезъ повелѣніе вашего сіятельства о вступленіи войскъ въ ихъ границы; тогда можно съ ними имѣть короче переговоры, и паша можетъ обдумать, а Кара-бекъ долженъ будетъ убраться въ свое гнѣздо, въ Магизбердъ, ибо онъ считаетъ его безопаснымъ мѣстомъ».

Отправивъ на усиленіе Несвѣтаева баталіонъ 15-го егерскаго полка, графъ Гудовичъ поручилъ ему повторить обѣщанія паши какъ Мамедъ-пашѣ, такъ и брату его Кара-беку, но если и затѣмъ они не согласятся уступить Карсъ добровольно, то двинуться въ Карскій пашалыкъ, поступать съ ними какъ съ непріятелями и стараться завладѣть крѣпостью [2]).

Собравъ съ окружныхъ деревень до 2,000 четвертей хлѣба и не получивъ никакого отвѣта ни отъ паши, ни отъ брата его Кара-бека, Несвѣтаевъ 16-го марта перешелъ границу, имѣя въ строю 79 человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 2,412 чел. нижнихъ чиновъ съ десятью орудіями [3]). Подойдя къ селенію Башъ-Шурагель, гдѣ находился Кара-бекъ съ 1,000 чел. пѣхоты, Несвѣтаевъ предложилъ ему покориться, объясняя, что русскіе пришли для защиты карскаго владѣнія, а не для разоренія его. Кара-бекъ отвѣчалъ выстрѣлами, и тогда Несвѣтаевъ штурмовалъ селеніе, овладѣлъ башнею, взялъ 400 чел. плѣнными и два знамя. Потерявъ болѣе 300 чел. убитыми, Кара-бекъ бѣжалъ сначала къ селенію Кизылъ-Чахчахъ, а потомъ въ Магизбердъ. Старшины окрестныхъ селеній явились къ Несвѣтаеву съ просьбою

---

[1]) Графу Гудовичу, отъ 6-го марта 1807 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. III, № 1025.

[2]) Предписаніе графа Гудовича Несвѣтаеву, 5-го марта, № 67.

[3]) Саратовскаго мушкетерскаго полка 34 офицера и 1,209 чел. нижнихъ чиновъ; Кавказскаго гренадерскаго 13 офицеровъ и 340 чел. нижнихъ чиновъ; Троицкаго мушкетерскаго 13 офицеровъ и 245 чел. нижнихъ чиновъ; Донскаго казачьяго Агѣева 2-го полка 10 офицеровъ и 347 казаковъ; Донскаго казачьяго Богачева полка 6 офицеровъ 120 казаковъ; Грузинской артиллерійской бригады 3 офицера, 151 чел. нижнихъ чиновъ (Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1031).

принять ихъ подъ покровительство Россіи и избавить отъ варварскихъ поступковъ Кара-бека. Занявъ шестью ротами и шестью орудіями селеніе Кизылъ-Чахчахъ, самъ Несвѣтаевъ расположился въ селеніи Башъ-Шурагель, гдѣ и получилъ письмо отъ карскаго паши.

«Извѣщаю ваше превосходительство», — писалъ Мамедъ [1]),— «что пріязненное письмо ваше, изъявляющее печаль, я получилъ, и все прописанное уразумѣлъ и за благой совѣтъ благодарю, но я состоялъ въ говоренномъ мною въ точности. Слава Богу, что сперва вы стрѣляли по мнѣ—я уже не подъ виною; вижу васъ нынѣ двуязычнымъ: съ одной стороны доброжелательство, а съ другой—непріятельство.

«Я къ вамъ присылалъ священника и монаха просить васъ, чтобы, по пріязни и доброжелательству ко мнѣ, сперва пошли на Ахалцыхъ, но вы отвергли мою просьбу, такова ваша дружба. Вы говорили, что вы лжи не произнесете, а я отнюдь правды не видѣлъ; Богъ милостивъ, неужь-то вы стращаете меня какъ ребенка или мальчика? Будьте готовы, я уже иду съ вами сражаться; если Богъ дастъ благой успѣхъ, то я знаю, что сей поступокъ вашъ отнюдь неизвѣстенъ всемилостивѣйшему Государю. Богъ милостивъ, такова ваша дружба, я владѣніе свое оставилъ съ голоду, вамъ сдѣлалъ добро, но на мѣсто добра зломъ отвѣчали. Я же поспѣшаю идти, уповая на Бога, увидимся другъ съ другомъ. Впрочемъ, остаюсь готовый къ войнѣ съ вами».

«Крайне жалѣю»,—отвѣчалъ Несвѣтаевъ [2]),—«что ваше высокостепенство перемѣнили свое намѣреніе. Вы сами требовали отъ сильнѣйшаго Государя Императора моего покровительства и защиты; вы же писали ко мнѣ, что Карсъ вашъ, провинція ваша и провіантъ вашъ. Теперь пишете совсѣмъ противное. Я принужденъ былъ стрѣлять, когда вами засаженные въ башню, по приказанію вашего брата Кара-бека, убили у меня поручика, 10 рядовыхъ и 15 ранили. Не я сему виновникъ, но вы сами, потому что я выполняю волю моего Государя Императора и отряженъ со

[1]) Отъ 17-го марта 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1028.
[2]) Отъ 18-го марта 1807 г. Тамъ же, № 1029.

ввѣренными мнѣ войсками для защиты и покровительства вашего отъ другихъ вамъ непріятельствующихъ, а съ вами не намѣренъ драться, и теперь васъ увѣряю, что я безъ рѣшенія по силѣ вашей преданности и чтобъ васъ принять подъ покровительство безъ того не выйду. Вы же упоминаете въ письмѣ, что мы не беремъ напередъ Ахалцыхъ, то не вашего высокостепенства дѣло, что напередъ занимать. Вы услышите, что храбрыя войска Россійской Имперіи скоро займутъ и Ахалцыхъ, а что вы собираетесь противъ меня, оставя обѣщанія ваши и преданность къ Государю моему, то выходите и назначьте мѣсто сраженія — я вамъ за ваше вѣроломство отвѣчать буду. Но оставя сіе, прошу ваше высокостепенство, — какъ вы называли меня другомъ и братомъ,— всѣ ваши намѣренія оставить и принять то покровительство, которое вы просили моего Государя Императора. Впрочемъ, я къ вамъ иду и ожидаю на маршѣ отвѣта».

Мамедъ-паша отвѣчалъ, что онъ укрѣпляется и будетъ обходиться съ русскими, какъ съ непріятелями.

Располагая двинуться прямо къ Карсу, Несвѣтаевъ просилъ главнокомандующаго подкрѣпить его хотя однимъ баталіономъ пѣхоты и казаками, потому что, прежде открытія военныхъ дѣйствій, необходимо было занять, по крайней мѣрѣ, баталіономъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, селеніе Кизылъ-Чахчахъ, въ которомъ сходились двѣ дороги: изъ Карса и Магизберда. Учрежденіе столь сильнаго поста въ этомъ селеніи было необходимо: во-первыхъ, для прикрытія отряда Несвѣтаева со стороны Эривани, во-вторыхъ, какъ опорный пунктъ для доставленія въ отрядъ провіанта и боевыхъ припасовъ, и наконецъ, въ-третьихъ, потому, что Кара-бекъ хотѣлъ пропустить Несвѣтаева къ Карсу и потомъ отрѣзать ему отступленіе [1]). Графъ Гудовичъ не нашелъ возможнымъ послать подкрѣпленіе Несвѣтаеву, и онъ, 24-го марта, двинулся къ Карсу [2]).

Навстрѣчу отряда былъ высланъ армянскій священникъ, который отъ имени Мамедъ-паши объявилъ, что, съ приближеніемъ

[1]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 18-го марта, № 530. Книга донесеній, № 245.

[2]) Тоже, отъ 24-го марта, № 589. Тамъ же.

русскихъ, гарнизонъ хотя и откроетъ огонь изъ крѣпости, но онъ будетъ безвреденъ; что паша постарается сдѣлать безполезными всѣ усилія тѣхъ, которые противятся его намѣреніямъ; что онъ сдастъ крѣпость русскимъ и что всѣ противники ихъ «будутъ бездѣйственны». Послѣ всѣхъ поступковъ Мамедъ-паши и Карабека, конечно, нельзя было вѣрить такимъ обѣщаніямъ, но, начавъ уже наступленіе, Несвѣтаевъ не хотѣлъ останавливать движенія. Онъ надѣялся, что карскій паша, принужденный до времени скрывать свои виды отъ недоброжелательныхъ ему лицъ, увидѣвъ у стѣнъ крѣпости русскія войска, пришедшія ему на помощь, перемѣнитъ свое намѣреніе, или же крѣпость будетъ найдена въ такомъ положеніи, что можно будетъ взять ее силою оружія.

Подойдя къ окрестностямъ города, Несвѣтаевъ замѣтилъ непріятеля, укрѣпившагося на высокой горѣ, въ одномъ изъ предмѣстій. Онъ тотчасъ же отправилъ подполковника Печерскаго, съ двумя баталіонами 15-го егерскаго и Кавказскаго гренадерскаго полковъ и тремя орудіями, для занятія этой горы, усѣянной турками. Непріятель, поддерживаемый выстрѣлами изъ крѣпости, оказалъ сильное сопротивленіе, такъ что въ подкрѣпленіе Печерскому пришлось отправить три роты Саратовскаго мушкетерскаго полка, при содѣйствіи которыхъ войска заняли высоту и предмѣстье, причемъ, отбито у непріятеля одно трехфунтовое орудіе. Турки заперлись въ крѣпости и этимъ ограничились дѣйствія Несвѣтаева подъ Карсомъ, такъ какъ онъ получилъ предписаніе графа Гудовича, въ которомъ тотъ просилъ его не предпринимать штурма, если не увѣренъ въ сдачѣ крѣпости, а стараться прежде всего завладѣть Карскимъ пашалыкомъ. Штурмъ Карса, хорошо укрѣпленнаго и усиленнаго собранными въ крѣпость жителями, не могъ обойтись дешево, стоилъ бы большой потери войскъ, и безъ того немногочисленныхъ. Карсъ обнесенъ былъ двойною стѣною и защищенъ батареями, обстрѣливавшими весь форштадтъ. Въ крѣпости была цитатель—сильнѣйшее укрѣпленіе города, съ двойною стѣною, командующею всѣми окрестностями и вооруженною лучшими орудіями. На стѣнахъ Карса находилось до 60-ти орудій и нѣсколько фальконетовъ. Призывъ въ городъ жителей

окрестныхъ деревень дѣлалъ его многолюднымъ, и число вооруженныхъ насчитывалось до 20,000 человѣкъ. Хотя при всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ, Несвѣтаевъ все-таки находилъ Карсъ «не совсѣмъ неприступнымъ», но, имѣя приказаніе главнокомандующаго, не рѣшился штурмовать его. Онъ отступилъ, 26-го марта, къ селенію Эникюй, а оттуда къ селенію Бальдеравань, отстоявшему отъ Гумри въ 38, а отъ Карса 44-хъ верстахъ [1]).

Вскорѣ по отступленіи Несвѣтаева, въ Карсъ былъ присланъ Али-паша съ 2,000 человѣкъ пѣхоты и 1,000 кавалеріи, съ приказаніемъ схватить Кара-бека, двухъ сыновей паши и атаковать русскихъ при содѣйствіи гарнизона. Кара-бекъ бѣжалъ, а Али-паша, не рѣшаясь атаковать Несвѣтаева, стоялъ въ бездѣйствіи близъ Карса. Войска его не имѣли провіанта и продовольствовались весьма скудно тѣмъ, что успѣвали захватить силою у жителей [2]). Карскій паша отправилъ своихъ сыновей въ Эрзерумъ къ Юсуфъ-пашѣ и за это былъ оставленъ по-прежнему правителемъ, но народъ болѣе повиновался вновь присланному Али-пашѣ, который объявилъ, что кто доставитъ ему голову русскаго, получитъ въ награду 200 гурушей [3]). Такимъ способомъ онъ успѣлъ отправить къ сераскиру 80 головъ, набитыхъ соломою [4]).

Непріятель дѣлалъ незначительныя, но частыя вторженія въ Памбакскую и Шурагельскую провинціи, для защиты которыхъ Несвѣтаевъ перешелъ въ селеніе Кизилъ-Чахчахъ [5]). Здѣсь, по порученію главнокомандующаго, онъ занимался сборомъ провіанта и отправленіемъ его въ Гумри и Артикъ, а также отправленіемъ въ Памбаки и Шурагель до 500 семействъ, отбитыхъ у непріятеля. Несчастные просили перевести ихъ въ границы наши, страшась терзаній Кара-бека, который жарилъ ихъ на огнѣ, и семь человѣкъ такихъ было доставлено Несвѣтаеву [6]). Ни въ Эрзерумѣ, ни въ прочихъ окрестностяхъ значительнаго сбора турецкихъ войскъ

---

[1]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 27-го марта, № 615.
[2]) Предписаніе графа Гудовича Несвѣтаеву, 21-го апрѣля, № 128.
[3]) Около 11 руб. 12 коп.
[4]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 6-го мая, № 865.
[5]) Тоже, 6-го мая, № 864.
[6]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 7-го апрѣля. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1035.

не было, и карскій паша могъ получить подкрѣпленіе только изъ Ахалцыха, гдѣ находились турецкія войска, возвратившіяся послѣ неудачнаго нападенія на Редутъ-Кале. Чтобы лишить Карсъ и этой послѣдней помощи, главнокомандующій располагалъ двинуться самъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ и въ концѣ марта направилъ въ Тріалети часть войскъ, назначенныхъ въ составъ главнаго дѣйствующаго отряда. Формированіе подвижнаго магазина, для котораго нельзя было отыскать ни достаточнаго числа арбъ, ни быковъ, задерживало выступленіе графа Гудовича. Принужденный возложить эту повинность на жителей, онъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны туземнаго населенія, полагавшаго, что подводы берутся навсегда, а вожатые будутъ зачислены въ солдаты. Только личное увѣщаніе главнокомандующаго и обѣщаніе платы за провозъ и доставку провіанта разубѣдили туземцевъ, но и то они собирались весьма неохотно и затягивали выступленіе. «Изготовившись же такимъ образомъ», доносилъ графъ Гудовичъ [1]), «чтобы войска были въ провіантѣ обезпечены, я выступлю тотчасъ къ Ахалцыху, не взирая на трудность, которая должна меня встрѣтить при проходѣ чрезъ горы, отдѣляющія Ахалцыхъ отъ границъ Грузіи, и еще не во всѣхъ мѣстахъ очистившіяся отъ снѣговъ. Вступя въ сей пашалыкъ, сколь скоро я узнаю, что крѣпость ахалцыхская также укрѣплена, какъ карская, и имѣетъ притомъ сильный гарнизонъ, то я равномѣрно, отклоняясь отъ штурма для сбереженія войскъ, займусь поспѣшнымъ завладѣніемъ пашалыка, стараясь выманивать ихъ изъ крѣпости въ поле и ослаблять ихъ до времени полевыми сраженіями. Между тѣмъ, приближаясь къ Ахалцыху, я въ то же время предпишу генералъ-маіору Рыкгофу, съ тремя баталіонами Бѣлевскаго мушкетерскаго полка, однимъ баталіономъ егерей, находящихся въ Имеретіи, оставя надобное число въ редутѣ на устьѣ р. Хопи, вступить въ Гурію и, отрѣзавъ крѣпость Поти, завладѣть оною по возможности. Такимъ образомъ, когда откроются мои дѣйствія внутри Ахалцыхскаго пашалыка для завладѣнія онымъ, а съ другой стороны, отъ Имеретіи и Мингреліи генералъ-маіора Рыкгофа, то можно будетъ удобнѣе и безъ

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 4-го апрѣля. Акты Кав. Арх. Ком., т. III, № 1034

потери людей завладѣть самою ахалцыхскою крѣпостью, принудивъ оную къ сдачѣ.

«Распоряжаясь симъ образомъ дѣйствовать, я предполагаю сіе на тотъ конецъ, что, не получа еще никакого отвѣта отъ стороны Персіи, какое дѣйствіе возъимѣло отправленіе туда адъютанта моего Степанова, долженъ быть готовъ обратиться и къ той сторонѣ, на случай приближенія персидскихъ войскъ; или, завладѣвши Ахалцыхомъ, идти къ Карсу, взять сію крѣпость и сблизиться къ Эривани въ такомъ положеніи, чтобы и съ сей стороны не могло быть что либо предпринято отъ Баба-хана. Но ежлижъ бы надобность потребовала обратиться къ Елисаветполю, гдѣ хотя на половинѣ пути отъ Елисаветполя къ Шушѣ и поставленъ мною отрядъ подъ командою генералъ-маіора Небольсина, о коемъ я уже всеподданнѣйше доносилъ, но какъ оный недостаточенъ противу большаго непріятеля, если самъ Баба-ханъ въ ту сторону устремится, то поспѣшить туда съ войсками и такимъ образомъ изворачиваться во всѣ мѣста, куда призывать будетъ надобность».

Извѣстіе о томъ, что сераскиръ Юсуфъ-паша слѣдуетъ къ Карсу, побудило графа Гудовича торопиться выступленіемъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ главной квартирѣ, въ помощь сераскиру готовились собранныя въ Эривани персидскія войска, долженствовавшія сдѣлать нападеніе въ двухъ пунктахъ: одинъ отрядъ предназначался для дѣйствій въ Памбакской провинціи, а другой въ Казахской [1]). Движеніемъ своимъ въ середину сосѣднихъ намъ турецкихъ владѣній графъ Гудовичъ надѣялся разстроить всѣ замыслы противниковъ.

Вступивъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ, онъ заставилъ Юсуфъ-пашу раздробить свои силы, приготовленныя для изгнанія русскихъ изъ Карскаго пашалыка, принуждалъ отложить вторичное нападеніе на Редутъ-Кале и дѣйствія въ Мингреліи и Имеретіи.

17-го апрѣля графъ Гудовичъ оставилъ Тифлисъ и съ отрядомъ въ 4,500 человѣкъ двинулся къ ахалцыхскимъ границамъ черезъ Тріалеты по горамъ, какъ единственной дорогѣ, по кото-

[1]) Графъ Гудовичъ Несвѣтаеву, 28-го апрѣля, № 133.

рой хотя и съ трудомъ, но можно было приходить съ обозомъ. Выступивъ при сильныхъ жарахъ и отойдя только 70 верстъ, войска встрѣтили въ горахъ снѣгъ, морозъ и безпрестанныя бури. Путь былъ трудный; люди и лошади до того изнурились, что главнокомандующій принужденъ былъ остановиться за 15 верстъ отъ границъ Ахалцыхскаго пашалыка и простоять на мѣстѣ пять дней.

28-го апрѣля графъ Гудовичъ находился при разоренной крѣпости Цалкѣ, но и тутъ снѣгъ и холодъ удержали его трое сутокъ. Располагая 1-я мая вступить въ предѣлы турецкихъ владѣній, главнокомандующій отправилъ къ жителямъ прокламацію, въ которой приглашалъ туземное населеніе оставаться спокойнымъ и покориться русскому Императору. Онъ писалъ, что всѣ покорившіеся могутъ быть увѣрены въ безопасности личной и имущественной; тѣ же, которые станутъ противиться, испытаютъ всѣ бѣдствія войны.

Съ переходомъ границы, войска хотя и встрѣчали незначительныя партіи турокъ, но онѣ тотчасъ же скрывались; большая часть жителей была уведена въ горы, со всѣмъ своимъ имуществомъ. По сю сторону рѣки Куры были только двѣ крѣпости: Ахалкалаки—ключъ для входа въ Ахалцыхскій пашалыкъ, и Хертвисы, расположенныя на самой р. Курѣ. Послѣдняя не представляла ничего важнаго въ стратегическомъ отношеніи, тогда какъ, имѣя въ своихъ рукахъ Ахалкалаки, можно было господствовать во всемъ пашалыкѣ, и потому главнокомандующій рѣшился прежде всего овладѣть этою крѣпостью.

Положеніе Ахалкалакъ между двухъ рѣкъ, въ углу Ганзы и Кырхъ-булака, не дозволило обложить крѣпости со всѣхъ сторонъ съ тѣми силами, которыя были въ распоряженіи графа Гудовича. Къ тому же, за Кырхъ-булакомъ, въ горахъ и въ десяти верстахъ отъ крѣпости, собрано было до 2,000 человѣкъ турецкой конницы, которая всегда находилась бы въ тылу облегающаго отряда. При малочисленности послѣдняго, такое присутствіе непріятеля могло быть весьма опасно, тѣмъ болѣе, что, по условіямъ мѣстности, раздѣленной рѣкою, взаимная помощь облегающихъ отрядовъ была крайне затруднительна. Главнокомандующій предпо-

челъ расположиться лагеремъ въ пустой деревнѣ и въ двухъ верстахъ отъ Ахалкалакъ. Подъ прикрытіемъ крѣпостнаго огня, турки, въ день прибытія русскихъ, пытались сдѣлать вылазку на правый флангъ лагеря, но были прогнаны съ большимъ урономъ.

Графъ Гудовичъ отправилъ коменданту письмо, въ которомъ уговаривалъ его сдать крѣпость, обѣщая награды и милости какъ ему, такъ и дядѣ его, ахалцыхскому пашѣ. Не получивъ отвѣта, онъ приказалъ заложить батарею на шесть орудій, въ 250 саженяхъ отъ крѣпости, и бомбардировать ее. Огонь нашихъ орудій не могъ нанести большаго вреда и даже причинить пожара въ городѣ, во-первыхъ, по незначительности калибра орудій, а во-вторыхъ, и потому, что во всемъ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, подобно Грузіи, сакли строились такъ, что три части находились въ землѣ и лишь четвертая выглядывала надъ поверхностью. Будучи обложена дикимъ камнемъ и покрыта землею, каждая такая сакля представляла собою родъ каземата.

Послѣ довольно продолжительнаго бомбардированія, главнокомандующій снова обратился къ коменданту съ предложеніемъ сдать крѣпость.

«Я въ послѣдній разъ»,—писалъ онъ [1]),—«совѣтую вамъ и требую, чтобы вы непремѣнно сдали крѣпость, ибо я доселѣ, единственно жалѣя пролитія крови человѣческой и слѣдуя неизреченно милосердому сердцу моего Всеавгустѣйшаго Государя Императора, давалъ вамъ время опомниться; доселѣ, говорю, изъ одного состраданія удерживался отъ занятія крѣпости силою непобѣдимаго оружія Его Императорскаго Величества, но теперь въ послѣднее предваряю, что ожидаетъ васъ всѣхъ неминуемая гибель, если осмѣлитесь воспротивляться всепобѣждающему россійскому оружію. Представлю въ примѣръ то только, что крѣпости турецкія, кои охранены были 25,000 гарнизономъ и снабжены многочисленною артиллерію, не могли устоять противъ высокославныхъ россійскихъ войскъ, коими я тогда начальствовалъ и теперь командую. Я взялъ ихъ штурмомъ, гдѣ отъ одного упорства кровь вашихъ собратій

[1]) Начальнику ахалкалакской крѣпости, 6-го мая 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 995.

пролита рѣками. Анапа, гдѣ болѣе 25,000 гарнизона и 120 пушекъ было, Суджукъ-Кале и Хаджи-бей примѣрные тому свидѣтели. Не говорю уже о побитыхъ въ полѣ, множествѣ плѣнныхъ и взятыхъ до 300 орудій.

«Показавъ вамъ то, что воевать я умѣю, еще обращаюсь къ тѣмъ человѣколюбивымъ правиламъ, кои сродны всегда россіянамъ, и всегда сохраняются къ покоряющимся добровольно оружію Его Императорскаго Величества. Слѣдуя симъ правиламъ, я увѣряю васъ моимъ словомъ, коему никогда не измѣнялъ, что если вы покоритесь, когда сдадите тотчасъ крѣпость, то вы сами будете отпущены, а гарнизонъ получитъ пощаду и увѣренность въ своей жизни».

Комендантъ не отвѣчалъ и продолжалъ поддерживать огонь по нашему лагерю. Признавая необходимымъ овладѣть ахалкалакскою крѣпостью, во-первыхъ, для того, чтобы обезпечить сообщеніе съ Тифлисомъ, а во-вторыхъ, упрочить дальнѣйшія дѣйствія въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, графъ Гудовичъ рѣшился взять ее штурмомъ. Защищенная 1,500 человѣками гарнизона, ахалкалакская крѣпость обнесена была толстою каменною стѣною, въ иныхъ мѣстахъ очень высокою. Съ одной стороны стѣна имѣла зубцы, весьма удобные для ружейной обороны, съ другой—двойныя бойницы и каменный банкетъ; по угламъ стѣны были башни. Входныя ворота въ крѣпость оказались до половины заложенными дикимъ камнемъ. Внутри самой крѣпости, на берегу рѣки Ганзы, находилась цитадель, съ четырьмя башнями и высокою зубчатою стѣною.

Имѣя въ строю только 2,900 человѣкъ пѣхоты, графъ Гудовичъ раздѣлилъ ихъ на пять частей: на три дѣйствующія колонны, одну, предназначенную для фальшивой атаки, и главный резервъ [1]).

[1]) Колонны состояли: *Первая*, изъ 350 человѣкъ Херсонскаго гренадерскаго полка, 50 человѣкъ 9-го егерскаго полка, подъ общею командою полковника Штауде. Въ резервѣ этой колонны было 150 человѣкъ Херсонскаго гренадерскаго полка и одно орудіе, подъ начальствомъ генералъ-маіора Титова.

Вторая колонна изъ 400 человѣкъ 15-го и 9-го егерскихъ полковъ, подъ командою полковника Головачева. Въ резервѣ генералъ-маіоръ Портнягинъ, со 150 человѣкъ Кавказскаго гренадерскаго полка.

Третья колонна изъ 350 человѣкъ Кавказскаго гренадерскаго полка и 50 человѣкъ егерей, подъ командою полковника Симоновича. Въ резервѣ,

Первая колона, въ 550 человѣкъ, должна была идти по большой дорогѣ, пролегавшей внизу, перейти по мосту черезъ рѣку, находившуюся на лѣвомъ флангѣ, и слѣдовать въ предмѣстье, по направленію къ большой мечети; оставивъ здѣсь резервъ, идти къ заложеннымъ среднимъ крѣпостнымъ воротамъ и лѣвѣе ихъ приставить къ стѣнѣ лѣстницы.

Вторая, слѣдуя оврагомъ, бывшимъ въ правой рукѣ, и обойдя большую угловую башню, ставить лѣстницы и атаковать цитадель; *третья*, отъ мечети взявъ влѣво, идти черезъ предмѣстье на лѣвый уголъ и, обойдя его, приставлять къ стѣнѣ лѣстницы.

Такимъ образомъ, одна колонна направлена противъ цитадели отъ рѣки Ганзы, а двѣ колонны двинуты со стороны крѣпости, нами не обложенной, откуда турки могли менѣе всего ожидать нападенія. Двѣ послѣднія колонны находились подъ начальствомъ самого главнокомандующаго, лично распоряжавшагося штурмомъ. Фальшивая атака направлена была отъ батареи, и въ составъ этой колонны назначено только 200 человѣкъ.

Войскамъ приказано идти какъ можно поспѣшнѣе и не стрѣлять, пока не влѣзутъ на стѣну; занявъ же городъ, не входить въ сакли.

«Сигналъ къ атакѣ», сказано въ диспозиціи къ штурму, «будетъ данъ стрѣляніемъ бомбами изъ батареи, по которому, первая и третья колонны должны тотчасъ выступить, а вторая и фальшивая—по окончаніи стрѣльбы».

Въ лагерѣ пробили вечернюю зорю. Солдаты тихо сняли палатки, еще тише запрягли повозки и отправили ихъ въ вагенбургъ, устроенный на лѣвомъ флангѣ лагеря.

Свѣтлая ночь и блескъ штыковъ заставили графа Гудовича

генералъ-маіоръ графъ Гудовичъ (сынъ главнокомандующаго), со 150 человѣками Кавказскаго гренадерскаго полка и однимъ орудіемъ.

Главный резервъ, подъ командою генералъ-лейтенанта барона Розена, изъ трехъ эскадроновъ Нарвскаго драгунскаго полка, 500 человѣкъ Херсонскаго гренадерскаго полка, 200 егерей и четырехъ орудій.

Для прикрытія батареи, оставлено 120 человѣкъ Херсонскаго, 100 человѣкъ Кавказскаго полковъ и 80 человѣкъ егерей, подъ командою маіора Жменскаго. Въ деревнѣ находилось 100 человѣкъ Херсонскаго полка и два орудія, а въ *вагенбургѣ*—80 человѣкъ Кавказскаго полка, 35 человѣкъ Херсонскаго полка и 37 егерей, подъ командою маіора Калатузова.

приказать войскамъ снять штыки. Въ каждую колонну роздано было по четыре лѣстницы съ крючьями, «для способнѣйшаго подъему ихъ на стѣны».

Ночью, съ 8-го на 9-е мая, колонны разведены на назначенныя имъ мѣста, а съ разсвѣтомъ 9-го мая батарея открыла огонь и атака началась.

Первая и третья колонны двинулись одновременно. Не смотря на запрещеніе не стрѣлять, пока не влѣзутъ на стѣну, наши солдаты не выдержали и открыли огонь; турки отвѣчали тѣмъ же. Лѣстницы оказались короткими на столько, что человѣкъ не могъ достать руками за верхнее ребро стѣны. Турки бросали камни, стрѣляли изъ ружей и сталкивали со стѣнъ приставленныя къ нимъ лѣстницы вмѣстѣ съ лѣзшими на нихъ солдатами. Подъ огнемъ непріятеля атакующіе снова поднимали лѣстницы, пробовали приставлять ихъ въ разныхъ мѣстахъ, но повсюду онѣ оказывались короткими. При всемъ томъ, вторая колонна генералъ-маіора Портнягина заняла предмѣстье; многіе солдаты прочихъ колоннъ успѣли взлѣзть на стѣну, завладѣли башнею, взяли орудіе и знамя, но, не поддержанные товарищами, погибли отъ разрушенія башни, подорванной турками.

Штурмъ продолжался около пяти часовъ; непріятель, удаливъ заблаговременно изъ крѣпости почти всѣхъ жителей съ ихъ семействами, защищался отчаянно. Графъ Гудовичъ принужденъ былъ ввести въ дѣло почти весь резервъ, и при немъ осталось только 150 человѣкъ пѣхоты, три неполныхъ эскадрона драгуновъ и полкъ казаковъ. Кавалерія оставлена была для отраженія турецкой конницы, появившейся въ тылу атакующихъ. Подвезенная къ воротамъ, на разстояніи сорока шаговъ, шестифунтовая пушка хотя и разбила ихъ до половины, но непріятель противопоставилъ ей два орудія, дѣйствовавшія картечью. Потерявшее прислугу и лошадей, орудіе это было захвачено турками.

Видя, что атака не предвѣщаетъ успѣха, и что треть нижнихъ чиновъ выбыла уже изъ строя убитыми и ранеными [1]),

[1]) При штурмѣ Ахалкалакъ мы потерями 9 офицеровъ убитыми и 25 ранеными; нижнихъ чиновъ убито 258 и ранено 588 человѣкъ. Уронъ ту-

графъ Гудовичъ приказалъ отступать. Гарнизонъ не преслѣдовалъ отступавшихъ, а непріятельская кавалерія, въ числѣ 700 человѣкъ, хотя и пыталась атаковать, но была прогнана флигель-адъютантомъ полковникомъ Отто, бросившимся на нее съ тремя эскадронами Нарвскихъ драгуновъ и казачьимъ полкомъ.

Войска расположились въ томъ самомъ лагерѣ, гдѣ стояли до начала дѣла. Значительная потеря въ людяхъ не дозволяла помышлять о вторичномъ штурмѣ, тѣмъ болѣе, что въ отрядѣ не было осадныхъ орудій, которыя могли бы разрушить стѣну. Графъ Гудовичъ приписывалъ неудачу штурма непостоянству погоды, породившей въ войскѣ болѣзни, трудности движеній съ тяжелымъ обозомъ по крутизнамъ горъ, а главное, оправдывалъ себя тѣмъ, что половину его войскъ составляли никогда небывшіе въ дѣлахъ солдаты, выбранные изъ гарнизоновъ, и рекруты прошлогодняго опредѣленія. Нѣтъ надобности говорить, на сколько оправданія эти могутъ служить къ уменьшенію отвѣтственности главнокомандующаго, но нельзя не замѣтить, что неудача штурма сильно подѣйствовала на графа Гудовича: онъ упалъ духомъ.

«Не могу умолчать», писалъ главнокомандующій [1]), «сколь много ограниченъ я здѣсь во всѣхъ пособіяхъ, нужныхъ для военныхъ дѣйствій. Самый даже непостоянный климатъ, убивающій воинскихъ чиновъ, и положеніе мѣстъ представляютъ чрезвычайныя затрудненія для военныхъ движеній. Когда я выступилъ изъ Тифлиса, то тамъ были уже сильные жары, но въ походѣ засталъ меня снѣгъ, чрезвычайно холодные вѣтры и морозы. Въ войскѣ у меня половина прошлогднихъ рекрутъ, да и войскъ мало, и весьма несоразмѣрно противу непріятельскаго, который легко имѣть можетъ до 40,000, такъ какъ здѣсь всѣ вообще жители вооружены, и войско турецкое всегда считается здѣсь лучшимъ. Особливо, если бы, паче чаянія, миръ съ Персіею не возъимѣлъ успѣха, тогда я долженъ стоять противу двухъ гораздо превосходнѣйшихъ непріятелей. Сверхъ того, самая Грузія нена-

---

рокъ опредѣлить трудно; носились слухи, что комендантъ и три важныхъ чиновника были убиты.

[1]) Барону Будбергу, 21-го мая 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 998.

дежна, гдѣ немалая часть находится татаръ, единовѣрныхъ съ непріятелемъ, и гдѣ всякой вооруженъ. Подвижнаго магазейна нѣтъ, потому что не имѣется людей, которыхъ бы къ тому можно было опредѣлить. Всякіе подвозы дѣлаются по наряду и съ большими затрудненіями. Артиллерія не имѣетъ комплекта въ служителяхъ; генеральнаго штаба у меня одинъ только маіоръ и при немъ офицеръ, который недавно только пріѣхалъ».

На другой день послѣ штурма, больные, раненые и обозъ были отправлены въ наши предѣлы, а остальной отрядъ, простоявъ еще два дня въ лагерѣ, за недостаткомъ подножнаго корма, также отошелъ къ разоренной крѣпости Цалкѣ, лежавшей на границѣ съ Ахалцыхскимъ пашалыкомъ. Отсюда графъ Гудовичъ отправилъ приказаніе генералу Несвѣтаеву оставить Карскій пашалыкъ и озаботиться обезпеченіемъ собственныхъ границъ, а генералу Рыкгофу снять осаду Поти и слѣдовать въ Имеретію.

Независимо отъ развлеченія непріятельскихъ силъ и облегченія дѣйствій главнокомандующаго въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, занятіе Поти признавалось необходимымъ для обезпеченія Имеретіи и Мингреліи отъ вторженій турокъ. Поти былъ притономъ всѣхъ бездомныхъ бродягъ и хищниковъ, жившихъ грабежомъ и разбоемъ. Извѣстно было, что тамошній начальникъ или ага, Кучукъ-бей, былъ назначенъ Портою по просьбѣ Келешъ-бека абхазскаго, искавшаго защиты Россіи. Графъ Гудовичъ, полагаясь на искреннее расположеніе Келешъ-бека, поручилъ генералъ-маіору Рыкгофу, при содѣйствіи абхазскаго владѣльца, захватить Поти въ свои руки, «хотя бы то было и измѣною», и обѣщать потійскому начальнику денежную награду, покровительство Россіи и пожизненное оставленіе въ должности коменданта Поти [1]). Ни абхазскій владѣлецъ, ни самъ Кучукъ-бей потійскій не согласились принять нашихъ предложеній, и тогда графъ Гудовичъ приказалъ генералу Рыкгофу, оставивъ самостоятельные посты въ Редутъ-Кале и Кутаисѣ, двинуться для занятія Поти [2]).

27-го апрѣля Рыкгофъ выступилъ въ походъ съ отрядомъ, въ

---

[1]) Предписаніе графа Гудовича генералу Рыкгофу, отъ 4-го марта, № 76.
[2]) Тоже, 21-го апрѣля, № 127.

которомъ состояло: 45 офицеровъ, 1,120 рядовыхъ, 134 человѣка нестроевыхъ и 4 орудія [1]). Какъ только наши войска оставили Имеретію, царь Соломонъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Кутаисъ, приказалъ разломать казармы, въ которыхъ стояли русскіе, и требовалъ, чтобы оставленная тамъ одна рота была выведена изъ города. Не получивъ въ этомъ удовлетворенія, онъ сталъ привлекать на свою сторону то угрозою, то деньгами жителей Легчума и Сванетіи. Не опасаясь присмотра, царь принималъ пословъ изъ Персіи, отъ царевича Александра, и послѣ переговоровъ съ ними, отправился въ Багдадъ, на границу Имеретіи, гдѣ намѣренъ былъ собрать войска и соединиться съ турками.

Соломонъ мечталъ уже о независимости и объ изгнаніи русскихъ, какъ вдругъ получилъ письмо Юсуфъ-паши, разрушившее всѣ его надежды. Сераскиръ писалъ, что султанъ, узнавъ, что русскіе обманомъ вошли въ Имеретію, издалъ нынѣ фирманъ, которымъ признаетъ Соломона ни отъ кого независящимъ, но требуетъ, чтобы царь истребилъ всѣхъ русскихъ, находившихся въ Имеретіи. «Если того не исполните, прибавлялъ сераскиръ, то послѣ на насъ не ропщите, и если узнаю я, въ какомъ либо мѣстѣ будутъ пять солдатъ русскихъ, въ то же время неупустительно безчисленное пошлю къ истребленію ихъ войско. Напослѣдокъ, если не исполните вы волю нашу, тогда лишитесь всего вашего царства, и подковами лошадей будетъ избито все владѣніе твое».

Такая угроза отрезвила Соломона, и вмѣсто вреда, письмо Юсуфъ-паши принесло намъ пользу. Соломону приходилось обдумать свое положеніе, и оцѣнить что̀ выгоднѣе: оставаться ли въ подданствѣ Россіи, или перейти на сторону турокъ. Во всякомъ случаѣ, генералъ-маіоръ Рыкгофъ могъ слѣдовать далѣе, съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣла въ Имеретіи примутъ худшій оборотъ не такъ скоро. Въ день неудачнаго ахалкалакскаго штурма, Рыкгофъ подошелъ къ Поти, потребовалъ сдачи, и, получивъ отказъ, занялъ съ боя предмѣстье, и гналъ турокъ до самой крѣ-

[1]) А именно: Бѣлевскаго полка 888 человѣкъ; 9-го егерскаго 255 человѣкъ; казачьихъ полковъ: Митрофанова 77 человѣкъ, Ежова 22 человѣка и артилерійской прислуги 57 человѣкъ (Рапортъ Рыкгофа графу Гудовичу, 6-го мая, Акты Кавк. Арх. Ком., томъ III, № 176).

пости. Имѣя крѣпкія и высокія стѣны, Поти была обезпечена отъ штурма и въ особенности такого незначительнаго отряда, какимъ былъ отрядъ генерала Рыкгофа. Кучукъ-бей не соглашался сдать крѣпость на предложенныхъ ему условіяхъ, и генералу Рыкгофу не оставалось ничего болѣе, какъ ограничиться одною блокадою. Кучукъ-бей просилъ помощи, и въ Батумъ прибыли турецкія войска, подъ начальствомъ Дузчи-Оглу и Османъ-Оглу. Послѣ взаимныхъ совѣщаній, турецкіе начальники рѣшили, для избавленія Поти отъ осады, двинуться къ ней моремъ какъ можно скорѣе и, высадившись, атаковать Рыкгофа съ двухъ сторонъ и тѣмъ заставить снять блокаду.

Получивъ свѣдѣніе о скоромъ прибытіи къ непріятелю подкрѣпленій и видя, что въ отрядѣ быстро увеличивается число больныхъ отъ вреднаго климата, низменнаго и болотистаго мѣста, генералъ Рыкгофъ рѣшился отступить. 19-го мая онъ снялъ блокаду Поти и, отправивъ четыре роты [1]) съ однимъ орудіемъ въ селеніе Чала-диди, для защиты Мингрелiи, самъ съ остальными войсками отступилъ въ Редутъ-Кале. Здѣсь онъ получилъ приказаніе графа Гудовича возвратиться въ свои предѣлы, а затѣмъ скоро узналъ, что и на остальныхъ пунктахъ, въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, наступательныя наши дѣйствія были точно также неудачны.

VIII.

Послѣдствія отступленія нашего отъ Ахалкалакъ и изъ Карскаго пашалыка.—Письмо Юсуфъ-паши и отвѣтъ на него генералъ-маіора Несвѣтаева.—Атака турками селенія Гумри.—Арпачайское сраженіе.—Просьба графа Гудовича объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго.—Рескриптъ Императора.

Безуспѣшность нашихъ дѣйствій подъ Карсомъ, Ахалкалаками и у Поти ободрила турокъ. Султанъ наградилъ карскаго Мамедъ-пашу слѣдующимъ чиномъ, а Юсуфъ-паша торопился собрать

[1]) Три роты 9-го егерскаго и одна Бѣлевскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ князя Уракова.

войска и спѣшилъ съ ними къ Карсу, чтобы окончательнымъ пораженіемъ русскихъ пріобрѣсти себѣ титулъ побѣдителя.

Вскорѣ послѣ прибытія своего къ Карсу, сераскиръ отправилъ Несвѣтаеву письмо самаго хвастливаго и надменнаго содержанія, въ которомъ говорилъ, что, будучи назначенъ главнокомандующимъ «несмѣтною какъ звѣзды арміею», расположенною въ тринадцати городахъ и прочихъ частяхъ Турецкой имперіи, онъ, по повелѣнію «счастливѣйшаго падишаха и властелина вселенной», выступилъ изъ Эрзерума и, сопутствуемый «счастіемъ и фортуною», прибылъ въ Карскій пашалыкъ «въ самое благословенное и счастливое время».

«За нѣсколько времени передъ симъ», писалъ сераскиръ далѣе [1]), «вы, не будучи въ состояніи устоять противъ огнедышащихъ сабель малочисленнаго нашего отряда и противъ пронзающихъ грудь непріятеля копьевъ ихъ, заперлись въ мѣстахъ Джанусли (?) и Кизылъ-Джафджакъ (Кизылъ-Чахчахъ) и черезъ нѣсколько часовъ обратились оттуда въ бѣгство. Нынѣ же наряжается противъ васъ достаточный отрядъ войска, храбраго какъ соколы, и ратниковъ, испытанныхъ въ сраженіи, подъ предводительствомъ начальника авангардовъ храбрѣйшаго Али-паши, и вслѣдъ за нимъ, 15-го числа настоящаго мѣсяца, отправлено многочисленное воинство, состоящее изъ молодцовъ львообразныхъ и мужественныхъ въ бою, подъ предводительствомъ карскаго вали, визиря мудраго, какъ Рустемъ, мужественнаго и неустрашимаго, высокопочтеннаго Мамедъ-паши; послѣ же него, съ Божіею помощью сопровождаемый благословленіемъ Аллаха, черезъ нѣсколько дней я и самъ выступлю съ многочисленною арміею, волнующеюся какъ море и отличающеюся мужествомъ. А такъ какъ по достоинству и могуществу исламскаго падишаха, властителя земнаго шара, приличествуетъ правосудіе и милосердіе, то его вельможамъ, военачальникамъ и побѣдоноснымъ воинамъ также слѣдуетъ быть милосердыми и милостивыми, и по отличительнымъ чертамъ исламскимъ и благородству необходимо пробудить врага заранѣе, предваривъ его о своемъ предпріятіи; ради чего я рѣ-

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 922.

шаюсь увѣдомить васъ, генерала Несвѣтаева, расположеннаго съ русскимъ отрядомъ въ верхней Шурагели, о томъ, что, съ Божіею помощію, я въ непродолжительномъ времени двинусь на васъ, съ опытными въ бояхъ молодцами и закалившимися въ битвахъ исламскими храбрецами. Если вы на поприщѣ жизни желаете еще нѣсколько времени собирать зернышки спокойствія и спасти отъ пролитія кровь бѣдныхъ и несчастныхъ вашихъ солдатъ, также кочевниковъ и армянъ, собранныхъ по неволѣ около васъ, то поспѣшите сдать ваши пушки и снаряды упомянутому вали (карскому пашѣ); сами же со всѣмъ войскомъ прибѣгните подъ его покровительство.

«Находящійся въ союзѣ съ могущественнѣйшимъ моимъ султаномъ, императоръ французовъ, величественный Бонапарте, уничтожилъ всю россійскую армію, бывшую въ Польшѣ, убивъ и плѣнивъ изъ нея болѣе 80,000 человѣкъ и захвативъ всѣ пушки и снаряды, двинулся противъ Петербурга и, разстроивъ русскую флотилію на Балтійскомъ морѣ, также истребилъ болѣе половины вашей арміи, переправившейся за Дунай. А потому вашъ Царь въ отчаяніи вызвалъ въ Петербургъ сухопутное войско, находившееся въ Крыму, и матросовъ, вслѣдствіе чего черкесы и абазинцы пустились грабить окрестности Крыма. Между тѣмъ, пребывающій въ Трапизондѣ россійскій консулъ, не рѣшаясь безъ проводника отправиться въ Крымъ, по данному ему отъ правительства разрѣшенію, обратился ко мнѣ съ просьбою о назначеніи къ нему довѣреннаго вожатаго. Имѣя въ виду, что мы обязаны оказывать милосердіе и человѣколюбіе даже въ отношеніи враговъ нашей вѣры и державы, я назначилъ своего зятя сопутникомъ упомянутому консулу для сопровожденія его въ Крымъ, и по прибытіи консула туда, мой зять, благополучно возвратившись въ Трапизондъ, за восемь дней передъ симъ, пріѣхалъ ко мнѣ и сообщилъ, что въ Крыму ни одного воина не остается, что черкесы и абазинцы грабятъ Крымскую область и берутъ жителей въ неволю. Между тѣмъ, положеніе вашего Царя самое затруднительное, и его армія объята паническимъ страхомъ со стороны французскаго войска, и величественный Бонапарте сегодня или завтра завоюетъ Петербургъ.

«Съ другой стороны, отрядъ вашъ, подступившій подъ стѣны Ахалкалака, потерпѣлъ пораженіе отъ бывшаго тамъ гарнизона, и отсѣченныя головы 250 русскихъ стали катиться въ прахѣ гибели, а остальные русскіе, покинувъ нѣсколько пушекъ и снаряды, обратились въ бѣгство и искали спасенія у своего главнокомандующаго, графа Гудовича, который, будучи исполненъ высокомѣрія и самонадѣянности, возобновилъ свое движеніе противъ той крѣпости; но чалдирскій вали (ахалцыхскій паша), визирь мудрый, какъ Платонъ, и муширъ Селимъ-паша снабдили гарнизонъ подкрѣпленіемъ. Тогда русскіе, не могши устоять противъ огня мечей исламскихъ воиновъ, вторично обратились въ бѣгство, потерявъ до 5,000 человѣкъ, нѣсколько пушекъ и снарядовъ».

Представивъ такую выдуманную имъ картину общаго положенія дѣлъ въ Россіи, Юсуфъ предлагалъ Несвѣтаеву, прежде чѣмъ онъ со своимъ отрядомъ сдѣлается плѣннымъ, уйти въ свое отечество, сдавъ всѣ орудія, ружья и снаряды карскому Мамедъ-пашѣ.

На это предложеніе Несвѣтаевъ отвѣчалъ:

«Имѣя удовольствіе получить отъ вашего высокостепенства посланца и съ нимъ письмо, крайне удивляюсь, что вы служите столько своему султану, объясняя передо мной свои достоинства. Я знаю и всегда увѣренъ, что всякій генералъ у государя долженъ быть въ званіи томъ, которое ему дано; я же предъ вами не могу себя рекомендовать и полагаюсь на Всевышняго, который всѣхъ награждаетъ по своему опредѣленію. Я вошелъ съ небольшимъ отрядомъ въ предѣлы карскіе, по волѣ моего Государя Императора и по предписанію главнаго начальства, не съ тѣмъ, чтобы драться, а въ сходствіе преданности предъ Государемъ моимъ Императоромъ Мамедъ-паши карскаго, который просилъ занять Карсъ отъ защиты вашей, но вдругъ сдѣлалъ свое вѣроломство, взявши отъ насъ 8,000 червонныхъ за провіантъ, ибо во всѣхъ прежнихъ трактатахъ вы должны были намъ отпускать провіантъ, такъ какъ и мы въ разныхъ мѣстахъ вамъ отпускали.

«Угрозы вашего высокостепенства есть беззаконны, ибо вы идете на меня, изъясняя, что у васъ безчисленныя войска и со многою артиллеріею, а я могу вамъ здѣсь объяснить то, что имѣю

3,000 войска и извольте на меня нападать, и тогда Богъ свою справедливость окажетъ. Приказали вы мнѣ объяснить чрезъ посланца вашего, яко бы французы находятся въ сорока часахъ ходу отъ С.-Петербурга, но по нашимъ справедливымъ свѣдѣніямъ, они уже находятся отъ Парижа, а не отъ С.-Петербурга въ сорока часахъ, ибо оные выгнаны изъ Пруссіи непобѣдимыми россійскими войсками; посланникъ же вашъ объявилъ мнѣ, чтобы я оставилъ пушки, оружіе и снаряды. Вспомните прежнія военныя дѣйствія: когда русскія войска клали передъ турками оружіе и сами бы выходили какъ скитающій народъ, и сколько городовъ россіяне взяли у турокъ, какія одерживали побѣды, да и нынѣ взяты Молдавія и Валахія и многіе другіе города? Не считайте, ваше высокостепенство, чтобы я не могъ взять и вашего Карса отъ вѣроломнаго паши; на сіе не имѣлъ я повелѣнія — я взялъ форштатъ, пушку и, получа повелѣніе, долженъ былъ отступить, которую пушку, взятую мною, требуете отъ меня возвратить, но она взята военною рукою, а потому и возвращена быть не можетъ».

Отправивъ это письмо и имѣя въ строю только 1,900 человѣкъ съ 8 орудіями, Несвѣтаевъ, по приказанію графа Гудовича, отступилъ къ селенію Гумри (нынѣшній Александрополь), гдѣ, укрѣпившись, ожидалъ провозглашеннаго наступленія турокъ. Скоро онъ узналъ, что Юсуфъ-паша, собравъ до 20,000 человѣкъ и рѣшившись дѣйствовать наступательно, отправилъ впередъ, подъ начальствомъ Али-паши и Мамедъ-паши карскаго, 7,000 человѣкъ лучшихъ войскъ, извѣстныхъ подъ именемъ *делибашей*, съ приказаніемъ атаковать русскихъ.

19-го мая турки подошли къ селенію Гумри и въ тотъ же день напали на русскій лагерь. Не обращая вниманія на быстроту, съ которою непріятель бросился на нашъ малочисленный отрядъ, Несвѣтаевъ встрѣтилъ его молча и, подпустивъ турокъ на весьма близкое разстояніе, открылъ со всѣхъ орудій картечный огонь одновременно съ ружейнымъ. Потерявъ сразу 300 человѣкъ убитыми, не считая раненыхъ, ошеломленные турки повернули назадъ и стали отступать. Огонь былъ такъ губителенъ, что непріятель, противъ обыкновенія, не рѣшался подбирать тѣла убитыхъ и увозить ихъ съ собою. Бывшіе въ укрѣпленіи егеря, пре-

слѣдуя непріятеля, вывели изъ строя еще до 100 человѣкъ турокъ, уходившихъ въ безпорядкѣ на соединеніе съ главными силами Юсуфъ-паши.

Двигаясь по слѣдамъ авангарда, сераскиръ въ это время подходилъ къ Гумрамъ. Несвѣтаевъ хотя и рѣшился защищаться до послѣдней крайности, но сознавалъ, что положеніе его весьма затруднительно и опасно. Съ фронта приближался Юсуфъ-паша съ 20,000 человѣкъ, а лѣвѣе, и почти въ тылу, персіяне, по взаимному соглашенію съ турками, сосредоточивали войска въ Эриванѣ и располагали ихъ лагеремъ на рѣкѣ Зангѣ. Въ случаѣ удачи турокъ, они думали двинуться въ Памбаки и Шурагель. При такомъ положеніи Несвѣтаевъ просилъ прислать ему подкрѣпленій, и получилъ въ отвѣтъ, что графъ Гудовичъ, со всѣмъ своимъ отрядомъ, идетъ къ нему на соединеніе.

Отправивъ на вьюкахъ двухъ казачьихъ полковъ артиллерійскіе снаряды и патроны въ отрядъ Несвѣтаева, главнокомандующій самъ слѣдовалъ къ нему форспрованными маршами. Походъ его замедлялся только недостаткомъ продовольствія, и «причина сему та», писалъ графъ Гудовичъ, «что отъ земли грузинской всякая казенная повинность исполняется съ большимъ затрудненіемъ и съ нѣкоторою экзекуціею».

3-го іюня главнокомандующій находился еще на рѣкѣ Лори въ нѣсколькихъ переходахъ отъ селенія Гумри. Задержанный каменистою переправою черезъ эту рѣку и получая все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія, онъ отправилъ впередъ, для скорѣйшаго подкрѣпленія Несвѣтаева, шедшаго въ авангардѣ генералъ-маіора Портнягина. Такъ какъ въ составъ отряда послѣдняго было назначено только пять баталіоновъ [1]), съ которыми трудно было бы пробиться въ Гумри сквозь многочисленныя толпы непріятеля, то Портнягину приказано появиться только въ виду турокъ и занять высоты [2]).

«Завтра», писалъ при этомъ графъ Гудовичъ Несвѣтаеву [3]),

[1]) Два баталіона 9-го егерскаго и весь 15-й егерскій полкъ.

[2]) Предписанія графа Гудовича генералу Портнягину 3-го іюня. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, №№ 948 и 950.

[3]) Въ отношеніи отъ 3-го іюня 1807 года. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. III, № 947.

«до разсвѣта подымится авангардъ и пойдетъ впередъ до Кишляка, послѣ завтра оный будетъ въ Бекантѣ, а вслѣдъ за тѣмъ я и самъ прибуду. Тогда Памбаки совершенно обезпечены будутъ; черезъ три дня я надѣюсь непремѣнно съ вами соединиться и имѣть удовольствіе лично отдать вамъ всю должную справедливость».

Пройдя 260 верстъ и сдѣлавъ только двѣ дневки, графъ Гудовичъ не успѣлъ, однако же, соединиться съ Несвѣтаевымъ ранѣе, чѣмъ тотъ былъ атакованъ турками.

Остановившись при селеніи Караклисѣ, по ту сторону Арпачая, въ семи верстахъ отъ Гумри, сераскиръ прислалъ сказать Несвѣтаеву, чтобы онъ выходилъ съ нимъ драться въ открытое поле. Имѣя незначительныя силы, Несвѣтаевъ предпочелъ защиту Гумри полевому сраженію, и тогда, 30-го мая, Юсуфъ-паша съ 10,000 человѣкъ и 20 орудіями атаковалъ селеніе. Съ десяти часовъ утра и до семи пополудни длилось сраженіе; турки были отбиты, и самъ сераскиръ потерялъ собственное знамя [1]). Отойдя назадъ и разсчитывая массою своихъ силъ подавить малочисленный отрядъ русскихъ войскъ, Юсуфъ-паша постоянно тревожилъ Несвѣтаева, сосредоточивалъ свои силы и, дождавшись прибытія куртинцевъ, 5-го іюня, снова атаковалъ Гумри. Въ десять часовъ утра турки открыли канонаду изъ 20-ти орудій и двухъ мортиръ и поддерживали ее болѣе часа, но безъ всякаго вреда для нашихъ. Не отвѣчая на выстрѣлы, Несвѣтаевъ ожидалъ наступленія, и спустя часъ турецкая конница охватила лагерь, но огонь застрѣльщиковъ принудилъ ее отступить. Атака непріятельской пѣхоты была болѣе настойчива. Поражаемые картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, турки ворвались въ улицы, но были опрокинуты и прогнаны гренадерами Кавказскаго полка; повторенныя ими атаки были также неудачны, и упорная борьба, продолжавшаяся до шести часовъ вечера, увѣнчалась славою русскаго оружія, лишившагося, однако же, до 100 человѣкъ храбрыхъ, выбывшихъ изъ строя. Потерявъ болѣе 200 человѣкъ убитыми, Юсуфъ-паша принужденъ былъ отступить на правый берегъ Арпачая и расположиться двумя

[1]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу, 30-го мая, № 1017, дѣло № 36.

лагерями: одинъ онъ устроилъ при Тихнисѣ, а другой—ближе къ намъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гумри [1]). «Крайне жалѣю», писалъ Несвѣтаевъ генералъ-маіору Портнягину, по окончаніи сраженія [2]), «что вы ко мнѣ не поспѣли на сегодняшній день; я отъ Юсуфъ-паши такъ сильно былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ, что атака его продолжалась съ десяти часовъ утра до шести пополудни. Долженъ благодарить Всевышняго: Онъ меня хранитъ, и за скоростію ничего вамъ болѣе писать не могу, но только могу сказать безъ лести, что онъ въ третій разъ уже отъ меня со стыдомъ отступаетъ, не моими распоряженіями, но угодно Всевышнему меня хранить».

На третій день послѣ отбитой атаки прибылъ графъ Гудовичъ съ своимъ отрядомъ и расположился у разоренной деревни Кунахъ-кранъ, въ шести верстахъ отъ Гумри и въ десяти отъ авангарднаго лагеря сераскира. Трудный пятнадцати-дневный походъ черезъ Шурагельскія горы, при непогодѣ, утомилъ солдатъ, и главнокомандующій вынужденъ былъ дать нѣсколько дней отдыха. Пользуясь временнымъ затишьемъ и зная о прибытіи къ Гумрамъ графа Гудовича съ отрядомъ, Юсуфъ-паша отправилъ въ Эривань посланнаго съ просьбою, чтобы эриванскій ханъ содѣйствовалъ ему въ изгнаніи русскихъ изъ Грузіи и окончательномъ ихъ истребленіи. Карскій Мамедъ-паша также писалъ письма Будагъ-султану артикскому и своей сестрѣ (женѣ Джафаръ-Кули-хана), въ которыхъ предлагалъ передаться на сторону турокъ, или, по крайней мѣрѣ, по прежнему знакомству и родству, сообщать свѣдѣнія о числѣ, составѣ и положеніи русскихъ войскъ. Не довольствуясь тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи, Юсуфъ-паша разослалъ повсюду приказанія о сборѣ новыхъ ополченій и, оставаясь все время въ томъ же лагерѣ, укрѣплялъ его батареями и ретраншаментами. Съ прибытіемъ подкрѣпленій, въ турецкомъ лагерѣ насчитывалось болѣе 20,000 человѣкъ съ 25 пушками и двумя мортирами [3]). Графъ Гудовичъ могъ противопоставить не-

[1]) Дѣйствія войскъ въ Азіятской Турціи (рукопись).
[2]) Отъ 5-го іюня. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 951.
[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Гудовича отъ 20-го іюня 1807 г., № 11.

пріятелю только 6,774 человѣка, считая въ томъ числѣ отрядъ Несвѣтаева и войска, расположенныя въ Шурагельской провинціи [1]).

Послѣ личнаго обозрѣнія непріятельскаго лагеря, главнокомандующій рѣшился перевести, ночью, за рѣку Арпачай девять баталіоновъ и атаковать сераскира въ правый его флангъ и тылъ, съ тою цѣлью, чтобы отрѣзать ему отступленіе къ Карсу. Одновременно съ этимъ, генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ долженъ былъ выйти изъ Гумровъ, съ тремя баталіонами пѣхоты и двумя казачьими полками, и атаковать лагерь съ фронта. Желая же ввести непріятеля въ заблужденіе о дѣйствительномъ направленіи атаки и показать, что намѣренъ произвести наступленіе на лѣвый флангъ лагеря, графъ Гудовичъ двумя большими партіями пытался, въ виду турокъ, перейти рѣку Арпачай въ 10 и 14 верстахъ выше лагеря. Хотя въ этихъ мѣстахъ Арпачай каменистъ, вязокъ и имѣетъ крутые берега, но турки вдались въ обманъ и приготовились къ отраженію русскихъ.

Временемъ для атаки было назначено утро 17-го іюня, но проливной дождь, съ градомъ и сильнымъ вѣтромъ, заставилъ отложить исполненіе до слѣдующаго дня. Къ вечеру погода прояснилась, и графъ Гудовичъ передъ сумерками приказалъ разставить казачью цѣль, по направленію предстоящаго движенія, но не по дорогѣ, а по ближайшимъ каменистымъ тропамъ. Оставивъ въ Гумрахъ обозъ и отрядъ генералъ-маіора Несвѣтаева, главнокомандующій, по пробитіи вечерней зори, ночью съ 17-го на 18-е іюня, двинулся по направленію разставленной казачьей цѣпи.

Предназначенныя для атаки войска были раздѣлены на три дѣйствующихъ каре и четвертое резервное. Въ первомъ каре, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена, было два баталіона Кавказскаго и Херсонскаго гренадерскихъ полковъ; во второмъ—генералъ-маіора Титова, два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка; въ третьемъ—генералъ-маіора Портнягина, по два баталіона 9-го и 15-го егерскихъ полковъ и, наконецъ, въ резервномъ каре—маіора Ушакова, баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка. При каждомъ изъ дѣйствующихъ каре было по од-

[1]) Всеподд. рапортъ гр. Гудовича, отъ 15-го ноября, № 15.

ному донскому казачьему полку и по 50 егерей лучшихъ стрѣлковъ, а при резервномъ находились три эскадрона Нарвскаго драгунскаго полка и сотня линейныхъ казаковъ.

Пройдя лѣвымъ флангомъ шестнадцать верстъ внизъ по Арпачаю, русскій отрядъ встрѣтилъ непріятельскіе пикеты въ большомъ числѣ, разставленные по лѣвому берегу рѣки. Татары-лазутчики еще наканунѣ дали знать Юсуфъ-пашѣ, что въ предстоящую ночь русскіе атакуютъ его лагерь. Не зная ни времени, ни направленія, въ которомъ будетъ поведена главная атака, сераскиръ поставилъ въ ружье всѣ свои войска и окружилъ лагерь густою цѣпью пикетовъ. Одинъ изъ такихъ пикетовъ, въ 200 человѣкъ, прежде другихъ замѣтилъ приближеніе нашихъ каре. Казаки бросились было на него, захватили нѣсколькихъ человѣкъ турокъ, но остальные успѣли, переправившись черезъ рѣку Арпачай, извѣстить Юсуфъ-пашу объ угрожающей опасности. Не желая допускать атакующихъ въ свой лагерь, сераскиръ двинулся имъ навстрѣчу. Взявъ анатолійскія войска, считавшіяся лучшими, и приказавъ остальнымъ слѣдовать за ними, Юсуфъ переправился черезъ Арпачай и окружилъ отрядъ графа Гудовича. Послѣдній, видя приближеніе непріятеля, остановился, поставилъ дѣйствующія каре въ первой линіи, а резервное во второй, такъ что оно могло производить перекрестные выстрѣлы съ среднимъ и лѣвымъ каре [1]).

Открывъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, турки, прежде всего, бросились на среднее и лѣвое каре, но были отбиты, и тогда Юсуфъ-паша атаковалъ правое каре, стараясь обойти его съ тыла. Графъ Гудовичъ лично повелъ среднее каре во флангъ сераскиру. Это движеніе, удачное дѣйствіе артилеріи и молодецкая атака кавалеріи и донскихъ казаковъ рѣшили участь сраженія. Видя замѣшательство своихъ подчиненныхъ, постоянное стремленіе русскихъ перейти черезъ рѣку и, наконецъ, получивъ извѣстіе о движеніи Несвѣтаева съ фронта, Юсуфъ-паша приказалъ отступать за Арпачай, опасаясь быть отрѣзаннымъ генераломъ Несвѣтаевымъ. Послѣ

[1]) См. прилагаемый планъ сраженія.

упорнаго боя, продолжавшагося семь часовъ, побѣда была рѣшена, и турки обратились въ бѣгство.

Выставивъ на берегу Арпачая всю свою артиллерію, обстрѣливавшую бѣгущаго непріятеля, графъ Гудовичъ приказалъ переправляться черезъ рѣку. Турки не препятствовали нашей переправѣ, и самъ сераскиръ, оставивъ передовой лагерь, бросился во второй. Графъ Гудовичъ послалъ часть войскъ на авангардный лагерь, а съ другою, большею, пошелъ въ обходъ, стараясь отрѣзать туркамъ карскую дорогу. Видя, что русскіе, миновавъ первый лагерь, двигаются на расположенный у Тихниса, Юсуфъ-паша не выждалъ нападенія и отступилъ къ Карсу. Безпорядокъ въ турецкомъ лагерѣ, поспѣшность отступленія или, лучше сказать, бѣгства, дошли до того, что сераскиръ не успѣлъ сѣсть на лошадь и бѣжалъ двѣ версты пѣшкомъ. Непріятель потерялъ болѣе 1,000 человѣкъ убитыми, оба лагеря, въ которыхъ оставилъ десять пушекъ, двѣ мортиры, много припасовъ и снарядовъ; прочія орудія, при переправѣ черезъ Арпачай, были брошены въ рѣку, откуда и вытащены нашими солдатами. Наша потеря заключалась въ 2-хъ штабъ-офицерахъ и 12-ти нижнихъ чинахъ убитыми и 2-хъ офицерахъ и 66-ти нижнихъ чинахъ ранеными [1]).

Посланные Аббасъ-Мирзою съ окрестныхъ горъ любовались, какъ бѣжали турки, преслѣдуемые нашими войсками, и наслѣдникъ персидскаго престола съ сожалѣніемъ узналъ о пораженіи Юсуфъ-паши, котораго считалъ даровитымъ полководцемъ. Расположившись въ 35-ти верстахъ отъ поля сраженія, съ отрядомъ въ 12,000 человѣкъ, Аббасъ-Мирза выжидалъ, чѣмъ кончится столкновеніе графа Гудовича съ сераскиромъ, и когда получилъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной гяурами, то предпочелъ, не соединяясь съ турками, отступить къ Нахичевани. Только нерѣшительности персіянъ и отсутствію у нихъ военнаго такта мы обязаны тѣмъ, что незначительный отрядъ русскихъ войскъ, дѣйствуя наступательно и встрѣтившись со всею непріятельскою арміею, могъ одержать блестящую побѣду, кончившуюся совершеннымъ разсѣяніемъ турецкой арміи. Остатки ея, вмѣстѣ съ Юсуфъ-пашою, заперлись

[1]) Всеподданнѣшія донесенія графа Гудовича 20-го іюня, 29-го іюля и 15-го ноября 1807 года.

въ Карсѣ, и турецкій главнокомандующій разослалъ повсюду приказанія о сборѣ новыхъ войскъ. Пользуясь впечатлѣніемъ одержанной побѣды и зная, что въ 45-ти верстахъ отъ нашего лагеря, въ Карскомъ пашалыкѣ, въ довольно сильной турецкой крѣпостцѣ Магизбердѣ, находятся большіе запасы провіанта, графъ Гудовичъ отправилъ туда отрядъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты и 300 казаковъ, подъ начальствомъ 15-го егерскаго полка, подполковника Печерскаго. Не выждавъ приближенія русскихъ, турки «бѣжали стремглавъ въ тайную калитку и скрылись въ горы» [1]). Въ крѣпости было найдено шесть пушекъ, два фальконета и 300 четвертей пшеницы. Жители близлежащихъ селеній были угнаны въ горы, но Печерскій успѣлъ, однако же, перевести на поселеніе въ Шурагельскую провинцію 170 человѣкъ армянъ съ ихъ семействами.

Магизбердъ находился всего въ двѣнадцати верстахъ отъ Карса, запершись въ которомъ сидѣлъ Юсуфъ-паша съ остатками своего ополченія. Не смотря на превосходство своихъ силъ, онъ не только не вышелъ навстрѣчу небольшаго отряда Печерскаго, но ушелъ изъ Карса и, отъѣхавъ восемнадцать верстъ, остановился лагеремъ. Получивъ же извѣстіе, что лишь незначительный отрядъ русскихъ идетъ къ Магизберду, онъ возвратился въ Карсъ и болѣе изъ него не показывался [2]). Не имѣя средствъ къ существованію, войска сераскира расходились въ разныя стороны по 10 и по 15 человѣкъ, и скоро въ Карсѣ осталось не болѣе 2,000 человѣкъ делибашей, на которыхъ Юсуфъ возлагалъ всю свою надежду, думая, въ случаѣ нужды, употребить ихъ и на усмиреніе волновавшихся жителей Карскаго пашалыка. Обремененные поборами и разоряемые расходившимися войсками, жители сами покидали селенія, уходили въ глубь Турціи и сожалѣли, что русскіе не являются изгнать Юсуфъ-пашу изъ Карской области.

— Если бы Богъ скорѣе послалъ къ намъ русскихъ, говорили они, мы съ охотою лишились бы Юсуфъ-паши, одолѣвающаго насъ всѣми тягостями и изнуреніемъ.

---

[1]) Всеподданѣйшее донесеніе графа Гудовича 16-го іюля 1807 года. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 959.

[2]) Рапортъ Несвѣтаева графу Гудовичу 18-го іюля 1807 года. Тамъ же, № 1056.

Послѣ совѣщанія, почетные жители Карса отправили къ сераксиру женщинъ съ жалобою на свое тягостное положеніе. Женщины явились къ Юсуфу съ вопросомъ: отчего онъ не защищаетъ ихъ и не дерется съ русскими? Онѣ требовали, чтобы сераксиръ, не отягощая жателей поборами, вышелъ съ войсками изъ Карса, «а не то камнями убьютъ». Юсуфъ успокоивалъ прекрасный полъ и увѣрялъ, что къ нему немедленно прибудутъ свѣжія войска, и тогда онъ пойдетъ драться съ русскими [1]).

Таковы были послѣдствія арпачайской побѣды, вмѣстѣ съ донесеніемъ о которой графъ Гудовичъ просилъ уволить его отъ званія главнокомандующаго на Кавказѣ. Еще въ концѣ 1806 года, до разрыва съ Турціею, онъ писалъ о томъ же министру иностранныхъ дѣлъ. Человѣкъ подозрительный, но самолюбивый, графъ Гудовичъ считалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что заслуги его по усмиренію волненій въ ханствахъ Карабахскомъ и Шекинскомъ и дѣйствія въ Дагестанѣ не были оцѣнены должнымъ образомъ.

«Изъ почтеннѣйшихъ сообщеній вашего высокопревосходительства», писалъ онъ барону Будбергу [2]), «я вижу и чувствую во всей силѣ милость и дружбу вашу, когда стараетесь утѣшать меня прописаніемъ высочайшей апробаціи Его Императорскаго Величества распоряженій моихъ, но когда послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, съ сохраненіемъ войскъ и казны Его Величества, которые хотя не приписываю я одному моему искусству и усердію, но и счастію, не удостоился я прямо получить высочайшее благоволеніе всемилостивѣйшаго Государя,—каковыя извѣстно мнѣ по дѣламъ часто получалъ покойный князь Цицiановъ и при бывшихъ важныхъ неудачахъ съ потерею знатнаго числа войскъ и издержекъ, съ тѣмъ, что я нашелъ все почти въ безпорядкѣ,—то и не могу не сокрушаться до безконечности. Одна пружина, подкрѣпляющая мою старость и недуги, удостоиться получить Высочайшее благоволеніе, но когда не удостоенъ, то и считаю, что я и несчастливъ, и служба моя не угодна; почему, при столь трудномъ постѣ и тяжкихъ трудахъ, опасаясь отъ душевнаго сокрушенія и

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 1061.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 6-го декабря 1806 г. изъ Тифлиса. Архивъ Министр. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806 г., № 2-й.

больше ослабѣть въ силахъ моихъ и сдѣлать отъ того, противъ воли моей и неограниченнаго усердія, какое упущеніе, покорнѣйше прошу васъ, мой милостивецъ, довести сію мою печаль до свѣдѣнія Всемилостивѣйшаго Государя, что почту себѣ за особливое благодѣяніе».

Баронъ Будбергъ отвѣчалъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ не рѣшается желаніе главнокомандующаго довести до свѣдѣнія Императора и просилъ графа Гудовича отложить свое намѣреніе оставить край до болѣе удобнаго времени. Послѣдовавшія за тѣмъ обстоятельства: неудачныя дѣйствія въ Карскомъ пашалыкѣ и у Ахалкалакъ причинили графу Гудовичу еще большее душевное разстройство. Полагая, что неудачи эти будутъ имѣть вліяніе при оцѣнкѣ заслугъ его въ арпачайскомъ сраженіи, онъ повторилъ свою просьбу объ увольненіи отъ службы, но Императоръ не изъявилъ на то своего согласія. Пожаловавъ графу Гудовичу званіе генералъ-фельдмаршала, Государь выразилъ желаніе, чтобы онъ до времени сохранилъ званіе главнокомандующаго. «Настоящее положеніе дѣлъ во ввѣренномъ вамъ краѣ», писалъ Императоръ [1]), «требуетъ прозорливаго наблюденія вашей опытности, и начатые вами подвиги ожидаютъ теперь столь же благоразумнаго окончанія оныхъ прочнымъ миромъ. Я не сомнѣваюсь, что сіи причины, если не убѣдятъ васъ посвятить службѣ отечественной еще нѣкоторое время, то, по крайней мѣрѣ, не умалятъ вашего усердія и дѣятельности до тѣхъ поръ, пока не пріищется для замѣщенія столь важнаго поста достойный по васъ преемникъ».

IX.

Переговоры съ персіянами о мирѣ.—Перемиріе съ турками.—Происшествія въ Имеретіи.—Недоброжелательство царя Соломона.—Предположеніе объ удаленіи его и устройствѣ временнаго управленія въ Имеретіи.—Некомплектъ въ войскахъ Кавказскаго корпуса.—Рескриптъ Императора графу Гудовичу.

Арпачайское сраженіе, закончившее собою дѣйствія наши въ Азіятской Турціи, убѣдило персіянъ въ невозможности открытой

[1]) Въ рескриптѣ графу Гудовичу отъ 12-го августа 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 22.

борьбы съ русскими. Представители этой державы сознавали, что если турки, имѣвшіе лучшую боевую организацію, потерпѣли пораженіе, то имъ нечего и думать объ одержаніи въ полевомъ сраженіи успѣха надъ русскими войсками. Главнокомандующій не безъ основанія могъ предполагать, что послѣдняя побѣда его значительно ускоритъ окончаніе переговоровъ съ персіянами. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что сношенія наши съ тегеранскимъ дворомъ не прекращались. Въ апрѣлѣ 1807 года Аббасъ-Мирза писалъ графу Гудовичу, что на предложеніе Россіи вступить въ мирное соглашеніе, Персія выразила полную готовность, и съ пріѣзда маіора Степанова въ Тавризъ военныя дѣйствія были прекращены, хотя, по словамъ принца, то время было весьма удобно «къ продолженію враждебныхъ дѣйствій».

Оставаясь и теперь при томъ убѣжденіи, что для Персіи весьма полезны мирныя отношенія къ Россіи, Аббасъ-Мирза обѣщалъ не препятствовать торговлѣ, всѣ недоразумѣнія рѣшать полюбовно черезъ посредниковъ, но присылку полномочныхъ для заключенія перемирія считалъ возможнымъ и полезнымъ только тогда, когда оба двора будутъ знать заранѣе предварительныя условія мира.— «А потому спрашиваемъ ваше сіятельство», прибавлялъ онъ [1]), «на какихъ условіяхъ дружбы вы просите свиданія уполномоченныхъ и какія предложенія имѣете вы въ виду сдѣлать нашему правительству, дабы, по полученіи объясненія на этотъ вопросъ, два уполномоченныхъ съ нашей стороны и два съ вашей приступили къ заключенію мира. А какъ ваше сіятельство передъ симъ насъ извѣстили, что со стороны вашего двора вы акредитованы въ дѣлахъ дружбы двухъ державъ, то прошу извѣстить насъ, какія имѣете въ виду условія для этой дружбы и какія имѣете намъ сдѣлать предложенія, могущія быть нами принятыми.»

Графъ Гудовичъ повторилъ свои условія, и вскорѣ послѣ выступленія къ Ахалцыху, на границахъ турецкихъ владѣній, прибылъ къ нему персидскій посланный съ отвѣтомъ Мирза-Шефи на письмо, посланное съ маіоромъ Степановымъ. Не высказывая ничего рѣшительнаго и опредѣленнаго, визирь поручилъ своему по-

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 810.

сланному, Мамедъ-беку, объясниться словесно съ главнокомандующимъ и вывѣдать, не согласится ли графъ Гудовичъ на установленіе старыхъ границъ, включая Кизляръ и весь Дагестанъ во владѣніе Персіи.

— «Кизляръ никогда не былъ границею Персіи», отвѣчалъ Гудовичъ посланному, «а Дагестанъ съ давнихъ временъ независимъ. Ни Ага-Магометъ, ни послѣ него никто не имѣлъ Дагестана подъ непосредственною своею властью, но каждый изъ дагестанскихъ владѣльцевъ управлялъ своею областью независимо и подъ покровительствомъ Россіи».

«Подобныя претензіи», писалъ главнокомандующій къ Мирза-Шефи, «не могутъ споспѣшествовать доброму согласію и миру, перво съ вашей стороны предложенному и столь полезному для Персіи. Я даже полагаю, что предложеніе сіе было не что другое, какъ ошибка вашего посланнаго, ибо ваше высокостепенство, какъ мудрый министръ, провидящій пользы своего владѣтеля отъ союза съ могущественнѣйшей державою, не сдѣлали бы онаго. вѣдая въ совершенствѣ положеніе Дагестана, Грузіи и другихъ мѣстъ, находящихся подъ властью Россіи, также и независимость оныхъ персидскимъ владѣтелямъ».

Персидскому посланному объявлено, что Россія всегда готова войти въ мирныя соглашенія, но не иначе какъ на предложенныхъ ею условіяхъ. Петербургскій кабинетъ предоставлялъ тегеранскому двору разсмотрѣть безпристрастно, какая польза можетъ произойти отъ мирныхъ сношеній съ Россіею и какая изъ европейскихъ державъ можетъ быть болѣе вѣрнымъ союзникомъ Персіи?

Болѣе шестидесяти лѣтъ, какъ Персія, не имѣя государя, единодушно всѣми признаннаго, находилась въ безпрерывномъ волненіи, и правительство этой страны не могло не желать прекращенія этихъ безпорядовъ и утвержденія внутренняго спокойствія. Кто же могъ наиболѣе способствовать этому и пользы какой державы были наименѣе противоположны пользамъ Персіи?

Турки искали союза и дружбы Баба-хана; помощь Персіи имъ важна и необходима въ собственномъ безсиліи, но возможенъ ли былъ этотъ союзъ тогда, когда Персія всегда видѣла въ туркахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, и исторія не представляетъ примѣра,

чтобы персіяне соединились съ турками? Когда Россія продолжала войну съ Персіею, содѣйствовали ли турки къ прекращенію этой войны? Теперь же, когда положеніе ихъ крайне затруднительно, когда открывшеюся войною съ Россіею и Англіею они стѣснены со всѣхъ сторонъ, турки ищутъ союза, чтобы вмѣсто себя выставить на кровопролитіе народъ персидскій. Они ищутъ союза, но и до сихъ поръ лучшія персидскія провинціи, Баязетъ, Эрзерумъ, Багдадъ, Басора и другія, остаются во власти турокъ.

Другимъ союзникомъ для властителя Персіи являлись французы, которые, съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ, не задумались обѣщать войска, артиллерію и милліоны денегъ; но военная помощь ихъ въ то время была дѣломъ невозможнымъ, а денежная болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Франція вела войну съ цѣлою Европою, тогда какъ Россія воевала съ французами не за себя, а за своихъ союзниковъ. «Итакъ, не отъ нея ли зависитъ», писалъ графъ Гудовичъ [1]), «прекратя войну въ одной сторонѣ, обратить силы свои въ другую? Но выгодно ли бы было сіе Персіи, ваше высокостепенство можете сами заключить. Еще присовокуплю: французы, коихъ прежніе успѣхи остановлены въ нынѣшнюю войну мужествомъ и храбростію россійскихъ войскъ, могутъ ли подать Персіи помощь, не имѣя къ тому никакого средства, ибо ни съ которой стороны имъ того сдѣлать невозможно. На морѣ ихъ кораблей нѣтъ, да и появиться (они) не могутъ противъ англійскихъ нашихъ союзниковъ, которые флотъ ихъ истребили, а сухимъ путемъ всѣ земли Порты Отоманской по Дунай нашими войсками заняты. По той же сторонѣ Дуная соединенныя наши войска съ Чернымъ Георгіемъ, взявшимъ уже Бѣлградъ, совершеннымъ къ тому препятствіемъ служатъ. Сверхъ того, Бонапарте, потерявъ свою армію противъ нашихъ войскъ въ прусскомъ владѣніи на баталіи при Прейсишъ-Эйлау, не можетъ уже ничего отдѣлить и долженъ самъ себя укрѣплять, дабы вовсе не погибнуть, и три раза уже величайшему въ свѣтѣ Государю Императору предложено о мирѣ».

Самымъ искреннимъ и естественнымъ союзникомъ Персіи была

[1]) Въ письмѣ къ Мирза-Шефи отъ 9-го мая 1807 г. Ак. К. Ар. Ком., т. III, № 812.

Россія, болѣе 250 лѣтъ находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ тегеранскимъ дворомъ. Петръ Великій объявилъ войну не шаху персидскому, а бунтовщикамъ, возставшимъ противъ законной власти, стѣснявшимъ и причинявшимъ нашей торговлѣ убытки, вознагражденіе которыхъ зависѣло отъ одного оружія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ просилъ главнокомандующаго [1]) внушить персіянамъ, что виды Россіи всегда клонились къ тому только, чтобы возстановить низверженный въ сосѣдней землѣ порядокъ, а съ нимъ вмѣстѣ и обоюдную торговлю. «Доказательствомъ тому служитъ то, что коль скоро шахъ Надиръ утвердилъ въ Персіи единоначаліе, то Императрица Анна Іоанновна заключила съ нимъ союзный трактатъ и уступила всѣ завоеванія, дотолѣ остававшіяся подъ залогомъ у Россіи. По смерти шаха Надира неустройства въ Персіи увеличились и довели торговлю до конечнаго разоренія; если бы сіе можно было предвидѣть, то, конечно, лучше бы было для насъ оставить за собою Рештъ, Баку, Дербентъ, нежели промѣнять оныя на нѣкоторыя условія въ пользу торговли, изъ коихъ ни одно не было выполнено. Наконецъ, Россія, не видя постоянства и благонадежности въ сношеніяхъ своихъ съ разными персидскими ханами и претерпѣвая по торговлѣ безпрестанные убытки, должна была приступить къ усмиренію дагестанскихъ владѣльцевъ силою оружія, дабы прекратить наглые ихъ поступки.

«Вотъ начало и предметъ продолжающихся донынѣ военныхъ дѣйствій; но и въ семъ непріязненномъ положеніи Россія, не желая наносить сугубаго вреда Персіи, содержитъ въ Грузіи такое только число войскъ, какое нужно для пограничной стражи. При первомъ обнаруженіи желанія Персіи о прекращеніи вражды, россійскій дворъ изъявилъ чистосердечное съ своей стороны согласіе на вступленіе въ мирные переговоры. На семъ дѣла наши остановились.

«Уступка, требуемая Россіею отъ персидскаго правительства, признавалась необходимою для утвержденія прочной границы, слѣ-

[1]) Въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1807 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 809.

довательно и дружественнаго сосѣдства. Съ другой же стороны, уступка эта не могла считаться ни тягостною, ни унизительною для Баба-хана, ибо всѣ владѣнія, лежащія по сю сторону Куры и Аракса, не состояли дѣйствительно и безспорно подъ его властію. Напротивъ того, утвержденіе власти его въ остальныхъ частяхъ Персіи и признаніе его шахомъ весьма важныя представляетъ выгоды, какъ для него самого, такъ и для всего его потомства. Оставляется теперь имъ самимъ на разсужденіе, кто можетъ удобнѣе доставить имъ всѣ сіи выгоды—турки, французы или россійскій Императоръ».

Баба-ханъ видимо склонялся на сторону послѣдняго, но тамъ, гдѣ деньги и подкупъ руководятъ совѣстью и поступками людей, тамъ убѣжденія часто не имѣютъ мѣста, и дѣла идутъ противно здравому разсудку. Персидское правительство желало примиренія съ Россіею, но происки французовъ и стараніе турокъ задерживали окончательное рѣшеніе Баба-хана. Онъ не давалъ никакого отвѣта маіору Степанову и, въ то же время, велъ переговоры въ Парижѣ. Послѣдствіемъ его сношеній съ Франціею было заключеніе, въ замкѣ Финкенштейнъ, союзнаго договора, подписаннаго 4-го и ратификованнаго 10-го мая 1807 года. По этому договору Наполеонъ гарантировалъ не только цѣлость владѣній Персіи, но обѣщалъ возвратить ей Грузію [1]) и прочія владѣнія, нѣкогда принадлежавшія Персіи, а потомъ занятыя русскими войсками. Взамѣнъ того, Баба-ханъ обѣщалъ прервать сношенія, какъ политическія, такъ и коммерческія съ англичанами и завести войска по европейскому образцу, для чего императоръ Франціи долженъ былъ прислать ему учителей, пушки и ружья [2]).

Многія лица, стоявшія во главѣ управленія Персіею, не вѣрили въ прочность этого союза и въ исполненіе обѣщаній Наполеона. Мирза-Шефи, въ разговорахъ со Степановымъ, неоднократно

---

[1]) Въ § 3-мъ трактата говорилось: «Sa majesté l'empereur des français reconnait la Géorgie comme apartenant légitimement à sa magesté l'empereur de Perse. § 4. Il s'engage à faire tous les efforts pour contraindre la Russie à l'évacuation de la Géorgie et du territoire persan: cette évacuation sera constamment l'objet de sa politique et de toute sa sollicitude».

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1807—10, № 1.

увѣрялъ его, что союзъ съ Россіею, болѣе всякаго другаго, обращаетъ на себя вниманіе тегеранскаго двора [1]). Въ этомъ отношеніи верховный визирь имѣлъ многихъ послѣдователей среди своихъ соотечественниковъ, раздѣлявшихъ его убѣжденія и, преимущественно, среди лицъ, искренно преданныхъ своему отечеству и заботящихся объ его пользѣ.

— Баба - ханъ, говорили они, по покоренiи Ирана, т. е. большей части Персіи, всенародно провозглашенъ шахомъ. Государю нашему весьма желательно быть въ союзѣ съ вашимъ Государемъ, но вы сему упорствуете и лѣзете въ наши земли безъ всякой причины,—вотъ что горько и досадно [2]).

Отпуская маіора Степанова, персидское правительство отправило вмѣстѣ съ нимъ Багиръ-Бека, который и прибылъ въ лагерь графа Гудовича вскорѣ послѣ арпачайскаго сраженія. Онъ точно также не привезъ ничего рѣшительнаго, а передалъ только, что со стороны Персіи для трактованія о мирѣ уполномоченъ Аббасъ-Мирза. При этомъ, посланный объявилъ словесно, что тегеранскій дворъ готовъ заключить миръ, лишь бы условія его были выгодны для обѣихъ державъ. Зная, что Франція и Турція стараются отклонить Баба-хана отъ мирныхъ соглашеній съ Россіею, графъ Гудовичъ старался убѣдить посланнаго въ томъ, что союзъ съ этими державами не можетъ принести Персіи никакой пользы.

— Французы, говорилъ онъ, и въ особенности, турки, уговариваютъ персіянъ вести войну противъ насъ, чтобы выставить персидскія головы вмѣсто своихъ. Вы сами видите, какъ слабы турецкія силы и какъ испуганы послѣ разбитія. Союзъ съ ними, кромѣ вреда и кровопролитія, никакой пользы принести вамъ не можетъ; напротивъ, гораздо для васъ выгоднѣе и полезнѣе быть въ союзѣ съ русскимъ Императоромъ. Миромъ съ Россіею вы много выиграете, а если не согласитесь на перемиріе, то кровь ваша польется рѣками. Большое число вашихъ ополченій меня не пугаетъ, а чѣмъ больше будетъ у васъ войска, тѣмъ будетъ ги-

[1]) Графъ Гудовичъ барону Будбергу 27-го мая. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 813.

[2]) Тамъ же, № 814.

бельнѣе для васъ, потому что тогда ни одна русская пуля не минуетъ вашихъ кучъ, а пушечное ядро вмѣсто одного убьетъ десять. Вы настоящей драки еще не видали, ибо я разбилъ турокъ безъ всякой потери [1]).

Побѣда надъ турками склонила было персидское правительство на нашу сторону, и Аббасъ-Мирза, поздравляя графа Гудовича съ столь счастливымъ для него происшествіемъ, снова высказывалъ желаніе вступить въ мирныя соглашенія съ Россіею. Составивъ проектъ перемирія, главнокомандующій отправилъ его, при письмѣ мирзѣ Безюрку, съ капитаномъ Вологодскаго мушкетерскаго полка Дублянскимъ. Не понимая разницы между словомъ миръ и перемиріе, Аббасъ-Мирза спрашивалъ только, что они теряютъ и что выигрываютъ при мирѣ. Графъ Гудовичъ отвѣчалъ, что миръ безъ перемирія невозможенъ, и что сначала необходимо заключить перемиріе, по которому должны быть прекращены военныя дѣйствія, а затѣмъ уже приступить къ переговорамъ о мирѣ. Главнокомандующій предлагалъ прекратить военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ, и до заключенія мира всѣ области, занятыя русскими войсками, оставить въ вѣдѣніи Россіи, съ тѣмъ, чтобы персидскія войска не переходили на лѣвый берегъ рѣки Аракса. Перемиріе должно быть подписано главнокомандующимъ, вмѣстѣ съ Аббасъ-Мирзою, и размѣнено на границѣ между Гумри и Эриванью [2]).

Персіяне не отвѣчали на предложенныя условія, и по всему видно было, что хотѣли выиграть время. Не теряя надежды на содѣйствіе турокъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, ожидали увѣдомленія отъ посланнаго въ Парижъ мирзы Юсуфъ-бека, и надѣялись, что Наполеонъ исполнитъ тѣ чрезвычайныя обѣщанія, которыя были имъ даны Персіи. Ожиданія тегеранскаго двора не осуществились. Подписанный 25-го іюня 1807 года тильзитскій миръ прекратилъ вражду Россіи и Франціи, измѣнилъ отношенія Наполеона къ Персіи, и страна эта на нѣкоторое время была предоставлена собственнымъ средствамъ.

---

[1]) Гудовичъ Будбергу, отъ 16-го іюля 1807 г., № 178. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—10, 1806—14, № 3.

[2]) Письмо графа Гудовича мирзѣ Безюрку 7-го іюня, № 177.

По тильзитскому миру, Наполеонъ, между прочимъ, принялъ на себя посредничество въ примиреніи Россіи съ Портою. Въ числѣ статей договора, относившихся къ Россіи и Турціи, постановлено было немедленно прекратить военныя дѣйствія на сушѣ и на морѣ между русскими и турецкими войсками во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено будетъ офиціальное извѣстіе о подписаніи настоящаго (тильзитскаго) трактата [1]). Отправивъ курьера въ Константинополь, Наполеонъ, въ то же время, предложилъ великому визирю остановить военныя дѣйствія, до полученія распоряженій Порты. Императоръ Александръ повелѣлъ графу Гудовичу сдѣлать то же самое, и сообщить о томъ Юсуфу-пашѣ [2]). Послѣ взаимныхъ переговоровъ главнокомандующаго съ сераскиромъ, въ селеніи Узумъ-Килиши, 2-го сентября, было заключено перемиріе уполномоченными: со стороны Россіи генералъ-маіоромъ Титовымъ, а со стороны Турціи эрзерумскимъ двухбунчужнымъ Али-пашою [3]). По заключеннымъ условіямъ положено: не приступать обѣимъ сторонамъ не только къ непріятельскимъ дѣйствіямъ, но и къ хищничествамъ; войска обѣихъ сторонъ должны оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся: русскіе — не переходить рѣчки Арпачая, а турки—на правый берегъ рѣки Карса. Жителямъ Карскаго пашалыка предоставлено право оставаться въ своихъ селеніяхъ безъ «всякаго помѣшательства и обидъ», но переѣзжать границы обѣихъ державъ не иначе, какъ съ билетами пограничныхъ начальниковъ. Жалобы и претензіи постановлено разбирать на границахъ уполномоченными, и ранѣе трехъ недѣль, со дня объявленія, обѣ стороны не имѣли права возобновлять военныхъ дѣйствій.

Перемиріе съ турками прекратило открытую вражду между двумя воюющими державами; но не уничтожило тѣхъ тайныхъ интригъ и постоянно враждебныхъ стремленій, которыя употребляла Порта къ возстановленію противъ Россіи не только мусульманъ, но и христіанскаго населенія вновь покоренныхъ областей.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXIX, № 22584.

[2]) Отношеніе барона Будберга графу Гудовичу 30-го іюня 1807 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1806—15, № 3.

[3]) Всеподд. донесеніе графа Гудовича 8-го сентября 1807 г. Тамъ же, 1—13, 1806—8, № 9.

Вскорѣ послѣ заключенія перемирія, изъ Ахалцыха былъ пущенъ слухъ, что, въ силу состоявшихся соглашеній, Имеретія будетъ уступлена Портѣ Оттоманской. Слухъ этотъ сначала озадачилъ царя Соломона, и онъ—по характеру ребенокъ—не зналъ, что ему дѣлать: радоваться или печалиться?

«Со всѣхъ сторонъ явно и гласно слышимъ»,—писалъ онъ генералу Рыкгофу [1]),—«что будто бы всемилостивѣйшій Государь помирился съ султаномъ и мы остались за послѣднимъ; самъ капучиларъ-кехья ахалцыхскаго паши писалъ о томъ къ нашему князю Джиджавадзе. Вы изволите знать, что капучиларъ-кехья первое лицо при пашѣ, и онъ можетъ знать всякое дѣло; онъ утвердительно пишетъ, что мы предоставлены султану».

Поджигаемый окружающею толпою приближенныхъ и не имѣя личныхъ убѣжденій, Соломонъ считалъ переходъ Имеретіи подъ власть Турціи дѣломъ рѣшенымъ. Онъ объявилъ, что признаетъ себя уволеннымъ отъ подданства Россіи, и хотя графъ Гудовичъ старался увѣрить его, что Россія, сохранивъ превосходство оружія надъ турками, не имѣетъ надобности дѣлать какія бы то ни было уступки; что о мирѣ съ турками нѣтъ еще и рѣчи, а заключено одно только перемиріе или условіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій, но Соломонъ оставался при своемъ и не вѣрилъ доводамъ главнокомандующаго. Убѣжденный, что Имеретія поступаетъ подъ власть султана, царь поддерживалъ постоянныя сношенія съ Ахалцыхомъ и вѣрилъ безусловно всѣмъ слухамъ, оттуда исходившимъ.

«Сегодня, 28-го числа»,—писалъ онъ Рыкгофу [2]),—«явился къ намъ изъ Ахалцыха татаринъ, одинъ изъ лучшихъ подданныхъ Селима-паши, въ качествѣ посланца и вѣстника, доставивъ письма паши. По письмамъ видно и изустно онъ объявилъ, что при заключеніи мира (?) мы достались султану, равно и Крымъ; въ Крымъ султанъ уже назначилъ хана. Самъ паша пишетъ, что послы русскаго Императора, французскаго императора и англійскаго царя прибыли къ сераскиру (Юсуфу-пашѣ) съ тѣмъ, чтобы, какія русскія войска ни находятся въ Ганжѣ, или въ Шушѣ

[1]) Отъ 17-го сентября 1807 года.
[2]) Отъ 28-го сентября 1807 года.

или въ Тифлисѣ, въ Имеретіи или въ Кулеви, всѣ собрать вмѣстѣ и изъ Дербента отправить въ Россію».

Мечтая о независимости, Соломонъ охотно вѣрилъ всему, что могло осуществить его желаніе, и слухи самые нелѣпые казались ему достовѣрными. Письмо ахалцыхскаго паши было для него важнымъ извѣстіемъ и неопровержимымъ доказательствомъ. Будучи самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ Грузіи и злѣйшимъ врагомъ Россіи, Селимъ-паша постоянно возстановлялъ имеретинскаго царя и, не признавая перемирія, заключеннаго между Россіею и Портою, содержалъ у себя лезгинъ, дозволяя имъ дѣлать набѣги въ Карталинію. Поддерживая открытыя и тайныя сношенія съ Соломономъ и обѣщаясь содѣйствовать изгнанію русскихъ, Селимъ подвинулъ свои войска къ предѣламъ имеретинскаго царства. Остановившись въ урочищѣ Тавли-викѣ, турки заняли всѣ дороги, съ цѣлью не пропускать никого въ Имеретію, за исключеніемъ католика Давида, служившаго посредникомъ въ переговорахъ царя съ ахалцыхскимъ пашою. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Соломонъ, приказавъ князьямъ и дворянамъ готовить войска, требовалъ вывода русскихъ изъ Кутаиса.

—Тысячу разъ мы объявляли, — говорилъ онъ генералу Рыкгофу, — что нѣтъ нашей воли, чтобы войско стояло въ Кутаисѣ, или хоть одинъ солдатъ тамъ былъ. Если не выведете его изъ Кутаиса, то мы не въ силахъ служить вамъ.

Соломону было объявлено, что русскія войска необходимы въ Имеретіи и содержатся тамъ для охраненія особы царя и его собственной безопасности.

—Нѣтъ, г. генералъ-аншефъ, — отвѣчалъ Соломонъ, — они стоятъ не для охраненія моей особы, а для разоренія до основанія дома моего. Усердная моя просьба есть та, чтобы изъ Кутаиса вывесть войска, дабы противъ воли нашей ничего противнаго не произошло, а ежели отъ отеческаго вашего о насъ благопопеченія не получимъ удовлетворяющаго мысль нашу отвѣта то воля ваша [1]).

---

[1]) Письмо Соломона графу Гудовичу, 24-го ноября 1807 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1803—11, № 4.

Графъ Гудовичъ писалъ царю, что войска ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выведены изъ Кутаиса, и одинъ баталіонъ долженъ непремѣнно оставаться въ городѣ [1]). Генералу Рыкгофу приказано соблюдать всю военную осторожность и не выпускать изъ вида поступковъ Соломона, стараясь разузнавать о тѣхъ связяхъ и сношеніяхъ, которыя онъ будетъ поддерживать съ пашою ахалцыхскимъ. Сношенія эти хотя и затихли временно, но имеретинскій царь не перемѣнилъ своего поведенія. Онъ удалилъ преданнаго намъ салтхуцеса князя Зураба Церетели, назначилъ вмѣсто него князя Растома Нижерадзе и окружилъ себя лицами, непріязненными Россіи, старавшимися возстановить его противъ обязанностей вѣрноподданнаго. Собственно говоря, и князь Зурабъ Церетели былъ преданъ намъ не изъ чистаго желанія пользы своему отечеству, а потому, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, считалъ это болѣе выгоднымъ и сознавалъ, что борьба съ столь могущественнымъ противникомъ, какимъ была Россія, невозможна. Побывавъ въ Петербургѣ, въ званіи имеретинскаго посла, князь Зурабъ Церетели былъ, можно сказать, единственнымъ человѣкомъ въ Имеретіи, который зналъ, что такое Россія; царь же Соломонъ и его приближенные не имѣли о ней ни малѣйшаго понятія. Считая себя достаточно сильнымъ, чтобы бороться съ такимъ противникомъ, и надѣясь на помощь ахалцыхскаго паши, Соломонъ прекратилъ сношенія съ русскими властями; рѣдко отвѣчалъ на письма главнокомандующаго, а если отвѣчалъ, то весьма рѣзко и въ каждомъ письмѣ непремѣнно прибавлялъ требованіе о выводѣ войскъ изъ Кутаиса. Все это не подавало никакой надежды, чтобы царь обратился къ своимъ обязанностямъ и чтобы можно было когда-нибудь имѣть въ немъ надежнаго вассала. «Къ тому же», — писалъ графъ Гудовичъ [2]), — «такое малое царство, не составляющее княжества, кажется, недостойно называться царствомъ и царь царемъ, живущій по образу черкесъ. Для спокойствія и безопасности того края, также и войскъ, въ ономъ расположенныхъ, я надежнѣйшимъ средствомъ признаю, чтобы царя Соломона вовсе

[1]) Письмо графа Гудовича Соломону, 28-го ноября 1807 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—10, 1803—11, № 4.

[2]) Графу Румянцову, 4-го декабря. Акты Кав. Арх. Ком., т. III, № 270,

удалить отъ управленія Имеретіею, какъ скоро удобный случай представитъ».

Послѣднее убѣжденіе въ необходимости удаленія Соломона раздѣлялъ и князь Зурабъ Церетели, человѣкъ самолюбивый и недовольный своимъ удаленіемъ. Уѣхавъ въ свою деревню, онъ, повидимому, не принималъ никакого участія въ совершающихся событіяхъ. Изрѣдка появляясь въ Кутаисѣ, Церетели посѣщалъ царя и, стараясь держать себя какъ человѣкъ посторонній, зорко слѣдилъ за происшествіями. Въ началѣ 1808 года онъ просилъ прислать къ нему кого-нибудь для важныхъ сообщеній, но подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ. Подъ видомъ объясненія о нуждахъ баталіона, стоявшаго въ Кутаисѣ, полковникъ Тарасовъ отправилъ къ нему Бѣлевскаго полка маіора Моизо [1]), а генералъ-маіоръ Рыкгофъ послалъ изъ Редутъ-кале подпоручика Адильбея. Князь Зурабъ Церетели объявилъ посланнымъ, что Соломонъ имѣетъ намѣреніе, при помощи лезгинъ, выгнать русскихъ изъ Кутаиса; что лезгины собраны и расположены на имеретинской границѣ, въ мѣстечкѣ Ачарахъ, и получаютъ жалованье отъ царя, а провіантъ отъ паши ахалцыхскаго. Собирая съ подданныхъ деньги на содержаніе лезгинъ и собственныхъ незначительныхъ ополченій, имеретинскій царь старался прервать сообщеніе Кутаиса съ Грузіею и Редутъ-кале. При личномъ свиданіи съ Рыкгофомъ, князь Зурабъ, подтверждая справедливость своихъ словъ, говорилъ, что знаетъ многое, но, завися отъ царя, не можетъ быть вполнѣ откровененъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпеченъ въ своей безопасности. Салтхуцесъ намекнулъ при этомъ, что если царь не измѣнитъ своего поведенія, то чтобы успокоить Имеретію, ему, князю Церетели, остается одно средство — возложить на себя правленіе и удалить Соломона. «Принимаясь за таковую важную исполнительность», — писалъ генералъ Рыкгофъ [2]), — «въ успѣхахъ своихъ не сомнѣвается, но проситъ, между про-

---

[1]) Рапортъ полковника Тарасова генералу Рыкгофу 8-го января 1808 года. № 2.

[2]) Графу Гудовичу, отъ 18-го января 1808 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. III, № 275.

чимъ, объ оказаніи ему пособій въ нужномъ случаѣ снабдить его воинскимъ карауломъ».

Такое предложеніе не согласовалось съ видами главнокомандующаго, горькимъ опытомъ убѣдившагося, что замѣна законной власти пришельцами и людьми, не имѣвшими на то никакого права, не служила обезпеченіемъ спокойствія въ краѣ. Къ тому же графъ Гудовичъ, при тогдашнемъ своемъ положеніи, не могъ приступить къ удаленію Соломона, такъ какъ не имѣлъ возможности отдѣлить ни малѣйшей части войскъ для усмиренія внутреннихъ волненій, неизбѣжныхъ въ Имеретіи съ перемѣною правительства. Какъ ни безхарактеренъ былъ Соломонъ, какъ ни тяготились имеретины его правленіемъ, царь все-таки имѣлъ многихъ приверженцевъ, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ, могли возстановить часть населенія противъ русскаго правительства. Неустановившіяся еще окончательно мирныя отношенія наши къ Турціи и Персіи и возможность одновременной борьбы съ двумя непріятелями заставляли графа Гудовича, прежде всего, принять мѣры къ обезпеченію границъ и къ сохраненію цѣлости владѣній. Блистательное окончаніе кампаніи 1807 года не давало никакого права быть увѣренными, что и въ будущемъ наши дѣйствія будутъ точно также успѣшны. Графъ Гудовичъ понималъ, что турки и персіяне, собравшись почти въ одномъ пунктѣ, сами значительно облегчили дѣйствія русскихъ войскъ; что пораженіемъ однихъ онъ успѣлъ устрашить другихъ и что, при незначительности силъ главнокомандующаго, въ этомъ сосредоточеніи и раздѣльности интересовъ двухъ непріятелей былъ залогъ нашего успѣха въ предъидущую кампанію.

Совсѣмъ другое могло произойти съ открытіемъ новыхъ военныхъ дѣйствій, если бы турки двинулись съ двухъ сторонъ: отъ Карса и Ахалцыха, а персіяне, переправившись, въ то же время, черезъ Араксъ, вторгнулись въ Карабагъ или Елисаветпольскій округъ. Въ такомъ случаѣ, положеніе главнокомандующаго становилось весьма тяжелымъ и въ особенности тогда, когда въ полкахъ, расположенныхъ на линіи и въ Закавказьѣ, былъ огромный некомплектъ, простиравшійся до 7,887 человѣкъ [1]). Попол-

[1]) Въ ноябрѣ 1807 года недоставало въ войскахъ *19-й дивизіи:* въ дра-

нить этотъ некомплектъ можно было или назначеніемъ рекрутъ, или командированіемъ изъ Россіи новыхъ полковъ. Имѣя въ виду, что рекруты успѣютъ придти не ранѣе мая слѣдующаго года, т. е. позже чѣмъ можетъ открыться кампанія, и что они, какъ необученные, будутъ почти безполезны, графъ Гудовичъ просилъ прислать на усиленіе его арміи два пѣхотныхъ полка съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли придти къ марту мѣсяцу. Независимо отъ этого, онъ просилъ разрѣшить ему взять съ Кавказской линіи одинъ драгунскій полкъ, а на его мѣсто прислать изъ числа полковъ, расположенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и, наконецъ, приказать командировать въ Грузію одинъ казачій полкъ.

Предоставивъ переводъ драгунскаго полка съ линіи въ Грузію усмотрѣнію самого главнокомандующаго, Императоръ не призналъ возможнымъ усилить кавказскую армію отправленіемъ новыхъ полковъ изъ Россіи. «Самое большое препятствіе», писалъ Государь [1]), «къ удовлетворенію одного изъ требованій вашихъ есть невозможность прибавить войскъ регулярныхъ. Вамъ отчасти извѣстно теперешнее положеніе дѣлъ въ Европѣ и осторожность, съ которою хранить должно границы и берега наши. Сіе обстоятельство потребовало расположить арміи въ Финляндіи, по берегамъ морей Балтійскаго, Бѣлаго и Чернаго и въ западныхъ губерніяхъ, да не малую часть войскъ держать въ Молдавіи, подъ командою генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, такъ что около Москвы и въ губерніяхъ внутри государства не осталось ни пѣхоты, ни кавалеріи, выключая нѣкоторыхъ гарнизоновъ. Вы сами согласи-

---

гунскихъ полкахъ: Владимірскомъ 68 человѣкъ, Таганрогскомъ 91, Нижегородскомъ 99 и Борисоглѣбскомъ 42; въ мушкетерскихъ полкахъ: Казанскомъ 524, Суздальскомъ 226, Вологодскомъ 442, 16-мъ егерскомъ 178; въ гарнизонныхъ полкахъ: Астраханскомъ 733, Кизлярскомъ 504, Владикавказскомъ 823 и Моздокскомъ 299 человѣкъ. Въ *20-й дивизіи:* въ Нарвскомъ драгунскомъ 87, Херсонскомъ гренадерскомъ 321, Кавказскомъ гренадерскомъ 331, Кабардинскомъ мушкетерскомъ 440, Троицкомъ 471, Тифлисскомъ 440, Севастопольскомъ 333, Саратовскомъ 324, Бѣлевскомъ 442, 9-мъ егерскомъ 262, 15-мъ егерскомъ 316 и 17-мъ егерскомъ 191. Всего 7,887 человѣкъ.

[1]) Графу Гудовичу, въ рескриптѣ отъ 14-го декабря 1807 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, 1—13, 1806—1808 года, № 9.

тесь, что такое расположеніе не даетъ способа отдѣлить полки, наипаче въ край столь отдаленный, какова линія Кавказская. Желая, однако же, усилить войска вашего начальства и сколь возможно преодолѣть затрудненія, хотя съ нѣкоторыми пожертвованіями, я призналъ за благо назначить такое число ратниковъ милиціонныхъ, сколько составляетъ некомплектъ войскъ и количество требуемыхъ вами въ прибавку четырехъ полковъ пѣхотныхъ и одного драгунскаго».

Невозможность подкрѣпить закавказскія войска свѣжими полками заставляла главнокомандующаго устройство имеретинскихъ дѣлъ отложить до болѣе удобнаго времени. Признавая возможнымъ отправить на усиленіе войскъ въ Кутаисѣ только одинъ баталіонъ 9-го егерскаго полка, графъ Гудовичъ просилъ Соломона не впускать въ Имеретію лезгинъ, и быть увѣреннымъ, что сношенія его съ ахалцыхскимъ пашою, кромѣ вреда, ничего хорошаго принести ему не могутъ. Генералу Рыкгофу главнокомандующій поручилъ слѣдить за поведеніемъ царя и, лаская князя Зураба Церетели, обратить вниманіе на лучшее укрѣпленіе Редутъ-кале [1]).

Движеніе баталіона 9-го егерскаго полка испугало царя имеретинскаго. Полагая, что войска посланы въ Имеретію съ тѣмъ, чтобы лишить его царства, Соломонъ снова прикинулся преданнымъ Россіи, вызвалъ къ себѣ князя Зураба Церетели и отправилъ его съ объявленіемъ, что, оставляя свое недовѣріе, царь обѣщаетъ быть вѣрнымъ подданнымъ и оказывать всѣ возможныя пособія русскимъ войскамъ.

Пріѣхавъ въ Кутаисъ, князь Зурабъ Церетели объявилъ полковнику Тарасову, что Соломонъ раскаивается въ своихъ поступкахъ и въ доказательство своей вѣрности готовъ выдать аманатовъ отъ всѣхъ княжескихъ фамилій [2]); но когда аманаты были потребованы, то царь отвѣчалъ, что пришлетъ ихъ въ томъ только случаѣ, если будутъ удовлетворены всѣ его претензіи, будутъ заключены съ нимъ новыя и болѣе выгодныя для него усло-

[1]) Предписаніе графа Гудовича генералу Рыкгофу, 30-го января, № 11.
[2]) Предписаніе графа Гудовича генералу Рыкгофу 4-го февраля 1808 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 282.

вія подданства и, наконецъ, когда Лечгумъ будетъ переданъ въ его управленіе. Соломонъ писалъ, что намѣренъ отправить четырехъ князей къ графу Гудовичу съ просьбою объ удовлетвореніи его всѣми обѣщаніями, данными покойнымъ княземъ Циціановымъ [1]). Главнокомандующій отклонилъ это намѣреніе и находилъ, что дальнѣйшее потворство всѣмъ претензіямъ и, въ особенности, безграничному своеволію царя имеретинскаго было бы несообразно съ достоинствомъ русскаго правительства. Императоръ Александръ раздѣлялъ это убѣжденіе и, не смотря на затруднительное положеніе, въ которомъ находился графъ Гудовичъ относительно назначенія и распредѣленія войскъ, повелѣлъ ему устранить царя Соломона отъ управленія Имеретіею и со всѣмъ семействомъ и царевичемъ Константиномъ выслать на жительство въ Россію. При этомъ приказано объявить царю, что онъ получитъ такое же содержаніе, какое получаютъ грузинскіе царевичи, его родственники.

Въ Имеретіи предполагалось составить совѣщательное управленіе изъ преданнѣйшихъ намъ имеретинскихъ князей и придать къ нимъ одного русскаго чиновника или штабъ-офицера, изъ числа находившихся тамъ съ войсками. Правленіе это, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ главнокомандующаго, должно было именоваться «*Временнымъ правленіемъ Имеретинской области*» [2]).

Приступая къ столь крутой мѣрѣ, Государь поручалъ успокоить имеретинъ и увѣрить ихъ, что съ перемѣною правленія каждый не только останется при прежнихъ своихъ правахъ и преимуществахъ, но имѣетъ право ожидать большихъ выгодъ, если сохранитъ вѣрность Россіи. Въ поощреніе же туземнаго населенія и въ примѣръ ему, преданный намъ князь Зурабъ Церетели былъ произведенъ въ полковники съ жалованьемъ по 1,200 руб. въ годъ. Сообщая о такой милости Императора, графъ Гудовичъ поручилъ Рыкгофу, чтобы онъ «съ тонкимъ искусствомъ и самымъ непримѣтнымъ образомъ» вывѣдалъ, какого мнѣнія князь

---

[1]) Рап. Рыкгофа графу Гудовичу, 8-го марта, № 51. Ак. К. А. К. т. III № 289.

[2]) Рескриптъ графу Гудовичу отъ 10-го февраля 1808 г. Тамъ же, № 286.

Зурабъ Церетели относительно перемѣны правленія въ Имеретіи, и навелъ его на ту мысль, что въ такомъ случаѣ онъ могъ бы занять первое мѣсто въ совѣтѣ.

Это послѣднее предложеніе было далеко не по вкусу Зурабу. Предлагая самъ устранить Соломона, онъ разсчитывалъ принять правленіе на себя, быть первымъ лицомъ, управлять страною самостоятельно и независимо. Князь Церетели хотѣлъ замѣнить царя, а не быть на ряду съ другими князьями и состоять только членомъ совѣта, ограниченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ.

Сознавая невозможность удовлетворить своимъ честолюбивымъ видамъ, князь Зурабъ предпочелъ видѣть Имеретію въ томъ же положеніи, въ какомъ она была. Онъ готовъ былъ теперь употребить всѣ средства къ тому, чтобы отдалить, по возможности, перемѣну правленія въ Имеретіи, и, недавній противникъ, замышлявшій противъ особы царя, онъ повелъ дѣла такъ, что скорѣе являлся сторонникомъ Соломона, чѣмъ нашимъ. Удалившись въ свое помѣстье, Зурабъ не высказывалъ окончательнаго мнѣнія относительно будущаго устройства дѣлъ своего отечества, и отправленный къ нему, съ рескриптомъ Императора, адъютантъ Кононенко не узналъ дѣйствительныхъ намѣреній Церетели. Принявъ посланнаго весьма ласково, князь Зурабъ нѣсколько разъ поцѣловалъ рескриптъ и просилъ только, чтобы русскія войска были поставлены въ его имѣніи и на турецкой границѣ, вблизи которой поселился и царь имеретинскій.

Удалившись въ селеніе Мухакруа, находившееся недалеко отъ границъ съ ахалцыхскимъ пашалыкомъ, Соломонъ снова просилъ графа Гудовича вывести войска изъ Кутаиса и очистить его дворецъ, занятый солдатами. Главнокомандующій отвѣчалъ, что войскъ вывести не можетъ, потому что они необходимы для защиты Имеретіи со стороны Ахалцыха, а дворецъ давно уже очищенъ. «Я это слышу съ удивленіемъ», писалъ Соломонъ [1]), «ибо когда дворца уже не существуетъ, что очищено? Много разъ я вамъ письменно заявлялъ, что мой царскій кутаисскій дворецъ ваше войско разрушило до основанія и оно держало въ немъ на-

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го іюня 1808 г.

ложницъ изъ служанокъ, отнятыхъ у князей. Говорятъ, что въ Кутаисѣ войско стоитъ для охраненія города отъ опасности со стороны Ахалцыха. Но, во-первыхъ, ни зимою, ни лѣтомъ нѣтъ дороги отряду изъ Ахалцыха на Кутаисъ и не можетъ быть; непріятель можетъ угрожать имеретинскимъ деревнямъ развѣ только по карталинской дорогѣ, со стороны Сурама. Во-вторыхъ, въ мое царствованіе еще не было нашей землѣ никакого изъяна отъ татаръ, да мы ихъ и не боимся. Пишете вы, чтобы я представилъ аманатовъ; если у меня было въ мысли или на словахъ представленіе аманатовъ, то вы или генералъ Рыкгофъ должны имѣть о томъ мое письмо».

Отказавшись отъ даннаго обѣщанія прислать аманатовъ, Соломонъ переѣхалъ въ Вардцихъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ турецкимъ посланнымъ. О результатахъ переговоровъ говорили разно: одни утверждали, что Соломонъ самъ просилъ помощи турокъ и обѣщалъ поступить въ подданство султана; другіе — что паша ахалцыхскій писалъ царю, что если онъ желаетъ быть подъ покровительствомъ Турціи, а не Россіи, то дозволилъ бы прибыть турецкимъ войскамъ. Разсказывали, что посланный паши передалъ царю въ подарокъ лошадь съ серебрянымъ уборомъ и объявилъ, что султанъ, по обычаю, приготовилъ уже ему саблю, шубу и фирманъ [1]).

На запросъ Рыкгофа Соломонъ не отвергалъ того, что паша присылалъ къ нему посланнаго съ объявленіемъ, что на имя царя прислана отъ султана большая казна и милостивый фирманъ, которые приказано передать по назначенію въ томъ случаѣ, если царь выскажетъ желаніе вступить въ подданство Турціи. Соломонъ увѣрялъ, что онъ отказался нарушить присягу, хотя русское правительство недостаточно цѣнитъ его приверженность. «Мы ожидали счастья», писалъ онъ Рыкгофу [2]), «а вы вмѣсто того унизили наше царство; мы пребываемъ въ нестерпимой горести. Со стороны Россіи мы сдѣлались столь безнадежными на счетъ всякой милости и счастья, что уже столько времени ходатайствуемъ о

[1]) Рапортъ Рыкгофа графу Гудовичу, отъ 26-го августа 1808 г., № 160.
[2]) Отъ 30-го августа 1808 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 304.

неоставленіи въ нашемъ престольномъ городѣ Кутаисѣ войска и о предоставленіи намъ нашего дворца, но когда и эта просьба не исполнена, то какъ мы можемъ питать надежду на другую милость и счастье. Будучи такъ оставлены и довѣряясь собственно вамъ, мы теряемъ счастье со всѣхъ другихъ сторонъ; вы и словомъ, и письмомъ, и клятвою обѣщаете намъ счастье, а на дѣлѣ мы видимъ противное: земли нашего владѣнія, Лечгумъ и крѣпости отъ насъ отобрали и отдали Дадіани; Кутаиса и дворца не уступаете намъ, и столько уже лѣтъ мы терпимъ съ нашею фамиліей, зимою и лѣтомъ, пребываніе въ другихъ мѣстахъ и селахъ. Какое еще можетъ быть униженіе свыше этого?»

Рыкгофъ отвѣчалъ Соломону, что дворецъ въ Кутаисѣ давно очищенъ; что онъ разоренъ его же собственными людьми: что войска расположены въ городѣ по обывательскимъ квартирамъ и вывести ихъ невозможно. Онъ просилъ царя вспомнить, что, находясь въ подданствѣ султана, онъ долженъ былъ платить дань, тогда какъ русскій Императоръ ея не требуетъ. Рыкгофъ высказывалъ сожалѣніе, что царь не хочетъ пріѣхать въ Кутаисъ, а скитается по разнымъ деревнямъ. «Если бы вы», писалъ онъ [1]), «все то оставя, имѣли пребываніе свое во дворцѣ, конечно, всегда бы были спокойны; но, вмѣсто того, слушаете недѣльныхъ и недостойныхъ вѣроятія слуховъ, яко бы намѣренія наши есть о поимкѣ вашего высочества, чего и въ помышленіи нельзя имѣть. А посему-то видно вы и изволили сказать въ нѣкоторое время на мое письмо, что гдѣ только россійскія войска есть, то тамъ уже вы не можете быть».

Соломонъ не слушалъ совѣтовъ, не ѣхалъ въ Кутаисъ, а собиралъ войска и волновалъ народъ. Окруженный большою свитою, онъ жилъ въ трудно-доступныхъ мѣстахъ, имѣлъ своихъ агентовъ въ Грузіи, и при первомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ войскъ переѣзжалъ на другое мѣсто. Переѣзды эти и поборы, связанные съ обычаемъ жить на счетъ подвластныхъ, были тяжелы для подданныхъ, и въ Имеретіи образовались двѣ партіи: одна—сторонниковъ царя, а другая—изъ лицъ, желавшихъ пользы оте-

[1]) Акты Кав. Арх. Ком., т. Ш, № 306.

честву, искавшихъ мира и покоя. Интриги и борьба двухъ лагерей вели къ доносамъ, ябедамъ и наговорамъ. По одному слову своихъ любимцевъ царь удалялъ отъ себя близкихъ лицъ и замѣнялъ ихъ новыми, преслѣдовалъ тѣхъ, которые казались ему недостаточно преданными, отнималъ имѣнія и отдавалъ ихъ тѣмъ, которыхъ считалъ въ ту минуту своими сторонниками.

Такой образъ дѣйствій усилилъ раздоры, развилъ личную вражду, и Имеретіи грозила междоусобная война, предупредить которую можно было только кореннымъ преобразованіемъ всей системы управленія. Сознавая всю необходимость удаленія Соломона и имѣя на то повелѣніе Императора, графъ Гудовичъ все-таки принужденъ былъ отложить устройство имеретинскихъ дѣлъ до болѣе удобнаго времени. Царь не согласился бы оставить добровольно свое отечество, а употребить противъ него силу было невозможно, въ виду все еще не установившихся нашихъ отношеній къ Турціи и враждебнаго положенія, въ которое становилось персидское правительство.

X.

Французское посольство въ Персіи.—Возобновленіе переговоровъ о мирѣ.—Письмо графа Гудовича Аббасъ-Мирзѣ и отвѣтъ на него.—Движеніе графа Гудовича къ Эривани, а генерала Несвѣтаева къ Нахичевани.—Обложеніе Эриванской крѣпости.—Занятіе предмѣстія.—Прокламація графа Гудовича жителямъ.—Занятіе Нахичевани.—Прибытіе въ русскій лагерь секретаря французскаго посольства.—Штурмъ Эривани.—Отступленіе.—Просьба графа Гудовича объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго и назначеніе на его мѣсто генерала Тормасова.

Въ сентябрѣ 1807 года прибылъ въ Эрзерумъ генералъ Гарданъ, назначенный Наполеономъ посланникомъ въ Персію. Юсуфъ-паша принялъ его съ большими почестями и устроилъ великолѣпную встрѣчу. Гарданъ поднесъ сераскиру богатоотдѣланную шкатулку съ червонцами и дорогими вещами, а взамѣнъ того, былъ отдаренъ турецкими жеребцами въ золотыхъ уборахъ.

Изъ Эрзерума Гарданъ отправился въ Тавризъ, въ сопровожденіи большаго числа офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, отправлен-

ныхъ Наполеономъ для обученія персидскихъ войскъ европейскому строю. Посольство Гардана имѣло цѣлью заключить тѣснѣйшій союзъ съ Персіею. Наполеонъ обѣщалъ Баба-хану быть посредникомъ и прислать даже въ Тифлисъ своего уполномоченнаго, для содѣйствія скорѣйшему заключенію мира съ Россіею.

Французскій посолъ нашелъ Персію въ самомъ разстроенномъ состояніи: англичане сдѣлали высадку на берега Персидскаго залива и, соединившись съ багдадскимъ пашою, открыли дѣйствія противъ персіянъ. Для защиты приморскихъ береговъ Шираза, персидское правительство не могло отправить болѣе 4,000 человѣкъ, такъ какъ остальныя войска были необходимы для усмиренія внутреннихъ волненій. Находившійся въ Хорасанѣ старшій сынъ Баба-хана, будучи недоволенъ тѣмъ, что отецъ утвердилъ наслѣдникомъ престола Аббасъ-Мирзу—одного изъ младшихъ своихъ сыновей,—взволновалъ народъ и сталъ во главѣ возстанія. Разглашая всюду, что Баба-ханъ нарушаетъ священные законы, издревле чтимые персіянами, онъ требовалъ, чтобы отецъ призналъ его наслѣдникомъ престола, и угрожалъ, въ противномъ случаѣ, отстаивать свои права силою [1]).

Озабоченный внутренними волненіями, тегеранскій дворъ затягивалъ мирные переговоры съ тѣмъ, чтобы, пользуясь временемъ, привести дѣла свои въ порядокъ, а между тѣмъ, наступала весна и приближалось время, удобное для наѣздовъ персидской конницы. Посланные персидскаго правительства явились уже среди лезгинъ и въ мусульманскихъ провинціяхъ, съ приглашеніемъ поднять оружіе противъ русскихъ. Бакинцы — почти всѣ тайные сторонники Персіи — подъ видомъ торговли, развозили воззванія, а жители Сальянъ приготовляли лодки для переправы персіянъ черезъ рѣку Куру [2]).

Въ предупрежденіе возможнаго вторженія непріятеля въ наши границы графъ Гудовичъ вытребовалъ съ линіи Борисоглѣбскій драгунскій полкъ и расположилъ дѣйствующія войска лагеремъ въ трехъ главныхъ пунктахъ: у Саганлуга, въ двѣнадцати верстахъ

[1]) Рапортъ генерала Несвѣтаева графу Гудовичу, 5-го января 1808 г., № 35.
[2]) Рапортъ генерала Гурьева графу Гудовичу 10-го марта 1806 года. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 830.

отъ Тифлиса [1]); въ Карабагѣ, у разоренной крѣпости Берды [2]), и въ Памбакахъ, при селеніи Амамлахъ [3]), гдѣ соединялись дороги изъ Карса и Эривани. Сосредоточеніе русскихъ войскъ одинаково страшило какъ персіянъ, такъ и турокъ. Назначенный вмѣсто Юсуфъ-паши начальникомъ всѣхъ войскъ въ Азіятской Турціи, Османъ-паша не могъ скрыть своего безпокойства передъ русскимъ посланнымъ, доставившимъ ему письмо графа Гудовича.

— Почему Памбакская провинція усилена войсками? спрашивалъ онъ прибывшаго, и интересовался узнать, сколько войскъ въ Памбакахъ и Шурагели.

Персіяне смущались еще болѣе. Предполагая, что графъ Гудовичъ намѣренъ нечаяннымъ нападеніемъ овладѣть Эриванью, они укрѣпляли городъ на скорую руку: въ крѣпостные рвы впускали воду, заготовляли провіантъ и запретили вывозъ соли въ русскія владѣнія. Собравъ толпу вооруженныхъ и расположившись съ нею лагеремъ на Абаранѣ, Хусейнъ-ханъ эриванскій увѣрялъ, что сдѣлалъ это единственно для перемѣны воздуха, и распускалъ слухъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени прибудетъ къ нему на помощь 12,000 человѣкъ изъ отряда Аббасъ-Мирзы. Послѣдній отправилъ въ Тифлисъ своего посланнаго, подъ предлогомъ удовлетворенія требованій графа Гудовича за разграбленіе нѣкоторыхъ селеній въ Карабагскомъ владѣніи, но на самомъ дѣлѣ, чтобы опредѣлить окончательно тѣ условія, на которыхъ Россія желаетъ установить миръ съ Персіею и разузнать, нельзя ли разсчитывать на какую либо уступку въ требованіяхъ главнокомандующаго.

Воспользовавшись вновь высказаннымъ желаніемъ прекратить

---

[1]) У Саганлуга стояли лагеремъ: полки Херсонскій и Кавказскій гренадерскіе, каждый въ трехбаталіонномъ составѣ, 9-й и 15-й егерскіе — въ двухбаталіонномъ; четыре эскадрона Нарвскаго и пять эскадроновъ Борисоглѣбскаго драгунскихъ полковъ и казачьи полки: Донской Ребрикова и линейный, и 34 орудія.

[2]) Здѣсь находились: Троицкій мушкетерскій полкъ, шесть ротъ 17-го егерскаго и Донской Попова 16-го полкъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Небольсина.

[3]) При сел. Амамлахъ были расположены: Саратовскій мушкетерскій и Донской Агѣева 2-го полки, подъ начальствомъ генералъ-маіора Несвѣтаева, а послѣ смерти его, послѣдовавшей въ іюнѣ 1808 г., отрядъ этотъ поступилъ подъ начальство генералъ-маіора Портнягина.

вражду, графъ Гудовичъ задержалъ персидскаго посланнаго и отправилъ подполковника барона Вреде съ письмами къ Аббасъ-Мирзѣ, мирзѣ Безюрку и первому визирю Баба-хана, Мирза-Шефи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ писалъ и генералу Гардану, что какъ посолъ союзной съ Россіей державы, онъ, конечно, не станетъ дѣйствовать противъ интересовъ Россіи, разубѣдитъ тегеранскій дворъ въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя онъ основывалъ на прежнихъ обѣщаніяхъ Франціи, и дастъ почувствовать Баба-хану, что, при теперешнемъ союзѣ Россіи съ Франціею, обѣщанія эти не могутъ быть исполнены. Отъ персидскаго же правительства главнокомандующій требовалъ, чтобы оно дало окончательный отвѣтъ: желаетъ или нѣтъ заключить сначала перемиріе, а потомъ приступить къ переговорамъ о мирѣ.

Въ основаніе мирныхъ соглашеній, писалъ графъ Гудовичъ, должна быть положена уступка Россіи земель по рѣкамъ Курѣ, Араксу и Арпачаю, текущему отъ Шурагели и впадающему въ Араксъ. «Опытами всѣхъ вѣковъ дознано», прибавлялъ главнокомандующій, «что большія рѣки, Всевышнимъ Провидѣніемъ опредѣленныя быть чертою между великими державами, составляютъ вѣрнѣйшій способъ избѣгать пограничныхъ, хотя маловажныхъ распрей, но могущихъ, мало по малу, произвесть взаимное охлажденіе. Почему, въ семъ уваженіи, нельзя положить приличнѣйшихъ границъ между Россіею и Персіею, какъ рѣки Кура, Араксъ и Арпачай. Вотъ настоящее основаніе, на которомъ долженъ быть утвержденъ миръ, и оно составляетъ главное требованіе Россіи».

Предлагая прислать уполномоченныхъ для переговоровъ, русское правительство старалось убѣдить тегеранскій дворъ, что уступка, требуемая Россіею, не можетъ быть ни тягостною, ни унизительною для Персіи, потому что владѣнія, лежащія по лѣвую сторону рѣкъ Куры и Аракса, давно не состоятъ подъ властью Персіи, за исключеніемъ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, которыя въ совокупности приносятъ не болѣе 100,000 рублей годоваго дохода. Доходъ этотъ долженъ считаться ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣми расходами, которые употребляются персидскимъ правительствомъ на военныя потребности. Заключивъ миръ, Персія не будетъ нуждаться въ подобныхъ расходахъ и, сверхъ того,

пріобрѣтетъ многія выгоды. Она достигнетъ возстановленія упадшей торговли и признанія Баба-хана въ шахскомъ достоинствѣ; тегеранскій дворъ получитъ возможность поддерживать внутреннее спокойствіе страны и предупредить волненіе при перемѣнѣ правительства, въ случаѣ смерти Баба-хана и вступленія на престолъ его наслѣдника, Аббасъ-Мирзы.

«Утвержденіе власти родителя вашего въ Персіи», писалъ графъ Гудовичъ Аббасъ-Мирзѣ [1]), «сопряжено съ особыми для васъ преимуществами. Неоспоримо то, что личныя достоинства ваши, благоразуміе и опытность даютъ вамъ право на наслѣдство послѣ родителя вашего, но извѣстно, что есть еще ближайшій наслѣдникъ, по праву своего старшинства, который, при первомъ открывшемся ему удобномъ случаѣ, можетъ паче чаянія покуситься на отысканіе своего права къ наслѣдству. Когда же прочно утверждена будетъ власть вашего родителя въ Персіи, по возстановленіи мира съ Россіею, въ то время, при сильномъ подкрѣпленіи сей великой державы, поддержано можетъ быть и право ваше какъ законнаго наслѣдника послѣ родителя вашего....

«Нѣтъ ни одной державы, какъ изъ европейскихъ, такъ и азіятскихъ, которая бы въ отношеніяхъ дружественныхъ или непріязненныхъ могла бы имѣть большее вліяніе на Персію какъ Россія, по смежности своей съ персидскими владѣніями и по могуществу своему. Французская имперія, заключеннымъ миромъ со Всероссійскою имперіею, находится теперь съ нею въ тѣсномъ дружественномъ союзѣ, и потому всѣ дѣйствія ея не могутъ уже теперь идти во вредъ Россіи. Если со стороны французской имперіи, во время продолжавшейся войны съ Россіею, и были сдѣланы какія-либо обѣщанія Персіи, кои относились по тогдашнему времени ко вреду Россіи, то ваше высочество, какъ опытный и благоразумный мужъ, сами можете видѣть, что при теперешнемъ союзномъ и дружескомъ расположеніи обѣихъ сихъ великихъ державъ, обѣщанія такія не могутъ быть исполнены. Слѣдовательно, взявъ положеніе нынѣшнихъ владѣній великаго Государя Всероссійскаго въ краю здѣшнемъ, и разсмотрѣвъ положеніе другихъ

[1]) Отъ 25-го марта 1808 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 831.

европейскихъ державъ, нельзя не примѣтить, что Россія, во всѣхъ отношеніяхъ, должна имѣть важнѣйшее противу другихъ державъ вліяніе на Персію. Англичане, по запутанности дѣлъ своихъ, возстановивъ противъ себя почти всю Европу, въ теперешнемъ своемъ положеніи, кромѣ пышныхъ обѣщаній, кои ими никогда не могутъ быть исполнены, никакой пользы не принесутъ для Персіи. А турки, коихъ Персія, какъ уже всѣмъ извѣстно, почитала злѣйшими своими непріятелями, никогда не могутъ быть вѣрными ей союзниками. Итакъ, пріязненное или непріязненное расположеніе Россіи будетъ всегда наиболѣе чувствительно для Персіи».

Тегеранскій дворъ не раздѣлялъ этихъ убѣжденій и все еще надѣялся на содѣйствіе Наполеона.

Только что прибывшій въ Персію представитель Франціи велъ себя двулично и, при помощи интригъ, старался скорѣе поссорить, чѣмъ сблизить договаривающихся. Правда, съ прибытіемъ въ Тегеранъ подполковника Вреде, генералъ Гарданъ старался выставить себя сторонникомъ Россіи и человѣкомъ, искренно желающимъ, чтобы цѣль пріѣзда русскаго посланнаго увѣнчалась успѣхомъ. Гарданъ выхлопоталъ барону Вреде двѣ аудіенціи у Баба-хана, но эти хлопоты были имъ предприняты съ единственною дѣлью отвлечь вниманіе нашего правительства отъ дѣйствительныхъ его поступковъ и сѣтей, которыми Франція старалась опутать тегеранскій дворъ. Для выгодъ Франціи и имѣя обширные виды на Персію, тюльерійскій дворъ старался внушить, что при посредствѣ и содѣйствіи Наполеона Персія можетъ разсчитывать на уменьшеніе требованій Россіи и, при заключеніи мирныхъ условій, избѣжать территоріальной уступки. Поэтому, обѣ аудіенціи Вреде у Баба-хана не имѣли никакого значенія. Побранивъ князя Циціанова, которому приписывалъ причину и начало непріязненныхъ дѣйствій, Баба-Ханъ спросилъ Вреде, съ кѣмъ теперь воюетъ Россія?

— Побѣдоноснымъ оружіемъ Его Императорскаго Величества,— отвѣчалъ онъ,—покорена теперь вся шведская Финляндія.

— А каковы вы съ англичанами?

— Въ непріязни.

— Это хорошо, замѣтилъ властитель Персіи,—они и мои непріятели.

Этимъ и окончились аудіенціи [1]).

Тайно поддерживаемый Франціею и надѣясь на обѣщанія Наполеона, тегеранскій дворъ удерживался отъ окончательнаго заключенія мирныхъ условій, не соглашался ни на какую уступку, и графъ Гудовичъ получилъ отъ Аббасъ-Мирзы отвѣтъ, совершенно несоотвѣтствовавшій желанію русскаго правительства.

«Я получилъ письмо вашего сіятельства», писалъ наслѣдникъ персидскаго престола [2]), «черезъ вашего посланнаго, подполковника Вреде. Вы пишите, что рѣки Кура, Араксъ и Арпачай составляютъ прямую линію, созданную всевѣдущимъ Богомъ для опредѣленія границъ между двумя державами. Вашему сіятельству небезъизвѣстно, что многія воды въ окрестности Моздока составляли границу между Персіею и Россіею, и что онѣ также прямою линіей раздѣляли владѣнія двухъ державъ. Еще вы пишите, что Персія отъ оспариваемыхъ владѣній никакой пользы не извлекала, слѣдовательно, пожертвовать этими маловажными частями государства, имѣя въ виду важнѣйшую пользу отъ дружбы съ Россіей, не должно составлять большаго затрудненія. На это я отвѣчаю, что и Россія отъ оспариваемыхъ владѣній пользы не имѣетъ. Въ такомъ случаѣ, по здравому разсудку явствуетъ, что безполезнымъ владѣніямъ лучше быть въ рукахъ стараго владѣтеля, чѣмъ въ рукахъ похитителя...

«Вы, по своему мнѣнію, поставляете мнѣ на видъ, что Франція, вступившая теперь съ Россіею въ дружбу, не исполнитъ данныхъ намъ прежде обѣщаній, но это не можетъ служить урономъ нашего правительства, и это не обяжетъ насъ отказаться отъ покровительства нашимъ владѣніямъ и не выказывать энергіи и мужества въ этомъ отношеніи. Наше правительство, со дня заключенія дружбы съ Франціей, никогда не имѣло случая обвинить ее въ нарушеніи обѣта и убѣждено, что если Франція дѣйствительно была бы шатка въ своихъ обѣщаніяхъ, то Россія, от-

---

[1]) Отношеніе графа Гудовича графу Румянцеву отъ 6-го іюля 1808 г.
[2]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 832.

личающаяся дальновидностію и прозорливостью, не довѣрилась бы ея дружбѣ, послѣ столь продолжительной вражды. Въ этихъ мысляхъ, послѣ пріѣзда вашего посланнаго, барона Вреде, рѣшеніе всѣхъ вашихъ вопросовъ нашъ дворъ предоставилъ французскому правительству, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ нашему чрезвычайному посланнику, Аскеръ-хану, пребывающему во Франціи, чтобы онъ, по совѣту его величества императора французовъ, вступилъ въ переговоры съ графомъ Толстымъ, русскимъ министромъ въ Парижѣ, и заключилъ съ нимъ трактатъ дружбы Персіи, Франціи и Россіи».

Аббасъ-Мирза, по совѣту Гардана, предлагалъ заключить перемиріе на годъ, но графъ Гудовичъ не соглашался и требовалъ скорѣйшаго заключенія мира. Мирза-Шефи, визирь Баба-хана, писалъ, что миръ можетъ быть заключенъ, но не иначе какъ подъ условіемъ, чтобы каждая изъ двухъ державъ владѣла своимъ древнимъ достояніемъ. Самъ Гарданъ, отвѣчая на письмо графа Гудовича, увѣрялъ его, что употребляетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать угодное русскому правительству, но что труды его, въ этомъ отношеніи, парализуются крайнею подозрительностію и недовѣрчивостью персіянъ. По мнѣнію французскаго министра, самымъ лучшимъ средствомъ къ уничтоженію недовѣрчивости и недоразумѣній, было бы перенесеніе мирныхъ переговоровъ въ Парижъ. Искавшій главенства во всемъ, императоръ Наполеонъ желалъ принять опеку надъ Персіею и непосредственное участіе въ переговорахъ нашихъ съ этою державою, но русское правительство не могло допустить подобнаго вмѣшательства, и Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на предложеніе французскаго министра. «Сколько ни увѣренъ я въ дружественныхъ расположеніяхъ сего государя (Наполеона)», писалъ Императоръ графу Гудовичу [1]), «не могу согласиться на перенесеніе мирной негоціаціи въ Парижъ, по причинѣ отдаленія сего мѣста отъ персидскихъ границъ». Главнокомандующему поручено объявить тегеранскому двору, что удовлетвореніе его желаній послужитъ только еще къ болѣе медленному

[1]) Въ рескриптѣ отъ 31-го іюля 1808. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 857.

возстановленію мирныхъ отношеній, и потому не можетъ быть допущено русскимъ правительствомъ. Въ случаѣ упорства персіянъ и отказа прислать уполномоченныхъ, графу Гудовичу разрѣшено было дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и если признаетъ полезнымъ, то открыть военныя дѣйствія.

Отправивъ письма Аббасъ-Мирзѣ и министерству, съ объявленіемъ послѣдней воли Императора Александра, главнокомандующій требовалъ, чтобы уполномоченные съ обѣихъ сторонъ были назначены безотлагательно, и объявлялъ, что въ противномъ случаѣ будетъ считать мирныя сношенія наши съ тегеранскимъ дворомъ окончательно прерванными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы принудить персіянъ дать скорѣйшій и рѣшительный отвѣтъ, графъ Гудовичъ оставилъ лагерь у Саганлуга и перешелъ въ Памбаки, ближе къ персидскимъ границамъ.

Хотя извѣстіе о томъ, что Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на перенесеніе мирныхъ переговоровъ въ Парижъ, крайне опечалило тегеранскій дворъ, но, ободряемый французскимъ посольствомъ, Баба-ханъ, все-таки, не соглашался прислать полномочныхъ въ Тифлисъ. По обыкновенію, онъ не давалъ никакого отвѣта, и тогда графъ Гудовичъ рѣшился, перейдя границу, открыть одновременно военныя дѣйствія въ ханствахъ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ. Онъ приказалъ находившемуся въ Карабагѣ съ отрядомъ генералу Небольсину двинуться прямою дорогою къ Нахичевани и стараться овладѣть городомъ въ то время, когда самъ графъ Гудовичъ, съ главными силами, подойдетъ къ Эривани. Занятіе Нахичевани имѣло цѣлью лишить персіянъ возможности подать помощь Эривани.

Чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе относительно направленія дѣйствій, главнокомандующій запретилъ пропускать персидскіе караваны въ наши границы, приказалъ пріѣзжающихъ изъ Персіи курьеровъ останавливать на передовыхъ постахъ, такъ чтобы они не могли видѣть нашего лагеря, и препровождать ихъ въ главную квартиру только въ такомъ случаѣ, если бы присланъ былъ отъ Аббасъ-Мирзы самъ мирза Безюркъ или какой либо важный чиновникъ. Наступившая осень и отсутствіе подножнаго корма, какъ единственнаго средства продовольствія, лишали персіянъ воз-

можности собрать значительное число войскъ, состоявшихъ преимущественно изъ кавалеріи. Главнокомандующій надѣялся, что неожиданнымъ движеніемъ и въ такое позднее время года онъ скорѣе всего принудитъ персидское правительство согласиться на рѣшительныя предложенія, ему сдѣланныя.

Выступивъ въ походъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 240 человѣкъ офицеровъ и 7,506 человѣкъ нижнихъ чиновъ [1]), графъ Гудовичъ, 25-го сентября, остановился при разоренной деревнѣ Памбѣ. На слѣдующій день онъ вступилъ въ эриванскіе предѣлы и дошелъ до селенія Абарани, гдѣ замѣчена была непріятельская партія въ 500 человѣкъ, тотчасъ же удалившаяся. Стоявшій у Абарани съ 4,000 конницы Хусейнъ-ханъ эриванскій, по полученіи извѣстія о движеніи русскихъ, занялъ высоты у деревни Аштаракъ, но былъ, 29-го сентября, оттѣсненъ къ Эчміадзину. Преслѣдуя его, графъ Гудовичъ подошелъ также къ Эчміадзинскому монастырю, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ. Хусейнъ-ханъ отступалъ по дорогѣ къ Эривани, жегъ всѣ деревни, поля, хлѣбъ, фуражъ и уводилъ съ собою жителей. Въ Эривани, при содѣйствіи французскихъ офицеровъ, производилась усиленная дѣятельность по крѣпостнымъ работамъ: контръ-эскарпъ и ровъ одѣвали камнемъ, устраивали фугасы, очищали сады и свозили въ крѣпость бревна и камни, чтобы, въ случаѣ штурма, спускать ихъ со стѣнъ на атакующихъ. Большая часть жителей, преимущественно армянъ, переселена за рѣку Аркасъ, а въ крѣпости и окрестныхъ деревняхъ оставлены только самые надежные. Аббасъ-Мирза стоялъ въ Хоѣ, съ намѣреніемъ, въ случаѣ надобности, подать помощь Эривани. Войскъ у него было немного, но персидскій принцъ заготовлялъ значительное число палатокъ и переговаривался съ

[1]) Отрядъ его состоялъ изъ *драгунскихъ полковъ:* Нарвскаго, 23 офицера, 539 чел. нижнихъ чиновъ; Борисоглѣбскаго, 21 офицеръ, 449 чел. н. ч.; *гренадерскихъ пѣхотныхъ:* Херсонскаго, 40 офицеровъ, 1,467 чел. н. ч.; Кавказскаго, 44 офицера и 1660 ч. н. ч.; *мушкетерскихъ полковъ:* Саратовскаго, 13 офицеровъ, 555 н. ч.; Тифлисскаго, 11 офицеровъ, 463 ч. н. ч.; *егерскихъ полковъ:* Девятаго, 26 офицеровъ, 667 н. ч.; Пятнадцатаго, 29 офицеровъ, 1,004 ниж. ч.; 20-й *артилерійской* бригады, 17 офицеровъ, 476 чел. н. ч.; Донскаго Денисова полка, 90 офицеровъ, 401 чел. н. ч.; Ребрикова 2-го полка, 7 офицеровъ, 315 н. ч. (Рапортъ генерала барона Розена графу Гудовичу 29-го декабря 1808 г., дѣло № 251).

Османъ-пашою, сераскиромъ эрзерумскимъ, о совокупномъ дѣйствіи противъ русскихъ.

Между тѣмъ, графъ Гудовичъ, простоявъ у Эчміадзина двое сутокъ, оставилъ въ монастырѣ обозъ и больныхъ, подъ прикрытіемъ 180 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, а самъ съ остальными войсками двинулся далѣе. Переправившись въ шести верстахъ отъ Эривани черезъ быструю и каменистую рѣчку Зангу, онъ, 3-го октября, остановился лагеремъ въ виду города и въ трехъ верстахъ отъ него. Отсюда главнокомандующій отправилъ въ Эривань прокламацію, въ которой, предлагая сдать крѣпость безъ кровопролитія и тѣмъ избавить отъ смерти женъ и дѣтей, обѣщалъ дать свободу гарнизону и ручался за безопасность каждаго, какъ личную, такъ и имущественную.

«Жители Эривани!» прибавлялъ онъ [1]): «Вы не берите въ примѣръ прежней неудачной блокады крѣпости эриванской. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсѣмъ другія. Тогда предводительствовалъ войсками князь Циціановъ—изъ молодыхъ генераловъ, не столько еще опытный въ военномъ искусствѣ, а теперь я имѣю счастіе командовать здѣсь побѣдоносными войсками моего великаго и всемилостивѣйшаго Государя Императора, водивъ уже болѣе тридцати лѣтъ сильныя россійскія арміи. Притомъ же въ прежнюю блокаду Эривани было несравненно меньше войска, а теперь я столько имѣю здѣсь онаго, что не только могу истребить крѣпость, но и пройти всю Персію.

«За всѣмъ тѣмъ, щадя кровь человѣческую, я еще призываю васъ размыслить о предстоящемъ вамъ неминуемомъ бѣдствіи, если вы будете упорствовать, и о томъ спокойномъ обладаніи каждымъ своею собственностію и имуществомъ, также увѣренностію въ своей жизни и безопасности, когда покоритесь и сдадите крѣпость добровольно. Избирайте то или другое!—Я отдаю сіе на вашу волю. Только рѣшайтесь скорѣе, пока есть еще время. Не надѣйтесь, впрочемъ, жители Эривани, ни на какой секурсъ, ибо крѣпость ни откуда онаго не получитъ. Я имѣю столько войска, что, обло-

[1]) Въ прокламаціи начальнику эриванскаго гарнизона, старшинамъ, духовенству и народу 4-го октября 1808 г., № 147. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 443.

живъ крѣпость, выйду въ поле съ другою частію побѣдоносныхъ войскъ противъ всякаго секурса и разсѣю оный. Итакъ, все ваше спокойствіе и цѣлость зависитъ теперь только отъ скорѣйшей рѣшимости на сдачу города. Отвѣтъ жду завтрашняго утра».

Никто не отвѣчалъ на заявленное требованіе, и самъ эриванскій ханъ, оставивъ въ крѣпости до 2,000 человѣкъ регулярной пѣхоты, подъ начальствомъ Хасанъ-хана, ушелъ изъ города. Хусейнъ-Кули-ханъ удалился за рѣчку Гарни-чай, въ селеніе Верды, съ намѣреніемъ, разъѣзжая по высотамъ, окружающимъ крѣпость, наблюдать за движеніями графа Гудовича и безпокоить наши войска. Для преслѣдованія Хусейнъ-Кули-хана былъ отправленъ, 4-го октября, генералъ-маіоръ Портнягинъ съ тремя баталіонами [1]), четырьмя эскадронами [2]) и тремя стами линейныхъ казаковъ. Портнягинъ не настигъ хана и узналъ отъ жителей, что Хусейнъ бѣжалъ за Араксъ и далѣе по горамъ къ Нахичевани. Вернувъ въ лагерь отрядъ генерала Портнягина, главнокомандующій разослалъ ко всѣмъ жителямъ ханства прокламаціи, въ которыхъ просилъ оставаться въ своихъ селеніяхъ, а бѣжавшихъ возвратиться въ свои дома и обратить вниманіе на то, что вездѣ, гдѣ ни проходили русскія войска, туземное населеніе было сохранено отъ разграбленія и повсюду ему оказано было покровительство и защита.

«Итакъ по сему», писалъ графъ Гудовичъ [3]), «вы можете судить, что я отнюдь не слѣдую жестокимъ правиламъ Хусейнъ-Кули-хана, противнымъ самому человѣчеству, въ томъ, что онъ, видя слабость свою противу столь сильной арміи, увлекъ васъ и ваши семейства за рѣку Араксъ изъ мѣстъ, гдѣ погребены ваши предки, отцы и дѣти, зажегъ ваши жилища и предалъ огню все богатство поселянъ, т. е. хлѣбъ; разорилъ до основанія цѣлыя селенія, доставлявшія спокойную жизнь какъ поселянамъ, такъ помѣщикамъ; я же, имѣя съ собою столько войскъ, что могъ бы пройти всю Персію, хотя и имѣю всѣ средства произвесть подобныя жестокости, но отвращаюсь отъ оныхъ, руководствуясь правилами

[1]) Баталіонъ Тифлисскаго и два 15-го егерскаго полковъ.
[2]) Нарвскаго драгунскаго полка.
[3]) Прокламація жителямъ шалдуйскимъ и Ведисскаго ущелья, отъ 8-го октября.

*

человѣчества и слѣдуя неизреченному человѣколюбію моего великаго и всемилостивѣйшаго Государя Императора, жалѣющаго пролитія крови даже и непріятелей Россіи».

— Руководствуясь этими правилами, говорилъ графъ Гудовичъ приходившимъ къ нему жителямъ, я стѣснилъ совершенно гарнизонъ Эривани и не беру крѣпости только потому, чтобы не пострадали невинные.

Послѣ трехдневнаго бездѣйствія въ виду крѣпости, главнокомандующій, 7-го октября, приказалъ полковнику Симоновичу взять по одному баталіону Кавказскаго, Тифлисскаго, 9-го и 15-го егерскаго полковъ, обойти по грузинской дорогѣ крѣпость и занять предмѣстіе, а баталіону Херсонскаго полка занять въ то же время сады, прилегавшіе въ крѣпости [1]).

Съ разсвѣтомъ 8-го числа непріятель, не замѣчая движенія полковника Симоновича, вступившаго уже въ ущелье, увидѣлъ передъ собою баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Бухвостова. Полагая, что баталіонъ этотъ одинъ посланъ для дѣйствія противъ крѣпости, персіяне заняли ближайшій бугоръ и обратили всѣ свои силы противъ наступавшихъ. Бухвостовъ принужденъ былъ остановиться внѣ выстрѣловъ и выждать прибытія сначала 60 егерей 15-го егерскаго полка, части линейныхъ казаковъ и грузинской конницы, а потомъ и баталіона Кавказскаго полка. Сбитый съ бугра, непріятель бѣжалъ въ крѣпость, и сады были заняты въ то время, когда отправленный съ Саратовскимъ баталіономъ маіоръ Борщовъ, пройдя вверхъ по рѣкѣ Зангѣ и по лѣвому ея берегу, занялъ курганъ Муханатъ, лежавшій близъ крѣпости. На курганѣ была тотчасъ же начата постройка батареи для двухъ мортиръ.

На слѣдующее утро полковникъ Симоновичъ, безъ большой потери, занялъ караванъ-сарай, мечеть и другіе пункты предназначенной ему позиціи въ предмѣстьѣ. Онъ протянулъ свою цѣпь за р. Зангу, заложилъ батарею и сдѣлалъ распоряженіе къ постройкѣ моста черезъ рѣку. Такимъ образомъ, Эриванская крѣпость была блокирована со всѣхъ сторонъ и построены двѣ батареи: одна—

[1]) См. прилагаемый при семъ планъ дѣйствій.

со стороны мечети, другая—на курганѣ. Графъ Гудовичъ съ остальными войсками стоялъ въ виду крѣпости; Хусейнъ-Кули-ханъ находился за Гарни-чаемъ, и то показывался съ своею кавалеріею и безпокоилъ нашихъ фуражировъ, то снова скрывался въ Ведисскомъ ущельѣ.

Для прогнанія его за Араксъ былъ сформированъ отрядъ изъ 200 человѣкъ 15-го егерскаго полка, четырехъ эскадроновъ нарвскихъ драгуновъ и 200 линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Подлуцкаго. Присоединивъ къ этому отряду 700 человѣкъ татарской конницы, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Орбеліани, графъ Гудовичъ поручилъ имъ сдѣлать нечаянное нападеніе на Хусейнъ-Кули-хана, зная, что безъ этого онъ будетъ уклоняться отъ встрѣчи. Эриванскій ханъ, избѣгая боя, при первой атакѣ бѣжалъ за Араксъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ свою канцелярію, всѣ вьюки и багажъ.

«Весь его лагерь», доносилъ подполковникъ Подлуцкій [1]), «и собственный его экипажъ, катеровъ до 50 съ вьюками въ добычу досталось грузинскимъ, шамшадильскимъ, борчалинскимъ и россійскимъ войскамъ, кои нынѣ всѣ тяжело обвьючены. У казаковъ добычи нѣтъ никакой, потому что за ними драгунскіе фуктели вслѣдъ летѣли».

Полагая, что удаленіе Хусейнъ-хана за Араксъ будетъ имѣть вліяніе на дѣятельность эриванскаго гарнизона, главнокомандующій вторично требовалъ сдачи крѣпости. «Не получивъ отвѣта»,—писалъ онъ [2]), «не только въ опредѣленный мною срокъ, но и до сихъ поръ, т. е. цѣлые полмѣсяца, я принялъ сіе за явный знакъ несогласія на сдачу крѣпости, почему и устроилъ все то, что послужитъ къ конечному истребленію сего города. За всѣмъ тѣмъ, я еще отъ сего удерживаюсь единственно въ чаяніи, что вы и народъ эриванскій размыслите о тѣхъ снисходительныхъ и человѣколюбивыхъ предложеніяхъ, кои я сдѣлалъ вамъ именемъ моего великаго Государя Императора, когда добровольно будетъ сдана

[1]) Графу Гудовичу, 17-го октября 1808 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 874.

[2]) Въ письмѣ коменданту Хасанъ-хану отъ 17-го октября 1808 г, Акты Кавк. Арх. Ком., т. III, № 447.

крѣпость, и не доведете до того, чтобы напрасно пролилась кровь человѣческая и вся крѣпость погибла.

«Вы, почтенный комендантъ, конечно, уже знаете и сами видите, сколь многочисленную я имѣю армію при сильной артиллеріи; извѣстно также вамъ должно быть и то, что Хусейнъ-Кули-ханъ эриванскій съ его конницею, посыланнымъ отъ меня особымъ отрядомъ войскъ, прогнанъ далеко за Араксъ, причемъ множество побито персіянъ, взята вся канцелярія Хусейнъ-Кули-хана и много плѣнныхъ, также отбито 600 вьюковъ, 60 катеровъ и лошадь самого хана, каковая побѣда одержана вчерашняго числа. Наконецъ, пельзя статься, чтобы вы также не знали и о весьма худомъ положеніи Персіи».

Графъ Гудовичъ писалъ, что Нахичевань занята уже русскими войсками, и потому Эриванской крѣпости не остается ничего болѣе, какъ сдаться. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, главнокомандующій обѣщалъ утвердить коменданта ханомъ эриванскимъ, со всѣми правами, преимуществами и почестями, приличными такому званію.

«Относительно добровольной сдачи вамъ крѣпости», писалъ въ отвѣтъ Хасанъ [1]), «и того, что во взаимность оной дадите мнѣ Эриванское ханство, то извѣстно, что распорядители дѣлами эриванскими суть подданные моего великаго государя персидскаго. Если поступокъ такой можетъ быть похваленъ, то и я имѣю отъ великаго моего государя волю на то, что если вы согласитесь служить персидскому государю, то во взаимство получите ханство Эриванское, Тавризское и еще много чего».

Упорство коменданта объяснялось извѣстіемъ, что въ помощь хану эриванскому прибылъ Фараджъ-Улахъ-ханъ съ 3,500 человѣкъ кавалеріи. Соединившись вмѣстѣ, персіяне думали или пробраться въ крѣпость, или безпокоить осаждающихъ. Для воспрепятствованія тому и другому, главнокомандующій поручилъ генералъ-маіору Портнягину взять баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка, сто человѣкъ егерей 9-го и 15-го егерскихъ полковъ, 50 донскихъ казаковъ, и, принявъ общее начальство надъ отрядами подполков-

---

[1]) Военно-учен. архивъ, д. № 2419 (А).

ника Подлуцкаго и генералъ-маіора князя Орбеліани, разсѣять персіянъ.

Портнягинъ не нашелъ непріятеля на нашей сторонѣ Аракса. Посадивъ егерей на лошадей вмѣстѣ съ драгунами, Портнягинъ, 24-го октября, переправился черезъ Араксъ съ двумя эскадронами драгуновъ, со всѣми казаками, татарскою и грузинскою конницею; остальной отрядъ онъ отправилъ внизъ по рѣкѣ съ тою цѣлью, чтобы вредить непріятелю, если бы онъ вздумалъ слѣдовать вдоль противоположнаго берега. Послѣ незначительной перестрѣлки, персіяне отступили за рѣчку Кара-су, по топкости которой Портнягинъ не могъ преслѣдовать отступившихъ. Переправившись обратно черезъ Араксъ, онъ расположился у селенія Шады, гдѣ и оставался для наблюденія за движеніемъ Хусейнъ-Кули-хана и для воспрепятствованія ему пробиться въ крѣпость.

Донося главнокомандующему о результатѣ своихъ дѣйствій, Портнягинъ присовокупилъ, что, по полученнымъ отъ плѣнныхъ извѣстіямъ, генералъ-маіоръ Небольсинъ, со своимъ отрядомъ, приближается къ Нахичевани и черезъ нѣсколько дней будетъ въ виду города.

Безпрерывные дожди и трудный походъ черезъ снѣговыя горы задержали Небольсина на столько, что онъ не успѣлъ подойти къ Нахичевани въ то время, когда главныя силы явились у Эривани. Со дня выступленія изъ Карабага, Небольсинъ не встрѣчалъ непріятеля и только подходя къ Нахичевани, въ 18 верстахъ отъ города, при деревни Кара-баба, былъ атакованъ Аббасъ-Мирзою, въ распоряженіи котораго находилось: 3,000 пѣхоты, 12,000 конницы, 12 орудій и 60 фальконетовъ. Хотя въ отрядѣ Небольсина было только 78 офицеровъ и 3,052 человѣка нижнихъ чиновъ съ 9-ю орудіями [1]), тѣмъ не менѣе персіяне были разбиты.

Нападеніе многочисленнаго непріятеля на отрядъ, въ которомъ находились полковники Лисаневичъ и Котляревскій, было неопасно. Аббасъ-Мирза потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ отступить къ Нахичевани и, притомъ, съ такою поспѣшностью, что

[1]) Троицкаго полка, 54 офиц., 2,104 чел. н. ч.; Семнадцатаго егерскаго, 18 офицеровъ, 716 чел. н. ч.; Донскаго Попова 16-го полка, 6 офиц. и 232 чел. н. ч.

оставилъ на дорогѣ всѣхъ своихъ раненыхъ. Преслѣдуя непріятеля, Небольсинъ, 1-го ноября, также подошелъ къ Нахичевани и, при содѣйствіи сына хана, Шихъ-Али-бека, въ тотъ же день занялъ городъ.

Получивъ донесеніе о занятіи Нахичевани, графъ Гудовичъ поручилъ Небольсину объявить жителямъ, что не только городъ, но и вся область должна поступить на вѣчныя времена въ подданство русскаго Императора. Главнокомандующій просилъ старшинъ, духовенство и народъ, какъ новыхъ подданныхъ и соотечественниковъ, «безбоязненно и съ полною увѣренностію въ своей безопасности» возвратиться въ свои жилища, сохранить вѣрность Россіи и прервать всякія сношенія съ непріятелями Россіи.

Въ Нахичевани все было покойно, и жители возвратились въ свои селенія. Шихъ-Али-бекъ, дравшійся съ персіянами въ рядахъ русскихъ при селеніи Кара-баба, хлопоталъ теперь о доставленіи нашимъ войскамъ провіанта и всего необходимаго [1]). Графъ Гудовичъ ставилъ его въ примѣръ и предлагалъ коменданту Эриванской крѣпости поступить точно такъ же. Хасанъ-ханъ отвѣчалъ отказомъ, хотя и сознавалъ, что съ каждымъ лишнимъ днемъ осады положеніе его гарнизона и жителей, запертыхъ въ городѣ, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Осаждающіе успѣли отвести воду со стороны Темиръ-булака и спустить ее въ поле. Имѣя внутри крѣпости только одинъ небольшой и притомъ дурной источникъ воды, персіяне принуждены были съ значительною потерею, подъ огнемъ нашей артиллеріи и стрѣлковъ, добывать воду изъ рѣки Занги, спускаясь для того по обрывистому и каменистому берегу. Устроенныя въ двухъ мѣстахъ брешъ-батареи успѣли сбить двѣ непріятельскія башни и заставить умолкнуть бывшія на нихъ орудія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны были сдѣланы поврежденія, но гарнизонъ все-таки не сдавался, надѣясь на силу своихъ укрѣпленій. Въ послѣднее время, при содѣйствіи французскихъ офицеровъ, Эривань дѣйстви-

[1]) Это преданность заставила потомъ Шихъ-Али-бека бѣжать въ Россію, и онъ поселился въ Карабагѣ.

тельно была весьма хорошо укрѣплена, имѣла гласисъ, а за нимъ ровъ и двѣ стѣны, снабженныя артиллеріею [1]).

При первомъ извѣстіи о приближеніи графа Гудовича къ границамъ Эриванскаго ханства, генералъ Гарданъ отправилъ своихъ офицеровъ для осмотра крѣпости и приведенія ея въ лучшее оборонительное положеніе. Онъ же увѣрялъ Баба-хана, что Франція, будучи въ состояніи сдѣлать все, что захочетъ, конечно, не допуститъ, чтобы Россія сохранила свои пріобрѣтенія. Вообще, французская миссія въ Персіи вредила теперь нашему правительству гораздо болѣе, чѣмъ тогда, когда между Россіею и Франціею существовали враждебныя отношенія. Гарданъ увѣрялъ тегеранскій дворъ, что такъ какъ «высокославная имперія персидская и великолѣпная и знаменитая имперія французская соединены между собою и нѣтъ между ними никакого различія» [2]), то онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы миръ съ Россіею былъ заключенъ съ выгодою для Персіи. Баба-ханъ безусловно вѣрилъ подобнымъ внушеніямъ, не уступалъ никакимъ просьбамъ, не слушалъ ничьихъ совѣтовъ. Наслѣдникъ былъ точно такого же мнѣнія, и его первый министръ, мирза Безюркъ, просилъ личнаго свиданія съ графомъ Гудовичемъ, присовокупляя, что для содѣйствія въ примиреніи двухъ державъ Гарданъ назначилъ своего секретаря посольства, г. Лежара, для отправленія въ русскій лагерь. По словамъ Безюрка, отправленіе это могло состояться только тогда, когда графъ Гудовичъ увѣдомитъ, что порученіе, данное Лежару, будетъ соглашено съ пользою обѣихъ державъ, и Россія не станетъ настаивать на исключительномъ удовлетвореніи своихъ требованій. Порученію Лежара персіяне придавали большое значеніе; они полагали, что поѣздка его въ русскій лагерь увѣнчается полнымъ успѣхомъ, и что дѣло будетъ улажено непремѣнно.

Посланный мирза Безюрка доставилъ главнокомандующему письмо Хусейнъ-Кули-хана, который писалъ, что находится въ Девалу, и что хотя къ нему прибыли новыя войска, но онъ пре-

[1]) Всеподд. рапортъ графа Гудовича 29-го октября. Воен. учен. архивъ, д. № 2419 (А).

[2]) Письмо Гардана Аббасъ-Мирзѣ на татарскомъ языкѣ. Воен. учен. арх., д. № 2419 (А).

кращаетъ военныя дѣйствія на три дня, такъ какъ получилъ о томъ повелѣніе Аббасъ-Мирзы, желающаго вступить въ мирные переговоры [1]).

«Въ сообщеніи вашемъ о прибытіи къ вамъ новаго войска я не имѣлъ никакой надобности», отвѣчалъ главнокомандующій эриванскому хану [2]). «Что касается до прекращенія вами военныхъ дѣйствій на три дня, то на сіе не имѣю я вамъ ничего отвѣчать, потому что о дѣлахъ, до положенія Персіи касающихся, я никогда съ вами не трактовалъ, а сношусь только по сему предмету съ знаменитымъ наслѣдникомъ Персіи и прочими персидскими министрами. Впрочемъ, я васъ видѣлъ у Аштарака, видѣлъ у Эчміадзина; также слышалъ, что вы были на Гарни-чаѣ, откуда отретировались за Араксъ. Теперь же, по письму вашему, знаю, что находитесь въ Девалу съ войсками, а дальше увидимъ, что будетъ и что случится».

Мирзѣ Безюрку графъ Гудовичъ писалъ, что благополучное окончаніе дѣлъ съ Персіею зависитъ отъ нея самой; что онъ не можетъ измѣнить своихъ требованій и основаній для заключенія мира, и если Персія согласится на уступку земель по рѣки Куру и Араксъ, которыя почти уже и заняты русскими войсками, тогда онъ готовъ имѣть съ нимъ личное свиданіе [3]). Что же касается до пріѣзда г. Лежара въ русскій лагерь, то главнокомандующій предоставлялъ на волю персидскаго правительства присылать его или нѣтъ, и притомъ высказывалъ увѣренность, что Лежаръ, какъ секретарь посольства державы, дружественной съ Россіею, не станетъ дѣйствовать противъ интересовъ послѣдней.

Ожиданія гр. Гудовича не оправдались, и послѣдующія обстоятельства показали, что генералъ Гарданъ склонялся исключительно на сторону одной только Персіи. Прибывъ въ главную квартиру, Лежаръ привезъ съ собою письма отъ Аббасъ-Мирзы, мирзы Безюрка, Мирза-Шефи и генерала Гардана. Послѣдній писалъ, что

---

[1]) Письмо Хусейнъ-Кули-хана графу Гудовичу. Воен. Уч. Арх., д. № 2419 (А).

[2]) Отъ 23-го октября 1808 г., тамъ же.

[3]) Отношеніе графа Гудовича графу Салтыкову 11-го декабря 1808 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. Ш, № 468.

гр. Гудовичъ въ своихъ требованіяхъ не обращаетъ вниманія на союзъ, существующій между Франціею и Персіею, и потому онъ считаетъ необходимымъ, для довѣренныхъ объясненій, отправить къ главнокомандующему своего секретаря, сообщенія котораго и проситъ принять, какъ его собственныя слова. На вопросъ: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Лежаръ отвѣчалъ, что уполномоченъ отъ своего министра и персидскаго правительства просить главнокомандующаго, чтобы онъ остановилъ военныя дѣйствія и вышелъ съ войсками изъ Эриванской области.

— Французское посольство,—отвѣчалъ гр. Гудовичъ,— должно быть извѣстно о постоянныхъ двухлѣтнихъ требованіяхъ Россіи относительно опредѣленія границъ, которыми я овладѣлъ уже силою оружія, за исключеніемъ одной эриванской. Слѣдовательно, пріобрѣвъ оружіемъ тѣ мѣста, которыя должны составлять границу съ Персіею, могу ли я ихъ оставить? Отъ французскаго въ Персіи посольства, какъ отъ двора, дружественнаго и союзнаго съ Россіею, я скорѣе ожидалъ содѣйствія пользамъ Россіи, нежели старанія о выгодахъ Персіи.

— Трактатомъ, заключеннымъ между Франціею и Персію, — отвѣчалъ Лежаръ, французская имперія обязана соблюдать цѣлость и неприкосновенность персидскихъ провинцій.

— Такая гарантія,—отвѣтилъ графъ Гудовичъ,—могла имѣть мѣсто, когда Франція и Россія находились въ войнѣ между собою, но развѣ и теперь Франція намѣрена поддерживать прежнія свои обѣщанія?

— Мы не имѣемъ отъ своего правительства никакихъ другихъ наставленій,—отвѣчалъ уклончиво г. Лежаръ.

— Но я увѣренъ, что императоръ Наполеонъ скорѣе предпочтетъ союзъ и дружбу съ Россіею, нежели захочетъ, во вредъ оной, доставить прежде обѣщанныя выгоды Персіи.

Лежаръ уклонился отъ прямаго отвѣта на замѣчаніе, высказанное главнокомандующимъ.

— Мнѣ поручено отъ генерала Гардана,—сказалъ онъ,—протестовать, если вы будете продолжать военныя дѣйствія въ Эриванской области.

— Генералу Гардану извѣстно, что я дѣйствую не самъ собою, а по волѣ моего Государя. Протестовать онъ можетъ, но тогда долженъ протестовать не противъ меня, а противъ русскаго правительства.

Лежаръ просилъ дать ему время до утра обдумать свое положеніе, и на слѣдующій день объявилъ, что подобный протестъ не можетъ имѣть мѣста и что онъ его не подастъ.

«Тутъ же», доносилъ графъ Гудовичъ, «между прочими разговорами, гдѣ уже перемѣнился тонъ его рѣчей со мною, онъ почти самъ признался, что со стороны его министра, генерала Гардана, были сдѣланы ошибки въ поведеніи относительно дѣлъ, между Россіею и Персіею продолжающихся, и что, конечно, ему не должно бы было мѣшаться въ такія дѣла».

Видя неуступчивость главнокомандующаго, Лежаръ самъ вызвался написать эриванскому коменданту, что онъ, встрѣтивъ со стороны русскихъ рѣшительное несогласіе оставить военныя дѣйствія и выдти изъ эриванскихъ владѣній, не можетъ болѣе дѣйствовать въ пользу осажденныхъ.

Письмо Лежара было отправлено въ Эривань вмѣстѣ съ прокламаціею графа Гудовича. Увѣдомляя коменданта о прогнаніи за Аракъ Хусейнъ-Кули-хана, вмѣстѣ съ прибывшими къ нему подкрѣпленіями, главнокомандующій писалъ, что осажденнымъ не откуда ждать помощи, и потому самый лучшій исходъ сдать крѣпость.

«Виноваты были бы вы», писалъ графъ Гудовичъ [1]), «ежели бы вы сдали крѣпость, не защищая оной, но вы оную крѣпость довольно защищаете, видя въ стѣнахъ проломы и нѣсколько подбитыхъ пушекъ. Виноваты бы вы были, ежели бы, ожидая скораго секурса и, не дождавъ, сдали оную... Ваше высокостепенство сдѣлавши все по вашей должности, виноваты будете какъ комендантъ крѣпости, ежели вы, не внимая гласу человѣколюбія, допустите оную брать штурмомъ, съ крайнимъ кровопролитіемъ къ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 14-го ноября 1808 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. III, № 459.

пагубѣ народа, и притомъ, что и миръ уже тогда на границахъ Аракса положенъ быть не можетъ, чѣмъ и еще удалите миръ, желаемый Персіею, и сдѣлаете вредъ могущественному владѣтелю вашему.

«Объяснивши все откровенно и справедливо, ожидаю завтра поутру, при восходѣ солнца, а не далѣе, краткаго отвѣта: сдаете ли вы крѣпость, или нѣтъ?»

Ни это требованіе, ни письмо Лежара не оказали своего дѣйствія и, какъ слѣдовало ожидать, графъ Гудовичъ получилъ отказъ сдать крѣпость.

«Я получилъ письмо вашего сіятельства», — отвѣчалъ Хасанъ-ханъ, — «въ которомъ вы предлагаете мнѣ уступить вамъ крѣпость Эривань, сообщивъ мнѣ, что вы разбили нашу армію и прогнали за Араксъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что мы, вступивъ въ эту крѣпость, закрыли глаза отъ надежды на помощь со стороны своей арміи, а существованіе и несуществованіе ея сочли одинаковыми,—слѣдовательно, мы не ожидаемъ ея, пусть она удалится куда угодно. По милости Аллаха, мы не имѣемъ нужды въ ея содѣйствіи. Также пишете вы, что отъ дѣйствія вашихъ пушекъ будто нѣкоторыя крѣпостныя башни разрушены и нѣкоторыя наши пушки, помѣщавшіяся на нихъ, опрокинуты. Мы готовы даже внѣ крѣпости, въ чистомъ полѣ, также дѣйствовать противъ васъ, ибо внутри крѣпости защищаться и дѣйствовать противъ васъ не составляетъ большой важности. Всякій можетъ обороняться внутри крѣпости и быть свидѣтелемъ того же послѣдствія, которое постигло васъ при осадѣ Ахалкалакъ.

«Еще вы увѣряете, что силою и штурмомъ покорите крѣпость. Очевидно, что когда дѣло дойдетъ до приступа, конецъ будетъ совершенно удовлетворительный. Во всякомъ случаѣ, да будетъ вамъ вѣдомо, что гарнизонъ этой крѣпости уже рѣшился на самоотверженіе и ожидаетъ предопредѣленія Аллаха.

«Вы поставляете мнѣ еще на видъ, что въ отвѣтныхъ письмахъ къ Мирза-Шефи и мирзѣ Безюрку вы отвѣчали, что имѣете повелѣніе отъ своего падишаха покорить крѣпость Эривань, но мы также имѣемъ повелѣніе отъ своего падишаха защищать ее. Слѣдовательно, ожидайте отвѣта отъ названныхъ лицъ».

При этомъ графу Гудовичу было передано, что гарнизонъ скорѣе ляжетъ весь на мѣстѣ, чѣмъ положитъ оружіе.

— Весь гарнизонъ, — говорилъ эриванскій чиновникъ, — состоитъ изъ отборныхъ стрѣлковъ, взятыхъ изъ отдаленныхъ внутреннихъ провинцій, гдѣ остались ихъ жены и дѣти подъ присмотромъ, какъ заложники. Для нихъ лучше умереть однимъ, чѣмъ подвергать тому же и свои семейства, которыхъ погибель неизбѣжна, если осажденные не будутъ защищать крѣпости.

Позднее время года не дозволяло главнокомандующему оставлять войска въ лагерѣ, а между тѣмъ осада Эривани тянулась, хотя крѣпость была ослаблена въ значительной степени. Предмѣстіе и садовыя стѣнки дозволили обложить Эривань въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на весьма близкомъ разстояніи: ближе ружейнаго выстрѣла. На эспланадѣ были устроены двѣ брешъ-батареи, изъ которыхъ одна въ 70-ти, а другая въ 60-ти только саженяхъ отъ наружной крѣпостной стѣны. Выстрѣлами послѣдней батареи былъ сдѣланъ большой проломъ въ наружной стѣнѣ, а во второй, внутренней, сбита вся оборона. Крѣпость была отрѣзана отъ всякой помощи, и эриванскій ханъ, вмѣстѣ съ прибывшими къ нему подкрѣпленіями, былъ прогнанъ за Араксъ и не могъ оказать никакого содѣйствія гарнизону. При такихъ-то условіяхъ графъ Гудовичъ рѣшился штурмовать крѣпость, и потерпѣлъ неудачу.

Для аттаки были составлены четыре дѣйствующія колонны и пятая резервная.

Первая колонна, при которой находился и начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ, была подъ начальствомъ полковника Симоновича и состояла изъ 1,100 человѣкъ [1]); *вторая*—подъ начальствомъ маіора Новицкаго, изъ 508 человѣкъ [2]); *третья*—подъ начальствомъ капитана Челищева, изъ 732 чело-

[1]) Кавказскаго гренад. 430 челов.; 9-го егерскаго 270; въ резервѣ—16-го егерскаго 400 челов. Для прикрытія батареи 100 челов. Борисоглѣбскаго драгунскаго полка.

[2]) Тифлисскаго полка 300 челов.; въ резервѣ 180 челов. того же полка и 28 челов. 9-го егерскаго полка. Для прикрытія батареи 50 человѣкъ пѣшихъ драгунъ Борисоглѣбскаго полка.

вѣкъ [1]); *четвертая* — подъ начальствомъ маіора Борщова, изъ 645 человѣкъ [2]); остальныя войска находились въ резервѣ [3]).

Первая колонна должна была наступать противъ брешъ-батареи; вторая—противъ крѣпостнаго угла, образуемаго пересѣченіемъ сѣвернаго и восточнаго фасовъ; третья — противъ полуденнаго фаса, а четвертая, переправившись черезъ рѣку Зангу, ниже садовъ, атаковать большую угловую башню.

При наступленіи приказано колоннамъ идти какъ можно поспѣшнѣе, ставить лѣстницы и «подъ жестокимъ штрафомъ» запрещено стрѣлять прежде, чѣмъ взлѣзутъ на стѣну. «Взлѣзши на стѣну», сказано въ диспозиціи, «стрѣлять по непріятелю, ибо тогда равный бой, но покуда на банкетѣ не соберется довольное число, внизъ на штыки съ банкета не сходить». Войскамъ запрещено убивать женъ, дѣтей и въ особенности христіанъ, и не кидаться на грабежъ, пока непріятель не будетъ истребленъ окончательно.

Въ пять часовъ утра, 17-го ноября, былъ поданъ условный сигналъ тремя выстрѣлами, и атака началась. Замѣтивъ движеніе нашихъ войскъ, непріятель бросилъ нѣсколько свѣтящихъ ядеръ и, освѣтивъ ими мѣстность, какъ днемъ, открылъ сильный огонь, какъ ружейный, такъ и артиллерійскій. Персіяне дрались отчаянно, и по всѣмъ пріемамъ ихъ видно было, что совѣтъ и наставленія французскихъ офицеровъ не остались безслѣдными. Первая колонна, шедшая къ пролому, сдѣланному брешъ-батареею, была остановлена во рву разрывами бомбъ, бросаемыхъ непріятелемъ въ значительномъ числѣ. Ведшій эту колонну полковникъ Симоновичъ, при самомъ началѣ атаки, былъ тяжело раненъ; заступившій его мѣсто маіоръ Вылазковъ — тоже. Во второй колоннѣ люди хотя и успѣли взобраться на стѣну, но, неподдержанные остальными, были отбиты, и начальникъ колонны, маіоръ Новиц-

[1]) Херсонскаго гренад. полка 400; въ резервѣ—332 человѣка того же полка.

[2]) Саратовскаго полка 400 челов.; 15-го егерскаго 100 челов. и въ резервѣ—145 чел. Саратовскаго полка. Для прикрытія батареи 50 человѣкъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка.

[3]) По одному баталіону Херсонскаго и Кавказскаго полковъ, 100 чел. драгунъ Борисоглѣбскаго полка и 200 челов. линейныхъ казаковъ.

кій, былъ тяжело раненъ. Принявшій послѣ него команду, по собственному желанію, подполковникъ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка Булгаковъ, былъ также раненъ и вскорѣ умеръ. Не смотря на то, нѣкоторые офицеры съ гренадерами ворвались въ городъ и дрались съ непріятелемъ. Персіяне окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и принудили отступить, такъ какъ резервъ этой колонны, посланный на подкрѣпленіе, былъ встрѣченъ во рву сильными картечными выстрѣлами и не могъ взобраться на стѣну. Въ третьей колоннѣ приставленныя къ стѣнкѣ лѣстницы, не смотря на свою пятисаженную длину, оказались короткими.

Видя неудачу аттаки, графъ Гудовичъ приказалъ ударить отбой, и войска, отступивъ, заняли тѣ мѣста, которыя занимали до атаки. Эриванская крѣпость осталась, по-прежнему, въ осадѣ. Главнокомандующій сложилъ всю вину въ неудачѣ на то, что во рву были поставлены пушки, дѣйствовавшія картечью, «чего персіяне никогда не дѣлали; также были фугасы и бомбы съ подведенными стопинами [1]).

Потерявъ 743 человѣка, выбывшими изъ строя, изъ которыхъ 279 убито и 464 челов. ранено [2]), Гудовичъ не овладѣлъ Эриванью. Многіе полки пришли въ такое разстройство, что о повтореніи штурма и думать было нечего. Тифлисскій полкъ, шедшій на штурмъ въ составѣ 463 человѣкъ нижнихъ чиновъ, возвратился изъ дѣла съ 194 человѣками. Другіе полки пришли въ неменьшее разстройство [3]). Сознавая, что при такихъ условіяхъ нельзя взять Эривань силою, графъ Гудовичъ пытался достигнуть того же при помощи угрозъ.

«Если вы надѣетесь, что послѣ бывшаго штурма», — писалъ онъ [4]),—«я съ войсками отступлю отъ Эриванской крѣпости, то въ противность такого ожиданія, могу васъ увѣрить, что надежды васъ обманываютъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ 11-го декабря 1808 г. Воен. учен. арх., № 2419 (А).

[2]) Рапортъ генералъ-лейтенанта барона Розена, 29-го декабря, № 4105, дѣло № 251.

[3]) Тамъ же.

[4]) Въ объявленіи коменданту, духовенству и народу отъ 23-го ноября, № 170.

«Едва пятая часть войскъ, со мною находящихся, была на штурмѣ. Изъ числа же бывшихъ на стѣнахъ знаютъ уже дорогу въ самую крѣпость. Итакъ, вѣрьте моему слову, что съ храбрыми войсками удобно могу предпринять второй и третій штурмъ. Вѣрьте также и тому, что скорѣе самъ лягу подъ стѣнами, нежели оставлю крѣпость.

«У меня войскъ еще много, также провіанта, скота и всего нужнаго довольно. Храбрыя войска ни въ чемъ не имѣютъ нужды, а зима для русскихъ не страшна, ибо русскіе, родясь въ холодномъ климатѣ, всегда въ военное время проводятъ жестокія зимы въ полѣ. Наконецъ, вся Эриванская область, кромѣ одной крѣпости, и вся Нахичеванская провинція на вѣчныя времена покорены подъ владѣнія Всероссійской имперіи. Между тѣмъ крѣпость Эриванская, ни откуда не можетъ ожидать себѣ секурса, ибо и послѣдній, съ сердаремъ Хусейнъ-ханомъ, осмѣлившійся послѣ бывшаго уже штурма переправиться на сю сторону Аракса, моимъ отрядомъ, нарочно для того оставленнымъ, разсѣянъ и удалился въ безпорядкѣ за Кара-су, причемъ видно было, что онъ не для помощи крѣпости приходилъ, а единственно для разоренія жителей эриванскихъ деревень, которыхъ нѣсколько на бѣгу своемъ и ограбилъ.

«И такъ, рѣшительно и въ послѣднее объявляю вамъ, почтенный комендантъ и все эриванское общество, что если вы тотчасъ не сдадите мнѣ добровольно крѣпости, то въ то время, когда я необходимостію доведу оную до сдачи, прежнія мои снисходительныя обѣщанія не будутъ имѣть уже мѣста, и въ то время весь гарнизонъ, защищающій крѣпость, долженъ будетъ остаться военноплѣннымъ».

«Исполнивъ симъ мою обязанность и долгъ человѣчества, я призываю васъ, почтенный комендантъ, размыслить о семъ и дать мнѣ скорый и рѣшительный отвѣтъ».

Отвѣта не послѣдовало. Графъ Гудовичъ въ теченіе двухъ недѣль держалъ крѣпость точно въ такой же блокадѣ, какъ до начала штурма, но, получивъ извѣстіе, что въ горахъ выпалъ такой большой снѣгъ, что курьеры проѣзжаютъ съ большимъ тру-

домъ, рѣшился снять блокаду, опасаясь, чтобы сообщеніе его съ Грузіею по трудно проходимымъ горамъ не было прервано.

Въ ночь съ 28-го на 29-го ноября всѣ тяжести и больные отправлены въ лагерь, и въ составѣ осаднаго корпуса оставлены только войска здоровыя и артиллерія. 30-го числа приказано отступить и всѣмъ остальнымъ войскамъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ разсвѣту быть въ лагерѣ [1]).

Осада крѣпости была тяжела для нашихъ солдатъ, но еще труднѣе былъ переходъ по глубокому снѣгу, при вьюгѣ и стужѣ, сопровождавшихъ войска. 6-го декабря отрядъ возвратился въ Грузію и былъ распущенъ на зимовыя квартиры.

Отступая отъ Эривани, графъ Гудовичъ приказалъ и генералъ-маіору Небольсину оставить Нахичевань и отступивъ къ Елисаветполю, взявъ съ собою всѣхъ тѣхъ жителей, которые пожелаютъ переселиться въ наши границы [2]). Небольсинъ оставилъ Нахичевань 1-го декабря, а вслѣдъ за нимъ вступилъ въ городъ Аббасъ-Кули-ханъ съ своею конницею. Онъ отправилъ своего сына съ 3,000 человѣкъ для преслѣдованія Небольсина. Во время отступленія, начиная со 2-го и по 5-е декабря, персіяне дѣлали безпрерывныя нападенія, но Небольсинъ, отражая атаки, шелъ не останавливаясь. 4-го декабря Аббасъ-Мирза съ 30,000 человѣкъ и 20 фальконетами прибылъ въ селеніе Кара-баба и на слѣдующій день поутру атаковалъ Небольсина всѣми своими силами. Упорное сраженіе длилось до самаго вечера, когда Небольсинъ перешелъ въ наступленіе, сбилъ непріятеля со всѣхъ высотъ и преслѣдовалъ съ такимъ успѣхомъ, что персіяне принуждены были посадить свою пѣхоту на лошадей, чтобы скорѣе выйти изъ-подъ выстрѣловъ русскихъ. Небольсинъ продолжалъ отступать, и 8-го декабря возвратился въ Карабагъ.

Такъ кончилась персидская кампанія 1808 года. Безуспѣшность переговоровъ съ персіянами, а главное постоянные отказы, которые получалъ главнокомандующій на свои представленія объ усиленіи войскъ, дѣйствующихъ въ Закавказьѣ, заставили графа

[1]) Предписаніе ген.-лейт. барону Розену, 28-го ноября, № 173.
[2]) Предписаніе графа Гудовича генералу Небольсину, 23-го ноября, № 169.

Гудовича оставить край. Подъ предлогомъ болѣзни, онъ просилъ уволить его отъ званія главнокомандующаго, и на этотъ разъ просьба его была уважена. Высочайшимъ приказомъ 18-го іюня генералъ отъ кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ былъ назначенъ сначала въ распоряженіе главнокомандующаго, а спустя нѣсколько времени графу Гудовичу сообщено, что онъ назначется ему преемникомъ.

«Съ крайнимъ прискорбіемъ», писалъ при этомъ Императоръ [1]), «видя изъ полученнаго прошенія вашего, что здоровье ваше побуждаетъ васъ оставить службу, мнѣ чувствительно весьма лишиться такого фельдмаршала, какъ вы. Знаю, что проведенная на службѣ отечеству жизнь ваша, въ преклонности лѣтъ, требуетъ отдохновенія, и что разстроенное отъ понесенныхъ вами трудовъ здоровье ваше ничѣмъ инымъ поправлено быть не можетъ, какъ спокойствіемъ; но за всѣмъ тѣмъ побуждаюсь просить отложить желаніе ваше до того времени, когда генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ ознакомится съ тамошнимъ краемъ и узнаетъ всѣ ваши распоряженія по арміи, дабы потомъ, руководствуясь планами вашими, могъ онъ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ вашимъ, стремящимся всегда ко благу общему. Когда же г. Тормасовъ достигнетъ сей цѣли, въ то время я предоставляю, вамъ увѣдомить о томъ меня, и желаніе ваше, хотя съ прискорбіемъ, но будетъ мною исполнено».

Вскорѣ послѣ отступленія отъ Эривани графъ Гудовичъ повторилъ свою просьбу, и указомъ сенату, 5-го марта 1809 года, генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ былъ назначенъ ему преемникомъ.

---

[1]) Графу Гудовичу, въ рескриптѣ отъ 25-го октября 1808 года.

XI.

Вступленіе Тормасова въ командованіе войсками и управленіе краемъ.—Число войскъ.—Состояніе нашихъ пограничнымъ дѣлъ съ Персіею и Турціею.—Возвзваніе Баба-хана.—Письмо Тормасова Аббасъ-Мирзѣ.—Вторженіе персіянъ въ наши границы.—Боевыя средства главнокомандующаго.—Отраженіе непріятеля.—Переговоры о мирѣ.—Происшествія въ Талышенскомъ ханствѣ.—Возвзванія грузинскаго царевича Александра.

Назначенный вмѣсто графа Гудовича главноуправляющимъ губерніями Астраханскою, Кавказскою и Грузіею, генералъ отъ кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ былъ человѣкъ энергичный и рѣшительный, вполнѣ честный и безкорыстный, обладавшій твердою волею и нѣкоторою настойчивостію, заставлявшею его однажды сдѣланное распоряженіе приводить въ исполненіе.

12-го апрѣля 1809 года Тормасовъ вступилъ въ управленіе краемъ и командованіе войсками [1]), состоявшими изъ 19-й и 20-й пѣхотныхъ дивизій, съ ихъ артиллеріею [2]); изъ четырехъ гарнизонныхъ баталіоновъ [3]), пяти кавалерійскихъ полковъ [4]), мѣстныхъ поселенныхъ казаковъ [5]) и девятнадцати донскихъ казачьихъ полковъ [6]).

Большинство этихъ войскъ находилось на Кавказской линіи и лишь меньшая часть—въ Закавказьѣ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ гр. Гудовича, 12-го апрѣля. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416.

[2]) Въ составъ *19-й пѣхотной дивизіи* входили полки: Суздальскій, Вологодскій, Казанскій, Бѣлевскій, Севастопольскій мушкетерскіе и 16-й егерскій. — *Въ 20-й дивизіи* были: Херсонскій и Кавказскій гренадерскіе; Кабардинскій, Саратовскій, Тифлисскій, Троицкій мушкетерскіе, 9-й, 15-й и 17-й егерскіе полки.

[3]) Кизлярскій двухбаталіонный, Моздокскій однобаталіонный, Владикавказскій двухбаталіонный и Астраханскій трехбаталіонный.

[4]) Владимірскій, Таганрогскій, Нижегородскій, Борисоглѣбскій и Нарвскій драгунскіе полки.

[5]) Кавказское войско, Кубанское, Хоперское, Волгское, Гребенское, Терское-семейное, Терское-кизлярское; полки: Моздокскій, Астраханскій и Линейный казачьи и Моздокская горская команда.

[6]) Донскіе полки: Персіанова, Ахлова, Поздѣева, Грекова, Араканцева, Быхалова, Ильина, Петрова 1-го, Каршина, Балабина 1-го, Апостолова, Ежова 1-го, Денисова 9 го, Ребрикова 2-го, Данилова, Агѣева, Богачева, Попова 16-го и Сысоева.

На Кавказской линіи было расположено четыре пѣхотныхъ и четыре драгунскихъ полка [1]), всѣ гарнизонные баталіоны, поселенные казаки и одиннадцать донскихъ полковъ [2]). Въ Закавказьѣ находились: одиннадцать пѣхотныхъ и одинъ драгунскій полкъ [3]), одинъ линейный казачій и остальные восемь донскихъ полковъ. Общая численность войскъ, какъ на линіи, такъ и въ Закавказьѣ, состояла изъ 27,648 человѣкъ пѣхоты и 15,886 человѣкъ кавалеріи [4]), съ 36 батарейными и 64 легкими орудіями.

Обязанный съ этими войсками охранять границу на весьма большомъ ея протяженіи, Тормасовъ долженъ былъ положить въ основаніе своихъ дѣйствій переданный ему графомъ Гудовичемъ рескриптъ Императора, въ которомъ высказывалась необходимость утвердиться прочнымъ образомъ на берегахъ рѣкъ Куры и Аракса.

Одобряя, въ общихъ чертахъ, дѣйствія графа Гудовича у Эривани и Нахичевани, Государь писалъ ему, чтобы онъ, утвердившись какъ въ этихъ пунктахъ, такъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ по Араксу, мирнымъ съ Персіею постановленіемъ упрочилъ бы эту границу на вѣчныя времена за Россіею.

«Если вы признаете за нужное», прибавлялъ при этомъ Императоръ [5]), «для прекращенія колебанія мыслей въ тамошнихъ народахъ и дабы знали они, *что христіанскія области, прибѣгающія подъ мою защиту, не могутъ быть отлучены отъ оной,* довесть до свѣдѣнія хановъ и владѣльцевъ Дагестана, Ширвана и всѣхъ областей, входящихъ въ предначертанную границу, что, отнынѣ, впредь Кура, Араксъ и Арпачай имѣютъ быть границею между россійскимъ и персидскимъ владѣніями,—я разрѣшаю вамъ сдѣлать въ томъ смыслѣ отъ имени вашего прокламацію».

Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ еще до вступленія сво-

---

[1]) Суздальскій, Вологодскій, Казанскій мушкетерскіе и 16-й егерскій полки; драгунскіе: Владимірскій, Таганрогскій, Нижегородскій и Борисоглѣбскій.

[2]) Персіанова, Ахлова, Поздѣева, Грекова, Араканцева, Быхалова, Ильина, Петрова 1-го, Каршина, Балабина 1-го и Апостолова.

[3]) 19-й дивизіи полки Бѣлевскій и Севастопольскій, вся 20-я дивизія и Нарвскій драгунскій полкъ.

[4]) Въ томъ числѣ 825 человѣкъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ пѣхоты и 424 человѣка офицеровъ кавалеріи.

[5]) Въ рескриптѣ графу Гудовичу, отъ 3-го декабря 1808 г.

его въ званіе главнокомандующаго, Тормасовъ не находилъ необходимымъ прибѣгать къ прокламаціи. Онъ зналъ, что прокламація для азіятскаго человѣка имѣетъ весьма малую цѣну, и что подданство и покорность хановъ обусловливается только занятіемъ войсками ихъ владѣній. Не только ханы, но и болѣе цивилизованный въ этомъ отношеніи тегеранскій дворъ не подчинялся и не признавалъ всѣхъ тонкостей европейской дипломатіи. Онъ, повидимому, искалъ случая заключить съ нами перемиріе и прекратить существовавшія враждебныя отношенія, а на самомъ дѣлѣ собиралъ войска и подготовлялъ все необходимое для продолженія военныхъ дѣйствій. Подъ покровомъ мирныхъ переговоровъ, персіяне надѣялись усыпить главнокомандующаго, отвлечь его вниманіе отъ своихъ приготовленій и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, вторгнуться нечаянно въ предѣлы Грузіи.

Зная коварство тегеранскаго двора и его двуличность, Тормасовъ признавалъ необходимымъ, не прекращая переговоровъ о мирѣ, сосредоточить всѣ свободныя войска въ такомъ пунктѣ, съ котораго можно бы было при первой надобности дѣйствовать какъ противъ Персіи, такъ и противъ Турціи. Съ послѣднею хотя и было заключено перемиріе, но поведеніе Порты было таково, что на благополучный исходъ мирныхъ переговоровъ разсчитывать было нечего. Правительство султана не имѣло чистосердечнаго намѣренія вступить въ мирныя соглашенія съ русскимъ правительствомъ и, заключивъ перемиріе, втайнѣ употребляло всѣ средства къ тому, чтобы возбудить подвластное намъ магометанское населеніе къ возстанію противъ Россіи. Поводомъ къ такому возбужденію было прекращеніе нашихъ сношеній съ горцами, по причинѣ заразительной болѣзни, появившейся въ разныхъ мѣстахъ среди туземнаго населенія.

Прежде всего эта болѣзнь появилась за Терекомъ и за кордономъ Кавказской линіи, расположеннымъ въ селеніе Эндери, а потомъ въ деревняхъ, принадлежавшихъ аксаевцамъ и костюковцамъ [1]). Въ Кабардѣ зараза особенно сильно свирѣпствовала въ такъ называемыхъ Чегемскихъ горахъ. Въ предохраненіе отъ распро-

[1]) Отношеніе главнокомандующаго военному министру, 3-го января, № 3.

страненія болѣзни, въ нашихъ селеніяхъ и станицахъ были устроены карантины: въ сел. Прохладномъ, близъ Георгіевска, и между Константиногорскимъ и Кумскимъ штерншанцами. Турки старались воспользоваться послѣднимъ распоряженіемъ нашего правительства и выставляли карантины новымъ стѣсненіемъ со стороны Россіи. Лишенные временно свободнаго сообщенія съ нашими пограничными селеніями и городами, горцы волновались. Жители сел. Эндери и кабардинскихъ ауловъ отправились въ Чечню для возмущенія тамошняго населенія противу Россіи. Они взяли съ собою фирманъ султана, полученный ими черезъ закубанцевъ, фирманъ просившій помощи вольныхъ народовъ противъ враговъ мусульманства. Султанъ обѣщалъ помочь своимъ единовѣрцамъ порохомъ, свинцомъ, оружіемъ и подарками, лишь бы только они соединились во-едино, для совокупнаго дѣйствія противъ «пришельцевъ съ сѣвера». Кабардинскіе муллы собирались на совѣщанія, проповѣдовали священную войну и, удерживая народъ отъ сношеній съ нами, какъ съ христіанами, требовали признанія русскихъ врагами. По проискамъ кабардинскаго духовенства ингуши стали переходить въ магометанство, строили мечети и дали присягу дѣйствовать враждебно противъ русскихъ. Все захваченное у насъ въ добычу ингуши постановили дѣлить между собою, уступая каждый разъ пятую часть на долю муллъ. Въ пользу послѣднихъ они обязались давать съ каждаго двора по 50 мѣръ пшеницы, проса и ячменя. Кто не исполнитъ такого условія, отъ того народъ рѣшилъ отобрать все имущество и скотъ.

Не ограничиваясь возмущеніемъ подвластнаго намъ населенія, Порта вступила въ соглашеніе съ тегеранскимъ дворомъ и при посредствѣ англійскаго посольства заключила дружественный союзъ съ Персіею.

Около этого времени прибылъ въ Тегеранъ англійскій посланникъ Гасфортъ-Джонесъ. Представитель народа, враждебнаго Россіи и Франціи, Джонесъ былъ отправленъ съ цѣлью не допустить Персію до заключенія мирныхъ условій съ нами и союза съ Франціею. Онъ предложилъ Баба-хану выслать изъ Персіи французское посольство и обѣщалъ за это значительную сумму денегъ, обѣщалъ уступить часть владѣній въ Индіи и построить для персіянъ

флотъ на Каспійскомъ морѣ. Отклоняя тегеранскій дворъ отъ заключенія мирныхъ условій съ Россіею, Джонесъ содѣйствовалъ заключенію союза Персіи съ Турціею. Оба государства постановили употребить всѣ средства къ тому, чтобы одновременно поднять знамя бунта на всемъ протяженіи нашихъ владѣній между Чернымъ и Каспійскими морями. Турецкіе эмиссары явились въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, а сторонники Персіи пробрались въ мусульманскія провинціи Закавказья.

Получаемыя изъ Персіи извѣстія были одного и того же содержанія и сводились всѣ къ тому, что въ іюнѣ Баба-ханъ прибудетъ съ войсками въ Адербейджанъ, откуда отправитъ одного своего сына Аббасъ-Мирзу въ Карабагъ и Ширванъ, а другаго Мамедъ-Али-хана двинетъ со стороны Эривани. По свѣдѣніямъ, у Аббасъ-Мирзы, сверхъ конницы, было до 10,000 человѣкъ сарбазовъ или регулярной персидской пѣхоты, обученной офицерами бывшаго въ въ Персіи французскаго посольства. Повелитель Ирана въ сотый разъ говорилъ, что пока не выгонитъ русскихъ изъ Грузіи, до тѣхъ поръ не повернетъ «*узды своего движенія*» въ столицу Персіи. Обѣщая изгнанному Селиму шекинскому возвести его на ханство, Баба-ханъ писалъ шамшадыльскимъ старшинамъ, что скоро прибудетъ къ нимъ съ непобѣдимыми войсками, и отправилъ царевича Александра въ Ахалцыхъ, а Теймураза—въ Имеретію. Царевичи разсылали свои письма по Грузіи, писали жителямъ Джавскаго ущелья и возмущали тагаурцевъ. Приглашая ихъ къ поднятію оружія, Александръ говорилъ, что каждый, пришедшій къ нему на помощь, будетъ *любимымъ его братомъ, а не подданнымъ*, и что для всѣхъ такихъ онъ будетъ *истиннымъ благодѣтелемъ*.

Всѣ эти приглашенія и подговоры происходили тогда, когда персидское правительство официально переговаривалось съ Тормасовымъ о заключеніи мирныхъ условій. Оно высказывало непремѣнное желаніе отправить своего посла въ Петербургъ къ высочайшему двору. Въ столицѣ хотя и понимали, что такое желаніе клонится исключительно къ тому, чтобы выиграть время, тѣмъ не менѣе готовы были сдѣлать уступку. Императоръ Александръ поручилъ Тормасову внушить тегеранскому двору, что если Пер-

сія желаетъ искренно достигнуть мирныхъ соглашеній, то всего полезнѣе для нея избирать пути самые близкіе и, отклонивъ постороннія вмѣшательства, войти въ непосредственное сношеніе съ главнокомандующимъ, уполномоченнымъ на всѣ случаи, могущіе встрѣтиться при переговорахъ. Впрочемъ, если бы персидское правительство стало настаивать на отправленіи своего посла въ Петербургъ, то Императоръ готовъ былъ принять его въ своей столицѣ.

Исполняя волю Государя и отправляя письмо къ наслѣднику персидскаго престола, Тормасовъ снова перечислилъ Аббасъ-Мирзѣ тѣ выгоды, которыя можетъ пріобрѣсти Персія по заключеніи мира съ Россіею. Главнокомандующій говорилъ, что, при содѣйствіи Россіи, Персія можетъ возвратить всѣ области, отнятыя турками, и успокоить внутреннія волненія въ странѣ; что Императоръ Александръ признаетъ Баба-хана въ шахскомъ достоинствѣ, а Аббасъ-Мирзу—законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ и что, наконецъ, такое признаніе будетъ охранено отъ всѣхъ враговъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. «Тогда», писалъ Тормазовъ Аббасъ-Мирзѣ [1]), «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ противники, явно и тайно возстающіе противу спокойствія знаменитѣйшаго каджарскаго колѣна, должны будутъ умолкнуть съ покорностію и тогда благоденствіе Персіи, также собственное могущественнаго вашего родителя, равно и ваше останется никѣмъ ненарушимо...»

«Искомый Англіею союзъ съ Персіею», прибавлялъ главнокомандующій, отъ коей, какъ извѣстно мнѣ, прибыло въ Бендеръ-Буширъ посольство съ дружественными предложеніями, отнюдь не можетъ быть для Персіи полезенъ, а тѣмъ еще меньше Персія можетъ полагаться на обѣщанія англичанъ, будучи уже, конечно, извѣстна, сколь въ прошломъ году гибельныя слѣдствія постигли двѣ сильныя державы, обольщенныя обѣщаніями Англіи, и именно Швецію, потерявшую лучшую часть своихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ силою оружія моего великаго и всемилостивѣйшаго Государя Императора, и Испанію, невозвратно погибшую. Нынѣ же воспослѣдовалъ еще ближайшій примѣръ съ Австріею, повергшею

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го іюня 1809 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1060.

себя въ бѣдственное положеніе тѣмъ, что, по внушеніямъ Англіи и пропскамъ ея, начавъ войну противъ Франціи, въ продолженіе четырехъ недѣль понесла уже неоднократно жестокія пораженія, и, наконецъ, бывъ принуждена самую столицу своей имперіи — Вѣну передать на произволъ побѣдителю, тщетно ожидаетъ и ожидать будетъ своего спасенія отъ союза съ Англіею».

Посланный съ этимъ письмомъ главнокомандующаго подполковникъ баронъ Вреде былъ задержанъ въ Эриванѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній Баба-хана. Эта задержка не обѣщала, конечно, ничего хорошаго, и тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ того было получено въ Тифлисѣ извѣстіе, что персіяне появились на нашихъ границахъ. Извѣстіе это поставило Тормасова въ самое затруднительное положеніе: войскъ у него было мало, и повсюду происходили волненія. Дагестанъ и горскіе народы производили хищническіе набѣги и требовали съ нашей стороны содержанія довольно значительныхъ наблюдательныхъ отрядовъ; осетины также волновались, а имеретинскій царь Соломонъ былъ готовъ отказаться отъ подданства Россіи. Развлеченіе войскъ для охраненія края было такъ велико, что главнокомандующій могъ назначить въ составъ главныхъ силъ только четыре баталіона пѣхоты, шесть эскадроновъ кавалеріи и до тысячи казаковъ. Съ этимъ отрядомъ онъ долженъ былъ дѣйствовать одновременно противъ турокъ и персіянъ, что, очевидно, было невозможно, и Тормасовъ просилъ о прибавкѣ войскъ. Въ виду тогдашняго состоянія политическихъ дѣлъ, Императоръ не призналъ возможнымъ усилить кавказскую армію, и она принуждена была ограничиться одною оборономъ, крайне тяжелою для полковъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ.

Грузія окружена была со всѣхъ сторонъ непріязненными сосѣдями и имѣла тысячу дорогъ, для такого непріятеля, какимъ были персіяне, преимущественно конные, двигавшіеся безъ артиллеріи и обоза. Притомъ же персидское правительство не имѣло ни регулярныхъ войскъ, ни понятія о правилахъ и законахъ войны, принятыхъ въ европейскихъ государствахъ. Въ лицѣ персіянъ мы имѣли не непріятеля, а хищника, хлопотавшаго только о томъ, какъ бы разорить селенія, сжечь поля, захватить плѣнныхъ и ото-

гнать скотъ. Персіяне всегда и всѣми мѣрами старались избѣжать встрѣчи съ нашими войсками, и будучи конными, обходили такими мѣстами, гдѣ пѣхота не могла ихъ преслѣдовать или предупредить занятіемъ дорогъ. Занять главнѣйшіе пункты границы было дѣломъ совершенно невозможнымъ, по малочисленности войскъ, и для защиты края приходилось дѣлать большіе переходы отъ одного мѣста къ другому; часто случалось приходить туда, гдѣ не было уже надобности, и вновь спѣшить къ третьему пункту, атакованному непріятелемъ. Такой способъ веденія войны, утомляя войска, доставлялъ непріятелю возможность имѣть успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Пользуясь быстротою движенія, персіяне производили грабежи, хищничества и вторгались въ наши границы, преимущественно въ Карабагское владѣніе. Для защиты, какъ этой провинціи, такъ и вообще для охраны всего лѣваго фланга Закавказья, имѣлся всего только одинъ отрядъ генералъ-маіора Небольсина, находившійся на правомъ берегу р. Тертера и состоявшій изъ двухъ баталіоновъ Троицкаго полка, двухъ баталіоновъ 17-го егерскаго полка, гренадерскаго баталіона Кабардинскаго мушкетерскаго полка и донскаго Попова 16-го полка. Отрядъ этотъ предназначался для отраженія непріятеля, если бы онъ попытался вторгнуться въ значительныхъ силахъ въ Карабагъ, Шеку или Ширвань.

Для поддержанія, въ случаѣ надобности, этого отряда имѣлось два баталіона 9-го егерскаго полка, находившихся въ казахской дистанціи, подъ начальствомъ полковника Лисаневича. Расположившись на р. Джагорѣ, при урочищѣ Чардахлу, Лисаневичъ долженъ былъ, главнѣйшимъ образомъ, охранять Елисаветпольскій и Шамшадыльскій округи, и препятствовать персіянамъ ворваться въ наши границы черезъ Делижанское ущелье. Въ случаѣ требованія генерала Небольсина, Лисаневичу приказано было отправить ему въ помощь одинъ баталіонъ, а самому оставаться съ другимъ баталіономъ въ Чардахлу. Для поддержанія спокойствія во вновь покоренныхъ ханствахъ и наблюденія за поведеніемъ самихъ владѣльцевъ, Тормасовъ могъ назначить лишь по нѣскольку ротъ. Такъ, двѣ роты Троицкаго полка находились въ Елисаветполѣ, одна—въ Нухѣ и одна съ орудіемъ—въ Шемахѣ (Ширвани); двѣ

роты 17-го егерскаго полка расположены въ Шушѣ (Карабагѣ) и двѣ роты того же полка на Загамѣ. Вотъ всѣ боевыя силы, которыми могъ располагать главнокомандующій для защиты всего лѣваго фланга нашей границы. Сознавая ихъ ничтожество, Тормасовъ призывалъ населеніе къ собственной защитѣ, и требовалъ, чтобы ханы карабагскій, ширванскій и шекинскій приняли надлежащія мѣры къ обезпеченію своихъ владѣній собственными войсками. Онъ просилъ, чтобы для содѣйствія русскимъ войскамъ владѣльцы выставили по тысячѣ человѣкъ конницы и обезпечили ихъ провіантомъ на двѣ недѣли [1]).

Татары казахской, борчалинской и шурагельской дистанцій и ханъ карабагскій выставили свою конницу и заняли наблюдательные посты почти по всѣмъ дорогамъ, по которымъ могли пробраться персіяне въ ихъ границы, но Джафаръ-Кули-ханъ шекинскій долгое время уклонялся отъ исполненія трбованій главнокомандующаго, и лишь послѣ неоднократныхъ повтореній выслалъ нѣсколько человѣкъ всадниковъ, безъ провіанта и плохо вооруженныхъ. Генералъ-маіоръ Небольсинъ доносилъ [2]), что присланная къ нему нухинская конница не только не полезна, но отяготительна, ибо, по худобѣ лошадей, употреблять ее невозможно. У самихъ нухинцевъ не было хлѣба, и они, оставляя посты, расходились въ разныя стороны, по домамъ. Что касается до Мустафы хана ширванскаго, то онъ вовсе не высылалъ своей конницы и не скрывалъ своего недоброжельства къ Россіи. Поддерживая сношенія съ родственникомъ своимъ Селимомъ, бывшимъ ханомъ шекинскимъ, Мустафа давалъ ему пристанище въ своихъ владѣніяхъ, снабжалъ его съѣстными припасами и увѣрялъ всѣхъ, что дѣлаетъ это съ разрѣшенія главнокомандующаго [3]).

Постоянно враждовавшій противъ Джафаръ-Кули-хана шекинскаго Мустафа пріобрѣлъ въ немъ явнаго и опаснаго врага, зорко слѣдившаго за его поведеніемъ и поступками. Джафаръ былъ че-

---

[1]) Письмо Тормасова ханамъ, отъ 30-го іюля 1809 г.
[2])Рапортъ Небольсина Тормасову, 19-го августа, № 276.
[3]) Рапортъ подполковника Тихановскаго, 24-го іюля. А. К. А. К., т. IV, № 759.

ловѣкъ пожилой, опытный и себѣ на умѣ. Полагая, по обычаю азіятцевъ, что самый лучшій признакъ вѣрности заключается въ доносахъ на сосѣда, Джафаръ занимался ими съ особымъ прилежаніемъ. Онъ засыпалъ Тормасова жалобами и доносами, во многихъ случаяхъ хотя и справедливыми, но запоздалыми, неновыми и давно извѣстными изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ. Въ сообщеніяхъ Джафара новаго было только то, что было ложно и выдумано ханомъ шекинскимъ, изъ личныхъ выгодъ. Главнокомандующій цѣнилъ эти сообщенія по ихъ достоинству, и зная, что самъ Джафаръ вѣренъ намъ потому только, что сидитъ на ханствѣ при нашей охранѣ, предложилъ ему помириться съ Мустафою. Въ примиреніи этомъ Тормасовъ видѣлъ облегченіе своего положенія, спокойствіе для населенія, и потому поручилъ генералъ-маіору Гурьеву быть посредникомъ въ прекращеніи вражды между двумя ханами. По предложенію Гурьева, Мустафа согласился помириться съ Джафаромъ и даже отправился на свиданіе съ ханомъ шекинскимъ, но на дорогѣ получилъ вторичное требованіе генералъ-маіора Небольсина о высылкѣ къ нему тысячи человѣкъ ширванской конницы. Подъ предлогомъ необходимыхъ распоряженій и полученнаго извѣстія о томъ, что персіяне появились у Худо-аферинскаго моста, Мустафа отказался ѣхать далѣе и возвратился въ Новую Шемаху. Это возвращеніе не побудило однако же его выслать требуемую конницу, и ханъ оставался спокойнымъ зрителемъ, чья сторона одолѣетъ и кто станетъ повелѣвать Ширваномъ: Россія или Персія. На всѣ требованія собрать и отправить конницу, Мустафа отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ, такъ какъ всѣ жители, изъ опасенія вторженія персіянъ, перебираются въ горы.

Бездѣятельность ширванскаго хана въ защитѣ собственныхъ границъ указывала на его двуличіе, малую преданность Россіи и на то, что онъ не считаетъ персіянъ своими врагами. Дѣйствительно, скоро стало достовѣрно извѣстно, что, съ приближеніемъ персіянъ къ нашимъ границамъ, Мустафа отправилъ къ Аббасъ-Мирзѣ своего посланнаго муллу Абдурахманъ-эфенди. Подъ видомъ купца, мулла съѣздилъ къ наслѣднику Персіи и возвратился съ письмомъ, въ которомъ Аббасъ-Мирза, удивляясь, почему Мустафа

служитъ Государю, обѣщалъ 200,000 руб., если измѣнитъ ему. Мустафа считалъ еще нока неудобнымъ послѣдовать такому совѣту, ибо щедрость персіянъ на однихъ только словахъ была давно извѣстна всѣмъ, и властитель Ирана не стѣснялся обѣщаніями. Онъ сулилъ огромныя суммы денегъ и награды всѣмъ тѣмъ, которые присоединятся къ его полчищамъ. Баба-ханъ отправилъ свои фирманы въ Дагестанъ, Шихъ-Али, бывшему хану кубинскому, хану талышенскому, осетинамъ, царю имеретинскому и даже къ пограничнымъ съ Грузіею турецкимъ пашамъ, «приглашая ихъ съ большими обѣщаніями къ содѣйствію ему въ военныхъ предпріятіяхъ» [1]). Самъ онъ, въ началѣ іюля, выступилъ изъ Тегерана и остановился въ м. Уджанъ по сю сторону Тавриза. Баба-ханъ намѣренъ былъ испытать другой родъ войны съ русскими: обходить наши войска своею конницею, появляться въ мѣстахъ, лишенныхъ защиты, и, вторгаясь нечаянно въ наши границы, разорять и опустошать селенія. Съ этою цѣлью онъ раздѣлилъ свои войска на три части, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, предназначалась для дѣйствія въ Карабагѣ; другая, подъ предводительствомъ старшаго сына Баба-хана. Мамедъ-Али-хана, сосредоточившись въ Эриванѣ, должна была вторгнуться въ Памбакскую и Шурагельскую провинціи, и наконецъ самъ Баба-ханъ, дойдя до озера Гокча, намѣренъ былъ произвести опустошеніе въ Елисаветпольскомъ округѣ, Шамшадыльской и Казахской дистанціяхъ.

23-го іюля персіяне въ числѣ до 10,000 человѣкъ вторглись въ Памбакскую провинцію и напали на постъ при сел. Амамлахъ, занятый двумя баталіонами Саратовскаго мушкетерскаго полка. Бой продолжался въ теченіе шести часовъ; персіяне были разбиты и принуждены отступить. Оставивъ наши границы, Мамедъ-Али-ханъ отошелъ къ Эривани и остановился близъ Абарани.

При первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля къ нашимъ границамъ, Тормасовъ, успѣвшій собрать съ большимъ затрудненіемъ отрядъ изъ семи баталіоновъ пѣхоты, восьми эскадроновъ

---

[1]) Отношеніе Тормасова графу Аракчееву, 11-го іюля 1809 г. А. К. А. К., т IV, № 1062.

кавалеріи и двухъ казачьихъ полковъ [1]), перешелъ изъ лагеря подъ Тифлисомъ къ сел. Думанисамъ. Это передвиженіе устрашило персіянъ и разстроило всѣ ихъ планы. Урочище Думанисы находилось близъ границъ Ахалцыхскаго пашалыка и черезъ него же пролегала дорога въ Эривань. Полагая, что движеніе русскихъ войскъ въ этомъ направленіи сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы, соединившись съ войсками, находившимися въ Памбакахъ и Шурагели, отрѣзать персіянъ и идти на Эривань, Мамедъ-Али-ханъ торопился уйти отъ нашихъ границъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрыть этотъ городъ. Оставаясь у Эривани, Мамедъ рѣшился выждать, пока съ одной стороны обозначится намѣреніе Тормасова, а съ другой Аббасъ-Мирза, своимъ вторженіемъ въ Карабагъ, не отвлечетъ наши силы въ ту сторону.

Почти одновременно съ появленіемъ персіянъ въ Памбакахъ, наслѣдникъ Персіи съ своимъ ополченіемъ подошелъ къ Араксу, съ намѣреніемъ переправиться черезъ Худо-аферинскій мостъ. Здѣсь онъ узналъ, что въ Карабагѣ его ожидаетъ генералъ-маіоръ Небольсинъ съ довольно сильнымъ отрядомъ, и что русскіе выступили уже изъ лагеря при р. Тертерѣ и перешли въ г. Шушу съ тою цѣлью, чтобы не только не допустить персіянъ вторгнуться въ наши границы, но, напротивъ, встрѣтить ихъ въ ихъ же владѣніяхъ. Не надѣясь на успѣхъ дѣйствій при такихъ условіяхъ и полагая, что съ переходомъ Тормасова въ Думанисы, Елисаветпольскій округъ оставленъ вовсе безъ защиты, Аббасъ-Мирза рѣшился, миновавъ Карабагъ, двинуться къ Елисаветполю. Быстрыми и усиленными переходами отъ потянулся къ Нахичевани, а оттуда къ верховьямъ Шамхора. Разсчитывая на легкій успѣхъ и скорое овладѣніе городомъ, Аббасъ былъ крайне удивленъ, когда узналъ, что Тормасовъ съ главными силами стоитъ уже у Шамхора.

Какъ только главнокомандующій получилъ извѣстіе о томъ, что Аббасъ-Мирза потянулся къ Нахичевани, онъ понялъ тотчасъ

[1]) Въ отрядѣ Тормасова находилось по два баталіона отъ полковъ Херсонскаго и Кавказскаго гренадерскихъ, два баталіона 9-го и одинъ 15-го егерскаго полковъ; по четыре эскадрона Нарвскаго и Нижегородскаго драгунскихъ полковъ и донскіе Денисова и Ежова полки.

же, что персидскій принцъ намѣренъ ворваться въ образовавшійся промежутокъ между главнымъ отрядомъ и войсками Небольсина, т. е. въ Елисаветпольскій округъ. Слѣдуя на помощь войскамъ, расположеннымъ въ Памбакахъ, Тормасовъ, послѣ двухъ переходовъ, быстро перемѣнилъ направленіе, двинулся къ Елисаветполю и въ четыре перехода достигъ до Шамхора. Русскія войска встрѣтили персіянъ лишь только они, въ числѣ 4,000 человѣкъ, стали спускаться съ горъ, съ намѣреніемъ выжечь хлѣбъ и разорить селенія. Видя свои планы разрушенными, а жителей спокойными и невыказывающими желанія измѣнить русскому правительству, Аббасъ-Мирза удалился въ горы.

Попытки двухъ братьевъ не увѣнчались успѣхомъ, и до половины августа персіяне, вторгаясь въ наши границы небольшими партіями, занимались мелкимъ грабежомъ. Наши отряды ходили по разнымъ направленіямъ, старались догнать непріятеля или предупредить его вторженіе, но, утомляясь безпрерывными движеніями, рѣдко когда успѣвали встрѣтиться съ противникомъ, быстро уходившимъ и скрывавшимся въ горахъ.

Въ половинѣ августа персіяне въ значительныхъ силахъ снова вторглись со стороны озера Гокча въ Елисаветпольскій округъ и остановились въ урочищѣ Хачъ-булагѣ, въ 30 верстахъ отъ Елисаветполя. 13-го августа непріятельская партія, подъѣхавъ къ форштадту города, имѣла перестрѣлку съ обывателями и ротою Троицкаго мушкетерскаго полка. Тормасовъ тотчасъ же двинулся къ Елисаветполю и, расположившись лагеремъ на Загамѣ, поручилъ правителю Грузіи связать всѣ пѣхотные полки казачьею цѣпью и содержать въ Тифлисѣ въ готовности резервъ, для отправленія куда встрѣтится надобность [1]). Персіяне въ числѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ все еще стояли у Хачъ-булага; позади ихъ въ пяти агачахъ (около 35 верстъ) стоялъ Аббасъ-Мирза съ 20,000 человѣкъ [2]). Съ приближеніемъ Тормасова оба отряда отступили къ Шамхору, съ намѣреніемъ не допустить наши главныя силы до Елисаветполя. Торопясь догнать непріятеля

---

[1]) Предписаніе правителю Грузіи, 14-го августа, № 1503.
[2]) Рапортъ полковника Якимова Тормасову. 14-го августа, № 680.

и атаковать его, главнокомандующій предписалъ Лисаневичу съ его двумя баталіонами 9-го егерскаго полка слѣдовать къ Шамхору на соединеніе съ главными силами. Какъ только авангардъ послѣднихъ дошелъ до р. Шамхора, Тормасовъ приказалъ генералъ-маіору Маркизу Паулуччи взять два баталіона 9-го егерскаго полка съ нѣсколькими казаками и открыть мѣсто расположенія непріятеля.

Пройдя четыре версты за рѣку, Паулуччи встрѣтилъ толпу персіянъ въ числѣ около 4,000 человѣкъ, быстро отступавшихъ за урочище Хачъ-булагъ въ горы, прилегающія къ Елисаветполю. Непріятель уходилъ быстро, скрывался въ горахъ и догнать его нашей пѣхотѣ не представлялось никакой возможности. Маркизъ Паулуччи остановился на Кораархѣ и расположился тамъ лагеремъ. Видя новую неудачу, Аббасъ-Мирза отступилъ къ Эривани, куда скоро пришелъ къ нему и Мамедъ-Али-ханъ, также безуспѣшно кончившій свое вторичное покушеніе вторгнуться въ Памбаки.

Находившійся съ отрядомъ въ Памбакахъ генералъ-маіоръ Портнягинъ донесъ главнокомандующему, что 17-го августа показалась на границѣ толпа персіянъ въ числѣ около 12,000 человѣкъ, передъ тѣмъ стоявшихъ на Абаранѣ. Портнягинъ тотчасъ же выступилъ навстрѣчу, но непріятель, избѣгая сраженія, отошелъ къ турецкимъ границамъ Карсскаго пашалыка. На другой день персіяне отступили къ урочищу Кара-агачъ, по направленію къ Борчалинской дистанціи. Для преслѣдованія непріятеля былъ отправленъ полковникъ Печерскій съ баталіономъ 15-го егерскаго полка, тремя эскадронами Нарвскихъ драгунъ и сотнею казаковъ. Перевалившись черезъ высокій и труднопроходимый хребетъ Безобдальскій, Печерскій 22-го августа прибылъ на Лори, но не нашелъ тамъ непріятеля. Партія персіянъ, состоявшая изъ одной только конницы, сдѣлала въ эту ночь и слѣдующій день 130 верстъ и ворвавшись въ Борчалинскую дистанцію, близъ урочища Агзебіюкъ, разорила восемь деревень татаръ, только что возвратившихся съ кочевья и спустившихся съ горъ на плоскость.

Это былъ послѣдній разбойничій наѣздъ, когда 22-го августа къ Тормасову явился посланный съ письмомъ визиря Мирзы Бе-

зюрка, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что Персія желаетъ мира, но для заключенія его считаетъ необходимымъ послать въ Петербургъ полномочное посольство, «ибо уступка провинцій и взятіе опыхъ,—говорилъ онъ,—зависитъ отъ воли самихъ государей [1])».

Причину продолжающейся войны Безюркъ приписывалъ Тормасову, который, по его словамъ, вмѣстѣ съ сообщеніемъ согласія Императора принять посольство въ своей столицѣ,— заявилъ требованіе объ уступкѣ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго.

«Такой отвѣтъ, писалъ визирь, который горче яда во время переговоровъ о дружбѣ, былъ весьма страненъ съ вашей стороны. Хотя правительство мое изъ этого отвѣта сдѣлало заключеніе о намѣреніи вашемъ продолжать вражду, которая дастъ извѣстный плодъ, но, принимая въ соображеніе и дружескія ваши изъясненія въ томъ письмѣ, я рѣшился отправить къ вамъ Хаджи-Абуль-Хассана, и сообщаю вамъ, что если вы, подобно намъ, имѣете наклонность къ дружбѣ, то на этотъ разъ оставьте горькій отвѣтъ и напишите такое письмо, которое болѣе усилило бы наше расположеніе къ пріязни, а не усугубило вражды между двумя державами. Если же вы такой наклонности не имѣете, то воля ваша».

Вслѣдъ за этимъ посланіемъ и на слѣдующій день главнокомандующій получилъ письмо и отъ Аббасъ-Мирзы съ такимъ же точно предложеніемъ, причемъ оба посланные заявили, что правительство ихъ настаиваетъ на отправленіи посольства въ Петербургъ потому, что договариваться объ опредѣленіи границъ на мѣстѣ считаетъ для себя унизительнымъ и обиднымъ въ глазахъ народа. Тормасовъ отвѣчалъ, что Императоръ согласился на принятіе пословъ въ своей столицѣ въ томъ только случаѣ, когда на мѣстѣ будутъ постановлены главныя основанія мирныхъ условій, т. е. когда будутъ опредѣлены границы.

Персіяне быть можетъ сами по себѣ и согласились бы на это требованіе, но подстрекаемые англичанами они видѣли въ такомъ заявленіи русскаго правительства неравенство отношеній между государствами и притязательность Россіи. По всему видно было,

[1]) См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1070.

что расточаемое щедрыми руками англійское золото оказало свое дѣйствіе не только на жадныхъ и алчныхъ приближенныхъ, но и на самого Баба-хана. Главнокомандующій не ожидалъ удовлетворительнаго исхода мирныхъ переговоровъ, и, не задерживая долго посланныхъ, 25-го августа отправилъ ихъ обратно. Тормасовъ писалъ въ своемъ отвѣтѣ, что онъ уполномоченъ заключить миръ, но только съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы рѣки Кура, Араксъ и Арпачай были границами между двумя государствами, и если тегеранскій дворъ искренно желаетъ мира и согласенъ на эти условія, то онъ готовъ приступить теперь же къ перегорамъ.

— Не могу, однако же, не замѣтить,—говорилъ онъ, отпуская посланныхъ,—что исканіе мира и разореніе невинныхъ жителей—двѣ вещи совершенно противныя. Если бы Персія искренно желала мира, то воздержалась бы отъ набѣговъ на наши границы, тѣмъ болѣе, что при первомъ открытіи Персіею мирныхъ предложеній, предмѣстникомъ моимъ запрещено нашимъ войскамъ входить въ персидскіе предѣлы, что и по сіе время свято наблюдается съ нашей стороны. Въ настоящее время я не буду столь уступчивъ, и, при первомъ нарушеніи, постараюсь наказать нарушителей даже и въ томъ случаѣ, если бы представители персидскаго правительства находились въ это время въ С.-Петербургѣ.

Угрозы эти не подѣйствовали, и спустя день послѣ отправленія персидскихъ посланныхъ, партія персіянъ сдѣлала набѣгъ на борчалинскихъ татаръ и, разоривъ нѣсколько селеній, поспѣшно удалилась въ предѣлы Турціи. Рѣшаясь наказать хищниковъ и имѣя въ виду, что въ Карабагѣ не было непріятеля, Тормасовъ вызвалъ къ себѣ генералъ-маіора Небольсина съ тремя баталіонами и двумя казачьими полками. Оставивъ на мѣстѣ всѣ тяжести и присоединивъ отрядъ Небольсина, главнокомандующій, въ ночь на 28-е августа, двинулся къ м. Чардахлы, находившемуся въ 30 верстахъ отъ его лагеря. Тамъ, по самымъ вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, находился Аббасъ-Мирза съ 6,000 пѣхоты и 20,000 конницы, передовые посты которой были замѣчены на вершинахъ Шамхорскихъ горъ. Послѣ труднаго ночнаго перехода

*

по Ясаманскому ущелью и подъема на горы, Тормасовъ не нашелъ тамъ не только войскъ, но и отдѣльныхъ партій, ибо Аббасъ-Мирза, узнавъ о намѣреніи русскихъ атаковать его въ горахъ, ушелъ верстъ за 40 внутрь Персіи.

Имѣя Высочайшее повелѣніе дѣйствовать оборонительно и располагая только пѣхотою, главнокомандующій не имѣлъ возможности преслѣдовать коннаго непріятеля, бывшаго отъ него въ сорока верстахъ, а тѣмъ болѣе входить въ предѣлы Персіи. Остановившись въ м. Чардахлы, Тормасовъ отправилъ генерала Небольсина съ его отрядомъ къ Елисаветполю, для охраненія крѣпости и округа, а полковника Лисаневича—къ Шамхору для защиты туземнаго населенія и шамшадыльскихъ татаръ. Самъ главнокомандующій намѣренъ былъ двинуться къ Тифлису, но едва сталъ спускаться съ горъ, какъ къ нему прибылъ новый посланный отъ Аббасъ-Мирзы съ письмомъ, въ которомъ наслѣдникъ персидскаго престола просилъ заключить перемиріе и увѣдомлялъ, что приказалъ немедленно отпустить барона Вреде, задержаннаго въ Эривани. Тормасовъ отвѣчалъ, что, имѣя полномочіе только на заключеніе *полнаго мира*, не можетъ безъ Высочайшаго разрѣшенія приступить къ заключенію *перемирія*, но обѣщаетъ не вступать въ предѣлы Персіи, если сами персіяне не коснутся границъ нашихъ [1]).

Подъ видомъ удовлетворенія желанія русскаго правительства, а на самомъ дѣлѣ по недостатку продовольствія, персіяне удалились отъ нашихъ границъ, но вслѣдъ за тѣмъ вторглись въ Талышенское ханство, считавшееся подъ покровительствомъ Россіи.

Поводомъ къ такому вторженію былъ отказъ Миръ-Мустафы хана талышенскаго выдать свою дочь за одного изъ сыновей Баба-хана. Сообщая Тормасову отвѣтъ, данный повелителю Персіи, и ожидая нападенія, Мустафа просилъ о поддержкѣ его русскими войсками. Главнокомандующій увѣрялъ хана, что, съ наступленіемъ осени ему нечего опасаться персіянъ, неимѣющихъ возможности, по недостатку продовольствія, предпринять что-либо рѣшительное, а тѣмъ болѣе тогда, когда въ Персіи происходили

[1]) Тормасовъ военному министру, 10-го сентября. Воен. Учен. Арх., д. № 2420.

внутреннія волненія, когда Хоросанская провинція отложилась отъ власти Баба-хана и между авганцами существовала междоусобная вражда. Тормасовъ писалъ, что Талышенское ханство укрѣплено самою природою и весьма удобно для защиты съ небольшимъ числомъ войскъ, но на это получилъ отвѣтъ Мустафы-хана, что нѣкоторые изъ его подвластныхъ, отложившись, передались персіянамъ и что хану не съ кѣмъ защищать своихъ владѣній. Тогда изъ Баку была отправлена къ талышенскимъ берегамъ эскадра изъ одного бомбардирскаго корабля и двухъ малыхъ судовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Челѣева.

Въ три часа пополудни 28-го августа Челѣевъ вышелъ изъ Бакинской гавани и черезъ 36 часовъ прибылъ къ Ленкорани. Онъ нашелъ жителей объятыми паническимъ страхомъ, въ ожиданіи скораго вторженія непріятеля. Проходя по нѣкоторымъ улицамъ, Челѣевъ замѣтилъ, что городъ почти опустѣлъ, а оставшееся населеніе вмѣстѣ съ ханомъ были похожи на преступниковъ, ожидавшихъ смертной казни. «Можно даже при первомъ взглядѣ,—доносилъ Челѣевъ [1]),—не изслѣдуя причины пасмурности, читать на лицѣ ихъ какое-то прискорбіе». Прибытіе русскихъ судовъ нѣсколько ободрило туземное населеніе, но не надолго; какъ только талышенцы узнали, что русскія войска не будутъ присланы имъ на помощь—они предались еще большему отчаянію, спѣшили оставить Ленкорань и укрыться на безплодномъ полуостровѣ, находившемся неподалеку отъ города. Ханъ умолялъ о присылкѣ ему 1,000 человѣкъ пѣхоты, но Тормасовъ, выставляя малочисленность своихъ войскъ, писалъ, что не имѣетъ никакой возможности оказать ему помощи въ этомъ отношеніи.

Въ сентябрѣ персіяне, въ числѣ 11,000 человѣкъ, вступили въ предѣлы Талышенскаго ханства и 16-го числа, менѣе чѣмъ въ четыре часа, овладѣли Ленкоранью и превратили городъ въ пепелъ. Стоявшія на рейдѣ наши суда не могли принять участія въ отраженіи непріятеля, ибо все дѣло происходило за лѣсомъ, которымъ окруженъ былъ городъ. «Я чувствую себя,—доносилъ Челѣевъ [2]),—недостаточнымъ совершенно изобразить картину тро-

[1]) Тормасову, отъ 1-го сентября. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 875.
[2]) Тормасову, отъ 19-го сентября 1809 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 880.

гательнѣйшаго положенія жителей, при воззрѣніи на коихъ каждый человѣкъ, хотя бы онъ имѣлъ варварское сердце, долженъ испустить нѣсколько вздоховъ чувствительности къ человѣчеству; самъ побѣдитель содрогнулся бы, когда миновалось бы его изступленіе. Горестно очень быть чувствительной душѣ свидѣтелемъ ужасной сцены, когда жители, переселясь на полуостровъ, длиною на милю, со всѣми животными влачатъ свою жизнь безъ покрововъ отъ непогодъ, кои ихъ начинаютъ преслѣдовать, въ пескѣ, въ грязи, безъ жизненнаго запаса себѣ и скоту».

Съ занятіемъ Ленкорани непріятелемъ, большая часть талышенцевъ отложилась отъ Мустафы-хана и онъ съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему войскъ, со всѣмъ семействомъ и имуществомъ принужденъ былъ скрыться также на полуостровѣ. Хотя ханъ и принималъ всѣ мѣры къ защитѣ, но, признавая ихъ совершенно ничтожными, умолялъ Тормасова оказать ему помощь русскими войсками. Одна рота Севастопольскаго полка была послана на судахъ изъ Баку въ Талыши, но съ тѣмъ, чтобы она не удалялась далеко отъ береговъ внутрь Талышенскаго ханства. Отправить въ помощь хану болѣе значительный отрядъ Тормасовъ не признавалъ возможнымъ. Талышенское ханство лежало за Араксомъ, и переправа черезъ эту рѣку нашихъ войскъ могла бы подать предлогъ тегеранскому двору утверждать, что русскіе не ограничиваются исканіемъ границы по р. Аракъ, а имѣютъ болѣе обширные виды на расширеніе своихъ владѣній. Такое заключеніе было несогласно съ желаніемъ Императора Александра, стремившагося къ скорѣйшему достиженію мирныхъ соглашеній съ Персіею, и потому главнокомандующій принужденъ былъ ограничиться посылкою лишь незначительной части войскъ, предназначавшихся исключительно для защиты самого хана и его семейства. Съ этою цѣлью капитанъ-лейтенанту Челѣеву приказану было, въ случаѣ крайней опасности для хана и нашей роты, посадить ихъ на суда и отплыть отъ талышенскихъ береговъ.

Полуостровъ, на которомъ заперся ханъ съ остатками своихъ войскъ, былъ мѣстомъ весьма крѣпкимъ и защищеннымъ самою природою. Съ прибавкою въ нѣкоторыхъ пунктахъ искусствен-

ныхъ укрѣпленій можно было весьма долгое время держаться противъ многочисленнаго непріятеля, и потому Миръ-Мустафа, по совѣту Челѣева, приступилъ немедленно къ постройкѣ нѣсколькихъ батарей, для защиты которыхъ было высажено на берегъ 30 матросовъ съ двумя орудіями. Для поддержки ихъ, находившіяся на рейдѣ суда были разставлены такъ, что могли обстрѣливать впереди лежащую мѣстность и доставить довольно сильную оборону, но, къ сожалѣнію, она не могла быть продолжительна по недостатку продовольствія.

«Увядаетъ Талышенское ханство, — доносилъ Челѣевъ [1]),— увядаетъ очень примѣтно; ханъ уже потерялъ прежнюю бодрость духа, приверженные же воины его, которые остались дѣлить съ нимъ несчастную участь и испить вмѣстѣ чашу горести, не прежніе бодрые талышенцы, но унылые узники».

Непріятель господствовалъ повсюду: по горамъ и долинамъ персіяне распоряжались какъ у себя дома. Жители бѣжали изъ своихъ жилищъ и скитались въ нищетѣ, испытывая голодъ и холодъ. Запасъ пищи истощился почти у всѣхъ; скотъ — главное имущество поселянъ, не имѣя корма, устлалъ своими трупами почти весь полуостровъ, а между тѣмъ, перехваченные фирманы Баба-Хана указывали, что персіяне намѣрены оставаться тамъ всю зиму, чтобы весною начать новое разореніе. Оставшіеся безъ крова и безъ пищи талышенцы, съ наступленіемъ осени и зимы, могли быть поставлены въ ужасное положеніе, если бы Фараджъ-Уллахъ-ханъ, командовавшій персидскими войсками, не вступилъ въ переговоры съ Миръ-Мустафою.

17-го октября Фараджъ прислалъ своего посланнаго съ требованіемъ, чтобы ханъ талышенскій пожертвовалъ преданностію Россіи въ пользу Персіи, и отдалъ бы сына въ аманаты, въ залогъ своей вѣрности повелителю Ирана. Считаясь болѣе 10-ти лѣтъ подъ покровительствомъ Россіи, ханъ предпочелъ оставаться въ томъ же положеніи, и отказался исполнить требованіе тегеранскаго двора. Переговоры между Мустафою и Фараджъ-Уллахъ-ханомъ готовы были прекратиться, когда капитанъ-лейтенантъ Че-

[1]) Тормасову, отъ 15-го октября. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 884.

лѣевъ, зная, что персіяне добиваются заключенія перемирія, принялъ на себя роль посредника и требовалъ, чтобы Фараджъ удалился съ своими войсками изъ Талыши. Послѣ довольно продолжительныхъ сношеній Фараджъ согласился исполнить требованіе, но съ тѣмъ, чтобы Мустафа освободилъ трехъ старшинъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ на Мурганской степи. Требованіе было исполнено, и персіяне удалились [1]).

Успокоившіеся талышенцы возвращались въ свои селенія, и порядокъ въ ханствѣ мало-по-малу возстанавливался. Тогда главнокомандующій, имѣя въ виду, что Миръ-Мустафа и его подданные не находятся въ прямой зависимости Россіи, а считаются лишь подъ покровительствомъ ея, приказалъ Челѣеву простоять нѣкоторое время у талышенскихъ береговъ, а затѣмъ, когда съ наступленіемъ осени пребываніе въ морѣ сдѣлается опаснымъ для нашихъ судовъ, посадить на нихъ роту Севастопольскаго полка и отплыть къ бакинскому рейду [2]). Ханъ умолялъ не удалять флотиліи и оставить войска, которыя были необходимы ему какъ для обезпеченія отъ вторичнаго нападенія персіянъ, такъ и для приведенія къ покорности отложившихся его подданныхъ.

Съ одной стороны, покровительство, столь долгое время оказываемое талышенскому хану, побуждало главнокомандующаго оказать ему помощь, а съ другой—крайняя ограниченность боевыхъ средствъ и происходившія повсюду волненія, заставляли Тормасова уклоняться отъ исполненія просьбы Миръ-Мустафы-хана. Имѣя для защиты трехъ обширныхъ провинцій: Дербентской, Кубинской и Бакинской только одинъ Севастопольскій полкъ, Тормасовъ не могъ послать значительный отрядъ на защиту талышенскаго ханства, а между тѣмъ, посылка и оставленіе въ ханствѣ нѣсколькихъ ротъ было безполезно, ибо могло служить поводомъ къ нарушенію добраго согласія съ персидскимъ правительствомъ, повидимому, искавшимъ прекращенія враждебныхъ отношеній. Всѣ эти причины заставили Тормасова отказать въ помощи хану.

---

[1]) Рапортъ Челѣева Тормасову, 11-го ноября. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 885.

[2]) Предписаніе Челѣеву, 20-го ноября. Тамъ же, № 887.

«Доселѣ, писалъ онъ Миръ-Мустафѣ [1]), дѣлалъ я вамъ всю возможную помощь и, сколько позволяли мнѣ то обстоятельства, защищалъ владѣніе ваше со стороны моря военными судами и артиллеріею, давалъ пѣхотныя войска для содѣйствія вамъ, требовалъ отъ персидскаго правительства, чтобы непріятельскія противъ васъ дѣйствія были прекращены и войска персидскія выведены изъ талышенскаго владѣнія, какъ покровительствуемаго Всероссійскою Имперіею, что, какъ извѣстно мнѣ, и исполнено со стороны Персіи по моему настоянію; я дѣлалъ въ пользу вашу все то, что требовали отъ меня мой долгъ и обязанность».

Желая однакоже сохранить вліяніе Россіи въ талышенскомъ ханствѣ, Тормасовъ спрашивалъ министра иностранныхъ дѣлъ, какая система дѣйствій должна быть принята относительно хана и, выставляя затруднительность своего положенія отъ недостатка войскъ, искренно желалъ скорѣйшаго заключенія мира съ тегеранскимъ дворомъ. Даже и съ прекращеніемъ непріязненныхъ дѣйствій съ персіянами, положеніе наше въ Закавказьѣ было весьма затруднительно. Кромѣ персіянъ, мы имѣли весьма сильнаго врага въ лицѣ турокъ, готовившихся къ открытію военныхъ дѣйствій; въ Абхазіи происходили волненія и междоусобный споръ за наслѣдство, а ахалцыхскій паша и лезгины производили весьма частые набѣги на Грузію. Подстрекаемые грузинскимъ царевичемъ Александромъ, лезгины и турки грабили селенія и уводили въ плѣнъ жителей.

Пробравшись черезъ турецкія владѣнія въ Ахалцыхъ, царевичъ Александръ выкупилъ тамъ нѣсколькихъ человѣкъ грузинъ и отпустилъ ихъ въ отечество съ своими наставленіями и письмами къ князьямъ, дворянамъ, духовенству и народу.

«Любезнаго вамъ царя, писалъ онъ [2]), и памятнаго отца вашего Ираклія, сынъ Александръ изъявляю любовь, миръ и привѣтъ всѣмъ вообще старикамъ, какъ моимъ отцамъ, а молодымъ— какъ моимъ братьямъ. Не иду на васъ съ силою и мечомъ, ни съ враждою противъ тѣхъ изъ васъ, которые много или мало провинились передъ высокимъ домомъ нашимъ; но иду съ силою

[1]) Въ письмѣ отъ 29-го декабря. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 891.
[2]) Отъ 31-го августа. Тамъ же, № 191.

Божіею на враговъ, питая ко всѣмъ вамъ миръ и любовь. Обнимаю васъ какъ братьевъ и почитаю какъ отцовъ; знакомъ съ вашими фамиліями, знаю ихъ самоотверженную до крови службу, помню вашу почтительность и изъ любви къ вамъ и жизни своей не пожалѣю, пока не избавлю васъ отъ господства *чужихъ, которые не умѣютъ чтить васъ, не знаютъ вашихъ отцовъ, дѣдовъ и въ чьихъ рукахъ не будетъ конца вашей печали...* Я имѣю съ собою силу и казну трехъ сильныхъ и великихъ державъ—всего Ирана, османовъ и англичанъ для вашего освобожденія изъ рукъ чужихъ. Это есть минута вашего счастія, когда вы можете возобновить усердіе вашихъ предковъ и принять честь, подобающую великимъ и малымъ; когда вы пожалѣете вашихъ домашнихъ крестьянъ и имѣнія, и для мирнаго охраненія вашего поспѣшно и съ усердіемъ выйдете ко мнѣ на границу Грузіи, откуда дойдетъ до васъ вѣсть о моемъ прибытіи. А если не захотите, то я не отвѣчаю за всѣ ваши огорченія, чего отнюдь я не желаю, такъ какъ весь мой неусыпный трудъ предпринятъ только изъ любви къ вамъ».

Независимо отъ этого царевичъ отправилъ свои воззванія къ кабардинцамъ, осетинамъ и жителямъ Джавскаго ущелья. И здѣсь онъ точно также хвалился своими средствами, какъ боевыми, такъ и финансовыми. Царевичъ увѣрялъ, что нынѣшнія приготовленія Баба-Хана непохожи на прежнія; что на этотъ разъ онъ или покончитъ со всѣмъ Ираномъ, или выгонитъ русскихъ изъ Грузіи.

— Теперь,—говорилъ царевичъ, пора вамъ сослужить службу: на дорогахъ поставьте людей; въ случаѣ, если будетъ слѣдовать русское войско не пропускайте его. Вы всегда нашему дому служили и усердствовали, а теперь отъ вашего мужества зависитъ, какъ вы за насъ потрудитесь; мы тоже прибудемъ въ Грузію съ войскомъ, а вы спуститесь въ Цхинвалъ.

Воззванія эти, не смотря на всю ихъ несостоятельность и нелѣпость, не оставались безъ послѣдствій. Князья Мачабеловы укрѣпляли свои замки въ мѣстахъ ихъ жительства къ сторонѣ осетинскихъ ущелій, заготовляли въ нихъ хлѣбъ и вино, а осетины покупали рогатый скотъ, въ ожиданіи скораго прибытія

царевича. Въ Грузіи также происходили волненія отъ распускаемыхъ ложныхъ слуховъ. Сторонники Александра разсказывали, что главнокомандующій разбитъ персіянами и отрядъ его уничтоженъ, что непріятель находится въ Елисаветполѣ и скоро появится у Тифлиса. Весь уѣздъ и даже городъ были встревожены такими извѣстіями, и населеніе находилось въ большомъ безпокойствѣ [1]). Опасаясь, чтобы и прочіе уѣзды не пришли въ сомнѣніе и изъ одного легковѣрія не возбудили безпорядковъ, Тормасовъ спѣшилъ самъ въ Грузію. Оставивъ въ Елисаветполѣ генералъ-маіора Нобольсина съ его отрядомъ, онъ перешелъ въ Сомхетію и расположился лагеремъ у селенія Квеши, близъ границъ ахалцыхскихъ, чтобы уничтожить намѣреніе паши вторгнуться въ Карталинію и заставить его опасаться вступленія нашихъ войскъ въ его владѣнія [2]).

Ахалцыхскія войска не были еще готовы предпринять что-либо рѣшительное по недостатку провіанта, котораго нельзя было ожидать и въ будущемъ, такъ какъ поля не были обработаны. Лезгины небольшими партіями вторгались въ Горійскій уѣздъ, грабили и разоряли жителей; царевичъ Александръ хвастался ихъ побѣдами, но всѣ видѣли какого сорта были эти побѣды, и дѣло царевича было не въ блестящемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что съ возвращеніемъ Тормасова всѣ ложные слухи разсѣялись и надежды на возстаніе уничтожились. Паша ахалцыхскій и царь имеретинскій обнадеживали еще Александра и обѣщали оказать помощь, но на самомъ дѣлѣ опасались предпринять что-либо рѣшительное. Тѣмъ не менѣе, главнокомандующій совершенно справедливо видѣлъ здѣсь гораздо бо́льшую для себя опасность, чѣмъ со стороны Персіи и въ мусульманскихъ нашихъ владѣніяхъ Закавказья. Турки были, безъ сравненія, болѣе сильнымъ противникомъ, чѣмъ персіяне, и владѣли гораздо бо́льшими средствами къ возбужденію горскихъ народовъ противъ Россіи. Происки персіянъ, не касаясь населенія, въ большинствѣ глухаго ко всякаго

[1]) Предписаніе Тормасова генералу Ахвердову, 24-то августа. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1071.

[2]) Отношеніе Тормасова военному министру, 10-го сентября. Воен.-Учен. Арх., д. № 2420.

рода воззваніямъ, имѣли вліяніе только на отдѣльныхъ лицъ, далеко не воинственнаго характера, тогда какъ интриги Порты отзывались на кавказской линіи и приводили насъ къ столкновенію съ племенами воинственными, вольными и независимыми. Все это убѣждало Тормасова, что для утвержденія спокойствія въ новопокоренномъ краѣ необходимо начать съ умиротворенія праваго нашего фланга и отчасти съ ближайшаго сосѣда Грузіи — царя имеретинскаго, по словамъ главнокомандующаго, находившагося *«не въ должной покорности»*.

XII.

Поведеніе имеретинскаго царя Соломона.—Князь Зурабъ Церетели.—Воззваніе Тормасова къ имеретинамъ.—Послѣдствія этого воззванія.—Положеніе дѣлъ въ Абхазіи.—Междоусобная вражда за право наслѣдства.—Осада Поти и взятіе ее русскими войсками.

Удалившись изъ Кутаиса и скрывшись въ горахъ, царь Соломонъ употреблялъ всѣ средства къ тому, что выйти изъ-подъ власти Россіи и объявить себя независимымъ правителемъ Имеретіи. Онъ поддерживалъ переписку съ бѣглыми грузинскими царевичами, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ непріятелями Россіи, персіянами, турками и въ особенности съ ахалцыхскимъ пашою. Почти всѣ вторженія хищниковъ въ Грузію со стороны Ахалцыха происходили по просьбѣ и подстреканіямъ царя имеретинскаго. Подстреканіямъ этимъ нельзя было ожидать конца до тѣхъ поръ, пока Соломонъ будетъ оставленъ правителемъ Имеретіи. Признавая необходимымъ принять мѣры къ удаленію царя, еще бывшій главнокомандующій, графъ Гудовичъ, воспользовавшись смертью генерала Рыкгофа, назначилъ на его мѣсто командующимъ войсками въ Имеретіи генерала-маіора князя Дмитрія Орбеліани, какъ человѣка, имѣвшаго тамъ связи и болѣе другихъ способнаго возстановить спокойствіе въ странѣ и захватитъ Соломона въ свои руки.

Князю Орбеліани поручено было исполнять всѣ просьбы и желанія Соломона, за исключеніемъ просьбы о выводѣ войскъ изъ Кутаиса. Ему запрещено употреблять силу, «а нужно употреблять вамъ, писалъ графъ Гудовичъ [1]), самыя секретныя пружины, черезъ которыя могли бы вы приблизиться къ своей цѣли». Орбеліани долженъ былъ подъ какимъ либо предлогомъ вызвать Соломона въ Кутаисъ, но если бы онъ не согласился туда пріѣхать и продолжалъ бы скитаться по-прежнему по лѣсамъ и деревнямъ, то рѣшено было дѣйствовать на его приближенныхъ и самаго главнаго изъ нихъ—князя Зураба Церетели. Склонивъ ихъ на выдачу царя, Орбеліани долженъ былъ, согласно волѣ Императора, отправить его въ Тифлисъ со всѣмъ семействомъ и наслѣдникомъ, царевичемъ Константиномъ.

Прибывъ въ Имеретію, Орбеліани нашелъ Соломона скрывающемся въ лѣсу и окруженнымъ толпою около 1,000 человѣкъ вооруженныхъ имеретинъ. Сообщивъ, что пріѣхалъ въ мѣстопребываніе царя потому, что имѣетъ письмо отъ графа Гудовича, князь Орбеліани долгое время не могъ добиться свиданія: царь не ѣхалъ къ нему и не допускалъ къ себѣ, опасаясь, какъ потомъ открылось, многочисленныхъ русскихъ войскъ, будто бы скрытыхъ въ лѣсахъ, съ цѣлью схватить царя со всѣмъ семействомъ.

Три дня Орбеліани объяснялся съ Соломономъ черезъ раздѣлявшую ихъ рѣку и, наконецъ, на лодкѣ, охраняемой карауломъ, былъ переправленъ на противоположный берегъ. Свиданіе его съ царемъ не привело ни къ какимъ результатамъ. Соломонъ не соглашался пріѣхать въ Кутаисъ, ссылаясь на дурной тамъ воздухъ и свое слабое здоровье, требующее жизни въ горахъ. Въ отвѣтъ на письмо главнокомандующаго, царь, по-прежнему, требовалъ уступки въ его владѣніе Лечгума и вывода войскъ изъ Кутаиса.

— Если вамъ угодно, чтобы я отправилъ депутатовъ къ высочайшему двору, говорилъ Соломонъ, то исполните присягу, подписку и слово, данное княземъ Циціановымъ, отдайте Лечгумъ въ

[1]) Секретное предписаніе кн. Орбеліани, отъ 10-го февраля 1809 г., № 15.

мое владѣніе, напишите новыя условія подданства и выведите войска изъ Кутаиса,—тогда отправлю депутатовъ. Если изъ этихъ просьбъ моихъ ни одна не будетъ исполнена, то мнѣ невозможно служить войску россійскому (Россіи).

Соломонъ прислалъ къ Тормасову князя Зураба Церетели, съ порученіемъ упросить главнокомандующаго удовлетворить всѣ его желанія и тогда обѣщалъ пріѣхать въ свою столицу.

По-прежнему двуличничая и желая показать свою преданность русскому правительству, князь Церетели говорилъ, что Соломонъ, по слабости своего характера, лично не заслуживаетъ никакого вниманія, и обыкновенно слѣдуетъ совѣтамъ своихъ приближенныхъ, имѣющихъ на него вліяніе. При такомъ положеніи дѣлъ, князь Зурабъ считалъ полезнымъ, чтобы главнокомандующій обратился съ своимъ воззваніемъ къ духовенству и князьямъ, и призвалъ ихъ къ единодушному соединенію на пользу Имеретіи и къ безусловному исполненію воли Императора [1]).

Оставляя эту мѣру, какъ послѣднее средство, главнокомандующій отправилъ, однако же, прокламацію къ генералъ-маіору князю Орбеліани, но съ тѣмъ, чтобы онъ обнародовалъ ее въ томъ случаѣ, если Соломонъ вновь откажется исполнить наши требованія. Съ княземъ же Церетели Тормасовъ отправилъ письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы царь переѣхалъ въ Кутаисъ, прислалъ аманатовъ въ Тифлисъ и отправилъ въ Петербургъ депутатовъ, въ числѣ которыхъ долженъ быть непремѣнно и князь Зурабъ Церетели.

Получивъ это письмо и углубившись еще далѣе въ горы, Соломонъ обѣщалъ прислать отвѣтъ на требованіе главнокомандующаго не ранѣе, какъ черезъ десять дней. Между тѣмъ, обѣщанный срокъ прошелъ, а отвѣта не было; тогда генералъ-маіоръ князь Орбеліани обнародовалъ прокламацію главнокомандующаго, но она не произвела ожидаемаго дѣйствія. Напротивъ того, приверженцы успѣли внушить Соломону, что русское правительство уничтожаетъ власть царя, не признаетъ его болѣе законнымъ вла-

[1]) Рапортъ кн. Орбеліани Тормасову, 12-го іюня. Ак. К. Арх. Ком., т. IV, № 280.

дѣтелемъ и обращастся прямо къ духовенству, князьямъ и народу съ такими требованіями, исполненіе которыхъ принадлежитъ лично царю.

Соломонъ повѣрилъ этимъ внушеніямъ, и въ лѣсахъ, которые въ теченіе двухъ лѣтъ служили ему убѣжищемъ, собралъ для совѣта большую часть князей и вооруженнаго народа, чтобы спросить собравшихся, желаютъ ли они имѣть его царемъ, и увѣриться въ ихъ преданности.

Подарками и допущеніемъ своевольства царь думалъ привлечь на свою сторону имеретинъ, въ чемъ на время и успѣлъ. Привыкшіе къ своеволію князья боялись русскаго правленія и готовы были защищать Соломона.

«Всѣхъ князей, доносилъ князь Орбеліани, и дворянства внушать въ царя противныя мысли заставляетъ и то, что народъ сей теперь пользуется отъ него всѣмъ тѣмъ, что ему угодно, и царь всякаго удовлетворяетъ требованіе, хотя и по неволѣ; притомъ же, обыкшій къ своевольству и грабежамъ, страшится и того, что царь, вступивъ въ совершенное подданство съ исполненіемъ обязанностей россійскому Императору, будетъ имѣть отъ Его Величества и во всѣхъ случаяхъ защиту и поддержку, а они должны оставаться тогда безъ уваженія царемъ, тѣмъ болѣе, что царь тогда будетъ надъ ними сильнѣе и не будетъ имѣть нужды всякаго удовлетворять желаніе, какъ дѣлаетъ онъ теперь. Сверхъ того, всякому извѣстно, что тогда сдѣланное какимъ бы то ни было княземъ убійство или грабительство наказуемо будетъ по справедливости, и всякій виновникъ не останется безъ должнаго воздаянія. Сіи причины недоброжелателей царя, князей и дворянства вооружаютъ къ недопущенію царя до его обязанности, и народъ сей, обыкшій къ разнымъ своевольствамъ, не хочетъ быть нѣкогда ограниченнымъ въ своихъ буянствахъ».

Князь Зурабъ Церетели, по совѣту котораго была написана прокламація, не принималъ никакихъ мѣръ къ содѣйствію нашему правительству и устранилъ себя отъ дѣятельности, а князь Орбеліани не успѣлъ составить партіи намъ преданныхъ, ни внушить къ себѣ довѣренности царя Соломона. Фамильная вражда, существовавшая между домами князей Орбеліани и Церетели,

разъединяла дѣятельность этихъ лицъ на столько, что первый, встрѣчая повсюду препятствія, просилъ Тормасова объ отозваніи его въ Грузію, но главнокомандующій, не согласившись на это, предлагалъ ему, оставивъ всѣ частныя неудовольствія, соединиться съ Зурабомъ и дѣйствовать единодушно. Тормасовъ поручалъ князю Орбеліани быть снисходительнымъ къ Соломону только тогда, когда онъ будетъ имѣть вѣрную надежду, что снисхожденіемъ будетъ достигнуто удовлетвореніе нашихъ требованій относительно отправленія ко двору депутатовъ и присылки аманатовъ въ Тифлисъ; въ противномъ же случаѣ дѣйствовать рѣшительно и, оставя дальнѣйшія объясненія, потребовать категорическаго отвѣта: будутъ ли отправлены депутаты или нѣтъ? Если не послѣдуетъ отвѣта черезъ три дня, «или особа сія, полагаясь на лѣса, болота и горы, служащія ей убѣжищемъ, вздумаетъ объявить намъ рѣшительное свое несогласіе», то прекратить всякія сношенія съ Соломономъ. «Въ то время я приму другія мѣры, писалъ главнокомандующій [1]), и начну объясняться инымъ манеромъ, когда кроткія мѣры были не сильны обратить сего вассала къ повиновенію и исполненію своихъ обязанностей».

Между тѣмъ, имеретинскій царь рѣшительно отказывался отправить депутатовъ въ Петербургъ и высказывалъ явное недоброжелательство къ Россіи. Ни обѣщанія, ни ручательство, ни, наконецъ, снисхожденіе не могли перемѣнить его недовѣрчивость и обратить на путь истины. Преданныя намъ лица, архіепископы Кутатели и Генатели, сознавались въ своемъ безсиліи склонить царя перемѣнить свой образъ дѣйствій. Удалить Соломона изъ Имеретіи безъ употребленія открытой силы было невозможно, такъ какъ, окруженный постоянно вооруженною толпою, онъ скрывался въ труднодоступныхъ лѣсахъ, болотахъ или въ горахъ. Надо было изыскивать иныя средства къ тому, чтобы захватить царя въ свои руки. Князь Зурабъ Церетели предлагалъ поставить подъ какимъ либо предлогомъ русскія войска въ его имѣніи, и обѣщалъ прежде всего отклонить отъ повиновенія царю племянника своего,

[1]) Предписаніе главнокомандующаго князю Орбеліани 17-го іюня. Ак. К. А. Ком., т. IV, № 281.

владѣтельнаго князя Гуріи, а потомъ возстановить противъ Соломона притѣсняемыхъ имъ сильнѣйшихъ князей Рачинскаго округа.

Отдѣливъ отъ власти имеретинскаго царя Гурію и Рачу, и заключивъ его въ незначительномъ пространствѣ остальной части Имеретіи, можно было двинуть войска къ его убѣжищу и надѣяться захватить въ свои руки [1]). Но для этого необходимо было убѣдиться въ томъ, что преданныя намъ лица не откажутъ въ своемъ содѣйствіи. Въ виду этого, Тормасовъ потребовалъ отъ князя Зураба Церетели письменнаго заявленія о желаніи его содѣйствовать удаленію Соломона изъ Имеретіи, но Зурабъ отвѣчалъ весьма уклончиво.

«За счастіе признаю, писалъ онъ [2]), что по своему выбору остаюсь вѣрнымъ славнѣйшему государю, ради чего, каждый часъ кровь моя и моихъ дѣтей готова пролиться. Всѣ донынѣ бывшіе въ Грузіи государевы начальники признавали меня усерднымъ: покойный князь Циціановъ цѣнилъ мои слова и отзывался обо мнѣ, какъ объ особѣ, достойной довѣрія; также и графъ (Гудовичъ) и покойный генералъ Рыкгофъ. Но вы еще не знаете меня, и если донесеніе мое вызоветъ ваше благоволеніе, то вы убѣдитесь дѣйствительно ли я усерденъ».

Это усердіе прежде всего проявилось въ томъ, что Церетели предлагалъ главнокомандующему войти въ сношеніе съ ахалцыхскимъ пашою и при его посредствѣ овладѣть Ахалцыхомъ. Не отвѣчая прямо на вопросъ, князь Зурабъ писалъ, что паша приглашалъ къ себѣ его сестру для переговоровъ по этому дѣлу. Предлагая, затѣмъ, содѣйствіе къ покоренію Абхазіи, князь Церетели вскользь говорилъ о своей готовности принять участіе въ дѣлѣ умиротворенія Имеретіи.

«За мою къ вамъ вѣрность, писалъ онъ, отъ меня отобрали имѣніе и лишили должности, которую я имѣлъ—хотя еще не вполнѣ, но намѣрены. Я постоянно тревожусь мыслію объ убійствѣ, и отъ васъ не имѣя никакой силы, ни на что не могу рѣшиться, ибо страшусь невиннаго умерщвленія. Когда ваша сила будетъ

[1]) Отношеніе Тормасова министру иностранныхъ дѣлъ 10-го іюля. Ак. К. А. К., т. IV, № 284.

[2]) Въ письмѣ Тормасову отъ 30-го іюля 1809 г. Ак. К. А. К., т. IV, № 287.

въ моихъ рукахъ, тогда явно начну дѣйствовать и по ахалцыхскому дѣлу и со всѣхъ сторонъ; тогда увидите совершеніе дѣлъ. Если вы согласны на мое представленіе, то пожалуйте мнѣ одинъ полкъ съ Симоновичемъ, или другимъ хорошимъ человѣкомъ—генераломъ или шефомъ, приказавъ ему дѣйствовать такъ, какъ я ему скажу; вмѣстѣ съ тѣмъ, отпустите и деньги и тогда думайте, что дѣла уже совершены,—такъ оно и будетъ. Дайте мнѣ отвѣтъ поскорѣе и въ случаѣ вашего согласія на мое представленіе, пусть отрядъ прибудетъ въ Сурамъ, и какъ только я буду о томъ извѣщенъ, переведу его въ Имеретію. Въ противномъ случаѣ, скажите мнѣ напрямикъ, что ничего этого не хотите, тогда и я поберегу себя отъ смерти. Какое приращеніе государю, если они ни за что убьютъ меня; однако же, я не прочь и отъ этого.

«Такъ какъ въ ахалцыхскомъ дѣлѣ участвуетъ сестра моя, то вамъ извѣстенъ азіятскій обычай: когда большая особа отправляется къ другой такой же особѣ, то нужны подарки ей, женѣ, дѣтямъ, невѣсткамъ и путевыя издержки. Теперь сестра моя находится въ бѣдномъ домѣ, а потому все это понадобится, когда поѣдетъ; въ противномъ же случаѣ, вы получите подарки обратно. Еще паша (ахалцыхскій) велѣлъ сказать: если вы не отъ себя затѣваете со мною дѣло, а отъ Государя, то почему не получаю отъ Него письма и знака? Я ему отвѣчалъ: пока не кончится, ничего не будетъ. Поэтому, пришлите мнѣ кинжалъ или хорошую табакерку высокой цѣны, для отсылки къ пашѣ».

Уклоненіе князя Зураба Церетели отъ прямаго отвѣта на заданный ему вопросъ показывало, что его нельзя еще считать въ числѣ дѣятельныхъ и энергичныхъ противниковъ, готовыхъ на удаленіе царя, и что дѣло объ умиротвореніи Имеретіи приходится отложить до болѣе удобнаго времени, когда представится возможность значительно усилить находящіяся тамъ войска и дѣйствовать открытою силою. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, Тормасовъ, занятый дѣйствіями противъ персіянъ, не имѣлъ возможности отдѣлить отъ себя ни одной роты, и потому принужденъ былъ употреблять слова и убѣжденія тамъ, гдѣ недоставало силы оружія. Онъ просилъ князя Зураба Церетели, чтобы онъ, пользуясь

настоящимъ промедленіемъ, занялся исполненіемъ своего обѣщанія и склонилъ на нашу сторону своего племянника владѣтельнаго князя Гуріи, рачинскихъ князей и имеретинское духовенство; словомъ, чтобы онъ былъ готовъ къ тому времени, «когда войдутъ сѣверные орлы въ царство премудраго въ древности Соломона».

Наблюдая только за тѣмъ, чтобы до наступленія такого времени волненіе въ Имеретіи не усилилось и дѣло оставалось въ томъ положеніи, въ какомъ было, главнокомандующій предписалъ генералъ-маіору князю Орбеліани прекратить съ царемъ всякія сношенія и отправиться въ Редутъ-Кале, гдѣ присутствіе его было необходимо, такъ какъ турки приготовлялись къ военнымъ дѣйствіямъ и намѣрены были напасть на Редутъ и вторгнуться въ Мингрелію.

Поручая князю Орбеліани защиту всего того края, главнокомандующій выражалъ увѣренность, что при содѣйствіи мингрельскихъ войскъ Орбеліани не только отразитъ турокъ, но и пріобрѣтетъ крѣпость Поти. «Употребите при томъ всѣ мѣры, писалъ Тормасовъ [1]), чтобы какимъ нибудь путемъ достать въ наши руки крѣпость и пристань Поти; на сіе вы можете употребить хитрость, обѣщанія, деньги и силу оружія, если только увѣрены будете въ удачѣ. Впрочемъ, предварительно можете надѣяться, что исполненіе сего заслужитъ особое къ вамъ Высочайшее благоволеніе. Затѣмъ, не останавливайтесь также окончаніемъ дѣла съ абхазскимъ владѣльцемъ Сеферъ-Али-беемъ, и стараніемъ привлекать на его сторону другихъ частныхъ абхазскихъ владѣльцевъ, для поддержки его».

Въ Абхазіи происходила въ то время междоусобная война двухъ братьевъ, за право владѣнія страною послѣ смерти Келешъ-бека.

Возвратившись домой, ночью 2-го мая 1808 года, съ званаго вечера, Келешъ-бекъ при входѣ въ переднюю, въ сопровожденіи одного изъ своихъ сыновей, Баталъ-бея, былъ встрѣченъ на порогѣ пистолетнымъ выстрѣломъ сына своего Арсланъ-бея. Направленный въ отца выстрѣлъ попалъ въ сына его, и Баталъ-бей былъ

[1]) Князю Орбеліани, отъ 17-го іюня. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 286.

тяжело раненъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ самого Келешъ-бека послѣдовало четыре выстрѣла изъ рукъ скрытыхъ злодѣевъ, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ Бежанъ Шервашидзе, братъ Манучара Шервашидзе, зятя владѣтельницы Мингреліи. Отцеубійца съ давняго времени вышелъ изъ повиновенія отца и искалъ его смерти, но всѣ покушенія оставались безуспѣшными. Наконецъ, подъ личиною чистосердечнаго раскаянія, Арсланъ-бей возвратился подъ кровлю отца, успѣлъ пріобрѣсти его довѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріискать удобный случай привести въ исполненіе свой звѣрскій умыселъ. Злоумышленники умертвили еще двухъ сыновей Келешъ-бека, а Арсланъ-бей подошелъ къ убитому отцу и изрубилъ его саблею. Умершій владѣтель заранѣе избралъ своимъ наслѣдникомъ сына Сеферъ-Али-бея и, какъ бы предчувствуя скорую кончину, просилъ его «быть въ повиновеніи Его Императорскаго Величества и изыскивать его высокое покровительство [1])».

Опозорившій семейство и преслѣдуемый старшимъ братомъ Сеферъ-Али-беемъ, Арсланъ заперся въ Сухумской крѣпости. Не имѣя достаточно средствъ къ тому, чтобы выгнать брата изъ крѣпости, Сеферъ-бей прислалъ два прошенія: одно на имя Императора Александра, а другое графу Гудовичу, съ просьбою принять его въ подданство Россіи. Онъ обѣщалъ принять православную вѣру со всѣми князьями и народомъ, просившимъ избавить Абхазію отъ подданства Турціи. Сеферъ-Али-бей писалъ, что онъ давно уже перешелъ въ православіе, но не рѣшался объявить объ этомъ, опасаясь огорчить тѣмъ своего престарѣлаго отца [2]).

Императоръ Александръ повелѣлъ оказать содѣйствіе въ изгнаніи изъ Абхазіи Арслана и обѣщалъ принять Сефера со всѣмъ его владѣніемъ подъ покровительство Россіи, но съ тѣмъ, чтобы онъ сохранялъ это до времени въ тайнѣ, пока начатые съ Портою переговоры о мирѣ будутъ приведены къ окончанію [3]).

---

[1]) Рапортъ Рыкгофа графу Гудовичу, 6-го мая 1808 года, № 83.

[2]) Влюбленный въ сестру покойнаго князя Григорія Дадіана, Сеферъ-бей искалъ ея руки, но владѣтель Мингреліи не соглашался выдать ее, пока Сеферъ не приметъ христіанства. Названный при крещеніи Григоріемъ, Сеферъ женился на сестрѣ Дадіана, но скрывалъ отъ отца свою новую религію.

[3]) Отношеніе графа Румянцева графу Гудовичу 13-го іюня 1808 г. Предписаніе Гудовича генералъ-маіору Рыкгофу, 14-го іюля 1808 г., № 99.

Графъ Гудовичъ требовалъ, чтобы Сеферъ-бей представилъ отъ себя просительные пункты о подданствѣ и основаніе, на которомъ онъ желаетъ поступить въ составъ обширныхъ владѣній русскаго Императора. Въ залогъ своей вѣрности Сеферъ обѣщалъ дать въ аманаты своего старшаго сына и исполнять въ точности всѣ требованія русскаго правительства. Тогда графъ Гудовичъ разрѣшилъ правительницѣ Мингреліи и находившемуся тамъ съ войсками генералъ-маіору Рыкгофу дать помощь Сеферу, для изгнанія изъ Сухумской крѣпости брата его Арсланъ-бея.

Мингрельскія войска вступили въ границы Абхазіи и прибыли къ Сухумской крѣпости въ то время, когда подошелъ къ ней владѣлецъ Поти, Кучукъ-бей, на трехъ судахъ со вспомогательнымъ турецкимъ войскомъ, присланнымъ Арсланъ-бею. Мингрельцы не рѣшились одни вступить въ дѣло съ такимъ числомъ непріятеля и все ограничилось переговорами о сдачѣ Сухумской крѣпости. Арсланъ-бей, конечно, не согласился и мингрельцы отступили, а нашихъ войскъ генералъ Рыкгофъ вовсе не посылалъ, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, Сухумская крѣпость была довольно сильна и имѣла значительную артиллерію. Взамѣнъ того, Рыкгофъ предлагалъ отправить десантъ и сжечь Сухумъ [1]), но предложеніе его не было приведено въ исполненіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла Абхазіи, когда генералъ-маіоръ князь Дмитрій Орбеліани, пріѣхавъ въ Редутъ-Кале, пригласилъ къ себѣ владѣтеля Поти, Кучукъ-бея, съ намѣреніемъ обѣщаніями и ласками привлечь его на нашу сторону. Въ случаѣ же нежеланія Кучука вступить въ наше подданство, рѣшено было захватить крѣпость въ наши руки нечаяннымъ нападеніемъ.

Положеніе наше въ Имеретіи и Мингреліи могло быть прочно только тогда, когда находившаяся на восточномъ берегу Чернаго моря и на лѣвой сторонѣ устья Ріона крѣпость Поти была бы въ нашихъ рукахъ. Поти была однимъ изъ важнѣйшихъ для насъ пунктовъ, какъ относительно доставки провіанта въ рѣку Ріонъ, такъ и для огражденія отъ турокъ Имеретіи и Мингреліи. Владѣя устьемъ Ріона, можно было уничтожить плѣннопродавство,

[1]) Рапортъ генерала Рыкгофа графу Гудовичу, 10-го августа 1808 г., № 151.

сообщеніе турокъ съ горскими народами и запереть главные пункты и дороги для хищниковъ.

Важныя преимущества, сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ этой крѣпости, заставляли насъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы привлечь ея владѣльца ко вступленію въ подданство Россіи. Къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ были приглашены всѣ лица, которыя или находились въ родствѣ съ Кучукъ-беемъ, или пользовались его довѣріемъ. Подполковникъ князь Эристовъ, Вахтангъ Гуріели, двоюродный братъ Кучука, и зять правительницы Мингреліи князь Манучаръ Шервашидзе были направлены на владѣтеля Поти [1]). Главнокомандующій не жалѣлъ для этого дѣла ни денегъ, ни подарковъ: богатая сабля въ 1,000 рублей и двѣ въ 100 рублей, одинъ кинжалъ съ каменьями въ 750 р., два обыкновенные по 80 рублей и пять медалей: три золотыя и двѣ серебряныя обѣщаны въ подарокъ Кучукъ-бею и наиболѣе вліятельнымъ лицамъ [2]).

Не отказываясь отъ русскихъ подарковъ, Кучукъ все еще продолжалъ сношенія съ Арсланъ-беемъ. Послѣдній, видя, что своимъ звѣрскимъ поступкомъ возбудилъ негодованіе народа, просилъ князя Орбеліани о принятіи его въ подданство Россіи, вмѣстѣ съ Сухумскою крѣпостью. Просьба эта была отклонена, во-первыхъ, потому, что принятіе его въ подданство отдалило бы отъ русскаго правительства народъ и вліятельныхъ лицъ Абхазіи, а во-вторыхъ, и потому, что Сеферъ-бей представилъ уже пункты, на основаніи которыхъ онъ искалъ подданства Россіи. Наше правительство полагало назначить его правителемъ всей Абхазіи, куда должна была войти и Сухумская крѣпость, бывшая всегда мѣстопребываніемъ владѣтельныхъ князей Абхазіи.

Хотя для насъ было бы выгодно воспользоваться предложеніемъ Арсланъ-бея и овладѣть Сухумскою крѣпостью, тѣмъ не менѣе, главнокомандующій приказалъ князю Орбеліани обѣщать покровительство и защиту только одному Сеферъ-бею. Съ Арсланъ-беемъ рѣшено прекратить всякіе переговоры и стараться «искус-

[1]) Рапорты князя Орбеліани Тормасову 30-го мая и 7-го іюня 1809 г.
[2]) Предписаніе Тормасова князю Орбеліани, 17-го іюня 1809 г., № 38.

нымъ образомъ возстановить противъ него всѣхъ частныхъ владѣльцевъ Абхазіи, имѣющихъ сколько-нибудь силы и вліянія въ народѣ», чтобы съ помощью ихъ Сеферъ-бей могъ вытѣснить Арслана изъ Сухума [1]). Имѣя же постоянно при Сеферѣ русскаго чиновника, мы могли завладѣть Сухумомъ безъ всякой траты и потери.

Между тѣмъ, турки, узнавшіе о желаніи Арслана вступить въ подданство Россіи, старались отговорить его отъ такого поступка и обѣщали ему значительныя деньги, богатые подарки и даже войска, если онъ откажется отъ своего намѣренія. Съ Кучукомъ же Порта вела переговоры о нападеніи на Мингрелію и Редутъ-Кале, подговаривая къ тому же и цебельдинцевъ, съ тѣмъ, чтобы, занявъ Анаклійскую крѣпость, находившуюся въ восемнадцати верстахъ отъ Редутъ-Кале, дѣйствовать съ этой стороны совокупными силами. Въ Редутъ-Кале и его окрестностяхъ было тогда шесть ротъ Бѣлевскаго полка, которыя могли быть усилены нѣсколькими ротами, находившимися въ Имеретіи, но и то только въ самомъ крайнемъ случаѣ, такъ какъ царь Соломонъ не оставлялъ своихъ происковъ и становился къ намъ въ явно непріязненныя отношенія.

«Нѣтъ словъ удобныхъ—доносилъ князь Орбеліани [2])—выразить всю ядовитость, коею человѣкъ сей (Соломонъ) дышитъ на русскихъ, и ежели бы нашелъ удобность избить ихъ какимъ-нибудь способомъ, то, конечно, не пожалѣлъ бы ничего на сіе усовершеніе».

Выѣхавъ на границы Ахалцыхскаго пашалыка, Соломонъ имѣлъ свиданіе съ царевичемъ Александромъ, послѣ котораго отправилъ въ Ахалцыхъ зятя своего князя Малхаза Андроникова, князя Ростома Нижерадзе и Рачисъ Эристова. Цѣлью посольства было желаніе склонить пашу къ совокупному нападенію на Сурамъ и на русскія войска, находившіяся въ Имеретіи. Присутствіе Тормасова въ Сомхетіи и русскій лагерь въ сел. Квешахъ препятствовали ахалцыхскому пашѣ удовлетворить просьбѣ царя имеретинскаго. Опасаясь, чтобы русскіе не двинулись къ Ахалцыху и не будучи готовъ ихъ встрѣтить, Селимъ-паша прикинулся человѣ-

[1]) Предписаніе Тормасова кн. Орбеліани, 17-го іюня 1809 г., № 38.
[2]) Въ рапортѣ Тормасову, отъ 21-го октября, № 598.

комъ намъ доброжелательнымъ, и снова возбудилъ вопросъ о вступленіи подъ покровительство Россіи. Онъ прислалъ даже къ Тормасову своего чиновника Мустафу-Агу для переговоровъ по этому дѣлу. Первое сношеніе главнокомандующаго съ Селимъ-пашою началось еще въ маѣ 1809 года, когда жившій въ Ахалцыхѣ слѣпой Мамедъ-Хассанъ, бывшій прежде ханомъ шекинскимъ, прислалъ къ Селимъ-пашѣ довѣренное лицо для возобновленія перемирія и мира. Воспользовавшись обѣщаніемъ Мамедъ-Хассана содѣйствовать склоненію ахалцыхскаго паши на нашу сторону, главнокомандующій отправилъ маіора Джораева съ письмомъ къ Селиму о своемъ вступленіи въ управленіе краемъ. Дѣйствуя черезъ Мамедъ-Хассана, Джораевъ долженъ былъ склонить пашу къ принятію подданства Россіи и объявить ему о цѣли своей посылки только тогда, когда увидитъ, что наставленіями слѣпаго Мамеда Селимъ-паша приготовленъ уже на столько, что готовъ принять наше предложеніе. До того же времени Джораеву поручено было, при всѣхъ случаяхъ, обращать вниманіе паши на тѣ выгоды, которыя онъ пріобрѣтетъ со вступленіемъ въ покровительство или подданство Россіи, и представить, что настоящая власть его непрочна, такъ какъ Селимъ имѣетъ сильнаго врага въ сераскирѣ Шерифъ-пашѣ, который только ищетъ случая, чтобы отомстить ему, Селиму. То же самое было сказано главнокомандующимъ и присланному къ нему чиновнику, Мустафѣ-агѣ.

Хотя переговоры съ ахалцыхскимъ пашою не привели ни къ какому конечному результату и были скоро прерваны, но они принесли намъ ту пользу, что Селимъ прекратилъ хищническія вторженія въ Грузію, отказалъ въ помощи Соломону и, предоставивъ его собственнымъ силамъ, сдѣлалъ царя имеретинскаго совершенно безвреднымъ для насъ. Самъ по себѣ Соломонъ не могъ предпринять ничего рѣшительнаго и принужденъ былъ ограничиться возмущеніемъ жителей Мингреліи и Гуріи.

Между тѣмъ, генералъ-маіоръ князь Орбеліани, видя также, что и его переговоры съ Кучукомъ не обѣщаютъ успѣха, и что владѣтель Поти также весьма далекъ отъ вступленія въ подданство Россіи, рѣшился дѣйствовать открытою силою и взять крѣпость съ боя. Дружественныя отношенія Кучука къ Арсланъ-

бею, и помощь, оказанная владѣльцемъ Поти сухумской крѣпости, были достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы признать Кучука непріятелемъ Россіи. Имѣя свѣдѣніе, что въ потійской крѣпости находится не болѣе 400 человѣкъ гарнизона, генералъ-маіоръ князь Орбеліани выступилъ, 12-го августа, изъ Редутъ-Кале съ отрядомъ, въ которомъ находилось шесть ротъ Бѣлевскаго полка, рота 9-го егерскаго, 50 казаковъ, пять орудій и князья мингрельскіе, абхазскіе и гуріельскіе со своею конницею.

На слѣдующій день князь Орбеліани подошелъ къ Поти совершенно скрытно, что весьма удобно было сдѣлать, ибо сплошной лѣсъ подходилъ тогда съ трехъ сторонъ подъ самый форштатъ крѣпости. Переправивъ на противоположный лѣвый берегъ р. Ріона три роты, часть мингрельскихъ и абхазскихъ войскъ, Орбеліани приказалъ имъ занять позицію въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, а самъ въ тотъ же день спустился съ остальнымъ отрядомъ внизъ по Ріону на паромѣ, такъ какъ по тому пути, по которому шли три роты, невозможно было провезти орудій. На правомъ берегу рѣки было оставлено только одно орудіе съ прикрытіемъ, для обстрѣливанія форштата. Для обезпеченія себя со стороны Батума и воспрепятствованія туркамъ подать помощь осажденнымъ, были поставлены на правомъ берегу братья Гуріели съ ихъ милиціею, замѣненною потомъ казачьими наблюдательными постами.

Въ тотъ же день, вечеромъ, 13-го августа, инженеръ-подпоручикъ Фрейманъ, которому поручено было орудіе, построилъ на лѣвомъ берегу Ріона батарею, для обстрѣливанія крѣпости и форштата. Работа эта производилась подъ прикрытіемъ орудій, поставленныхъ на правомъ берегу рѣки. Мѣткій огонь этого единственнаго орудія заставилъ турокъ очистить форштатъ и укрыться въ строеніяхъ, ближайшихъ къ крѣпости. Тогда, 14-го августа, мингрельцы, подъ командою князя Дадіана, и абхазцы, подъ начальствомъ князя Шервашидзе, были посланы занять форштатъ, причемъ для подкрѣпленія милиціи были двинуты по одной ротѣ 9-го егерскаго и Бѣлевскаго полковъ, подъ командою маіора Реута.

Послѣ незначительнаго сопротивленія со стороны турокъ, форштатъ былъ занятъ съ весьма небольшою потерею съ нашей

стороны [1]) и войска еще ближе придвинуты къ крѣпости. Они обложили ее съ трехъ сторонъ, и чтобы воспрепятствовать сообщенію гарнизона съ моремъ, заложили у праваго устья Ріона батарею, которая и была окончена въ тотъ же день. Черезъ недѣлю, 23-го августа, была построена еще одна батарея, по своему положенію особенно вредившая крѣпости. Огнемъ этой батареи многія орудія непріятеля были подбиты, но, къ сожалѣнію, въ отрядѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ припасахъ. Подъ конецъ осады, недостатокъ этотъ былъ такъ великъ, что заставилъ князя Орбеліани лить на мѣстѣ мѣдныя ядра изъ старыхъ пушекъ и колоколовъ, доставляемыхъ въ отрядъ съ особенною готовностію и предупредительностію правительницею Мингреліи и сыномъ ея, княземъ Леваномъ Дадіани [2]).

Независимо отъ доставки такихъ матеріаловъ, правительница Мингреліи во все время осады снабжала отрядъ всѣмъ необходимымъ. Она, писалъ впослѣдствіи Тормасовъ [3]), «снабдѣвала нашъ отрядъ нѣсколько разъ порціею, поставляла всегда рабочихъ людей, сколько оныхъ ни было требовано, безъ всякой заплаты и изъ единаго своего усердія и, наконецъ, чтобы подать примѣръ сыну своему и войскамъ мингрельскимъ къ твердости и вѣрной службѣ, неоднократно съ опасностію въ жизни пріѣзжала въ войска, осаждавшія крѣпость и даже находилась при работахъ, производимыхъ въ устроеніи батарей, каковой твердости духа и истинной преданности еще никогда не было здѣсь примѣра». При содѣйствіи правительницы, мингрельцы и гурійцы оказывали дѣйствительную помощь нашимъ войскамъ въ осадѣ Поти. Видя рвеніе всѣхъ чиновъ отряда, князь Орбеліани увѣрялъ Тормасова, что, сколько бы ни продолжалась осада, крѣпость все-таки будетъ наша, и просилъ о скорѣйшемъ доставкѣ снарядовъ, которые и были отправлены изъ Тифлиса, на вьюкахъ. Транспортъ этотъ, слѣдо-

[1]) Она состояла изъ 8-ми раненыхъ и 12-ти убитыхъ мингрельскихъ и абхазскихъ милиціонеровъ.

[2]) Рапортъ князя Орбеліани Тормасову 21-го октября. А. К. А. Ком., т. IV, № 522.

[3]) Отношеніе Тормасова графу Румянцову 11-го января 1810 г. Тамъ же, № 524.

вавшій подъ прикрытіемъ 60 человѣкъ конвойныхъ, былъ встрѣченъ на границѣ и окруженъ имеретинами, высланными царемъ Соломономъ. Шесть дней транспортъ этотъ долженъ былъ отбиваться отъ шайки разбойниковъ и оставаться на мѣстѣ до прибытія подкрѣпленій.

Для подкрѣпленія генералъ-маіора князя Орбеліани были отправлены сначала двѣ роты Кабардинскаго и одна рода 9-го егерскаго полковъ, подъ командою маіора князя Орбеліани, а вслѣдъ затѣмъ посланъ полковникъ Симоновичъ съ двумя баталіонами Кавказскаго гренадерскаго полка, съ тѣмъ, чтобы онъ, во-первыхъ, спѣшилъ къ Поти, а во-вторыхъ, рѣшилъ участь Соломона, «закоснѣлаго въ непокорности и вредныхъ замыслахъ противу войскъ Его Императорскаго Величества».

Удовлетворяя просьбѣ князя Зураба Церетели и отправляя въ Имеретію полковника Симоновича, главнокомандующій послалъ туда же и зятя Церетели, князя Тарханова, давно уже бывшаго посредникомъ во всѣхъ переговорахъ по устройству имеретинскихъ дѣлъ. «Сей человѣкъ, писалъ Тормасовъ Симоновичу [1]), какъ повѣренный между мною и княземъ Зурабомъ Церетели, равномѣрно извѣстенъ о важности возлагаемаго на васъ порученія, а потому и можете ему ввѣряться по сношеніямъ вашимъ съ княземъ Зурабомъ Церетели, съ которымъ по окончаніи экспедиціи на Поти, а не прежде, вы должны будете дѣйствовать соединенно и по взаимному совѣту предпринять рѣшительное дѣло противъ извѣстнаго вассала Россіи, носящаго имя премудраго Соломона».

Симоновичу приказано употреблять сначала мѣры кротости и снисхожденія, но если затѣмъ, говорилъ главнокомандующій, «признаете мѣры сіи недѣйствительными и увидите невозможность, чтобы нечаянно, безъ дальнихъ послѣдствій, овладѣть особою, именуемою высочествомъ, то развѣ тогда приступите къ обыкновенной военной рѣшимости и истощите всѣ способы, чтобы положить конецъ гнѣздящимся уже пять лѣтъ безпокойствамъ въ землѣ, управляемой премудрымъ, который, по злобѣ и недовѣрчивости своей къ россійскимъ войскамъ, предпочитаетъ своей столицѣ обыкно-

[1]) Въ предписаніи отъ 11-го октября, № 103. А. К. А. К., т. IV, № 290.

венную резиденцію свою въ болотахъ, лѣсахъ и горахъ, откуда вамъ должно будетъ его освободить». При этомъ князю Зурабу Церетели сообщено, чтобы онъ приготовилъ духовенство и народъ къ тому «*перелому*», который при соединенныхъ его съ Симоновичемъ дѣйствіяхъ долженъ былъ воспослѣдовать въ «*нѣкоторомъ царствѣ*».

Рѣшаясь дѣйствовать энергически и открыто, Тормасовъ не считалъ нужнымъ скрывать отъ Соломона, что ему извѣстны всѣ продѣлки его и поступки, враждебные Россіи. «Полагаю, писалъ онъ царю имеретинскому [1]), что можетъ статься не дошло еще до свѣдѣнія вашего высочества, что неизвѣстно какіе люди, но по примѣчаніямъ должны быть нѣкоторые легкомысленные и вѣтренные хищники изъ имеретинскихъ деревень, собравшись на границѣ Имеретіи, непріятельски окружили было пороховой транспортъ, изъ Сурама слѣдовавшій въ Мингрелію, кои, однако же, оружіемъ были отражены, и транспортъ пришелъ благополучно. А потому, не могши пройти сего въ молчаніи, я долгомъ моимъ счелъ при семъ случаѣ донести вашему высочеству о таковомъ происшествіи, случившемся на самой границѣ Имеретинскаго царства. Впрочемъ, уповаю, что, конечно, ваше высочество охотно будете съ своей стороны содѣйствовать отправленнымъ нынѣ войскамъ и по присягѣ своей не отречетесь доставить имъ нужныя пособія».

Соломонъ не только не оказалъ никакого пособія, но, напротивъ, старался всѣми мѣрами затруднить слѣдованіе Симоновичу. Онъ приказалъ во многихъ мѣстахъ перерыть дорогу канавами и завалить ее лѣсомъ. И безъ того трудный путь, пролегавшій верстъ на 60 по болотамъ и трясинамъ, теперь былъ еще болѣе испорченъ и представлялъ большія затрудненія при слѣдованіи нашихъ войскъ [2]). Симоновичъ при всемъ своемъ стараніи не успѣлъ придти во-время на помощь князю Орбеліани и соединился съ нимъ тогда, когда Поти была присоединена уже въ русской державѣ [3]).

Во второй половинѣ октября князь Орбеліани узналъ, что имеретинскій царь Соломонъ вмѣстѣ съ княземъ Маміемъ Гуріелемъ

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го октября 1809 г. Ак. К. Арх. Ком.. т. IV, № 290.
[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Тормасова, 16-го декабря 1809 г., № 171.
[3]) Тамъ же.

успѣли склонить Шерифъ-пашу, сераскира трапезондскаго, подать помощь Поти. Выдавъ аманатовъ, просители обѣщали оказать полное содѣйствіе и пособіе при слѣдованіи турецкихъ войскъ. Шерифъ, 30-го октября, прибылъ со своими войсками въ числѣ 9,000 человѣкъ на берегъ Чернаго моря. Войска его слѣдовали частію на лодкахъ, частію берегомъ черезъ Гурію и остановились въ 20 верстахъ отъ Поти, осажденной нашими войсками. Турки тотчасъ же укрѣпились въ лагерѣ: они сдѣлали вокругъ его засѣки, а на самомъ берегу Чернаго моря построили нѣсколько редутовъ и окоповъ. Съ правой стороны ихъ лагеря протекала р. Молтаква, съ лѣвой—Григолети, а съ тылу прилегали къ лагерю лѣсныя и болотистыя мѣста, которыми изобиловалъ весь берегъ Чернаго моря на пространствѣ между Поти и Батумомъ [1]).

Между тѣмъ, генералъ-маіоръ князь Орбеліани, руководившій осадою Поти, узнавъ, что турецкія войска усиливаются, что ихъ поддерживаютъ Соломонъ и Мамія Гуріель, вошелъ въ сношеніе съ гуріельскимъ митрополитомъ Джумателемъ. Онъ склонилъ митрополита убѣдить народъ гуріельскій, чтобы, содѣйствуя намъ, напасть на турокъ съ тылу въ то время, когда самъ князь Орбеліани атакуетъ ихъ съ фронта.

На разсвѣтѣ 2-го ноября прибылъ къ князю Орбеліани архимандритъ Іосифъ, объявившій о согласіи гуріельцевъ дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими войсками. Іосифъ заявилъ, что гуріельцы приближаются уже къ Поти и что самъ владѣтельный князь ихъ, Мамія Гуріель, видя, что онъ одинъ въ полѣ не воинъ и что народъ не раздѣляетъ его мнѣнія, слѣдуетъ съ гуріельскими войсками.

Мамія обѣщалъ напасть на турокъ со стороны Григолети въ то время, когда русскіе атакуютъ ихъ лагерь съ фронта. Хотя генералъ-маіоръ князь Орбеліани и сомнѣвался въ чистосердечіи Мамія, но рѣшился, однако же, не снимая осады крѣпости, двинуть часть мингрельскихъ и абхазскихъ войскъ къ р. Молтаквѣ. Стоявшій въ шести верстахъ отъ этой рѣки маіоръ князь Орбеліани съ двумя ротами Кабардинскаго мушкетерскаго полка и

[1]) «Славянинъ» 1828 г., т. VII, стр. 272 и 273.

двумя орудіями получилъ приказаніе поддержать мингрельцевъ и абхазцевъ.

Гуріельцы прежде всѣхъ атаковали турокъ и, къ удивленію послѣднихъ, вступили съ ними въ самый упорный бой. Вслѣдъ затѣмъ, прибывшій къ переправѣ маіоръ князь Орбеліани открылъ огонь по непріятелю со отороны р. Молтаквы, и подъ прикрытіемъ его мингрельцы и абхазцы стали переправляться черезъ рѣку: конные бросились вплавь, а пѣшіе искали брода. Пѣхота и артиллерія съ генералъ-маіоромъ княземъ Орбеліани переправились на лодкахъ и атаковали съ фронта. Первымъ ударомъ въ штыки взято фланговое укрѣпленіе, и турки стали тотчасъ же отступать, оставляя укрѣпленія, въ которыхъ было взято нами одно орудіе, два знамени и 18 человѣкъ плѣнныхъ.

Непріятель отступалъ быстро; наши войска на разстояніи десяти верстъ преслѣдовали турокъ, бѣжавшихъ къ морю съ намѣреніемъ сѣсть на суда и отплыть. На берегу произошелъ ужасный безпорядокъ: всѣ торопились уйти отъ преслѣдованія и захватить себѣ мѣсто на лодкѣ или суднѣ. Бросаясь въ воду, турки спѣшили къ судамъ, толпились около нихъ и множество людей погибло въ морскихъ волнахъ, такъ какъ сѣвшіе на суда, опасаясь, чтобы отъ излишняго числа людей лодки не затонули, рубили руки своимъ товарищамъ, хватавшимся за борты для спасенія отъ смерти. Оставшіеся на берегу пытались защищаться, но были разсѣяны по лѣсу и болотамъ.

Съ наступленіемъ ночи сраженіе окончилось; непріятель потерялъ 1,500 человѣкъ убитыми и 283 человѣка плѣнными. Двадцать знаменъ и весь лагерь достались въ руки побѣдителей. Потеря съ нашей стороны простиралась до 70 чел. убитыми, 237 чел. ранеными, большая часть которыхъ были мингрельскіе и гурійскіе милиціонеры.

Одержавъ побѣду надъ турками, генералъ-маіоръ князь Орбеліани тотчасъ же извѣстилъ о томъ владѣльца Поти и требовалъ сдачи крѣпости. Кучукъ не вѣрилъ извѣстію о нашемъ успѣхѣ и не согласился на сдачу. Тогда осаждающій устроилъ противъ крѣпости новую возвышенную батарею, съ которой можно было обстрѣливать всю внутренность крѣпости, и приступилъ къ заго-

товленію штурмовыхъ лѣстницъ. Огонь этой батареи, приготовленіе наше къ штурму, полученныя достовѣрныя свѣдѣнія о пораженіи Шерифъ-паши и, наконецъ, извѣстіе, что на помощь осаждающимъ идутъ новыя русскія войска, до того устрашили Кучука, что онъ, 12-го ноября, отправилъ въ нашъ лагерь посланнаго съ просьбою прислать къ нему для переговоровъ князя Шервашидзе. На другой день условлено было, что гарнизонъ съ оружіемъ въ рукахъ выступитъ изъ крѣпости, оставивъ въ ней всѣ матеріалы, припасы и орудія. Русскія войска займутъ крѣпость не прежде, какъ по уходѣ гарнизона.

Эти условія были приняты княземъ Орбеліани, и какъ гарнизонъ долженъ былъ отправиться моремъ и не имѣлъ достаточнаго числа судовъ, то ему дано десять мингрельскихъ лодокъ и одинъ баркасъ, съ условіемъ, чтобы суда эти были потомъ возвращены [1]).

Въ девять часовъ утра, 15-го ноября, крѣпость Поти сдалась и Кучукъ-бей поднесъ ключи генералъ-маіору князю Орбеліани. Турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 272 человѣкъ, отпущенъ на лодкахъ въ Трапезонтъ, и русскія войска, въ виду удаляющагося непріятеля, съ распущеными знаменами и музыкою вступили въ крѣпость, въ которой было найдено 35 орудій и значительное число снарядовъ [2]).

«Такимъ образомъ, писалъ Тормасовъ [3]), сія крѣпость, важнѣйшая по своему мѣстоположенію и укрѣпленіямъ, связующая безпрепятственное сообщеніе Мингреліи съ Тавридою и пресѣкшая всѣ пути туркамъ въ томъ краю увлекать въ плѣнъ утѣсненный ими мингрельскій народъ, исповѣдующій христіанскую вѣру, и обращаться въ богопротивномъ плѣннопродавствѣ, повергла себя въ вѣчное подданство Всероссійской Имперіи».

Первымъ распоряженіемъ генералъ-маіора князя Орбеліани, по занятіи Поти, было приказаніе очистить отъ лѣса окрестности крѣпости на пушечный выстрѣлъ. На эту работу были употреблены жители Мингреліи по найму. Они рубили вѣковыя деревья

[1]) «Дѣйствія въ Азіятской Турціи», рукоп. въ Воен. Учен. Арх.
[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Тормасова, 3-го декабря 1809 г., № 156.
[3]) Въ прокламаціи отъ 24-го ноября. Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1158.

такъ же охотно, какъ добросовѣстно помогали намъ въ овладѣніи крѣпостью. Главнокомандующій ходатайствовалъ о наградѣ многихъ лицъ, за то *небывалое*, какъ онъ выразился, содѣйствіе, которое было оказано намъ мингрельскою, гурійскою и абхазскою милиціями. Утвердивъ представленіе Тормасова, Императоръ Александръ произвелъ князя Мамія Гуріеля въ полковники и пожаловалъ ему орденъ св. Анны 2-й стенени, а правительницѣ Мингреліи, княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ—ежегодный пенсіонъ по 3,000 р. ассигнаціями [1]).

Сознавая всю важность пріобрѣтенія Поти, главнокомандующій поручилъ генералъ-маіору князю Орбеліани оставить одинъ баталіонъ Бѣлевскаго полка въ крѣпости, одну роту поставить въ Редутъ-Кале, двѣ роты—въ Хопи, а остальныя войска въ Имеретіи и, близъ ея границъ, въ Грузіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, снисходя на просьбу генералъ-маіора князя Орбеліани, Тормасовъ отозвалъ его въ Грузію, а командованіе войсками въ Имеретіи и Мингреліи, согласно желанія князя Зураба Церетели, поручилъ полковнику Симоновичу. Послѣднему поставлено въ непремѣнное условіе, чтобы одинъ баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка былъ расположенъ въ имѣніи князя Зураба. дабы онъ, согласно данному обѣщанію, могъ дѣйствовать открыто и не опасаясь преслѣдованія Соломона. Церетели сообщено, что теперь наступила пора дѣйствовать, но князь Зурабъ, готовый на все на словахъ, былъ далекъ отъ исполненія своихъ обѣщаній на дѣлѣ. Онъ говорилъ Симоновичу, что лучше бы было оставить царя и предоставить ему управленіе народомъ имеретинскимъ. Тормасовъ удивлялся такому двуличію и писалъ, что удаленіе Соломона изъ Имеретіи дѣло рѣшеное, что оно необходимо, и что съ его удаленіемъ князь Зурабъ будетъ назначенъ первымъ членомъ правленія и получитъ значительную награду. Церетели на все это отвѣчалъ отказомъ.

«Въ настоящее время, писалъ онъ [2]), я не могу открыто дѣй-

---

[1]) Отношеніе графа Румянцова Тормасову 14-го февраля 1810 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 527.

[2]) Тормасову, 30-го декабря 1809 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 298.

ствовать, ибо не знаю, кой часъ убьютъ меня за вѣрность къ вамъ; даже и теперь намѣревались меня убить, для чего племянникъ мой Кайхосро, по азіятскому коварству уже обязалъ клятвою подобныхъ себѣ людей, но я подъ разными предлогами уѣхалъ скрытно въ домъ свой, перемѣнивъ обычную дорогу, въ сопровожденіи двухъ людей и повидавшись передъ тѣмъ ночью съ полковникомъ (Симоновичемъ)».

«Опять скажу, прибавлялъ онъ, что не нужно медлить этимъ дѣломъ, ибо непріятели ждутъ лѣта, когда васъ отвлекутъ различныя дѣла, а они въ распустившихся лѣсахъ укрѣпятся и затѣмъ придетъ Баба-ханъ, который посланцу ихъ наказывалъ сказать отъ его имени,—причемъ шахъ провелъ рукою по кудрямъ своей бороды, — что «если-де я ношу эту бороду, то долженъ исторгнуть васъ изъ-подъ власти русскихъ.

«Знаете, государь мой, что дураку нужна палка для его образумленія, да и князь Орбеліани, кажется, дѣлалъ вамъ представленіе въ этомъ смыслѣ. Эту мысль не надо упускать изъ виду, ибо, какъ уроженецъ этой земли, знаю, какимъ путемъ болѣе можно привлечь здѣшнихъ людей. Я стараюсь тоже подкупить ихъ на вѣрность Государю любимымъ ими золотомъ, но меня останавливаетъ дороговизна этого металла. Передъ симъ я взялъ у князя Дмитрія (Орбеліани) 340 червонцевъ и, добавивъ къ нимъ еще третью часть своихъ собственныхъ, израсходовалъ въ короткое время на подкупъ нѣкоторыхъ царскихъ визирей, и теперь они такъ же вѣрны, какъ и я; а на князей гурійскихъ, чтобъ они враждовали противъ Шерифъ-паши, я издержалъ много своихъ вещей и золота, и еслибъ я всегда имѣлъ деньги на подобное употребленіе, дѣло пошло бы лучше, что и предоставляю вашему разсужденію.

«Такъ какъ я сторонниками царя уже признанъ въ числѣ вашихъ вѣрныхъ приверженцевъ, то они лишили меня всѣхъ доходовъ и гофъ-маршальства, тогда какъ одно послѣднее званіе доставляло мнѣ до 4,000 рублей, не говоря о другихъ общихъ выгодахъ—и все это я потерялъ. Самому переводчику Аслану извѣстно, что грузинскіе князья обогащались при царскомъ дворѣ—тѣмъ болѣе я, управлявшій всею этою землею».

Князь Зурабъ говорилъ, что безъ значительной прибавки войскъ въ Имеретіи нѣтъ возможности не только схватить Соломона, но и добиться отъ него отправленія депутатовъ и выдачи царевича Константина; что если войска не будутъ присланы теперь же, то онъ принужденъ будетъ перейти на сторону царя и тѣмъ избавиться отъ ежечаснаго опасенія быть убитымъ.

Тормасовъ не опасался за жизнь князя Зураба и не считалъ ее въ такой опасности. Подозрѣвая въ немъ двуличіе, главнокомандующій не могъ не сознать, однако же, что настоянія князя Церетели объ усиленіи войскъ, находившихся въ Имеретіи, вполнѣ справедливы, и что безъ прибавки войскъ не стоитъ начинать дѣйствій, такъ какъ они не приведутъ ни къ чему рѣшительному и опредѣленному. Соломона можно было заставить исполнить наши требованія только одною силою оружія, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было невозможно. Ничѣмъ неокончившіеся наши переговоры о мирѣ съ тегеранскимъ дворомъ, постоянныя нарушенія перемирія персіянами, ихъ вторженія въ наши границы и, наконецъ, хищническіе набѣги на кубинскую провинцію дагестанцевъ, подъ предводительствомъ Шихъ-Али, бывшаго хана дербентскаго, лишали главнокомандующаго возможности тронуть войска съ мѣстъ расположенія и ослабить защиту пунктовъ, подверженныхъ нападенію. Такъ или иначе, но въ Имеретіи сохранялось еще наружное спокойствіе и нарушать его въ то время, когда предстояла опасность въ другихъ мѣстахъ, значило бы увеличить число враговъ Россіи. И безъ того имѣя передъ собою достаточное число непріятельскихъ силъ, Тормасовъ оставилъ до времени Соломона въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился, и обратилъ всю свою дѣятельность на веденіе мирныхъ переговоровъ съ Персіею и на изгнаніе Шихъ-Али-хана, производившаго волненіе въ кубинской провинціи.

XIII.

Происшествія въ Кубѣ и Казикумухѣ. — Дѣятельность бѣжавшаго Шихъ-Али-хана дербентскаго. — Сурхай-ханъ казикумухскій. — Сношенія паши съ Персіею. — Положеніе ханства Талышенскаго. — Переговоры о мирѣ съ Персіею и прекращеніе ихъ.

Бѣжавшій изъ Дербента Шихъ-Али-ханъ нашелъ пристанище у уцмія каракайдагскаго, генерала-маіора нашей службы, считавшагося въ подданствѣ Россіи. Пользуясь тѣмъ, что русскія войска были заняты военными дѣйствіями противъ персіянъ, турокъ и въ Имеретіи, и получивъ отъ персидскаго правительства большую сумму денегъ для найма дагестанскихъ хищниковъ, Шихъ-Али успѣлъ собрать значительную партію, съ которою и дѣлалъ вторженія въ Кубинскую провинцію. Набѣги эти продолжались до тѣхъ поръ, пока изъ Баку и Ширвани не были направлены войска, заставившія бывшаго дербентскаго хана укрыться въ деревнѣ Эрси, во владѣніяхъ кадія табасаранскаго. Найдя тамъ убѣжище, Шихъ-Али, съ толпою своихъ приверженцевъ, то подходилъ къ Дербенту и ожидалъ, пока выгонятъ скотъ изъ города, чтобы угнать его въ горы, то нападалъ на наши пикеты. Прекратить подобное хищничество было крайне затруднительно: имѣя за собою почти недоступныя горы и пользуясь гостепріимствомъ уцмія каракайдагскаго и кадія табасаранскаго, Шихъ-Али всегда успѣвалъ скрыться отъ нашего преслѣдованія. Главнокомандующій приглашалъ обоихъ владѣльцевъ принять мѣры къ тому, чтобы поймать бѣжавшаго хана, и предупреждалъ, что если они будутъ содѣйствовать ему, то не только потеряютъ навсегда опредѣленное имъ жалованье, но могутъ лишиться и своихъ владѣній [1]). Кадій и уцмій отдѣлывались молчаніемъ, точно такъ же, какъ и шамхалъ тарковскій, владѣнія котораго были смежны съ селеніемъ Эрси.

Мегди шамхалъ долго не отвѣчалъ на требованіе главноком-

[1]) Предписаніе Репину, 27-го апрѣля и 22-го іюня 1809 г., №№ 44 и 249. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, №№ 941 и 974.

дующаго задержать Шихъ-Али, а затѣмъ заявилъ, что онъ не въ силахъ остановить дагестанцевъ отъ присоединенія къ толпѣ бывшаго хана дербентскаго. Мегди писалъ, что онъ истратилъ много наличныхъ денегъ изъ высочайше пожалованнаго ему жалованья, которое отпускается неаккуратно, и прибавлялъ, что хотя и получилъ въ управленіе Дербентское ханство, но такъ какъ въ Дербентѣ, Баку и Кубѣ распоряжается всѣмъ генералъ-лейтенантъ Репинъ, то онъ и не можетъ ничего сдѣлать въ пользу Россіи.

— Если будетъ отдано приказаніе,—говорилъ шамхалъ,—чтобы Дербентъ и Куба состояли подъ полною и единственною моею властью, то обѣщаю, что очищу дорогу отъ р. Койсу до самой Кубы, и будетъ тамъ совершенно безопасно.

Тормасовъ не находилъ полезнымъ удовлетворить послѣднему желанію шамхала, хотя и видѣлъ, что спокойствіе въ Кубѣ и Дербентѣ не будетъ возстановлено до тѣхъ поръ, пока Шихъ-Али-ханъ будетъ пользоваться гостепріимствомъ сосѣднихъ владѣльцевъ и не будетъ принужденъ удалиться въ Персію. Не имѣя достаточно средствъ, чтобы сформировать довольно сильный отрядъ для дѣйствія противъ Шихъ-Али, главнокомандующій объявилъ, что выдастъ 1,500 червонцевъ тому, кто доставитъ Шиха живымъ, и 700 червонцевъ, кто принесетъ его голову.

Это объявленіе заставило Шихъ-Али покинуть прежнее мѣстожительство, бѣжать въ Дагестанъ и искать защиты у Сурхай-хана казикумухскаго.

— Если бы ты, — говорилъ ему Сурхай,—послушалъ меня давно, то съ тобой не случилось бы ничего подобнаго.

Сурхай обѣщалъ собрать акушинцевъ, лезгинъ и пригласить уцмія каракайдагскаго и кадія табасаранскаго, для совокупнаго дѣйствія противъ общаго врага. Собравъ до 500 человѣкъ конницы, Сурхай отправилъ ихъ въ Кубинское ханство, гдѣ успѣлъ разорить селеніе Касимъ-Кенды и увести въ плѣнъ многихъ жителей.

Сурхай считался до сихъ поръ независимымъ и непокореннымъ. Нѣсколько разъ русскія войска появлялись въ его владѣніяхъ, но онъ ловко избѣгалъ стычки съ ними, старался выиграть время и избѣжать подданства. На этотъ разъ Тормасовъ,

какъ только узналъ о бѣгствѣ Шихъ-Али-хана въ Казикумухское ханство, тотчасъ же отправилъ Сурхаю письмо, въ которомъ писалъ, что безъ подданства Россіи ему обойтись невозможно, и рано или поздно его владѣніе будетъ присоединено къ составу Имперіи. Главнокомандующій требовалъ, чтобы Сурхай немедленно подписалъ трактатъ о подданствѣ, и обѣщалъ сложить съ него дань, съ условіемъ, чтобы ханъ присылалъ ежегодно въ Тифлисъ, въ знакъ своей зависимости, по два жеребца, три ковра или другія какія либо издѣлія его земли. Въ случаѣ сопротивленія Сурхая въ исполненіи нашихъ требованій, Тормасовъ угрожалъ запретить всѣмъ владѣльцамъ, окружавшимъ Казикумухское ханство и состоявшимъ въ подданствѣ Россіи, имѣть съ нимъ сношеніе и никого изъ подвластныхъ хану ни за какими надобностями не впускать въ наши предѣлы. Такое запрещеніе, писалъ главнокомандующій генералу Репину, подвергнетъ владѣніе его «нуждамъ и лишенію самыхъ потребностей для жизни» [1]).

Настоятельное требованіе Тормасова заставило Сурхая принять на себя личину покорности, и онъ объявилъ, что для переговоровъ готовъ пріѣхать въ Кубу, въ Дербентъ или куда будетъ назначено. Отправляясь въ Баку, главнокомандующій избралъ этотъ городъ мѣстомъ свиданія, но Сурхай подъ разными предлогами не ѣхалъ въ Баку [2]). Тормасовъ писалъ ему письма, требовалъ отвѣта, а Сурхай приглашалъ акушинскихъ старшинъ сдѣлать, вмѣстѣ съ нимъ, вторженіе въ кубинское владѣніе. Заручившись ихъ согласіемъ, онъ тотчасъ же измѣнилъ свое поведеніе и отказался отъ покорности.

«Мы, въ числѣ дагестанскаго народа, писалъ Сурхай въ отвѣтъ на письма главнокомандующаго [3]), люди вольные, гдѣ болѣе удовольствія, туда и держимся; живемъ по своему желанію, а не подъ строгимъ начальствомъ и повелѣніемъ, дабы всѣ приказанія исполнять въ скорости. Мы не тѣ люди! О семъ васъ увѣдомляемъ,— будьте извѣстны, что желанія вашего, котораго отъ меня требо-

[1]) Предписаніе генералу Репину, 27-го апрѣля 1809 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 941.

[2]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, №№ 924—948.

[3]) Письмо Сурхая Тормасову, 13-го іюля.

вали, исполнить не можемъ». Письмо это не удивило Тормасова, «ибо извѣстно, писалъ онъ [1]), что съ симъ народомъ можно говорить осенью и зимою, потому что они въ сіе время всегда бываютъ сговорчивѣе, и можно тогда изъ нихъ все дѣлать; въ лѣтнее же время обыкновенно у нихъ болятъ головы отъ вѣтровъ».

Главнокомандующій положилъ, не возражая Сурхаю на послѣднее письмо, сохранять съ нимъ до времени дружественныя отношенія, не допустить его до соединенія съ Шихъ-Али-ханомъ дербентскимъ, наблюдать за его поведеніемъ и съ кѣмъ онъ будетъ имѣть связи. Такъ довести дѣло до осени, когда снова напомнить о трактатѣ и принять мѣры къ тому, чтобы къ веснѣ онъ былъ непремѣнно подписанъ.

Между тѣмъ, 8-го сентября состоялось свиданіе Сурхая съ Шихъ-Али-ханомъ, на которомъ присутствовало до 50 акушинскихъ старшинъ. Собраніе рѣшило черезъ десять дней собраться для нападенія на Кубу. Генералъ-лейтенантъ Репинъ старался разстроить замыслы противниковъ и приказалъ маіору Рябинину съ тремя ротами, двумя орудіями и 30 казаками занять крѣпкій постъ, неподалеку отъ кубинской крѣпости [2]).

20-го сентября Рябининъ выступилъ съ отрядомъ въ дер. Зіахуръ и потребовалъ къ себѣ старшинъ изъ дер. Сторжалъ, куда переѣхалъ на жительство Шихъ-Али-ханъ. Деревня эта ни отъ кого не зависѣла и управлялась юсъ-башами. Испуганные приходомъ русскихъ войскъ, старшины явились съ покорностью и приняли присягу на вѣрность.

Присяга эта была не по вкусу Шихъ-Али. Скрывшись въ глубинѣ Дагестана, онъ искалъ помощи Персіи и приглашалъ лезгинъ къ нападенію на Кубу. Шихъ-Али все еще надѣялся быть владѣтелемъ ханствъ Дербентскаго и Кубинскаго. Полагаясь на обѣщанія Баба-хана принять подъ свое покровительство и защиту всѣхъ желающихъ противиться Россіи, бывшій ханъ Дербента просилъ прислать ободряющій фирманъ повелителя Персіи ко всѣмъ

---

[1]) Ген.-лейт. Репину, 22-го іюля 1809 года, № 325. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 950.

[2]) Рапорты Репина Тормасову, 19-го сентября, № 1098, и 23-го сентября, № 1121.

табасаранскимъ и каракайдагскимъ старшинамъ и народу. Въ этомъ фирманѣ онъ просилъ написать, что тегеранскій дворъ одобряетъ подвиги, понесенные за вѣру въ борьбѣ съ русскими; что за такіе поступки всѣ противящіеся Россіи получатъ денежное награжденіе, халаты, жалованье и въ особенности будутъ награждены тѣ, которые содѣйствуютъ Шихъ-Али и впредь не выйдутъ изъ его повелѣній [1]).

Жалуясь Баба-хану, что табасаранскій кадій и шамхалъ тарковскій находятся на жалованьѣ у русскихъ, Шихъ-Али хвастался своими мнимыми побѣдами, и увѣрялъ, что дѣла наши въ Закавказьѣ столь плохи, что если Баба-ханъ, до уборки хлѣба, прибудетъ со своими войсками въ старую Шемаху, то легко выгонитъ русскихъ. Шихъ-Али писалъ, что если властитель Персіи запасется на четыре года провіантомъ и двинется на Кизляръ и Астрахань, то легко можетъ покорить всю Россію. Хотя Баба-ханъ и не простиралъ свои виды такъ далеко, но, вѣря сообщеніямъ о слабости русской власти за Кавказомъ, мечталъ о возможности возвратить Персіи потерянныя ею мусульманскія провинціи. Опутанный ложными донесеніями и безконечной лестью, онъ счелъ выгоднымъ воспользоваться обстоятельствами и прервалъ переговоры съ нашимъ правительствомъ.

Настаивая на отправленіи посольства въ Петербургъ, персидское правительство не имѣло чистосердечнаго намѣренія вступить въ мирныя соглашенія съ Россіею. Оно желало только продлить время, заняться внутреннимъ устройствомъ и собраться съ новыми силами.

Власть Баба-хана не утвердилась еще прочно въ Персіи и въ самомъ семействѣ его существовали вражда и несогласіе. Мы имѣли уже случай сказать, что братья Аббасъ-Мирзы, завидуя тому, что онъ назначенъ наслѣдникомъ престола не по старшинству рожденія, искали его погибели. Баба-ханъ и Аббасъ-Мирза видѣли это и знали, что противники ихъ могутъ имѣть успѣхъ, если продолжится война съ Россіею. Естественно, что оба они желали хотя на время остановить военныя дѣйствія и легко бы достигли этого,

[1]) Перехваченное письмо Шихъ-Али первому визирю Баба-хана Мирза-Шефи, безъ числа.

если бы не воспрепятствовали тому постороннія внушенія сначала Франціи, а потомъ Англіи, подкупавшей первыхъ сановниковъ государства. Польза отечества и безкорыстіе—это такія вещи, которыя непонятны персіянину, и при помощи денегъ всегда можно управлять Персіею по своему произволу.

Англичане широко пользовались этою чертою народнаго характера и интриговали съ успѣхомъ.

Тѣмъ не менѣе, наше правительство, надѣясь, что собственные и личные интересы двухъ представителей страны заставятъ ихъ взглянуть на дѣло болѣе трезво, поручило Тормасову войти вновь въ сношеніе съ Аббасъ-Мирзою и просить личнаго свиданія или же прислать довѣренную особу для переговоровъ. Тормасову поручено объявить, что Государь Императоръ, искренно желая положить предѣлъ кровопролитію и возстановить прежнюю дружбу между обоими государствами, «съ благоугодностію принять изволилъ» предложеніе тегеранскаго двора объ отправленіи чрезвычайнаго посольства въ Петербургъ. Въ случаѣ же, если бы персидское правительство изъявило желаніе заключить перемиріе на мѣстѣ, то Тормасовъ долженъ былъ требовать, чтобы оно было заключено на время отъ двухъ до пяти лѣтъ и распространено на всѣ подвластныя Россіи мусульманскія владѣнія. Въ удостовѣреніе же того, что данныя обязательства будутъ соблюдаемы свято, персидское правительство должно было, въ видѣ залога, уступить намъ на время перемирія крѣпости Нахичевань и Эривань, для занятія ихъ русскими войсками. При несогласіи на такую уступку Тормасову разрѣшалось и безъ этихъ условій заключить перемиріе, но не болѣе какъ на два года, и всѣ переговоры вести словесно, «дабы, въ случаѣ, если бы домогательства наши оказались безуспѣшными, не было слѣдовъ, что они могли быть не уважены» [1]).

Послѣднія слова свидѣтельствуютъ, что наше правительство не надѣялось на благопріятный исходъ мирныхъ сношеній. Петербургскій кабинетъ требовалъ уступки провинцій, нами еще незанятыхъ, и хотя справедливость своихъ желаній подтверждалъ

[1]) Румянцевъ Тормасову, 16-го ноября 1809 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., № 1080.

примѣрами изъ исторіи Европы [1]), но персіяне не могли согласиться на подобныя условія.

Предполагая, что такія требованія происходятъ исключительно отъ произвола главнокомандующаго, тегеранскій дворъ отправилъ черезъ Константинополь въ Петербургъ Кербелай-Хаджи-Хусейнъ-хана, въ качествѣ уполномоченнаго, и полагалъ, что этимъ путемъ онъ скорѣе достигнетъ желаемыхъ условій мира. Едва только извѣстіе объ отправленіи Хусейнъ-хана достигло до Петербурга, какъ Тормасовъ получилъ приказаніе сообщить Аббасъ-мирзѣ, что хотя неожиданное появленіе персидскаго посла со стороны Константинополя и удивляетъ русское правительство, но тѣмъ не менѣе Императоръ, желая доказать искреннее свое расположеніе къ миру, приказалъ препроводить Хусейнъ-хана въ Кіевъ, гдѣ онъ останется до полученія отъ Аббасъ-Мирзы увѣдомленія: дѣйствительно-ли Хусейнъ-ханъ назначенъ посломъ, или же для заключенія мирныхъ условій будетъ отправлено другое посольство [2]).

Сознавая, что отправленіе посла помимо главнокомандующаго крайне неумѣстно, и будучи поставленъ въ весьма неловкое положеніе относительно Тормасова, Аббасъ-Мирза отвѣчалъ, что Хусейнъ-ханъ не былъ назначенъ посломъ и не имѣлъ полномочія для заключенія мира Россіи съ Персіею, но былъ отправленъ отъ Мирза-Шефи, перваго министра Баба-хана, съ однимъ только привѣтствіемъ къ главнокомандующему молдавскою арміею, и что ему повелѣно возвратиться обратно. Но, прибавлялъ Аббасъ-Мирза, если Хусейнъ-ханъ находится уже въ Россіи, то ему будетъ приказано оставаться тамъ до прибытія особо назначеннаго посла. Это послѣднее заявленіе наводило на мысль, что персидское правительство дѣйствительство намѣрено заключить миръ и въ непродолжительномъ времени отправитъ посольство въ Петербургъ [3]). Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что наслѣдникъ Пер-

[1]) Наше правительство указывало на Австрію, которая при заключеніи перемирія ввѣрила Наполеону не только крѣпости, но и цѣлыя области, что и послужило къ скорѣйшему заключенію мира между двумя державами.

[2]) Румянцевъ Тормасову, 26-го декабря 1809 г. Ак. Кав. Арх. Ком., № 1082.

[3]) Тормасовъ Румянцеву, 8-го марта 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., № 1085.

сіи выражалъ желаніе, чтобы предшествующее миру перемиріе было заключено въ Карабагѣ, на границахъ Персіи, и обѣщалъ уполномочить для того своего визиря Мирза-Безюрка. Получивъ такое увѣдомленіе, Тормасовъ избралъ мѣстомъ свиданія крѣпость Аскаранъ, куда и пріѣхалъ 19-го апрѣля, а на слѣдующій день прибылъ туда же Мирза-Безюркъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, переговоры продолжались безпрерывно въ теченіе восемнадцати дней. Вопросъ о признаніи Талышенскаго ханства подъ покровительствомъ Россіи не былъ принятъ Мирзою-Безюркомъ, и переговоры собственно по этому ханству продолжались шесть дней. Персидское правительство считало Талышенское ханство въ своей зависимости и имѣло въ виду, тотчасъ же по заключеніи мира, обратить часть своихъ войскъ противъ хана и привести его къ покорности. Баба-ханъ все еще настаивалъ, чтобы Миръ-Мустафа отправилъ свою восьмилѣтнюю дочь въ замужество за одного изъ его сыновей. Ханъ отговаривался и, подъ предлогомъ малолѣтства дочери, просилъ отсрочить эту посылку хотя на три года. Властитель Персіи настаивалъ на своемъ, великолѣпно принималъ посланныхъ хана, писалъ ему льстивые фирманы и употреблять всѣ мѣры, чтобы отвлечь его отъ Россіи. Не поддаваясь такимъ прельщеніямъ, Миръ-Мустафа не соглашался ни на какія предложенія персидскаго двора и просилъ свиданія у лейтенанта Неклюдова, стоявшаго у острова Саро, которое и было назначено въ Ленкорани 15-го февраля 1810 года.

Сознавая, что всѣ обѣщанія Баба-хана были не болѣе какъ сѣть, разставляемая талышенскому хану, за его приверженность къ Россіи, Миръ-Мустафа просилъ Неклюдова дать ему военное судно, для отправленія на немъ, черезъ Баку въ Тифлисъ, своего сына съ просьбою о помощи противъ персіянъ. Имѣя въ виду, что отправленіе ханскаго сына сухимъ путемъ было невозможно, такъ какъ путь лежалъ черезъ владѣнія враждебныхъ ему лицъ. Неклюдовъ согласился на просьбу Мустафы, и транспортъ «Пчела» былъ приготовленъ для отвоза посланнаго въ Тифлисъ.

Между тѣмъ, Баба-ханъ не терялъ еще надежды подчинить своей власти Талышенское ханство. Онъ успѣлъ склонить родственника хана, кизылъ-агачскаго бека, возстать противъ Мустафы

и писалъ талышенцамъ, чтобы они не повиновались хану. Два ханскіе сына отправлены были для усмиренія возставшаго бека, который бѣжалъ въ Персію, и волненіе прекратилось. Тогда властитель Персіи прислалъ къ Мустафѣ своего посланнаго съ обѣщаніемъ возвратить хану всѣ владѣнія, передъ тѣмъ отнятыя, если только онъ откажется отъ покровительства Россіи. Предложеніе это было слишкомъ соблазительно, и Мустафа сталъ раздумывать: отправлять или нѣтъ своего сына въ Тифлисъ; но когда оказалось, что посланный уполномоченъ возвратить эти владѣнія только тогда, когда ханъ отправитъ съ нимъ свою дочь, то Мустафа предпочелъ отказаться отъ такого предложенія. Посланный уѣхалъ, и ханъ, страшась мщенія, строилъ на островѣ Саро баракъ и амбаръ для помѣщенія въ немъ до 2,000 пудовъ пшена. Онъ вторично пригласилъ къ себѣ Неклюдова и на бывшемъ 28-го марта свиданія просилъ помощи, говоря, что безъ нея его подданные взбунтуются изъ опасенія новаго нашествія персіянъ, ожидаемаго ими въ близкомъ будущемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ханъ былъ въ то время въ крайне неопредѣленномъ положеніи, и въ народѣ ходили весьма тревожные слухи. Одни разсказывали, что Талышенское ханство, на происходящихъ переговорахъ, признано ни отъ кого независящимъ; другіе утверждали, что, по заключеннымъ условіямъ, русскіе должны оставить Дагестанъ и Ширвань и уступить ихъ Персіи. Всѣ же единогласно твердили о значительномъ сборѣ персидскихъ войскъ и о прибытіи въ Гилянъ до тысячи человѣкъ англичанъ, разнаго рода мастеровыхъ и кораблестроителей. Для какой цѣли они присланы и куда будутъ направлены персидскія войска, никто не зналъ, но извѣстно было, что Аббасъ-Мирза требовалъ, чтобы Талышенскій ханъ прислалъ свои войска для усиленія его арміи.

— Шахъ-Задэ требуетъ отъ меня войско,—говорилъ Мустафа, но знаетъ, что меня разорилъ, отнялъ много подданныхъ и оставилъ меня съ голыми руками. Какія же войска я ему дамъ? Если пошлю остальныя, то со мною русскіе сдѣлаютъ то же, что и персіяне.

Неуступчивость хана и его послѣдній отвѣтъ страшили его подвластныхъ. Не спрашивая согласія Мустафы, талышенцы от-

правили отъ своего имени посланнаго къ Аббасъ-Мирзѣ, съ обѣщаніемъ дать въ аманаты ханскаго родственника Эмиръ-Кулибека, если только Талышенское ханство не будетъ подвергнуто новому разоренію и будетъ отмѣнена посылка къ Баба-хану ханской дочери. Получивъ на это согласіе персидскаго правительства, народъ потребовалъ, чтобы ханъ отправилъ аманата. Мустафа принужденъ былъ согласиться, но задержалъ отправленіе его на десять дней, и въ это время просилъ нашей помощи, говоря, что въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ удалиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Россію [1]).

Удаленіе это было бы крайне невыгодно для нашихъ интересовъ, и Талышенское ханство могло признать надъ собою власть Баба-хана. Не желая упускать изъ рукъ владѣніе, столь долгое время искавшее покровительства Россіи, Тормасовъ ободрялъ Мустафу и обѣщалъ, при предстоящихъ переговорахъ, сдѣлать все возможное въ его пользу. Требованіе главнокомандующаго признать ханство подъ покровительствомъ Россіи, какъ мы видѣли, встрѣтило сопротивленіе со стороны Мирза-Безюрка. Тогда Тормасовъ предложилъ заключить особое условіе, въ которомъ постановить, что до заключенія полнаго мира, при которомъ должна рѣшиться участь Талышенскаго ханства, не будутъ въ него введены, безъ нарушенія персмирія, ни русскія, ни персидскія войска. Не соглашаясь и на это, Мирза-Безюркъ, обѣщалъ спросить разрѣшеніе Аббасъ-Мирзы, находившагося тогда въ Нахичевани.

Главнокомандующій отправилъ Аббасъ-Мирзѣ письмо [2]), въ отвѣтъ на которое наслѣдникъ писалъ, что рѣшить этотъ вопросъ онъ не можетъ, но спроситъ отца, и такъ какъ отвѣтъ будетъ полученъ не скоро, то полагаетъ, что такая мелочь, какъ Талышенское ханство, не можетъ остановить переговоровъ о возстановленіи мирныхъ отношеній между двумя государствами; что о Талышенскомъ ханствѣ можно говорить послѣ, или, другими словами, тогда, когда персіяне успѣютъ разорить его. Аббасъ-Мирза писалъ, что излишнія требованія Россіи дадутъ о ней дурную славу и послужатъ

[1]) Рапортъ Неклюдова капитанъ-лейтенанту Челѣеву, 30-го марта. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 898.

[2]) Отъ 28-го апрѣля 1810 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 899.

поводомъ къ обвиненію въ томъ, что такое ничтожное ханство, какъ Талышенское, могло послужить къ разрыву мирныхъ переговоровъ.

«Поводомъ этихъ маловажныхъ посторонних дѣлъ, писалъ Аббасъ-Мирза, вы не должны покрыть пылью прозрачное зеркало дружбы, а если, по разнымъ обстоятельствамъ, замѣтите въ немъ (зеркалѣ) потускненіе, то, по мѣрѣ возможности, должны стараться его очистить и тѣмъ уничтожить слѣды вражды въ сердцахъ».

Тормасовъ настаивалъ, однако же, на этой мелочи, а Мирза-Безюркъ не соглашался. Послѣ долгихъ совѣщаній договаривающіеся рѣшились, не упоминая прямо въ статьяхъ о перемиріи о Талышенскомъ ханствѣ, оговорить только, что ни съ той, ни съ другой стороны не будутъ предприняты никакія непріятельскія покушенія на земли, города, ханства и царства, пріобрѣтенные трактатами до подписанія акта перемирія, покоренные оружіемъ и состоящіе подъ покровительствомъ той или другой державы.

Составленный на этомъ основаніи проектъ трактата былъ уже готовъ, когда Мирза-Безюркъ получилъ отъ своего правительства секретное распоряженіе, вслѣдствіе котораго сталъ явно уклоняться отъ заключенія мирныхъ условій. Поводомъ къ такой перемѣнѣ тегеранскаго двора послужили интриги англійскаго посольства, всѣми мѣрами старавшагося не допустить Персію до соглашенія съ Россіею. По внушенію англійскаго посла Гарфорта Джонеса, Персія рѣшилась не заключать перемирія съ Россіею, а взамѣнъ того открыть переговоры о союзѣ съ Турціею. Лишь только послѣдніе окончились формальнымъ соглашеніемъ о совокупномъ дѣйствіи противъ Россіи, и Порта обѣщала дать въ помощь Персіи 12,000 лучшихъ анатолійскимъ войскъ, какъ Мирза-Бизюргъ получилъ приказаніе прервать переговоры [1]). Онъ сталъ заявлять вновь такія требованія, на которыя согласиться было невозможно. Мирза-Безюркъ требовалъ, чтобы Россія отказалась отъ покровительства Талышенскому ханству и предоставила его Персіи; чтобы изъ титула Тормасова, обозначеннаго въ полномочіи, исключено было выраженіе «главнокомандующаго въ Дагестанѣ», показывая

[1]) Румянцевъ Тормасову, отъ 24-го іюня 1810 г.

тѣмъ, что Персія имѣетъ притязаніе и на эту страну; чтобы Мустафа, ханъ ширванскій, доставилъ полное удовлетвореніе жителямъ сосѣднихъ персидскихъ провинцій, за отогнанные имъ 15,000 барановъ, тогда какъ Мустафа вызванъ былъ на этотъ поступокъ самими персіянами, разорявшими его владѣніе; чтобы, во все время перемирія, Россія не поднимала оружія противъ Ахалцыхскаго и Карскаго пашалыковъ и, наконецъ, чтобы мигринскій и гюнейскій магалы, въ Карабагѣ, были уступлены Персіи. Всѣ эти ничѣмъ неоправдываемыя требованія заставили Тормасова предложить размѣняться полномочіями безъ постановленія перемирія, на что Мирза-Безюркъ охотно согласился и на другой же день отправился въ обратный путь [1]).

Такимъ образомъ, переговоры были окончательно прерваны, и Тормасовъ съ сожалѣніемъ видѣлъ, что «вѣсъ золота англійскаго и турецкаго дворовъ, при всемъ желаніи персидскаго правительства возстановить съ Имперіею Россійскою союзъ и миръ, заставилъ его изъ корыстолюбія поколебаться и быть весьма нерѣшительнымъ, что весьма замѣтно было во время переговоровъ, по медленности Мирзы-Безюрка и по разнымъ выдумкамъ и пустымъ претензіямъ» [2]).

Оставивъ Аскаранъ, главнокомандующій спѣшилъ въ Тифлисъ, гдѣ присутствіе его было крайне необходимо, въ виду происшедшихъ событій въ Имеретіи.

---

[1]) Тормасовъ графу Румянцеву, 26-го мая 1810 г., № 74. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1092.

[2]) Изъ отношенія Тормасова Симоновичу, отъ 10-го мая, № 67.

XIV.

Присылка имеретинскихъ депутатовъ въ Тифлисъ.—Порученіе, данное имъ отъ царя Соломона.—Его просьба о заключеніи новаго трактата о подданствѣ.—Отказъ выдать аманатовъ.—Князь Леонидзе.—Письмо Тормасова Соломону. — Посылка Могилевскаго въ Имеретію. — Свиданіе его съ Соломономъ.—Мѣры къ удаленію царя изъ Имеретіи.—Прокламація къ имеретинамъ.—Движеніе войскъ.—Поведеніе Соломона и князя Зураба Церетели.—Присяга имеретинъ.—Покорность Соломона и отправленіе его въ Тифлисъ.—Временное управленіе въ Имеретіи.—Начала, на которыхъ оно было основано.—Подданство Гуріи.—Бѣгство Соломона изъ Тифлиса.

Въ январѣ 1810 года ожидали пріѣзда въ Тифлисъ митрополита Генатели съ объясненіями царя имеретинскаго.

Митрополитъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ, преданный Россіи, и потому, надѣясь, при предстоявшихъ переговорахъ, воспользоваться тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ онъ на царя и народъ имеретинскій, Тормасовъ поручилъ Симоновичу настаивать, чтобы митрополитъ былъ какъ можно скорѣе отправленъ въ Тифлисъ, но царь Соломонъ, вмѣсто Генатели, прислалъ митрополита Сафронія и съ нимъ князя Ростома Абашидзе и протопопа Габаони Николая. Присланные передали Тормасову письмо, въ которомъ Соломонъ жаловался, что не онъ, а главнокомандующіе постоянно нарушали заключенныя съ нимъ условія подданства; что до сихъ поръ не отдаютъ въ его управленіе Лечгума и что по трактату должно быть въ Имеретіи только 120 человѣкъ русскихъ солдатъ, а теперь ихъ тамъ множество. Царь писалъ, что, по заключенному условію, войско должно быть расположено тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ, а его ставятъ, гдѣ хотятъ; что русское правительство уничтожаетъ власть царя, приказавшаго запечатать одну лавку въ Кутаисѣ, а ее распечатали и товары отдали хозяину; что самого Соломона выгнали изъ Кутаиса и во дворцѣ его помѣстили солдатъ, которые грабятъ жителей, бьютъ князей и живутъ тамъ съ наложницами-служанками, отнятыми у имеретинскихъ князей.

Соломонъ говорилъ, что онъ сохранитъ вѣрность только тогда,

когда будетъ заключенъ новый трактатъ о подданствѣ, проектъ котораго и посылаетъ главнокомандующему. Въ основаніе новыхъ условій подданства была положена полная независимость въ управленіи и присоединеніе къ Имеретіи Гуріи и Лечгума. Соломонъ требовалъ, чтобы въ его царствѣ было столько русскаго войска, сколько признаетъ нужнымъ онъ самъ; чтобы главнокомандующіе оказывали ему помощь войсками, въ томъ случаѣ, если бы царю вздумалось съ кѣмъ либо поссориться; чтобы никто не смѣлъ вмѣшиваться въ его внутреннее управленіе страною и онъ могъ бы сноситься прямо съ Императоромъ, помимо главнокомандующихъ. Царь просилъ прислать ему царкія регаліи и назначить особу отъ нашего двора, для постояннаго пребыванія въ Кутаисѣ, въ качествѣ министра. За все это Соломонъ обѣщалъ признавать надъ собою верховную власть русскаго Императора, упоминать въ церквахъ въ торжественные дни его имя и при движеніи войскъ черезъ Имеретію давать провіантъ за русскія деньги. Что же касается до отправленія депутатовъ въ Петербургъ, то Соломонъ отказывался послать тѣхъ лицъ, которыя были избраны главнокомандующимъ, а назначилъ ихъ по своему усмотрѣнію.

«О депутатахъ же разумѣю, писалъ онъ Тормасову [1]), что правило должно быть таково, чтобы царскими депутатами были тѣ лица, на которыхъ можетъ успокоиться мысль царя ихъ, но, изъ уваженія къ вамъ, пусть одинъ будетъ назначенъ по вашему выбору, а остальные будутъ избраны мною и отправятся по утвержденіи Высочайшею грамотою сихъ новыхъ пунктовъ. Относительно аманатовъ никогда мною не было говорено ни вашимъ предмѣстникамъ, ни здѣсъ находящимся военноначальникамъ. Да и къ чему нуженъ мой аманатъ великому Императору? Если же гдѣ нибудь есть мое письмо объ отдачѣ аманата, кромѣ отказа въ этомъ, то я представлю его (аманата) вашему высокопревосходительству».

Такое заявленіе царя не показывало въ немъ желанія подчиниться требованіямъ русскаго правительства, а изъ словъ митрополита Сафронія можно было заключить, что Соломонъ не только

[1]) Въ письмѣ отъ 5-го января 1810 года.

не рѣшится послать депутатовъ, но и не согласится на отправленіе Генателя въ Тифлисъ.

Считая личное свиданіе съ митрополитомъ самымъ лучшимъ средствомъ къ склоненію Соломона исполнить наше требованіе, Тормасовъ поручилъ полковнику Симоновичу вновь настаивать на томъ, чтобы митрополитъ Генатель былъ какъ можно скорѣе отправленъ въ Тифлисъ, и, въ случаѣ несогласія царя на такую посылку, приступить къ исполненію предположеній объ удаленіи Соломона изъ Имеретіи, т. е., при помощи войскъ, стараться захватить его въ свои руки. Опасаясь, однако же, чтобы эта послѣдняя мѣра не вызвала замѣшательствъ въ Имеретіи, главнокомандующій употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы предварительно ослабить власть и значеніе царя и подготовить населеніе къ перемѣнѣ правительства. Онъ отправилъ въ Имеретію грузинскихъ князей Елизбара Эристова, Давида Тарханова и капитана Амереджибова, съ тѣмъ, чтобы облегчить дѣятельность полковника Симоновича. Имѣя родственныя связи и знакомства въ Имеретіи, князья эти могли оказать значительное содѣйствіе въ организаціи приверженной намъ партіи, въ составъ которой предполагалось привлечь прежде всего духовенство, отличавшееся наибольшимъ вліяніемъ на народъ. Независимо отъ этого, Тормасовъ призналъ полезнымъ внушить владѣтелю Гуріи, что если онъ отложится отъ царя и обяжется быть непоколебимо вѣрнымъ Россіи, то можетъ разсчитывать на утвержденіе независимымъ правителемъ Гуріи, причемъ ему предоставлены будутъ всѣ тѣ права, которыми пользуется владѣтель Мингреліи. Князь Мамія Гуріель тотчасъ же отозвался на это предложеніе и прислалъ просительные пункты о принятіи его въ подданство Россіи.

Признаніе самостоятельности Гуріи, хотя и значительно ослабляло Соломона, но, не довольствуясь этимъ, Тормасовъ намѣренъ былъ отвлечь отъ власти царя и рачинскихъ князей, довольно сильныхъ въ Имеретіи. Князь Зурабъ Церетели, такъ много обѣщавшій, но мало сдѣлавшій, и на этотъ разъ былъ избранъ орудіемъ для исполненія намѣреній главнокомандующаго. Ему было объявлено, что теперь наступила пора дѣйствій, что если, по его внушенію, князья Рачи отклонятся отъ повиновенія царю, то князь

Церетели будетъ назначенъ правителемъ этой области, и ему будетъ отдана половина имѣній царевича Константина. Точно также полковникъ Симоновичъ былъ уполномоченъ обѣщать большія награды всѣмъ тѣмъ князьямъ, которые перейдутъ на нашу сторону, и съ этою цѣлью ему отпущены значительныя деньги и дорогія вещи для подарковъ [1]).

Разрѣшая не стѣсняться въ употребленіи денегъ и подарковъ, Тормасовъ надѣялся, что, при извѣстной жадности имеретинъ ко всякаго рода пріобрѣтеніямъ, Симоновичу удастся склонить на свою сторону лицъ самыхъ приближенныхъ къ царю и въ томъ числѣ князя Леонидзе, обращавшаго на себя особенное вниманіе главнокомандующаго. Будучи ближайшимъ совѣтникомъ царя и главнымъ виновникомъ его нерасположенія къ Россіи, Леонидзе былъ человѣкъ пронырливый, хитрый, привыкшій къ разнымъ превратностямъ въ жизни, измѣнявшій нѣсколькимъ царямъ Грузіи и Имеретіи, и къ тому же жадный и корыстолюбивый. Дочь Леонидзе была замужемъ за грузинскимъ княземъ Меликовымъ, а сынъ — въ тифлисскомъ училищѣ. Эта нравственная связь, такъ сказать зависимость отъ Тифлиса, гдѣ было средоточіе русской власти, служила нѣкоторымъ ручательствомъ, что его можно склонить на нашу сторону. Считали возможнымъ, обѣщая значительныя награды или извѣстную сумму денегъ, убѣдить Леонидзе выдать намъ Соломона, но на дѣлѣ мѣра эта оказалась весьма трудно исполнимою. Леонидзе понималъ, что никакія награды не дадутъ ему того положенія, которое онъ занималъ при царѣ безграмотномъ, а сумма денегъ и цѣнность подарковъ никогда не дойдутъ до той цифры, которую онъ могъ получить при помощи грабежа, прикрытаго именемъ царя имеретинскаго.

Грабежъ и легкость наживы были главнѣйшею причиною тому, что всѣ ближайшіе совѣтники царя постоянно возстановляли его противъ Россіи, и уговаривали не исполнять нашихъ требованій. Въ подчиненіи Соломона русскому правительству они видѣли ограниченіе ихъ произвола, насилій и потому уклонялись постоянно отъ переговоровъ съ представителями русской власти. При всѣхъ

[1]) Предписаніе Симоновичу, 20-го января 1810 г., № 9.

своихъ усиліяхъ, Симоновичъ не успѣлъ образовать сильной партіи приверженцевъ, и Тормасовъ, опасаясь потерять напрасно время, принужденъ былъ приступить къ открытымъ дѣйствіямъ. Онъ писалъ Соломону, что еще въ прошломъ году требовалъ, чтобы царь отправилъ депутатовъ въ Петербургъ, съ благодарностію о принятіи Имеретіи въ подданство, чтобы онъ прислалъ аманатовъ въ залогъ вѣрности и самъ возвратился на жительство въ Кутаисъ, но не получилъ на это требованіе никакого отвѣта. Тормасовъ не скрывалъ уже отъ Соломона, что его ослушаніе, въ теченіе пяти лѣтъ, нарушило присягу и трактатъ, заключенный съ русскимъ правительствомъ. Главнокомандующій говорилъ, что во все это время царь велъ себя непріязненно, былъ въ сношеніи съ персидскимъ правительствомъ, съ бѣглымъ царевичемъ Александромъ, съ ахалцыхскимъ Селимъ-пашою и съ сераскиромъ трапезондскимъ, которому предлагалъ даже выдать аманатовъ. Вспоминая прошлое, Тормасовъ не могъ не указать, что, когда русскія войска осаждали Поти, царь принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы затруднить имъ сообщеніе и отрѣзать отступленіе, что по его приказанію былъ разграбленъ казачій постъ, аттакованъ пороховой транспортъ и во многихъ мѣстахъ преграждена дорога полковнику Симоновичу, слѣдовавшему съ отрядомъ для вспомоществованія войскамъ, осаждавшимъ крѣпость Поти. Видя столь непріязненные поступки имеретинскаго царя, Императоръ приказалъ привести его безотлагательно къ покорности и, въ случаѣ сопротивленія, для спокойствія и блага народа удалить навсегда отъ управленія царствомъ.

Не желая прибѣгать къ столь строгимъ мѣрамъ, Тормасовъ писалъ Соломону, что онъ можетъ сохранить еще за собою право владѣнія исполненіемъ слѣдующихъ условій: 1) дать въ аманаты и для отправленія въ Петербургъ депутатами царевича Константина и главныхъ его совѣтниковъ: зятя царя князя Малхаза Андроникова, Соломона Леонидзе, Сехнію Цулукидзе, Кайхосро Церетели и Ростома Нижерадзе; 2) переѣхать самому на жительство въ Кутаисъ и 3) отправить съ депутатами прошеніе о прощеніи въ прежнихъ проступкахъ, съ обязательствомъ поступать на будущее время по всей силѣ трактата.

Главнокомандующій предупреждалъ царя, что, въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, онъ, «имѣя мечъ уже подъятый для каранія преслушныхъ священной волѣ Его Императорскаго Величества», долженъ будетъ удалить Соломона навѣки отъ управленія царствомъ Имеретинскимъ и заняться устройствомъ благосостоянія преданнаго Россіи народа имеретинскаго.

«Между же тѣмъ, прибавлялъ Тормасовъ въ концѣ своего письма [1]), по искреннему моему къ вамъ усердію, коего опытъ можете видѣть изъ того чистосердечія, съ каковымъ я объясняюсь съ вами, давая вамъ чрезъ то время обратиться на путь истинный, я молю благость всемогущаго Бога, чтобы Онъ святою силою своею вселилъ въ васъ спасительныя мысли и даровалъ вамъ черезъ то спокойствіе и ненарушимое благоденствіе, коего лишаютъ васъ злые ваши совѣщатели, желающіе гибели вамъ и собственному своему отечеству».

Отправляя это письмо къ полковнику Симоновичу, главнокомандующій поручалъ ему, подъ предлогомъ экспедиціи на Ахалцыхъ, сосредоточить сколь возможно большее число войскъ и, окруживъ то мѣсто, гдѣ находился Соломонъ, преградить ему всѣ пути къ побѣгу. Тогда, отправивъ письмо главнокомандующаго, Симоновичъ уполномоченъ былъ требовать отвѣта не позже, какъ по прошествіи трехъ дней, и если царь станетъ отговариваться невозможностію столь скораго исполненія, то чтобы онъ, въ доказательство своей покорности, переѣхалъ въ Кутаисъ и тамъ уже дѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія. Если же Соломонъ не согласится и на это, то дѣйствовать силою, для чего и требовать въ помощь себѣ войска изъ Грузіи.

Для этой цѣли, расположенные въ гг. Гори и Сурамѣ два баталіона 9-го егерскаго полка, съ четырьмя орудіями, были приготовлены къ выступленію. Раздѣлившись на четыре части—по двѣ роты съ орудіемъ въ каждой,—баталіоны должны были выступить по приказанію полковника Симоновича, и, черезъ восемь дней послѣ отправленія курьера, быть въ Имеретіи и расположиться въ селеніяхъ: Сачхере, Свери, Шемомовали и Лосіатхеви.

[1]) Царю Соломону, отъ 21-го января 1810 г., № 7. Акт. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 300.

Предварительныя распоряженія по сосредоточенію войскъ не укрылись отъ Соломона, и онъ, не теряя надежду на лучшій исходъ, просилъ Тормасова прислать къ нему правителя канцеляріи главнокомандующаго, надворнаго совѣтника Могилевскаго, для нѣкоторыхъ, по его словамъ, необходимыхъ объясненій. Тормасовъ сдѣлалъ еще одну уступку и отправилъ Могилевскаго въ Имеретію, но писалъ Симоновичу, что послѣ разговора посланнаго съ царемъ, «должно уже немедленно дѣйствовать тѣмъ или другимъ образомъ».

Прибывъ въ Кутаисъ, надворный совѣтникъ Могилевскій отправилъ къ Соломону капитана Амереджибова съ увѣдомленіемъ о своемъ пріѣздѣ и съ предложеніемъ царю повидаться съ нимъ. Соломонъ прислалъ князя Леонидзе и Джепаридзе, для сопровожденія Могилевскаго въ мѣсто своего пребыванія, замокъ Вардъ-цихе.

Во время пути, Леонидзе старался дать понять Могилевскому, что царь располагаетъ значительнымъ войскомъ, что народъ къ нему привязанъ, и Имеретія изобилуетъ такими мѣстами, среди которыхъ не только можно скрыться, но и защищаться, продолжительное время съ весьма незначительными силами. Видя, что Могилевскій на его слова не обращаетъ никакого вниманія, Леонидзе перемѣнилъ разговоръ и, круто повернувъ въ противную сторону, сталъ увѣрять въ своей приверженности и жаловаться, что черезъ клевету злыхъ людей и враговъ русское правительство недостаточно цѣнитъ его заслуги и преданость.

Среди такой бесѣды и самыхъ горячихъ увѣреній князя Леонидзе, путешественники достигли до р. Ріона, переправились черезъ нее и черезъ рѣку Квирилу и прибыли въ резиденцію царя имеретинскаго. Могилевскій тотчасъ же имѣлъ свиданіе съ Соломономъ и передалъ ему письмо Тормасова, служившее отвѣтомъ на присланный царемъ проектъ трактата.

«На письмо вашего высочества, писалъ Тормасовъ Соломону [1]), имѣю честь отвѣтствовать съ полною откровенностію, что я крайне былъ удивленъ, получивъ отъ васъ пункты, на которыхъ вы желаете снова обязаться быть вѣрнымъ подданнымъ Его Императорскаго Величества, отказываясь формально отъ обязанностей, пред-

[1]) Отъ 29-го января 1810 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 306.

лежащихъ вамъ къ исполненію по силѣ прежде заключеннаго трактата, вашимъ высочествомъ подписаннаго, по совершеніи присяги передъ лицомъ всевѣдущаго Бога на св. Его Евангеліи, въ томъ, что вы свято и ненарушимо соблюдете всѣ пункты сего трактата, утвержденнаго самимъ Государемъ Императоромъ. Почему, не смѣя даже и помыслить, чтобъ приступить безъ особой высочайшей воли къ перемѣнѣ трактата, я единственно изъ усердія моего къ вамъ и желая вамъ добра, возвращаю при семъ подлинные пункты, отъ васъ присланные, и не представляю оныхъ на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества, дабы не умножить того праведнаго противу васъ гнѣва, на который и безъ того ваше высочество подвинули всемилостивѣйшаго Государя Императора черезъ неисполненіе священной Его воли въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ.

«Между же тѣмъ, слѣдуя побужденіямъ искренняго моего расположенія стараться о пользахъ вашихъ, я не скрою передъ вашимъ высочествомъ, что мысль, вами принятая, въ разсужденіи перемѣны трактата, можетъ быть для вашего высочества весьма вредна, тѣмъ болѣе, что сіе причтется со стороны вашей единственно къ оскорбленію столь сильнаго и могущественнѣйшаго монарха, какъ нашъ всемилостивѣйшій Государь Императоръ. А потому, я предварительно считаю долгомъ увѣдомить васъ, что, по обязанности главнокомандующаго, долженъ будучи хранить свято законъ Его Императорскаго Величества, отнюдь не отступая отъ онаго, я и въ семъ разѣ принужденнымъ себя найду, какъ блюститель закона, принять другія мѣры, хотя бы оныя и были непріятны для вашего высочества, дабы обратить васъ къ исполненію вашихъ обязанностей, ибо я не вправѣ ни перемѣнять, ни дѣлать новыхъ трактатовъ безъ соизволенія Его Императорскаго Величества, но обязанъ почитать священными тѣ, которые удостоены высочайшаго Его утвержденія и надзирать, дабы сила оныхъ была во всей точности исполнена, наказывая вѣроломство и непокорность законной власти».

Главнокомандующій прибавлялъ, что вопросъ о принадлежности Лечгума Имеретіи не можетъ препятствовать Соломону сохранять вѣрность Россіи и тѣмъ болѣе, что рѣшеніе этого вопроса

Императоръ Александръ взялъ на себя, и если Соломонъ имѣетъ фактическія доказательства на право владѣнія этою провинціею, то можетъ представить ихъ съ депутатами, которые будутъ отправлены въ Петербургъ.

Принявъ съ большимъ волненіемъ письмо отъ Могилевскаго, царь не рѣшился распечатать его тутъ же. Послѣ обѣда, когда письмо было уже прочтено, Могилевскій имѣлъ новое свиданіе и, увѣряя царя въ добромъ расположеніи къ нему, какъ Императора, такъ и главнокомандующаго, просилъ высказать свои желанія. Соломонъ повторилъ то же самое, что писалъ въ письмѣ Тормасову. Жалуясь, что Лечгумъ до сихъ поръ не переданъ въ его владѣніе, онъ говорилъ, что его подданные переносятъ много обидъ отъ русскихъ войскъ, и потому онъ желаетъ, чтобы войска были выведены изъ Имеретіи. Могилевскій отвѣчалъ, что отправленіемъ депутатовъ въ Петербургъ царь скорѣе всего достигнетъ исполненія своихъ желаній; что онъ можетъ поручить имъ принести жалобу Императору Александру, и тогда справедливыя претензіи его будутъ, конечно, удовлетворены. Что касается до войскъ, то они необходимы для защиты Имеретіи отъ вторженія турокъ, съ которыми Россія ведетъ войну и обязана оберегать свои владѣнія.

— Когда война кончится,—прибавилъ Могилевскій,—и край совершенно успокоится, тогда главнокомандующій выведетъ войска изъ Имеретіи и оставитъ лишь незначительную часть ихъ, для охраненія вашей особы и отданія приличныхъ почестей.

— Я самъ на столько силенъ,—отвѣчалъ Соломонъ, что не боюсь ни турокъ, ни другихъ сосѣдей, съ которыми всегда въ состояніи справиться и безъ помощи русскихъ войскъ. Если мое желаніе относительно вывода войскъ будетъ исполнено и возвращенъ мнѣ будетъ Лечгумъ, то я пребуду покорнымъ вѣрноподданнымъ Его Величества и всегда буду исполнять свои обязанности.

— Выражая недовѣріе къ русскимъ войскамъ, вы тѣмъ самымъ обнаруживаете всю неискренность своего поведенія.

Соломонъ не отвѣчалъ и, видимо, находился въ крайне возбужденномъ состояніи. Присутствовавшій при свиданіи князь Леонидзе пытался вмѣшаться въ разговоръ и заявилъ, что, зная

мысли царя, можетъ отвѣтить за него, но Могилевскій просилъ Соломона дозволить ему объясняться съ нимъ однимъ и наединѣ, съ глазу на глазъ. Царь согласился, и князь Леонидзе, вмѣстѣ съ другимъ близкимъ совѣтникомъ Соломона, князсмъ Кайхосро Церетели, были высланы изъ комнаты. Тогда Могилевскій прямо объявилъ царю, что, находясь подъ гнѣвомъ Императора, ему предстоитъ одинъ путь къ спасенію—исполнить требованіе главнокомандующаго.

— Но чѣмъ же я навлекъ на себя гнѣвъ Государя? спросилъ Соломонъ.

— Поступками, враждебными Россіи,—отвѣчалъ Могилевскій.

— Я не признаю себя виновнымъ, потому что все это происходитъ отъ клеветы злыхъ людей и несправедливыхъ доносовъ русскихъ начальниковъ, бывшихъ въ Имеретіи.

Могилевскій принужденъ былъ указать на разграбленіе казачьяго поста, на нападеніе на транспортъ, и проч.

— Разберите по совѣсти,—прибавилъ онъ,—и судите сами, виновны вы или нѣтъ противъ данныхъ обязательствъ.

— Что же мнѣ дѣлать, чтобы умилостивить Императора?

— Исполнить не позже трехъ дней требованіе главнокомандующаго, отправить депутатовъ, выдать аманатовъ, въ томъ числѣ царевича Константина, дать письменное обязательство сохранять впредь во всей святости трактатъ, вами подписанный и, наконецъ, переѣхать на жительство въ Кутаисъ.

Это послѣднее требованіе особенно заботило Соломона. Онъ нѣсколько разъ переспрашивалъ Могилевскаго, какъ бы желая удостовѣриться, не обманываетъ-ли его слухъ, и никакъ не могъ понять, зачѣмъ требуютъ его въ Кутаисъ, туда, гдѣ стоятъ русскія войска.

— Это невозможно... это невозможно, — повторилъ онъ нѣсколько разъ:—и зачѣмъ требуютъ отъ меня невозможнаго?

— Это необходимо,—отвѣчалъ Могилевскій,—необходимо въ доказательство довѣрія вашего къ войскамъ, и я клянусь, что вы будете тамъ безопасны.

Соломонъ не отвѣчалъ; онъ находился въ положеніи человѣка, незнающаго на что рѣшиться и что предпринять. Могилевскій

воспользовался такимъ состояніемъ и объявилъ царю, прямо и откровенно, что мѣра терпѣнія окончилась, и Императоръ, желая возстановить разрушенное благоустройство Имеретіи и доставить благоденствіе единовѣрному народу имеретинскому, повелѣлъ лишить Соломона царства; что для этой цѣли собрано уже на границѣ до 2,000 человѣкъ русскихъ войскъ, готовыхъ, по первому приказанію, вступить въ предѣлы Имеретіи, и что для совокупнаго дѣйствія съ ними приглашены владѣтели Мингреліи и Гуріи, съ ихъ ополченіями.

— Впрочемъ,—продолжалъ Могилевскій,—если вы безъ промедленія исполните требованіе главнокомандующаго, то можете быть увѣрены, что до конца дней своихъ останетесь самовластнымъ обладателемъ Имеретіи, при всѣхъ своихъ правахъ и преимуществахъ. Вамъ будутъ доставлены царскія регаліи, жалованье и возобновленъ на счетъ казны дворецъ въ Кутаисѣ. Согласіе или несогласіе на рѣшительныя предложенія главнокомандующаго, изъ коихъ ни одно не можетъ быть отмѣнено, поведетъ къ вашему счастію или погибели.

Слова эти произвели на Соломона глубокое впечатлѣніе, судя по неясности его мысли и прерывающимся словамъ. «Лица же его, доносилъ Могилевскій [1]), я не могъ въ сіе время видѣть, ибо въ продолженіе трехъ часовъ бывшаго между нами разговора царь взялъ ту осторожность, что когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчей, и мы около часа разговаривали впотьмахъ, совсѣмъ не видя другъ друга».

Разставаясь съ Могилевскимъ, царь обѣщалъ дать рѣшительный отвѣтъ послѣ совѣта съ первѣйшими князьями, но отъ себя прибавилъ, что ничего болѣе не желаетъ, какъ остаться правителемъ Имеретіи и видѣть русскія войска, которыхъ онъ такъ страшится, выведенными изъ его владѣній.

— Если русскій Императоръ,—сказалъ при этомъ Соломонъ,—противъ котораго я, конечно, сопротивляться не могу, не желаетъ, чтобы я управлялъ царствомъ Имеретинскимъ, то пусть въ удостовѣреніе своей воли напишетъ мнѣ собственноручно хотя

[1]) Въ рапортѣ Тормасову, отъ 12-го февраля 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 308.

нѣсколько строкъ, и тогда я самъ добровольно и тотчасъ же удалюсь отъ управленія царствомъ.

Могилевскій не могъ обнадежить царя, что послѣднее желаніе его будетъ исполнено и просилъ только, чтобы рѣшительный отвѣтъ былъ данъ ему не позже утра слѣдующаго дня, такъ какъ болѣе одной ночи оставаться въ Вардъ-цихѣ онъ не можетъ.

По окончаніи аудіенціи, царь немедленно потребовалъ къ себѣ всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Пока продолжались совѣщанія, въ комнату Могилевскаго, по азіятскому обычаю, не испрашивая позволенія, входили и выходили разныя лица и, наконецъ, явился самый главный совѣтникъ царя — князь Соломонъ Леонидзе. Предложивъ нашему посланному ужинъ и самъ оставшись съ нимъ, Леонидзе сообщилъ, что Соломонъ до такой степени взволнованъ требованіями, которыя не можетъ исполнить, что отказался даже отъ пищи. Могилевскій совѣтовалъ для общаго спокойствія исполнить требованіе главнокомандующаго, и когда Леонидзе ушелъ, то Могилевскій послалъ секретно за княземъ Зурабомъ Церетели, но ему отвѣчали, что онъ у царя. Обѣщавшій столь много князь Зурабъ теперь не могъ уже спрятаться ни за какими ширмами, и двуличіе его обозначилось весьма ясно. Подъ предлогомъ того, что боится преслѣдованія царя, князь Церетели отказался посѣтить нашего посланнаго во все время пребыванія его въ Вардъцихѣ. Поступки Зураба возбуждали презрѣніе, и Могилевскій сравнивалъ его съ Пилатомъ, предавшимъ Христа и умывавшемъ во всемъ руки [1]).

Между тѣмъ, вмѣсто князя Зураба Церетели явился къ Могилевскому тайно подосланный Соломономъ и потому переодѣтый въ чужое платье, князь Кайхосро Церетели, человѣкъ, имѣвшій большое вліяніе на царя и дѣйствительно ему преданный. Среди разговора, продолжавшагося далеко за полночь, Могилевскій старался указать Церетели на тѣ бѣдствія, которыя могутъ постигнуть Имеретію, если царь останется непреклоннымъ. Ссылаясь на вліяніе, которое князь имѣетъ, и польстивъ его самолюбію, Могилевскій просилъ Кайхосро Церетели, чтобы онъ для собственной

[1]) Государств. Арх., XI, № 1049.

пользы и для выгодъ самого царя, которому преданъ, убѣдилъ Соломона исполнить всѣ требованія главнокомандующаго, которыя одни только открываютъ ему путь къ спасенію.

Приведенные доводы, казалось, убѣдили князя Кайхосро, и онъ обѣщалъ исполнить желаніе Могилевскаго, но обманулъ, и когда явился на утро въ сопровожденіи совѣта, то говорилъ совершенно другое и былъ самымъ упорнымъ нашимъ противникомъ.

Архіепископъ Софроній, протоіерей Николозъ, князь Соломонъ Леонидзе. Сехнія Цулукидзе, князь Кайхосро Церетели—лица, составлявшія совѣтъ Соломона, объявили Могилевскому, что изъ всѣхъ требованій царь можетъ согласиться только на отправленіе депутатовъ въ Петербургъ; прочія же статьи исполнены быть не могутъ.

— Это рѣшительный отвѣтъ царя? спросилъ Могилевскій, обращаясь къ князю Леонидзе.

— Рѣшительный,—отвѣчалъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего здѣсь дѣлать, и я прошу доложить царю, что желаю ему откланяться и уѣхать съ этимъ отвѣтомъ.

Совѣтники отправились къ Соломону и спустя нѣкоторое время явились обратно.

— Царь соглашается,—объявили они,—вмѣсто аманатовъ послать къ главнокомандующему преосвященныхъ Кутатели и Генатели и первѣйшихъ имеретинскихъ князей, которые, отъ имени царя, дадутъ обязательство и присягнутъ, что впредь ни они, ни самъ царь не отступятъ отъ своихъ обязанностей и будутъ свято сохранять всѣ пункты трактата. Аманатовъ же царь дать не соглашается, точно также и новаго письменнаго обязательства; однажды принявъ присягу и подписавъ трактатъ, онъ считаетъ достаточнымъ, если новыя обязательства будутъ подписаны князьями и духовенствомъ. Выдача же царевича Константина и пріѣздъ царя въ Кутаисъ есть дѣло невозможное и не можетъ быть исполнено Соломономъ.

Выслушавъ заявленіе совѣта, Могилевскій повторилъ свое желаніе проститься и уѣхать. Совѣтъ снова отправился къ царю и снова вернулся.

— Царь рѣшился,—говорили пришедшіе,—послать къ главнокомандующему какъ можно скорѣе митрополитовъ и князей съ просьбою о помилованіи и просить васъ остаться при немъ, пока не будутъ собраны депутаты, чтобы вы, отправясь вмѣстѣ съ ними, могли ходатайствовать у главнокомандующаго въ пользу Имеретіи.

— Оставаться здѣсь я не могу,—отвѣчалъ Могилевскій—и тѣмъ болѣе, что, зная рѣшительную волю Государя, считаю излишнимъ ѣхать съ предполагаемымъ посольствомъ, тогда когда послѣднія предложенія царю должны быть непремѣнно исполнены.

Изъ послѣдовавшаго затѣмъ весьма продолжительнаго разговора видно было, что Соломонъ не прочь дать новое обязательство, лишь бы только не требовали выдачи царевича Константина, на котораго народъ смотрѣлъ, какъ на наслѣдника престола, и который былъ почти такъ же силенъ въ Имеретіи, какъ и самъ царь. Будучи причиною многихъ несообразныхъ поступковъ Соломона, царевичъ Константинъ не могъ быть оставленъ въ Имеретіи, и Могилевскій настаивалъ на исполненіи всѣхъ требованій, предупреждая, что въ противномъ случаѣ уѣдетъ немедленно. Члены совѣта поминутно ходили къ царю и каждый разъ возвращались съ различнаго рода уступками. Такая нерѣшительность, вывѣдываніе и затягиваніе дѣла выводили изъ терпѣнія Могилевскаго. «Если живой грѣшникъ, писалъ онъ Тормасову [1]), можетъ на землѣ мучиться адскими муками, то пусть заведетъ дѣло съ имеретинами, для очищенія своей души».

Видя, по ходу дѣлъ, что главнѣйшая цѣль Соломона — продлить переговоры до наступленія весны, когда разольются рѣки и наполняющіе всю Имеретію лѣса покроются листомъ, Могилевскій отвѣчалъ рѣшительно, что онъ не уполномоченъ ни прибавлять, ни убавлять что либо изъ предложенныхъ пунктовъ. Онъ обѣщалъ только отправить въ Тифлисъ курьера съ изложеніемъ мыслей царя и съ тѣмъ, что можетъ быть генералъ Тормасовъ согласится сдѣлать нѣкоторыя уступки, согласныя съ желаніемъ Соломона. Послѣдній былъ очень радъ этому предложенію и про-

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го февраля. Государств. арх., XI, № 1049.

силъ Могилевскаго остаться у него до полученія отвѣта, но онъ не согласился и уѣхалъ въ Кутаисъ, съ обѣщаніемъ дождаться тамъ рѣшенія главнокомандующаго.

Такимъ образомъ, еще одна попытка склонить Соломона къ исполненію нашихъ требованій не увѣнчалась успѣхомъ, да и въ будущемъ нельзя было надѣяться достигнуть соглашенія мирнымъ путемъ. «Странно мнѣ показалось то, доносилъ Могилевскій, что изъ чиновниковъ царскихъ, съ которыми я имѣлъ случай говорить наединѣ, каждый хвалился, что онъ все можетъ сдѣлать у царя, да и дѣйствительно они говорятъ правду, потому царь слушаетъ совѣты даже и послѣдняго человѣка, кто только пугаетъ его русскими. Слѣдовательно, мудрено весьма учредить тамъ благоустройство и порядокъ, гдѣ управляетъ человѣкъ, болящій духомъ и тѣломъ, коего умомъ и даже помышленіемъ владѣютъ другіе».

Прибывъ въ Кутаисъ и объяснившись съ полковникомъ Симоновичемъ, Могилевскій вмѣстѣ съ нимъ сдѣлалъ распоряженіе о движеніи войскъ къ границамъ Имеретіи и отправилъ посланныхъ къ владѣтелямъ Мингреліи и Гуріи, чтобы они готовили также войска, для совокупнаго дѣйствія противъ Соломона.

Нельзя не сказать здѣсь, что дѣйствія для войскъ были крайне затруднительны, и трудно было разсчитывать, чтобы Соломонъ могъ быть взятъ и удаленъ изъ Имеретіи. Наступало такое время, когда рѣки стали разливаться. Тогдашняя Имеретія была не что иное, какъ сплошной лѣсъ, покрывавшій собою безпрерывную цѣпь горъ и ущелій. Деревень или селъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, не было вовсе, и все населеніе жило отдѣльными семействами, въ хижинахъ, разбросанныхъ по лѣсамъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга. При первомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ войскъ, имеретины легко могли оставить свои дома и скрыться въ лѣсахъ и ущельяхъ. Самъ царь, имѣя повсюду караулы, могъ удалиться изъ Вардъцихе въ дремучій лѣсъ, окружавшій этотъ замокъ и скрываться въ безчисленныхъ ущельяхъ, не имѣя вовсе надобности бѣжать куда нибудь изъ своего царства. «Особенному надобно быть счастью, писалъ Могилевскій, чтобы удалось гдѣ нибудь его схватить, и

должно даже признать сіе невозможнымъ, потому что народъ, а паче князья, любя нынѣшнее своевольное и безпорядочное правленіе, страшатся россійскаго порядка, что и есть главною причиною того, что доселѣ не составлено еще ни малѣйшей партіи изъ приверженныхъ къ намъ имеретинъ, которую можно бы было употребить на поимку царя».

Не смотря на всѣ затрудненія и неблагопріятныя условія, Тормасовъ рѣшился, во что бы то ни стало, прекратить безпорядки въ Имеретіи и возстановить въ ней спокойствіе. 15-го февраля онъ прибылъ въ г. Сурамъ на границы Имеретіи, съ тѣмъ, чтобы быть ближе къ происшествіямъ, и поручилъ полковнику Симоновичу приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Симоновичъ началъ съ того, что отправилъ Соломону давно хранившееся у него письмо главнокомандующаго, отъ 21-го января, и требовалъ его исполненія въ теченіе трехъ дней. Соломонъ, по обыкновенію, медлилъ отвѣтомъ и старался отдалить грозу. Онъ прислалъ въ Кутаисъ всѣхъ митрополитовъ, которые, отъ имени царя, выпрашивали разнаго рода уступки, но не были уполномочены согласиться ни на одно изъ требованій главнокомандующаго. Они безпрерывно ѣздили въ Вардъ-цихе и оттуда въ Кутаисъ, но пересылки эти не приводили ни къ какимъ результатамъ. Девять мучительнѣйшихъ дней проведено было въ переговорахъ, замѣчательныхъ по своей нерѣшительности и безцѣльности.

«Надобно думать, писалъ Могилевскій Тормасову [1]), что въ продолженіе переговоровъ нашихъ съ митрополитами, сей соборъ или не хотѣлъ понимать нашихъ внушеній, которыя черезъ нихъ были дѣлаемы царю, или рѣка Квирила, за которою лежитъ Вардъцихе и черезъ которую сіи святые отцы, не взирая на свою тяжесть, переправлялись болѣе двадцати разъ во время своихъ переѣздовъ, есть древняя баснословная *Лета* или рѣка забвенія, которая, при переправѣ ихъ, уносила всегда наши внушенія, только никогда они не привозили намъ отъ царя отвѣта, согласнаго съ нашими представленіями, и всякій разъ, когда отъѣзжали отъ насъ, просили, чтобы мы яснѣе объявили имъ, въ чемъ со-

[1]) Въ письмѣ отъ 28-го февраля 1810 г. Государственный Арх., XI, № 1049.

стоятъ настоящія отъ царя требованія. Посему, чтобы избавиться сихъ хлопотъ, мы принуждены были съ ними послать на письмѣ сіи предложенія, дабы царь внятнѣе могъ оныя разобрать.

«Весьма замѣчательно было то, что когда, при повтореніи нашихъ требованій духовнымъ особамъ, доходило дѣло до переѣзда въ Кутаисъ и выдачи царевича или требованнаго обязательства, то всякій разъ получали мы единогласный отвѣтъ отъ всего собора *ара икнеба*, т. е. не бывать сему, и многіе изъ нихъ повторяли сіи слова и тогда, когда, бывъ заняты между собою посторонними разговорами, не внимали совершенно нашимъ представленіямъ и резонамъ, дѣлаемымъ одному кому либо изъ нихъ. Это похоже на польское «*не позволямъ*».

Ара икнеба было причиною всѣхъ бѣдствій для Имеретіи. Ни санъ, ни высокое званіе митрополита не избавляло совѣтниковъ царя отъ лжи и обмана; большинство ихъ было враждебно Россіи, и только одинъ изъ нихъ, митрополитъ Генатель, былъ чистосердечно преданъ Россіи, желалъ блага Соломону и счастія своему отечеству. Принимая самое живое участіе въ переговорахъ, Генатель былъ безсиленъ, однако же, для того, чтобы побѣдить ближайшихъ совѣтниковъ Соломона. Послѣдній, передъ истеченіемъ трехдневнаго срока, готовъ уже былъ ѣхать изъ Вардъ-цихе въ Кутаисъ, но царевичъ Константинъ и князь Леонидзе удержали его, увѣряя, что если онъ явится въ своей столицѣ, то будетъ схваченъ русскими и отправленъ въ Сибирь [1]).

«Царевичъ Константинъ, писалъ Могилевскій [2]), самъ повсюду разглашаетъ, что онъ, будучи теперь человѣкъ потерянный, на все отважится, и поставилъ себѣ закономъ — мщеніе русскимъ. Дѣйствительно, онъ кидается повсюду и старается привлекать къ себѣ партіи, чтобы испытать счастіе противъ русскихъ войскъ. Онъ-то и Леонидзе причиною всего зла».

По совѣту этихъ двухъ лицъ, къ которымъ присоединились впослѣдствіи и другіе приближенные, царь рѣшился отказаться отъ нашихъ требованій и, предвидя грозу, собралъ все свое имуще-

[1]) Письмо Могилевскаго Тормасову, отъ 24-го февраля 1810 г. Государственный Арх., XI, № 1049.

[2]) Тамъ же.

ство и отправилъ его вмѣстѣ съ супругою въ горы. Самъ же Соломонъ заперся въ замкѣ Вардъ-цихе, имѣя при себѣ около 4,000 человѣкъ вооруженныхъ имеретинъ [1]). Тогда, 20-го февраля 1810 года, были двинуты войска изъ Карталиніи, Кутаиса, Мингреліи и Лечгума. Въ тотъ же день была обнародована во всѣхъ церквахъ Кутаиса прокламація главнокомандующаго, въ которой онъ писалъ имеретинскому народу, что царь нарушилъ трактатъ и, въ теченіе пяти лѣтъ не отправляя депутатовъ, «дерзнулъ письменно отозваться, что онъ не признаетъ надъ собою власти Россіи».

Указавъ на сношенія царя съ лицами, враждебными Россіи, на разграбленіе казачьяго поста, нападеніе на пороховой транспортъ и на преграждение пути полковнику Симоновичу, какъ на поступки, несовмѣстные съ обязанностями вѣрноподданнаго, Тормасовъ объявлялъ, что Соломонъ, по волѣ Императора, устраняется навсегда отъ управленія царствомъ Имеретинскимъ.

«Исполняя симъ, писалъ главнокомандующій, священную волю Всеавгустѣйшаго нашего Монарха, яко правосудный его законъ, я обращаюсь къ вамъ, благороднѣйшее сословіе имеретинскаго духовенства, князей и дворянъ, призывая васъ обще со всѣмъ народомъ, именемъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора, не обинуясь, принять присягу на вѣчную вѣрность подданства, признать и покориться единой и непремѣнной верховной власти могущественнѣйшаго и сильнѣйшаго Россійскаго Императора, отвергнувъ отнынѣ навсегда всякую зависимость вашу отъ бывшаго царя Соломона, правосудіемъ Его Императорскаго Величества отчужденнаго отъ управленія вами, и навсегда прекратить съ нимъ всякія явныя и тайныя связи, сношенія или даже переговоры черезъ постороннихъ людей, опасаясь навлечь на себя неминуемыя бѣдствія, когда сіе будетъ открыто.

«Нынѣ учредится для благоденствія вашего временное имеретинское правленіе, составленное изъ членовъ, избранныхъ изъ среды почетнѣйшаго имеретинскаго дворянства, съ предсѣдательствова-

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Тормасова, 30-го апрѣля 1810 г. Воен. Учен. Арх., л. № 3873, ч. II.

ніемъ россійскаго военнаго чиновника, кои, сообразуясь умоначертанію и народнымъ обычаямъ, будутъ управлять съ кротостію и милосердіемъ, повелѣннымъ отъ всемилостивѣйшаго и великаго нашего Государя Императора и займутся единственно благоустройствомъ и счастіемъ народнымъ. Симъ же священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества обѣщается всему благороднѣйшему имеретинскому сословію духовенства, дворянъ и народу свободное отправленіе каждому своей вѣры, предоставленіе всѣхъ правъ и преимуществъ, безпрепятственное пребываніе въ жилищахъ, гдѣ родились ваши предки, и никѣмъ неотъемлемое владѣніе каждаго своею собственностію, если, безпрекословно совершивъ присягу на вѣчную вѣрность подданства, пребудите вѣрны Россіи и покорны во всемъ высочайшей волѣ. Тогда истинное счастіе и благоденствіе водворятся между вами и благопопеченіе всесильнаго и милосерднѣйшаго Государя Императора пребудетъ неразлучно съ вѣрнымъ народомъ имеретинскимъ.

«Для непокорныхъ же непобѣдимыя россійскія войска уже собраны въ большомъ числѣ и мечъ готовъ наказать преступниковъ священной волѣ могущественнѣйшаго Государя государей.

«Я надѣюсь однако же, что ни одинъ изъ обитателей Имеретіи не уклонится отъ пути истины и, не желая себѣ погибели, изберетъ стезю прямую, ведущую къ благополучію и истинному счастію».

Послѣдняя надежда главнокомандующаго оправдалась. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и были столкновенія туземнаго населенія съ нашими войсками, то они были ничтожны. Въ большей части Имеретіи народъ принялъ извѣстіе объ удаленіи Соломона съ большимъ равнодушіемъ.

Была масляница. Жители Кутаиса собрались въ церковь, гдѣ послѣ литургіи, выслушавъ прокламацію, присягнули и, разойдясь по домамъ, предались обычнымъ своимъ увеселеніямъ, точно и не произошло въ ихъ отечествѣ ничего замѣчательнаго. Равнодушіе ихъ было поразительно для посторонняго наблюдателя. При столь важномъ и крутомъ переломѣ, населеніе не покидало своихъ масляничныхъ увеселеній и смотрѣло совершенно хладнокровно на все, что происходило вокругъ. По народному масляничному обы-

чаю, въ Кутаисѣ, 28-го февраля, былъ избранъ царь, «коего можно назвать мишурнымъ и лыкомъ шитымъ», какъ выразился Могилевскій. Съ бубнами, музыкою и знаменами, при огромномъ стеченіи народа вновь избранный царь путешествовалъ на эшакѣ по городу, съ расписаннымъ лицомъ и въ шутовскомъ нарядѣ. Народъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдовалъ за процессіею, шумѣлъ, веселился и кончилъ тѣмъ, что, стащивъ мнимаго царя съ эшака, лишилъ его власти надъ собою. Съ «царемъ поступили, пишетъ очевидецъ, весьма неучтиво, что доставило величайшее удовольствіе народу, который, по скудности своего ума, никакъ не могъ приноровить, что то же самое дѣлается и съ настоящимъ ихъ Соломономъ» [1]).

Послѣдній, какъ только узналъ о происшедшемъ въ Кутаисѣ, сталъ точно также приводить къ присягѣ жителей ближайшихъ къ себѣ деревень и уговаривалъ ихъ сопротивляться русскимъ войскамъ, приближавшимся съ разныхъ сторонъ. Такъ, одинъ отрядъ былъ направленъ къ м. Чхари, принадлежавшему царевичу Константину, для дѣйствія противъ Рачи, а другой—къ селенію Опишквити, на берегу рѣки Ріона, близъ Вардъ-цихе, для дѣйствія противъ самого царя, находившагося въ замкѣ со всѣмъ собраннымъ имъ войскомъ. Мингрельское войско было раздѣлено на двѣ части и присоединено къ первымъ двумъ отрядамъ, а гурійское ополченіе вступило въ Имеретію со стороны сел. Саджавахо.

Напуганные сторонниками царя жители въ первое время скрылись въ лѣса и, собравшись большими толпами, устраивали въ крѣпкихъ лѣсахъ засѣки, но потомъ, видя кроткое обращеніе съ ними войскъ, возвращались въ дома и охотно принимали присягу; духовенство же и князья противились ей [2]). Большинство князей и дворянъ увозили свое имущество въ горы, преимущественно въ Рачу, гдѣ и укрылись подъ охраною крѣпостей и замковъ. Отрядъ, слѣдовавшій въ м. Чхари, былъ встрѣченъ имеретинскими войсками, желавшими запереть ему Ликидарскій проходъ, но простой

[1]) Письмо Могилевскаго Тормасову, 28-го февраля 1810 г. Государст. Арх., XI, № 1049.

[2]) Рапортъ Симоновича Тормасову, 24-го февраля. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 313.

обходъ русскихъ войскъ заставилъ имеретинъ, безъ выстрѣла, бросить свои засѣки, за которыми они было засѣли [1]).

Царь Соломонъ все время оставался въ Вардъ-цихе, разсчитывая на непроходимость лѣсовъ, болотъ и на глубину рѣкъ: Ріона, Квирилы и Хани, окружавшихъ его замокъ почти со всѣхъ сторонъ. Чтобы вытѣснить его изъ Вирдъ-цихе и захватить въ наши руки, полковникъ Симоновичъ поручилъ Кавказскаго гренадерскаго полка маіору Колотузову и штабсъ-капитану Сагинову наблюдать за переправами черезъ рѣки Ріонъ и Квирилу, близъ сел. Чегути. Шефъ 9-го егерскаго полка, полковникъ Лисаневичъ, направленъ по хребту горъ, изъ Лосіатхеви черезъ Загамское ущелье, къ селенію Хани, лежавшему на дорогѣ къ Ахалцыху.

Какъ только Соломонъ узналъ, что русскія войска приближаются съ разныхъ сторонъ къ его мѣстопребыванію, онъ тотчасъ же отправилъ къ Симоновичу архимандрита гелатскаго монастыря, Давида, съ порученіемъ описать раскаяніе царя и просить помилованія. Архимандритъ заявилъ, что царь со слезами проситъ прощенія. Человѣкъ слабый, малодушный и лишенный собственныхъ убѣжденій, Соломонъ подчинялся мнѣнію другихъ и, не имѣя силы сбросить посторонняго вліянія, находился въ самомъ несчастномъ положеніи. Онъ понималъ всю грозившую ему опасность, но, не имѣя силы предотвратить ее, предавался полнѣйшему отчаянію. Оставаясь въ Вардъ-цихе, царь велъ себя, «какъ слабое дитя, движущееся при поддержкѣ помочей. Теперь онъ клянетъ своихъ совѣтниковъ, но при всемъ томъ, по привычкѣ и вліянію ихъ на его умъ, не можетъ разлучиться съ сими сокровищами, особливо съ княземъ Леонидзе, достойнымъ висѣлицы, и съ нимъ же совѣщеваетъ [2])».

Пріѣзжавшіе изъ Вардъ-цихе единогласно утверждали, что Соломонъ въ отчаяніи бросался на полъ, царапалъ себѣ лицо, рыдалъ и бѣсновался до такой степени, что приходилъ въ безсиліе. «Слѣдовательно, грѣшно бы было, писалъ Могилевскій, признавать его преступникомъ наравнѣ съ его любимцами, которые, овладѣвъ

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Тормасова, 30-го апрѣля. Воен.-Учен. Арх., д. № 3,873.

[2]) Государст. Арх., XI, № 1049.

даже и помышленіями его, испивали кровь несчастныхъ жителей, подъ видомъ преданности своей къ нему, и одни болѣе достойны небеснаго гнѣва».

Совѣты и настоянія такихъ лицъ были пагубны для Соломона, вели его къ пропасти и лишали одного изъ лучшихъ качествъ человѣка— самостоятельности. Въ одно и то же время царь просилъ пощады у Симоновича, сокрушался о своемъ несчастномъ положеніи и отправлялъ къ Шерифъ-пашѣ въ Ахалцыхъ князей Кайхосро, Семена и Бери Церетели. Онъ снабдилъ ихъ подарками и просьбою, чтобы паша прислалъ ему лезгинъ для дѣйствія противъ русскихъ войскъ [1]). При такихъ условіяхъ, Симоновичъ не могъ вѣрить въ чистосердечное раскаяніе Соломона и не могъ остановить его отъ новой ошибки, въ которую впадалъ онъ посылкою въ Ахалцыхъ трехъ братьевъ Церетели. Родственникъ посланныхъ, князь Зурабъ Церетели, который бы могъ отклонить царя отъ новаго преступленія, оказался человѣкомъ въ высшей степени двуличнымъ. Онъ велъ себя крайне недобросовѣстно и старался угодить обѣимъ сторонамъ или, по крайней мѣрѣ, остаться на той, которая одолѣетъ. Князь Зурабъ былъ, безспорно, однимъ изъ умнѣйшихъ въ Имеретіи, но не былъ чистымъ сыномъ своей отчизны, а человѣкомъ, пользовавшимся обстоятельствами для личныхъ выгодъ.

Когда поѣздка Могилевскаго и свиданіе съ царемъ были безуспѣшны, когда царь съ рѣшимостію отказался исполнить наши требованія, тогда князь Церетели, присматривавшійся издали и зорко слѣдившій за ходомъ переговоровъ, счелъ для себя болѣе выгоднымъ отдалить движеніе русскихъ войскъ, на успѣхъ которыхъ онъ не надѣялся, а присоединиться къ которымъ былъ долженъ, въ силу данныхъ письменныхъ обязательствъ. Отказавшись отъ свиданія съ Могилевскимъ, изъ опасенія получить порученіе, несогласное съ его видами, князь Зурабъ писалъ Тормасову, что, зная мѣстныя обстоятельства, онъ полагаетъ отложить движеніе войскъ до другаго времени, такъ какъ съ наступленіемъ лѣта будетъ дѣйствовать трудно. «Хотя сильному войску все возможно,

[1]) Могилевскій Тормасову, 21-го февраля 1810 г., Акт. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 310.

писалъ онъ, но здѣсь такія скалистыя мѣста, что царь легко укроется въ мѣсто, недоступное для войска». Князь Церетели пугалъ, что вступленіе русскихъ войскъ въ Имеретію возбудитъ бунтъ, который не усмирить и въ четыре года, такъ какъ царь заранѣе заставилъ народъ присягнуть себѣ и обязалъ его клятвою сопротивляться русскимъ силою оружія. Зурабъ просилъ дозволенія быть посредникомъ и окончить дѣло миромъ, взять аманатовъ, назначить депутатовъ и отобрать новую подписку отъ князей и духовенства. Онъ просилъ не требовать отъ царя пріѣзда въ Кутаисъ, словомъ, говорилъ все то, что говорили Могилевскому сторонники царя и враги Россіи. «Не обращайте вниманіе на безразсудство царя, писалъ князь Церетели Тормасову [1]), простите ему, по божескому милосердію, и не лишайте его царства, ибо я увѣренъ, что Его Величество милуетъ безсильныхъ и невѣжественныхъ прощаетъ. Я знаю ваше человѣколюбивое великодушіе и потому осмѣлился доложить вамъ, тѣмъ болѣе, что такъ лучше, и Имеретіею мы можемъ воспользоваться съ большею выгодою». Такъ писалъ Церетели, желая отдалить появленіе русскихъ войскъ, но, когда, на слѣдующій день, они явились въ его имѣніи, то Зурабъ сталъ говорить совершенно противное. «Вы пожаловали для дурака весьма хорошія палки, писалъ онъ Тормасову [2]); думаю, что онъ не дастъ побить себя, а одинъ видъ палокъ его образумитъ».

На оба письма Церетели главнокомандующій отвѣчалъ, что требованія наши не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены, и воля великаго Государя будетъ исполнена во всякое время года. Точно такой же отвѣтъ былъ данъ и архимандриту Давиду. Симоновичъ говорилъ ему, что теперь царю поздно просить прощеніе, когда онъ, какъ отвергшій всѣ снисхожденія, устраненъ отъ управленія, въ которомъ отнынѣ навсегда власть его уничтожена въ Имеретіи; что теперь предстоитъ позаботиться о благосостояніи имеретинъ и водворить порядокъ среди народа, взятаго въ непосредственное управленіе русскаго Императора. Архимандритъ

[1]) Въ письмѣ отъ 22-го февраля 1810 г. Акт. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 311.

[2]) Отъ 23-го февраля. Акт. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 312.

просилъ указать путь, по которому Соломонъ могъ бы себя «спасти отъ пропасти, въ которую низвергла его супротивность». Симоновичъ отвѣчалъ, что царь можетъ разсчитывать на лучшую будущность, если поѣдетъ самъ къ главнокомандующему, принесетъ чистосердечное раскаяніе и, будучи увѣренъ въ своей безопасности, останется при немъ до Высочайшаго рѣшенія его участи.

Едва Давидъ уѣхалъ, какъ къ Симоновичу явились присланные Соломономъ митрополитъ Генатель и князь Сехнія Цулукидзе. Высказывая желаніе исполнить наши требованія и имѣть личное свиданіе съ главнокомандующимъ, Соломонъ просилъ отправить посланныхъ къ Тормасову и до возвращенія ихъ прекратить военныя дѣйствія и остановить приведеніе народа къ присягѣ. Согласившись на отправленіе посланныхъ, Симоновичъ отвѣчалъ, что прекратить дѣйствія не можетъ безъ приказанія главнокомандующаго, который находится близко, въ Сурамѣ и, слѣдовательно, отвѣтъ можетъ получиться весьма скоро. Тормасовъ готовъ былъ видѣться съ царемъ, но только тогда, когда онъ исполнитъ волю Императора. «Послѣ того, писалъ онъ [1]), или я въ Кутаисъ пріѣду для свиданія съ его высочествомъ, или, если угодно будетъ назначить время и мѣсто свиданія, то я не премину явиться и увѣрить его лично въ милостивомъ Государя Императора расположеніи ко всему имеретинскому царству и въ моемъ истинномъ почтеніи къ особѣ его высочества».

Соломонъ мучился, терзался, но, опутанный нравственнымъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, все еще не рѣшался исполнить нашихъ требованій, а между тѣмъ каждый вновь наступавшій день приносилъ ему только одни огорченія и извѣстія, что бывшіе его подданные охотно покоряются русскому правительству. Менѣе, чѣмъ въ недѣлю, большая часть царства присягнула на вѣрность Императору Александру.

«Благодаря Бога, писалъ Могилевскій Тормасову [2]), всѣ дѣла

---

[1]) Князю Зурабу Церетели, отъ 7-го марта. Акт. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 316.

[2]) Отъ 28-го февраля 1810 г., Государст. Арх., XI, № 1040.

здѣшнія идутъ чрезвычайно успѣшно и счастливо. Многіе изъ важныхъ и близкихъ къ царю князей, носившіе на себѣ личину твердой къ нему преданности, отстали отъ него, вѣроятно, боясь потерять свои имѣнія, и присягнули на вѣрность. Можно полагать, что въ непродолжительномъ времени и всѣ его любимцы, также мудрые совѣтники, оставятъ сего слабаго несчастливца. Развѣ одно сокровище и великій мудрецъ Соломонъ Леонидзе неразлучно будетъ испивать чашу горести съ малымъ царемъ Соломономъ Арчиловичемъ и небольшимъ числомъ другихъ людей ему подобныхъ, которые чувствуютъ, что имъ, при русскихъ, будетъ не масляница, а великій постъ, который въ Кутаисѣ весьма чувствителенъ и для меня».

«Жители Кутаиса, писалъ въ то же время Симоновичъ, всѣ приведены къ присягѣ и находятся въ такомъ спокойствіи, которое можно видѣть развѣ только въ самыхъ устроенныхъ городахъ». Такъ называемая мать Имеретіи, провинція Вака, въ которой находилось и селеніе Моглоки, до чрезвычайности крѣпкое по своему положенію и окружающимъ его непроходимымъ лѣсамъ, присягнула со всѣми обывателями. Крѣпостца Чхери, принадлежащая царевичу Константину, всѣ окрестныя около Кутаиса волости, лежавшія по берегу рѣкъ Ріона и Квирилы, и граничащія съ Мингреліею, Лечгумомъ и Рачею, присягнули. Побочный сынъ покойнаго царя Давида, Ростомъ, тоже присягнулъ во главѣ своихъ подвластныхъ. Покорность этихъ лицъ и большей части населенія разрушала послѣднюю надежду Соломона на возможность оставаться въ Имеретіи, а между тѣмъ русскія войска все ближе и ближе подходили къ Вардъ-цихе. Желая воспрепятствовать ихъ переправѣ черезъ рѣку Ріонъ, царь Соломонъ приказалъ изрубить и потопить всѣ лодки, но Симоновичъ успѣлъ все-таки отыскать до семнадцати лодокъ, и 6-го марта, въ жестокую бурю и проливной дождь переправился на противоположный берегъ. Поручивъ нѣсколькимъ отрядамъ наблюдать по правую сторону рѣки Квирилы за тѣмъ, чтобы Соломонъ не могъ пробраться въ кавказскія горы или въ крѣпость Мухури, Симоновичъ двинулся къ Вардъ-цихе. Соломонъ думалъ уйти въ Багдадъ, но, отрѣзанный

маіоромъ Колотузовымъ, находившимся съ отрядомъ близъ селенія Чегути, скрылся въ Ханійскомъ ущельѣ [1]).

Вардъ-цихе и Багдадъ были заняты нашими войсками.

Всѣ князья и приближенные оставили царя, и даже князь Кайхосро Церетели склонялся на нашу сторону. Оставшись съ царевичемъ Константиномъ и княземъ Леонидзе, Соломонъ находился въ безвыходномъ положеніи. Окруженный со всѣхъ сторонъ русскими войсками, онъ намѣренъ былъ съ нѣсколькими всадниками пробраться въ Ахалцыхъ, но когда это оказалось невозможнымъ, то снова отправилъ къ Симоновичу митрополита Генателя и Сехнію Церетели, съ объявленіемъ, что готовъ исполнить всѣ наши требованія, лишь бы только были остановлены военныя дѣйствія. Симоновичъ отвѣчалъ, что остановить военныхъ дѣйствій онъ не можетъ, и что царю лучше всего отправиться въ Тифлисъ и ожидать тамъ рѣшенія своей участи. Соломонъ заявилъ тогда, что готовъ письменно отказаться отъ управленія царствомъ, но съ тѣмъ, чтобы ему былъ данъ удѣлъ въ Имеретіи, необходимый для его пропитанія и жизни. Отказавъ и въ этомъ желаніи, Симоновичъ потребовалъ, чтобы царь явился къ нему для отправленія въ Тифлисъ [2]). Соломонъ не согласился и сталъ укрѣпляться, но скоро узналъ, что двигавшійся изъ селенія Лосіатхеви полковникъ Лисаневичъ занялъ уже ахалцыхскую дорогу и что поэтому на помощь ахалцыхскаго паши разсчитывать невозможно. Тогда царь просилъ полковника Симоновича пріѣхать къ нему въ ущелье и поклясться, что личность его будетъ безопасна. Желая достигнуть скорѣйшихъ результатовъ, Симоновичъ и Могилевскій, противъ правилъ благоразумія, рѣшились исполнить желаніе царя и съ четырьмя только казаками отправились въ его мѣстопребываніе [3]).

12-го марта свиданіе состоялось. Оба представителя русской власти погорячились и дали обязательства, превышавшія ихъ полномочія. Въ присутствіи лицъ, окружавшихъ Соломона, и его войскъ,

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Тормасова, отъ 30-го апрѣля. Воен. Учен. Арх., д. № 3873, ч. II.

[2]) Симоновичъ Тормасову, 9-го марта 1810 г., № 194.

[3]) Письмо Могилевскаго Тормасову, 14-го марта 1810 г. Госуд. Арх. XI, № 1049.

передъ крестомъ и евангеліемъ, Симоновичъ поклялся, что царь не будетъ арестованъ и царица оставлена на жительствѣ въ Тифлисѣ. Могилевскій же присягнулъ, что въ проѣздъ царя въ Грузію ему будутъ отдаваемы царскія почести и что со стороны русскаго правительства не будетъ сдѣлано Соломону никакого насилія [1]). Послѣ такихъ увѣреній царь согласился покориться, и обѣщалъ 15-го марта выѣхать, но только не въ Тифлисъ, а въ какое нибудь карталинское селеніе, не доѣзжая г. Гори, куда просилъ пріѣхать главнокомандующаго для свиданія съ нимъ [2]). Примѣру Соломона послѣдовали и всѣ его совѣтники. Царевичъ Константинъ пріѣхалъ къ Симоновичу съ повинною и былъ отправленъ въ Тифлисъ; всѣ князья и духовенство сдѣлали то же и присягнули на вѣрность. «Одинъ только царь бѣсовъ Леонидзе, писалъ Могилевскій [3]), измѣнивши, наконецъ, и царю, бѣжалъ третьяго дня въ Ахалцыхъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ по адскимъ дѣламъ, патеромъ Николаемъ.»

Въ назначенный день Соломонъ выѣхалъ изъ Ханійскаго ущелья со всѣми своими приверженцами, но, не довѣряя русскимъ войскамъ, обошелъ въ полуверстѣ отрядъ Симоновича и, по крутой и опасной скалѣ, проѣхалъ въ селеніе Сазано, принадлежавшее его супругѣ. Черезъ три дня онъ отправился въ Карталинію, въ сопровожденіи Могилевскаго и своей свиты, простиравшейся до четырехъ сотъ человѣкъ.

Во время пути, на каждыхъ пяти верстахъ, бывшій царь заставлялъ Могилевскаго клясться въ томъ, что не будетъ арестованъ, и не довѣряя клятвамъ, для большей осторожности объѣзжалъ какъ можно далѣе тѣ мѣста, гдѣ находились наши команды. Пробираясь по крутизнамъ и едва проходимымъ лѣсамъ, путешественники, вечеромъ, 21-го марта, въѣхали въ Карталинію и остановились близъ Сурама, въ селеніи Бекамъ, принадлежавшемъ родственнику царя, князю Абашидзе.

На слѣдующее утро Могилевскій получилъ приказаніе отправиться съ царемъ въ селеніе Варіани, какъ ближайшее къ г. Гори,

[1]) Рапортъ Симоновича Тормасову, 5-го іюля 1810 г., № 1621.
[2]) Рапортъ его же, 14-го марта 1810 г., № 206.
[3]) Письмо Могилевскаго Тормасову, 14-го марта 1810 г.

куда намѣренъ былъ пріѣхать и Тормасовъ. Соломонъ отговаривался отъ этой поѣздки, опасаясь, что съ удаленіемъ его отъ границъ Имеретіи и съ выходомъ изъ лѣсовъ, онъ будетъ арестованъ.

— Завтра я переѣду въ сел. Дирби,—говорилъ Соломонъ,—что на половинѣ пути между Сурамомъ и Гори, и оттуда отправлю письмо съ просьбою, чтобы главнокомандующій назначилъ мнѣ мѣсто свиданія. Я совершенно теперь въ рукахъ русскихъ, и меня могутъ везти куда захотятъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ слышалось скорѣе отчаяніе, чѣмъ искренность и покорность. Всегда готовый отказаться отъ своихъ словъ, Соломонъ, съ переѣздомъ въ Карталинію, искалъ случая бѣжать и неоднократно порывался возвратиться въ Имеретію. Въ виду этого, Могилевскій находилъ необходимымъ какъ можно скорѣе выѣхать изъ селенія Дирби, чтобы отдалить царя отъ лѣсовъ и отъ границъ Имеретіи.

— Какъ располагаете вы относительно переѣзда въ Варіани? спрашивалъ Могилевскій Соломона.

— Конечно, я принужденъ буду туда ѣхать, — отвѣчалъ царь,—но я надѣялся, что главнокомандующій, изъ уваженія къ моему несчастію, окажетъ мнѣ должную почесть и пріѣдетъ въ Дирби.

Могилевскій замѣтилъ царю, что онъ самъ долженъ искать своего счастія, а не требовать, чтобы главнокомандующій пріѣзжалъ къ нему. Соломонъ отвѣчалъ, что переѣдетъ въ Варіани, но не прежде какъ по возвращеніи отъ Тормасова митрополита Генателя и Сехнія Цулукидзе.

— Жители сел. Дирби разглашаютъ,—говорилъ Соломонъ,—будто я намѣренъ нынѣшнею ночью бѣжать, — это совершенная клевета. Имѣя въ Имеретіи и на пути въ Карталинію тысячу къ тому способовъ, я не исполнилъ этого, то тѣмъ болѣе теперь, когда передалъ себя во власть русскихъ, я, конечно, не рѣшусь бѣжать. Впрочемъ, если угодно, поставьте караулъ.

Царь, дѣйствительно, намѣренъ былъ бѣжать въ Осетію, и въ десятомъ часу вечера приготовленныя для него лошади были уже осѣданы. Попытка эта осталась неисполненною: пять ротъ пѣ-

хоты, эскадронъ драгунъ и сотня казаковъ окружили селеніе Дирби и заперли всѣ изъ него выходы. Съ разсвѣтомъ царю было объявлено, что намѣреніе его открыто и что теперь, безъ всякихъ уже условій, онъ долженъ въ тотъ же день отправиться въ селеніе Варіани, подъ прикрытіемъ того конвоя, который окружалъ селеніе Дирби [1]).

Въ Варіани Соломонъ имѣлъ свиданіе съ Тормасовымъ, отъ котораго узналъ, что ни въ какомъ другомъ городѣ, а только въ Тифлисѣ онъ долженъ былъ ожидать рѣшенія своей участи. Привезенный въ столицу Грузіи бывшій царь Имеретіи былъ помѣщенъ въ домѣ, къ которому приставленъ караулъ. Мѣра эта была крайне непрактична и на первыхъ же порахъ не понравилась имеретинамъ. Помня обѣщаніе и клятву Симоновича, они были удивлены распоряженіями главнокомандующаго. Соборъ митрополитовъ просилъ о возвращеніи Соломона въ Имеретію, но Тормасовъ отказалъ и объявилъ, что Имеретія навѣки присоединяется къ составу Имперіи, власть царя уничтожается и будетъ замѣнена особымъ временнымъ управленіемъ.

Приступая къ устройству этого правленія, Тормасовъ старался сохранить краткость въ рѣшеніи дѣлъ, такъ какъ по опыту было извѣстно, сколь тяжела вообще для всѣхъ азіятскихъ народовъ продолжительность суда и переходы по тяжебнымъ дѣламъ. изъ одного судебнаго мѣста въ другое. Судъ и расправа во всей Азіи, какъ извѣстно, существуютъ самыя краткія и всѣ дѣла рѣшаются болѣе словесными приговорами, основанными на народныхъ обычаяхъ, извѣстныхъ каждому жителю. «Сія же скорость и краткость въ рѣшеніяхъ, — писалъ Тормасовъ [2]), — приличествуетъ самому стремительному характеру азіятцевъ, ибо они бываютъ нетерпѣливы въ полученіи справедливости по ихъ дѣламъ, какого бы рода они не были, и охотнѣе перенесутъ самое тяжелое наказаніе, нежели продолжительную неизвѣстность, чѣмъ будетъ окончено ихъ дѣло. Таковое правленіе существовало въ Гру-

[1]) Письмо Могилевскаго Тормасову, 27-го марта 1810 г., Государств. Арх., XI№, 1049.

[2]) Графу Румянцову, 3-го іюля 1810 г., № 108. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—10, 1803—11, № 4.

зіи, Имеретіи и въ прочихъ владѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ здѣсь подъ россійскую державу, и которое для нихъ весьма нравится, бывъ согласно съ натуральными ихъ свойствами. А потому, какъ благоучрежденный порядокъ россійскаго судопроизводства, не соотвѣтствуя ни нравамъ, ни обычаямъ имеретинскаго народа, послужилъ бы оному только въ отягощеніе, то и признается полезнымъ предоставить правленію Имеретинской области руководствоваться въ дѣлахъ гражданскихъ одними законами царя Вахтанга и принятыми древними народными обычаями, приведя только сіе въ болѣе образованный порядокъ, нежели какой существовалъ при царскомъ самовластномъ правленіи, т. е. чтобы рѣшать дѣла документально и по письменнымъ приговорамъ членовъ правленія, а не словесно, и слѣдуя дѣйствію законовъ, а не одному мнѣнію, иногда и неправильному, бывшихъ мдиванъ-бековъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ, которыя вообще здѣсь наказываемы были смертною казнью или увѣчьемъ чрезъ лишеніе членовъ, такъ какъ сіе противно кроткимъ и милосердымъ законоположеніямъ россійскимъ, полагается нужнымъ принять въ руководство россійскіе законы, но только судъ производить военный, который по краткости своей болѣе здѣсь приличествуетъ. Впрочемъ, какъ самое правленіе, учреждаемое нынѣ въ Имеретіи, будетъ имѣть названіе *временнаго*, то на первый разъ, принаравливаясь къ народнымъ понятіямъ и прежнему царскому правленію, можно и нужно даже ограничиться сею краткостію, не уничтожая правъ и обычаевъ въ землѣ почитаемыхъ. Впослѣдствіи же времени, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами и разными перемѣнами, могущими случиться въ образѣ мыслей народа и его нравственности, можно будетъ дополнить всякіе недостатки введеніемъ новыхъ постановленій».

На этомъ основаніи, въ 1810 году вся Имеретія была раздѣлена на шесть округовъ, причемъ въ каждомъ находился воинскій начальникъ съ двумя помощниками изъ имеретинъ, выбранными отъ общества. Они исполняли обязанности земской полиціи, рѣшали неважныя дѣла и денежные иски, не превышавшіе 50 р. Въ Кутаисѣ былъ комендантъ и находилось главное управленіе, состоявшее изъ четырехъ мдиванъ-бековъ, выбранныхъ дворян-

ствомъ изъ туземныхъ князей и изъ нѣсколькихъ русскихъ чиновниковъ, назначенныхъ отъ правительства. Разбирая болѣе важныя дѣла, главное правленіе утверждало иски отъ 50 до 500 руб. Оно руководилось мѣстными постановленіями, судило по народному обычаю, но за смертоубійство имеретины судились военнымъ судомъ, по русскимъ законамъ, и конфирмація представлялась на утвержденіе главнокомандующаго, который рѣшалъ самъ и всѣ тяжебныя дѣла, въ которыхъ иски превышали 500 рублей.

Въ первое время, при устройствѣ правленія, въ Имеретіи введены были законы Вахтанга, которые, по приказанію Тормасова, переводились на русскій языкъ и были добавлены нѣкоторыми статьями русскихъ законовъ.

Такъ, за оскорбленіе Его Величества и измѣну Императору виновные судились военнымъ судомъ и наказывались смертью. Тому же подвергались обличенные въ разбоѣ, насиліи, въ похищеніи и плѣннопродавствѣ.

Права сословій оставлены на прежнемъ основаніи, но запрещено князьямъ и вообще всѣмъ помѣщикамъ продавать своихъ подвластныхъ магометанамъ, а продажа крестьянъ духовнымъ лицамъ вовсе запрещена.

За воровство скота и движимаго имѣнія положено взыскивать въ пять разъ болѣе украденнаго и изъ этого числа брать двѣ части въ казну, двѣ части отдавать обиженному и одну—поймавшему вора. За неправильное присвоеніе земли и другаго недвижимаго имущества взыскивать вдвое въ пользу обиженнаго, а если при этомъ произведено насиліе, то, сверхъ того, виновнаго отдавать подъ военный судъ и наказывать, какъ нарушителя спокойствія.

Неправильный доносъ и клевета наказывались денежнымъ штрафомъ, а преступленія противъ вѣры судились духовнымъ судомъ.

Доходы, поступавшіе царю, оставлены на прежнемъ основаніи, но старались обращать все собираемое натурою въ деньги, за исключеніемъ хлѣба, который, какъ необходимый для продовольствія войскъ, собирался натурою. Должности, существовавшія при царѣ, были также оставлены и сохранено даже названіе чиновъ,

но для лучшаго управленія страною установлены окружные начальники изъ русскихъ штабъ-офицеровъ, которые, находясь въ округѣ съ своимъ отрядомъ, соединяли власть военную съ гражданскою исполнительною.

Для лучшей связи Имеретіи съ Мингреліею и Гуріею назначены были отъ каждой области по два представителя для присутствованія въ областномъ имеретинскомъ управленіи и, сверхъ того, взаимные депутаты по одному изъ одного княжества въ другое [1]). Такая связь была необходима для единства управленія, такъ какъ владѣтель Гуріи, князь Мамія, хотя и былъ признанъ независимымъ отъ Имеретіи, но изъявилъ желаніе вступить въ подданство Россіи. 19-го іюня 1810 года онъ подписалъ пункты о подданствѣ, въ которыхъ просилъ оставить владѣніе Гуріею наслѣдственнымъ въ его родѣ по старшинству колѣна, съ тѣмъ, чтобы преемники его каждый разъ были утверждаемы высочайшими грамотами; прислать для защиты его владѣнія русское войско, предоставить въ его пользу часть доходовъ, судъ и расправу, за исключеніемъ смертной казни. Съ своей стороны, князь Мамія обязывался сохранять вѣрность Россіи, построить для войскъ помѣщеніе, снабжать ихъ провіантомъ и выдать трехъ аманатовъ, для постояннаго пребыванія ихъ въ Тифлисѣ.

Между тѣмъ, въ 11 часовъ ночи съ 10-го на 11-е мая бывшій царь бѣжалъ изъ Тифлиса. Приказавъ подать себѣ ужинъ ранѣе обыкновеннаго, Соломонъ легъ въ постель, жалуясь на нездоровье, и когда наступили сумерки, онъ переодѣлся въ заранѣе оставленное платье слуги, взялъ кувшинъ и вышелъ на дворъ. Тамъ онъ былъ остановленъ часовымъ и на вопросъ куда идетъ? отвѣчалъ — «за водою». Темнота скрывала лицо проходившаго, и Соломонъ, никѣмъ неузнанный, благополучно выбрался на улицу, гдѣ ожидалъ его одинъ изъ полицейскихъ, по происхожденію имеретинъ. Онъ провелъ бѣжавшаго царя черезъ весь городъ, за предѣлами котораго Соломона ожидали съ лошадьми два брата князей Эристовыхъ и четверо князей Церетелей, въ числѣ которыхъ

[1]) Предписаніе Тормасова Симоновичу, 10-го іюня, № 557. Отношеніе главнокомандующаго графу Румянцову, 3-го іюля, № 108.

былъ и сынъ князя Зураба Церетели [1]). Сѣвъ на приговленную лошадь, Соломонъ, въ сопровожденіи свиты, состоявшей всего изъ 23 человѣкъ, ускакалъ по дорогѣ къ Ахалцыху. Видѣвшіе его за 16 верстъ отъ Тифлиса грузины бросились въ погоню, но бывшій царь, не смотря на мѣры, принятыя къ его задержанію, успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія. Получивъ извѣстіе о бѣгствѣ Соломона, главнокомандующій писалъ собору митрополитовъ, что, послѣ такого поступка ихъ бывшаго царя, они, конечно, не будутъ болѣе ходатайствовать за него, а напротивъ, постараются сохранить въ своихъ паствахъ спокойствіе и внушить народу вѣрность къ Императору, принявшему на себя правленіе Имеретіи.

XV.

Происшествія въ Ахалцыхѣ.—Междоусобная вражда Шерифъ-паши съ Селимъ-пашою. — Просьба послѣдняго о принятіи его подъ покровительство Россіи.—Прокламація Соломона въ Имеретіи.—Возстаніе имеретинъ.—Дѣйствія Кабардинскаго полка въ Ольскомъ ущельѣ.—Дѣйствія отрядовъ генералъ-лейтенанта барона Розена и Симоновича.—Атака Хавійскаго ущелья.—Бѣгство Соломона въ Ахалцыхскій пашалыкъ.—Усмиреніе возстанія.

Добравшись благополучно до Ахалцыха, Соломонъ былъ весьма ласково принятъ трапезондскимъ сераскиромъ Шерифъ-пашою и обнадеженъ содѣйствіемъ къ возвращенію царскаго достоинства. Содѣйствіе это не могло быть, однако же, значительно, потому что самъ Шерифъ-паша былъ непроченъ въ Ахалцыхѣ и враждовалъ съ выгнаннымъ имъ Селимъ-пашою Химшіевымъ.

Родомъ грузинъ, Селимъ-паша былъ преисполненъ непонятною злобою къ отечеству своихъ предковъ. Происходя изъ фамиліи почти забытыхъ грузинскихъ дворянъ, онъ въ малолѣтствѣ былъ взятъ въ плѣнъ и проложилъ себѣ путь къ званію паши своею пронырливостію, вѣроломствомъ и убійствомъ тѣхъ лицъ, которыя способствовали его возвышенію. Съ самаго начала насильственнаго

[1]) Отношеніе Тормасова министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 26-го мая 1810 г. Акт. Кавк. Арх. Ком., т. IV, №№ 342 и 350.

вступленія своего въ управленіе Ахалцыхскимъ пашалыкомъ Селимъ не повиновался Портѣ и не признавалъ власти эрзерумскихъ сераскировъ, которымъ обыкновенно подчинялись пашалыки: Эрзерумскій, Баязетскій, Карскій и Ахалцыхскій. Селимъ-паша считалъ себя въ этомъ отношеніи на столько сильнымъ и независимымъ, что не хотѣлъ признать перемирія, заключеннаго графомъ Гудовичемъ съ сераскиромъ Юсуфъ-пашою. Въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій Россіи съ Турціею Селимъ самопроизвольно, безъ вѣдома султана, хотѣлъ заключить съ Тормасовымъ отдѣльный миръ для Ахалцыхскаго пашалыка, въ чемъ, конечно, не имѣлъ успѣха. Впрочемъ, Порта сама давала поводъ къ такому своеволію своихъ пашей. Обращая весьма мало вниманія на этотъ пограничный край, она ограничивалась только «утвержденіемъ того изъ пашей, кто, сдѣлавшись сильнѣе и имѣя острѣе саблю, свергнетъ своего соперника».

«А сіи развраты и безпорядки, писалъ Тормасовъ [1]), при всѣхъ осторожностяхъ всегда дорого стоятъ Грузіи, потому что паши, при неповиновеніи власти, или, лучше сказать, при безначаліи своемъ имѣютъ одинъ пунктъ, т. е. Грузію, чтобы обратиться къ грабежамъ и хищничеству, ибо единовѣріе и связи родства, хотя не всегда священныя у азіятцевъ, иногда удерживаютъ ихъ отъ возстанія противу своихъ собратій и отъ междоусобія.

«По долгу вѣрной службы моей, долженъ откровенно сказать, что доколѣ Ахалцыхскій пашалыкъ, наиважнѣйшій для спокойствія Грузіи, по своей смежности и самому мѣстоположенію не будетъ присоединенъ къ Грузіи въ совершенное подданство Его Императорскаго Величества, дотолѣ правый нашъ флангъ, въ здѣшнемъ краю, будетъ всегда чувствовать безпокойство отъ сего гнѣзда хищничествъ, единственнаго убѣжища оставшагося для строптивыхъ лезгинъ, живущихъ въ неприступныхъ ущельяхъ на сѣверной части Кавказскихъ горъ, нами еще непокоренныхъ и кичащихся оградою, кою (которую) положила для безопасности ихъ

---

[1]) Графу Румянцову, 20-го сентября 1809 года, № 93. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1803—11, № 4.

сама природа. Сей народъ, промышляя однимъ грабежомъ и проходя разными воровскими дорогами въ Ахалцыхъ, нанимается служить вмѣсто войскъ у паши, который обыкновенно платитъ имъ за сіе позволеніемъ грабить Грузію. Слабость же войскъ собственно ахалцыхскихъ, безъ помощи лезгинъ, довольно извѣстна, а потому всякій паша, хотя бы и съ лучшими свойствами противъ нынѣшняго, по необходимости обойтиться не можетъ безъ найма лезгинскихъ войскъ и, слѣдовательно, сію часть Дагестана, когда она будетъ находить для себя вѣрное пристанище въ Ахалцыхѣ, укротить будетъ трудно, да и Грузія будетъ всегда неспокойна отъ стороны Ахалцыха, потому что сколько бы всякій ахалцыхскій паша ни старался соблюсти дружбу и доброе сосѣдство, но когда будетъ имѣть у себя наемное лезгинское войско, то никакое средство отъ грабежей ихъ не удержитъ. Это врожденная ихъ страсть и безъ сего позволенія имѣть ихъ (лезгинъ) невозможно».

Пользуясь услугами лезгинъ и основывая на ихъ содѣйствіи прочность своего положенія, ахалцыхскій паша былъ постоянно самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ Грузіи. Сознавая это и опасаясь наказанія, Селимъ былъ крайне озабоченъ, когда узналъ, что, при началѣ военныхъ дѣйствій съ Персіею, Тормасовъ двинулся изъ лагеря при Саганлугѣ къ урочищу Думанисамъ, какъ средоточію двухъ дорогъ: изъ Памбакъ и изъ Ахалцыха. Полагая, что главнокомандующій намѣренъ слѣдовать къ Ахалцыху, Селимъ прислалъ къ нему двухъ своихъ чиновниковъ съ просьбою назначить довѣренное лицо, съ которымъ бы паша могъ объясниться по пограничнымъ дѣламъ и постановить «дружбу навсегда».

Получивъ въ это время извѣстіе, что Аббасъ-Мирза съ значительнымъ числомъ войскъ приближается въ Елисаветполю, Тормасовъ, подъ видомъ желанія исполнить просьбу Селима, повернулъ къ этому городу, а въ Ахалцыхъ отправилъ князя Орбеліани, съ довѣренностію и наставленіемъ, какъ поступать при переговорахъ съ пашою. Желая, чтобы паша добровольно и по трактату вступилъ въ подданство Россіи со всѣмъ семействомъ и народомъ, Тормасовъ уполномочилъ князя Орбеліани, какъ человѣка лично знакомаго Селиму, обѣщать ему оставленіе владѣтелемъ Ахалцыхскаго

пашалыка, предоставить ему всѣ доходы, нынѣ получаемые, судъ и расправу, производство въ чинъ генералъ-лейтенанта и жалованье по 2,779 руб. серебромъ [1]).

Сообщая Селиму, что, какъ добрый сосѣдъ, онъ никогда не отклоняется отъ согласія быть съ нимъ въ дружбѣ, Тормасовъ вручилъ князю Орбеліани проектъ условій, на которыхъ ахалцыхскій паша можетъ быть принятъ со всѣмъ своимъ народомъ подъ покровительство и даже въ подданство Россіи. Но едва только нашъ отрядъ повернулъ къ Елисаветполю, какъ Селимъ собралъ до 1,500 человѣкъ конницы, съ которою и ворвался въ наши границы. Хотя онъ былъ разбитъ и прогнанъ, но не переставалъ дѣйствовать враждебно. Селимъ вошелъ въ сношеніе съ персіянами, которые прислали къ нему царевича Александра, съ обѣщаніемъ выдать 150,000 рублей, если паша будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними. Понадѣявшись на обѣщанія, Селимъ пригласилъ къ себѣ лезгинъ и принялъ гордо князя Орбеліани.

— Я тогда откажусь отъ союза съ Персіею, сказалъ онъ, и вступлю въ дружбу съ Россіею, когда отъ вашего двора будетъ выдана соотвѣтствующая сумма денегъ.

Вслѣдъ затѣмъ, Селимъ отказался отъ принятія условій, предложенныхъ ему княземъ Орбеліани.

— Я никакъ не могу согласиться на три статьи, сказалъ онъ: во-первыхъ, чтобы вступить въ подданство Россіи; во-вторыхъ, чтобы дозволить занять Ахалцыхъ русскими войсками и въ-третьихъ, чтобы отдать сына въ аманаты.

Селимъ желалъ номинальнаго только покровительства Россіи и возможности подкрѣпить себя русскими войсками, въ случаѣ надобности. Тормасовъ уклонился тогда отъ переговоровъ, и они были прерваны. Скоро обстоятельства измѣнились: тегеранскій дворъ предложилъ Тормасову перемиріе, и персидскія войска удалились отъ нашихъ границъ, персіяне отказались выдать Селиму деньги, и самъ онъ вслѣдъ затѣмъ былъ изгнанъ изъ Ахалцыха Шерифъ-пашою, сераскиромъ трапезондскимъ.

Не рѣшаясь возвратиться въ Трапезондъ послѣ пораженія, на-

---

[1]) Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1191.

несеннаго ему у Поти отрядомъ генералъ-маіора князя Орбеліани, Шерифъ-паша предпочелъ двинуться къ Ахалцыху, изъ котораго девять лѣтъ тому назадъ былъ изгнанъ Селимомъ. Владѣя значительными силами, Шерифъ выгналъ Селима изъ города, но не могъ выгнать его изъ Ахалцыхскаго пашалыка. Принужденный бѣжать въ Ачары—мѣсто своего рожденія, весьма сильно укрѣпленное,—Селимъ собиралъ войска для возвращенія потерянаго владѣнія. Онъ просилъ у нашего правительства вспомоществованія какъ войсками, такъ и деньгами, и писалъ, что если даже и не получитъ ни того, ни другаго, то все-таки останется преданнымъ Россіи и желающимъ вступить подъ ея покровительство.

Главнокомандующій поручилъ обнадежить Селимъ-пашу, что дастъ войска и деньги, если онъ въ доказательство искренности своего намѣренія приметъ присягу на вѣрность и подпишетъ трактатъ, проектъ котораго и былъ отправленъ къ полковнику Симоновичу. Селимъ-паша отвѣчалъ, что онъ готовъ приступить къ этому и даже выдать аманатовъ, но только не прежде того, когда русскія войска вступятъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ и онъ будетъ совершенно обезпеченъ отъ преслѣдованія Шерифъ-паши. Такое заявленіе нельзя было не признать основательнымъ, и Тормасовъ положилъ вопросъ о подданствѣ Селима оставить до болѣе удобнаго времени.

Сношенія наши съ Селимъ-пашою не могли укрыться отъ Шерифъ-паши, и онъ, желая удалить отъ себя грозившую опасность, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы возбудить возстаніе въ Имеретіи и тѣмъ отвлечь отъ Ахалцыха дѣятельность русскихъ войскъ. Въ Имеретіи явились возмутительныя письма бывшаго царя Соломона, самого Шерифъ-паша и царевича Александра.

Соломонъ писалъ, что, узнавъ о намѣреніи Тормасова отправить его въ Россію на всегдашнее тамъ пребываніе и будучи не въ силахъ разстаться съ подвластнымъ ему народомъ, онъ рѣшился бѣжать изъ Тифлиса.

«Всякой поднебесной славѣ, писалъ онъ [1]), я предпочелъ быть съ вами, съ вами радоваться, жить и умереть... Прошу, сообразно

[1]) Въ письмѣ митрополиту Генателю и архіепископу Софронію, отъ 17-го мая. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 342.

вашей ко мнѣ отеческой любви, оказать въ моемъ дѣлѣ участіе и постараться, чтобы предоставили мнѣ мою землю и тѣмъ обязали меня и мое царство пролить кровь за вѣрность имъ (русскимъ)».

По своей безхарактерности и вѣтренности, бывшій царь противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу. То онъ смирялся и просилъ заступничества, то не хотѣлъ покоряться; въ одномъ письмѣ онъ писалъ, что готовъ пролить кровь за русскихъ; въ другомъ—внушалъ ненависть къ нимъ. Въ одинъ и тотъ же день онъ просилъ митрополита Генателя исходатайствовать ему прощеніе и возбуждалъ къ возстанію жителей Лосіатхевской волости.

«Я ожидаю отъ вашей вѣрности ко мнѣ, писалъ онъ имъ [1]), что положите за меня ваши головы, да и родственные вамъ дома и сосѣдей вашихъ ободрите, чтобы не погибнуть вамъ, подобно Грузіи, жители которой, подъ властью русскихъ, духовно ѣдятъ мясо въ великую пятницу, а тѣлесно въ горькихъ мученіяхъ вздыхаютъ о смерти. Сперва и ихъ обманули клятвою и золотомъ, а нынѣ грузины не рады ни богатству, ни домамъ своимъ; теперь съ бѣдныхъ даже за каждаго мертвеца по три рубли взыскиваютъ, а безчестіе домовъ и семей заставляетъ ихъ горько вздыхать и стонать, и дома ихъ день-ото-дня приходятъ въ униженіе. Когда русскіе успѣютъ поработить и васъ, тогда ваше положеніе будетъ еще горьше и труднѣе, и тѣ, которые сегодня сулятъ вамъ золото, завтра лишатъ васъ насущнаго; сегодня съ честію обходятся съ вами, а завтра, знайте, они уронятъ достоинство и честь вашихъ семей, качества, коими онѣ отличаются противу всѣхъ другихъ земель».

Появленіе этихъ писемъ произвело всеобщее волненіе въ Имеретіи, и побудило полковника Симоновича обратиться къ населенію съ воззваніемъ, въ которомъ онъ предупреждалъ, что каждый вошедшій въ сношеніе съ Соломономъ будетъ лишенъ имѣнія и сосланъ въ Сибирь. Предупрежденіе это не произвело желаемаго дѣйствія и не остановило имеретинъ отъ соединенія съ царемъ. Вскорѣ послѣ побѣга Соломона, Симоновичъ сталъ получать извѣстія, что

---

[1]) Въ письмѣ отъ 17-го мая 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 343.

въ Имеретіи открылось повсемѣстное возстаніе и появились значительныя толпы вооруженныхъ людей. Легковѣрные имеретины, не имѣвшіе никакого понятія о долгѣ, толпами спѣшили на призывъ царя и вооружались. Во главѣ ихъ стояли князья и члены временнаго имеретинскаго правленія, съ первыхъ же дней оставшіеся недовольными русскимъ правительствомъ. Краткое существованіе имеретинскаго дивана показало, что вновь установленное правленіе не отвѣчаетъ ни требованіямъ страны, ни намѣреніямъ русскаго правительства. Привыкшіе къ царской власти князья, не имѣя ея болѣе надъ собою, не могли сдержать себя въ границахъ умѣренности и, вмѣсто правительства, составляли сборное мѣсто, гдѣ, трактуя о предметахъ, до службы неотносящихся, не упускали, однако же, случая удовлетворить своему корыстолюбію и собирали съ просителей деньги безъ всякаго разбора. Единственный законъ въ Имеретіи была царская власть, съ уничтоженіемъ которой члены дивана рѣшали дѣла какъ хотѣли, а иногда и одинъ членъ, безъ совѣщанія съ другими, указывалъ рѣшеніе, которое и приводилось въ исполненіе. Исполнители этихъ рѣшеній, такъ называемые бокаулы, не имѣя прямаго начальства, пользовались случаемъ и грабили народъ, «и если гдѣ было имъ въ чемъ отказываемо, вымучивали тѣлеснымъ наказаніемъ». Имеретины не могли быть довольны такимъ правительствомъ, а князья и члены дивана—попытками русской власти ограничить ихъ произволъ и уничтожить поборы. Какъ тѣ, такъ и другіе желали возвращенія прежняго порядка вещей и возстановленія царской власти. Слабое правленіе Соломона было выгодно князьямъ, которые, пользуясь безхарактерностью царя, успѣли захватить въ свои руки большую часть доходовъ и, при помощи грабежа, надѣялись въ будущемъ увеличить свои матеріальныя средства. Прельщенные такою надеждою, почти всѣ князья перешли на сторону Соломона и отправили депутацію въ Ахалцыхъ, звать бывшаго царя въ Имеретію. Въ ожиданіи его прибытія, приверженцы стараго порядка волновали народъ и разсылали повсюду гонцовъ о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ русскими войсками. Ни совѣты и увѣщанія, ни угрозы не могли остановить отъ возстанія населеніе, недавно добровольно покорившееся Россіи.

«На вопросъ мой, доносилъ полковникъ Симоновичъ [1]), о причинѣ ихъ возмущенія, черезъ здѣшнихъ митрополитовъ отвѣтствовали они, что, взявъ отъ нихъ разъ царя, лучше бы мы сдѣлали, если бы умертвили его или бы отправили въ Сибирь, и они бы оставались навсегда спокойными. Но теперь, когда прежній повелитель, безъ согласія ихъ отъ нихъ удаленный, опять пришелъ и требуетъ ихъ помощи, они священнымъ себѣ вмѣняютъ долгомъ оказать ему всѣ опыты своего усердія, и не перестанутъ до тѣхъ поръ бунтовать и проливать кровь, пока не будетъ Соломонъ, по прежнему, возстановленъ на царствѣ, и что другаго царя они никакъ имѣть несогласны. Истинно преданныхъ намъ нѣтъ ни одного, ни изъ князей, ни изъ дворянъ, такъ что не черезъ кого даже отправлять бумагъ, которыя, какъ объявляютъ два или три князя, оставшіеся до рѣшенія дѣла при мнѣ, вездѣ перехватываются бунтовщиками, отчего и настоящихъ свѣдѣній о мѣстопребываніи царя и его войскахъ имѣть не можно».

Салтхуцесъ князь Зурабъ Церетели устранялъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла и, вмѣсто того, чтобы составить свою партію и своимъ вліяніемъ на народъ быть намъ полезнымъ, оставался празднымъ зрителемъ совершающихся событій. Если нельзя было замѣтить, чтобы онъ тайно содѣйствовалъ бунтовщикамъ, то ясно было видно, что онъ не желаетъ намъ помочь ни въ чемъ. Подобно лицамъ сомнительной преданности, князь Зурабъ, слѣдуя общему потоку, просилъ Тормасова возвратить царя въ Имеретію, но получилъ въ отвѣтъ, что клятвопреступники недостойны снисхожденія, и что Соломонъ никогда не будетъ болѣе правителемъ Имеретіи. Объ этомъ нечего и думать, говорилъ Тормасовъ, особенно «послѣ недостойнаго поступка, имъ учиненнаго, черезъ побѣгъ изъ Тифлиса, который многихъ честныхъ и достойныхъ людей подвергъ несчастію. Видно судьбѣ, праведно наказующей сего клятвопреступника и нарушителя своихъ обязанностей, неугодно было допустить воспользоваться тѣмъ счастіемъ, которое предлежало ему, если бы онъ былъ вѣренъ честному своему слову и постоянен въ ожиданіи на неограни-

[1]) Тормасову, отъ 7-го іюня 1810 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 358.

ченное милосердіе Его Императорскаго Величества, ибо могу увѣрить, что всемилостивѣйшій и великій нашъ Государь Императоръ простилъ бы всѣ содѣянныя имъ преступленія, если бы увидѣлъ чистосердечное его раскаяніе и, вѣроятно, возвратилъ бы ему по-прежнему владѣніе, какъ о томъ и предположено уже было, только съ нѣкоторымъ ограниченіемъ его власти».

Но такъ какъ предположеніе это не состоялось, то главнокомандующій просилъ, чтобы лица, преданныя Россіи, содѣйствовали усмиренію волнующагося народа, и чтобы князь Церетели прибылъ въ Кутаисъ. Зурабъ уклонился отъ этой поѣздки и, подъ предлогомъ бракосочетанія его дочери съ княземъ Леваномъ Дадіани, уѣхалъ въ свое имѣніе Сачхере и не принималъ никакого участія въ происшествіяхъ. Тогда главнокомандующій поручилъ полковнику Симоновичу наблюдать за поведеніемъ всѣхъ членовъ имеретинскаго правленія, не исключая и князя Зураба Церетели, «который, кажется, требуетъ за собою примѣчанія [1])». «Я и прежде нѣсколько разъ замѣтилъ, отвѣчалъ Симоновичъ [2]), что, въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ, онъ всегда уклонялся подъ разными предлогами отъ содѣйствія намъ; въ теперешнемъ случаѣ онъ слѣдуетъ прежней своей политикѣ. Словомъ, я почти увѣренъ, что Церетели если не совсѣмъ намѣренъ содѣйствовать царю въ достиженіи его намѣренія, то, по крайней мѣрѣ, не должно намъ многаго ожидать отъ его къ намъ преданности и вѣрности».

При совершенномъ отсутствіи лицъ, намъ преданныхъ и вѣрныхъ, возстаніе быстро разгоралось и прежде всего обнаружилось въ волости Лосіатхевской. Въ селеніи Аргустахъ собралось скопище въ 2,000 человѣкъ имеретинъ, для разогнанія которыхъ былъ посланъ маіоръ Колотузовъ, съ двумя ротами Кавказскаго гренадерскаго полка. Приближаясь, 22-го іюня, къ селенію Сакаро, Колотузовъ по неосторожности вошелъ въ лѣсъ, гдѣ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ засѣвшихъ въ немъ имеретинъ. При первыхъ выстрѣлахъ Колотузовъ былъ убитъ, но, принявшій послѣ него команду, капитанъ Титовъ, выбилъ непріятеля изъ лѣса съ

[1]) Предписаніе Тормасова Симоновичу, 8-го іюня 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 360.

[2]) Въ рапортѣ Тормасову 10-го іюня 1810 г. Тамъ же, № 365.

большою для него потерею, простиравшеюся до 90 человѣкъ убитыми, въ числѣ которыхъ были дѣти главнаго возмутителя, князя Кайхосро Абашидзе. Потеря эта не остановила, однакоже, имеретинъ, и они, собираясь въ разныхъ пунктахъ, прервали почти всѣ сообщенія и задерживали нашихъ курьеровъ. Симоновичъ не получалъ никакихъ донесеній, и до него доходили лишь смутные слухи о томъ, что Соломонъ съ ахалцыхскими и лезгинскими войсками ворвался въ Имеретію и остановился въ Барадзеби, близъ Квирильскаго поста. Для преграженія ему пути въ Вардъ-цихе, Симоновичъ оставилъ три роты въ Багдадѣ, а остальныя войска стягивалъ къ Лосіатхевамъ [1]).

Между тѣмъ Тормасовъ, получивъ извѣстіе о всеобщемъ возстаніи, отправилъ изъ Сурама въ Имеретію генералъ-маіора князя Орбеліани, съ двумя баталіонами Кабардинскаго полка и 50-ю казаками. Слѣдуя форсированнымъ маршемъ по ваханской дорогѣ, князь Орбеліани долженъ былъ присоединить къ себѣ на пути двѣ роты 9-го егерскаго и двѣ 15-го егерскаго полковъ, и по вступленіи въ Имеретію принять общее начальство надъ всѣми войсками, тамъ расположенными, установить сношенія съ Симоновичемъ и обезпечить сообщеніе съ Карталиніею.

Для усиленія боевыхъ средствъ князя Орбеліани и скорѣйшаго усмиренія волнующихся, главнокомандующій разрѣшилъ потребовать содѣйствія владѣтелей Мингреліи и Гуріи, «которымъ, въ наказаніе бунтующихъ, дозволить грабить селенія».

«Только всемѣрно старайтесь, прибавлялъ Тормасовъ [2]), отвращать, чтобы не пострадали невинные жители, коихъ оградите всею безопасностію. Надъ бунтовщиками же разрѣшаю васъ оказать примѣрную строгость, не взирая ни на какое лицо и не дѣлая никакой пощады». Пойманныхъ бунтовщиковъ приказано было, по степени вины, вѣшать, заковывать въ желѣзо и заключать въ крѣпость; имѣнія бунтующихъ князей отбирать въ казну, а крестьянъ объявлять государственными «съ тѣмъ, чтобы они

---

[1]) Рапортъ Симоновича Тормасову 23-го іюня. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 373.

[2]) Въ предписаніи князю Орбеліани, отъ 28-го іюня. Тамъ же, № 378.

своихъ помѣщиковъ ловили или убивали—словомъ, не признавали бы ихъ власти надъ собою» [1]).

Получивъ такую инструкцію, князь Орбеліани, вмѣсто того, чтобы при вступленіи въ Имеретію дѣйствовать совокупными силами, раздѣлилъ свой небольшой отрядъ на двѣ части: одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями, подъ командою маіора Тихоцкаго, направилъ Альскимъ ущельемъ черезъ селенія Картохти и Чалуани, а съ другимъ баталіономъ двинулся по Ваханскому ущелью, гдѣ, по свѣдѣніямъ, скрывалось главное скопище мятежниковъ.

Въ Альскомъ ущельѣ, находившемся всего въ девяти верстахъ отъ Сурама, маіоръ Тихоцкій встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны мятежниковъ, преградившихъ ему дорогу завалами, засѣками и засадами. Очищая себѣ путь штыками и вытѣсняя непріятеля изъ засадъ, кабардинцы прошли 15 верстъ по ущелью, но, потерявъ всѣхъ лошадей подъ орудіями и имѣя множество раненыхъ, не могли слѣдовать далѣе. По обѣимъ сторонамъ были горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, впереди также лѣсъ и завалы мятежниковъ, число которыхъ было совершенно неизвѣстно. Измученные солдаты нуждались въ отдыхѣ, и маіоръ Тихоцкій, не смотря на всѣ невыгоды своего положенія, принужденъ былъ остановиться при урочищѣ Дампала (?). Безъ воды и фуража отрядъ простоялъ на мѣстѣ пять сутокъ; причемъ, лошади, не имѣя травы, питались листьями деревъ, а солдаты, томимые жаждою, долгое время не могли отыскать источника. Впослѣдствіи хотя и былъ найденъ ручей, но путь къ нему приходилось прокладывать штыками, такъ какъ имеретины облегли нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ и безъ выстрѣла не дозволяли ему сдѣлать ни единаго шага. На пятыя сутки, на помощь окруженному отряду, прибылъ маіоръ Реутъ, посланный главнокомандующимъ, для содѣйствія Тихоцкому, съ двумя ротами пѣхоты, однимъ орудіемъ и 20-ю казаками. Тогда оба отряда перешли въ наступленіе, выгнали мятежниковъ и пробились въ селеніе Али, куда 11-го іюля пришелъ и князь Орбеліани со своимъ баталіономъ. Простоявъ

[1]) Предписаніе маіору Прибыловскому, 27-го іюня, № 1007.

здѣсь нѣкоторое время и принявъ общее начальство надъ войсками, князь Орбеліани повелъ ихъ обратно въ Сурамъ, чтобы запастись вьюками и провіантомъ, а затѣмъ снова вступить въ Имеретію и слѣдовать по ваханской дорогѣ. Обратное движеніе наше къ Сураму ободрило имеретинъ, дало имъ случай похвалиться побѣдою и показывало, что князь Орбеліани не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и распорядиться войсками. Вмѣсто быстроты движенія и пораженія мятежниковъ совокупными силами, онъ раздробилъ свои силы и дѣйствовалъ весьма нерѣшительно. «Неужели я, спрашивалъ Тормасовъ князя Орбеліани, долженъ всегда мучиться черезъ ошибки другихъ?... Я не могу придумать, какія вы находили пользы отъ раздѣленія войскъ, и имѣя въ виду непріятеля, превосходнѣйшаго въ силахъ, защищаемаго горами, лѣсами и засѣками, изъ какихъ военныхъ правилъ вы взяли, что лучше можете пройти, раздѣлясь и ослабивъ себя? Между тѣмъ, какъ цѣлою массою войскъ, съ коими вы отсель выступили и которыя еще послѣ къ вамъ присоединились, вы могли бы пробиться сквозь всѣ преграды, бунтовщиками поставленныя и уже много бы выиграли надъ непріятелемъ. Двѣ важныя ошибки я долженъ вамъ замѣтить: первая и главная — ваше раздѣленіе, а вторая, что, не узнавши, въ какомъ положеніи теперь альская дорога и какія взялъ непріятель мѣры къ защищенію оной, послали туда маіора Тихоцкаго, зная его слабость и неопытность. Если бы онъ имѣлъ военный духъ, то, увидѣвъ себя окруженнымъ отъ непріятеля, не останавливался бы безъ воды, безъ корму и не далъ бы себя бить изъ-за кустовъ понапрасно, а ударилъ бы въ штыки, и, съ цѣлымъ баталіономъ, грудью проложилъ бы себѣ дорогу гораздо съ меньшею потерею, какъ сдѣлалъ то въ подобномъ случаѣ храбрый капитанъ Титовъ, съ двумя только ротами Кавказскаго полка, въ которыхъ уже были потери въ людяхъ до 50 человѣкъ [1])». Главнокомандующій требовалъ быстроты и рѣшимости въ дѣйствіяхъ, но, взамѣнъ того, получилъ просьбу о прибавкѣ войскъ. Располагая самъ весьма ограниченными средствами, Тормасовъ не могъ удовлетворить просьбѣ князя

[1]) Предписаніе князю Орбеліани 15-го іюля 1810 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 402.

Орбеліани, тѣмъ болѣе, что, по его убѣжденію, восьми баталіоновъ, находившихся въ Имеретіи, было слишкомъ достаточно для усмиренія волненій. Видя, что князь Орбеліани не имѣетъ достаточно энергіи и придаетъ слишкомъ большое значеніе силѣ и средствамъ мятежниковъ, главнокомандующій отправилъ въ Имеретію генералъ-лейтенанта барона Розена, съ порученіемъ принять начальство надъ войсками и дѣйствовать быстро и рѣшительно [1]). Правителю Грузіи вмѣнено въ обязанность позаботиться о доставленіи въ Зедубани провіанта и по границѣ Грузіи разставить сильные караулы, такъ какъ мятежники стали показываться и въ ея предѣлахъ [2]).

Прибывъ въ Сурамъ, баронъ Розенъ не засталъ тамъ князя Орбеліани, который перешелъ въ Зедубани. Розенъ взялъ въ конвой роту 15-го егерскаго полка и 23-го іюля, въ 11 часовъ ночи, догналъ отрядъ, остановившійся лагеремъ близъ крѣпости Чхери. Принявъ начальство надъ войсками, баронъ Розенъ нашелъ ихъ въ большомъ безпорядкѣ: на передовыхъ пикетахъ люди были безъ оружія, а нѣкоторые и безъ порядочной одежды. Провіанта при отрядѣ было только на четыре дня, а въ Имеретіи достать его было негдѣ, потому что жители разбѣжались въ горы и лѣса. Князь Орбеліани рапортовался больнымъ и не явился къ барону Розену, который принужденъ былъ прежде всего отправить нарочнаго въ Сурамъ и требовать скорѣйшаго доставленія провіанта. Не дождавшись, однако же, прибытія транспортовъ, баронъ Розенъ приказалъ выдавать нижнимъ чинамъ половинную дачу и выступилъ далѣе, чтобы скорѣе соединиться съ полковникомъ Симоновичемъ и дойти до Кутаиса, гдѣ онъ разсчитывалъ найти запасы продовольствія [3]).

Въ восемь часовъ утра, 24-го іюля, баронъ Розенъ двинулся впередъ. Въ виду пикетовъ, неподалеку и вправо отъ кр. Чхери стояли мятежники. Пятьдесятъ человѣкъ егерей и сто человѣкъ

[1]) Предписаніе барону Розену 16-го іюля 1810 г., № 706.

[2]) Тоже, правителю Грузіи, генералу Ахвердову, 20-го іюля 1810 года, № 1143.

[3]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Розена главнокомандующему 23-го іюля 1810 г., № 11.

рабочихъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, съ трехфунтовымъ единорогомъ, шли въ авангардѣ, имѣя по обѣимъ сторонамъ фланкеровъ, изъ двухъ ротъ егерей и 100 казаковъ линейнаго казачьяго полка. За авангардомъ шелъ баталіонъ Кабардинскаго полка, а за нимъ вьюки, подъ прикрытіемъ 200 человѣкъ. Рота егерей и остальные нижніе чины Кабардинскаго полка составляли аріергардъ, подъ командою маіора Тихоцкаго.

Переправа вбродъ черезъ рѣку Чхерители происходила подъ слабымъ огнемъ мятежниковъ, засѣвшихъ на возвышенностяхъ. На второй верстѣ отъ Чхери замѣчено было скопище до 5,000 человѣкъ, прикрытыхъ завалами и засѣками, сдѣланными въ узкихъ мѣстахъ дороги. Фланкеры подползли подъ самыя засѣки и съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ единорога, возвышенности были заняты и мятежники преслѣдуемы до дер. Градо. Дорога по всему пути была испорчена и забросана каменьями и бревнами, такъ что для очистки ея употреблено четыре часа времени. Пройдя еще шесть верстъ, отрядъ сталъ лагеремъ при урочищѣ Базалетисъ-чалы, при р. Чхерители. Непріятель потерялъ до 70 человѣкъ убитыми и въ томъ числѣ главнаго своего предводителя Дмитрія Абашидзе.

25-го іюля отрядъ выступилъ далѣе и черезъ четыре дня прибылъ въ Кутаисъ. Встрѣчая повсюду селенія, оставленныя жителями, баронъ Розенъ имѣлъ безпрерывныя стычки съ имеретинами, пытавшимися преградить дорогу нашему отряду. Пораженные послѣдовательно при селеніи Цра-Цкаро и Симонеты, мятежники собрались въ восьми верстахъ отъ Кутаиса, въ числѣ 7,000 человѣкъ, но и здѣсь были разогнаны русскими штыками. Послѣ такой неудачи, имерстины видѣли невозможность бороться съ русскими войсками, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ пунктахъ они потерпѣли точно такое же пораженіе. Такъ маіоръ Прибыловскій разбилъ толпу, собравшуюся у сел. Ріонъ; маіоръ Ушаковъ овладѣлъ крѣпостью Тхачиры, а капитанъ Сухановъ настигъ и разсѣялъ непріятеля при р. Квирилѣ. Царь Соломонъ былъ стѣсненъ съ двухъ сторонъ и принужденъ со своимъ ополченіемъ скрыться въ селеніи Сазано. Народъ снова покорился и волненіе утихало, но для окончательнаго усмиренія Имеретіи главнокоман-

дующій признавалъ необходимымъ или поймать, или убить Соломона.

— Если же только выгнать его изъ границъ,—говорилъ Тормасовъ,—то дѣло будетъ не только не кончено, но можетъ быть еще вреднѣе для насъ, потому что поводъ къ неустройствамъ и волненіямъ всегда будетъ готовъ.

Исходя изъ этой мысли и назначая Симоновича управляющимъ Имеретіею, Мингреліею и Гуріею, Тормасовъ поручилъ ему пріискать такихъ людей, которые бы нанесли вѣрный ударъ. Такимъ лицамъ Симоновичъ былъ уполномоченъ выдать до 2,000 червонныхъ и обѣщать награжденіе чиномъ и недвижимымъ имѣніемъ. Всякую употребленную противъ Соломона хитрость главнокомандующій признавалъ позволительною, такъ какъ она, по его мнѣнію, вела къ спасенію человѣчества [1]). Въ лицѣ Соломона онъ видѣлъ измѣнника, клятвопреступника и вообще человѣка, недостойнаго никакого снисхожденія. Не разсчитывая на скорое пріисканіе такихъ людей и поручая Симоновичу командованіе войсками, вмѣсто генерала барона Розена, отозваннаго въ Тифлисъ, Тормасовъ просилъ его употребить особое стараніе къ поимкѣ Соломона и, преслѣдуя его повсюду, заставить отступиться отъ него всѣхъ его единомышленниковъ. Однимъ словомъ, писалъ главнокомандующій, необходимо «принудить премудраго и хитраго покориться сильнѣйшимъ, или противъ хитрости употребить такую же хитрость, какого бы рода оная ни была, ибо противъ извивающейся съ улыбкою злости ничего не должно быть священнаго, и коварству умышленному всегда позволительно мѣрить тою же мѣрою, особливо для спасенія человѣчества, которое будетъ страдать впослѣдствіи, если улыбка въ коварномъ человѣкѣ не изгладится смертнымъ сномъ».

«Ваше превосходительство теперь знаете, въ чемъ состоитъ дѣло, и такъ дѣйствуйте неослабно, не жалѣя никакихъ орудій къ уничтоженію зла: желѣзо, золото, силу и всякіе обороты употребляйте

[1]) Отношеніе Тормасова Симоновичу 3-го сентября 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 426.

на окончаніе дѣла», состоявшаго въ томъ, чтобы уничтожить дѣятельность бывшаго царя Имеретіи.

Симоновичъ самъ понималъ, что, для окончательнаго усмиренія волнующихся, необходимо удаленіе Соломона, и потому еще до полученія наставленія главнокомандующаго окружилъ его почти со всѣхъ сторонъ. Баталіонъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Щелкачева, двинуть со стороны Багдата; баталіонъ 9-го егерскаго полка, подъ командою маіора Прибыловскаго, направленъ на селеніе Сазано и далѣе къ урочищу Лижавесаули и, наконецъ, самъ Симоновичъ двинулся на селеніе Маглахъ. Совокупное и одновременное дѣйствіе этихъ отрядовъ заставило Соломона, постепенно отступая, скрыться въ трудно доступномъ Ханійскомъ ущельѣ, гдѣ непріятель имѣлъ полную возможность и всѣ средства къ весьма долгому сопротивленію. Ханійское ущелье, по своему положенію, есть одно изъ самыхъ недоступныхъ. Дорога къ нему пролегала надъ ужасною бездною и была столь узка, что едва проходима для двухъ рядомъ идущихъ; во многихъ мѣстахъ были обрывы, куда можно было спускаться только съ «трепетомъ». Къ тому же, висѣвшая надъ дорогою горная глыба была сплошь покрыта густымъ лѣсомъ, въ которомъ укрывшійся непріятель, будучи невидимъ, могъ наносить проходившимъ огромный вредъ, оставаясь самъ внѣ опасности.

Запершись въ столь крѣпкой мѣстности и имѣя при себѣ 150 турокъ и до 500 имеретинъ, Соломонъ испортилъ дорогу и завалилъ ее въ нѣсколько рядовъ бревнами и каменьями; на вершинахъ горъ видны были кучи камней и обрубки деревъ, приготовленныхъ для того, чтобы бросать ихъ съ высотъ на проходившія русскія войска. Соломонъ надѣялся, подъ защитою столь сильной позиціи, удержаться въ Ханійскомъ ущельѣ весьма долгое время, но ошибся въ разсчетѣ. Не смотря на видимую неприступность позиціи, Симоновичъ рѣшился атаковать непріятеля. Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на три части: двѣ пошли въ обходъ, по горамъ, чтобы зайти во фланги позиціи, а третья колонна двинулась прямо по ущелью. Маіоръ Ушаковъ, командовавшій этою послѣднею колонною, бросившись въ штыки, занялъ первыя засѣки и сталъ подвигаться впередъ. Ему предстояло пройти самое труд-

ное мѣсто ущелья подъ градомъ камней и сброшенныхъ бревенъ. Путь былъ труденъ, и едва ли бы Ушакову удалось пройти его, если бы въ это время на обоихъ флангахъ не появились наши колонны. Турки, какъ только замѣтили появленіе боковыхъ отрядовъ, обратились въ бѣгство и такъ стѣснились въ узкомъ мѣстѣ ущелья, что большая часть ихъ была переколота штыками. Имеретины разбѣжались въ разныя стороны, и самъ Соломонъ, съ нѣсколькими только князьями, успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія и бѣжалъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ, покинувъ навсегда Имеретію.

«Итакъ, доносилъ Симоновичъ [1]), при всемъ напряженіи силъ и при понесенныхъ воинскими чинами въ сію экспедицію неказанныхъ трудахъ, въ коихъ нижніе чины, не получивъ новой амуниціи, до того обносились, что почти сдѣлались наги и босы, и пришли въ жалостное положеніе, не было возможности достигнуть извѣстной цѣли, ниже сбыть ее съ рукъ, посредствомъ какого либо рѣшительнаго человѣка, чѣмъ бы навсегда могъ быть положенъ конецъ всякимъ безпокойствамъ. Случалось во время экспедиціи, что два и три дня проходило, прежде нежели узнавалъ я о настоящемъ мѣстопребываніи его, между тѣмъ какъ въ одно и то же время нѣсколько разныхъ слуховъ получалъ о его нахожденіи въ разныхъ мѣстахъ. Духъ всеобщей революціи почти никого не допускалъ склоняться на пользы, какія могъ бы кто получить отъ приверженности къ нашей сторонѣ, и совершенно преданныхъ намъ людей, которые дѣйствіемъ своимъ могли быть намъ полезны, не было почти никого».

Съ удаленіемъ Соломона изъ Имеретіи спокойствіе въ ней возстановилось весьма скоро, и оставшіеся члены царскаго дома изъявили желаніе отправиться въ Тифлисъ. Царица Марія, сестра Соломона княгиня Андроникова, царевна Дареджана и другая Дареджана, мать царевича Александра, съ двумя сыновьями, 16-го ноября прибыли въ столицу Грузіи.

---

[1]) Рапортъ Симоновича Тормасову, отъ 30-го сентября 1810 г., № 1007. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 436.

XVI.

Мѣры, принятыя главнокомандующимъ противъ вторженія персіянъ въ наши границы.—Расположеніе войскъ.—Враждебныя отношенія къ Россіи хановъ ширванскаго и карабагскаго.—Уравнительная раскладка податей въ Карабагѣ.—Непріязненныя дѣйствія персіянъ.—Прокламація Аббасъ-Мирзы.—Стараніе персіянъ склонить на свою сторону хана талышенскаго.—Вторженіе ихъ въ Карабагъ.—Побѣда, одержанная Котляревскимъ у Мигри.—Нападеніе персіянъ на Артикъ.—Пораженіе ихъ у Ахалкалакъ и при р. Джагорѣ.—Письмо Тормасова карабагскому хану.—Экспедиція въ Ахалцыхскій пашалыкъ.—Воззваніе къ жителямъ.—Обложеніе Ахалцыха.—Бомбардированіе города.—Снятіе блокады.—Отступленіе.

Одновременно съ принятіемъ мѣръ къ водворенію спокойствія въ Имеретіи и въ самый разгаръ возстанія, на обязанности главнокомандующаго лежали заботы по приготовленію къ военнымъ дѣйствіямъ съ Персіею и по охраненію нашихъ границъ отъ вторженія непріятеля.

«Персіяне дѣлаютъ значительныя приготовленія къ войнѣ, писалъ Тормасовъ графу Румянцеву [1]). Войска ихъ въ большомъ сборѣ и, по послѣднимъ извѣстіямъ, находятся уже въ движеніи къ тремъ пунктамъ нашихъ границъ, т. е. къ Карабагу, Елисаветполю и Памбакамъ. Самъ Баба-ханъ уже выступилъ съ своими войсками изъ Тегерана въ Султанію, гдѣ, оставаясь, будетъ наблюдать за дѣйствіями своихъ сыновей и при надобности имъ секурсировать».

Съ другой стороны, въ Ахалцыхѣ Шерифъ-паша собралъ до 7,000 человѣкъ войска; въ Карсѣ было до 8,000 человѣкъ; въ Эрзерумѣ собирались отряды, которые должны были слѣдовать на подкрѣпленіе Ахалцыха и Карса. Турецкое и персидское правительства вели между собою дѣятельную переписку и соглашеніе относительно совокупнаго дѣйствія противъ Россіи.

Въ Тавризѣ заготовлялся провіантъ въ значительномъ количествѣ и сосредоточено было до 12,000 сарбазовъ. Старшему сыну Баба-хана, Мамадъ-Али-хану, приказано собрать 15,000 войска

[1]) Отъ 3-го іюня 1810 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, 1—13, № 5.

и, получивъ такое же число въ подкрѣпленіе, отправиться къ Эривани и оттуда къ Памбакамъ.

Въ это время всѣ свободныя, для борьбы съ Персіею, войска были раздѣлены на три главные отряда. При *Саганлугѣ* стоялъ генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ, съ 8-ю баталіонами пѣхоты, 6-ю эскадронами и 3-мя казачьими полками [1]), *въ Памбакской* и *Шурагельской* провинціяхъ находился генералъ-маіоръ Портнягинъ, войска котораго были расположены въ Гумри и сел. Амамлахъ и состояли изъ четырехъ баталіоновъ, двухъ эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ [2]), и, наконецъ, *близъ Елисаветполя*, на р. Тертерѣ, у урочища Чардахлы, былъ расположенъ отрядъ генералъ-маіора Небольсина, изъ шести баталіоновъ, одного казачьяго полка, шекинской, ширванской и карабагской конницъ [3]). Остальныя, затѣмъ, войска назначались для охраненія границы со стороны Турціи и для поддержанія порядка и спокойствія во вновь пріобрѣтенныхъ нами провинціяхъ.

Разбросанныя на весьма значительномъ пространствѣ, отъ Каспійскаго до Чернаго морей, войска эти были недостаточны не только для наступательныхъ, но и для оборонительныхъ дѣйствій,

[1]) *Въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Розена находились:* подъ командою генералъ-маіора Титова: четыре эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка, два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, два баталіона 9-го егерскаго полка. Подъ командою генералъ-маіора князя Орбеліани: два эскадрона Нарвскаго драгунскаго полка, два баталіона Кабардинскаго мушкетерскаго полка, два баталіона 15-го егерскаго полка (изъ нихъ двѣ роты назначены занимать постъ со стороны Ахалцыха при дер. Думанисѣ); десять орудій 20-й артиллерійской бригады подъ командою барона Клодта-фонъ-Юргенсбурга 1-го, казачьи полки: Донской Денисова 9-го, Донской Ежова 1-го, линейный казачій полкъ Потапова и грузинская конница.

[2]) *Въ отрядѣ генералъ-маіора Портнягина были:* при сел. *Амамлахъ:* два эскадрона нарвскихъ драгунъ, два баталіона Саратовскаго мушкетерскаго полка, Донской казачій Агѣева 2-го полкъ, казахская и памбакская конница. Въ *Гумри* — два баталіона Тифлисскаго мушкетерскаго полка, Донской казачій Богачева полкъ. Третьи же баталіоны Саратовскаго и Тифлисскаго полковъ расположены были на постахъ по персидской и турецкой границамъ.

[3]) *Въ отрядѣ генералъ-маіора Небольсина было:* два баталіона Троицкаго мушкетерскаго полка при уроч. Чардахлы, а 3-й баталіонъ въ Елисаветполѣ. Три баталіона 17-го егерскаго полка, изъ которыхъ двѣ роты въ Шушѣ, двѣ на Тертерѣ; Донской казачій Попова 16-го полкъ, шекинская, ширванская и карабагская конницы.

такъ что для усиленія своихъ боевыхъ средствъ Тормасовъ принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію туземнаго населенія и поручить моуравамъ Казахской, Шамшадыльской и Борчалинской дистанцій, собравъ свою конницу, дѣлать частыя вторженія въ персидскія владѣнія. Главнокомандующій писалъ также ханамъ шекинскому (нухинскому), ширванскому (шемахинскому) и карабагскому (шушинскому), чтобы они собрали свою конницу и присоединили ее къ русскимъ отрядамъ.

Хотя извѣстно было, что персіяне не имѣютъ въ сборѣ значительнаго числа войскъ, но какъ Аббасъ-Мирза находился въ Нахичевани, и Карабагъ былъ ближайшимъ пунктомъ, на который онъ могъ обратить свои дѣйствія, то на защиту его и было обращено особое вниманіе. Сосредоточивъ въ Карабагѣ весь 17-й егерскій полкъ, главнокомандующій предложилъ Мехти-Кули-хану карабагскому отправить къ русскому отряду 250 человѣкъ конницы, а съ остальными собранными имъ войсками расположиться на границѣ своего ханства, дѣлать вторженія въ границы Персіи и, въ случаѣ нужды, вспомоществовать хану шекинскому [1]).

Шекинское ханство не прилегало непосредственно къ границамъ Персіи, тѣмъ не менѣе главнокомандующій просилъ Джафаръ-Кули-хана выслать 500 человѣкъ конницы въ Карабагъ, къ Худо-аферинскому мосту, для наблюденій и разъѣздовъ, а 300 человѣкъ отправить въ отрядъ генералъ-маіора Небольсина [2]).

— Хорошо бы было, говорилъ Тормасовъ хану,—если бы вы собрали еще 2,000 человѣкъ, для внутренняго порядка въ ханствѣ и на случай помощи хану ширванскому.

Послѣднему также поручено было принять мѣры къ охраненію своего владѣнія, собрать до 3,000 человѣкъ и выставить ихъ на границахъ для отраженія непріятеля [3]).

Главнокомандующій просилъ всѣхъ хановъ, чтобы они сами дѣлали вторженія въ персидскія владѣнія, захватывали въ плѣнъ

---

[1]) Письмо Тормасова карабагскому хану, 20-го мая 1810 г., № 426.
[2]) Письмо хану шекинскому, 20-го мая 1810 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 740.
[3]) Письмо Тормасова хану ширванскому, 19-го мая 1810 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 776.

жителей, отгоняли скотъ и оказывали содѣйствіе нашимъ войскамъ, въ случаѣ ихъ требованія. Никто, кромѣ Джафаръ-Кули-хана шекинскаго, не спѣшилъ на призывъ главнокомандующаго, не содѣйствовалъ нашимъ отрядамъ и не выставлялъ своей конницы. Особенною же медленностію, въ этомъ отношеніи, отличались владѣтели Ширвана и Карабага, какъ извѣстно, поддерживавшіе постоянныя сношенія съ персіянами.

Охладѣвъ въ своей преданности къ Россіи, Мустафа ханъ ширванскій равнодушно принялъ пожалованное ему Императоромъ Александромъ брилліантовое перо, не доставлялъ по условію провіанта нашимъ войскамъ, не присылалъ аманата и сдѣлался весьма скрытнымъ въ своихъ поступкахъ. Подговоривъ карабагскаго хана къ совокупному дѣйствію съ собою, Мустафа отправлялъ вмѣстѣ съ нимъ гонца за гонцомъ въ Персію съ увѣреніями въ своей преданности повелителю Ирана. Такъ, въ октябрѣ, мулла Абдурахманъ-эфенди, подъ именемъ купца, былъ отправленъ къ Аббасъ-Мирзѣ съ большимъ числомъ ружей, натрусокъ, кинжаловъ и другихъ вещей. Наслѣдникъ Персіи оставилъ ихъ за собою и заплатилъ большія деньги, причемъ спрашивалъ у эфенди, почему Мустафа такъ преданъ Россіи, отъ которой не видитъ себѣ никакой пользы и приказалъ сказать, что если ханъ перейдетъ на сторону персіянъ, то ему будетъ выдано 200,000 рублей и въ замужество сестра Аббасъ-Мирзы.

Обѣщанія эти соблазняли Мустафу и вскорѣ послѣ возвращенія муллы былъ отправленъ другой посланный, съ заявленіемъ, что и ханъ карабагскій намѣренъ также перейти на сторону Персіи.

Оба владѣльца распускали слухъ о пораженіи русскихъ войскъ и бѣгствѣ ихъ къ Тифлису. Принявъ къ себѣ Селима, бывшаго хана шекинскаго, Мустафа предоставилъ въ его пользованіе нѣсколько имѣній, далъ ему войско, съ которымъ тотъ, вторгнувшись въ шекинское ханство, разорилъ многія селенія и забралъ изъ ямъ разный хлѣбъ [1]). Тормасовъ требовалъ, чтобы Мустафа не радѣлъ непріятелямъ Россіи, и писалъ какъ ему, такъ и хану

[1]) Рапортъ подполковника Тихановскаго Тормасову, 15-го октября 1809 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 768.

*

карабагскому, чтобы они оставили свои замыслы и прекратили сношенія съ Персіею. «Людей, коихъ вы для сего употребляли, писалъ главнокомандующій ханамъ [1]), я знаю имена, состояніе и званіе; знаю и то даже, гдѣ они находятся, а потому дѣла ихъ по заслугамъ получатъ свое возмездіе. Будьте увѣрены, что я, имѣя средство изъ самой Персіи получать вѣрныя свѣдѣнія о поступкахъ и связяхъ каждаго, кто входитъ съ непріятелемъ въ непозволительныя сношенія, знаю ихъ намѣренія, почему каждый шагъ мною примѣчается, и уже открылъ я многое. Но единственно благорасположеніе мое къ вамъ и надежда, что вы послѣ сего будете имѣть ко мнѣ болѣе довѣрія и теперешніе свои поступки потщитесь загладить усердіемъ своимъ къ Его Императорскому Величеству, убѣдили меня, въ ожиданіи на сіе вашего объясненія, остановиться всеподданнѣйшимъ донесеніемъ моимъ о всемъ томъ, что мнѣ извѣстно и чему я имѣю доказательства. Итакъ, дружески предваряю васъ быть осторожнымъ и совѣтую, откинувъ всякую непріязненную мысль или надежду, чтобы могло что-либо укрыться отъ бдительнаго надзора, отнынѣ навсегда заняться единственно усердіемъ къ службѣ Государя Императора и тѣмъ, чтобы доказать на опытѣ преданность свою къ Всероссійской Имперіи, ибо въ противномъ случаѣ не думаю, чтобы вамъ завидна была участь измѣнника Селима, вѣтреннаго Шихъ-Али и другихъ навлекшихъ на себя справедливый гнѣвъ могущественнѣйшаго нашего Государя Императора».

Письмо это оказало нѣкоторое дѣйствіе, и оба владѣльца, надѣвъ на себя новую маску, стали заявлять о своей преданности Россіи. Мустафа ханъ ширванскій писалъ даже, что подозрѣніе главнокомандующаго считаетъ для себя обиднымъ и просилъ дать ему какое-либо порученіе. Тормасовъ отвѣчалъ, что если ханъ хочетъ доказать свою преданность, то употребитъ всѣ мѣры къ тому, чтобы поймать или изгнать Шихъ-Али и обезпечить Кубинскую провинцію отъ его вторженій. Мустафа, конечно, мало думалъ объ исполненіи такого порученія, не выставлялъ конницы и не прекращалъ своихъ сношеній съ Селимъ-ханомъ.

[1]) Въ письмахъ отъ 28-го октября 1809 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 821.

Въ виду предстоявшихъ военныхъ дѣйствій и малаго числа войскъ, Тормасовъ не могъ прямо въ глаза назвать хана измѣнникомъ и, по необходимости, принужденъ былъ показывать видъ, что считаетъ его человѣкомъ преданнымъ Россіи. Главнокомандующему извѣстно было, что Мустафа ведетъ, попрежнему, переписку съ персіянами и, не принимая никакихъ предосторожностей отъ вторженія непріятеля, собираетъ своихъ подданныхъ въ безопасныя мѣста. Ходили почти достовѣрные слухи, что въ случаѣ успѣха персіянъ было условлено, что Аббасъ-Мирза остановится у старой Шемахи, и тогда Мустафа присоединится къ нему со всѣмъ своимъ ополченіемъ. Разсчитывая на возможность подобнаго обстоятельства, ширванскій ханъ заготовлялъ для продовольствія персидскихъ войскъ провіантъ, неподалеку отъ старой Шемахи, въ селеніи Матрасахъ, и самъ укрѣплялся на Фитъ-дагѣ. Къ послѣднему, по его словамъ, онъ прибѣгалъ потому, будто бы, что опасался преслѣдованія Тормасова.

Уѣзжая изъ Аскарана, по случаю прекращенія переговоровъ съ Персіею, главнокомандующій приглашалъ на свиданіе Мустафу, котораго ни разу не видалъ и съ которымъ желалъ познакомиться. Мустафа отговорился болѣзнію и не пріѣхалъ. Тогда Тормасовъ, въ видѣ любезности, выразилъ сожалѣніе и обѣщалъ, при случаѣ, самъ посѣтить хана на Фитъ-дагѣ, гдѣ онъ находился. Мустафа принялъ это за угрозу явиться къ нему съ войсками, сдѣлался недовѣрчивъ и приступилъ къ укрѣпленію своей резиденціи.

При такихъ отношеніяхъ ширванскаго хана къ русскому правительству трудно было разсчитывать на его содѣйствіе нашимъ войскамъ. Еще менѣе можно было ожидать того же отъ Мегти-Кули-хана карабагскаго. Облагодѣтельствованный нашимъ правительствомъ, Мегти не сохранилъ къ нему преданности, но и не заслужилъ любви своихъ подвластныхъ. По подговорамъ Абулъ-Фетха, жители, изъ ненависти къ хану, цѣлыми селеніями оставляли ханство и переходили въ предѣлы Персіи. «Ежели Мегти-Кули-ханъ, доносилъ полковникъ Асѣевъ [1]), останется въ безпечности высочайше ввѣреннаго ему ханства и не будетъ самъ раз-

[1]) Тормасову, отъ 3-го іюня 1810 г., № 136.

вѣдывать о неблагонамѣренныхъ карабагцахъ и не станетъ брать своихъ осторожностей, нельзя положиться на вѣрность карабагцевъ, при вступленіи войскъ персидскихъ въ Карабагъ».

Отсутствіе наблюдательныхъ отрядовъ и совершенная бездѣятельность Мегти-Кули-хана дозволяли персіянамъ вторгаться въ наши предѣлы и производить безнаказанно грабежи и разбои. Небольшія партіи ихъ достигали до Шахъ-булага и опустошали селенія по рр. Тертеру и Курѣ. На требованіе, чтобы Мегти собралъ свою конницу, онъ отвѣчалъ, что болѣе 500 человѣкъ выставить не можетъ и что не онъ, а русскіе должны защищать его владѣніе. Занимаясь исключительно семейными раздорами и преслѣдованіемъ людей ему ненавистныхъ, Мегти весьма мало думалъ о защитѣ своихъ подвластныхъ отъ грабежа персидскихъ мародеровъ, и до іюня мѣсяца успѣлъ собрать только 70 человѣкъ весьма плохой и никуда негодной конницы.

Главнокомандующій укорялъ хана въ томъ, что онъ не заботится о себѣ, тогда какъ Россія прервала переговоры съ Персіею собственно изъ-за того, чтобы утвердить за ханомъ всѣ тѣ земли, «кои хотя вамъ и принадлежатъ», писалъ Тормасовъ, но по слабости и отъ упущенія вашего не повиновались требованіямъ вашимъ и не давали податей [1])».

Подати и неправильная ихъ раскладка были поводомъ къ несогласіямъ, существовавшимъ между членами ханскаго дома и причиною ненависти народа. Живя въ Аскарани, Тормасовъ присмотрѣлся къ порядкамъ, существовавшимъ въ Карабагскомъ ханствѣ, и, получая весьма частыя жалобы на произволъ и несправедливость хана, призналъ необходимымъ, для лучшаго устройства дѣлъ, составить особый комитетъ, въ который назначилъ генераловъ Портнягина и Небольсина, полковника Асѣева и правителя своей канцеляріи, надворнаго совѣтника Могилевскаго. Комитету поручено сдѣлать основательное постановленіе въ раскладкѣ податей и повинностей, и соразмѣрить ихъ съ числомъ домовъ, принадлежащихъ собственно хану, его родственникамъ и другимъ владѣльцамъ, находившимся въ зависимости хана. «Тогда не только

[1]) Письмо Тормасова хану карабагскому, 31-го мая. Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 829.

слѣдующее въ казну, писалъ Тормасовъ [1]), но и доставленіе на войско провіанта и дровъ не встрѣтитъ болѣе тѣхъ отговорокъ и отклоненій отъ повинностей, кои доселѣ ненаказанно происходили, ибо послѣ сего постановленія всѣ слѣдующія повинности, при невыполненіи оныхъ въ опредѣленный срокъ, будутъ съ кого бы то ни было взысканы при содѣйствіи войскъ, которое полковникъ Асѣевъ окажетъ при всякомъ справедливомъ требованіи. Между тѣмъ, когда каждый изъ платящихъ повинности будетъ извѣстенъ объ опредѣлительномъ количествѣ, причитающемся на его часть, и сдѣлаетъ равную и безобидную раскладку на подвластныя ему семейства, то народъ при семъ порядкѣ почувствуетъ большое для себя облегченіе и каждый будетъ знать свою обязанность».

Такая мѣра не могла понравиться Мегти-Кули-хану, и недоброжелательство его къ русскому правительству еще болѣе усилилось. Мегти поддерживалъ постоянныя сношенія съ Аббасъ-Мирзою, не упускавшимъ случая привлекать на свою сторону какъ его, такъ и прочихъ владѣтелей. Тегеранскій дворъ ревностно занимался своею прежнею методою, направленною къ тому, чтобы возмутить подданныхъ Россіи и тѣмъ облегчить собственныя дѣйствія.

Внутреннія неустройства были причиною, что персидское правительство не могло защищать своихъ границъ и, опасаясь наступательныхъ дѣйствій русскихъ, думало нападеніемъ въ разныхъ пунктахъ отвлечь наше вниманіе. Мятежъ въ Имеретіи, волненія, происходившія между осетинами, союзъ съ Турціею и, наконецъ, увѣренность, что мусульманскія наши провинціи примутъ сторону Персіи, были для Аббасъ-Мирзы достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ дѣйствій противъ русскихъ. Разсылая повсюду письма и возмутительные фирманы, Аббасъ-Мирза стращалъ жителей Закавказья многочисленностію своихъ войскъ, готовыхъ на истребленіе русскихъ, и обѣщалъ широкія милости тѣмъ, которые перейдутъ на его сторону. Онъ разослалъ свои прокламаціи въ Грузію, Имеретію и Мингрелію, отправилъ въ Осетію бѣглаго царевича Левана [2]) съ порученіемъ организовать тамъ возстаніе, и

[1]) Письмо Тормасова отъ 10-го мая. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 826.

[2]) Сынъ царевича Юлона, въ то время находившагося въ Россіи.

предлагалъ всѣмъ ханамъ и правителямъ мусульманскихъ владѣній единодушно и во имя вѣры возстать противъ Россіи.

Имѣя постоянныя сношенія съ ханами карабагскимъ и ширванскимъ, Аббасъ-Мирза полагался на ихъ содѣйствіе, но считалъ его недостаточнымъ для борьбы съ Россіею. Ему хотѣлось обезпечить себя большимъ числомъ союзниковъ, и наслѣдникъ персидскаго престола рѣшился снова склонить на свою сторону хана талышенскаго. Онъ обратился къ нему съ новымъ предложеніемъ выдать дочь за одного изъ своихъ братьевъ и тѣмъ признать надъ собою власть повелителя Ирана. Къ этому требованію присоединилось и письмо англійскаго посла въ Тегеранѣ, старавшагося убѣдить Миръ-Мустафу, что переходъ на сторону Персіи представляетъ для него весьма большія преимущества.

«Два государства, писалъ Джонесъ [1]),—Персія и Великобританія, связаны теперь узломъ дружбы, это всѣмъ извѣстно; думаю, что слухи сіи коснулись и вашего высокостепенства, по поводу мирныхъ статей. Я теперь нахожусь при шахъ-задэ (Аббасъ-Мирзѣ); дѣла Персіи мнѣ извѣстны,—въ особенности ваши; правитель Персіи такъ почитаетъ васъ, что никакой разницы не имѣетъ между любезными ему ханами».

Сообщая хану талышенскому, что Баба-ханъ поручилъ ему вмѣстѣ съ Мирзою-Безюркомъ управленіе всѣми внутренними дѣлами государства, англійскій посолъ предлагалъ Миръ-Мустафѣ «истребить ту преданность къ Россіи, коею прежде одушевлялись», и посвятить себя на вѣчное подданство одновѣрующему своему государю.

«Не отдѣляя ваши просьбы отъ своихъ, писалъ далѣе представитель Великобританіи, я вамъ совѣтую, по препровожденной формѣ прежде при письмѣ моемъ на маленькой бумажкѣ, писать шаху просьбу о принятіи васъ въ свое особое благодѣтельство. Сей актъ препроводите ко мнѣ. Тогда я, получивъ оный, лично буду ходатайствовать у престола владыки Персіи, который, увидя, что вы чистосердечно уже покорились скипетру шаха, свергнувъ иго Россіи, конечно, смягчитъ прежнюю суровость къ вамъ, въ успѣхѣ чего я вамъ ручаюсь...

[1]) Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 867.

«Да и къ чему вамъ русскіе? Вы персіянинъ, закона мухамеданскаго и происходите отъ колѣна св. пророка—слѣдовательно, польза ваша не можетъ быть сопряжена съ пользою россіянъ, которые вамъ вѣчные непріятели по религіи. Вы россіянъ еще совершенно не изслѣдовали: они имѣютъ правила такія, — гдѣ польза ихъ, тутъ они предлагаютъ покровительство. Время вамъ покажетъ ихъ прямой характеръ. Вотъ вамъ примѣръ Грузіи; она прибѣгла подъ покровъ Россіи и сія съ отверстыми объятіями приняла ее, обѣщаясь не покорить своему игу. Что же теперь видите вы? Кругомъ россіяне, и столица царя Ираклія содѣлалась главною квартирою войскъ россійскихъ. Если вы имѣете столько твердости, что безъ содроганія можете читать исторію грузинцевъ, со временъ покоренія Россіею до нынѣшняго времени, я вамъ пришлю копіи съ писемъ, писанныхъ ко мнѣ. Вотъ вамъ главная черта характера вашихъ пріятелей! Посудите же теперь, если они подобнымъ себѣ христіанамъ не могли доставить удовольствія покопиться въ праотцовскихъ наслѣдіяхъ, какъ же вы, будучи магометанскаго исповѣданія, можете льститься покоемъ!»

«Милый другъ я тебѣ скажу одну басню, которая всѣмъ извѣстна:

«Нѣкогда коза и лошадь были пущены въ одну долину для сысканія себѣ пищи; первая, будучи украшена природою рогами, всегда первенствовала передъ товарищемъ своимъ, потому что когда съ однимъ ушами лошадь хотѣла употребить въ снѣдь что нибудь пріятное, коза, направляя свои острые рога прямо въ голову, препятствовала наслаждаться вкусною пищею. Бѣдная лошадь, придумывая всѣ средства выгнать козу изъ долины, сама по себѣ никакъ не могла; наконецъ, по долгомъ колебаніи, рѣшилась покориться подъ власть человѣка, могущаго избавить ее отъ такого непріятеля. На такой конецъ является она къ мирному крестьянину, описываетъ жалостное свое положеніе и требуетъ его покровительства. Крестьянинъ, тронувшись состраданіемъ, принялъ ее, но съ тѣмъ, чтобы она позволила на себя ему садиться—и такимъ образомъ помощью человѣка коза была выгнана. Лошадь, не видя уже вреднаго своего непріятеля, обратилась къ человѣку съ просьбою, чтобъ онъ ее облегчилъ. Какъ! вскричалъ человѣкъ, я тру-

дился избавить тебя отъ козы, а ты меня не хочешь держать на себѣ?

«Я устала, возразила ему лошадь».—«Ну, что дѣлать, повторилъ человѣкъ, ты мнѣ еще будешь нужна».

«Вотъ, любезный, эта басня приличествуетъ вашему положенію».

Ни настоянія персидскаго правительства, ни содержаніе этой басни не поколебали Миръ-Мустафу. Онъ понималъ, что какъ ни льстивы были обѣщанія англійскаго посла, на нихъ все-таки нельзя было положиться, и что покорность Баба-хану могла лишить его ханства и даже жизни. Миръ-Мустафа отвѣчалъ, что не признаетъ надъ собою никакой другой власти, кромѣ русскаго Императора, и полученное имъ отъ англійскаго посла письмо отправилъ Тормасову.

«За доставленіе вами, писалъ послѣдній [1]), копіи съ письма, писаннаго отъ англійскаго министра Гарфорта Джонеса, приношу вамъ истинную мою признательность. Я читалъ оное съ любопытствомъ и оно меня повеселило, ибо содержаніе сего письма, кто его пойметъ въ точности, довольно забавно. На басенку же, приведенную въ письмѣ о лошади и оленѣ (козѣ) я скажу натуральное свое сужденіе, что лошадь, принявъ на свою спину человѣка, избавилась отъ злаго своего непріятеля и осталась съ прекраснымъ кормомъ, жива и при многихъ выгодахъ, потому что человѣкъ всегда сидѣть на спинѣ ея не могъ, давалъ себѣ и ей покой и за службу оказывалъ ей всякія ласки, не желая ее уморить голодною смертью для собственной своей выгоды; если же бы не такъ случилось, то злой непріятель овладѣлъ бы и самою лошадью и кормомъ—слѣдственно, бѣдную лошадь погубилъ бы невозвратно».

Отказъ талышенскаго хана былъ весьма непріятенъ Аббасъ-Мирзѣ и разстраивалъ всѣ его планы. Въ случаѣ согласія Мустафы, наслѣдникъ персидскаго престола располагалъ отправить черезъ его владѣніе часть своихъ войскъ на соединеніе съ ханомъ ширванскимъ, пробраться въ Кубинское ханство и, при содѣйствіи Шихъ-Али, возстановить противъ Россіи весь Дагестанъ. Съ другой стороны, воспользовавшись возстаніемъ въ Имеретіи и имѣя

[1]) Въ письмѣ хану талышенскому, 4-го іюля 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 904.

въ центрѣ карабагскаго хана, склонявшагося также на сторону Персіи, Аббасъ-Мирза располагалъ, на основаніи заключеннаго договора съ Портою, двинуть часть войскъ къ Ахалцыху и, соединившись съ турками, придти на помощь царю Соломону. Поднявъ знамя возстанія среди осетинъ и уговоривъ ихъ запереть всѣ пути отступленія, персіяне разсчитывали, что одновременнымъ дѣйствіемъ съ фронта и обоихъ фланговъ русскіе будутъ поставлены въ крайне затруднительное положеніе и, не имѣя отступленія, принуждены будутъ согласиться на всѣ предложенныя имъ условія мира.

Предположенія эти не осуществились. Несговорчивость хана талышенскаго разрушила всѣ планы Аббасъ-Мирзы, и онъ, опасаясь наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны, рѣшился предупредить ихъ вторженіемъ въ Карабагъ.

Переправившись въ первой половинѣ іюня черезъ Худо-аферинскій мостъ, персіяне распространились по Карабагу, и передовой отрядъ ихъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ, остановился близъ селенія Тугъ, при урочищѣ Каргабазарѣ.

Около этого времени генералъ-маіоръ Небольсинъ, не подозрѣвая, что селеніе Мигри занято уже непріятелемъ, приказалъ полковнику Котляревскому съ баталіономъ 17-го егерскаго полка занять этотъ передовой пунктъ, какъ весьма сильный по характеру окружающей его мѣстности. Двигаясь по предписанію, Котляревскій встрѣтилъ на пути тысячу человѣвъ персіянъ, подъ начальствомъ Керимъ-хана, отправленнаго изъ Нахичевани для усиленія мигринскаго гарнизона. Въ день встрѣчи Котляревскій атаковалъ непріятеля, разбилъ его и принудилъ Керимъ-хана отступить къ Ордубаду. Подойдя затѣмъ къ Мигри, Котляревскій штурмовалъ его, и не смотря на то, что въ селеніи находилось до 2,000 человѣкъ гарнизона, онъ одержалъ полную побѣду. Потерявъ до 300 человѣкъ убитыми, непріятель бѣжалъ за Аракеъ въ совершенномъ безпорядкѣ, и Мигри было занято нашими войсками.

Занятіе это имѣло весьма большое значеніе для персіянъ. Находясь на лѣвомъ бѣрегу р. Аракса, селеніе Мигри считалось ключомъ Карабага и Тавриза, отъ котораго отстояло не далѣе ста верстъ. Не было сомнѣнія, что Аббасъ-Мирза, имѣя отъ мно-

гочисленныхъ лазутчиковъ точную цифру людей въ отрядѣ Котляревскаго и пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы снова овладѣть Мигри. Поэтому, опасаясь, чтобы Котляревскій не былъ отрѣзанъ и окруженъ персіянами, генералъ Небольсинъ оставилъ двѣ роты въ Елисаветполѣ, а съ остальными двумя баталіонами выступилъ изъ Чардахлы и 5-го іюля, прибывъ къ Аскарани, расположился у урочища Ходжалу. На пути онъ получилъ свѣдѣніе, что Аббасъ-Мирза стягиваетъ противъ Котляревскаго значительныя силы и что посланный изъ Нахичевани Келбъ-Али-ханъ, занялъ дороги, ведущія въ Мигри и пресѣкъ сообщеніе. Зная, что у Котляревскаго имѣлось продовольствія не болѣе какъ на 28 дней, генералъ-маіоръ Небольсинъ распорядился, чтобы, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, была доставлена въ Мигри мѣсячная пропорція сухарей. 2-го іюля роты прибыли къ Котляревскому и съ присоединеніемъ ихъ въ гарнизонѣ Мигри было 600 человѣкъ.

Въ тотъ же день до 4,000 человѣкъ персіянъ подошли къ селенію и расположились за садами на высотахъ. Это былъ передовой отрядъ изъ войскъ, посланныхъ Аббасъ-Мирзою въ числѣ 8,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ахметъ-хана, получившаго приказаніе взять селеніе и выгнать русскихъ. Котляревскій готовился къ оборонѣ, и хотя ему, еще до прибытія непріятеля, приказано было Небольсинымъ оставить Мигри и отступить, но онъ находилъ это крайне неудобнымъ. Онъ доносилъ, что по важности пункта его слѣдуетъ оставить за собою, тѣмъ болѣе, что онъ достался намъ весьма дешево. Послѣ пораженія персіянъ и занятія селенія русскими войсками, мигринскіе и гюнейскіе жители, ободренные успѣхами нашихъ войскъ, стали возвращаться въ свои жилища для обработки полей и садовъ. Они считали себя внѣ опасности, тогда какъ отступленіе русскихъ повергало ихъ въ новое бѣдствіе и заставило бы покинуть свои жилища. Къ тому же, уступивъ Мигри персіянамъ, и дозволивъ имъ тамъ укрѣпиться, намъ пришлось бы рано или поздно выбивать ихъ изъ этого селенія и брать штурмомъ каждое укрѣпленіе, что, наоборотъ, теперь они должны дѣлать сами. Всѣ эти соображенія за-

ставили Котляревскаго оставаться въ Мигри и спокойно ожидать дальнѣйшаго хода дѣйствій.

Аббасъ-Мирза подошелъ между тѣмъ къ м. Ожансу, и передовые его отряды расположились при селеніи Хаштамѣ. Онъ послалъ новое приказаніе Ахметъ-хану или умереть, или взять Мигри. Приказаніе это было получено тогда, когда Ахметъ-ханъ окружилъ уже со всѣхъ сторонъ селеніе и держалъ его въ блокадѣ въ теченіе пяти дней. Персіяне пытались отнять воду, но два укрѣпленія, построенныя Котляревскимъ у рѣчки отражали нападеніе. Видя невозможность овладѣть этими укрѣпленіями, два англійскихъ офицера, бывшіе въ блокадномъ отрядѣ, донесли Аббасъ-Мирзѣ, что они признаютъ Мигри недоступнымъ для персидскихъ войскъ и полагаютъ лучшимъ отступить. Наслѣдникъ персидскаго престола согласился съ мнѣніемъ англичанъ и приказалъ отойти за Араксъ. Ахметъ-ханъ снялъ блокаду и, отступая къ р. Араксу, успѣлъ до вечера переправить на противоположный берегъ только часть своихъ войскъ; главныя же силы остались на лѣвомъ берегу рѣки и расположились спокойно на ночлегѣ, не допуская мысли, чтобы незначительный отрядъ русскихъ войскъ могъ произвести нападеніе.

Сподвижникъ доблестнаго Карягина, полковникъ Котляревскій думалъ иначе. Онъ не придавалъ никакого значенія числу непріятеля и зная сомнительную храбрость персіянъ, атаковалъ ихъ съ полною увѣренностію въ успѣхѣ.

Оставивъ въ укрѣпленіи двѣ роты, подъ прикрытіемъ которыхъ доставленъ былъ къ нему провіантъ, Котляревскій раздѣлилъ остальной свой отрядъ на три части, съ которыми и бросился на непріятеля одновременно съ разныхъ сторонъ. Неожидавшіе нападенія персіяне успѣли открыть огонь только тогда, когда аттакующіе, не тративъ времени на стрѣльбу, бросились въ штыки. Полный успѣхъ и совершенное пораженіе персіянъ увѣнчали подвигъ Котляревскаго. Встрѣчая повсюду смерть, персіяне искали спасенія въ бѣгствѣ, кидались въ рѣку и были провожаемы пулями. Весь берегъ былъ покрытъ трупами и уронъ непріятеля въ этомъ дѣлѣ простирался до 800 человѣкъ убитыми,

не считая утонувшихъ. Вся потеря съ нашей стороны состояла изъ двухъ офицеровъ и 17-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ [1]).

Пораженіе, нанесенное Ахметъ-хану на берегахъ Аракса, имѣло значительное вліяніе на послѣдующія дѣйствія персіянъ. Озадаченный такимъ исходомъ дѣла, Аббасъ-Мирза отказался отъ дальнѣйшихъ покушеній въ этомъ направленіи и вывелъ большую часть своихъ войскъ изъ Карабага. Тамъ остались только отдѣльныя шайки грабителей, преслѣдуемыя самими жителями и весьма часто съ большимъ успѣхомъ. Это преслѣдованіе было для наслѣдника Персіи лучшимъ доказательствомъ, что народъ не раздѣляетъ образа мыслей своего хана, и если Мегти-Кули-ханъ могъ считаться въ числѣ сторонниковъ повелителя Ирана, то подвластные его не желали возвращенія подъ власть Персіи. Ни подговоры и тайныя внушенія, ни многочисленныя обѣщанія не оказали вліянія на карабагцевъ, и Аббасъ-Мирзѣ приходилось искать успѣха въ другомъ мѣстѣ.

Опасаясь, чтобы послѣ побѣды, одержанной Котляревскимъ, русскіе не вступили въ предѣлы Персіи, Аббасъ-Мирза принялъ мѣры къ поспѣшному укрѣпленію Тавриза и Нахичевани и отправилъ нарочнаго къ эрзерумскому сераскиру, убѣждая его, на основаніи заключенныхъ условій, поспѣшить вторженіемъ въ Грузію. Чтобы спасти ее и вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволить и персіянамъ имѣть успѣхъ въ нашихъ предѣлахъ, Тормасовъ сталъ съ главнымъ корпусомъ впереди Тифлиса, у Саганлуга. «Ахалцыхскій паша, — доносилъ онъ [2]), — не предпринимаетъ ничего противъ Грузіи, ожидая военныхъ дѣйствій отъ персіянъ, а тѣ такими же глазами смотрятъ на ахалцыхскаго пашу, и дожидаютъ, чтобы я, занявшись ахалцыхскими войсками, не могъ усилить тѣхъ отрядовъ, которые противъ нихъ поставлены. Я держу себя въ совершенной готовности на все, ожидая со дня на день, что обстоятельства заставятъ меня въ которую нибудь сторону дѣлать движеніе».

Конечно, если бы русскому главнокомандующему пришлось со-

---

[1]) Отношеніе Тормасова гр. Каменскому, 26-го сентября 1810 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1445.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 6-го іюля, № 118.

ставить для противника самый невыгодный планъ дѣйствій, то, по всей вѣроятности, онъ и тогда не ослабилъ бы такъ дѣйствій персіянъ, какъ они ослабляли себя, допуская разбивать по частямъ. Потерпѣвъ неудачу въ Карабагѣ, Аббасъ-Мирза собралъ свои войска у Абарана, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Памбаки и Шурагель, защита которыхъ была возложена на генерала Портнягина.

Находившіяся въ вѣдѣніи послѣдняго войска были раздѣлены на два главные отряда: одинъ, силою въ 1,380 человѣкъ съ 9-ю полевыми орудіями, стоялъ при Амамлахъ, а другой, въ составѣ 600 человѣкъ съ 4-мя орудіями,—въ Тамардаши. Сверхъ того, 367 человѣкъ съ 1 орудіемъ занимали мѣстечко Гумры, 587 человѣкъ съ орудіемъ находились въ Артикѣ; 560 человѣкъ съ двумя орудіями — въ Караклисѣ и 395 человѣкъ съ орудіемъ— въ Бекантѣ. Большая часть жителей со всѣмъ имуществомъ была собрана въ укрѣпленіяхъ, подъ защитою войскъ, или находилась въ мѣстахъ безопасныхъ.

Въ такомъ положеніи была оборона этихъ двухъ провинцій, когда Тормасовъ поручилъ Портнягину аттаковать персіянъ, стоявшихъ у Абарана, составивъ для того, сколько возможно, сильный отрядъ, но Портнягинъ не находилъ возможнымъ исполнить это, сколько по дальности непріятеля, столько же и потому, что, стянувъ войска къ одному пункту, онъ могъ ослабить посты Караклисскій, Артикскій, Бекантскій и Гумринскій [1]). Пройдя налегкѣ ущельями и появившись противъ одного изъ постовъ, персіяне могли легко уничтожить его, тѣмъ болѣе, что имѣли полную возможность отрѣзать всѣ горныя дороги и воспрепятствовать поданію помощи.

Получивъ отъ Портнягина заявленіе о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчаетъ относительно аттаки персіянъ, Тормасовъ торопился оставить Тифлисъ и въ ночь съ 11-го на 12-е августа выступилъ изъ лагеря при Саганлугѣ и перешелъ къ рѣкѣ Цопи. Въ Тифлисѣ оставленъ былъ правитель Грузіи, которому поручено принять въ свое вѣдѣніе всѣ войска, находившіяся вну-

[1]) Рапортъ Портнягина Тормасову, 23-го іюля, № 235.

три страны, и расположить ихъ въ трехъ главнѣйшихъ пунктахъ: противъ осетинъ, въ Боржомскомъ ущельѣ и противъ прохода къ Корелямъ. Полковникъ Сталь съ двумя эскадронами Нижегородскаго драгунскаго полка, 50-ю человѣками егерей, 65-ю казаками и двумя орудіями, отправленъ въ Карталинію. Ему поручено принять команду надъ всѣми войсками, тамъ расположенными, и надъ баталіономъ 15-го егерскаго полка, стоявшимъ въ Цалкѣ, подъ начальствомъ полковника Печерскаго, и прикрывавшемъ Борчалинскую дистанцію, Тифлисскій уѣздъ и пространство отъ г. Гори до Мцхета. Поддерживая постоянное сообщеніе между собою, всѣ эти отряды обязаны были имѣть связь и съ войсками, дѣйствовавшими въ Имеретіи.

Между тѣмъ Тормасовъ получилъ извѣстіе, что Али-Шахъ-задэ съ отрядомъ въ 10,000 человѣкъ стоитъ лагеремъ на Карніарѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Портнягина, и что персидское правительство, будучи убѣждаемо Шерифомъ-пашою ахалцыхскимъ къ соединеннымъ дѣйствіямъ противъ Грузіи, отправило во внутренность Баязетскаго и Карсскаго пашалыковъ 7,000 отборныхъ войскъ своихъ, подъ начальствомъ эриванскаго сардаря Хуссейнъ-Кули-хана, который на пути присоединилъ къ себѣ всѣхъ карапапахъ и войска магизбертскаго владѣльца Кара-бека, отложившагося отъ повиновенія карсскому пашѣ. Составивъ, такимъ образомъ, отрядъ до 10,000 человѣкъ, Хуссейнъ намѣренъ былъ, проходя въ Ахалцыхъ, вторгнуться въ Шурагель. Для воспрепятствованія такому намѣренію, Тормасовъ оставилъ центральную позицію у Цопи и поспѣшно перешелъ къ Цалкѣ, а генералъ Портнягинъ, съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, 140 драгунъ, 100 казаковъ, 4-хъ орудій и казахской конницы, выступилъ изъ Амамлы и остановился между Артикомъ и Гумрами. Здѣсь онъ узналъ, что сардарь эриванскій, отказавшись отъ дѣйствій въ Шурагельской провинціи, прошелъ 11-го августа вдали нашихъ границъ по владѣніямъ Карсскаго пашалыка, съ намѣреніемъ слѣдовать черезъ Ахалцыхъ въ Имеретію, гдѣ, какъ ему сообщили, русскіе терпятъ большой уронъ и совершенно отрѣзаны отъ Грузіи. Имѣя въ виду дѣйствовать на сообщенія Хуссейнъ-Кули-хана эриванскаго, Портнягинъ 14-го

августа перешелъ въ Гумры, а стоявшему въ Артикѣ съ отрядомъ полковнику Уракову приказалъ занять лагерь близъ селенія Касмалы, въ 4-хъ верстахъ отъ Артика, для обезпеченія Памбакской провинціи.

Спустя часъ послѣ прибытія въ Гумры, Портнягинъ услышалъ пушечные выстрѣлы со стороны Артика и не зная чему приписать ихъ, двинулся къ этому селенію. Горящія въ разныхъ мѣстахъ поля разъяснили его недоразумѣніе, и онъ увидѣлъ, что персіяне зажгли мѣстахъ въ пяти собранный въ копны хлѣбъ и атаковали Артикъ, но были отражены полковникомъ княземъ Ураковымъ и отступили къ сторонѣ Абарана.

Находя необходимымъ прикрыть уборку памбакскихъ полей, Портнягинъ двинулся къ Амамламъ [1]), а Аббасъ-Мирза, не покидая своего намѣренія повторить нападеніе на Артикъ и желая развлечь наши силы, отправилъ приказаніе Али-Шахъ-задэ безпокоить русскихъ въ Памбакахъ и Шурагели, а отъ эриванскаго сардаря требовалъ, чтобы онъ оказалъ скорѣйшее пособіе царю имеретинскому и вторгся въ Грузію.

Въ половинѣ августа Хуссейнъ-Кули-ханъ подошелъ къ Ахалкалакамъ, гдѣ встрѣченъ былъ грузинскимъ царевичемъ Александромъ, увѣрявшимъ, что въ Карталиніи и Кахетіи все подготовлено къ возстанію и что грузины ожидаютъ только вступленія персіянъ въ ихъ владѣнія. Не довѣряя словамъ царевича, Хуссейнъ не рѣшился дѣйствовать съ однѣми своими силами и положилъ дожидаться условленнаго соединенія съ Шерифомъ-пашою, который обѣщалъ прислать на помощь до 17,000 человѣкъ, по его словамъ, собранныхъ уже у Ахалцыха.

Прошло болѣе двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Хуссейнъ подошелъ къ Ахалкалакамъ, а Шерифъ-паша своихъ войскъ не присылалъ. Онъ не могъ двинуться изъ опасенія, что его личный врагъ и соперникъ, Селимъ-паша, воспользуется его отсутствіемъ и овладѣетъ Ахалцыхомъ. Шерифъ зналъ, что Селимъ имѣетъ партію приверженцевъ и ведетъ переговоры съ русскими, а по-

[1]) Рапортъ Портнягина Тормасову, 15-го августа, № 316. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1114.

тому и предпочелъ оставаться въ Ахалцыхѣ. Настаиванія Хуссейнъ-Кули-хана о скорѣйшей присылкѣ турецкихъ войскъ не имѣли успѣха, и онъ писалъ Аббасъ-Мирзѣ, что если до наступленія холоднаго времени не получитъ помощи отъ Шерифъ-паши, то принужденъ будетъ вернуться назадъ.

Такое выжидательное положеніе, въ надеждѣ получить помощь, имѣло самыя губительныя послѣдствія для Хуссейна.

Въ то время, когда онъ, оставаясь у Ахалкалакъ, производилъ мелкія вторженія въ нашихъ предѣлахъ, Тормасовъ приближался къ границамъ Ахалцыхскаго пашалыка и какъ только узналъ, что предполагаемое соединеніе персіянъ съ турками еще не состоялось, рѣшился воспользоваться разобщенностью непріятельскихъ силъ и нанести пораженіе Хуссейнъ-Кули-хану. Онъ сформировалъ летучій отрядъ, изъ баталіона 9-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лисаневича, баталіона 15-го егерскаго полка, подъ командою полковника Печерскаго, 200 казаковъ и 150 человѣкъ татарской конницы. Поручивъ начальство надъ этимъ отрядомъ генералъ-квартирмейстеру кавказской арміи, генералъ-маіору маркизу Паулуччи [1]), главнокомандующій приказалъ ему отправиться въ обходъ черезъ снѣговыя горы, въ три перехода дойти до непріятельскаго лагеря, атаковать его ночью и окончить экспедицію не долѣе, какъ въ десять дней [2]). При этомъ, не ограничиваясь однимъ пораженіемъ Хуссейна и желая отрѣзать ему путь отступленія, Тормасовъ приказалъ генералъ-маіору Портнягину сформировать другой летучій отрядъ, атаковать Али-Шахъ-задэ, обратить его въ бѣгство и произвести безпокойство въ Эриванской области. Но если бы Портнягинъ нашелъ невозможнымъ отрѣзать отступленіе Хуссейну, то главнокомандующій просилъ его, не входя далеко въ предѣлы Эриванскаго ханства, вернуться назадъ [3]). Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ Портнягинъ,

[1]) Онъ назначенъ въ эту должность Высочайшимъ повелѣніемъ 10-го іюня 1810 года.

[2]) Тормасовъ военному министру 21-го сентября 1810 г. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416, пап. В.

[3]) Предписаніе Портнягину, 31-го августа 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1123.

занятый преслѣдованіемъ персіянъ, не могъ исполнить желанія Тормасова.

Въ концѣ августа, значительная непріятельская партія, подойдя къ селенію Артику, успѣла отогнать скотъ и сжечь нѣсколько полей пшеницы и ячменя. Получивъ объ этомъ извѣстіе, генералъ-маіоръ Портнягинъ, съ отрядомъ въ 775 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, при четырехъ орудіяхъ [1]), выступилъ изъ Амамлы и вечеромъ 6-го сентября, черезъ Бекантъ, пришелъ въ Артикъ, гдѣ явился къ нему бѣжавшій въ Персію царевичъ Теймуразъ съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою отправить его въ Тифлисъ [2]). Исполнивъ желаніе царевича и не найдя непріятеля въ Артикѣ, Портнягинъ двинулся въ Талынь, но тамъ узналъ, что Аббасъ-Мирза отправилъ Али-шаха съ 6,000 человѣкъ къ Амамлахъ, для разоренія тамошнихъ жителей. Портнягинъ пошелъ обратно, но Али-шаха не догналъ. Отбитый находившимся въ Амамламъ гарнизономъ и опасаясь встрѣтиться съ болѣе значительнымъ отрядомъ русскихъ войскъ, Али отступилъ къ Эривани, на соединеніе съ войсками Аббасъ-Мирзы.

Преслѣдованіе непріятеля отняло время, и Портнягинъ не успѣлъ принять участія въ пораженіи Хуссейнъ-Кули-хана и содѣйствовать въ этомъ маркизу Паулуччи.

Послѣдній, выступивъ изъ Думанисъ и слѣдуя кратчайшимъ путемъ черезъ горы, 3-го сентября, соединился съ баталіономъ Печерскаго въ Ганзѣ, находившемся въ 26-ти верстахъ отъ Ахалкалакъ. Въ Ганзѣ маркизъ Паулуччи узналъ, что въ распоряженіи Хуссейнъ-Кули-хана находится 6,000 человѣкъ, расположенныхъ лагеремъ возлѣ самой крѣпости и подъ ея выстрѣлами; что въ Ахалцыхъ прибылъ левантскій Сулейманъ-бекъ съ 2,000 конницы и что Шерифъ-паша имѣлъ свиданіе съ эриванскимъ сардаремъ, послѣ котораго остался въ Ахалкалакахъ [3]). Свиданіе это могло имѣть только два слѣдствія: или скорое соединеніе персіянъ

[1]) Въ отрядѣ находилось 500 человѣкъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, 140 драгунъ, 100 казаковъ и 35 человѣкъ казахской конницы.

[2]) Впослѣдствіи царевичъ былъ по собственному желанію отправленъ въ Петербургъ. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 215.

[3]) Рапортъ маркиза Паулуччи Тормасову, 3-го сентября 1810 г., № 32.

съ турками, или же, въ случаѣ отказа Шерифъ-паши дать свои войска, отступленіе Хуссейнъ-хана и возвращеніе его въ Эривань. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ маркизъ Паулуччи долженъ былъ спѣшить атакою, чтобы одно изъ двухъ: или не допустить соединенія персіянъ съ турками, или же не дозволить эриванскому сардарю уйти безнаказанно въ свои владѣнія.

Въ пять часовъ пополудни, 5-го сентября, отрядъ Паулуччи выступилъ изъ Ганзы и въ три часа ночи, въ самую ненастную погоду, обойдя крѣпость, степью, съ лѣвой стороны, подошелъ къ персидскому лагерю, покоившемуся глубокимъ сномъ. Направивъ баталіонъ Лисаневича на правый флангъ лагеря, а Печерскаго—на лѣвый, маркизъ Паулуччи, не останавливаясь, двинулся въ атаку. Подойдя на сто саженъ къ непріятелю и не будучи никѣмъ замѣчены, колонны произвели одновременно залпъ изъ ружей и съ крикомъ *«ура»*! бросились въ штыки. Застигнутые врасплохъ, персіяне не успѣли разобрать ружей, какъ были уже опрокинуты.

При первыхъ выстрѣлахъ Хуссейнъ-Кули-ханъ и царевичъ Александръ бросились въ ровъ, находившійся позади лагеря, и успѣли бѣжать почти голые, въ томъ только платьѣ, въ которомъ спали. Величайшій безпорядокъ произошелъ въ лагерѣ противниковъ, не ожидавшихъ русскихъ и, въ первое время, не понимавшихъ причины столь внезапной тревоги. Стѣсненные со всѣхъ сторонъ персіяне искали спасенія въ крутомъ и каменистомъ рву, въ который падали толкая другъ друга. Тамъ собралась огромная толпа, въ которую наши солдаты стрѣляли почти въ упоръ. Караулъ, охранявшій ставку сардаря и расположенныхъ вблизи знатнѣйшихъ чиновниковъ, оказалъ наибольшее сопротивленіе и дрался отчаянно, пока полковникъ Лисаневичъ не положилъ почти всѣхъ на мѣстѣ. Съ крѣпости открыли огонь тогда уже, когда дѣло было кончено. Персіяне потеряли въ этомъ дѣлѣ двухъ хановъ и 700 человѣкъ убитыми и ранеными; въ плѣнъ же взяты Измаилъ-ханъ и 11 чиновниковъ. «Пораженіе,—писалъ Тормасовъ генералу Симоновичу,—было до сихъ поръ неслыханное въ здѣшнемъ краѣ, какъ и добыча здѣсь неслыханная». Замѣчательный по азіятскому богатству лагерь, множество драго-

цѣнностей, четыре знамени и одно Хуссейнъ-хана съ гербомъ Персіи, достались побѣдителямъ. Найденное оружіе и палатка хана были взяты; прочія же вещи, состоявшія въ экипажахъ и палаткахъ, по невозможности взять съ собою, были уничтожены. Солдаты вышли изъ дѣла обремененные вещами и деньгами. Лошади и лошаки, бѣжавшіе изъ лагеря при первыхъ выстрѣлахъ, сдѣлались добычею ахалцыхскихъ карапапаховъ.

Столь блестящая побѣда стоила намъ четырехъ убитыхъ и 17-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ.

«Не могу, однако же,—доносилъ Паулуччи [1]),—не раздѣлить сей экспедиціи съ полковникомъ Лисаневичемъ, который совершенно во всемъ томъ, что я располагалъ и выполнилъ, содѣйствовалъ мнѣ. За долгъ себѣ ставлю покорнѣйше просить позволить мнѣ рекомендовать вамъ сего отличнаго штабъ-офицера, котораго я вижу вторую кампанію, послѣ чего полагаю, что есть польза Г. И. довести такого чиновника до такой степени, въ коей могъ бы болѣе случая имѣть одинъ командовать частями и пользоваться надобными главнаго начальства порученіями».

Послѣ трехчасоваго боя, маркизъ Паулуччи приказалъ остановить солдатъ, отвелъ ихъ на $^1/_2$ версты назадъ и собралъ въ одинъ отрядъ. Съ наступленіемъ разсвѣта, когда крѣпостные выстрѣлы стали болѣе дѣйствительны и появились толпы непріятеля, отрядъ отошелъ отъ Ахалкалакъ еще верстъ на десять и остановился у моста, называемаго Гурма-кёрпи.

Если бы маркизъ Паулуччи атаковалъ персіянъ днемъ, онъ, конечно, не достигъ бы тѣхъ результатовъ, какіе пріобрѣлъ при ночномъ нападеніи, во-первыхъ, потому, что лагерь Хуссейнъ-хана находился подъ сильнымъ огнемъ крѣпости, а во-вторыхъ, турки не оставили бы безъ помощи своего союзника, и тогда борьба оказалась бы неравною. Къ тому же днемъ, при всей безпечности персіянъ, едва ли бы удалось нашему отряду подойти незамѣченнымъ на близкое разстояніе, тогда какъ ночью мы атаковали непріятеля врасплохъ и заставили ахалкалакскаго коменданта, при первыхъ выстрѣлахъ, запереть крѣпостныя ворота и

[1]) Тормасову въ рапортѣ отъ 6-го сентября 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1128.

не пропускать никого, ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости. Персіяне предоставлены были собственнымъ силамъ, и хотя маркизъ Паулуччи не могъ на плечахъ бѣгущаго непріятеля ворваться въ крѣпость, но за то нанесъ ему совершенное пораженіе.

Пораженіе это имѣло весьма важное значеніе: оно спасло Карталинію отъ непріятельскаго вторженія и, не допустивъ соединенія персіянъ съ турками, положило начало вражды между двумя союзными державами. Вражда эта еще болѣе усилилась, когда, по отступленіи нашего отряда, въ персидскій лагерь явились ихъ бывшіе союзники, ахалцыхскіе карапапахи, разграбившіе остатки багажа и доведшіе персіянъ до того, что они остались полунагіе, безъ оружія, лошадей и безъ пищи. «По мнѣнію моему, писалъ Тормасовъ [1]), сей послѣдній поступокъ союзныхъ турецкихъ войскъ стоитъ другой побѣды, ибо подтверждаются извѣстія, одно за другимъ, что сардарь эриванскій, Хуссейнъ-Кули-ханъ, въ унизительномъ положеніи поведшій свои войска назадъ безъ оружія, вмѣсто бывшей конницы, сдѣлавшейся пѣхотою, приписываетъ всю свою неудачу несдержанію слова ахалцыхскаго Шерифъ-паши».

Только на другой день послѣ пораженія, и именно 6-го сентября, Шерифъ-паша прибылъ въ лагерь Хуссейна, для того, чтобы помочь ему собрать остатки своихъ войскъ и доставить средства возвратиться въ Эривань [2]).

Приказаніе Тормасова окончить экспедицію въ десять дней было исполнено, и 8-го сентября маркизъ Паулуччи возвратился съ отрядомъ въ Цалку. Онъ произведенъ былъ за эту побѣду въ генералъ-лейтенанты, а полковникъ Лисаневичъ — въ генералъ-маіоры; многіе офицеры получили награды.

Узнавъ о пораженіи эриванскаго сардаря и желая поддержать упадшій духъ своего ополченія, Аббасъ-Мирза приказалъ Али-Шаху снова вторгнуться въ Шамшадыльскую провинцію и склонить татаръ къ переселенію въ Персію со всѣмъ скотомъ и имуществомъ. Татары не только не сочувствовали персіянамъ, но встрѣтили ихъ

[1]) Военному министру 21-го сентября, 1810 г. Воен.-Учен. Архивъ, д. № 2416, папка В.

[2]) Рапортъ маркиза Паулуччи Тормасову, 8-го сентября. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1168.

у Джегама, какъ непріятелей. Они тотчасъ же приготовились къ оборонѣ и, не имѣя помощи отъ нашихъ войскъ, сами защищали себя двое сутокъ, отражая нападеніе многочисленнаго непріятеля [1]).

Сохраняя непоколебимую вѣрность и усердіе къ русскому престолу и будучи весьма храбры, шамшадыльскіе татары составляли прекрасную конницу, которая была не по силамъ персіянамъ. Довольствуясь отгономъ небольшой части скота, непріятель отступилъ отъ Джегама и потянулся къ чардахлинской дорогѣ. Небольсинъ отправилъ для преслѣдованія его съ фронта двѣ роты Троицкаго полка, съ тремя орудіями и тридцатью казаками, а самъ двинулся наперерѣзъ и встрѣтилъ отступавшихъ у рѣки Джагора. Принятые въ два огня, персіяне бѣжали за чардахлинскую гору, будучи преслѣдуемы шамшадыльскою конницею, подъ начальствомъ отважнаго и распорядительнаго ихъ моурава, капитана Ладинскаго.

Бросившись одни преслѣдовать непріятеля, шамшадыльцы гнали его восемнадцать верстъ до самаго узкаго прохода, въ которомъ была устроена ими засада. При входѣ въ тѣсное ущелье персіяне были окончательно разбиты и принуждены, побросавъ свои вьюки и лошадей, взбираться на крутую гору поодиночкѣ. Они потеряли до 400 человѣкъ убитыми, 100 лошадей, и бросили весь угнанный ими скотъ. За такой подвигъ шамшадыльскій султанъ Насибъ-бекъ былъ произведенъ въ капитаны, многіе агалары получили чины или медали за храбрость.

Персіяне отступили къ Эривани, и Баба-ханъ, оставивъ мѣстечко Уджанъ-чеменъ, отправился въ Тегеранъ. Охраненіе и защита Ордубада поручены были Шерафи-хану и Садыкъ-хану, которые, опасаясь прихода русскихъ, строили укрѣпленія; нахичеванская крѣпость также исправлялась. Оставаясь въ Эривани, Аббасъ-Мирза не предпринималъ ничего рѣшительнаго, и 15-го сентября генералъ Небольсинъ возвратился съ отрядомъ въ Шамхоръ, но, по неимѣнію тамъ дровъ и фуража, отступилъ къ Елисаветполю [2]). На передовой позиціи, далеко выдавшись впередъ и ближе всѣхъ къ непріятелю, стоялъ полковникъ Котляревскій, за-

[1]) Тормасовъ военному министру, 21-го января 1811 г. Воен.-Ученый Арх., д. № 2416, п. В.

[2]) Рапортъ Небольсина Тормасову, 16-го сентября, № 312.

нимая селеніе Мигри. Ему приказано было укрѣпить мѣстечко и обезпечить совершенно отъ нападенія персіянъ. Котляревскій отвѣчалъ, что Мигри укрѣплено самою природою и не нуждается въ искусственныхъ постройкахъ [1]). Онъ былъ твердо убѣжденъ, что персіяне не въ состояніи овладѣть этою позиціею, и что борьба съ русскими всегда окончится ихъ пораженіемъ. Сдавая въ октябрѣ мигринскій постъ 17-го егерскаго полка подполковнику Парфенову, Котляревскій совѣтовалъ ему не считать непріятеля и всегда дѣйствовать наступательно, быстро и рѣшительно, ходить форсированными маршами безъ ранцевъ и даже безъ шинелей, и тогда успѣхъ несомнѣненъ. Персіяне сами сознавали невозможность бороться съ русскими и всегда избѣгали встрѣчи съ сколько-нибудь значительнымъ отрядомъ нашихъ войскъ. Располагая значительною кавалеріею, они искали успѣха въ быстромъ перенесеніи театровъ дѣйствій съ одного мѣста на другое и разсчитывали на содѣйствіе населенія, или же на полученіе добычи до прихода русскихъ войскъ. При помощи грабежа и разореній, персидское правительство надѣялось утомить населеніе, показать, что русскіе не въ силахъ защищать его и тѣмъ заставить или туземцевъ перейти на сторону Персіи, или же русское правительство искать случая къ заключенію мирныхъ условій.

Таковы были виды тегеранскаго двора при началѣ кампаніи 1810 года, и Аббасъ-Мирза возлагалъ на нихъ большія надежды; но когда онѣ не осуществились, то, опасаясь должнаго возмездія, сталъ самъ искать мира. Его нарочный съ письмомъ былъ посланъ къ армянскому патріарху Ефрему, жившему тогда въ Тифлисѣ. Аббасъ-Мирза предлагалъ ему быть посредникомъ въ примиреніи двухъ державъ и выражалъ надежду на его содѣйствіе. Тормасовъ старался показать, что не добивается заключенія мира, и высказывалъ, что никакіе переговоры невозможны до тѣхъ поръ, пока персіяне не прекратятъ совершенно хищническихъ вторженій въ наши предѣлы. Онъ указывалъ на Карабагъ, гдѣ происходили еще мелкіе грабежи и разбои. Персіяне уводили тамъ жителей и

[1]) Предписаніе Небольсина Котляревскому, 23-го августа, № 1301. Рапортъ Небольсина Тормасову, 11-го сентября, № 300.

отгоняли скотъ, но ханъ не принималъ никакихъ мѣръ и спокойно смотрѣлъ, какъ грабили его подвластныхъ. Не имѣя возможности оборонять каждую тропинку на границѣ, главнокомандующій требовалъ отъ Мегти-Кули-хана, чтобы онъ принялъ мѣры къ защитѣ своихъ владѣній.

«Признательно долженъ сказать, писалъ ему Тормасовъ [1]), что въ нынѣшнее лѣто вы такъ слабо употребляли себя на пользу службы Его Императорскаго Величества, что я вынуждаюсь напомнить вамъ и сказать истину, которую я имѣлъ только у себя на сердцѣ, т. е. что Государь Императоръ ввѣрилъ вамъ ханство не по другимъ какимъ-либо правамъ, какъ только въ ожиданіи отъ васъ неограниченнаго усердія, какое вы оказывали до утвержденія васъ владѣтельнымъ ханомъ. Но теперь вы вовсе не соотвѣтствуете симъ надеждамъ, ибо я знаю, что конницы въ Мигри, кромѣ сорока бѣдныхъ и на дурныхъ лошадяхъ всадниковъ, не посылали, не взирая на многократное настояніе; знаю и то также, что вы ни при себѣ, ни въ нужныхъ мѣстахъ не имѣли оной во все лѣто и не радѣли ни о караулахъ, ни о постахъ.

«Вопрошаю же васъ, кто страждетъ отъ таковой безпечности?— народъ, Высочайше управленію вашему ввѣренный и который въ васъ долженъ бы былъ находить наибдительнѣйшаго попечителя о ихъ благѣ. Итакъ, отъ сего то происходитъ, что нѣкогда примѣрно храбрый карабагскій народъ, коего чтила сама Персія, а сосѣди трепетали, находится въ столь ослабѣвшемъ положеніи, что 30 или 40 хищниковъ, ворвавшись во внутрь самаго Карабага, ненаказанно возвращаются назадъ съ грабежомъ, убиваютъ безпечныхъ карабагцевъ и увлекаютъ въ плѣнъ жертвы вашей недѣятельности. Съ огорченіемъ слышалъ я не одинъ разъ отъ достовѣрныхъ особъ, что ваше превосходительство произносили, что Государь Императоръ беретъ отъ васъ дань, и потому россійскія войска и защищаютъ Карабагъ. Скажите, что вы въ такомъ бы случаѣ дѣлали и для чего же носили на себѣ знаменитое достоинство хана? Развѣ только для собранія дани, а больше ни для

[1]) Въ письмѣ отъ 15-го сентября 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 825.

чего? Нѣтъ, долженъ не закрываясь сказать, что званіе такого хана унизило бы таковое знаменитое достоинство.

«Больно, очень больно видѣть, что Карабагъ, славившійся мужествомъ и храбростію всеобщею, въ карабагскихъ жителяхъ теперь заснулъ. Отъ чего же сіе произошло? Отъ того, что хозяинъ Карабага, коему ввѣрено благо сего народа, говоритъ: пусть русскіе дерутся и защищаютъ землю, отъ щедротъ Монаршихъ мнѣ порученную. Дойдя теперь до настоящей моей цѣли, прошу ваше превосходительство употребить всю свою власть на то, чтобы, по требованіямъ самой необходимости, конница ваша всегда содѣйствовала войскамъ Его Императорскаго Величества, защищающимъ вашу землю, чтобы разъѣзды и караулы повсюду въ нужныхъ мѣстахъ были поставлены, и чтобы почты были во всей исправности».

Подобно прочимъ и это письмо не оказало должнаго дѣйствія. Мегти-Кули-ханъ оставался, по прежнему, бездѣятельнымъ и, какъ увидимъ впослѣдствіи, не оказывалъ никакого содѣйствія русской власти.

Между тѣмъ, непріязненныя отношенія, возникшія послѣ ахалкалакскаго пораженія между персіянами и турками, готовы были окончиться боевымъ столкновеніемъ. Обвиняя въ своемъ несчастіи Шерифъ-пашу и оставаясь въ границахъ Карсскаго пашалыка, Хуссейнъ-Кули-ханъ эриванскій умолялъ Аббасъ-Мирзу помочь ему войсками, чтобы отмстить ахалцыхскому пашѣ за его коварный поступокъ.

Опасаясь такою помощью возбудить вражду между двумя государствами, наслѣдникъ персидскаго престола отказалъ въ пособіи Хуссейну и тѣмъ устранилъ для насъ возможность, воспользовавшись междоусобіемъ, безъ значительныхъ потерь, присоединить Ахалцыхскій пашалыкъ къ составу Имперіи.

Такое присоединеніе было необходимо и вытекало изъ естественнаго хода событій. Спокойствіе и безопасность нашихъ границъ были немыслимы до тѣхъ поръ, пока Ахалцыхскій пашалыкъ не будетъ въ нашихъ рукахъ. Къ пріобрѣтенію его русское правительство стремилось съ самаго начала настоящаго столѣтія, но недостатокъ боевыхъ средствъ былъ причиною нашего неуспѣха

въ этомъ отношеніи. Со вступленіемъ Тормасова въ управленіе краемъ, боевыя средства наши въ Закавказьѣ не усилились, а обстоятельства измѣнились къ худшему. Къ постояннымъ грабежамъ лезгинъ присоединилось то участіе, которое Шерифъ-паша принималъ въ имеретинскомъ возстаніи и въ поддержкѣ Соломона войсками. Это участіе, замедляя умиротвореніе края и отзываясь на безопасности всего праваго фланга, заставляло насъ держать тамъ большое число войскъ. Принявъ къ себѣ бѣглаго царя Соломона, Шерифъ-паша обнадеживалъ имеретинъ своею помощью, и такимъ образомъ становился источникомъ всѣхъ волненій въ краѣ. Главнокомандующій требовалъ, чтобы Шерифъ выдалъ Соломона, или, по крайней мѣрѣ, не давалъ ему убѣжища въ своихъ владѣніяхъ, но паша отвѣчалъ отказомъ. По всему видно было, что къ такой мѣрѣ его можно принудить только силою оружія, и Тормасовъ, пользуясь временнымъ затишьемъ со стороны Персіи, рѣшился привести въ исполненіе давно задуманную имъ экспедицію въ Ахалцыхскій пашалыкъ.

Для облегченія своихъ дѣйствій, главнокомандующій поручилъ генералу Симоновичу войти въ сношеніе съ Селимъ-пашою, и если онъ согласится подписать трактатъ о подданствѣ и выдать аманатовъ, то обѣщать «вручить ему столько вспомогательныхъ голландскихъ войскъ, сколько ему надобно будетъ для найма лезгинъ и для вреда Шерифъ-пашѣ». Селимъ не преминулъ воспользоваться такимъ предложеніемъ, и хотя, какъ увидимъ, не оказалъ намъ помощи, но успѣлъ взять болѣе двухъ тысячъ червонцевъ.

Предположеніе Тормасова возстановить его владѣтелемъ Ахалцыхскаго пашалыка не осуществилось, главнѣйшимъ образомъ, потому, что Селимъ не имѣлъ значительной партіи приверженцевъ, и переговоры съ нимъ повели только къ напрасной тратѣ времени, а между тѣмъ наступившая осень затрудняла дѣйствія. Не смотря на то, полученное Тормасовымъ извѣстіе о пораженіи на Дунаѣ 40,000 турокъ заставляло его поспѣшить движеніемъ. Полагая, что послѣ такого пораженія Порта будетъ искать мира и войдетъ въ переговоры, главнокомандующій желалъ выговорить уступку Россіи Ахалцыхскаго пашалыка, но понималъ, что безъ овладѣнія имъ Порта не согласится на добровольное отчужденіе своихъ

земель. Чтобы достигнуть такой уступки, необходимо было овладѣть Ахалцыхомъ до начала переговоровъ, и потому въ половинѣ октября Тормасовъ сформировалъ три отряда для одновременнаго дѣйствія въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ. Онъ приказалъ находившемуся въ Имеретіи генералу Симоновичу съ $3\frac{1}{2}$ баталіонами [1]), съ казаками и охотниками изъ имеретинъ, мингрельцевъ и гурійцевъ вступить въ Ахалцыхскій пашалыкъ по тому направленію, которое признаетъ лучшимъ, и, соединившись съ Селимъ-пашою, составить правую колонну. Самъ главнокомандующій прибылъ въ Сурамъ и, принявъ тамъ начальство надъ шестью баталіонами [2]), 400 драгунъ, 600 казаковъ и грузинскою милиціею, располагалъ двинуться въ центръ Ахалцыхскаго пашалыка, черезъ Боржомское ущелье. Наконецъ, третій отрядъ или лѣвая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Портнягина, направлена изъ Думанисъ, въ составѣ трехъ баталіоновъ [3]), 200 казаковъ и 500 татаръ. Всѣ три колонны должны были выступить съ такимъ разсчетомъ, чтобы 15-го ноября быть у стѣнъ крѣпости, и по пути объявлять всѣмъ, что мы идемъ только для наказанія одного Шерифъ-паши, и потому жители могутъ оставаться безопасно въ своихъ селеніяхъ и домахъ.

Предполагая, что Симоновичъ прежде другихъ вступитъ въ ахалцыхскій пашалыкъ, Тормасовъ поручилъ ему объявить свое воззваніе къ туземному населенію.

«Я иду съ непобѣдимыми войсками, писалъ главнокомандующій [4]), не для разоренія вашего, но для устроенія вашего счастія на прочномъ основаніи и для наказанія одного Шерифъ-паши, измѣнившаго честному своему слову и нарушившаго покой края, въ попеченіе мнѣ ввѣреннаго».

Описывая поступки ахалцыхскаго паши, Тормасовъ говорилъ,

[1]) Два баталіона Кавказскаго гренадерскаго, одинъ 15-го егерскаго и рота 9-го егерскаго полковъ.

[2]) Два баталіона Херсонскаго гренадерскаго, одинъ Кавказскаго гренадерскаго, одинъ Кабардинскаго мушкетерскаго и два 9-го егерскаго полковъ.

[3]) По одному баталіону отъ полковъ: Тифлисскаго, Саратовскаго и 15-го егерскаго.

[4]) Въ прокламаціи отъ 25-го октября 1810 года. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1225.

что, повѣривъ его увѣреніямъ, считалъ Ахалцыхскій пашалыкъ дружественнымъ. Чѣмъ же заплатилъ паша? Гнусною измѣною. Онъ принялъ къ себѣ бѣглаго имеретинскаго царя, снабжалъ его деньгами, подкрѣплялъ войсками и приглашалъ персіянъ на разореніе Карталиніи. Персіяне разбиты при Ахалкалакахъ, а Имеретія усмирена. Вмѣсто того, чтобы раскаяться, Шерифъ-паша принялъ къ себѣ вторично Соломона, и за то русскія войска направлены теперь къ Ахалцыху, чтобы наказать пашу.

«Знаю я, писалъ Тормасовъ, что вы, обитатели Ахалцыхскаго пашалыка, не участвовали въ коварныхъ дѣяніяхъ Шерифъ-паши, и потому мечъ мой не обратится на васъ, если будете спокойны, отстанете отъ Шерифъ-паши и, прибѣгнувъ къ неизрѣченному великодушію всемилостивѣйшаго моего Государя Императора, покоритесь доброю вашею волею. Тогда гробы вашихъ предковъ, мирныя ваши жилища, жены, дѣти и имущество будутъ сохранены, ни одна насильственная рука до васъ не коснется, и я, принявъ васъ подъ благодѣтельный покровъ Всероссійскаго Государя Императора, огражу всею безопасностію и прочно устрою ваше счастіе. Въ противномъ же случаѣ, знайте, что со всѣхъ сторонъ вступаетъ въ землю вашу многочисленная армія побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ, несетъ мечъ и пламя для истребленія непокорныхъ. Малѣйшее сопротивленіе ваше польетъ рѣки крови; погибель ваша и семействъ вашихъ будетъ тогда неизбѣжна».

1-го ноября генералъ-маіоръ Симоновичъ выступилъ въ походъ и, черезъ недѣлю, 8-го числа, долженъ былъ перейти границу. Подъ предлогомъ болѣзни, Селимъ-паша отказался присоединиться къ Симоновичу и не принималъ никакого участія въ нашихъ дѣйствіяхъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ. Выпавшій глубокій снѣгъ препятствовалъ Симоновичу слѣдовать большою дорогою, и онъ рѣшился идти по торговой, но и она была такъ узка (не шире аршина), что по ней невозможно было везти орудія. Они были разобраны на части, причемъ лафеты солдаты несли на себѣ, а тѣла орудій везли на особо устроенныхъ, съ узкими полозьями, саняхъ. Затрудненія, встрѣченныя въ пути, были причиною, что пришлось ограничиться тремя орудіями, да и тѣ слишкомъ обременяли отрядъ. При самомъ вступленіи въ предѣлы Ахалцыхскаго

пашалыка Симоновичъ встрѣтилъ непріятеля. въ числѣ до 2,000 человѣкъ, засѣвшихъ въ ущельѣ Маджасъ-Цкали. Крѣпкое отъ природы ущелье это было защищено четырьмя рядами засѣкъ, но, не смотря на то, непріятель былъ выбитъ штыками съ большою потерею, и затѣмъ не показывался уже до самаго Ахалцыха.

На другой день послѣ выступленія Симоновича, отрядъ генерала Портнягина также оставилъ Думанисы. Встрѣчая жителей укрывающимися въ горахъ, Портнягинъ почти на всемъ пути не встрѣчалъ сопротивленія, и только по приближеніи къ Ахалцыху конная партія въ 1,500 человѣкъ пыталась остановить его движеніе. Высланные впередъ казахскіе и шамшадыльскіе татары разсѣяли непріятеля и преслѣдовали его до самыхъ стѣнъ крѣпости. Остановившись вблизи Ахалцыха, Портнягинъ выслалъ разъѣзды вправо и открылъ сообщеніе съ главнокомандующимъ.

Послѣдній, по неимѣнію дорогъ, принужденъ былъ раздѣлить свой отрядъ на двѣ колонны: одну—подъ начальствомъ генералъ-маіора Титова (баталіоны Херсонскаго гренадерскаго и 9-го егерскаго полковъ), а другую—подъ командою генералъ-маіора князя Орбеліани (баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго, баталіонъ Кабардинскаго и баталіонъ, составленный изъ драгуновъ). Въ авангардѣ шли всѣ казаки, подчиненные полковнику Денисову 9-му, и присоединившіеся къ отряду два баталіона 9-го егерскаго полка, подъ начальствомъ маркиза Паулуччи.

Слѣдуя въ такомъ порядкѣ къ Ахалцыху, главнокомандующій, 11-го ноября, подошелъ къ м. Сахиро, и тотчасъ же приказалъ маркизу Паулуччи рекогносцировать крѣпостцу Ацкверъ (Ацхуръ), стоявшую на берегу р. Куры и считавшуюся ключомъ Ахалцыха. Въ крѣпости оказалось весьма мало гарнизона, и потому Тормасовъ, не занимаясь побочными дѣйствіями, двинулся далѣе, и 14-го ноября подошелъ къ Ахалцыху.

Изъ Имеретіи давно уже сообщили Шерифъ-пашѣ о движеніи русскихъ войскъ и онъ приготовился къ оборонѣ. Земляной валъ, съ палисадомъ, составлялъ главную ограду Ахалцыха, за которою было собрано до 10,000 человѣкъ. Шерифъ-паша заперся въ крѣпости и рѣшился не выходить въ поле. Для обложенія ахалцыхской крѣпости приказано было отряду генералъ-маіора Портнягина

переправиться черезъ р. Цалку и, слѣдуя лѣвымъ ея берегомъ, занять позицію при с. Марди; бригадѣ генералъ-маіора Титова стать на правомъ флангѣ главнаго корпуса, примыкая къ р. Цалкѣ, а второй бригадѣ, генералъ-маіора князя Орбеліани—примыкая къ той же рѣкѣ, расположиться на лѣвомъ флангѣ. Сообщеніе между этими двумя отрядами производилось по мосту, устроенному у дер. Суплиси.

Такимъ образомъ, 15-го ноября Ахалцыхъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ, а четвертая оставлена для отряда генерала Симоновича [1]), который, прибывъ 16-го числа, расположился между отрядами Титова и князя Орбеліани.

Со вступленіемъ нашихъ войскъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ, жители пограничныхъ селеній добровольно покорились и оставались покойными, но жившіе внутри пашалыка скрылись съ семействами и имуществомъ въ горы. Узнавъ объ этомъ, Тормасовъ приказалъ милиціи, состоявшей изъ грузинъ, мингрельцевъ и татаръ, числомъ до 3,000 человѣкъ, разсѣявшись по всему пашалыку, выводить въ наши предѣлы христіанскія семейства. Бывшимъ въ составѣ милиціи князьямъ грузинскимъ предоставлено право собирать христіанъ и отправлять ихъ въ Грузію, съ тѣмъ, что выведенные будутъ принадлежать имъ, какъ «собственные крестьяне тѣмъ, кто ихъ достанетъ». Тѣмъ жителямъ, которые оставятъ пашалыкъ добровольно и переселятся въ Грузію, обѣщаны многія выгоды и пять лѣтъ льготы отъ налоговъ.

На разсвѣтѣ 19-го числа была назначена атака возвышенности Кая-паша, занятой непріятелемъ и командующей надъ крѣпостью. Съ этою цѣлью отряду генерала Портнягина приказано было подойти къ мосту и въ 3 часа ночи произвести фальшивую атаку: «бить въ барабанъ, кричать, и если будетъ непріятель, то и стрѣлять». Точто такую же фальшивую атаку долженъ былъ произвести и генералъ-маіоръ князь Орбеліани съ драгунскимъ баталіономъ и съ частью милиціи.

Въ это время, изъ отряда генерала Титова маіоръ Прибыловскій съ баталіономъ егерей долженъ былъ подойти къ деревнѣ

[1]) Предписаніе Симоновичу 15-го ноября, № 1145.

Ивлити п, наступая со стороны рѣки, занять курганъ Кая-пашу и выбить оттуда непріятеля. Съ появленіемъ Прибыловскаго на курганѣ, приказано было генералу Симоновичу отправить на тотъ же курганъ пять ротъ егерей. Все было исполнено въ точности, и въ 5 часовъ утра возвышенность Кая-паша была занята нашими войсками. Турки замѣтили атаку только тогда, когда наши егеря бросились въ штыки. Застигнутые врасплохъ, они были вытѣснены весьма скоро и съ большими потерями. На возвышеніи были тотчасъ же поставлены два трехфунтовые единорога, которые нельзя было иначе поднять на гору какъ разобранными и на рукахъ; устроенное турками укрѣпленіе было приспособлено для дѣйствія противъ крѣпости.

Узнавъ объ обложеніи Ахалцыха, гарнизонъ Ахалкалакъ оставилъ крѣпость и отступилъ. Оставленный съ небольшимъ отрядомъ у крѣпости Ацкверъ (Ацхуръ) полковникъ Печерскій получилъ приказаніе потребовать сдачи города. Если гарнизонъ согласится сдаться, то обѣщать начальнику награду, а гарнизону полную свободу идти куда кто пожелаетъ [1]), но если гарнизонъ станетъ упорствовать и городъ будетъ взятъ силою оружія, то объявить, что весь гарнизонъ будетъ перевѣшанъ [2]).

Между тѣмъ у Ахалцыха, въ ночь съ 16-го на 17-е ноября, противъ каждой изъ четырехъ бригадъ было заложено по двѣ батареи на возвышенностяхъ, отстоявшихъ отъ города не болѣе какъ въ 400 саженяхъ. Непріятель хотя и пытался ночною вылазкою уничтожить наши работы по возведенію батарей, но былъ прогнанъ картечью и штыками съ большимъ урономъ. Въ слѣдующую ночь батареи были окончены и вооружены орудіями. Огонь ихъ, поддерживаемый безпрерывно въ теченіе трехъ дней, наносилъ значительный уронъ туркамъ; непріятельскія орудія были сбиты и въ крѣпости произведено нѣсколько пожаровъ. Принужденные добывать воду подъ нашими выстрѣлами, турки несли большія потери. Почти ежедневно они производили вылазки, но всякій разъ терпѣли неудачу.

---

[1]) Предписаніе полковнику Печерскому 17-го ноября № 1737.
[2]) Ему же, отъ 20-го ноября, № 1749.

Блокада Ахалцыха шла весьма успѣшно, но скоро оказался недостатокъ въ продовольствіи и отчасти въ боевыхъ припасахъ. Подвижной транспортъ, слѣдовавшій къ отряду, принужденъ былъ остановиться въ 50 верстахъ и не могъ двинуться далѣе за истощеніемъ воловъ. Тормасовъ приказалъ поднять его на вьюки и для этой цѣли собрать въ Карталиніи возможно большее число лошадей. «Поберегите, однако же, казахскихъ и шамшадыльскихъ татаръ, писалъ главнокомандующій правителю Грузіи [1]), ибо они усерднѣе служатъ Государю, нежели грузины, которыхъ я не просилъ съ собою и которые, вмѣсто пользы, дѣлаютъ мнѣ только тягость, а о повиновеніи, котораго въ сей націи никогда не было видно, я уже и не говорю [2]).

Сборъ лошадей, въ особенности въ Грузіи, неизобиловавшей коневодствомъ, не могъ быть произведенъ скоро, и доставка провіанта была весьма затруднительна. Къ этому надо прибавить, что 21-го ноября въ милиціонныхъ войскахъ появилась заразительная болѣзнь, по всѣмъ признакамъ—чума. Взятые въ тотъ же день въ плѣнъ турки объявили, что и въ крѣпости появилась моровая язва. Хотя милиція была тотчасъ же отдѣлена отъ остальныхъ войскъ и приняты всѣ мѣры предосторожности, но черезъ два дня чума обнаружилась въ Тифлисскомъ и Саратовскомъ полкахъ.

Предпочитая сохраненіе здоровья войскъ и края покоренію города, главнокомандующій призналъ необходимымъ, не смотря на пріобрѣтенные успѣхи, оставить предпріятіе и отступить отъ Ахалцыха.

«Сколько ни превосходную имѣлъ я поверхность надъ непріятелемъ, писалъ Тормасовъ [3]), владѣя всѣмъ пашалыкомъ и видя изъ обстоятельствъ, что Ахалцыхъ долженъ былъ скоро пасть, но сообразивъ, что разъяренныхъ воиновъ, когда они овладѣютъ городомъ, ничто не удержитъ отъ прикосновенія къ жителямъ и ихъ

[1]) Въ отношеніи отъ 17-го ноября, № 1151.

[2]) Такъ, князь Іосифъ Циціановъ, прибывъ въ отрядъ, не явился ни къ кому, самовольно разграбилъ сел. Кати, присягнувшее Императору, и ушелъ обратно въ Грузію съ награбленнымъ имуществомъ. Главнокомандующій приказалъ разслѣдовать его поступокъ.

[3]) Графу Румянцеву, отъ 19-го декабря 1810 г., № 221. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1238.

имуществу, такъ что зло сіе, распространяясь въ войскахъ, можетъ причинить невозвратный вредъ и быть даже пагубнымъ для всего здѣшняго края, предпочитая цѣлость арміи, Высочайше мнѣ ввѣренной, и благосостояніе командуемаго мною края, я призналъ полезнѣйшимъ удалиться отъ предстоящей явной опасности и, оставя на сей разъ предпріятіе, не взирая на всѣ пріобрѣтенные успѣхи, ускорить приближеніемъ войскъ къ границамъ Грузіи, со всею осторожностью, дабы при способствующей холодной погодѣ благовременно пресѣчь ядъ сей болѣзни».

Съ этою цѣлью 22-го ноября Тормасовъ приказалъ открыть бомбардированіе города, продолжавшееся безпрерывно въ теченіе четырехъ дней. Городъ горѣлъ, домъ паши также; главнокомандующій отправилъ парламентера, съ требованіемъ выдать царя Соломона и изгнать лезгиновъ изъ ахалцыхскаго пашалыка. Шерифъ-паша отвѣчалъ, что Соломонъ ушелъ въ Эривань, а лезгины разбѣжались. На требованіе сдать городъ, паша отвѣчалъ отказомъ, и тогда, 26-го ноября, снявъ орудія съ батарей, войска отступили отъ Ахалцыха. Непріятель преслѣдовалъ отступающихъ, но неупорно и каждый разъ былъ отбиваемъ съ большою потерею. На всемъ пути до самой Грузіи были устроены строжайшіе карантины, въ которыхъ приказано было выдержать всю милицію и 1,500 семействъ христіанъ, переселившихся въ наши границы. За нѣсколько дней до отступленія, Тормасовъ, въ наказаніе за постоянные грабежи лезгиновъ и ахалцыхскихъ турокъ въ нашихъ предѣлахъ, разрѣшилъ милиціи отогнать скотъ въ свою собственность. Такого скота было пригнано за войсками до 50,000 головъ. Ахалцыхскій пашалыкъ былъ разоренъ и Шерифъ-паша на довольно долгое время лишенъ возможности дѣлать вторженія въ Грузію. Правда, что военныя дѣйствія 1810 года не привели ни къ какому конечному результату, но большимъ уже успѣхомъ можно было считать и то, что главнокомандующій съ незначительными силами не допустилъ соединенія турокъ съ персіянами, разбилъ ихъ по частямъ и имѣлъ возможность усмирить внутреннія волненія, возникшія вслѣдствіе интригъ Порты и тегеранскаго двора.

XVII.

Происки тегеранскаго двора среди мусульманскаго населенія края.—Волненіе въ Кубинской провинціи.—Дѣйствія нашихъ войскъ.—Инструкція, данная полковнику Лисаневичу.—Поведеніе ширванскаго хана.—Письмо Тормасова Мустафѣ-хану.—Усмиреніе волненій въ Кубинской провинціи.—Появленіе грузинскаго царевича Левана въ Осетіи.—Волненія осетинъ.—Мѣры, принятыя главнокомандующимъ къ усмиренію волненій и къ поимкѣ Левана.—Экспедиція въ Осетію и результаты ея.—Бѣгство Левана въ Имеретію.—Князь Зурабъ Церетели и его поведеніе.—Положеніе дѣлъ въ Имеретіи.—Преобразованіе въ управленіи.—Административное дѣленіе области.—Положеніе дѣлъ въ Абхазіи.—Письмо царя Соломона Тормасову и отвѣтъ на него.

Совокупныя усилія персіянъ и турокъ возбудить противъ Россіи вновь присоединенныя къ ней провинціи не остались напрасными. Приступая къ открытію военныхъ дѣйствій, персіяне употребляли всѣ средства къ тому, чтобы отвлечь наше вниманіе къ различнымъ пунктамъ и тѣмъ ослабить тѣ силы, которыя назначались нами для отраженія внѣшняго непріятеля. Съ этою цѣлью персидское правительство на собственныя средства поддерживало волненіе въ Имеретіи, отправило бѣглаго грузинскаго царевича Левана [1]) въ Осетію, для возмущенія туземнаго населенія, и, наконецъ, старалось уговорить жителей Дагестана дѣлать вторженія въ наши провинціи, прилегающія къ Каспійскому морю.

Полагаясь на обѣщанія тегеранскаго двора и пользуясь тѣмъ, что большая часть русскихъ войскъ была отвлечена дѣйствіями противъ персіянъ и турокъ, бывшій ханъ дербентскій, Шихъ-Али, третій уже годъ жившій въ Дагестанѣ, составилъ шайку разбойниковъ и съ ними производилъ безпокойства въ Кубинской провинціи. Тормасовъ поручилъ комендантамъ городовъ Баку, Кубы и Дербента объявить всѣмъ, что поймавшій Шихъ-Али получитъ тысячу червонныхъ, кто доставитъ его голову—500 червонныхъ, а тѣ дагестанскіе владѣльцы, которые дадутъ ему у себя убѣжище, будутъ наказаны, какъ непріятели [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій просилъ Мустафу-хана

[1]) Сына царевича Юлона, выѣхавшаго въ Россію.

[2]) Предписаніе Тормасова генералу Репину 2-го іюня, № 83.

ширванскаго уговорить Шихъ-Али покориться и пріѣхать въ главную квартиру, съ полною увѣренностью въ своей безопасности. Но Мустафа-ханъ, показывая видъ, что считаетъ себя обиженнымъ за то, что ему не даютъ никакихъ порученій, принялся за дѣло со свойственнымъ ему двуличіемъ. Онъ отправилъ въ Кубу своего посланнаго, который объявлялъ народу, что присланъ Мустафою для переговоровъ съ Шихъ-Али о возвращеніи ему Кубинскаго ханства. Извѣстіе это произвело всеобщее волненіе, пользуясь которымъ, бывшій ханъ, съ толпою дагестанцевъ, и преимущественно акушенцевъ, ворвался въ кубинское владѣніе. Съ появленіемъ его, туземное населеніе раздѣлилось на двѣ части: преданные намъ беки перевезли свои семейства въ кубинскую крѣпость, подъ защиту русскихъ войскъ, а преданные Шихъ-Али уговаривали народъ идти встрѣчать своего бывшаго хана [1]). Многіе жители оставили г. Кубу, и въ короткое время вся область, кромѣ Будугской волости, приняла сторону Шихъ-Али.

Бывшій наибъ, родная сестра котораго была замужемъ за Шихъ-Али, былъ смѣненъ и на его мѣсто предполагалось назначить Джехангиръ-хана, обѣщавшаго поймать или убить виновника всѣхъ возмущеній въ Кубинской провинціи. Отправляя Джехангиръ-хана въ Кубу, Тормасовъ обѣщалъ назначить его ханомъ съ тѣми же правами, которыми пользовались ханы: шекинскій, ширванскій и карабагскій [2]). Такимъ назначеніемъ думали убѣдить кубинцевъ, что Шихъ-Али никогда не будетъ ихъ ханомъ, хотѣли дать имъ образъ правленія, къ какому они привыкли, и, наконецъ, пріобрѣсти возможность содержать въ Кубинской провинціи меньшее число войскъ, такъ какъ, по предположенію, новопоставленный ханъ будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать всякаго рода безпорядкамъ и волненіямъ [3]).

Довольно обширное кубинское владѣніе защищалось въ то время двумя баталіонами Севастопольскаго полка, изъ которыхъ одинъ баталіонъ составлялъ гарнизонъ крѣпости, а другой—охранялъ провинцію. Такого числа войскъ, очевидно, было недостаточно для

[1]) Рапортъ маіора Писемскаго генералу Репину, 24-го іюля, № 327.
[2]) Предписаніе Тормасова генералу Репину, 18-го августа, № 786.
[3]) Тоже, Лисаневичу, 14-го сентября, № 906.

поддержанія спокойствія и изгнанія мятежниковъ; усилить же войска присылкою новыхъ изъ Баку или Дербента было невозможно, такъ какъ тамъ было всего по одному баталіону среди населенія сомнительной преданности.

Въ виду столь затруднительнаго положенія, Тормасовъ приказалъ объявить народу, что Шихъ-Али ни въ какомъ случаѣ не будетъ возвращено ханство, но будетъ испрошено прощеніе, если онъ явится съ покорностью. На послѣднее заявленіе бывшій ханъ отвѣчалъ маіору Писемскому, что желаетъ, чтобы русскія войска безъ пролитія крови были выведены изъ г. Кубы. Шихъ-Али писалъ ему, что имѣетъ право на такое требованіе, «поелику Куба принадлежитъ моимъ предкамъ и мнѣ болѣе тысячи лѣтъ, а вы въ ней, третій день завладѣвъ, со страхомъ держитесь, и чтобъ я еще не смѣлъ того сказать—это мнѣ очень смѣшно. Подумай, много ли ты своимъ разумомъ и разсужденіемъ принесъ пользы своему Государю? Впрочемъ, я сіе пишу единственно для того, чтобы не остаться впредь виновнымъ противъ Государя Императора».

Возлагая большія надежды на ежедневно возраставшее число своихъ приверженцевъ и на помощь персіянъ, Шихъ-Али, въ началѣ августа, подошелъ къ г. Кубѣ и окружилъ ее. На помощь малочисленному гарнизону былъ отправленъ изъ Баку плацъ-маіоръ Левицкій, которому приказано, по прибытіи въ Кубу, принять общее начальство надъ войсками, оставить часть ихъ въ крѣпости, а съ остальными выйти въ поле, разбить мятежниковъ и возстановить спокойствіе въ Кубинской провинціи [1]). Отъ Джафаръ-Кули-хана шекинскаго Тормасовъ требовалъ, чтобы онъ отправилъ тысячу человѣкъ своей конницы черезъ Хиналугскую гору, на соединеніе съ нашимъ отрядомъ, въ г. Кубу. Черезъ эту гору было весьма трудно пройти нашимъ войскамъ, и Шихъ-Али, не ожидая съ этой стороны нападенія, могъ быть атакованъ врасплохъ, разбитъ или захваченъ въ плѣнъ.

Двигаясь отъ Хидыръ-зиндскаго поста, Левицкій вскорѣ встрѣтилъ толпу мятежниковъ. На вопросъ, что они за люди? получилъ въ отвѣтъ, что про то знаютъ ихъ беки и Шихъ-Али. Толпа

[1]) Рапортъ генерала Репина Тормасову, 10-го августа, № 1015.

стала увеличиваться и скоро достигла до 300 человѣкъ. Занявъ высоты, лежавшія на пути слѣдованія нашего отряда, приверженцы Шихъ-Али открыли огонь и хотя тотчасъ же были прогнаны, но, разсыпавшись въ разныя стороны, преслѣдовали нашъ отрядъ до р. Гилгинъ, гдѣ Левицкій расположился на ночлегъ. Поутру 13-го августа передъ лагеремъ появилось до 2,000 человѣкъ пѣхоты и конницы, занявшихъ всѣ высоты. По указанію бакинцевъ, бывшихъ при отрядѣ, Левицкій двинулся дорогою, лежавшею вправо отъ горъ; непріятель напиралъ на отрядъ съ правой стороны и заставлялъ его часто останавливаться, чтобы отразить нападеніе.

Подвигаясь далѣе, Левицкій встрѣтилъ ровъ, за которымъ, по показанію начальника отряда, собралось до 3,000 человѣкъ мятежниковъ (тысяча пѣшихъ и двѣ тысячи конныхъ). Имѣя въ своемъ распоряженіи только 120 человѣкъ пѣхоты, 40 казаковъ и одно орудіе и будучи окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ, Левицкій счелъ невозможнымъ переправиться черезъ ровъ и рѣшился возвратиться въ г. Баку. Отступленіе русскаго отряда было большимъ торжествомъ для кубинцевъ, преслѣдовавшихъ Левицкаго съ криками: «*да здравствуетъ ханъ!*» Такимъ образомъ, съ Кубой было прервано всякое сообщеніе, и бакинскій комендантъ, генералъ Репинъ, просилъ главнокомандующаго объ отправленіи въ Кубу баталіона егерей, баталіона мушкетеровъ и половины казачьяго полка. Хотя въ г. Кубѣ и были сосредоточены оба баталіона Севастопольскаго полка, достаточно сильные, чтобы отразить нападеніе непріятеля, но гарнизонъ этотъ имѣлъ продовольствія только на августъ мѣсяцъ. Помощи же отъ хановъ шекинскаго и ширванскаго ожидать было нечего: ни тотъ, ни другой не оказывали никакого содѣйствія.

Приписывая волненіе въ Кубѣ легкомыслію народа, Тормасовъ удивлялся малодушію начальниковъ, запершихся въ крѣпости съ двумя баталіонами, тогда какъ, по его словамъ, одного баталіона было бы достаточно для защиты города, жители котораго были обезоружены, а другой баталіонъ могъ дѣйствовать наступательно. Главнокомандующаго болѣе всего заботилъ недостатокъ продовольствія, и онъ обвинялъ въ томъ генерала Репина, не принявшаго мѣръ къ доставленію провіанта изъ Баку или Дербента при

самомъ началѣ волненій. Теперь же снабженіе кубинской крѣпости провіантомъ было дѣломъ крайне затруднительнымъ, точно такъ же какъ и посылка войскъ, просимыхъ генераломъ Репинымъ. Имѣя самъ весьма мало войскъ, Тормасовъ не могъ отдѣлить ихъ для усмиренія Кубинской провинціи. Необходимо припомнить, что въ это время одна часть войскъ была направлена противъ царя Соломона и помогавшихъ ему турокъ, другая находилась въ Карталиніи противъ ахалцыхскаго паши, съ которымъ соединилось до 8,000 персидскихъ войскъ, третья — въ Памбакахъ, противъ полчищъ Аббасъ-Мирзы, который, по извѣстіямъ, находился въ Эривани, и, наконецъ, четвертая, менѣе чѣмъ въ два баталіона, защищала шекинскую, елисаветпольскую и шамшадыльскую провинціи. Самъ главнокомандующій имѣлъ въ своемъ распоряженіи только четыре баталіона, съ которыми и занималъ центральную позицію, чтобы прикрыть съ одной стороны Тифлисъ, а съ другой—Казахи и двинуться туда, гдѣ будетъ болѣе опасности.

Между тѣмъ, волненіе въ Кубѣ усилилось на столько, что Тормасовъ, не смотря на малочисленность своихъ силъ, принужденъ былъ приказать генералъ-маіору Небольсину отправить изъ Елисаветполя одну роту Троицкаго мушкетерскаго полка, съ тѣмъ, чтобы она, слѣдуя черезъ г. Нуху и соединясь тамъ съ тысячью человѣкъ шекинской конницы, двинулась черезъ Хиналугскую гору. Въ то же самое время находившемуся въ Карабагѣ полковнику Тихановскому приказано взять двѣ роты егерей съ однимъ орудіемъ и, слѣдуя въ Кубу, по дорогѣ присоединить къ себѣ по одной ротѣ съ орудіемъ изъ Баку и Дербента. Пробившись въ Кубу и оставивъ одинъ баталіонъ въ составѣ гарнизона крѣпости, полковникъ Тихановскій съ остальными войсками долженъ былъ или схватить Шихъ-Али, или выгнать его изъ кубинскихъ владѣній [1]).

Выступивъ по назначенію, Тихановскій 18-го сентября дошелъ до р. Сумгаитъ, а 20-го числа—до каравань-сарая Догумли, близъ горы Бешъ-Бармакъ, гдѣ получилъ увѣдомленіе отъ Дже-

[1]) Предписаніе Тормасова генералу Репину, отъ 22-го августа, № 168.

хангиръ-хана, командовавшаго шекинскою конницею, что, по выпавшему снѣгу, онъ скоро къ нему присоединиться не можетъ. Тихановскій рѣшился выждать прибытія шекинской конницы, но на разсвѣтѣ 22-го сентября, верстахъ въ шести отъ нашего лагеря, была замѣчена непріятельская партія въ 200 человѣкъ, расположившихся по высотамъ. Желая остановить наши войска, кубинцы нѣсколько разъ атаковали отрядъ Тихановскаго, но каждый разъ были отбиваемы. Поддерживая въ теченіе двухъ дней перестрѣлку съ непріятелемъ, Тихановскій выждалъ здѣсь прибытія къ отряду полковника Лисаневича, назначеннаго начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Шихъ-Али-хана.

Зная рѣшительный характеръ Лисаневича, его мужество, опытность въ военномъ дѣлѣ, знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ, языка и обычаевъ народа, Тормасовъ счелъ необходимымъ отправить Лисаневича въ Кубинскую провинцію и поручить ему усмиреніе возстанія.

«Обратите все свое стремленіе, писалъ ему Тормасовъ [1]), первоначально на Шихъ-Али и его скопища, чтобы разбить оныя, разсѣять и выгнать изъ Кубинской провинціи; особу же самого измѣнника и нарушителя общественнаго спокойствія Шихъ-Али приложите все тщаніе, чтобы или достать въ наши руки или убить, не имѣя противъ него ничего священнаго, а кто сіе исполнитъ, тотъ получитъ въ награжденіе тысячу червонцевъ и чинъ съ жалованьемъ или имѣніе въ Кубѣ, смотря по состоянію человѣка. Бога ради, не жалѣйте ничего, чтобы сіе исполнилось, для будущаго спокойствія въ томъ краю и для спасенія рода человѣческаго.

«Совершивъ же сіе, не останавливаясь, приведете въ устройство Кубинскую провинцію, щадя и милуя покорныхъ, наказуя и истребляя ожесточенныхъ мятежниковъ. Наипаче же старайтесь переловить главныхъ зачинщиковъ мятежа или погубить ихъ вовсе, такъ какъ и имущество ихъ, кромѣ принадлежащихъ имъ крестьянъ, если оные будутъ покорны, ибо они должны поступить въ казну».

---

[1]) Въ предписаніи отъ 14-го сентября 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1021.

Имѣя основательную причину подозрѣвать, что Мустафа-ханъ ширванскій продолжаетъ поддерживать свои сношенія съ Шихъ-Али-ханомъ, и зная, что Лисаневичъ лично знакомъ съ Мустафою, главнокомандующій поручилъ ему разузнать о причинахъ неудовольствія Мустафы и передать ему письмо.

«Изъ содержанія сего письма, писалъ Тормасовъ [1]), которое прошу васъ прочесть со всѣмъ вниманіемъ, ваше превосходительство усмотрите, что пишу оное съ прежними чувствованіями искренняго къ вамъ благорасположенія, которое душевно желалъ бы навсегда сохранить. Но прибавлю, однако же, со сродною мнѣ откровенностью, что если кто изъ насъ за добро платитъ зломъ и за сердечную откровенность—хитростями персидской политики, то пусть судитъ и наказуетъ того самъ Богъ сердцевѣдецъ.

«Если приближенные ваши, изъ коихъ я нѣкоторыхъ знаю, были причиною такой непонятной въ васъ перемѣны, то судите сами, добра ли они вамъ желаютъ или зла? До сихъ поръ вы, управляя ханствомъ, Высочайше вамъ ввѣреннымъ, сообразно обязанностямъ вѣрноподданнаго, наслаждались мирнымъ счастіемъ, пользовались всѣми своими правами и преимуществами, были спокойны и имѣли счастіе пріобрѣсть обильныя щедроты и благоволѣніе Государя Императора. Вопрошаю притомъ васъ дружелюбно: нарушенъ ли былъ когда либо вашъ покой со стороны россійскаго правительства, которое всегда печется единственно о томъ, чтобы истинно вѣрнымъ людямъ устроять прочное счастіе? Теперь же, когда злые ваши совѣтники произвели въ образѣ вашихъ мыслей перемѣну, скажите по совѣсти, чувствуете ли вы себя спокойнымъ и не ужасаетъ ли васъ будущее? Ибо я полагаю, что совѣсть есть наилучшій судья и помощникъ ея, постельная подушка, всегда шепчетъ въ ухо преступившему свои обязанности. Если любимцы ваши, а въ душѣ ихъ вамъ враги, поселили въ васъ мысль, что я хотѣлъ имѣть съ вами свиданіе во вредъ для васъ, и привели мужественный духъ вашъ къ недовѣрчивости, то я не имъ, а вамъ удивляюсь, что въ семъ случаѣ оказали малодушіе, повѣривъ пустымъ головамъ, кои, устроя вамъ вредъ,

[1]) Отъ 12-го сентября 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 791.

основываютъ оный на какихъ либо личныхъ своихъ выгодахъ. Если сіи же самые безсовѣстные совѣтники ваши внушили вамъ, что дружба моя и пріязнь, изъявляемыя мною во всѣхъ моихъ къ вамъ письмахъ, есть дѣйствіе какой хитрости и нечистосердечное изліяніе чувствованій моего къ вамъ благорасположенія, то сіе явно доказываетъ уже или какіе либо вредные ихъ виды противъ васъ самихъ, или что они куплены непріятелями Россіи и вашими собственными. Наконецъ, если нѣкоторые изъ приверженцевъ Шихъ-Али, близкіе къ вамъ и мнѣ извѣстные, внушали вамъ мысль, непримѣтно его поддерживать или, наконецъ, воспользоваться разграбленіемъ Кубинской провинціи, то послѣдствія сего дѣла не могутъ быть благопріятны. Приведя теперь къ окончанію военныя дѣла съ Персіею и противъ турокъ, я обратилъ уже къ Кубѣ важную часть войскъ. Шихъ-Али я разсѣю, накажу кубинцевъ и отыщу вину сего мятежа. Прибавлю еще и то, что, какъ вѣрный слуга Государя Императора, для пользы службы не послаблю ни отцу, ни другу.

«Всѣ тѣ разглашенія, какія вашими посланными, по моему согласію, къ Шихъ-Али были сдѣланы, въ превратномъ, однако же, видѣ, мнѣ въ совершенствѣ извѣстны, такъ какъ и то, что внушаемо было самимъ кубинцамъ... Знаю, что ваше превосходительство скажете, что враги стараются васъ оклеветать предо мною, но я враговъ вашихъ знаю, и явныхъ и скрытныхъ, о коихъ вы сами неизвѣстны. Доносы ихъ на васъ или совсѣмъ не принимаю, или съ чрезвычайною разборчивостью и не иначе, какъ изслѣдовавъ вѣрными путями. Сношенія ваши съ измѣнникомъ Селимомъ, зная вашу съ нимъ дружбу и близкое родство, я всегда принималъ съ снисхожденіемъ, и хотя часто напоминалъ вамъ обязанности къ Его Императорскому Величеству, однако же, скажу правду, смотрѣлъ на то сквозь пальцы, и простилъ бы оныя, если бы не имѣлъ причины сомнѣваться, что тутъ дѣйствуетъ въ сношеніяхъ не одно родство, а есть можетъ быть, другіе замыслы.

«На доведенные до свѣдѣнія моего секретные совѣты ваши съ нѣкоторыми дагестанскими владѣльцами, на посольство ваше къ султану Хусейну, въ мѣстечкѣ Агарѣ, на посылаемыхъ людей къ измѣннику Селиму и Ибраимъ-хану, на совѣты черезъ вашихъ

довѣренныхъ людей, даваемые Шихъ-Али, на предложенія, сдѣланныя Сурхай-хану, мнѣ извѣстныя, на донесенія моихъ повѣренныхъ, кои повсюду у непріятелей Россіи видятъ вашихъ посланцовъ, и самыя перехваченныя изъ Персіи письма я равнодушно смотрѣть никакъ не могъ, и имѣю неоспоримое право, побѣдивъ неограниченную увѣренность мою, на васъ взять подозрѣніе».

Не смотря на то, главно командующій давалъ еще разъ случай Мустафѣ оправдаться въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ и, въ доказательство вѣрности хана, требовалъ, чтобы онъ обратилъ часть своихъ войскъ «на пораженіе Шихъ-Али, на поимку его или на всеконечное его истребленіе».

Человѣкъ весьма строгой жизни, но подозрительный Мустафа легко поддавался чужому вліянію. При объясненіяхъ съ полковникомъ Лисаневичемъ онъ клялся, что невиненъ, и не только не имѣлъ никакихъ сношеній съ кубинцами, но предупредилъ полковника Тихановскаго о существованіи волненія гораздо ранѣе, чѣмъ оно сдѣлалось явнымъ.

— Я считаю смѣшнымъ, говорилъ Мустафа, обвиненіе меня въ доброжелательствѣ врагу по крови, и если бы кто сыскался поймать или убить Шихъ-Али, я отъ себя далъ бы тому 10,000 червонныхъ.

Ширванскій ханъ увѣрялъ Лисаневича, что никакихъ сношеній ни съ казикумухскимъ владѣльцемъ, ни съ дагестанскими обществами онъ не имѣетъ. Мустафа не скрывалъ, однако же, что братъ его Измаилъ имѣлъ сношеніе съ Селимъ-ханомъ, но теперь, говорилъ онъ, эти сношенія пресѣчены, и недовольный Измаилъ удалился въ Кюру, чтобы оттуда пробраться въ Персію. Мустафа клялся въ своей вѣрности и предоставилъ Лисаневичу взять ширванской конницы столько, сколько онъ пожелаетъ. Лисаневичъ взялъ всего сто человѣкъ отборныхъ, и писалъ Тормасову, что Мустафа, сколько бы ни интриговалъ противъ насъ, не можетъ быть опасенъ. «За всѣмъ тѣмъ, по недовѣрчивости его характера, нужно, полагаю я, издали надзирать черезъ вѣрныхъ людей обращеніе его поступковъ, обласкивая между тѣмъ, сколько можно

болѣе, дабы умягчить природное въ немъ упорство въ недовѣрчивость».

Прибывъ къ отряду Тихановскаго и принявъ начальство надъ войсками, Лисаневичъ, не заходя въ г. Кубу, двинулся прямо противъ скопищъ Шихъ-Али, находившихся въ селеніи Эршели. Приверженцы бывшаго хана защищались не долго, и Шихъ-Али, постепенно выбиваемый изъ занимаемыхъ имъ укрѣпленныхъ позицій, принужденъ былъ удалиться въ Юхари-башъ, мѣсто, укрѣпленное самою природою, съ воинственнымъ населеніемъ, составлявшимъ лучшее кубинское войско, весьма преданное Шихъ-Али. Преслѣдуя по пятамъ отступавшихъ, Лисаневичъ двинулся къ Юхари-башу, но Шихъ-Али не выждалъ нападенія и, переправившись черезъ р. Самуръ, бѣжалъ въ Табасарань, къ зятю своему Абдула-беку.

Табасарань хотя и считалась въ подданствѣ Россіи, но подданство это было только номинальное. Въ дѣйствительности же страна эта была раздѣлена между нѣсколькими владѣльцами, другъ отъ друга не зависѣвшими и несогласными между собою. Лисаневичъ двинулся по слѣдамъ бѣжавшаго и, переправившись черезъ р. Самуръ, 25-го октября подошелъ къ сел. Эрси, гдѣ заперлись приверженцы Шихъ-Али. Непріятель открылъ огонь по приближавшемуся нашему отряду, но штыками былъ выбитъ изъ селенія; Шихъ-Али бѣжалъ къ акушенскимъ лезгинамъ. Преслѣдовать его въ трудно проходимыхъ горахъ и съ малочисленнымъ отрядомъ не было возможности, а потому Лисаневичъ, взявъ присягу съ табасаранцевъ, что они не дадутъ болѣе убѣжища бѣжавшему хану, возвратился въ г. Кубу [1]).

Съ удаленіемъ Шихъ-Али, волненія въ большей части Кубинской провинціи были прекращены, сообщеніе Кубы съ Бакою возстановлено и проѣздъ въ Дербентъ обезпеченъ.

Назначеніе Джехангира ханомъ кубинскимъ было признано неудобнымъ, такъ какъ, по донесенію полковника Лисаневича [2]), «беки и простой народъ, изъ коихъ большая часть сунни, а ханъ

[1]) Рапорты Лисаневича, отъ 21-го октября и 9-го ноября, № 75 и № 126.

[2]) Отъ 9-го ноября, № 122. Ак. Кав. Арх. Ком,, т. IV, № 1026.

шіэ, не хотятъ его имѣть» ханомъ, а поставить его противъ желанія народа значило дать пищу для новыхъ волненій. Къ тому же народъ привыкъ отчасти къ русскому правленію и, находясь подъ его охраною, не имѣлъ нужды, сверхъ платимыхъ податей, удѣлять еще и на содержаніе хана. Всѣ эти соображенія побудили Лисаневича для управленія Кубинскою провинціею учредить *диванъ* изъ трехъ бековъ, съ жалованьемъ изъ мѣстныхъ доходовъ и подъ предсѣдательствомъ старшаго воинскаго начальника, которымъ на этотъ разъ былъ оставленъ полковникъ Тихановскій.

Такими мѣрами Кубинская провинція была успокоена и Шихъ-Али долженъ былъ навсегда отказаться отъ мысли возвратить потерянное владѣніе. Тегеранскій дворъ не оказалъ ему никакого содѣйствія и, заботясь о собственныхъ интересахъ, оставилъ безъ поддержки и другаго своего эмисара, царевича Левана, отправленнаго въ Осетію для поднятія туземнаго населенія противъ Россіи.

Народъ, извѣстный подъ именемъ грузинскихъ осетинъ, составлялъ въ то время населеніе около 5,000 семействъ, занимавшихъ четыре ущелья, отдѣленныя другъ отъ друга высокими горами. По именамъ рѣкъ, протекающихъ по этимъ ущельямъ, осетины назывались: *арагвскими*, *ксанскими*, *ліахвскими* и *нарскими*.

Съ давнихъ временъ осетины находились въ подчиненіи грузинскихъ царей, управлялись поставленными царемъ лицами, преимущественно изъ грузинскихъ князей. Впослѣдствіи, нѣкоторые князья успѣли сначала сдѣлать эти назначенія наслѣдственными въ своей фамиліи, а потомъ, пользуясь различными обстоятельствами, обратили осетинъ въ своихъ крестьянъ. Такъ арагвскіе осетины, по присоединеніи Грузіи къ Россіи, были признаны казенными, но въ 1806 году, по ходатайству князя Цицianова, пожалованы въ потомственное владѣніе князьямъ Эристовымъ. Ліахвскіе осетины принадлежали частію царю, а частью князьямъ Мачабеловымъ; съ присоединеніемъ Грузіи, царскіе поступили въ казну, а прочіе остались у своихъ владѣтелей. Нарскіе осетины считали себя независимыми и состояли въ управленіи избранныхъ ими старшинъ. Живя въ горахъ и занимаясь преимущественно

грабежомъ, они не платили русскому правительству никакой подати. Находившіеся же во власти помѣщиковъ, по свидѣтельству современника, «испытывали такія насилія и жестокости, каковыя на Кавказѣ никогда не были извѣстны». Владѣльцы продавали ихъ дѣтей, отнимали женъ и лишали имущества. Осетины ненавидѣли своихъ помѣщиковъ и всегда готовы были дѣйствовать противъ русскаго правительства, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, оно отдало ихъ въ рабство грузинскимъ князьямъ.

При подобномъ настроеніи умовъ, не трудно было поднять осетинъ однимъ обѣщаніемъ лучшаго будущаго. Осетины готовы были слушать и слѣдовать за каждымъ, кто пообѣщаетъ доставить имъ свободу. Такимъ лицомъ явился изъ Персіи царевичъ Леванъ, сынъ грузинскаго царевича Юлона, находившагося въ С.-Петербургѣ и просившаго Императора Александра о прощеніи сына и о доставленіи его къ нему въ Петербургъ. Получивъ извѣстіе о появленіи Левана въ Осетіи и имѣя повелѣніе Императора удовлетворить желанію отца, Тормасовъ отправилъ въ Осетію протоіерея Картвелова, бывшаго воспитателемъ царевича, съ порученіемъ уговорить Левана вернуться въ Грузію. Царевичъ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ, мать и родственники признали надъ собою власть русскаго Императора, онъ отказался отъ нихъ и никогда не будетъ искать покровительства русскаго правительства. Послѣ такого отвѣта главнокомандующій приказалъ прекратить съ Леваномъ всякіе переговоры. «Оставьте его,—писалъ Тормасовъ правителю Грузіи [1]),—на произволъ собственной его несчастной участи, и не давая такой слабой лихорадочной головѣ чувствовать, что мы интересуемся имъ, постарайтесь довести его до такого состоянія, чтобы онъ буйную свою голову или самъ съ повинною ко мнѣ принесъ, или бы вовсе лишился оной. На это же можно сыскать способы и есть у васъ деньги».

Въ концѣ іюля 1810 года, осетины, подстрекаемые Леваномъ, напали на пограничное селеніе Цхинвалъ, ворвались въ сады, но были прогнаны бывшею тамъ ротою егерей, при содѣйствіи жителей и грузинской милиціи. По полученіи извѣстія о волненіи,

[1]) Генералу Ахвердову, отъ 5-го августа 1810 года, № 152. Ак. Кав. Арм. Ком., т. IV. № 640.

открывшемся въ Осетіи, правитель Грузіи, генералъ Ахвердовъ, прибылъ въ Цхинвалъ, чтобы успокоить встревоженныхъ жителей. Не теряя времени, онъ тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы при посредствѣ самихъ осетинъ, вообще жадныхъ до золота, достать Левана въ наши руки; но бдительность и осторожность царевича были причиною неуспѣха въ этомъ отношеніи. Скрываясь въ труднодоступныхъ мѣстахъ, Леванъ продолжалъ дѣятельно заниматься организаціею возстанія и, склонивъ на свою сторону большую часть осетинъ, сталъ производить съ ними набѣги на Карталинію, разорять жителей и угонять скотъ. Чтобы остановить подобныя вторженія и обезпечить жителей, Тормасовъ отправилъ изъ Тифлиса въ Цхинвалъ роту Кабардинскаго и роту 15-го егерскаго полковъ. «Нужно окончить,—писалъ главнокомандующій [1]),—тѣ снисходительныя мѣры, кои доселѣ были употребляемы противъ здѣшнихъ обитателей. Восьмилѣтніе опыты кротости только ихъ разбаловали и доказали на опытѣ, что для азіятца, такъ же какъ и для горячей лошади, лучшее средство есть мундштукъ—онъ дѣлаетъ ихъ послушными и кроткими.

«Вотъ доказательство, какъ они насъ обманываютъ, считая, что могутъ выплакать и выпросить себѣ прощеніе, въ чемъ бы они ни были виноваты: эти осетины, которые клялись вамъ быть ревностными исполнителями вашего приказанія и непремѣнно поймать Левана, сами теперь сдѣлались главнѣйшими мятежниками. Это не разъ уже случалось со многими здѣсь начальниками. Итакъ, сила и страхъ, страхъ и сила справедливости одни только могутъ здѣсь дѣйствовать успѣшно, а милосердія здѣшній народъ не чувствуетъ и не понимаетъ».

Съ прибытіемъ двухъ ротъ изъ Грузіи былъ составленъ наступательный отрядъ, который заставилъ Левана удалиться въ горы къ осетинамъ, принадлежавшимъ князьямъ Мочабеловымъ, и поселиться въ крѣпостцѣ Схлеби, въ 25 верстахъ отъ Цхинвала. Здѣсь въ ожиданіи прибытія, согласно обѣщанію, дяди своего, царевича Александра, съ персидскими или турецкими войсками, Леванъ волновалъ народъ, разсылалъ прокламаціи и письма, въ ко-

[1]) Генералу Ахвердову, отъ 5-го августа, № 153.

торыхъ писалъ, что царевичъ Александръ идетъ въ Грузію съ многочисленными войсками, и приглашалъ грузинъ съ собою. Наученные опытомъ, грузины не вѣрили этимъ обѣщаніямъ, но осетины, прельщенные Леваномъ, обѣщавшимъ отъ имени Баба-хана чрезвычайныя награды, отправили семейства и имущество въ трудно доступныя мѣста и собирались въ разныхъ пунктахъ большими толпами. Тормасовъ приказалъ правителю Грузіи отправить въ Осетію войска для разогнанія приверженцевъ Левана, но генералъ Ахвердовъ находилъ это неудобнымъ. «Въ нынѣшнее время,—писалъ онъ [1]),—въ горахъ, лѣсомъ покрытыхъ, невозможно ничего сдѣлать, ибо какъ Леванъ, такъ и сообщники его, осетины, на всякой горѣ и въ ущельяхъ будутъ находить безопасное укрывательство, и, дѣлая въ проходахъ засады, могутъ наносить нашимъ войскамъ вредъ, и я полагаю экспедицію при удобномъ осеннемъ времени, когда листья съ деревьевъ опадутъ, нужно сдѣлать, введя войска въ два или три ущелья вдругъ. А дабы нынѣ Левана изъ Осетіи выжить, не угодно ли будетъ позволить еще послать къ нему губ. секрет. Давида Абазадзе, находившагося при царевичѣ Юлонѣ, на сихъ дняхъ изъ Россіи прибывшаго, котораго Леванъ коротко знаетъ и который ему много можетъ сказать о жизни и желаніи его отца, съ тѣмъ, чтобы или его уговорилъ оставить свои происки и явиться, или чтобъ удалился изъ Осетіи».

Соглашаясь на посылку Абазадзе, главнокомандующій не ожидалъ отъ этого успѣха и просилъ генерала Ахвердова «сдѣлать сіе посольство не такъ, какъ бы оное было отъ правительства, а въ видѣ собственнаго усердія Давида Абазадзе къ царевичу Левану, ибо непростительно было бы со стороны правительства прибѣгать къ уваженію такому мальчику».

«Если Абазадзе,—писалъ Тормасовъ въ другомъ предписаніи генералу Ахвердову [2]), — и при сей вторичной его посылкѣ къ мятежнику Левану не успѣетъ преклонить его явиться ко мнѣ съ повинною головою, то, не теряя времени, предпишите полков-

[1]) Въ рапортѣ Тормасову, отъ 27-го августа 1810 года. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 148.

[2]) Отъ 23-го сентября 1810 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 645.

нику Сталю, съ достаточнымъ отрядомъ войти во внутренность осетинскихъ селеній и силою достать его въ наши руки или истребить вовсе какими бы то ни было средствами. Осетинскія же селенія, бунтовавшія и которыя удерживаютъ у себя и нынѣ Левана, буде они тотчасъ же его намъ не выдадутъ, наказать примѣрно силою оружія».

Поѣздка Абазадзе не увѣнчалась успѣхомъ; Леванъ отказался покориться и продолжалъ подговаривать осетинъ къ поголовному возстанію. Въ концѣ сентября получено было свѣдѣніе, что арагвскіе осетины, подъ предводительствомъ своихъ старшинъ, собираются огромными толпами, съ цѣлью поддержать Левана и возстать противъ Россіи. Для разогнанія этой толпы и усмиренія волненій былъ составленъ, подъ начальствомъ полковника Сталя, отрядъ изъ двухъ ротъ 9-го егерскаго, двухъ 15-го егерскаго и двухъ ротъ Кабардинскаго полковъ, двухъ эскадроновъ нижегородскихъ драгунъ, нѣсколькихъ казаковъ и грузинской милиціи. Раздѣлившись на двѣ колонны, отрядъ долженъ былъ вступить въ Осетію по двумъ ущельямъ: Ломоанасхевскому и Джавскому.

На разсвѣтѣ 29-го сентября правая колонна, подъ начальствомъ полковника Сталя, подошла къ селеніямъ арагвскихъ осетинъ, собравшихся здѣсь въ числѣ до 2,000 человѣкъ, для присяги Левану. Появленіе нашего отряда разстроило начатое дѣло, и осетины, успѣвъ отправить въ горы только женъ и дѣтей, открыли по наступавшимъ сильный огонь. Они упорно защищали свои селенія, расположенныя на высокихъ крутизнахъ. Бой продолжался съ семи часовъ утра до пяти вечера. Вытѣсненные отовсюду, осетины бѣжали по разнымъ направленіямъ, и полковникъ Сталь, преслѣдуя ихъ, занялъ съ боя сел. Мармазети. Не легко достигались войсками столь быстрые результаты; имъ приходилось карабкаться по горамъ безъ дорогъ, то взбираться на крутыя скалы, покрытыя лѣсомъ и усыпанныя мятежниками, то, наконецъ, спускаться въ пропасти и пробираться по глубокому снѣгу. Привычныя кавказскія войска побѣждали непріятеля, побѣждали и природу, и своимъ появленіемъ наводили страхъ на осетинъ, считавшихъ занятыя ими позиціи недоступными для значительныхъ массъ.

Другая колонна, подъ начальствомъ Нижегородскаго драгунскаго полка маіора Потлога 2-го, проходя Джавскимъ ущельемъ, имѣла также повсюду успѣхъ и заняла сел. Джавы. Главнокомандующій приказалъ, однако же, Сталю не очень вдаваться въ горы, и стараться только, чтобы осетины выдали ему Левана. На усиленіе отряда Сталя генералъ Тормасовъ отправилъ князя Константина Багратіона, съ его вооруженными крестьянами, мтіулетинцами и гудомакарцами [1]). Прибытіе этихъ подкрѣпленій дозволило полковнику Сталю перейти снова въ наступленіе и заставить осетинъ разсѣяться, а Левана бѣжать сначала въ Тебійское, а потомъ въ Нарское ущелье. Горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, не дозволяли преслѣдовать царевича, и экспедиціонный отрядъ, занявъ селеніе Нары, принужденъ былъ остановиться [2]). Пройти Нарское ущелье не было возможности, и полковникъ Сталь, оставаясь нѣкоторое время въ самомъ центрѣ Осетіи, жегъ селенія и уничтожалъ башни, служившія притономъ и убѣжищемъ для хищниковъ. Видя безполезность борьбы и опасаясь еще бо̀льшихъ разореній, осетины прислали къ Сталю своихъ старшинъ съ просьбою о помилованіи. Изъ прибывшихъ выбраны двѣнадцать человѣкъ наиболѣе почтенныхъ, которые и отправлены были въ Тифлисъ къ главнокомандующему. Повѣсивъ, по азіятскому обычаю, сабли на шею, депутаты въ такомъ видѣ прошли черезъ весь городъ [3]) и явились къ Тормасову. Послѣдній, принявъ ихъ ласково, простилъ осетинъ, приказалъ полковнику Сталю привести ихъ вновь къ присягѣ и взять обязательство, что поймаютъ и выдадутъ Левана, если бы онъ появился среди ихъ [4]).

Между тѣмъ, Леванъ, поселившись у нарскихъ осетинъ, жившихъ по сѣверному склону Кавказскихъ горъ и по сосѣдству съ кабардинцами, не считалъ еще своего дѣла проиграннымъ и надѣялся поднять населеніе противъ Россіи. Зная, что нарскіе осе-

[1]) Рапортъ Ахвердова Тормасову, 2-го октября 1810 г., № 506.
[2]) Отношеніе Тормасова генералу Симоновичу, 29-го октября, № 1686.
[3]) Поступокъ этотъ выражаетъ знакъ величайшаго униженія и покорности. Онъ почитается у горцевъ столь важнымъ, что повѣсившій себѣ саблю на шею для испрошенія пощады не можетъ быть признанъ воиномъ.
[4]) Отношеніе Тормасова военному министру 16-го декабря 1810 года. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 652.

тины ведутъ торгъ въ Моздокѣ, Тормасовъ поручилъ генералъ-маіору Дельпоццо арестовать нѣкоторыхъ изъ нихъ, а одного отправить обратно съ требованіемъ, чтобы выдали Левана, иначе всѣ арестованные будутъ сосланы въ Сибирь. Дельпоццо отправилъ посланнаго съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ царевичу покориться и прибыть къ нему.

— Да будетъ стыдно тебѣ и тому, кто писалъ это письмо,— отвѣчалъ Леванъ посланному.

Тогда главнокомандующій рѣшился добыть Левана при помощи денегъ. Онъ объявилъ, что за поимку царевича выдастъ 500 рублей награды, и поручилъ генералу Симоновичу пріискать въ Имеретіи такихъ людей, которые, войдя въ сношеніе съ царевичемъ, предложили бы ему провести его въ Ахалцыхъ, и если онъ согласится, то навели бы его на засаду. Склонить Левана ѣхать въ Ахалцыхъ казалось возможнымъ и легкимъ, потому что онъ только передъ тѣмъ получилъ письмо отъ Шерифъ-паши ахалцыхскаго.

«Теперь зима, писалъ паша Левану [1]); въ эти шесть мѣсяцевъ ты весьма потрудился, и твое имя сдѣлалось великимъ и въ Турціи, и въ Иранѣ: такъ и слѣдуетъ трудиться за свой домъ, но какъ бы кто тебя не обманулъ, чтобъ измѣнить своему дому, дядѣ (царевичу Александру) или своему имени. Если сочтешь за лучшее, возьми изъ того ущелья 10—12 лучшихъ людей и пожалуй сюда; твой дядя также прибудетъ, царь (Соломонъ) тоже здѣсь. Эту зиму мы будемъ дѣйствовать отсюда, а весною мы тебя отправимъ съ казною, войскомъ и *джабиханэ* [2]) въ ту сторону, и сами также подступимъ. Мой совѣтъ и докладъ таковъ. Если пожалуешь—твоя воля. Кто только вамъ вѣренъ,—осетинъ ли, черкесъ,—объявите мой поклонъ и мою готовность услужить имъ взаимно».

Леванъ не послушалъ совѣта паши и остался среди осетинъ. Онъ пріютился въ домѣ нарскаго старшины, который писалъ главнокомандующему, что или убѣдитъ царевича добровольно явиться

[1]) Отъ 24-го октября 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 154.

[2]) Слово персидское, означающее ящики съ порохомъ, пулями, снарядами и проч., словомъ, запасъ боевыхъ припасовъ.

*

съ покорностью. или просто выдастъ, если ему будетъ выдано 2,000 рублей, а другимъ двумъ старшинамъ пенсія по смерть.

Нарскіе осетины были раздѣлены на двѣ партіи, враждебныя другъ другу. Обѣ партіи вели съ нами переговоры о выдачѣ Левана. Тормасовъ отправилъ въ Осетію подполковника Ениколопова, съ тѣмъ, чтобы онъ предложилъ старшинамъ сначала тысячу рублей, и только, при ихъ упорствѣ, согласился на требуемую сумму. Деньги должны были быть уплочены тогда, когда Леванъ будетъ находиться въ нашихъ рукахъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ениколопову поручено было склонить нарскихъ осетинъ вступить въ подданство Россіи, присягнуть всѣмъ народомъ на вѣрность и сохранять ее ненарушимо. Въ случаѣ согласія осетинъ, предполагалось потребовать отъ каждаго большаго селенія по одному аманату, изъ дѣтей почетнѣйшихъ старшинъ. Аманатовъ обѣщано содержать на свободѣ, въ г. Гори, и черезъ каждые два мѣсяца дозволять замѣнять ихъ другими. За все это нарскимъ осетинамъ обѣщаны слѣдующія преимущества: покровительство и защита Россіи, свобода управляться по ихъ обычаямъ и собственными старшинами, которые будутъ зависѣть только отъ одного главнокомандующаго или, при отсутствіи его, отъ правителя Грузіи. Сверхъ того, осетинамъ обѣщана свобода торговли съ Грузіею, Кавказскою линіею и вообще со всѣми городами и землями, подвластными Россіи [2]).

Осетины увѣряли Ениколопова, что они всегда были вѣрны Россіи и хищничествъ не производили; что никогда не призывали къ себѣ Левана; что прибытіе его къ нимъ крайне непріятно, и тѣмъ болѣе, что онъ вошелъ въ ихъ монастырь, посвятилъ себя ему, и потому, по народному обычаю, они выдать его не могутъ. Старшины увѣряли, что они сами уговаривали царевича помириться съ русскими, но Леванъ просилъ двѣ недѣли сроку и заявилъ, что послѣ того или исполнитъ ихъ просьбу или уйдетъ къ черкесамъ [3]).

---

[1]) Предписаніе Ениколопову, 19-го іюля 1811 года, № 122. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 179.

[2]) Инструкція Ениколопову. Тамъ же.

[3]) Рап. подполков. Ениколопова Тормасову, 29-го іюля 1811 года.

— Послѣднее намѣреніе,—говорили старшины,—заставило насъ отобрать отъ Левана оружіе и лошадь, чтобы онъ не могъ уйти.

По всему видно было, что осетины не желаютъ выдать царевича, а хотятъ обмануть посланнаго, чтобы во время переговоровъ успѣть снять хлѣбъ съ полей и быть готовыми къ самозащитѣ. Съ другой стороны, и самъ Леванъ видѣлъ колебаніе осетинскихъ старшинъ, и, опасаясь быть выданнымъ, пробрался въ Имеретію, надѣясь, при содѣйствіи враждебныхъ намъ имеретинскихъ князей, проѣхать въ Ахалцыхъ, куда звалъ его Шерифъ-паша.

Царевичъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Вражда, существовавшая въ Имеретіи между фамиліями князей Эристовыхъ и Церетелевыхъ, была причиною, что Леванъ не былъ пойманъ. Ходили слухи, и очень вѣроятные, что князь Зурабъ Церетели предупредилъ царевича и далъ ему случай скрыться отъ преслѣдованій помощника рачинскаго пристава, князя Эристова [1]). Въ послѣднемъ Зурабъ видѣлъ своего врага изъ одного только опасенія, чтобы не отдали въ управленіе князя Антона Эристова весь Рачинскій округъ и осетинъ, отнятыхъ имеретинскимъ царемъ Соломономъ I отъ князей Эристовыхъ, и отданныхъ въ управленіе князьямъ Церетели. При Соломонѣ II управленіе осетинами поручено было племяннику Зураба, князю Кайхосро, а теперь дядя присвоилъ ихъ себѣ. Заботясь единственно о приращеніи собственнаго состоянія, князь Зурабъ Церетели сообразовалъ съ этимъ и свое поведеніе. Когда Соломонъ ограничилъ его алчность и отнялъ нѣсколько имѣній, Зурабъ былъ противъ царя и склонялся на сторону Россіи, надѣясь возвыситься и усилить свой авторитетъ въ Имеретіи. Не ожидая того, что въ Имеретіи будетъ введено русское правленіе, Церетели разсчитывалъ заступить мѣсто Соломона, но когда надежды бывшаго сахлтъ-ухуцеса не осуществились, онъ перешелъ въ противный лагерь и сталъ нашимъ противникомъ и тайнымъ агитаторомъ. Онъ уѣхалъ въ свое имѣніе какъ разъ въ то время, когда назначено было прочесть про-

[1]) Долгое время потомъ не было никакихъ извѣстій о Леванѣ, и, наконецъ, въ октябрѣ 1811 года генералъ Симоновичъ донесъ главнокомандующему, что Леванъ съ тремя пѣшими осетинами, пробираясь въ Ахалцыхъ, былъ заколотъ лезгиномъ въ хеобѣ, при Гогіасъ-цихе; платье его было доставлено Шерифъ-пашѣ осетинами, сопровождавшими царевича.

кламацію главнокомандующаго о сверженіи Соломона и о введеніи русскаго управленія. Предвидя, что власть его уменьшится, доходы и подарки также, князь Зурабъ помышлялъ теперь о томъ, какъ бы возстановить царское правленіе и возвратить Соломона въ Имеретію.

При всемъ желаніи князя Зураба скрыть свое поведеніе и принять на себя личину приверженности къ Россіи, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ противъ насъ. Поддерживая постоянно переписку съ сыномъ своимъ Семеномъ, бѣжавшимъ вмѣстѣ съ Соломономъ, князь Зурабъ Церетели удержалъ у себя въ домѣ дворянина Гадобрелидзе, присланнаго отъ царя съ возмутительными письмами, и потомъ, когда Симоновичъ потребовалъ, чтобы посланный былъ задержанъ, онъ отправилъ его тайно къ Соломону въ Ахалцыхъ.

«Неоспоримо то, писалъ главнокомандующій генералу Симоновичу [1]), что сотрудникъ вашъ носитъ личину и можетъ быть питаетъ въ сердцѣ вредныя какія намѣренія, но, по мнѣнію моему, еще не время приняться за него, не имѣя ясныхъ доказательствъ, кои бы могли обличить его въ невѣрности. Итакъ, необходимость заставляетъ, до времени, уважать его и ласкать. Старайтесь вести съ нимъ обращеніе самое обязательное, оказывайте ему передъ другими предпочтительное уваженіе, давайте видъ, что вы все дѣлаете съ его согласія и выставляете его передъ другими, какъ человѣка вѣрнаго, усерднаго къ Россіи, и который дѣйствуетъ согласно съ вами, дабы симъ средствомъ поселить къ нему недовѣрчивость другихъ сильныхъ въ Имеретіи фамилій и черезъ то ослабить его партію».

Послѣ бывшихъ волненій въ Имеретіи образовались двѣ партіи: одна была предана Соломону, другая—царевичу Константину. Обѣ стороны враждовали другъ съ другомъ и страшились, чтобы противники не восторжествовали. Для примиренія обѣихъ партій и вообще для скорѣйшаго усмиренія волненій, Тормасовъ признавалъ необходимымъ сдѣлать коренныя преобразованія въ управле-

[1]) Въ отношеніи отъ 7-го января 1811 года, № 3. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 457.

ніи. Онъ просилъ объявить манифестомъ о присоединеніи Имеретіи на вѣчныя времена къ Россіи и объ учрежденіи въ ней русскаго правленія по примѣру Грузіи.

Опытъ предъидущихъ лѣтъ показалъ, что назначеніе имеретинъ въ составъ правленія не оправдывало ожидаемой отъ того пользы, такъ какъ туземные князья и дворяне не принимали никакого участія въ дѣлахъ. Поэтому, при реорганизаціи управленія, было рѣшено не допускать имеретинъ въ составъ членовъ главнаго правленія, но оставить за ними тѣ должности, которыя производились по выбору общества, какъ, напримѣръ, мдиванъбековъ, помощниковъ окружныхъ начальниковъ и проч. Мѣра эта была приведена въ исполненіе, не ожидая Высочайшаго разрѣшенія, и вся Имеретія раздѣлена на шесть округовъ: Кутаисскій, Вакинскій, Рачинскій, Сачхерскій, Чхерскій и Багдадскій. Всѣ округа подчинены правителю и областному управленію, раздѣлявшемуся на три экспедиціи: исполнительную, казенную, суда и расправы. Каждый округъ управлялся окружнымъ начальникомъ, изъ русскихъ офицеровъ, и двумя его помощниками или засѣдателями, по выбору общества изъ имеретинскихъ князей или дворянъ. Представителемъ послѣднихъ былъ областной маршалъ и шесть депутатовъ изъ дворянъ, по одному отъ каждаго округа.

Для выбора должностныхъ лицъ всѣ князья и дворяне приглашены были пріѣхать въ Кутаисъ. Приглашеніе это, по свойственному азіятцамъ подозрѣнію, принято было съ большимъ недовѣріемъ. Предполагая, что ихъ призываютъ для того, чтобы, въ наказаніе за послѣдніе безпорядки, схватить и отправить въ Сибирь, князья не ѣхали въ столицу Имеретіи. Днемъ сбора было назначено 12-е января, но въ этотъ день явилось только пять-шесть князей изъ самыхъ храбрыхъ. На вопросъ Симоновича, отчего не ѣдутъ остальные, прибывшіе послѣ долгаго молчанія и пожиманія плечъ отвѣчали, что вѣроятно изъ боязни быть «*переловленными*». Убѣдившись мало-по-малу въ несправедливости своихъ опасеній, князья стали поодиночкѣ пріѣзжать въ Кутаисъ. Надѣясь, что и остальные пріѣдутъ, Симоновичъ отложилъ собраніе до 16-го числа.

«Въ самомъ дѣлѣ, доносилъ онъ [1]), къ тому времени явилось уже довольно много князей и дворянъ, хотя немалая часть изъ нихъ остановилась въ окрестностяхъ Кутаиса, въ лѣсу, и дожидалась, что будетъ съ пріѣхавшими; когда же увидѣли, что ихъ не ловятъ, то по нѣскольку человѣкъ являлись, многіе же вовсе не пріѣхали. Когда же привелъ я собравшихся въ отведенный для выбора домъ и, по приличномъ привѣтствіи, разсказывалъ имъ образъ выбиранія, посредствомъ шаровъ, съ крайнею недовѣрчивостью смотрѣли они на приготовленные на столѣ два ящика и шары, какъ бы полагали въ нихъ что нибудь волшебное или для себя роковое, и, наконецъ, пошептавъ нѣсколько времени между собою, объявили, что они имѣютъ ко мнѣ просьбу, которую напишутъ и завтра подадутъ, а послѣ уже приступятъ къ выбору».

На слѣдующій день собравшіеся дѣйствительно подали просьбу, въ которой высказывали свою готовность подчиниться русскому правленію, и когда Симоновичъ сталъ убѣждать ихъ приступить къ выборамъ, то имеретины изъявили согласіе, но просили только избавить ихъ отъ роковыхъ шаровъ. Симоновичъ согласился, и должностныя лица были избраны.

По окончаніи выборовъ, получено было приказаніе Тормасова приготовить депутатовъ къ отправленію въ Петербургъ. Объявивъ повелѣніе главнокомандующаго, Симоновичъ просилъ приступить тутъ же къ выбору депутатовъ.

— А что будетъ съ депутатами въ С.-Петербургѣ? спросили его князья,—если будущимъ лѣтомъ въ Имеретіи опять сдѣлается бунтъ?

— Бунтовать зависитъ отъ вашей воли,—отвѣчалъ Симоновичъ,—но если вы не начнете, то мужикамъ не придетъ въ голову о томъ подумать.

— А если царь придетъ къ намъ съ турецкими войсками?

— Ни онъ, ни турки не осмѣлятся вступить въ Имеретію, если вы не будете на ихъ сторонѣ.

Князья промолчали и приступили къ выбору. Избранными были: митрополитъ Евтимій Генатели, князь Григорій Церстели, сынъ

[1]) Въ рапортѣ отъ 24-го января 1811 г., № 13. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 465.

Зураба [1]), князь Сехнія Цилукидзе и Давидъ Микеладзе. Не противорѣча желанію большинства, выбранные приняли на себя званіе депутатовъ; но когда имъ объявили, что должны отправиться сначала въ Тифлисъ, а потомъ и въ Россію, то они отказались ѣхать, подъ предлогомъ, что не ручаются за спокойствіе въ Имеретіи. Заявленіе это имѣло свою долю справедливости, такъ какъ около этого времени среди туземнаго населенія появились возмутительныя письма бывшаго царя.

Передъ блокадою Ахалцыха Соломонъ переѣхалъ въ Эривань и поселился въ форштатѣ этого города. Въ Ахалцыхѣ онъ оставилъ князя Семена Церетели, сына Зураба, для поддержанія переписки и сношеній съ Имеретіею. Это послѣднее обстоятельство и появившіяся вслѣдъ затѣмъ письма заставляли Симоновича считать спокойствіе въ Имеретіи весьма шаткимъ до тѣхъ поръ, пока «царь живъ и будетъ находиться у нашихъ непріятелей, персіянъ или турокъ». Раздѣляя это убѣжденіе, Тормасовъ просилъ Симоновича приложить всѣ усилія, «чтобы намъ сбыть съ рукъ злаго врага и нарушителя спокойствія Имеретіи» [2]).

— Постарайтесь, — говорилъ главнокомандующій, — подкупить какого нибудь отчаяннаго имеретинца, обѣщая ему большія деньги и награду. Что же ему должно будетъ сдѣлать, то вашему превосходительству уже извѣстно.

«Преданность имеретинцевъ къ извѣстному человѣку, отвѣчалъ на это Симоновичъ [3]), соединенная какъ бы съ набожнымъ къ особѣ его благоговѣніемъ, не позволяетъ надѣяться, чтобы кто либо изъ нихъ могъ покуситься на его жизнь, да я же нѣсколько разъ извѣдалъ то и на опытѣ; скорѣе, кажется, можно успѣть въ семъ дѣлѣ черезъ татарина, турка или лезгина, но здѣсь народовъ сихъ вовсе нѣтъ, а нельзя ли пріискать какого удальца изъ таковыхъ развѣ въ Грузіи».

Между тѣмъ, письма Соломона оказывали вредное вліяніе на имеретинъ, и депутаты, по-прежнему, отказывались ѣхать въ Рос-

[1]) Послѣдній, по старости и слабости здоровья, отказался принять на себя званіе депутата.

[2]) Предписаніе Тормасова Симоновичу 8-го февраля. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 468.

[3]) Въ рапортѣ отъ 15-го февраля. Тамъ же, № 469.

сію. Тогда въ Гелатскомъ монастырѣ, особенно чтимомъ имеретинами, Симоновичъ вторично привелъ къ присягѣ знатнѣйшихъ лицъ и объявилъ прокламацію главнокомандующаго о прощеніи тѣхъ, которые оставятъ Соломона и вернутся въ Имеретію. При вторичной присягѣ князья успѣли внушить народу, чтобы онъ просилъ отмѣнить отправленіе депутатовъ въ С.-Петербургъ.

— Отчего же вы прежде сами избрали депутатовъ, а теперь не хотите посылать ихъ? спросилъ Симоновичъ у собравшейся передъ нимъ толпы.

Въ отвѣтъ на это общество молча подало просьбу, въ которой ссылалось на бѣдствія, постигшія Имеретію. Неурожай прошлаго года, ранніе морозы осенью и, наконецъ, волненіе народа, при усмиреніи котораго было уничтожено и потоптано много хлѣба, вызвали такой голодъ, какого не помнятъ старожилы. Полумертвыхъ отъ голода дѣтей отцы уступали навсегда тому, кто брался прокормить ихъ; нищихъ было невѣроятное множество. Отъ бывшаго глубокаго снѣга, большая часть скота, весь годъ питающагося въ полѣ, пала, такъ что въ перевозкѣ провіанта и продовольствованіи войскъ мясомъ встрѣчались непреоборимыя препятствія [1]). Сборъ податей былъ невозможенъ, и Тормасовъ принужденъ былъ отложить ихъ до августа 1811 года.

Бѣдствіе, постигшее Имеретію, было въ глазахъ недовольныхъ достаточнымъ поводомъ для отмѣны отправленія депутатовъ, и князь Зурабъ Церетели просилъ главнокомандующаго отложить эту мѣру до сентября, пока окончательно не установится спокойствіе въ Имеретіи. Тормасовъ отвѣчалъ, что въ его распоряженіи достаточно войскъ, чтобы усмирить бунтующихся [2]), и поручилъ Симоновичу настаивать на отправленіи депутатовъ и въ числѣ ихъ прислать непремѣнно князя Григорія Церетели, сына князя Зураба. «Сіе для насъ нужно потому, писалъ онъ, что сей двуличный человѣкъ, коего истинное расположеніе искусно въ немъ скрыто и который имѣетъ сильное въ Имеретіи вліяніе, когда сынъ

[1]) Рапортъ Симоновича Тормасову, отъ 25-го апрѣля 1811 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 487.

[2]) Письмо Тормасова Зурабу Церетели 24-го марта. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 480.

его будетъ находиться въ С.-Петербургѣ, не отважится явно ни на какое предпріятіе».

Главнокомандующій уговаривалъ Зураба не упорствовать въ отправленіи сына и помнить, что другой его сынъ, Семенъ, находится въ числѣ сообщниковъ бѣжавшаго царя; что двоюродный братъ его, князь Кайхосро Церетели, находится тамъ же, и что, наконецъ, Императоръ, не видя въ числѣ депутатовъ ни самого Зураба, ни одного изъ его сыновей, будетъ имѣть основаніе заключить о неискренности и маломъ усердіи его къ общимъ пользамъ Имеретіи и Россіи. Внушенія эти не подѣйствовали на Зураба, и онъ, по-прежнему, оставался противникомъ отправленія депутатовъ. «Ни оказываемое къ нему уваженіе, писалъ Симоновичъ [1]), ни ласки и обѣщаемыя награды, не могутъ возбудить въ немъ искренняго къ намъ расположенія, и онъ весьма тщательно продолжаетъ корреспонденцію съ царемъ и ахалцыхскою своею роднею, которую, если бы хотѣлъ (развѣ только кромѣ Кайхосро Церетели), давно бы всю могъ вызвать».

Не предвидя со стороны князя Зураба не только содѣйствія, а напротивъ того, одно сопротивленіе всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ нашимъ правительствомъ, Симоновичъ просилъ главнокомандующаго, подъ предлогомъ совѣщанія по дѣламъ Имеретіи, вызвать Церетели въ Тифлисъ и оставить тамъ на нѣкоторое время. Тормасовъ готовъ былъ исполнить эту послѣднюю просьбу, какъ вдругъ Зурабъ самъ изъявилъ желаніе отправиться въ столицу Грузіи, для свиданія съ главнокомандующимъ. Вслѣдъ за тѣмъ и депутаты также отправились въ Тифлисъ. Столь быстрая перемѣна въ поведеніи наиболѣе вліятельныхъ лицъ возбуждала нѣкоторое подозрѣніе и заставляла быть чуткимъ ко всему, происходившему въ Имеретіи. Оставивъ при себѣ какъ Зураба Церетели, такъ и прибывшихъ депутатовъ, Тормасовъ просилъ Симоновича зорко слѣдить за всѣми оставшимися родственниками и приверженцами бывшаго сахлтъ-ухуцеса, потому что, по словамъ главнокомандующаго, «можетъ быть въ предметѣ самого старца есть то, чтобы, если въ Имеретіи, подобно прошлому году, что

[1]) Въ рапортѣ отъ 25-го апрѣля, № 857.

либо произойдетъ, то, умывъ руки свои, подобно Каіафѣ, сказать: я былъ на службѣ Государя Императора въ отлучкѣ изъ Имеретіи и неповиненъ въ грѣхѣ имеретинцевъ [1])».

Подозрѣнія главнокомандующаго были вполнѣ основательны, и скоро открылось, что имеретины ожидали отвѣта отъ своихъ посланныхъ въ Константинополь съ просьбою о присылкѣ вспомогательныхъ турецкихъ войскъ [2]) и съ обѣщаніемъ предать себя въ полное покровительство султана. Принятые благосклонно, имеретины были обнадежены, что Порта непремѣнно окажетъ имъ помощь и приметъ подъ свое покровительство. Посланнымъ было объявлено, что турецкія войска двинутся по двумъ направленіямъ: изъ Батума на Поти и изъ Ахалцыха въ Имеретію.

Покореніе турецкихъ крѣпостей, Поти и Анапы, доставило намъ господство на всемъ сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Чернаго моря. Господство это, крайне невыгодное для Порты, заставляло ее употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы возвратить потерянныя владѣнія. Надѣясь на содѣйствіе туземнаго населенія, турецкое правительство дѣятельно готовилось къ открытію военныхъ дѣйствій и сосредоточивало войска въ Трапезондѣ, Батумѣ, Ахалцыхѣ и Карсѣ. Турки искали союза у дагестанцевъ и уговаривали владѣтеля Гуріи уступить имъ лежавшія на пути къ Поти двѣ крѣпости: Балейту и Гуріамту. Мамія не только отказалъ, но въ августѣ представилъ генералу Симоновичу полученный имъ съ нарочнымъ султанскій фирманъ на имя Хазнадаръ-оглу и письмо отъ послѣдняго.

«По полученіи нашего повелѣнія, писалъ султанъ Хазнадару, имѣете вѣдать, что, подвинутые гнѣвомъ, мы намѣрены послать, при Божіей помощи и милости нашего святаго пророка, моремъ и сухимъ путемъ войска противъ враговъ нашего закона—московскихъ войскъ, *вынуть ихъ жилы и выручить завладѣнныя ими земли наши.* Нынѣ хотя Гуріели принужденъ былъ покориться московскимъ войскамъ черезъ большія драки, но сила ихъ въ тѣхъ мѣстахъ не болѣе силъ войскъ въ Россіи находящихся,

[1]) Тормасовъ Симоновичу, 1-го іюля 1811 г. Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 500.

[2]) Рапортъ Симоновича Тормасову, 5-го іюля, № 1621.

и они надѣются на помощь грузинскаго народа, который извѣстно, что прежде сего былъ къ высочайшему двору покоренъ и какъ подданный, а русскіе изъ многихъ своихъ ухищреній привели ихъ подъ свое покровительство и считаютъ Грузію своею... Для выручения турецкихъ земель долженъ ты идти *съ разъяреннымъ сердцемъ* и вытѣснить ихъ; въ такомъ случаѣ грузинскій народъ, по-прежнему, будетъ намъ покоренъ и русскимъ непріятель; въ противномъ же случаѣ, будетъ наказанъ. Ты же, капучи-баши, имѣешь по полученіи сего нашего фирмана писать письма къ первостатейнымъ особамъ въ Грузіи и послать людей, чтобъ они отъ русскихъ отказались и были бы къ намъ, по-прежнему, покорны».

Получивъ такое приказаніе, Сулейманъ-Хазнадаръ-оглу отправилъ прокламацію владѣтелю Гуріи, его родственникамъ, духовенству, народу и всѣмъ имѣющимъ голосъ.

«Противъ враговъ нашей религіи, московскихъ гяуровъ, писалъ онъ, моремъ и сушею предназначено принять походъ, а потому сановники высокой державы въ настоящемъ священномъ году со всѣхъ сторонъ, *засучивъ рукава возможности*, съ громадною арміею двинутся противъ названныхъ гяуровъ, и съ цѣлью истребленія и уничтоженія ихъ и отторженія крѣпостей, владѣній и земель мусульманскихъ, покоренныхъ ими, выказываютъ стремленіе. Теперь, во вниманіе къ тому, что жители Грузіи съ давняго времени считаются зависящими отъ высокой державы почти въ качествѣ ея подданныхъ и во вниманіе къ тому, что (тѣ гяуры) насмѣхаются надъ вашими эмирами, завладѣли вашими владѣніями и причинили униженіе вашимъ фамиліямъ, въ настоящее радостное время, по высочайшему повелѣнію шехинъ-шаха (султана), отовсюду предпринимается движеніе противъ нихъ: на Тифлисъ пойдетъ эрзерумскій вали и сераскиръ восточной части, счастливѣйшій Эмінь-паша; черезъ Ахалцыхъ идетъ начальникъ чалдырскій, счастливѣйшій Мамедъ-Шерифъ-паша, съ значительною арміею; отъ моря мы, сераскиръ прибрежья Чернаго моря, управляющій прибрежными санджаками Чернаго моря, съ множествомъ приготовленій и походныхъ потребностей и большою арміею, выступимъ изъ Трепизонда и, по милости Аллаха, въ близ-

кое время прибудемъ на Батумское поле и оттуда двинемся на истребленіе русскихъ гяуровъ въ Поти и для очищенія отъ нихъ тѣхъ мѣстностей».

Съ своей стороны Мехмедъ-Эминь эрзерумскій увѣдомилъ князя Мамію Гуріеля, что весною, когда Хазнадаръ и Шерифъ-паша съ 80,000 человѣкъ двинутся противъ Россіи, онъ придетъ къ нимъ на помощь съ 10,000 человѣкъ. Турки надѣялись поднять всю Имеретію, овладѣть Гуріею и осадить крѣпость Поти. Послѣдняя была въ неудовлетворительномъ состояніи: два бастіона ея были повреждены, и хотя исправленіе ихъ было начато еще въ 1810 году, но за недостаткомъ рабочихъ подвигалось весьма медленно. Вмѣсто 36 орудій, полагавшихся на вооруженіи, въ Поти было только 8 турецкихъ орудій, да и тѣ требовали исправленія; лафетовъ, годныхъ для стрѣльбы, было только три, а боевыхъ припасовъ весьма ограниченное число. Находившіяся въ Поти пять ротъ Бѣлевскаго полка были переполнены больными, и случалось, что здоровыхъ не хватало для смѣны карауловъ. Не смотря на то, полкъ занимался рубкою лѣса вокругъ крѣпости, починкою ея брустверовъ, развозкою и переноскою провіанта. Для исправленія работъ въ крѣпости было вытребовано, съ большими затрудненіями, до 100 человѣкъ рабочихъ изъ Мингреліи, которые, съ наступленіемъ зимы, были распущены, потому что «по наготѣ своей не могли работать», а по неимѣнію съѣстныхъ припасовъ принуждены были отправиться за ними домой.

Укрѣпленіе Редутъ-кале, расположенное на песчаномъ берегу моря, не имѣло вовсе рва и состояло изъ небольшаго вала, перейти черезъ который не составляло никакого труда. Казармы и офицерскія строенія пришли въ совершенную негодность; соляной магазинъ—также, и ожидаемую изъ Крыма соль пришлось отправить въ Поти. Для защиты Редутъ-кале необходимо было не менѣе двухъ ротъ, и, такъ какъ взять ихъ было не откуда, то Симоновичъ считалъ лучшимъ уничтожить это укрѣпленіе, а взамѣнъ его построить таковое за р. Циви, на что и получилъ разрѣшеніе главнокомандующаго. Вообще, всѣ крѣпости, находившіяся на берегу Чернаго моря, требовали самостоятельной обороны, а между тѣмъ число нашихъ войскъ было весьма мало для того простран-

ства, которое приходилось оборонять, среди населенія, мало намъ преданнаго, и мѣстности, чрезвычайно неудобной для обороны. Чтобы сколько нибудь облегчить свое положеніе, Тормасовъ старался обласкать преданнаго намъ абхазскаго владѣльца Сеферъ-Али-бея и содѣйствовать прочнѣйшему утвержденію его въ Абхазіи.

Положеніе его въ это время было еще очень шатко. Хотя въ началѣ 1810 года Сеферъ-Али-бей, названный при святомъ крещеніи Георгіемъ, и былъ принятъ въ подданство Россіи со всѣмъ его владѣніемъ, но подданство это было лишь номинальное, такъ какъ въ Абхазіи существовала борьба партій, и партія Арсланъ-бея была едва-ли не сильнѣйшею. Сеферъ-Али-бей принужденъ былъ удалиться изъ Абхазіи сначала въ Мингрелію, а потомъ въ Кутаисъ, гдѣ и получилъ увѣдомленіе отъ главнокомандующаго о пожалованіи ему высочайшей граматы съ инвеститурою, ордена св. Анны 1-го класса и пенсіона по 2,500 руб. въ годъ. Симоновичъ совѣтовалъ Сеферу немедленно отправиться въ Абхазію, чтобы съ должною церемоніею принять тамъ знаки, пожалованные Императоромъ, но, доносилъ Симоновичъ, «онъ мнѣ объяснилъ, что весьма для него опасно принять оные въ теперешнее время, когда соперникъ, братъ его, владѣетъ Сухумомъ и, слѣдовательно, почти всею Абхазіею, и что онъ, услышавъ объ утвержденіи его владѣльцемъ, будучи самъ утвержденъ отъ Порты, непремѣнно нападетъ на него съ турецкими войсками, разоритъ и выгонитъ изъ Абхазіи» [1]). Сеферъ-Али-бей просилъ отложить церемонію принятія регалій до тѣхъ поръ, когда русскія войска овладѣютъ Сухумомъ.

Послѣднее обстоятельство состоялось 9-го іюля 1810 года. Въ этотъ день, въ три часа пополудни, эскадра, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Додта, подошла къ кр. Сухуму и открыла огонь со всѣхъ судовъ. Къ вечеру большая часть амбразуръ была разрушена, почти всѣ лафеты подбиты, и турки отвѣчали рѣдкими выстрѣлами. Всю ночь флотилія поддерживала огонь и на утро непріятельскихъ войскъ на стѣнахъ крѣпости уже не было

[1]) Рапортъ Симоновича Тормасову, 7-го іюля 1810 г. Ак. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 570.

видно; стоявшія не рейдѣ суда были потоплены, дома горѣли и разрушались. Капитанъ-лейтенантъ Додтъ приказалъ свезти десантъ, и въ 11 часовъ утра русскія войска вступили въ крѣпость, въ которой найдено 60 орудій. Сухумъ былъ занятъ двумя ротами 4-го морскаго полка, къ которымъ впослѣдствіи была присоединена рота Бѣлевскаго полка. Жившіе въ окрестности Сухума абхазцы приходили во множествѣ съ покорностью; два брата Сеферъ-бея, Баталъ и Хасанъ-бей, прибыли со всѣмъ своимъ родствомъ и изъявили покорность Россіи. Арсланъ-бей бѣжалъ въ горы, а Сеферъ-бей, прибывъ въ Сухумъ въ сопровожденіи 100 человѣкъ пѣхоты, принялъ съ особою церемоніею Высочайшую грамату и знаки инвеституры и вступилъ въ управленіе Абхазіею, подъ именемъ Георгія Шервашидзе. Признавшіе его власть абхазцы недолго оставались покойными. Привыкшіе къ своеволію, они подчинялись тому, кто имѣлъ больше денегъ, и скоро перешли на сторону соперника Георгія, его брата Арсланъ-бея. Послѣдній, захвативъ послѣ смерти отца большую часть его богатства, могъ дарить вещи и деньги необходимымъ ему людямъ и потому имѣлъ много преданныхъ. Съ ними онъ дѣлалъ постоянные набѣги въ Абхазію, грабилъ и разорялъ жителей, преданныхъ Россіи и Георгію Шервашидзе.

Безпорядки въ странѣ продолжались и затрудняли положеніе главнокомандующаго. Онъ долженъ былъ ожидать вторженія турокъ, а между тѣмъ на содѣйствіе въ боевомъ отношеніи туземнаго населенія разсчитывать было нечего, и весьма трудно было рѣшить, кому оно было болѣе предано: намъ или туркамъ? Въ Мингреліи существовала борьба партій, преслѣдовавшихъ различныя цѣли и парализовавшихъ боевыя силы страны; если одна партія сохраняла преданность Россіи, то другая готова была присоединиться къ нашимъ противникамъ. Князь Мамія Гуріель былъ преданъ Россіи, но народъ, по стариннымъ связямъ и сосѣдству, былъ приверженъ къ туркамъ и готовъ при первомъ случаѣ присоединиться къ нимъ. Въ Имеретіи также трудно было разсчитывать на содѣйствіе простаго населенія и тѣмъ болѣе, что бывшій царь Соломонъ снова явился въ Ахалцыхѣ. Здѣсь онъ рѣшился ожидать прибытія турецкихъ

войскъ, съ которыми и намѣренъ былъ вступить въ Имеретію. Ожиданія его оказались, однако же, напрасными. Турки не считали себя достаточно сильными, чтобы открыть наступательныя дѣйствія, и оставались неподвижными. Заразительная болѣзнь, распространившая по всему Ахалцыхскому пашалыку, разрушила всѣ намѣренія турокъ, и въ ихъ войскахъ открылись побѣги въ большихъ размѣрахъ.

Видя, что на иноземную помощь разсчитывать нечего, Соломонъ рѣшился войти въ сношеніе съ Тормасовымъ. Онъ отправилъ ему письмо, въ которомъ высказывалъ то печальное положеніе, въ которомъ находится, и просилъ о возвращеніи ему собственныхъ его вещей и вещей его приближенныхъ.

«Сожалѣю искренно, отвѣчалъ главнокомандующій [1]), о непріятностяхъ, вами претерпѣваемыхъ и васъ преслѣдующихъ, но нимало не считаю себя причиною оныхъ. Ваше высочество ясно теперь видите, что, конечно, судьбамъ Всевышняго угодно было, чрезъ происшедшее съ вами, научить васъ, что власти земныхъ владыкъ, свыше надъ нами предназначенныхъ, должно покоряться и имѣть полную довѣренность къ неограниченной ихъ благости. Кто же тутъ виною, если вы не дождавшись счастливой участи, васъ ожидавшей, были увлечены совѣтами вашихъ приближенныхъ въ море бѣдствій, въ коемъ нѣтъ вамъ другаго спасенія, какъ только прибѣжище къ собственному вашему разсудку. Замѣтьте притомъ, ваше высочество, что Божья правосудная десница отяготѣла и надъ тѣми, кои, совративъ васъ съ пути истины, сдѣлали вамъ сіе зло, ибо теперешняя ихъ участь вамъ довольно извѣстна. Впрочемъ, всеблагій Творецъ каждое человѣческое существо надѣлилъ небеснымъ даромъ, святою надеждою на неотступное земныхъ владыкъ къ бѣдствующимъ милосердіе, представляющее въ нихъ часть самого божества, слѣдственно путь къ истинному благополучію отверзтъ во всякое время каждому человѣку, если только онъ шаги свои будетъ направлять къ побужденіямъ чистосердечнаго раскаянія и совѣтамъ здраваго разсудка. Тогда, навѣрное, онъ достигнетъ своей цѣли, т. е. къ сла-

[1]) Въ письмѣ Соломону, отъ 22-го іюля 1811 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 504.

достному утѣшенію въ испытанныхъ горестяхъ и мирному пристанищу».

Получивъ это письмо, Соломонъ готовъ былъ послѣдовать совѣту главнокомандующаго и отправилъ къ нему новаго посланнаго съ заявленіемъ полнаго раскаянія и увѣдомленіемъ, что Шерифъ-паша ахалцыхскій имѣетъ желаніе вступить со всѣмъ своимъ владѣніемъ въ подданство Россіи. Тормасовъ командировалъ въ Ахалцыхъ подполковника Болецова, съ порученіемъ показать условія, на которыхъ паша можетъ вступить въ подданство и какія представляются ему выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Болецовъ долженъ былъ убѣдить Соломона явиться съ покорностію къ главнокомандующему [1]).

«Раскаяніе, отвѣчалъ ему главнокомандующій [2]), было всегда неразлучною подругою спокойствія; обѣ вмѣстѣ непремѣнно доведутъ васъ въ отверстый для нихъ храмъ вѣрной ихъ родственницы—безмятежнаго счастія. Итакъ, если вы желаете себѣ добра, то послѣдуйте гласу здраваго вашего разсудка и самой истины, примите безотлагательно въ спутники ваши спхъ двухъ пріятельницъ, и тогда самое благоденствіе ваше будетъ съ вами неразлучно. Если же притомъ вы къ храму счастія, по имѣющейся у васъ надеждѣ, приведете еще и любимую сестру счастія—усердіе, увѣнчанное успѣхомъ въ вашемъ намѣреніи, то услуга, которую вы окажете сему щедрому божеству, привлечетъ къ вамъ сугубыя неожиданныя милости».

Съ этимъ письмомъ былъ отправленъ къ Соломону архимандритъ Венедиктъ, черезъ котораго шли всѣ переговоры и переписка съ бывшимъ царемъ. «Священная особа, писалъ при этомъ главнокомандующій, вамъ доброжелательная, отъ коей вы получите сей залогъ всегдашняго расположенія моего къ вашимъ пользамъ, словесно васъ увѣритъ въ откровенныхъ моихъ чувствованіяхъ и настоящихъ мысляхъ. Прошу ваше высочество повѣрить его словамъ, ибо оныя сопряжены съ моею честью».

Тормасовъ просилъ Венедикта «обратить сію погибшую особу

---

[1]) Предписаніе Тормасова Болецову, отъ 17-го августа 1811 г. Акты Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1241.

[2]) Отъ 22-го августа, № 139. Тамъ же, № 508.

на путь правый» и склонить его къ безотлагательному прибытію въ Грузію. Главнокомандующій обѣщалъ принять его со всѣми почестями и ручался, что если бы Соломонъ не пожелалъ имѣть у себя почетнаго караула, то въ окружности того дома, который онъ будетъ занимать, не будетъ ни одного солдата.

Подстрекаемый лицами, недоброжелательными Россіи, и малодушный по характеру Соломонъ не повѣрилъ обѣщаніямъ Тормасова и предпочелъ остаться на чужбинѣ.

XVIII.

Приготовленія Персіи и Турціи къ открытію военныхъ дѣйствій.—Состояніе кавказской линіи.—Положеніе поселенныхъ казаковъ и предположеніе о преобразованіи ихъ административнаго устройства.—Мѣновая торговля, какъ средство къ сближенію съ горцами.—Положеніе Закавказья въ началѣ 1811 года.—Увольненіе Тормасова отъ управленія краемъ.—Внутреннія преобразованія.

Въ концѣ 1810 года Персія и Турція, по настоянію Англіи, заключили между собою союзно-наступательный трактатъ противъ Россіи, и тогда же Порта отправила къ Баба-хану своего визиря-азима (великаго визиря), который въ началѣ 1811 года проѣхалъ черезъ Тавризъ въ Тегеранъ съ большою суммою денегъ.

Баба-ханъ принялъ посланнаго съ большимъ почетомъ, обѣщалъ точно исполнить данныя обязательства и приступилъ къ значительнымъ военнымъ приготовленіямъ. Въ Персіи заготовлялся провіантъ, увеличивалась численность артиллеріи и формировались регулярныя войска, извѣстныя подъ именемъ *сарбазовъ*. Англія щедрою рукою сыпала деньги для того только, чтобы поддержать въ Тегеранѣ непріязнь къ Россіи. Въ 1810 году она доставила въ Персію 20 тыс. ружей, а теперь замѣнила своего агента полномочнымъ министромъ, въ свитѣ котораго было отправлено много инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, предназначенныхъ для обученія персіянъ литью орудій, исправленію крѣпостей и постройкѣ новыхъ. По предложенію прибывшихъ офицеровъ, въ Персіи уменьшено было число кавалеріи и, взамѣнъ того, приступлено къ увеличенію числа пѣхоты и къ формированію новыхъ полковъ.

*

«Все сіе, доносилъ Тормасовъ [1]), ежели при началѣ не будетъ рѣшительнымъ ударомъ ниспровергнуто, можетъ сихъ сосѣдей Грузіи, при столь дѣятельной помощи посторонняго вліянія, сдѣлать, наконецъ, опасными. Донынѣ персидскія напряженія противу насъ состоятъ въ дѣйствіи многочисленными дикими народами, Грузію окружающими, коихъ правительство персидское съ помощію англійскаго золота возбуждаетъ къ возмущеніямъ и набѣгамъ, а войска Его Императорскаго Величества принуждаетъ быть вездѣ въ оборонительномъ положеніи. Отнять же у Персіи способъ воевать чужими руками есть, по мнѣнію моему, единый тотъ, чтобы нанести внутри государства сильный ударъ, послѣ чего хищные сосѣди Грузіи могутъ нами самими употреблены быть орудіемъ противъ Персіи; но для сей операціи надобно въ здѣшній край ввести еще дивизію войскъ, которая бы заняла кордонную стражу кавказской линіи и привела въ устройство разныхъ горскихъ народовъ, обитающихъ въ горахъ Кавказскихъ; а войска 19-й дивизіи, нынѣ линію занимающія, какъ уже пріобыкшія къ здѣшнему климату, и войска 20-й дивизіи, находящіяся здѣсь, могутъ войти двумя колоннами въ самое сердце Персіи и въ одну кампанію окончить всѣ дѣла здѣшняго края, занять нужныя границы, усмирить всѣхъ хищныхъ народовъ, удалить навсегда отъ Персіи всѣхъ иностранныхъ совѣщателей и, сдѣлавъ съ персіянами союзъ, заставить ихъ просвѣщаться подъ нашими наставленіями, не принимая вліянія другихъ державъ».

Персіяне сами чувствовали, что рано или поздно Россія будетъ имѣть на нихъ вліяніе гораздо большее, чѣмъ всѣ остальныя европейскія державы. Истинно государственные люди сознавали всю пользу отъ союза съ Россіею. Они знали, что льстивыя обѣщанія тогдашнихъ союзниковъ Персіи не могли быть надежны, что Франція весьма отдалена, что Англія хотя и утвердилась въ Бендеръ-Буширѣ на берегу Персидскаго залива, но непрочно; что Порта Оттоманская, по различію религіи, всегда была и будетъ врагомъ Персіи, и хотя черезъ постороннее вліяніе обѣ державы доведены до союза, но союзъ этотъ не можетъ быть продолжите-

[1]) Военному министру, отъ 8-го марта 1811 г. Акты. Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1152.

ленъ. Вотъ почему тегеранскій дворъ, приготовляясь къ открытію военныхъ дѣйствій, въ то же самое время старался убѣдить Тормасова въ своемъ миролюбивомъ расположеніи. Мирза Безюркъ отправилъ письмо армянскому патріарху Ефрему, прося его узнать о причинѣ, почему русскіе не желаютъ заключить перемирія, тогда какъ Персія искренно того желаетъ. Тормасовъ объяснилъ Ефрему всѣ подробности переговоровъ и, имѣя достовѣрныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ персіянъ къ открытію военныхъ дѣйствій, сообщилъ, какъ бы въ видѣ секрета, что по его ходатайству въ скоромъ времени будетъ прислано 50 тыс. войскъ для окончательнаго рѣшенія дѣлъ съ Персіею [1]).

Сообщеніе это произвело на тегеранскій дворъ впечатлѣніе, противоположное тому, какое ожидалъ главнокомандующій. Тормасовъ надѣялся своимъ заявленіемъ побудить персіянъ къ скорѣйшему заключенію мира, такъ сказать, постращать ихъ, но на дѣлѣ вышло совершенно противное. Тегеранскій дворъ вывелъ заключеніе, что русское правительство не идетъ на мирныя соглашенія, потому что желаетъ сдѣлать новыя территоріальныя пріобрѣтенія. Баба-ханъ рѣшился энергически противиться такимъ притязаніямъ Россіи и спѣшилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Находившимся вблизи нашей границы персидскимъ отрядамъ приказано открыть наступательныя дѣйствія, состоявшія въ томъ, что, собравшись въ разныхъ пунктахъ, по нѣсколько сотъ человѣкъ, персіяне врывались въ наши предѣлы, нападали на первыя встрѣчныя селенія, жгли дома, поля, уводили беззащитныхъ людей, скотъ и затѣмъ быстро уходили въ свои предѣлы. Высылаемыя противъ нихъ наши войска обыкновенно приходили на мѣсто грабежа въ то время, когда персіянъ уже не было. Нашей пѣхотѣ трудно было угоняться за конными хищниками, и, слѣдовательно, прекратить подобные набѣги и грабежи можно было только при содѣйствіи мѣстнаго населенія и правителей мусульманскихъ провинцій. На содѣйствіе послѣднихъ не только нельзя было разсчитывать, но главнокомандующій долженъ былъ считать выгоднымъ для себя то, что они оставались покойными и без-

[1]) Тормасовъ графу Румянцеву, отъ 24-го февраля 1811 г., № 31.

участными къ тѣмъ постояннымъ внушеніямъ, которыя получали изъ Персіи и Турціи.

Обѣ державы отправили въ Дагестанъ, въ Закубанье и въ мусульманскія провинціи своихъ агентовъ съ возмутительными фирманами. Одинъ изъ такихъ турецкихъ посланныхъ былъ задержанъ Джафаръ-Кули-ханомъ шекинскимъ, арестованъ, и бывшіе при немъ 32 пакета представлены главнокомандующему. Изъ всѣхъ фирмановъ, найденныхъ въ этихъ пакетахъ, видно было, что Порта употребляла чрезвычайныя усилія къ тому, чтобы съ открытіемъ военныхъ дѣйствій поднять все мусульманское населеніе края, какъ подвластное Россіи, такъ и многочисленныя горскія племена, жившія по сосѣдству съ Кавказскою линіею. Всѣ правовѣрные во имя вѣры призывались къ возстанію противъ невѣрныхъ и къ совокупному дѣйствію противъ Россіи.

Кабардинское духовенство прежде другихъ откликнулось на такое приглашеніе и приняло дѣятельное участіе въ волненіи народа. Муллы собирались для совѣщаній, на которыхъ прежде всего постановляли прекратить всякіе ссоры, споры, обиды и дружно соединиться противъ общаго врага мусульманъ. Стремясь къ объединенію горскихъ племенъ, муллы являлись опасными для насъ проповѣдниками и по доходившимъ свѣдѣніямъ достигали своей цѣли. Разнообразныя племена закубанцевъ были близки къ соединенію и производили весьма частые набѣги въ Ставропольскій и Александровскій уѣзды. Для наказанія ихъ генералъ Булгаковъ ходилъ съ отрядомъ на р. Бѣлую (Шавкучу), разорялъ ихъ селенія, бралъ штурмомъ завалы, проникалъ въ такія мѣста, которыя горцы считали недоступными [1]); но всѣ эти экспедиціи не приводили ни къ какому конечному результату. Отправивъ, съ приближеніемъ нашихъ отрядовъ, свои семейства и имущество въ горы, закубанцы скоро устраивали свои незатѣйливыя хижины на новыхъ мѣстахъ или возвращались на старыя и хищничали по-прежнему. За неимѣніемъ достаточнаго числа войскъ, мѣстное начальство принуждено было сдѣлать распоряженіе, чтобы жители не ходили поодиночкѣ въ лѣсу, остерегались въ ночное время

[1]) Воен.-Учен. Арх., д. 3873, ч. II.

оставаться въ полѣ; чтобы учредили между собою караульную очередь и дозорный обходъ и имѣли при себѣ оружіе, для отраженія внезапнаго нападенія непріятеля.

Съ этою цѣлью всѣмъ чиновникамъ были розданы ружья. Для защиты селеній отъ хищниковъ приказано окопать ихъ рвомъ, обнести валомъ и составить изъ жителей команду, которую и подчинить офицерамъ. Тѣмъ жителямъ, которые не имѣли ружей, въ случаѣ тревоги, приказано выходить съ косами на сборные пункты, избираемые преимущественно въ церковной оградѣ, какъ наиболѣе удобной для обороны. Впереди станицъ выставлялись бекеты, а у входовъ — часовые на цѣлыя сутки; пушечный выстрѣлъ былъ сигналомъ тревоги и просьбою о помощи у сосѣднихъ отрядовъ войскъ.

Постоянное тревожное состояніе, въ которомъ находились жители, съ теченіемъ времени, дѣлало ихъ отчасти равнодушными къ опасностямъ, и находившіеся на постахъ казаки часто занимали ихъ въ половинномъ числѣ, по ночамъ спали и не слыхали, какъ хищники проходили мимо ихъ не болѣе какъ въ 20-ти шагахъ. Часто путеводителями горцевъ въ ихъ набѣгахъ были армяне, имѣвшіе тѣсную связь съ черкесами. Они сообщали горцамъ число нашихъ войскъ, стоявшихъ на границѣ, указывали мѣста, удобныя для переправы хищниковъ, и служа имъ проводниками, получали за это часть добычи [1]).

«Довольно извѣстно по всей линіи, писалъ впослѣдствіи Дюкъ-де-Ришелье [2]), сколь вредны для насъ торговые промыслы армянъ съ горскими народами. Сіи безчеловѣчные, не чувствуя благодѣяній Россійской державы, принявшей ихъ подъ свое покровительство, жертвуютъ долгомъ чести и благодарности для своего корыстолюбія. Ненавистный торгъ плѣнными россійскими подданными единственно черезъ нихъ производится: нужно спросить только тѣхъ, которыхъ несчастіе привело въ ихъ руки, чтобы удостовѣриться, что жестокіе поступки ихъ съ сими несчастными превосходятъ всѣ мѣры. Сами черкесы гораздо лучше обращаются съ своими плѣнными, нежели армяне. Кромѣ того, они достав-

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1254.
[2]) Въ отношеніи Ртищеву, отъ 23-го октября 1811 г., № 4087.

ляютъ закубанскимъ народамъ, намъ непріязненнымъ, разные товары, даже сѣру, порохъ, свинецъ, и, что всего ужаснѣе, служатъ имъ проводниками при нападеніяхъ на границы наши, показывая дороги, которыя имъ извѣстны, потому что они, живя съ нами, имѣютъ случай обо всемъ подробно освѣдомиться. Такіе поступки тѣмъ отвратительнѣе, что нахичеванскіе армяне, называющіеся россійскими подданными и облагодѣтельствованные Россіею, суть по большей части главнѣйшими орудіями несчастій, случающихся на линіи».

Эти несчастія, тяжело отзываясь на населеніи, не могли быть оставлены безъ вниманія, и начальство пришло къ убѣжденію въ необходимости подвинуться впередъ и, занявъ часть территоріи горцевъ, сократить линію обороны, занимавшую въ то время болѣе 700 верстъ протяженія.

На этомъ основаніи было предположено учредить посты: одинъ на р. Сунжѣ, при селеніи Казахъ-кичу, другой — въ 35-ти верстахъ отъ селенія Назранъ и третій еще ниже по р. Сунжѣ. Такимъ образомъ, явилась бы новая линія впереди р. Терека, но для защиты ея необходимо было не менѣе трехъ баталіоновъ пѣхоты, а этого числа войскъ взять было не откуда, хотя никто не отрицалъ, что завладѣть всею р. Сунжею до самаго впаденія ея въ р. Терекъ было бы весьма полезно для насъ. Тогда отошло бы въ наши предѣлы значительное пространство земли, покрытой лѣсомъ, служившимъ постоянно мѣстомъ сбора для хищниковъ.

Увеличеніе на линіи русскаго поселенія, конечно, лучше всего удовлетворило бы этой послѣдней цѣли, и наше правительство, начиная съ 1800 года, принимало мѣры къ водворенію на Кавказской линіи поселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Переселеніе это шло, однако же, весьма медленно, а охотниковъ находилось весьма мало. Такъ, въ 1800 году прибыли въ селеніе Безопасное, Ставропольскаго уѣзда, только одна семья, въ которой было двѣ души мужескаго пола. Затѣмъ, число поселенцевъ постепенно увеличивалось, и въ 1811 году на Кавказской линіи было поселено изъ великорусскихъ губерній 1,631 семья,

въ числѣ которыхъ насчитывалось 4,901 человѣкъ мужескаго пола [1]).

При водвореніи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ жительства межевая коммисія принуждена была отрѣзать для нихъ часть земли, принадлежавшей казакамъ, и лишить послѣднихъ искони принадлежавшихъ имъ земельныхъ участковъ. Въ 1811 году на Кавказской линіи было *три* поселенныхъ войска, *пять* казачьихъ полковъ и *одна* горская команда.

Въ нихъ насчитывалось:

Поселенныя войска:

	Офицеровъ.	Казаковъ.
Въ Терскомъ-Кизлярскомъ . . .	57	239
» Терскомъ-Семейномъ	13	1,115
» Гребенскомъ	32	1,913
Казачьи полки:		
Въ Моздокскомъ полку	43	4,109
» Волгскомъ	42	2,440
» Хоперскомъ	51	2,829
» Кубанскомъ	24	2,556
» Кавказскомъ	22	3,617
» Моздокской горской командѣ .	6	97
Итого . .	290	18,915 [2])

[1]) Въ 1802 году, въ 36-ти верстахъ отъ Георгіевска, близъ константиногорскихъ минеральныхъ водъ, поселилась колонія шотландцевъ, съ цѣлью учредить въ горахъ протестантское миссіонерство. Въ 1810 году населеніе колоніи увеличилось прибытіемъ 123 человѣкъ нѣмцевъ изъ саратовскихъ колоній. Въ 1804 году переселилось на линію 146 семей (403 человѣка мужескаго пола), въ 1805 году 178 семей (420 чел. мужеск. пола), въ 1806 году 277 семей (727 чел. мужск. пола), въ 1807 году 362 семьи (1,006 чел. муж пола), въ 1808 году три семьи (9 чел. муж. пола), въ 1809 году 151 семья (396 чел. муж. пола) и въ 1810 году 224 семьи (603 чел. муж. пола). Всѣ эти переселенцы были водворены въ селеніяхъ: Безопасномъ, Преградномъ, Медвѣжскомъ, Лѣтникскомъ, Пещанокопскомъ, Среднеегорлыцкомъ, Новалександровскомъ, Успенскомъ и Новоегорлыцкомъ. Сверхъ того, въ 1810 году было переселено изъ Курской губерніи 217 семей (912 чел. муж. пола) и изъ Тульской губерніи 73 семьи (395 чел. муж. пола). Онѣ были поселены въ Ставропольскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ: Новорожественскомъ, Рожественскомъ, Новотроицкомъ и Покровскомъ; въ Георгіевскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ: Верхне-Подгорномъ и Нижне-Подгорномъ и Александровскаго уѣзда въ селеніи Медвѣдицкомъ.

[2]) Общій итогъ женскаго пола простирался до 19,461 души.

Постоянныя жалобы казаковъ на стѣсненіе ихъ земельными участками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимость въ лучшемъ охраненіи Кавказской линіи вызвали предположеніе о переселеніи казаковъ на новыя мѣста. При этомъ предполагалось преобразовать поселенные полки и дать имъ такое устройство, чтобы они могли выставить большее число казаковъ для сторожевой службы.

Съ этою цѣлію предполагалось станицы: Донскую, Московскую, Ставропольскую, Сѣверную, Александровскую, Темнолѣсскую и Воровколѣсскую, какъ удаленныя отъ передовыхъ постовъ, подвинуть къ Кубани, и поселить на пространствѣ отъ Прочнаго окопа до Баталпашинской переправы, а одну изъ нихъ въ вершинѣ Кумы или Подкумка. Георгіевскую станицу предположено подать въ вершину рѣки Залки, а станицы Марьинскую и Павловскую переселить на р. Малку. Переселеніе произвести въ два года, сначала четыре первыя станицы, а на второй годъ остальныя.

Переселяя казаковъ на новыя мѣста, правительство намѣрено было составить изъ всѣхъ поселенныхъ войскъ одно, назначить имъ общаго атамана, отвести землю, предоставить, въ видѣ льготы, пользоваться безденежно солью изъ озеръ и дозволить торговать между собою виномъ.

Ссылаясь на свое бѣдственное состояніе и постоянное разореніе отъ набѣговъ и хищничества горцевъ, казаки просили не переселять ихъ, такъ какъ переселеніе это вызвало бы еще большее экономическое разстройство. Входя въ положеніе казачьяго населенія, Тормасовъ предполагалъ: казаковъ не переселять, но привести въ извѣстность ихъ земли, опредѣлить привилегіи и увеличить число служащихъ казаковъ.

Главнокомандующій находилъ, что если къ казакамъ присоединить окоченскихъ и новокрещеныхъ татаръ, кочевавшихъ въ степи и жившихъ около Кизляра, то можно будетъ составить двѣнадцать полковъ, а если, сверхъ того, обратить въ казаки тысячу семействъ казенныхъ поселянъ Кавказской губерніи, то, въ такомъ случаѣ, число служащихъ казаковъ можно будетъ довести до 10,000 человѣкъ [1]).

[1]) Отношеніе главнокомандующаго военному министру, 28-го февраля 1811 г., № 52.

Цифра эта болѣе чѣмъ вдвое превышала число дѣйствительно служащихъ казаковъ [1]) и, конечно, послужила бы къ значительно большему обезпеченію Кавказской линіи отъ хищническихъ набѣговъ горцевъ.

«Устроеніе Кавказской линіи, писалъ Тормасовъ [2]), сіе мудрое предначертаніе, необходимое для удержанія сильнаго народа, состоящаго хотя въ зависимости, но не въ прямомъ подданствѣ, не могло быть принято ими (кабардинцами) равнодушно; они взирали на учрежденіе сіе неспокойнымъ окомъ и даже старались испровергнуть оное, но, испытавъ недостатокъ силъ своихъ противъ могущества Россіи, присягнули въ вѣрности и покорности. Тогда можно было, приближаясь къ ихъ обычаямъ, къ природнымъ имъ свойствамъ, къ общему умоначертанію и даже ко внутреннему управленію, покровительствовать ихъ и благотвореніемъ, сопряженнымъ со строгою справедливостью, привлечь ихъ навсегда. Сколько пользы было бы для Россіи, если бы сей многочисленный и воинственный народъ, завлекаемый чувствованіями признательности, содѣлался членомъ обширной Россійской Имперіи, чему и прочіе горскіе народы, конечно бы, послѣдовали.

«Вмѣсто того, расширеніе Кавказской линіи, на счетъ лучшей ихъ земли, сдѣлало кабардинцевъ къ намъ недовѣрчивыми, жестокости начальниковъ привели ихъ въ уныніе, система, принятая, чтобы черезъ сокровенныя пружины производить вражду между владѣльцами, узденями и народомъ и содержать посреди ихъ междоусобіе, родила въ нихъ привычку къ войнѣ; наконецъ, суетное желаніе нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ на линіи, чтобы отличить себя военными дѣйствіями противъ кабардинцевъ, вмѣсто того, чтобы привлечь ихъ къ себѣ черезъ кроткое и справедливое ими управленіе, ввело почти въ обыкновеніе, чтобы каждый годъ дѣйствовать противъ нихъ или другихъ народовъ войсками, нерѣдко безъ всякой причины. Таковыми мѣрами кабардинцы ожесточены до того, что хотя они и не имѣютъ и тѣни своей преж-

[1]) Въ 1811 году все число служащихъ казаковъ простиралось до 4,181 человѣка.

[2]) Въ отношеніи военному министру, отъ 12-го октября 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1257.

ней могущественности, слѣдовательно при послѣднемъ изнеможеніи своемъ питаютъ, однако же, донынѣ неодолимый духъ мщенія противъ Россіи, не взирая даже на послѣднее опустошеніе, произведенное среди ихъ моровою язвою, которая слишкомъ двѣ трети ихъ поглотила».

Естественно, что при такихъ условіяхъ горскіе народы не могли быть привязаны къ Россіи, и хотя нѣкоторые, по слабости своей, скрывали свою непріязнь, показывали видъ покорности, покорялись, давали аманатовъ и присягали, но при первомъ случаѣ обнаруживали свое нерасположеніе. Чтобы привлечь горцевъ на свою сторону, Тормасовъ рѣшился принять иной способъ дѣйствій и прежде всего прекратить всякое сообщеніе съ Турціею, расположить къ себѣ духовенство, имѣющее сильное вліяніе на народъ, покровительствовать мирнымъ жителямъ предоставленіемъ имъ всѣхъ возможныхъ выгодъ, привлекать горцевъ въ наши города, гдѣ устроить мечети, жилища для духовенства и школы для образованія юношества и, наконецъ, учредить торговое сообщеніе между ними и жителями Кавказской губерніи. Однимъ словомъ, главнокомандующій рѣшился дѣйствовать на нравственность горцевъ, стараться смягчить ихъ нравы, при помощи мѣновой торговли и частыхъ сношеній сблизить ихъ съ нами. Съ этою послѣднею цѣлью всѣмъ горскимъ племенемъ было объявлено, что если они останутся спокойными, то въ разныхъ мѣстахъ будетъ заведена для нихъ мѣновая торговля и будетъ продаваться соль и хлѣбъ, по самымъ низкимъ цѣнамъ. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено опредѣлить пункты, въ которыхъ должны быть запасы соли для безпошлинной продажи и назначены мѣста для карантиновъ. Кавказскому гражданскому губернатору отпущено 5,000 рублей, на которые и были закуплены хлѣбъ и соль. Продукты эти продавались въ карантинахъ: Наурскомъ—для чеченцевъ, въ Прохладномъ и Константиногорскомъ —для кабардинцевъ, а въ Овечебродскомъ и Усть-Лабинскомъ—для закубанцевъ. Впослѣдствіи былъ открытъ мѣновой дворъ и въ Кизлярѣ. Хлѣбъ продавался или на наличныя деньги, или вымѣнивался на воскъ, мѣдь, масло, сало, бревна, доски, кожи и другіе матеріалы. Для болѣе точнаго опредѣленія нуждъ и желаній горскихъ народовъ и

преимущественно кабардинцевъ предполагалось вызвать ихъ депутатовъ въ Петербургъ. Такой вызовъ, повидимому, согласовался и съ желаніемъ самихъ кабардинцевъ. 9-го іюля 1810 года представители народа, въ числѣ до тысячи человѣкъ, явились на берегъ р. Малки, противъ селенія Прохладнаго, приняли торжественную присягу на вѣрность, обѣщались оставаться покойными и просили объ отправленіи депутатовъ въ Петербургъ [1]). Просьба ихъ была уважена, но впослѣдствіи оказалось, что она была высказана съ единственною цѣлью, чтобы рельефнѣе выставить покорность и тѣмъ прикрыть свои сношенія съ врагами Россіи.

Въ октябрѣ владѣльцы, уздени и народъ собрались опять въ значительномъ числѣ за р. Малкою, противъ сел. Прохладнаго. Къ собравшимся выѣхалъ генералъ Булгаковъ, и на вопросъ его о причинѣ сбора, кабардинскій владѣлецъ, полковникъ князь Измаилъ Атажуковъ, самымъ наглымъ образомъ запрещалъ собравшимся отвѣчать на вопросъ генерала. На приказаніе Булгакова молчать, Атажуковъ отвѣчалъ, что онъ собралъ владѣльцевъ для своей надобности.

— Безъ разрѣшенія вы не въ правѣ дѣлать такое собраніе,— замѣтилъ Булгаковъ.

— Что вы шутите что ли?—отвѣчалъ дерзко Атажуковъ.— Я происхожу изъ древней княжеской фамиліи и, будучи старѣе всѣхъ прочихъ кабардинскихъ князей, во всякое время имѣю право дѣлать подобное собраніе.

Булгаковъ обратился къ собранію, спрашивая, чего оно желаетъ, но не получилъ отвѣта.

— Готовы ли депутаты для отправленія къ Высочайшему двору?—спросилъ онъ.

— Готовы, готовы!—кричалъ за всѣхъ Атажуковъ.—Я довѣренное лицо отъ всего кабардинскаго народа и все, что нужно вамъ отъ народа, будетъ отвѣтствовано отъ меня.

Вслѣдъ затѣмъ онъ сочинилъ отъ имени народа просьбу, въ которой просилъ о возвращеніи всего того, что было отнято у кабардинцевъ силою оружія. Въ этой просьбѣ нельзя было не ви-

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. IV, № 1326.

дѣть посторонняго вліянія, и, дѣйствительно, это было то самое время, когда посланные Турціи появились среди горскихъ народовъ. Кабардинскій владѣлецъ Арсланъ-бей Мисостовъ получилъ большіе подарки отъ турецкаго двора, а хромой закубанскій султанъ былъ назначенъ сераскиромъ или верховнымъ начальникомъ всѣхъ народовъ мухамеданскаго вѣроисповѣданія, начиная отъ Чернаго до Каспійскаго моря [1]). Въ горахъ появился фирманъ султана, требовавшій, чтобы всѣ горскія племена повиновались власти и волѣ назначаемаго сераскира. Союзныя державы увѣдомляли всѣхъ правовѣрныхъ, что они одновременно откроютъ дѣйствія противъ Россіи; что персіяне двинутся: на Карабагъ, Елисаветполь, Памбаки и Шурагель, а турецкія войска соберутся въ Эрзерумѣ, Карсѣ и Баязетѣ; наступательныя дѣйствія противъ Имеретіи и Карталиніи возлагались на пашу ахалцыхскаго и войска, сосредоточенныя въ Трапезонтѣ.

Сурхай-ханъ казикумухскій разослалъ возмутительныя письма по Дагестану, обѣщаясь присоединиться со своими войсками ко всѣмъ возставшимъ противъ Россіи. Многія горскія общества отправили въ Тавризъ къ Аббасъ-Мирзѣ своихъ посланныхъ, съ просьбою оказать содѣйствіе, при ихъ нападеніи на Ширвань, Шеку и другія ханства. Табасаранцы волновались и по происками Шихъ-Али изгнали многихъ бековъ, а нѣкоторыхъ даже и умертвили. Бѣдственное положеніе Шихъ-Али, доносилъ полковникъ Адреяно [2]), «привело къ сожалѣнію всѣхъ горскихъ народовъ, и всѣ публично говорятъ, что надобно вооружиться и идти просить русскихъ дать ему какое нибудь мѣсто, а не то стараться завладѣть для него какимъ нибудь городомъ или дать ему хлѣба». Съ этою послѣднею цѣлью акушенцы и даргинцы собирались вооруженными толпами и вели переговоры съ Сурхай-ханомъ. Шихъ-Али успѣлъ послать преданнаго себѣ человѣка въ Кубу, чтобы склонить жителей къ возстанію. Прикинувшійся раскаявшимся и желающимъ скрыться отъ преслѣдованій своего бывшаго хана посланный былъ впущенъ въ городъ. Оставшись на-

[1]) Донесеніе Булгакова Тормасову, отъ 29-го ноября 1810 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 1362.

[2]) Генералъ-маіору Репину, отъ 7-го января 1811 г., № 25.

единѣ съ эфенди Хассаномъ, посланный убѣждалъ его оставить русскихъ и присоединиться къ бывшему хану, объявляя, что акушенцы, аварскій ханъ и Сурхай-ханъ рѣшились дѣйствовать единодушно. Скопище это располагало двинуться черезъ Табасарань и, подходя къ Кубинской провинціи, раздѣлиться на три отряда. Предположенія сообщниковъ Шихъ-Али не осуществились; посланный былъ арестованъ, осужденъ въ 24 часа и повѣшенъ на площади въ городѣ Кубѣ.

Тормасовъ просилъ хана шекинскаго посовѣтовать Сурхаю не принимать участія въ волненіяхъ, помнить, кто онъ и кто «всесильный Русскій Императоръ», и замѣтить, что русское правительство оставляетъ его спокойнымъ до тѣхъ только поръ, пока не обнаружитъ, «какой онъ держится политики: персидской или дагестанской». Сурхаю приказано было напомнить, что противникъ его Асланъ-бекъ находится подъ покровительствомъ Россіи, что Кюринское владѣніе принадлежитъ ему по праву и будетъ отдано тотчасъ же, какъ только обнаружатся истинныя намѣренія Сурхай-хана.

Эта послѣдняя угроза заставила Сурхая прибѣгнуть къ двуличію и отправить своего посланнаго въ Тифлисъ съ заявленіемъ своей преданности. Принявъ его ласково, Тормасовъ не считалъ, однако же, необходимымъ скрывать, что не довѣряетъ хану казикумухскому и не можетъ положиться на его обѣщаніе. Это огорчило Сурхая, и онъ жаловался на несправедливость главнокомандующаго. «Посланный мною человѣкъ въ Тифлисъ, писалъ онъ генералу Репину [1]), возвратился и ничего для меня хорошаго, по желанію и обнадеживанію, не привезъ, и сіе меня крайне огорчаетъ. За всѣмъ тѣмъ, когда я уже расположился служить Государю Императору, то и хочу доказать, что не перемѣню своего слова, хотя дагестанцы всегда болѣе уважаютъ, кто къ нимъ благосклоненъ и не откладываетъ въ даль обѣщаній».

Таково было положеніе нашихъ дѣлъ въ Закавказьѣ въ началѣ 1811 года, когда Тормасовъ получилъ секретное отношеніе военнаго министра, въ которомъ была объявлена Высочайшая воля

[1]) Приложеніе къ рапорту Репина Тормасову, отъ 15-го іюля, № 891.

объ отдѣленіи изъ войскъ, находившихся подъ его начальствомъ, и отправленіи въ Россію четырехъ полковъ: двухъ драгунскихъ (Таганрогскаго и Владимірскаго) и двухъ пѣхотныхъ (Севастопольскаго мушкетерскаго и 46-го егерскаго). Такое распоряженіе, вызванное политическимъ положеніемъ Россіи и приготовленіями къ борьбѣ съ Наполеономъ, поставило Тормасова въ самое критическое положеніе. На Кавказской линіи происходили волненія, и обширное пространство отъ Чернаго до Каспійскаго моря, болѣе 1,500 верстъ, охранялось въ Закавказьѣ одною 20-ю дивизіею, съ прибавленіемъ двухъ полковъ (Бѣлевскаго и Севастопольскаго) отъ 19-й дивизіи. Все это пространство было заселено народами вооруженными, въ большинствѣ враждебными Россіи и находившимися въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Персіею и Турціею—двумя державами, также находившимися въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Имперіи. Военныя дѣйствія не прекращались ни съ Персіею, ни съ Турціею и, слѣдовательно, для охраненія границъ и поддержанія внутренняго спокойствія необходимо было занимать достаточно сильными гарнизонами многіе укрѣпленные посты [1]) и имѣть отряды въ пограничныхъ округахъ, каковыми были: ханство Карабагское и провинціи Елисаветпольская, Памбакская и Шурагельская.

Очевидно, что при подобномъ положеніи дѣлъ, тѣхъ силъ, которыми располагалъ Тормасовъ, было недостаточно для прочнаго обезпеченія границы, а тѣмъ болѣе, онъ не могъ отдѣлить отъ себя ни малѣйшей части войскъ. Исполняя Высочайшее повелѣніе, онъ предписалъ драгунскимъ полкамъ слѣдовать въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ объ увольненіи его по разстроенному здоровью отъ званія главнокомандующаго.

«Снисходя на прошеніе ваше, отвѣчалъ Императоръ Але-

[1]) Такъ, на берегу Чернаго моря были слѣдующіе крѣпости и оборонительные пункты: Сухумъ, Поти, Редутъ-кале и Анаклія; въ Имеретіи—Кутаисъ, Багдадъ, Шаропани, Чхери и Мединахе; въ Грузіи—Тифлисъ; на турецкой границѣ—Сурамъ и Гори; къ сторонѣ лезгинъ—Анануръ, Телавъ и Сигнахъ; на персидской границѣ—Елисаветполь, Караклисъ, Гумри, Артикъ и Бекантъ; въ ханствахъ: Нуха, Шуша, Фитъ-дагъ, Куба и укрѣпленіе Мигри; на берегу Каспійскаго моря—Баку и Дербентъ.

ксандръ [1]), я увольняю васъ отъ командованія въ Грузіи, для поправленія здоровья, и позволяю вамъ пріѣхать въ С.-Петербургъ. Начальство надъ войсками тамъ находящимися и управленіе симъ краемъ по части гражданской повелѣваю сдать генералъ-лейтенанту маркизу Паулуччи.

«Бывъ всегда доволенъ отличнымъ вашимъ служеніемъ, я желаю, для пользы общественной, чтобы отдохновеніе отъ дѣлъ послужило къ совершенному и скорому возстановленію вашего здоровья».

Такъ кончилась дѣятельность А. П. Тормасова на Кавказѣ, дѣятельность плодотворная, но крайне тяжелая. Вступивъ въ начальствованіе краемъ и командованіе войсками въ то время, когда Россія вела войну съ Турціею и Персіею, А. П. Тормасовъ, съ весьма ограниченными средствами, съумѣлъ сохранить всѣ сдѣланныя нами въ томъ краю пріобрѣтенія, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ турками и персіянами и, усмиривъ волненія въ Кубѣ, Имеретіи, далъ послѣдней новое административное устройство. Человѣкъ съ большою энергіею и высокообразованный, онъ принесъ бы огромную пользу краю, но, безпрерывно занятый военными дѣйствіями, могъ удѣлить лишь часть своей дѣятельности на внутреннія преобразованія. По его ходатайству учрежденъ въ Грузіи приказъ общественнаго призрѣнія, на устройство котораго отпущено изъ государственнаго казначейства 15,000 рублей ассигнаціями. Заботясь о благосостояніи жителей, главнокомандующій положилъ въ Тифлисѣ основаніе городской полиціи и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ городѣ не строили болѣе землянокъ, а возводили дома по утвержденнымъ планамъ и притомъ не въ землѣ, а на горизонтѣ.

Грузинское духовенство обратило на себя особенное вниманіе Тормасова. До вступленія его въ управленіе краемъ, духовенство было на столько забыто, что неизвѣстно было ни число церквей, ни число церковнослужителей. Большинство священниковъ было крайне невѣжественно, почти безграмотно и не имѣло опредѣленныхъ приходовъ. Малограмотность духовенства происходила отъ

[1]) Въ рескриптѣ отъ 6-го іюля 1811 г. Ак. Кав. Арх. Ком., т. IV, № 59.

того, что каждый епископъ могъ постригать въ священники безъ вѣдома духовнаго правленія и единственно изъ личныхъ выгодъ. Многіе крестьяне, желавшіе избавиться отъ власти помѣщиковъ или не нести повинностей, постригались въ духовное званіе и тѣмъ избѣгали отъ взноса податей и прочихъ сборовъ.

Произвольная раздача католикосомъ царевичемъ Антоніемъ церковнаго имущества нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, обратила на себя вниманіе нашего правительства. Императоръ Александръ поручилъ Тормасову войти въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса о преобразованіи духовенства и свое заключеніе представить Императору [1]).

Крестьяне, принадлежавшіе церквамъ, вносили подати епархіальному начальству, недававшему никому отчета въ ихъ употребленіи. Само духовенство не имѣло никакого свѣдѣнія о своихъ доходахъ, «ибо не одни епархіальные архіереи, но и принадлежащіе церквамъ дворяне обоюдно пользуются доходами, безъ всякаго положительнаго назначенія и единственно по позволенію грузинскаго католикоса».

Принадлежавшіе церквамъ крестьяне платили въ казну только одинъ *сурсатъ*, состоящій въ томъ, что каждое семейство вносило въ годъ по три коды хлѣба или деньгами по рублю.

Первымъ дѣломъ Тормасова было привести въ извѣстность число духовенства. Въ 1811 году въ Грузіи оказалось: 13 епархій, 7 архіереевъ, 799 церквей, 746 священниковъ, 146 діаконовъ и 661 церковникъ. Тормасовъ находилъ, что для управленія духовною частію Грузіи необходимо устроить дикастерію, въ составъ которой назначить архіереевъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго духовенствомъ въ Грузіи. При этомъ, архіерею мцхетскому и карталинскому, какъ главному, предоставить званіе митрополита и экзарха надъ Грузіею и быть ему подъ вѣдомствомъ святѣйшаго синода. Католикоса царевича Антонія предполагалось удалить отъ управленія, дать ему пенсію, и подъ предлогомъ окончательнаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ духовенства вызвать въ Петербургъ. Ссылаясь на свое нездоровье, Анто-

[1]) Отношеніе оберъ-прокурора главноком. 28-го сентября 1810 г., № 778.

ній долгое время отказывался отъ поѣздки, и хотя въ ноябрѣ 1810 года онъ отправился въ путь, но преобразованіе по духовной части въ Грузіи послѣдовало гораздо позже чѣмъ Тормасовъ оставилъ край, передавъ его въ управленіе маркиза Паулуччи.

XIX.

Назначеніе маркиза Паулуччи главнокомандующимъ въ Закавказьѣ. — Его характеристика и приказы.—Намѣреніе персіянъ вторгнуться въ наши предѣлы.—Происки Шихъ-Али, бывшаго хана дербентскаго и кубинскаго. — Сборъ значительной партіи лезгинъ въ Табасаранскомъ ущельѣ.—Бой генералъ-маіора Гурьева у м. Зіахуръ и генералъ-маіора Хатунцева у сел. Рустовъ.—Экспедиція Хатунцева въ Кюринскую область. —Занятіе г. Кюры.—Назначеніе Асланъ-бека правителемъ Кюринской области.—Экспедиція Котляревскаго въ Ахалцыхскій пашалыкъ.—Штурмъ крѣп. Ахалкалаки.

Столкновенія и пререканія, существовавшія на Кавказской линіи между властями гражданскою и военною, принудили правительство поставить во главѣ ихъ одного общаго начальника, и въ началѣ 1811 года управленіе Кавказскимъ краемъ было раздѣлено на двѣ части: въ Закавказьѣ остался Тормасовъ, а кавказскимъ и астраханскимъ губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ, сначала подчиненный Тормасову, а затѣмъ, съ отъѣздомъ послѣдняго и съ назначеніемъ маркиза Паулуччи, сдѣлавшійся независимымъ.

«Послѣ неоднократныхъ просьбъ генерала отъ кавалеріи Тормасова, писалъ императоръ Александръ маркизу Паулуччи [1]), уволивъ его для поправленія здоровья, поручаю вамъ начальство надъ корпусомъ войскъ, находящимся въ Грузіи, и управленіе симъ краемъ по части гражданской, на тѣхъ же самыхъ правилахъ и преимуществахъ, какія имѣлъ вашъ предмѣстникъ.

«При повелѣніи военнаго министра вы получите списокъ войскамъ, которыя составляютъ ввѣренный вамъ корпусъ, наставленіе о назначеніи предѣловъ между Грузіи и Кавказской линіи и опредѣленіе тѣхъ сношеній, въ которыхъ поставляетесь вы съ начальникомъ послѣдней».

[1]) Въ рескриптѣ отъ 6-го іюля 1811 года.

Границею между управленіями Кавказской линіи и Грузіею назначено укрѣпленіе Владикавказъ. Укрѣпленные посты: Балта, Ларсъ, Дарьялъ, Казбекъ и Коби, точно такъ же, какъ и самый Владикавказъ, должны быть заняты войсками Ртищева. На него же возложено и продовольствіе этихъ войскъ, но всѣ военныя распоряженія, обезпеченіе путей сообщенія и управленіе народонаселеніемъ, обитавшимъ между Владикавказомъ и горою Кайшауромъ, возложены на маркиза Паулуччи.

Филиппъ Осиповичъ маркизъ Паулуччи родился въ Моденѣ въ 1779 году, юношею вступилъ въ піемонтскую военную службу, и затѣмъ перешелъ въ австрійскія войска. Какъ природный итальянецъ, онъ долженъ былъ впослѣдствіи перейти въ армію Италійскаго королевства, въ которой дослужился до званія генералъ-адъютанта и участвовалъ въ послѣднихъ походахъ революціонныхъ войнъ. Выйдя въ отставку, маркизъ Паулуччи въ 1807 году поступилъ въ русскую службу полковникомъ. Въ этомъ чинѣ онъ сражался съ турками подъ начальствомъ Михельсона, и въ 1808 году, во время похода противъ шведовъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. 30-го іюля 1810 года Паулуччи былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ къ Тормасову, и за побѣду у Цалки произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Какъ подчиненный, маркизъ Паулуччи всегда точно исполнялъ порученія, на него возложенныя. Тормасовъ приказалъ ему окончить экспедицію въ десять дней, и какъ мы видѣли, онъ окончилъ ее, не смотря на громадныя препятствія, противопоставленныя ему природою [1]).

«Военнослужащіе должны вѣдать, писалъ онъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ [2]), что лучше умереть со славою, чѣмъ жить съ безславіемъ, и для того они, хотя бы то жизни ихъ стоило, не должны ни одного шагу уступить непріятелю, не взирая ни на какое превосходство.

«За симъ предваряю я, что изъ офицеровъ всякъ тотъ, кто

---

[1]) См. главу XVI, стр. 354.

[2]) Въ приказѣ отъ 11-го октября, № 8. Тифлисскій архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа, д. № 309.

дастъ надъ собою верхъ непріятелю, преданъ будетъ военному суду и съ безчестіемъ выгнанъ изъ службы. Господамъ генераламъ предписываю штабъ и оберъ-офицерамъ внушать, а они чтобъ твердили солдатамъ, что отечество держитъ насъ для того единственно, чтобы мы поражали непріятелей нашихъ, и что всемилостивѣйшій Государь Императоръ всещедро изливаетъ свои милости на тѣхъ, кои противъ непріятеля ознаменуютъ себя храбростью и мужествомъ. И такъ, всякому изъ военнослужащихъ должно помнить долгъ службы и присяги, и противу непріятеля при всякихъ случаяхъ поступать мужественно, ибо кто будетъ всегда имѣть въ мысляхъ, *что онъ русскій, и что его непріятель не можетъ одолѣть, тотъ всегда побѣдитъ непріятеля*».

Исполняя обязанности генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала, командуя различными отрядами и перенося всѣ лишенія походной жизни, маркизъ Паулуччи имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ офицеровъ, характеромъ ихъ жизни и привычками.

«Имѣвъ честь съ вами служить въ продолженіе двухъ кампаній, писалъ онъ въ приказѣ [1]), къ крайнему моему сожалѣнію, я замѣтилъ, что многіе изъ господъ офицеровъ занимаются азартными играми, а нѣкоторые изъ нихъ и неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ, хотя ничто столь не достойно порицанія въ военномъ человѣкѣ, какъ страсть къ напиткамъ и игрѣ: отъ перваго онъ теряетъ все уваженіе въ глазахъ своихъ подчиненныхъ и дѣлается неспособнымъ къ дѣламъ службы; отъ втораго онъ лишается времени, нужнаго для занятій по службѣ, часто вовлекаемъ бываетъ въ разореніе и, что еще хуже, подвергаетъ себя лишенію чести. Игра нигдѣ не была запрещаема столь строгими законами, какъ въ Россіи. По званію моему, долгомъ себѣ поставляю имѣть безпрерывное стараніе, дабы сіи законы были въ точности наблюдаемы: я на это употреблю всю ту дѣятельность, которую всегда употребляю въ отправленіи моей должности, и всю ту строгость, которую мнѣ внушаетъ отвраще-

[1]) Отъ 25-го октября, 1811 года. «Русская Старина» 1876 г. № 11.

ніе, которое я имѣю къ игрѣ и къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ».

Человѣкъ самостоятельный и характера независимаго, Паулуччи требовалъ, чтобы всѣ подчиненные по дѣламъ службы обращались къ нему прямо и не употребляли окольныхъ путей для полученія разрѣшеній главнокомандующаго [1]).

— Я не желаю, говорилъ онъ, чтобы начальники частей письмами къ чиновникамъ моей канцеляріи или къ адъютантамъ поручали докладывать мнѣ о чемъ бы то ни было, и въ послѣднемъ случаѣ я буду считать, что они *интригуютъ*.

Сохраняя полнѣйшее безпристрастіе, маркизъ одинаково требовалъ точнаго исполненія своихъ приказаній какъ отъ старшаго, такъ и отъ младшаго. Получивъ донесеніе, что генералъ-маіоръ князь Тамазъ Орбеліани не платитъ повинностей, слѣдующихъ съ его имѣнія, Паулуччи приказалъ ему внести ихъ въ пятнадцатидневный срокъ и присовокупилъ, что «въ противномъ случаѣ я, противъ воли моей, употреблю другія мѣры, которыя можетъ быть будутъ для васъ непріятны, но которыя я долженъ буду предпринять, дабы съ своей стороны показать примѣръ, что правительство слѣдуетъ всегда равному для каждаго правосудію и не должно имѣть никакого пристрастія».

Познакомившись съ характеромъ азіятцевъ еще до вступленія своего въ управленіе краемъ, маркизъ Паулуччи, какъ человѣкъ воспитанный въ иныхъ началахъ, не могъ понять, почему главнокомандующій долженъ принимать подарки отъ хановъ и правителей областей. Обычай этотъ существовалъ давно, и ханы считали своею обязанностью присылать подарки не только вновь назначенному главнокомандующему, но и каждому лицу, въ которомъ встрѣчалась надобность. Такъ, когда генералъ-маіоръ Хатунцевъ былъ посланъ къ хану ширванскому, съ требованіемъ уплатить долгъ казнѣ, состоявшій изъ 23,790 червонцевъ, и поставить для войскъ 5,000 четвертей хлѣба, то Мустафа-ханъ предложилъ ему въ подарокъ 500 тагаровъ чалтыку (необмолоченное сарачинское пшено), что по цѣнности равнялось 10 тысячамъ рублей.

[1]) Приказъ маркиза Паулуччи, отъ 17-го ноября 1811 г., № 18.

Хатунцевъ отказался отъ такого подарка. Ханъ принялъ этотъ отказъ за личное оскорбленіе и нерасположеніе къ нему русскаго правительства и, не смотря на всѣ увѣренія въ противномъ, успокоился только тогда, когда Хатунцевъ согласился принять чалтыкъ, и потомъ представилъ его при рапортѣ главнокомандующему [1]).

Привычка давать подарки такъ укоренилась между азіятскими владѣльцами, что правительство вынуждено было отпускать въ распоряженіе главнокомандующихъ особыя вещи для отдариванія. Получивъ ханскій подарокъ, главнокомандующій обыкновенно приказывалъ записать его на приходъ, а тотъ, который посылалъ хану, выписывалъ въ расходъ. Находя подобный порядокъ вещей неестественнымъ, маркизъ Паулуччи призналъ необходимымъ просить хановъ шекинскаго, ширванскаго, карабагскаго и другихъ не присылать ему подарковъ.

«При самомъ началѣ вступленія моего въ командованіе всѣмъ здѣшнимъ краемъ, писалъ онъ ханамъ [2]), почелъ за долгъ въ полной искренности предварить ваше превосходительство, что сколь ни усердно буду я стараться, дабы поступать въ соотвѣтственность вашихъ обыкновеній, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сіе не противно будетъ пользамъ службы Государя Императора, однако же, зная обычай, здѣсь существовавшій, что превосходительные ханы, состоящіе въ подданствѣ Его Императорскаго Величества и зависящіе отъ главнокомандующаго здѣшнимъ краемъ, каждый разъ пріѣзжающимъ въ Грузію новымъ главнокомандующимъ дѣлали подарки—я долженъ сказать, что сему обыкновенію ни теперь, ни во все продолженіе моего здѣсь командованія я отнюдь слѣдовать не буду, и какого бы рода ни были сіи подарки, приняты мною не будутъ, равно какъ и посланные съ оными будутъ отсылаться безъ отвѣта. Такимъ образомъ, черезъ сіе заблаговременное и чистосердечное объявленіе всѣмъ вообще ханамъ о правилахъ мною принятыхъ, я счелъ нужнымъ предохранить каждаго отъ неудовольствія, съ каковымъ пріемлется, по здѣшнимъ

[1]) Рапортъ главнокомандующаго военному министру 20-го ноября 1811 г., № 57.

[2]) Въ циркулярномъ письмѣ отъ 25-го сентября 1811 года.

обыкновеніямъ, отказъ въ пріемѣ подарковъ. За всѣмъ тѣмъ, разумѣя, что превосходительные ханы, дѣлая сіи подарки, имѣли единственно въ предметѣ то, дабы черезъ сей способъ означить только одно дружеское ихъ расположеніе, и потому отказаться мнѣ отъ сего столь лестнаго ихъ засвидѣтельствованія весьма было бы для меня непріятно, то я въ семъ случаѣ имѣю удовольствіе увѣдомить васъ, благопріятель мой, что со стороны вашей я приму за доказательство истиннаго вашего расположенія и преданности то, когда ваше превосходительство ускорите для продовольствія войскъ Его Императорскаго Величества, коими я имѣю честь командовать, доставить требованный моимъ предмѣстникомъ, генераломъ отъ кавалеріи Тормасовымъ, хлѣбъ за цѣны, сходныя для казны Государя Императора и необидныя для жителей, дабы симъ образомъ избѣжать перевозки провіанта изъ Россіи и сопряженныхъ съ оною большихъ издержекъ. Тогда всякое сохраненіе казны Его Императорскаго Величества черезъ сіе ваше содѣйствіе, я сочту за пріятнѣйшій мнѣ подарокъ со стороны вашего превосходительства, а между тѣмъ, относя сіе также къ истинному усердію вашему споспѣшествовать пользамъ службы, вмѣню за особенный для себя долгъ довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія».

Вступивъ, 22-го сентября 1811 года, въ командованіе войсками и въ управленіе краемъ среди военныхъ дѣйствій съ персіянами и турками, маркизъ Паулуччи долженъ былъ, прежде всего, обратить вниманіе на обезпеченіе края отъ внѣшнихъ враговъ. Персіяне готовы были вторгнуться въ наши предѣлы и вели переговоры съ дагестанскими вольными обществами, въ особенности съ Сурхай-ханомъ казикумухскимъ и Шихъ-Али, бывшимъ ханомъ кубинскимъ. Неудачи, испытанныя послѣднимъ въ борьбѣ съ Тормасовымъ не уменьшили надежды на возможность возвращенія ханства, и Шихъ-Али, полагаясь на обѣщанія и скорую помощь персіянъ, разослалъ своихъ посланныхъ въ горы съ приглашеніемъ печь хлѣбъ и готовиться къ походу послѣ байрама. Многіе владѣльцы откликнулись на приглашеніе, и вскорѣ получены были свѣдѣнія, что въ Аваріи, Дженгутаѣ, Акушѣ, Табасарани и во владѣніяхъ уцмія каракайдагскаго собираются войска съ каждыхъ двухъ домовъ по одному человѣку. «Сегодня, въ суб-

боту, 20-го ряби-ус-сани, писалъ Джафаръ-Кули-ханъ шекинскій маркизу Паулуччи, прибылъ изъ Тавриза караванъ. Находящіеся въ Тавризѣ мои приверженцы и нукеры единогласно сообщаютъ мнѣ, что шахъ-задэ (Аббасъ-Мирза) предполагаетъ 17-го числа сего мѣсяца выступить изъ Тавриза. Англичане совѣтовали шахъ-задэ не брать съ собою пѣхоты въ бой, оставивъ ее вдали, а только пушки, назначивъ при каждой 200 человѣкъ конницы; артиллерійскія лошади выбраны самыя превосходныя, въ томъ соображеніи, что если со стороны (русскихъ) солдатъ будетъ натискъ, то взять пушки на лошадей и ихъ увезти. Еще посланъ въ Рештъ одинъ свѣдущій корабельный мастеръ изъ англичанъ, чтобы тамъ устроить судно, дабы вредить судамъ, слѣдующимъ изъ Астрахани въ Баку. Богъ знаетъ, удастся ли имъ устроить судно или нѣтъ».

Независимо отъ этого письма до маркиза Паулуччи дошли слухи, что посланный Шихъ-Али-ханомъ къ Аббасъ-Мирзѣ привезъ ему 4,000 червонцевъ и извѣстіе, что шахъ-задэ (наслѣдникъ) прибылъ уже на Муганскую степь и отправилъ приказаніе Мустафѣ-хану ширванскому прибыть туда же съ своими войсками.

Какъ только маркизъ Паулуччи узналъ объ этомъ, онъ приказалъ генералъ-маіору Хатунцеву, подъ предлогомъ осмотра баталіоновъ, отправиться въ Ширвань, послать лазутчиковъ узнать, дѣйствительно ли персіяне находятся на Муганской степи и справиться о поведеніи Мустафы-хана ширванскаго, поступки котораго заставляли подозрѣвать измѣну и сношенія съ персіянами. Если свѣдѣнія о прибытіи персіянъ вѣрны, то Хатунцеву приказано собрать войска, находившіяся въ Ширвани, и атаковать персіянъ; въ противномъ же случаѣ двинуться противъ сконищъ Шихъ-Али, взявъ съ собою изъ Ширвани только одинъ баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка и казачій Попова 16-го полкъ [1]).

[1]) Предписаніе маркиза Паулуччи генералу Хатунцеву, 26-го октября, № 27.

Изъ объясненій съ ширванскимъ ханомъ и съ начальниками нашихъ отрядовъ генералъ-маіоръ Хатунцевъ убѣдился, что Мустафа не имѣетъ сношеній съ персіянами, но обнаруживаетъ недовѣрчивость къ русскому правительству, недовѣрчивость, проистекающую исключительно отъ подозрительнаго характера хана. Успокоивъ Мустафу и узнавъ, что персіяне хотя и были дѣйствительно собраны на Муганской степи, но въ концѣ октября распущены по домамъ, Хатунцевъ двинулся въ Кубу, на соединеніе съ отрядомъ генералъ-маіора Гурьева, дѣйствовавшаго уже противъ скопищъ Шихъ-Али.

Получивъ въ началѣ ноября свѣдѣніе, что партія лезгинъ, числомъ до 6,000 человѣкъ, собралась въ Табасаранскомъ ущельѣ, генералъ-маіоръ Гурьевъ двинулся противъ непріятеля, но на дорогѣ узналъ, что лезгины перешли къ Самуру съ цѣлью вторгнуться въ Кубинскую провинцую. Вернувшись обратно и пройдя въ двое сутокъ девяносто верстъ по горамъ и трудно доступной мѣстности, нашъ отрядъ, въ 3 часа ночи, 5-го ноября, прибылъ къ р. Самуру и остановился въ м. Зіахуръ. Утромъ, 6-го ноября, оказалось, что всѣ прилегающія горы усѣяны лезгинами, но, не смотря на весьма крѣпкую позицію, занятую непріятелемъ, и большую численность его, генералъ-маіоръ Гурьевъ рѣшился атаковать горцевъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи 1,348 человѣкъ Севастопольскаго полка, нѣсколькихъ казаковъ и татарской конницы, Гурьевъ вызвалъ въ авангардъ стрѣлковъ и двинулся впередъ. За стрѣлками шли двѣ гренадерскія роты съ двумя орудіями, далѣе двѣ мушкетерскія роты съ однимъ орудіемъ, обозъ и аріергардъ; казаки же и татарская конница оставлены были назади по причинѣ гористой мѣстности, покрытой густымъ лѣсомъ и неудобной для дѣйствія кавалеріи [1]).

Едва наши войска стали входить въ ущелья горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, какъ лезгины со всѣхъ сторонъ насѣли на отрядъ. Неудобный строй, въ который генералъ-маіоръ Гурьевъ поставилъ свой отрядъ, былъ причиною того, что нижніе чины должны были драться въ одиночку безъ поддержки другъ друга.

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Гурьева маркизу Паулуччи 28-го ноября, № 1043.

По неприступности горъ артиллерія не могла принять участія въ дѣлѣ, и хотя въ теченіе шести часовъ, до захожденія солнца, кипѣлъ самый ожесточенный бой, но онъ окончился отступленіемъ нашего отряда, потерявшаго болѣе 300 человѣкъ убитыми и ранеными. Неудача эта такъ подѣйствовала на Гурьева, что въ теченіе почти двухъ недѣль онъ не принималъ никакихъ дѣйствій и считалъ свое положеніе безъисходнымъ. Видя бездѣятельность нашихъ войскъ и ободренные первымъ успѣхомъ, лезгины ворвались въ наши предѣлы, и скопище Шихъ-Али стало постепенно возрастать. Къ нему пришли на помощь Асланъ-ханъ дженгутайскій и люди аварскаго хана, считавшагося въ нашей службѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Громадная толпа горцевъ, предводительствуемая самимъ Шихъ-Али, подходила къ Кубѣ все ближе и ближе, когда на помощь Гурьеву явился генералъ-маіоръ Хатунцевъ съ своимъ отрядомъ.

Оставивъ небольшой гарнизонъ въ Кубѣ, генералъ Хатунцевъ двинулся къ деревнѣ Рустовъ, съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго, баталіономъ 46-го егерскаго полковъ и Донскимъ казачьимъ Попова 16-го полкомъ — всего въ составѣ 877 штыковъ, при двухъ орудіяхъ. Подойдя къ селенію 21-го ноября, Хатунцевъ сбилъ непріятельскіе пикеты и узналъ, что скопище Шихъ-Али, съ которымъ былъ и сынъ Сурхай-хана казикумухскаго, состоитъ изъ 7,000 человѣкъ, расположенныхъ въ прилегающемъ къ горамъ селеніи, укрѣпленномъ завалами. Не желая дать опомниться непріятелю, Хатунцевъ атаковалъ селеніе съ трехъ сторонъ и послѣ четырехчасоваго упорнаго боя выгналъ непріятеля, захватилъ много плѣнныхъ, отбилъ 30 знаменъ и болѣе 350 лошадей. Атака была столь быстра, что Шихъ-Али бѣжалъ въ ахтинскія селенія, не успѣвъ увезти своихъ вещей и бумагъ, которыя и были доставлены генералъ-маіору Хатунцеву. Побѣда была полная, и горцы разсѣялись въ разныя стороны [1]).

Для окончательнаго умиротворенія кубинской провинціи необходимо было наказать Сурхай-хана, привести его къ покорности и заставить подписать трактатъ о подданствѣ. Если бы Сурхай

[1]) За это дѣло Хатунцевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

не согласился на послѣднее, то главнокомандующій считалъ необходимымъ выгнать его изъ г. Кюры и область кюринскую поручить въ управленіе его племяннику Асланъ-беку.

Декабря 2-го генералъ Хатунцевъ со своимъ отрядомъ прибылъ къ р. Самуру и на слѣдующій день переправился черезъ рѣку, оставивъ въ м. Зіахурѣ отрядъ генералъ-маіора Гурьева для охраненія кубинской провинціи и для наблюденія за движеніемъ непріятеля. Вступивъ во владѣніе Сурхая, Хатунцевъ отправилъ къ нему посланнаго съ письмомъ, въ которомъ требовалъ выдачи Шихъ-Али. Казикумухскій ханъ отвѣчалъ, что онъ всегда былъ и останется вѣренъ русскому правительству, не имѣетъ никакого соглашенія съ бывшимъ дербентскимъ ханомъ, и если посылалъ къ Шихъ-Али своего сына, то единственно для примиренія его съ русскимъ правительствомъ.

Хатунцевъ повторилъ свое требованіе, и 4-го декабря явился новый посланный съ донесеніемъ, что Шихъ-Али находится въ рукахъ Сурхая и, слѣдовательно, безопасенъ для русскаго правительства; выдать же его Сурхай не находитъ причины, но готовъ, впрочемъ, исполнить это, когда будетъ выданъ ему измѣнникъ и бѣжавшій отъ него племянникъ Асланъ-бекъ. Сурхай очень хорошо понималъ, что русское правительство никогда не согласится на такой размѣнъ, и потому смѣло предъявлялъ свое требованіе, надѣясь тѣмъ избавиться отъ нашихъ притязаній. Съ другой стороны, Хатунцевъ видѣлъ, что Сурхай желаетъ только затянуть переговоры, и потому, присоединивъ къ себѣ баталіонъ Севастопольскаго полка и 100 человѣкъ казаковъ, 5-го декабря двинулся далѣе. На пути онъ сжегъ шесть деревень, разрѣшилъ кубинцамъ брать все, что имъ полезно, и остановился въ селеніи Ишникъ, гдѣ было достаточно провіанта для отряда. Сюда прибылъ новый посланный Сурхая съ просьбою не разорять селеній и съ обѣщаніемъ исполнить всѣ требованія. Хатунцевъ далъ два часа срока, и когда отъ хана казикумухскаго не было получено отвѣта, онъ отправилъ, 6-го декабря, баталіонъ 46-го егерскаго полка съ орудіемъ и 50 казаками для разоренія сосѣдней деревни Шехи, лежащей на горѣ, укрѣпленной и занятой лезгинами. Баталіонъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ спустившагося съ горъ

и занявшаго сосѣдній лѣсъ многочисленнаго непріятеля, и тогда на помощь егерямъ были высланы двѣ роты Херсонскаго гренадерскаго полка, два орудія и 50 казаковъ.

Послѣ трехчасовой перестрѣлки лезгины были вытѣснены изъ лѣса и бѣжали въ укрѣпленную деревню Шехи, штурмовать которую, по отвѣсной крутизнѣ горы, было почти невозможно. Отрядъ сжегъ сѣно и солому и присоединился къ главнымъ силамъ, стоявшимъ въ деревнѣ Ишпикъ. Здѣсь Хатунцевъ ожидалъ прибытія къ себѣ потребованной имъ дербентской и табасаранской конницы, а также и Асланъ-бека, находившагося во владѣніяхъ уцмія каракайдагскаго. Сурхай укрѣплялъ селеніе Шехи и другое, весьма близкое съ нимъ, селеніе Хутумъ. Оба они находились на весьма высокихъ горахъ, и казикумухскій ханъ предполагалъ, что русскіе должны будутъ непремѣнно атаковать его въ этой крѣпкой позиціи, но ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Какъ только Асланъ-бекъ, 12-го декабря, присоединился къ отряду, Хатунцевъ двинулся прямо на селеніе Кюри, главное въ области того же имени. Подойдя къ селенію Татаръ-ханъ, отрядъ былъ встрѣченъ выстрѣлами лезгинъ, успѣвшихъ занять селеніе прежде нашего прихода. Хатунцевъ атаковалъ непріятеля, овладѣвъ Татаръ-ханомъ съ боя, разсѣялъ лезгинъ и принудилъ предводителя ихъ, Нуха-бека, сына Сурхая, бѣжать въ крѣпость Кюри, отстоявшую въ 30-ти верстахъ отъ мѣста боя. Нуха-бекъ очутился въ критическомъ положеніи; войска его разошлись для спасенія семействъ и имущества, и старшины селеній со всѣхъ сторонъ являлись къ Хатунцеву съ просьбою не разорять жителей и съ объявленіемъ, что желаютъ быть подъ покровительствомъ Россіи.

Находясь въ южномъ Дагестанѣ, Кюринская провинція граничила съ владѣніями: Дербентскимъ, Табасаранскимъ, Казикумухскимъ, Рутульскимъ и Кубинскимъ, причемъ отъ послѣдняго она отдѣлялась р. Самуромъ. Занимая пространство не болѣе 2,000 квадратныхъ верстъ и имѣя населенія около 5,000 дворовъ, Кюринская провинція орошалась двумя рѣками: Гуріени и Кюрахъ-чай. Обильное хлѣбопашество и скотоводство составляли

главное занятіе жителей области, отличавшихся своимъ трудолюбіемъ отъ всѣхъ прочихъ обитателей Дагестана.

Кюринская крѣпость была расположена на р. Кюрахъ-чай въ узкомъ проходѣ, ведущемъ въ Казикумухскую провинцію. Кюри была окружена 19-ю башнями, вооруженными пятью орудіями разныхъ калибровъ. Съ трехъ сторонъ крѣпости былъ вырытъ ровъ, а четвертая примыкала къ курганамъ, на которыхъ были построены три башни, защищавшія главную дорогу, ведущую къ крѣпостнымъ воротамъ. Сурхай заперся въ крѣпости съ тысячью человѣками самыхъ преданныхъ ему людей Казикумухскаго ханства, такъ какъ кюринцы всѣ разбѣжались. Съ Сурхаемъ находились всѣ его сыновья и Шихъ-Али.

14-го декабря, генералъ Хатунцевъ съ отрядомъ подошелъ къ кюринской крѣпости и въ ночь отправилъ стрѣлковъ съ приказаніемъ вытѣснить непріятеля изъ окоповъ, обстрѣливаемыхъ съ крѣпости, что и было исполнено. Непріятель былъ сбитъ со всѣхъ высотъ, и къ главному кургану подвезены наши орудія, при помощи огня которыхъ башня, занятая 50-ю лезгинами, была взята штурмомъ. Защитники башни всѣ легли на мѣстѣ, за исключеніемъ одного взятаго въ плѣнъ. Взятая башня командовала окружающею мѣстностью; на нее взвезли наши орудія, и подъ прикрытіемъ ихъ огня, 150 стрѣлковъ отправлены въ обходъ обоихъ фланговъ. Крики «ура!» по обѣимъ сторонамъ крѣпости и артиллерійскій огонь съ башни привели въ такое замѣшательство защитниковъ, что они въ безпорядкѣ бѣжали въ горныя ворота и скрылись въ ущельѣ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 80 тѣлъ. Наши войска заняли крѣпость, самую значительную во всей Кюринской области, составлявшей лучшую часть владѣній Сурхай-хана казикумухскаго. Двѣ мѣдныя пушки, три фалконета, восемь знаменъ, много оружія, лошадей и запасъ провіанта достались побѣдителямъ, лишившимся 12-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ и ранеными: одного офицера и 18-ти нижнихъ чиновъ. Маркизъ Паулуччи и генералъ-маіоръ Хатунцевъ награждены за эту побѣду и вообще за дѣйствія въ Дагестанѣ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Шихъ-Али писалъ, что раскаивается въ своихъ поступкахъ и желаетъ быть вѣрноподданнымъ русскаго Императора. Въ отвѣтъ

на это онъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Кубу, гдѣ ему будетъ отведено помѣщеніе и назначено по 10 руб. въ день содержанія. Шихъ-Али отвѣчалъ, что такая цифра для него мала, и что онъ пріѣдетъ въ Кубу только тогда, когда будетъ отдана въ его управленіе Кубинская провинція, «*хотя на короткое время*». Такое требованіе не могло быть удовлетворено, и переговоры съ Шихъ-Али были прекращены, точно такъ же, какъ пришлось прекратить ихъ и съ Сурхай-ханомъ. Послѣдній тотчасъ же послѣ бѣгства своего изъ Кюри отправилъ посланнаго къ главнокомандующему, прося его остановить движеніе войскъ. «Письмо вашего высокостепенства,—отвѣчалъ маркизъ Паулуччи [1]), — черезъ чиновника вашего Ибраимъ-бека я получилъ, видѣлъ содержаніе онаго и узналъ также словесныя ваши порученія,—на что симъ вамъ отвѣтствую. Поступки ваши мнѣ совершенно извѣстны, а что вы посылали своего сына съ войсками въ помощь бунтовщику Шихъ-Али-хану противу войскъ Его Императорскаго Величества, въ томъ и сами въ письмѣ своемъ признаетесь. Итакъ, не распространяясь болѣе, я объявляю, что вамъ теперь предлежитъ одинъ только путь къ спасенію и къ заглаженію вашего преступленія, а именно: выдать тотчасъ же арестованнаго вами Шихъ-Али-хана въ руки генералъ-маіора Хатунцева. Тогда войска, по повелѣнію моему дѣйствующія, оставятъ васъ въ покоѣ, владѣніе ваше будетъ вамъ по прежнему предоставлено, и вы съ народомъ вашимъ будете счастливы. Сверхъ того, увѣряю васъ моимъ словомъ, что выданному вами Шихъ-Али-хану не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда, и притомъ я отзову въ Тифлисъ племянника вашего Асланъ-бека. Если же вы поупорствуете и не выдадите измѣнника Шихъ-Али-хана, то войска по данному отъ меня повелѣнію не выйдутъ изъ вашего владѣнія, доколѣ камень на камени будетъ оставаться, истребятъ жилища вашихъ подвластныхъ и сожгутъ ихъ деревни и имущество, понесутъ повсюду мечъ и пламя, пока сила оружія Его Императорскаго Величества не принудитъ васъ исполнить мое требованіе, а Кюринское владѣніе все безъ изъятія будетъ отъ васъ отнято. Вотъ вамъ по-

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го декабря 1811 года, № 303.

слѣднее мое слово: избирайте, что для васъ лучше, а я исполню такъ, какъ сказалъ».

Сурхаю было трудно исполнить требованіе маркиза Паулуччи потому, во-первыхъ, что онъ лгалъ, говоря, что Шихъ-Али-ханъ находится въ его рукахъ, а во-вторыхъ—покориться и подписать трактатъ было не въ характерѣ хана казикумухскаго, непризнававшаго надъ собою ничьей власти, кромѣ собственнаго произвола. Онъ счелъ лучшимъ не отвѣчать на письмо, и тогда маркизъ Паулуччи отправилъ въ Кюри правителя своей канцеляріи, коллежскаго совѣтника Могилевскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ генераломъ Хатунцевымъ заключили письменное условіе съ Асланъ-бекомъ и ввѣрили ему управленіе всею Кюринскою областью, кромѣ крѣпости Кюри, «долженствующей состоять въ непосредственномъ вѣдомствѣ россійскаго коменданта и гарнизона».

Соображаясь съ мѣстными условіями и бытомъ населенія, Могилевскому поручено было обязать Асланъ-бека вносить казенныя подати и повинности по примѣру того, какъ обложены жители Кубинской и Бакинской провинцій; привести его къ присягѣ на вѣрность, заставить къ каждому пункту условій приложить свою печать, взять въ аманаты или сына его, или ближайшаго родственника, съ двумя дѣтьми почетнѣйшихъ старшинъ, и отправить ихъ на жительство въ г. Кубу.

Избирая Асланъ-хана правителемъ, маркизъ Паулуччи находилъ въ этомъ лучшій исходъ для спокойствія этой части края. «Если бы новопокоренная Кюринская область,—доносилъ онъ [1]),—вдавшаяся въ самый Дагестанъ, обращена была въ одну изъ провинцій россійскихъ на основаніи нашего порядка, то для охраненія цѣлости ея неотмѣнно во всякое время должно было бы имѣть въ ней сильную часть здѣшнихъ войскъ для удержанія въ предѣлахъ послушанія самаго народа и для обузданія хищныхъ ея сосѣдей, чего, однако же, невозможно теперь никоимъ образомъ исполнить по военнымъ обстоятельствамъ нашимъ съ важнѣйшими непріятелями Грузіи — персіянами и турками. Во-вторыхъ, дикость нравовъ сихъ народовъ, могущихъ нескоро умяг-

[1]) Военному министру, отъ 9-го февраля 1812 г., № 38.

читься, и врожденная привязанность къ прежнему ханскому правленію, также ихъ обыкновенія, кои они почитаютъ закономъ, весьма отдаленныя отъ порядка нашего правленія, всегда служили поводомъ къ многократнымъ замѣшательствамъ, безпокойству и охлажденію къ намъ сихъ народовъ. Между тѣмъ какъ черезъ представленіе сей провинціи въ управленіе хану, непосредственно отъ Россійской Имперіи зависящему, который, зная свойство и образъ народныхъ мыслей, можетъ гораздо удобнѣе дѣйствовать на ихъ умы по направленію здѣшняго правительства, конечно, вышеупомянутыя неудобства легче могутъ быть отклонены, ибо Асланъ-ханъ, получивши отъ щедротъ Его Императорскаго Величества сіе богатое владѣніе, долженъ будетъ для собственной своей пользы пещись объ удержаніи своихъ границъ, о благосостояніи народа и о сохраненіи между онымъ спокойствія, обходясь однимъ небольшимъ гарнизономъ, поставленнымъ въ крѣпости для защиты оной и въ необходимости для поддержанія его самого—слѣдственно, симъ способомъ, кромѣ значительныхъ выгодъ отъ пріумноженія казенныхъ доходовъ, удалена еще можетъ быть необходимость содержать въ Кюринской провинціи знатную часть нашихъ войскъ, кои нужны для дѣйствія противъ главнѣйшихъ непріятелей, и избѣгнется вредное развлеченіе здѣшнихъ силъ; равнымъ образомъ и самый народъ, довольный правленіемъ, къ коему онъ привыкъ, останется привязаннымъ къ своимъ жилищамъ и къ мѣстамъ, сохраняющимъ гробы ихъ предковъ».

Какъ ни убѣдительны доводы главнокомандующаго, но образованіе новаго ханства нельзя признать полезнымъ для края. Асланъ-бекъ былъ прежде всего азіятецъ, и, слѣдовательно, человѣкъ двуличный и коварный. Онъ перешелъ на сторону Россіи, потому что спасалъ свою голову и видѣлъ прямую свою выгоду; на преданность его трудно было положиться, и его вассальныя отношенія не могли быть прочны. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ войскъ былъ причиною того, что Асланъ-бекъ былъ назначенъ правителемъ Кюринской области. Онъ обязался вносить въ казну ежегодно 3,000 червонцевъ и 3,000 четвертей хлѣба для продовольствія войскъ, дать въ аманаты старшаго сына и сыновей двухъ почетнѣйшихъ старшинъ и предоставить Кюринскую крѣпость «въ

единственное распоряженіе и власть россійскому гарнизону». За это Асланъ-хану пожалованъ чинъ полковника, знаки инвеституры, дарована высочайшая грамата, утверждавшая его законнымъ владѣльцемъ потомственно по старшинству колѣна, и, наконецъ, ему предоставленъ судъ, расправа и всѣ доходы съ Кюринскаго владѣнія.

Извѣщая Сурхая о назначеніи Асланъ-бека правителемъ Кюринской области, маркизъ Паулуччи писалъ ему [1]):

«Часть владѣнія вашего отнялъ я потому, что вы не сдержали свято присяги, которую нѣсколько разъ давали всесильному моему Государю Императору вѣрно служить, и за то, что вы не исполнили послѣдняго моего повелѣнія. Владѣніе сіе препоручилъ я по волѣ Государя высокостепенному Асланъ-хану, какъ вѣрноподданному Россійской Имперіи и наслѣднику Казикумухскому. Теперь я симъ только ограничиваюсь, а ежели вы что нибудь еще предпримите противу войскъ Его Императорскаго Величества и противу его подданныхъ, тогда потеряете все свое владѣніе и будете скитаться безъ пристанища, какъ вѣтренный Шихъ-Али. У васъ содержится Асланъ-ханова жена, которую прошу отпустить немедленно къ ея мужу; ежели же вы не сдѣлаете мнѣ въ семъ уваженія, то я долженъ буду вашего аманата, содержащагося въ Нухѣ, отправить въ Сибирь; а ежели Асланъ-ханову жену вы возвратите, то и аманатъ вашъ будетъ присланъ къ вамъ».

Придавая весьма большое значеніе покоренію Кюринской области, прикрывавшей Дербентъ и Кубу со стороны Дагестана, маркизъ Паулуччи заботился и объ обезпеченіи границъ нашихъ со стороны Турціи.

«Видя съ прискорбіемъ, доносилъ онъ [2]), что богатѣйшая борчалинская дистанція по смежности своей съ турецкою Ахалкалакскою областью, принадлежащею Ахалцыхскому пашалыку, разоряемая набѣгами турокъ, угономъ скота и увлеченіемъ жителей въ плѣнъ, наипаче въ послѣдніе годы, начала совершенно упадать, и недоимки въ податяхъ, слѣдующихъ отъ оной въ казну, увеличились до чрезвычайности, я рѣшился, для благосостоянія Грузіи,

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1812 г., № 164.
[2]) Военному министру, отъ 14-го декабря 1811 г., № 81.

непремѣнно истребить сіе гнѣздо разбойниковъ и покорить оружіемъ самую ахалкалакскую крѣпость какъ можно поспѣшнѣе».

Скорѣйшее овладѣніе крѣпостью признавалось необходимымъ еще и потому, что въ то время уже шли переговоры о заключеніи мирныхъ условій съ Портою и, слѣдовательно, легче было выговорить уступку Россіи Ахалкалакъ въ томъ случаѣ, если бы крѣпость была покорена силою оружія. Руководимый такою двойною цѣлью, главнокомандующій предпринялъ экспедицію въ Алахцыхскій пашалыкъ, поручивъ ее извѣстному по своимъ отличнымъ военнымъ способностямъ ~~командиру~~ шефу Грузинскаго гренадерскаго полка, полковнику Котляревскому, которому приказано было идти по пустымъ мѣстамъ и по дорогамъ, почти непроходимымъ въ зимнее время. Въ составъ отряда назначены: два баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 46-го егерскаго полка съ двумя орудіями и 100 человѣкъ казачьяго Ежова полка. Егерямъ приказано скрытнымъ образомъ собраться въ Думанисахъ и слѣдовать на Цалку съ тѣмъ, чтобы быть подъ Ахалкалаками въ тотъ день, который назначитъ Котляревскій. Съ ними должны были слѣдовать казаки Данилова полка, собранные съ постовъ; моуравамъ борчалинскому и казахскому также приказано собрать конницу и слѣдовать за Котляревскимъ.

Въ ночь съ 3-го на 4-е декабря, взявъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка безъ орудій и сотню казаковъ Ежова полка, Котляревскій выступилъ изъ г. Горп. Переправясь черезъ р. Куру, онъ присоединилъ къ себѣ другой баталіонъ, также безъ орудій. Штурмовыя лѣстницы были при отрядѣ и везлись на вьюкахъ [1]).

Три слѣдующіе дня были употреблены на переходъ черезъ горы и Тріалетскую степь, покрытыя глубокимъ снѣгомъ; частыя и сильныя мятели затрудняли движеніе отряда. 7-го декабря Котляревскій вступилъ въ турецкія границы и остановился въ ущельѣ, въ 25 верстахъ отъ Ахалкалакской крѣпости. Въ ту же ночь, не ожидая прибытія егерскаго баталіона, онъ раздѣлилъ отрядъ, состоявшій изъ 1,133 человѣкъ пѣхоты и 100 казаковъ, на три главныя колонны: одною — командовалъ самъ, другою—

[1]) Лѣстницы приготовлялись самымъ скрытнымъ образомъ только двумя плотниками, которымъ Котляревскій обѣщалъ особую награду.

*

16-го егерскаго полка подполковникъ Степановъ [1]), а третьею — Грузинскаго полка подполковникъ Ушаковъ. Каждая колонна состояла изъ 200 гренадеръ и фузилеръ и 20 стрѣлковъ. Сверхъ того, составлены три небольшія команды, по 30 человѣкъ каждая, для фальшивыхъ атакъ, и одна рота отправлена для занятія двухъ деревень, лежавшихъ близъ Ахалкалакъ.

Въ темную ночь отрядъ подошелъ къ крѣпости и остановился въ двухъ верстахъ отъ нея. Люди отдыхали въ теченіе часа; изъ крѣпости доносились крики непріятельскихъ часовыхъ. Въ 2 часа пополуночи Котляревскій, устроивъ вагенбургъ, двинулся черезъ каменистый оврагъ и мостъ на рѣкѣ Храмѣ. Солдаты несли на себѣ лѣстницы и тихо, безъ шума, подвигались впередъ. Турки, не предполагая, чтобы русскіе могли перейти въ такое суровое время черезъ снѣговыя горы, оставались спокойными, не имѣли передовыхъ постовъ и замѣтили опасность только тогда, когда лѣстницы были уже приставлены къ стѣнамъ. Не смотря на то, что солдаты были крайне утомлены походомъ, они быстро взобрались по лѣстницамъ, бросились въ штыки, и въ 3 часа ночи двѣ батареи были въ нашихъ рукахъ. Сколько ни старались потомъ турки удержать за собою крѣпость и цитадель—они должны были ихъ очистить, не болѣе какъ черезъ полтора часа послѣ начала атаки.

Такъ пала крѣпость, укрѣпленная природою и искусствомъ, крѣпость, бывшая гнѣздомъ разбойниковъ, часто опустошавшихъ Грузію своими набѣгами. «Понизивъ падменное чело свое, доносилъ маркизъ Паулуччи Императору, отъ блеска высокославнаго оружія, крѣпость повержена двумя только баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества» [2]).

Взятіе Ахалкалакъ было важно для насъ точно такъ же, какъ и взятіе Ганжи княземъ Циціановымъ. Ахалкалаки служили ключомъ къ Ахалцыху, изъ котораго постоянно выходили хищническія шайки, опустошавшія Борчалинскую провинцію.

Въ крѣпости найдено два знамя, 19 орудій, 131 пудъ пороху

[1]) Бывшій прежде старшимъ адъютантомъ у Тормасова.
[2]) Рапортъ маркиза Паулуччи Государю Императору, 14-го декабря, № 80.

и значительное количество снарядовъ. Гарнизонъ весь уничтоженъ, кромѣ 45 человѣкъ взятыхъ въ плѣнъ; съ нашей стороны убитъ только одинъ унтеръ-офицеръ, ранены: 1 оберъ-офицеръ, 2 унтеръ-офицера и 26 рядовыхъ. Жители окрестныхъ деревень бѣжали вмѣстѣ со своимъ скотомъ въ горы. Представляя списокъ отличившимся, Котляревскій просилъ награды Грузинскому гренадерскому полку, который, по его словамъ, сколько перенесъ трудовъ во время похода, столько же оказалъ храбрости при штурмѣ крѣпости [1]).

Высоко цѣня побѣду, одержанную Котляревскимъ, главнокомандующій ходатайствовалъ о пожалованіи Грузинскому гренадерскому полку особыхъ знаменъ и о награжденіи тѣхъ 840 человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые штурмовали крѣпость, особою серебряною медалью, для ношенія на груди, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ буквы *А*, а на другой—«*8-го декабря 1811 года*». Императоръ произвелъ Котляревскаго въ генералъ-маіоры, пожаловалъ маркизу Паулуччи орденъ св. Владиміра 2-й степени, а Грузинскому гренадерскому полку знамена съ надписью: «*За отличную храбрость при взятіи штурмомъ турецкой крѣпости Ахалкалаки съ 7-го на 8-е декабря 1811 года*» [2]).

Чтобы прочно утвердиться въ занятой крѣпости, необходимо было оставить въ ней значительный гарнизонъ и обезпечить его продовольствіемъ. По непроходимости дорогъ и зимнему времени доставка хлѣба изъ Грузіи была почти невозможна, и, слѣдовательно, запасъ его можно было сдѣлать при помощи реквизиціи въ сосѣднихъ селеніяхъ. Между тѣмъ, назначенный въ подкрѣпленіе Котляревскому баталіонъ 46-го егерскаго полка все еще не прибывалъ; не прибывалъ также и Даниловъ съ своими казаками. Котляревскій принужденъ былъ послать нарочнаго съ приказаніемъ отыскать ихъ и остановить въ селеніи Котели, въ 20 верстахъ отъ крѣпости. Прибывъ туда самъ 9-го декабря, Котляревскій нашелъ селеніе оставленнымъ жителями, и потому перевелъ войска въ Ахалкалаки. Въ Котели было найдено только 80 чет-

[1]) Рапортъ Котляревскаго Паулуччи, 8-го декабря, № 136.

[2]) Высочайшій приказъ 18-го января 1812 года. Высочайшая грамата полку изъ Вильны, отъ 25-го мая 1812 года.

вертей хлѣба, а въ другихъ селеніяхъ ничего не найдено. Большинство населенія съ имуществомъ и скотомъ бѣжало или въ Ахалцыхъ, или въ селенія Чалдырскаго округа. Для отбитія скота и хлѣба, Котляревскій взялъ 800 человѣкъ Грузинскаго гренадерскаго полка, присоединилъ къ нимъ 60 егерей, два орудія и 150 казаковъ и сдѣлалъ съ ними поискъ въ чалдырскихъ деревняхъ [1]). Онъ успѣлъ отогнать 1,000 барановъ и 60 штукъ разнаго скота; хлѣба найдено хотя весьма мало, но, впрочемъ, столько, что можно было обезпечить ахалкалакскій гарнизонъ до 1-го февраля. Приказавъ срыть форштатъ города и оставивъ въ составѣ гарнизона баталіонъ 46-го егерскаго полка и 30 казаковъ подъ начальствомъ маіора Борщева, Котляревскій возвратился въ Грузію. Дойдя до Цалки, онъ отправилъ въ Квеши бывшихъ при отрядѣ 368 человѣкъ плѣнныхъ, а самъ пошелъ на постоянныя квартиры въ г. Гори, гдѣ впрочемъ оставался весьма недолго. Происшествія въ Карабагѣ весьма скоро вызвали его къ новой и блестящей дѣятельности.

XX.

Арестованіе Джафаръ-Кули-аги карабагскаго.—Письмо Аббасъ-Мирзы Джафару.—Положеніе ханствъ: Карабагскаго, Ширванскаго и Талышенскаго.—Вторженіе персіянъ въ Карабагъ.—Дѣло у Султанъ-Буда.—Дѣйствія Котляревскаго.

По дорогѣ въ Тифлисъ изъ урочища Султанъ-Будъ-Керчи (оно же Керза-Керчи), въ Карабагѣ, шелъ 16-го января 1812 года отрядъ русскихъ войскъ, изъ 178 человѣкъ нижнихъ чиновъ при трехъ офицерахъ. Отрядъ этотъ, бывшій подъ начальствомъ капитана Оловяшникова, конвоировалъ наслѣдника карабагскаго ханства, Джафаръ-Кули-агу.

Окруженный войсками, Джафаръ ѣхалъ верхомъ; его держалъ солдатъ, сидѣвшій позади на той же лошади. Переправляясь на

[1]) Рапортъ Котляревскаго маркизу Паулуччи 11-го декабря 1811 г., № 143.

пути черезъ р. Тертеръ, Джафаръ столкнулъ своего ассистента въ воду, ловко повернулъ лошадь по теченію и успѣлъ скрыться; посланные въ погоню не могли услѣдить за его побѣгомъ.

Джафаръ обвинялся въ перепискѣ съ Аббасъ-Мирзою и въ намѣреніи бѣжать за границу съ подвластными ему джебраильцами. Поводомъ къ его арестованію послужило перехваченное письмо Аббасъ-Мирзы.

«Уповая на нашу благосклонность, писалъ Джафару наслѣдникъ персидскаго престола, знайте, что мы и прежде имѣли къ вамъ довѣріе и были увѣрены, что вы выкажете свойственную вамъ энергію и окажете блистательныя заслуги нашей вѣчной державѣ. А какъ нынѣ о васъ доложили мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, и Шефи-бекъ-гулямъ также, прибывъ лично, докладывалъ о разныхъ предметахъ, то довѣріе наше къ вамъ усугубилось и сердечная наша благосконность къ вамъ увеличилась. Энергія и рвеніе вашего высокостепенства болѣе стали очевидны. Возвращая въ ваши границы Шефи-бека и Феридунъ-бека-гулямовъ, свѣдущихъ о разныхъ обстоятельствахъ, я приказалъ имъ увѣрить васъ въ сердечномъ нашемъ благоволеніи и совершенной благосклонности. Наше предложеніе изъ ихъ разсказовъ сдѣлается вамъ извѣстнымъ.

«Посылаемъ два приказа на имя старшинъ племенъ, Джебраилу и Джеванширъ. Въ этихъ приказахъ мы, кромѣ именъ Махмудъ-аги и Лютфъ-Али-аги, извѣстныхъ вамъ особенною вѣрностью, никого не называемъ. Возлагаемъ на васъ помѣстить въ этихъ приказахъ имена тѣхъ, которыхъ вы найдете нужнымъ, и увѣрить всѣхъ въ совершенномъ нашемъ благоволеніи. Сами же знайте, что по полученіи чести представиться въ наше присутствіе вы будете удостоены различныхъ знаковъ нашихъ ласкъ и милостей. Клянусь въ этомъ священнымъ существомъ Бога и головою падишаха! Обезпеченіе васъ относительно жизненныхъ потребностей, также возведеніе васъ въ санъ знатности и чести наилучшимъ образомъ состоится. Съ нашей стороны никогда не будетъ отказа въ милости и благосклонности къ вамъ, не говоря о возложеніи на васъ званія хакима и прочаго. Ваше высокосте-

пенство удостоитесь приличныхъ милостей и въ нашемъ присутствіи взойдете на высокія ступени».

Въ то время, когда письмо это было перехвачено, Джафаръ находился на кочевьѣ со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ въ 90 верстахъ отъ г. Шуши. Верстахъ въ пятнадцати отъ него, въ урочищѣ Султанъ-Будъ-Керчи, стоялъ третій баталіонъ Троицкаго мушкетерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Джини, которому и поручено было арестовать Джафара. Исполнивъ приказаніе, Джини отправилъ арестованнаго въ Тифлисъ, но Джафаръ, какъ мы видѣли, успѣлъ бѣжать и скрыться отъ преслѣдованія [1]).

Спустя пять дней послѣ побѣга, Джафаръ писалъ, что находится въ Карабагѣ, что былъ и будетъ вѣренъ Россіи, но скрылся потому, что, посрамленный передъ всѣми, онъ былъ арестованъ какъ преступникъ. Джафаръ клялся, что не имѣлъ никакой переписки съ Аббасъ-Мирзою, что фирманъ, перехваченный нами на дорогѣ, не достигъ еще по назначенію и былъ первый, который написанъ персіянами, съ цѣлью склонить его на свою сторону [2]). Это было дѣйствительно справедливо, и приказаніе аре-

---

[1]) Впослѣдствіи была арестована и привезена въ Тифлисъ мать Джафара, Хейръ-Ниса-бегюмъ. Маркизъ Паулуччи предложилъ ей или немедленно отправиться на вѣчное пребываніе въ Россію, или заплатить въ казну 150,000 руб. сер., т. е. ту сумму, которая получена была сыномъ ея отъ персидскаго правительства. Если требованіе это будетъ исполнено, то главноу командующій обѣщалъ дать ей паспортъ на выѣздъ за границу, куда она пожелаетъ. Арестованная женщина охотно согласилась отдать въ казну всѣ свои драгоцѣнности, съ обязательствомъ пополнить деньгами до 150,000 рублей, если представленныя вещи оказались бы нестоящими требуемой отъ нея суммы. Для оцѣнки ихъ, по приказанію маркиза Паулуччи, была составлена особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Котляревскаго, изъ двухъ штабъ-офицеровъ, двухъ чиновниковъ по назначенію Мехти-Кули-хана карабагскаго и одного по выбору матери Джафара. Вещи эти были оцѣнены въ 20,000 рублей, и такъ какъ Хейръ-Ниса-бегюмъ не могла уплатить остальной суммы, то и предположено было отправить ее на жительство въ Воронежскую губернію. Мѣра эта не была приведена въ исполненіе потому, что въ маѣ 1815 года Джафаръ просилъ о помилованіи и добровольно возвратился въ Карабагъ съ 300 подвластныхъ ему семействъ, удалившихся вмѣстѣ съ нимъ заграницу. Джафаръ былъ прощенъ и вмѣстѣ съ матерью водворенъ на жительство въ Карабагѣ.

[2]) Письмо Джафара, приложенное къ рапорту полковника Живковича отъ 21-го января 1812 г., № 34.

стовать Джафара было преждевременно. Имѣя право, какъ законный наслѣдникъ, на владѣніе всѣмъ Карабагомъ и будучи обойденъ графомъ Гудовичемъ, Джафаръ покорился обстоятельствамъ, но не могъ примириться съ дядею Мехти-Кули-ханомъ, постоянно притѣснявшимъ своего племянника.

Несогласія, существовавшія среди членовъ ханскаго дома, и сознаніе своихъ законныхъ правъ на ханское достоинство были причиною, что Джафаръ недоброжелательно смотрѣлъ на Мехти-Кули-хана и отдалялся отъ сношеній съ нимъ. Персидское правительство знало объ этомъ и старалось привлечь на свою сторону Джафара. Аббасъ-Мирза написалъ ему письмо, которое было перехвачено нами. Сознавая свою невиновность, онъ просилъ главнокомандующаго принять его подъ свою защиту, но маркизъ Паулуччи не отвѣчалъ на письмо, и Джафаръ перешелъ въ лагерь персіянъ, въ надеждѣ получить въ свое управленіе обѣщанное ему Аббасъ-Мирзою Карабагское ханство.

Надежды на ханское достоинство казались Джафару тѣмъ болѣе осуществимыми, что карабагцы готовы были передаться на сторону персіянъ, изъ ненависти къ Мехти-Кули-хану. Человѣкъ жестокій и несправедливый, Мехти имѣлъ весьма малое попеченіе о подданныхъ. Заботясь исключительно о своихъ личныхъ удобствахъ, онъ далъ неограниченную волю необузданнымъ чиновникамъ, истощившимъ ханство до послѣдней степени. Будучи долженъ казнѣ 16,815 червонцевъ, Мехти собралъ съ жителей подать за два года впередъ, но не внесъ ни одной копѣйки въ уплату долга, отговариваясь тѣмъ, что населеніе отказалось платить подати.

Имѣя весьма малую приверженность къ Россіи, Мехти-Кули-ханъ не заботился о продовольствіи русскихъ войскъ и, не смотря на условія трактата, не доставлялъ для нихъ провіанта. Маркизъ Паулуччи грозилъ удалить его отъ управленія Карабагомъ, «ибо обыватели онаго, писалъ главнокомандующій [1]), никогда еще не терпѣли такихъ нуждъ, какимъ подвержены они нынѣ при управленіи вашемъ, чрезъ собственную вашу непопечительность о ихъ

[1]) Въ письмѣ отъ 9-го января 1812 г., № 39.

благѣ». Этою ненавистью народа къ своему хану и хотѣлъ воспользоваться Джафаръ, надѣявшійся на помощь персидскихъ войскъ, собиравшихся на Мугани.

Сосредоточивая въ этомъ пунктѣ свои силы, Аббасъ-Мирза одновременно поддерживалъ надежды трехъ непріятелей Россіи: Шихъ-Али, бывшаго хана дербентскаго, Сурхай-хана казикумухскаго и Джафаръ-Кули-агу. Первые два особенно усиленно просили помощи Аббасъ-Мирзы, но пораженіе дагестанцевъ генералъ-маіоромъ Хатунцевымъ заставляло наслѣдника персидскаго престола выждать, когда Сурхай и Шихъ-Али соберутъ новыя войска. Чтобы ободрить ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, Аббасъ-Мирза обѣщалъ имъ помощь и въ доказательство справедливости своихъ словъ сосредоточилъ войска въ нѣсколькихъ пунктахъ, близкихъ къ нашимъ границамъ: въ Асландузѣ стоялъ съ войсками Хаджи-Мамедъ-ханъ, въ Топъ-Агачѣ на Мугани кочевалъ Атаханъ съ 7,000 шахсеванцевъ и 4,000 конницы. Шихъ-Али и Сурхай собирали войска и, готовясь къ наступленію, искали себѣ союзниковъ. Казикумухскій ханъ приглашалъ Мустафу-хана ширванскаго дѣйствовать заодно и писалъ, что надѣется собрать до 20,000 дагестанцевъ.

— Я посмотрю сначала на вашъ успѣхъ,—отвѣчалъ Мустафа посланному Сурхая.

Не смотря на такой отрицательный отвѣтъ, ходили слухи, что ханъ ширванскій не былъ удаленъ совершенно отъ двуличнаго поведенія. Разсказывали, что онъ посылалъ своего чиновника къ Аббасъ-Мирзѣ и находился въ перепискѣ съ Ата-ханомъ [1]).

Мустафа былъ человѣкъ крайне недовѣрчивый и подозрительный. Онъ помнилъ еще свое смѣщеніе графомъ Зубовымъ, и потому имѣлъ причину не довѣрять нашему правительству. Зная вообще склонность къ вѣроломству многихъ азіятскихъ владѣтелей и то, что ханъ ширванскій имѣлъ сильную партію приверженцевъ въ ханствахъ Нухинскомъ, Кубинскомъ и сохранилъ вліяніе на дагестанцевъ, маркизъ Паулуччи не могъ оставить безъ вниманія разглашеній объ измѣнѣ Мустафы. Догадываясь, что всѣ слухи

[1]) Рапортъ маіора Афанасьева главнокомандующему, отъ 8-го января 1812 года, № 10.

исходятъ преимущественно отъ шекинскаго хана, личнаго врага ширванскаго хана, главнокомандующій тѣмъ не менѣе откровенно высказалъ Мустафѣ о дошедшихъ до него слухахъ и писалъ, что, зная до сихъ поръ хана какъ человѣка преданнаго Россіи, не вѣритъ этимъ извѣстіямъ. Паулуччи просилъ Мустафу, въ доказательство своей вѣрности, доставить ему точное свѣдѣніе: дѣйствительно ли персіяне сосредоточиваютъ свои силы на Муганской степи [1]).

Мустафа отправилъ лазутчика на Мугань, и доставленныя имъ свѣдѣнія вполнѣ согласовались съ тѣми, которыя были получены нами изъ другихъ источниковъ.

Передавая ихъ посланному главнокомандующаго, ширванскій ханъ клялся въ своей вѣрности и просилъ не вѣрить всѣмъ распускаемымъ слухамъ.

«Письмо вашего превосходительства я черезъ адъютанта моего князя Чавчавадзе получилъ, отвѣчалъ маркизъ Паулуччи [2]), и что вы на словахъ ему поручили сказать, уразумѣлъ. Отвѣчать вамъ буду я лично, ибо въ скоромъ времени буду въ Баку,— слѣдовательно, буду и у васъ черезъ нѣсколько дней. Я солдатъ, комплиментовъ не терплю; прошу и васъ никакихъ приготовленій не дѣлать, ибо со мною только три человѣка.

«Съ симъ нарочнымъ вышлите мнѣ подъ Шемаху навстрѣчу человѣка своего, съ словеснымъ порученіемъ, гдѣ вамъ угодно назначить со мной свиданіе: на Фитъ-дагѣ или въ другомъ мѣстѣ».

Свиданіе главнокомандующаго съ ханомъ ширванскимъ положило конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Удивленный довѣріемъ, которое оказалъ ему маркизъ Паулуччи, пріѣхавшій безъ всякаго конвоя, Мустафа отвѣчалъ такимъ же довѣріемъ, оставался вѣрнымъ русскому правительству и даже, какъ увидимъ, содѣйствовалъ нашимъ войскамъ въ пораженіи персіянъ.

Появленіе послѣднихъ вблизи нашихъ границъ болѣе всего безпокоило хана талышенскаго, писавшаго, что Баба-ханъ обѣ-

---

[1]) Письмо маркиза Паулуччи хану ширванскому, 9-го января 1812 года, № 37.

[2]) Въ письмѣ отъ 15-го января 1812 г., № 65.

щаетъ обратить въ ничто его ханство, если Миръ-Мустафа не приметъ сторону персіянъ.

Еще въ концѣ 1811 года къ талышенскому хану явился посланный, который, рисуя яркими красками могущество и силу повелителя Ирана, говорилъ, что шести-тысячный корпусъ персидскихъ войскъ придвинутъ уже къ талышенскимъ границамъ. Посланный спрашивалъ хана, которой изъ двухъ державъ онъ намѣренъ остаться вѣрнымъ: Россіи или Персіи? Миръ-Мустафа уклонился отъ рѣшенія этого вопроса, одарилъ посланнаго подарками и обѣщалъ прислать отвѣтъ, но, вмѣсто того, просилъ нашей помощи.

«Я неоднократно доносилъ вашему высокопревосходительству, писалъ, между прочимъ, ханъ талышенскій [1]), о чиненіи мнѣ полной помощи, но ничего не получалъ, кромѣ милостивыхъ обѣщаній; хотя милость ваша ко мнѣ и ходатайство о пользахъ моихъ извѣстны всѣмъ, но въ вышесказанномъ случаѣ медленность не знаю по какой причинѣ происходитъ. Если ваше высокопревосходительство точно не считаете меня въ числѣ подданныхъ высочайшаго двора россійскаго и не признаете полезнымъ сдѣлать распоряженіе о талышенскомъ владѣніи, подавая помощь непобѣдимыми войсками, то сдѣлайте распоряженіе, чтобы по ходатайству вашему я могъ отправить одного изъ моихъ дѣтей къ высочайшему двору, дабы о себѣ получить распоряженіе... Послѣдняя моя просьба есть та, чтобы вы, по милости вашей, назначивъ 400 или 500 человѣкъ непобѣдимаго войска, подъ командою одного довѣреннаго чиновника, отправили сюда, которыя могли бы мнѣ помогать на сушѣ; служить же имъ провіантомъ и другими потребностями я могу».

Получивъ это письмо, маркизъ Паулуччи предписалъ флота капитану 1-го ранга Веселаго по возможности усилить военными судами Саринскій постъ и, въ случаѣ нужды, оказать помощь хану со стороны моря. Посылку же пѣхотныхъ войскъ въ Талыши, по недостатку боевыхъ силъ, маркизъ Паулуччи не призналъ возможнымъ и въ отвѣтѣ своемъ хану, обѣщая помощь,

[1]) Въ письмѣ на имя Тормасова, полученномъ 13-го ноября 1811 года.

не упомянулъ о присылкѣ пѣхоты. Миръ-Мустафа и его подданные были крайне опечалены отказомъ. Въ ожиданіи нашествія персіянъ и опасаясь за свою участь, жители Ленкорани оставляли городъ; торгующее купечество спѣшило перевезти свои товары на островъ Сару; сельское населеніе стекалось подъ защиту Сенгерской крѣпости, выстроенной капитаномъ 1-го ранга Веселаго; имущество хана перевозилось туда же. Собравъ съ судовъ 95 человѣкъ солдатъ и вооруживъ до 70-ти матросовъ мушкетонами, Веселаго рѣшился защищать хана отъ всякихъ покушеній персіянъ.

«Итакъ, доносилъ онъ, солдатъ съ однимъ полевымъ 3-хъ-фунтовымъ орудіемъ, подъ командою лейтенанта Побѣдинскаго, отправилъ въ Ленкорань и велѣлъ расположиться при самой переправѣ, принявъ выгодную позицію со всѣхъ сторонъ. Но какъ переправа сія можетъ быть ниже къ морю, то на сей случай я поставилъ лодку съ 3-хъ-фунтовою пушкою и двумя фалконетами, подъ распоряженіемъ мичмана Милюкова; матросъ всѣхъ оставилъ въ крѣпости подъ командою лейтенанта Коробки для занятія оной, въ случаѣ, если многочисленность непріятеля принудитъ Побѣдинскаго оставить Ленкорань во владычествѣ непріятеля, то бы укрыться подъ стѣны крѣпости. Крѣпость сію вооружилъ я двумя 6-ти-фунтовыми пушками съ корабля и одною 3-хъ-фунтовою, поставленною на лодкѣ, которая примыкаетъ къ самому правому флангу крѣпости со стороны морца».

Для защиты береговъ отъ непріятельскихъ киржимовъ (лодокъ) посланъ люгеръ «Горностай», съ приказаніемъ крейсеровать отъ Ленкорани до Энзели. Бригъ «Ящерица» поставленъ позади города, для воспрепятствованія непріятелю прорваться въ Ленкорань берегомъ, а бригъ «Змѣя» расположенъ со стороны крѣпости и служилъ обезпеченіемъ отступленія нашего въ случаѣ неудачи.

Въ такомъ положеніи Веселаго ожидалъ встрѣчи съ персіянами. Дорога, по которой шли они, вела одновременно: въ Талыши, Карабагъ и Шемаху, а потому трудно было рѣшить, куда направится непріятель. Сознавая однако же слабость своего отряда, Веселаго просилъ главнокомандующаго прислать ему въ помощь хотя

200 человѣкъ пѣхоты [1]). Въ помощи этой, впрочемъ, не оказалось надобности, такъ какъ персіяне двинулись къ Карабагу, куда звалъ ихъ Джафаръ-Кули-ага [2]).

Узнавъ на дорогѣ, что арестованный Джафаръ находится въ Султанъ-Будѣ, и желая освободить его, персіяне, подъ начальствомъ самого Аббасъ-Мирзы, подошли къ Араксу и, переправившись черезъ него, двинулись двумя колоннами: одна пошла къ Шахъ-Булаку, а другая—къ Султанъ-Буду.

Въ Карабагѣ наши войска были разбросаны незначительными отрядами: въ Мигри находилось пять ротъ 17-го егерскаго полка, по двѣ роты стояло въ м. Тугахъ, въ 45 верстахъ, и въ Геррусахъ, въ 70 верстахъ отъ Шуши. Въ ротахъ, стоявшихъ въ м. Тугахъ, было налицо всего 140 человѣкъ, которые и были отправлены на усиленіе шушинскаго гарнизона. Изъ Геррусъ тронуть ротъ не было возможности по неблагонадежности населенія.

По первымъ свѣдѣніямъ о движеніи непріятеля полковникъ Живковичъ послалъ изъ Шуши къ Султанъ-Буду капитана Ильяшенко съ 4 офицерами, 200 рядовыми 17-го егерскаго полка и съ однимъ орудіемъ. Выступивъ 1-го февраля и отойдя 30 верстъ отъ Шуши, отрядъ былъ встрѣченъ непріятельскими разъѣздами. Продолжая двигаться далѣе и подходя къ шахъ-булакскимъ садамъ, нашъ отрядъ былъ встрѣченъ персидскою конницею въ числѣ до 2,000 человѣкъ. Пробивая себѣ дорогу штыками, Ильяшенко успѣлъ занять Шахъ-Булакъ, но до Султанъ-Буда оставалось еще 30 верстъ. Персіяне заняли всѣ высоты и отрѣзали дорогу въ отрядъ маіора Джини.

Аббасъ-Мирза, между тѣмъ, съ значительнымъ числомъ войскъ подошелъ къ Султанъ-Буду. Въ отрядѣ его было 10,000 конницы, 8,000 пѣхоты, 11 орудій и 100 фалконетовъ, которыми командовали англійскіе офицеры. Нашъ гарнизонъ состоялъ изъ 10 офицеровъ и 517 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ Троицкаго мушкетерскаго полка [3]).

[1]) Рапортъ капитана 1-го ранга Веселаго, 22-го января 1812 г., № 62.

[2]) Предписаніе главнокомандующаго генералъ-маіору Репину, 29-го января 1812 г., № 102.

[3]) Рапортъ генералъ-маіора князя Орбеліани отъ 2-го апрѣля 1812 г. Рапортъ главнокомандующаго военному министру 21-го марта 1812 г.

1-го февраля стали сначала показываться изъ лѣса одиночные персидскіе всадники, а вслѣдъ затѣмъ Аббасъ-Мирза всѣми своими силами атаковалъ нашъ отрядъ, построенный въ каре у своихъ землянокъ. Съ обѣихъ сторонъ закипѣлъ жаркій бой, среди котораго много офицеровъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными. Маіоръ Джини былъ убитъ пулею въ самомъ началѣ дѣйствій, и капитанъ Оловяшниковъ [1]), какъ старшій изъ оставшихся офицеровъ, принялъ команду. Персіяне нѣсколько разъ атаковали каре, но были отбрасываемы штыками; оба наши орудія были подбиты, зарядный ящикъ взорванъ. Вечеромъ Аббасъ-Мирза прислалъ записку, писанную по-русски, въ которой требовалъ сдачи.

Оловяшниковъ былъ въ раздумьѣ и, казалось, не зналъ что предпринять. Бывшій при отрядѣ Мехти-Кули-ханъ карабагскій убѣждалъ его не сдаваться.

— Богъ дастъ ночью,—говорилъ ханъ,—взявъ солдатъ и пушки безъ тяжестей, или успѣю запереться въ Шахъ-Булакѣ, или скрыться въ лѣсу и тѣмъ въ состояніи буду сберечь остатки солдатъ и сохранить пушки.

Сначала капитанъ Оловяшниковъ какъ будто согласился дождаться ночи и не посылать отвѣта Аббасъ-Мирзѣ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и на предложеніе Мехти-Кули-хана приготовиться къ отступленію отвѣчалъ, что этого не сдѣлаетъ. Онъ просилъ хана удалиться изъ отряда и притомъ какъ можно скорѣе.

— Вы должны уйти отсюда,—говорилъ Оловяшниковъ хану:— я самъ о себѣ позабочусь: ни въ Шахъ-Булакъ, ни въ другое крѣпкое мѣсто не пойду.

Опасаясь отвѣтственности за то, что упустилъ Джафара, Оловяшниковъ рѣшился передаться непріятелю и просилъ Аббасъ-Мирзу поручиться, что если гарнизонъ сдастся, то не будетъ уничтоженъ. Съ письмомъ этимъ былъ отправленъ унтеръ-офицеръ Луневъ. Аббасъ-Мирза далъ слово сохранить всѣмъ жизнь, и Оловяшниковъ приказалъ отряду сложить оружіе. Мехти-Кули-ханъ бѣжалъ въ Шушу окольными путями и первый привезъ извѣстіе о печальной участи, постигшей баталіонъ Троицкаго полка.

[1]) Тотъ самый, который конвоировалъ Джафаръ-Кули-агу.

Успѣхъ этотъ обрадовалъ Аббасъ-Мирзу и въ первомъ порывѣ восторга онъ подарилъ Джафаръ-Кули-агѣ 15,000 тумановъ, отдалъ ему въ управленіе Карадагъ и обѣщалъ сдѣлать его карабагскимъ ханомъ. Преувеличивая значеніе одержанной побѣды и желая воспользоваться ея впечатлѣніемъ на мусульманское населеніе, Аббасъ-Мирза двинулся къ Шахъ-Булаку и, присоединивъ къ себѣ блокировавшую его кавалерію, остановился 3-го февраля лагеремъ въ полуверстѣ отъ этого мѣстечка. Бывшіе въ его отрядѣ англичане устраивали боевой порядокъ. Капитанъ Ильяшенко, начальникъ отряда, показывая видъ, что готовится къ встрѣчѣ непріятеля, занялъ важнѣйшіе пункты. Съ наступленіемъ ночи, при участіи преданнаго намъ Ованеса-Юзбаши, Ильяшенко отправилъ черезъ горы сначала бывшее при отрядѣ орудіе, а потомъ отступилъ и самъ съ отрядомъ. Двигаясь всю ночь форсированнымъ маршемъ, онъ 4-го февраля достигъ до крѣпости Шуши безъ всякаго затрудненія и потери [1]).

Персіяне заняли Шахъ-Булакъ, и Аббасъ-Мирза отправилъ посланнаго къ Мустафѣ, хану ширванскому, съ предложеніемъ присоединиться къ нему, за что обѣщалъ дать ему 100,000 тумановъ и возстановить родственника его Селима на ханствѣ Нухинскомъ. Мустафа не принялъ предложенія и выставилъ свою конницу по рѣкѣ Курѣ отъ Сальянъ до Зардоба, съ приказаніемъ не пропускать никого по бакинской дорогѣ.

Между тѣмъ, какъ только маркизъ Паулуччи узналъ о вторженіи персіянъ въ Карабагъ, онъ тотчасъ же вызвалъ къ себѣ полковника Котляревскаго, составилъ для него сборный отрядъ въ 1,500 человѣкъ и приказалъ ему, черезъ новую Шемаху слѣдовать форсированными маршами къ Зардобу. Прибывъ на границу Карабага, Котляревскій нашелъ дѣла въ крайне разстроенномъ положеніи. Недовѣріе къ намъ жителей послѣ печальнаго дѣла баталіона Троицкаго полка и наконецъ внушенія, дѣлаемыя персіянами, что мы безсильны защитить населеніе, не располагало карабагцевъ въ нашу пользу; народъ искалъ перваго случая, чтобы передаться непріятелю. Селеніе Тугъ, съ нѣкоторыми жителями

[1]) Рапортъ полковника Живковича маркизу Паулуччи, 4-го февраля, № 63.

другихъ деревень—всего до 200 домовъ—передалось на сторону Джафара-Кули-аги и намѣрены были уйти за Араксъ. Котляревскій принужденъ былъ потребовать отъ хана, чтобы всѣ селенія, лежавшія вблизи Аракса, были переселены ближе къ Шушинской крѣпости, а съ тѣхъ, которыхъ нельзя переселить, были бы взяты аманаты изъ лучшихъ семействъ [1]). Не смотря на эти мѣры, жители, скрываясь по лѣсамъ, ожидали прибытія Аббасъ-Мирзы, который, въ виду движенія русскихъ войскъ, хотя и отступилъ за рѣку Араксъ, но обѣщалъ не позже какъ черезъ два мѣсяца придти опять и выгнать русскихъ изъ Карабага. Хвастливое обѣщаніе это заставило Котляревскаго предпринять экспедицію за Араксъ, хотя онъ сознавалъ всю трудность подобнаго предпріятія и имѣлъ весьма малую надежду на успѣхъ. Но «цѣль моя, доносилъ Котляревскій [2]), состоитъ въ томъ, чтобы, пренебрегая всякія трудности, переправиться за Араксъ, разбить непріятеля, возвратить, сколько можно, карабагцевъ, въ прошедшее время угнатыхъ, и отбить скота; но ежели бы со всѣмъ усиліемъ имѣлъ я малый успѣхъ, то и одно доказательство, что мы не слабы, принесетъ пользу, ибо карабагцы получатъ къ силѣ нашей довѣріе, непріятель и другіе непріязненные народы не будутъ мыслить, что дѣло баталіона Троицкаго полка совершенно насъ остановило, и мы избавимся чрезъ то внутреннихъ враговъ, коимъ наполненъ теперь Карабагъ».

Оставивъ необходимые посты на р. Курѣ, Котляревскій приказалъ полковнику Живковичу выступить 14-го марта изъ Зангезурскаго округа съ двумя ротами (250 человѣкъ) егерей и однимъ орудіемъ. Присоединивъ къ себѣ находившагося въ Шушѣ маіора Дьячкова съ отрядомъ въ 200 человѣкъ пѣхоты, Живковичъ долженъ былъ сдѣлать въ сутки 70 верстъ и 15-го числа занять на р. Араксѣ извѣстный въ то время Худо-аферинскій мостъ, исправленный персіянами для собственной переправы.

Самъ Котляревскій, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 1,271 че-

[1]) Рапортъ Котляревскаго маркизу Паулуччи, 8-го марта 1812 г., № 40.
[2]) Маркизу Паулуччи, отъ 12-го марта 1812 г., № 43.

ловѣка строевыхъ чиновъ пѣхоты, 200 казаковъ и трехъ орудій [1]) выступилъ 12-го марта изъ лагеря на р. Курѣ и предполагалъ двигаясь форсированнымъ маршемъ, быть близъ Худо-аферинскаго моста 15-го числа.

На пути слѣдованія Котляревскій разсѣялъ партію персіянъ, ворвавшуюся въ Карабагъ для грабежей. Ночью, 13-го числа, выступивъ изъ лагеря при р. Ханашинѣ, онъ разбилъ Джафаръ-Кули-агу, возвращавшагося съ карабагцами отъ Аскарани и наткнувшагося на нашъ аріергардъ. Въ урочищѣ Дашкесанъ Котляревскій взялъ изъ отряда роты Кабардинскаго полка безъ орудій, всѣхъ казаковъ и нѣсколько татаръ и двинулся съ ними къ переправѣ Саржанлы, въ 30 верстахъ ниже Худо-аферинскаго моста. Прибывъ къ переправѣ передъ утренней зарей, Котляревскій настигъ здѣсь жителей селенія Тугъ, остановилъ ихъ и подъ конвоемъ возвратилъ въ Карабагъ.

Прибыль воды въ р. Араксѣ отъ дождей и оттепели сдѣлала переправу вбродъ невозможною. Баталіонъ Севастопольскаго полка, посланный подъ командою маіора Писемскаго къ переправѣ Султанлу, выше саржанлинской въ 10 верстахъ, не нашелъ возможнымъ переправиться вбродъ. Тогда Котляревскій пошелъ со всѣмъ отрядомъ къ Худа-аферинскому мосту, въ полномъ убѣжденіи, что онъ занятъ полковникомъ Живковичемъ, но, къ удивленію своему, не нашелъ тамъ его, и мостъ оказался разрушеннымъ персіянами. Прибыль воды въ ручьяхъ и рѣчкахъ задержали Живковича. Остановившись съ отрядомъ на р. Топчакъ, Котляревскій послалъ приказаніе Живковичу присоединиться къ нему какъ можно скорѣе, что и было исполнено 16-го числа.

Въ тотъ же день Котляревскій узналъ, что въ мѣстечкѣ Кызъ-

[1]) Собственно въ отрядѣ Котляревскаго находилось:

	офиц.	ун.-офиц.	строев.	нестроев.
Херсонскаго гренадерскаго полка. . .	1	1	40	2
Кабардинскаго мушкетерскаго полка .	7	15	204	20
Троицкаго мушкетерскаго полка . . .	3	3	100	2
Севастопольскаго мушкетерскаго полка	10	24	447	30
17-го егерскаго полка	14	26	376	20
Итого. .	35	69	1167	74
Донскаго Попова 16-го полка	6	1	193	1
20-й артиллерійской бригады. . . .	1	4	38	2

Кала, считавшемся у персіянъ неприступнымъ, находится много скота, защищаемаго 150 человѣками отборныхъ куртинцевъ. Котляревскій тотчасъ же отправилъ маіора Троицкаго полка Подревскаго съ 200 человѣкъ пѣхоты и нѣсколькими казаками, который и отбилъ до 10,000 штукъ разнаго скота. Вернувъ еще три армянскія деревни изъ числа уведенныхъ Аббасъ-Мирзою, Котляревскій 17-го числа двинулся обратно въ Карабагъ, сдѣлавъ въ трое сутокъ 220 верстъ [1]).

Хотя экспедиція эта, доставившая Котляревскому орденъ св. Анны 1-й степени и столовыхъ денегъ по 1,200 руб. асс. [2]), и не имѣла блестящихъ результатовъ, но цѣль ея — ободрить жителей Карабага и доказать, что мы въ состояніи защитить ихъ, была достигнута. До 400 семействъ бѣжавшихъ и увлеченныхъ персіянами возвратились въ свои жилища. Жителямъ селеній, находившимся по ту сторону Аракса, было объявлено, что всякій, вторгнувшійся въ Карабагъ для грабежа или съ возмутительными письмами, будетъ повѣшенъ [3]). Объявленіе это однако же не вполнѣ подѣйствовало, и алчность туземцевъ къ деньгамъ преодолѣвала угрозы. По Карабагу вскорѣ стали распространяться возмутительныя письма и разнаго рода прокламаціи. Тѣ, которыя были захвачены нами, указывали на сношеніе съ персіянами самого Мехти-Кули-хана, на желаніе его, а главное его матери, передаться на сторону персіянъ. Братья хана были точно въ такой же перепискѣ, и одинъ изъ нихъ думалъ уйти въ Карадагъ со всѣми своими подвластными. Зорко слѣдя за всѣми дѣйствіями Мехти-Кули-хана, Котляревскій, подъ благовиднымъ предлогомъ оставилъ въ Шушѣ его брата, задержалъ его мать, а съ жителей

[1]) Рапортъ Котляревскаго маркизу Паулуччи, 22-го марта 1812 г., № 74.

[2]) Извѣстіе о полученіи награды дошло до Котляревскаго только въ февралѣ 1813 года. Объявить объ этомъ досталось на долю новаго главнокомандующаго, генерала Ртищева. «Имѣвши въ виду, писалъ онъ Котляревскому, высочайше повелѣніе, сообщенное мнѣ черезъ военнаго министра, и желая, чтобы вы безотлагательно украсили себя симъ знакомъ отличія, съ толикою похвалою вами заслуженнымъ, посылаю при семъ мой собственный орденъ въ знакъ истиннаго моего къ вамъ усердія и позволяю вамъ, возложивъ оный на себя, носить по установленному порядку». (См. Акт. Кавк. Арх. Ком. т. V, № 527).

[3]) Обвѣщеніе Котляревскаго 19-го марта, № 59.

взялъ аманатовъ изъ числа самыхъ почетныхъ фамилій. Столь крутыя мѣры онъ признавалъ необходимыми по крайней ограниченности своихъ боевыхъ средствъ, усилить которыя не представлялось никакой возможности, въ виду возмущенія, вспыхнувшаго въ Грузіи.

XXI.

Состояніе Закавказья: чума и голодъ.—Возстаніе въ Грузіи.—Провозглашеніе царевича Григорія царемъ Грузіи.—Положеніе нашихъ войскъ.—Дѣйствія отрядовъ полковника Тихановскаго и подполковника Ушакова.—Неудачный штурмъ Ахалкалакъ Шерифомъ-пашою.—Прокламація маркиза Паулуччи.—Отвѣтъ на нее инсургентовъ.—Дѣйствія главнокомандующаго.—Освобожденіе Телава.—Прекращеніе волненій.—Отозваніе маркиза Паулуччи и назначеніе на его мѣсто генерала Ртищева.

Вступивъ, послѣ Тормасова, въ управленіе Закавказьемъ, маркизъ Паулуччи доносилъ, что, край ему ввѣренный, «нельзя признать состоящимъ въ благопріятномъ видѣ». Главною причиною тому была чума, внесенная еще въ 1810 году, при отступленіи нашихъ войскъ изъ предѣловъ Турціи. Она появилась всюду: въ дагестанскихъ деревняхъ, неподалеку отъ г. Дербента, на нижнеабазинскомъ посту, на Алавердскомъ заводѣ, по всѣмъ почти городамъ Грузіи, въ Елисаветполѣ и Имеретіи.

Не смотря на всѣ принимаемыя мѣры и на учрежденіе въ Тифлисѣ особаго комитета для сохраненія здоровья жителей, болѣзнь долго не прекращалась. Многія семейства сдѣлались жертвою заразы [1]); жители боялись оставаться въ городѣ и покидая его уѣзжали въ селенія, или укрывались въ садахъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Тифлисъ былъ пустъ, точно такъ же, какъ и многіе города Грузіи.

Съ другой стороны, проливные дожди повредили жатвѣ, а появившіяся въ значительномъ числѣ мыши окончательно истребили хлѣбъ прежде его уборки съ полей. Въ Имеретіи рѣки выступили

[1]) Со дня появленія заразы и до ея окончанія умерло въ Грузіи отъ чумы 2,042 мужчинъ, 1,646 женщинъ и 567 дѣтей.

изъ береговъ, залили поля, а во многихъ мѣстахъ унесли дома и скотъ. Послѣдствіемъ всего этого былъ голодъ, болѣзни и значительная смертность. Въ весьма короткое время въ Имеретіи вымерло до 12 тысячъ семействъ [1]) и осталась только третья часть населенія. Пораженное всеобщимъ ужасомъ, населеніе бѣжало въ горы и лѣса. Имеретины мололи желуди, косточки отъ винограда и питались ими, а когда этого не стало, то и трава казалась вкусною [2]). Недостатокъ пищи заставлялъ многихъ родителей отдавать дѣтей своихъ въ рабство за незначительный кусокъ хлѣба.

Въ январѣ 1812 года было препровождено главнокомандующему 10 тысячъ рублей для вспомоществованія страждущему имеретинскому народу и сдѣлано распоряженіе о доставленіи 10 тысячъ четвертей хлѣба изъ Крыма къ мингрельскимъ берегамъ. Для раздачи бѣднымъ пособія составлена, подъ предсѣдательствомъ генерала Симоновича, особая коммисія—изъ двухъ имеретинскихъ князей и двухъ духовныхъ особъ [3]).

Въ Грузіи также ощущался недостатокъ въ хлѣбѣ, и сначала на него возвысилась цѣна, а потомъ онъ вовсе не продавался [4]). Въ Тифлисѣ четверть дурной муки стоила отъ 20 до 30 руб. Жители скитались по лѣсамъ, питались кореньями и травою; почти все населеніе Памбакъ и Шурагели разошлось по сосѣднимъ провинціямъ.

Частое вторженіе непріятеля въ пограничныя мусульманскія провинціи лишило туземцевъ скота и хлѣба на столько, что они не имѣли сѣмянъ для будущаго посѣва. Тѣ, которые были въ силахъ, покупали хлѣбъ въ селеніяхъ за р. Арпачаемъ, но большинство не имѣло средствъ этого сдѣлать. Общее бѣдствіе усиливалось отъ злоупотребленій мелкихъ чиновниковъ, поставленныхъ въ непосредственное сношеніе съ народомъ.

---

[1]) Въ Имеретіи по 1-е марта 1812 года умерло отъ голода и заразы: 32,750 человѣкъ, разошлось въ сосѣднія провинціи 7,450 и распродано 2,000 душъ обоего пола.

[2]) Письма изъ Имеретіи князя Р. Эристова. «Кавказъ» 1857 г., № 81.

[3]) Отношеніе министра полиціи 24-го ноября 1811 г., № 1408.

[4]) Отношеніе главнокомандующаго министру полиціи отъ 25-го сентября 1812 г., № 4.

Въ то время Кавказъ былъ страною весьма мало извѣстною русскому народу. Отсутствіе сообщеній и удобствъ жизни не привлекало достойныхъ людей въ столь отдаленный край. Службы на Кавказѣ искали, въ большинствѣ случаевъ, тѣ чиновники, которымъ не было мѣста въ Россіи, тѣ, которые разсчитывали, избавившись отъ надзора, поживиться на чужой счетъ. Смотря на туземцевъ какъ на народъ, облагодѣтельствованный Россіею, а на себя какъ на благодѣтелей и избавителей, пришедшихъ для обновленія жизни населенія, чиновники не считали нужнымъ сдерживать свой произволъ и находили, что жители, изъ благодарности, обязаны подчиняться ихъ капризной волѣ. «Бывшій здѣсь вахмейстеръ, писали грузины [1]), при отдачѣ мужиками хлѣба или ячменя, заставлялъ ихъ одного вмѣсто стула, а другаго вмѣсто стола согнуться, и потомъ на одномъ сидѣлъ, а на другомъ писалъ и такимъ образомъ безчеловѣчно мучилъ».

Еще въ октябрѣ 1810 года Тормасовъ, пріѣхавъ въ Сурамъ, не нашелъ тамъ ни одного чиновника земской полиціи. Предписывая правителю Грузіи обратить на это вниманіе и принять строгія мѣры, Тормасовъ присовокуплялъ, что онъ не находитъ «ничего распутнѣе земской полиціи, которой хуже, я думаю, нигдѣ нѣтъ [2])».

Занятые военными дѣйствіями, главнокомандующіе не имѣли времени входить въ подробности гражданскаго управленія, и люди неблагонамѣренные пользовались такимъ недосмотромъ. Взятки и всякаго рода незаконные поборы, обвѣшиваніе и обмѣриваніе — все было пущено въ ходъ для собственной наживы. Жители казахской дистанціи въ прошеніи, поданномъ маркизу Паулуччи, писали, что при бывшихъ царяхъ въ каждомъ селеніи у нихъ былъ одинъ начальникъ, а теперь всѣ братья и племянники агаларовъ входятъ въ распоряженія, берутъ взятки, держатъ при себѣ людей, коихъ освобождаютъ отъ повинностей, называя ихъ тарханами [3]).

Маркизъ Паулуччи хотя и принималъ мѣры противъ подобныхъ

[1]) Въ прошеніи отъ 17-го марта 1812 г. Слѣдственное дѣло.
[2]) Акты Кавказской Археографич. Коммисіи, т. IV, № 45.
[3]) Акты Кавказской Археографич. Коммисіи, т. V, № 154.

притѣсненій, но ни угрозы, ни предписанія не останавливали отъ противозаконныхъ поступковъ. Злоупотребленія такъ глубоко всосались въ бытъ чиновниковъ, что нѣкоторые рѣшались не объявлять народу распоряженій главнокомандующихъ или перетолковывали ихъ въ свою пользу. «Дошло до свѣдѣнія моего, писалъ маркизъ Паулуччи [1]), что моуравы въ дистанціяхъ, имъ ввѣренныхъ, не обнародовали ясно даннаго отъ меня оповѣщенія жителей всей Грузіи о разныхъ предположеніяхъ моихъ для постановленія въ Грузіи порядка, въ особенности о введеніи справедливыхъ вѣсовъ и мѣръ и объ искорененіи постыднаго корыстолюбія.

«Итакъ, замѣчая изъ сего цѣль моуравовъ, чтобы черезъ ускользеніе передъ народомъ таковыхъ желаній моихъ продолжать имъ по прежнимъ обычаямъ попущаться на противозаконные поступки и преграждать пути притѣсняемымъ несправедливостью приносить мнѣ жалобы, кои всегда готовъ я принимать, предлагаю вашему превосходительству, по полученіи сего, немедленно отправить особаго чиновника въ каждую дистанцію, какъ-то: Казахъ, Шамшадылъ и Борчало, поручивъ имъ оповѣстить оное предписаніе мое самимъ жителямъ въ селеніи, при собраніи всего общества, дополнивъ къ тому, что моуравы, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, за судъ и расправу кою они производить будутъ между жителями, отнюдь не должны въ пользу свою взыскивать штрафовъ, также и на содержаніе себя ни подъ какимъ видомъ не должны брать ничего съ народа».

Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій приказалъ принимать хлѣбъ въ подать и покупать его въ казну на русскій вѣсъ, а не туземною мѣрою, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ встрѣчались нерѣдко злоупотребленія. Провіантскіе и земскіе чиновники требовали часто вдвое противъ положенной мѣры и излишекъ никогда не возвращали. За доставку хлѣба никогда не платили и заставляли жителей перевозить хлѣбъ изъ одного мѣста въ другое безъ всякой видимой цѣли. Капитанъ-исправникъ приказывалъ, напримѣръ, доставить хлѣбъ въ анагскій магазинъ, а коммисіонеръ требовалъ, чтобы онъ онъ былъ перевезенъ въ сел. Мирзани. Не

[1]) Дѣйств. статск. совѣт. Малиновскому отъ 29-го ноября 1811 года. Акты Кавк. Арх. Ком., т. V, 19.

зная, чье приказаніе исполнять, грузины оставались въ затруднительномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока капитанъ-исправникъ и коммисіонеръ, взявши съ нихъ 200 руб., уже съ общаго согласія разрѣшили доставить хлѣбъ въ анагскій магазинъ [1]).

Пріемъ хлѣба производился весьма медленно, и надо было заплатить, чтобы пріемщикъ принялъ безъ задержанія. Плату можно было производить всѣмъ чѣмъ угодно: баранами, птицами, яйцами, молочными скопами и другими продуктами. Грузины платили съ покорностью и не жаловались до тѣхъ поръ, пока лихоимство не дошло до крайнихъ предѣловъ.

— Всемилостивѣйшій Государь, — говорили туземцы, — для нашего спокойствія покорилъ непріятелей, а тѣ, которыхъ къ намъ приставилъ насъ обобрали [2]).

Сигнахскій капитанъ-исправникъ, по заявленію жителей, *не соглашался безъ взятки отворить своей двери.* «Когда имѣлъ кто какую жалобу, то если видѣли у него руку сжатую для дачи — впускали, а если нѣтъ, то били и къ себѣ не допускали. За претензію и споры о пятирублевомъ дѣлѣ судьи брали взятку по пятидесяти рублей. Кто давалъ взятку, тотъ былъ правъ, а правый, но не плативший — виноватъ [3])».

Въ судахъ, по положенію, засѣдали на половину грузинскіе князья съ русскими чиновниками и имѣли равный голосъ въ рѣшеніи дѣлъ. Но голосъ князей не имѣлъ никакого значенія, и если они высказывали свое мнѣніе, то чиновники имъ отвѣчали: «какъ послѣдній нашъ писарь не имѣетъ въ судѣ голоса, такъ и вы его не имѣете [4])».

Судьи тянули дѣла, по нѣскольку разъ вызывали тяжущихся изъ дальнихъ деревень и, продержавъ ихъ по пяти и шести недѣль въ городѣ, отпускали обратно, не объявивъ рѣшенія.

«Вы сами можете въ Телавскомъ уѣздѣ узнать, писалъ митрополитъ Іоаннъ Бодбели маркизу Паулуччи [5]), съ котораго года

---

[1]) Слѣдственное дѣло. См. также Военно-Учен. Арх. д. № 47358.
[2]) Прошеніе жителей сел. Просіанъ кн. Андроникову 7-го марта 1812 г.
[3]) Прошеніе жителей, поданное сигнахскому моураву 6-го марта 1812 г.
[4]) Прошеніе общества Телавскаго уѣзда 18-го марта 1812 года.
[5]) Отъ марта 1812 года. Акты Кавк. Арх. Ком., т. V, № 99.

тамъ хранятся дѣла, не получающія движенія ради большихъ выгодъ; они (судьи) присягаютъ не брать взятокъ и творить судъ справедливый, но всему измѣняютъ, и безумный народъ этой земли развращается черезъ клятвопреступленіе ихъ. Но что сказать мнѣ, душою огорченному на старости лѣтъ моихъ, и какъ смѣть объяснить все то зло, о которомъ я слышалъ отъ многихъ правдивыхъ людей и котораго былъ свидѣтель? Несправедливость довела народъ до отчаянія».

— Намъ не нравится россійскій судъ,—говорили грузины,— потому что долго не рѣшаютъ дѣлъ и много взятокъ берутъ. Мы хотимъ имѣть судъ грузинскій, чтобы просьбы поступали на грузинскомъ языкѣ, и мы могли разговаривать съ судьями, не занимаясь переводчиками [1]).

Злоупотребленія въ судахъ были столь часты, что неправое рѣшеніе считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Свѣдѣнія о нуждахъ народа представляемы были часто главному начальству въ превратномъ видѣ. Грузія хотя и имѣла тогда своихъ предводителей дворянства, но они, не понимая русскаго языка, а главное—не зная своихъ правъ и обязанностей, оставались безполезными представителями своего сословія. Послѣднее обстоятельство представляло для многихъ удобный случай истолковывать ихъ поступки въ превратномъ видѣ и достичь того, чтобы владѣльцы не пользовались довѣріемъ правительства, но находились въ постоянномъ подозрѣніи. Разглашая о поголовномъ нерасположеніи грузинъ къ Россіи, неблагонамѣренные люди видѣли въ этомъ вѣрнѣйшее средство удовлетворять своимъ корыстолюбивымъ наклонностямъ.

Не понимая правъ и преимуществъ, дарованныхъ великодушіемъ императора, грузины долгое время признавали законною ту чрезвычайную власть, которая была присвоена себѣ частными начальниками. Власть же главноуправляющаго считалась ими неограниченною и безконтрольною.

«Когда пріѣзжалъ къ намъ капитанъ-исправникъ, съ 40 или 60 человѣками, писали жители Чалоубанскаго ущелья [2]), то по-

[1]) Слѣдственное дѣло.
[2]) Въ прошеніи безъ числа и мѣсяца. Слѣдственное дѣло.

ступалъ съ нами въ видѣ царя и заставлялъ служить, какъ при царяхъ служили. Говорили, что будто бы они наши цари, и всегда царскія повинности брали отъ насъ; а секретари говорили намъ, *что какъ Богъ, такъ и государь далеко.* Мы, видя (въ нихъ) образъ Его Императорскаго Величества, *повиновались какъ Всевышнему*»

При такомъ убѣжденіи народъ слѣпо выполнялъ всякія требованія.

«Когда первый Богъ, писали грузины [1]), а потомъ нашъ господинъ (царь Георгій) отдалъ насъ государю, то съ тѣхъ поръ фальши мы не оказывали. Куда насъ требовали, мы отправлялись, съ быками и арбами: подъ Елисаветполь, Гумри (Александрополь), Ахалцыхъ, въ Нуху и въ Имеретію. Гдѣ не могли служить быками, служили лошадьми. Изъ вышеписанныхъ мѣстъ мы не получили назадъ ни быковъ, ни аробъ, ниже мѣшковъ».

Наряды со стороны капитанъ-исправниковъ, для удовлетворенія ихъ частной надобности, были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. По предписанію ихъ нерѣдко брались съ деревень подводы съ дровами и фуражомъ, въ угожденіе ихъ знакомыхъ и пріятелей, и отправлялись на дальнее разстояніе безъ всякой платы со стороны требующихъ и безъ всякаго возраженія со стороны хозяина [2]). По сдѣлкамъ съ купцами, пріѣзжавшими изъ Россіи, чиновники наряжали арбы и лошадей подъ частные караваны, увѣряя жителей, что купецъ везетъ казенный транспортъ [3]). Неоднократные примѣры удостовѣряли населеніе въ опасности приносить жалобы, которыя обыкновенно выставлялись, какъ возмущеніе противъ властей. Если же и находились охотники отправиться въ Тифлисъ, для принесенія жалобы главнокомандующему, то такимъ или не выдавали на свободный проходъ билетовъ, или удерживали весьма долго въ мцхетскомъ карантинѣ. Истративъ все, что было съ собою, грузинъ долженъ былъ возвратиться домой изъ опасенія найти въ Тифлисѣ только изнуреніе, голодъ и холодъ [4]).

---

[1]) Прошеніе жителей обѣихъ Мизрань.

[2]) Записка г.-м. кн. Чавчавадзе, поданная Императору Николаю I въ 1837 г. Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба.

[3]) Показаніе жителей сел. Кайсхеви 2-го мая. Слѣдственное дѣло.

[4]) Донесеніе слѣдственной коммисіи.

Съ одной стороны главнокомандующіе, опираясь на Грузію, какъ единственную въ то время мирную страну, по необходимости, вынуждены были пользоваться ея силами, для продовольствія войскъ, съ другой—налогъ этотъ былъ крайне тяжелъ для народа. Изъ сохранившихся нарядовъ видно, что нерѣдко въ самый короткій промежутокъ времени населеніе закавказскихъ провинцій выставляло до 112,154 аробъ, запряженныхъ волами и буйволами, и 99,780 вьючныхъ лошадей съ погонщиками. Число само по себѣ уже достаточное для заключенія, чего стоила эта повинность жителямъ, которые, по недостатку корма и дурнымъ дорогамъ, часто лишались аробъ и скота, возвращавшагося изъ похода не болѣе одной двадцатой части [1]).

Столь усиленные наряды не могли не отзываться на экономическомъ бытѣ населенія. Занятые почти цѣлый годъ перевозкою провіанта и коммисаріатскихъ тяжестей, грузины не имѣли времени обработывать свои поля. Отъ этого не только падала всякая промышленность, но чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, и заготовленіе продовольствія для войскъ было крайне затруднительно.

Сдавая корпусъ маркизу Паулуччи, Тормасовъ показалъ войска обезпеченными провіантомъ; но когда полки стали требовать продовольствія, то оказалось, что всѣ главные магазины были пусты.

Это ошибочное показаніе основано было на томъ, что суммы на заготовленіе продовольствія были отпущены коммисіонерамъ, а потому и провіантъ считался наличнымъ. Коммисіонеры хотя и выдали часть денегъ въ задатокъ, но при общемъ голодѣ всѣ средства къ пріобрѣтенію провіанта оказались безполезными. Тогда провіантскіе чиновники представили начальству, что показанный по вѣдомостямъ провіантъ дѣйствительно закупленъ ими, что деньги за него получены жителями, но что они не везутъ хлѣбъ въ магазины и скрываютъ его потому только, что цѣны возвысились.

Руководясь мыслію, будто грузины въ концѣ прошлаго сто-

---

[1]) Записка ген.-маіора кн. Чавчавадзе.

лѣтія содержали вспомогательныя русскія войска своимъ провіантомъ, маркизъ Паулуччи пришелъ къ нѣсколько странному заключенію, что для народа, продовольствовавшаго прежде войска даромъ, назначеніе малыхъ цѣнъ на то же самое продовольствіе не должно быть чувствительно. На этомъ основаніи онъ сдѣлалъ раскладку провіанта сообразно урожаю и требовалъ поставки хлѣба по назначеннымъ имъ цѣнамъ. Хотя, по словамъ самого главнокомандующаго, грузины протестовали противъ такой мѣры, но, говорилъ онъ, «не смотря на просьбы и отказы жителей, которые дѣйствительно находятся въ крайней бѣдности, я употребилъ ласки и силу, — все въ свое время, дабы обезпечить войска».

Распоряженіе главнокомандующаго не привело къ желаемой цѣли, и онъ не употребилъ бы такого средства, если бы былъ основательно знакомъ съ продовольствіемъ нашихъ войскъ въ Грузіи при царяхъ Ираклiи II и Георгіи XII. Число этихъ войскъ не превышало цифры 3-хъ тысячъ человѣкъ, продовольствуемыхъ на столько плохо, что часто за русскія деньги не было возможности достать провіанта [1]). Наконецъ, если бы эти войска и продовольствовались сборнымъ хлѣбомъ безъ платы, то должны ли они служить примѣромъ для продовольствованія значительнаго числа войскъ? Между тѣмъ, примѣръ этотъ послужилъ основаніемъ для дѣйствія маркиза Паулуччи, и цѣны на хлѣбъ были назначены въ половину и даже въ четверть менѣе противъ дѣйствительной его стоимости. Такъ, за каждую поставленную въ казну коду (2 пуда 10 фунтовъ) муки было назначено по 6 абазовъ (1 р. 20 коп.), тогда какъ сами жители покупали коду не менѣе какъ за 25 абазовъ (5 руб.).

«По установленіи цѣнъ и раскладки, писалъ современникъ, въ видѣ реквизиціи отправлялись провіантскіе коммисіонеры, каждый съ командой казаковъ, которые въ продолженіе операціи продовольствовались на счетъ жителей. Помощь сихъ командъ, подъ предлогомъ охраненія казенной суммы, была необходима при закупкѣ хлѣба, ибо крайне обиженные хозяева ничтожностію платы,

[1]) См. изданный нами т. II.

обороняя свою собственность, не иначе разставались съ нею, какъ по выдержаніи тѣлеснаго наказанія».

Если же требованіе провіанта падало на селенія, не имѣвшія возможности достать его ни у себя, ни у другихъ, по причинѣ неурожая, то въ этомъ случаѣ жители поступали въ полное распоряженіе коммисіонера, который, бросивъ имъ слѣдуемую по казенной оцѣнкѣ сумму,—требовалъ провіанта и тогда уже мѣра сдѣлки между ними совершенно зависѣла отъ покупщика.

«Жители Грузіи, сказано въ замѣчаніяхъ о торговлѣ, производимой въ Грузіи [1]), черезъ нѣкоторыя злоупотребленія дурныхъ провіантскихъ чиновниковъ, стараются скрывать большую часть хлѣба. Коммисіонеры съ казаками таковой отыскиваютъ, забираютъ, платя жителямъ такую сумму, что они рѣдко остаются довольными, нуждаются сами въ хлѣбѣ, и оттого иногда вынужденными бываютъ приниматься за оружіе и чинить сопротивленіе».

Туземцы обвиняли въ этомъ Тормасова, которому не разъ было объясняемо истинное состояніе жителей, но недовѣріе его къ дворянству и нежеланіе подчиняться его совѣтамъ удерживало многихъ отъ объясненія главнокомандующему послѣдствій, могущихъ произойти отъ такого положенія дѣлъ. Генералъ-маіоръ князь Орбеліани, бывши маршаломъ грузинскаго дворянства, просилъ впослѣдствіи маркиза Паулуччи довести до свѣдѣнія Императора о нуждахъ и положеніи грузинскаго народа [2]).

Тормасовъ, бывшій въ Петербургѣ, доложилъ, что по продовольствію войскъ въ Закавказьѣ не встрѣчается никакихъ затрудненій, и что тамъ экзекуція есть обыкновенный способъ сбора. Маркизъ Паулуччи находилъ такое заявленіе несправедливымъ, говорилъ о недостаткѣ продовольственныхъ запасовъ, просилъ Императора прислать довѣренное лицо, чтобы убѣтиться, въ какомъ положеніи находится Грузія [3]), или же, наконецъ нарядить коммисію для разсмотрѣнія состоянія края, принятаго имъ въ разстроенномъ видѣ [4]).

[1]) Отношеніе министра финансовъ Гурьева главнокомандующему 20-го мая, № 5393.

[2]) Рапортъ ген. маіора кн. Орбеліани 14-го марта 1812 г., № 11.

[3]) Отношеніе маркиза Паулуччи военному министру 5-го января, № 5.

[4]) Рапортъ главнокомандующаго Г. И. 14-го декабря 1811 г., № 80.

Вездѣ находятся такіе люди, которые прислужливостью и лестью стараются затемнить дѣло. Въ то время, какъ безпорядки въ управленіи приводили народъ въ отчаяніе, нѣкоторые, искавшіе выставить свою преданность главному начальству, изображали ему положеніе жителей Грузіи съ самой выгодной стороны, утверждая, что они ограждены отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, увѣрены въ своей собственности и сбываютъ свои произведенія свободно за хорошія цѣны, но не хотятъ признавать своего благополучія.

Въ отказѣ грузинъ поставить хлѣбъ по назначеннымъ цѣнамъ видѣли преднамѣренное сопротивленіе правительству. Исправлявшій должность правителя Грузіи, генералъ-маіоръ Сталь 2-й, доносилъ, что назначенной для покупки въ Сигнахскомъ уѣздѣ 40,000 кодъ пшеницы жители не соглашаются продать. Сталь просилъ уѣзднаго маршала, князя Андроникова, капитанъ-исправника Сорокина и митрополита Іоанна Бодбеля уговорить жителей поставить требуемое количество пшеницы. Не смотря на увѣщанія, грузины соглашались поставить только 10,000 тысячъ кодъ, и притомъ съ условіемъ, чтобы въ томъ числѣ была одна треть ячменя. Тогда Сталь донесъ, что упорство жителей происходитъ отъ подстреканій князей, маршала и, главное, отъ наговоровъ Вачнадзе Бебурова. Онъ просилъ назначить экзекуцію, взять хлѣбъ силою, «и тѣмъ дать почувствовать надъ собою власть правленія россійскаго и отвлечь отъ мысли своеволія, возникшаго со времени выведенія изъ Сигнахскаго уѣзда трехъ полковъ и полученныхъ возмутительныхъ писемъ отъ бѣглеца Александра царевича»[1]).

Экзекуція была назначена; войска размѣщены по деревнямъ, и положеніе населенія еще болѣе ухудшилось отъ причиняемыхъ ему разореній и обидъ. Домашнія птицы, вино, огороды, лошади и все имущество поселянъ перешло въ полное распоряженіе постояльцевъ. Заборы и торкалы отъ виноградниковъ обыкновенно употреблялись на топливо; состоявшіе при капитанъ-исправникѣ казаки косили сѣно для своихъ лошадей на лугахъ, принадлежавшихъ обывателямъ, и не дозволяли даже владѣльцамъ пускать на

[1]) Рапортъ Сталя главнокомандующему, 25-го августа 1811 г., № 2809.

эти луга свой скотъ [1]). Все это дѣлалось явно, безъ воспрещенія, безъ взысканія и безъ жалобъ со стороны хозяевъ, которые «въ отвѣтъ ничего не могли ожидать, кромѣ угрозъ и наказаній [2]).

Командиръ Нарвскаго драгунскаго полка бралъ по пятнадцати аробъ ячменя за то только, чтобы не ставитъ драгунъ въ деревняхъ. Народъ единогласно просилъ разрѣшенія построить на свой счетъ казармы внѣ селеній, чтобы избавиться отъ тяжести воинскаго постоя.

«Когда за подводами являлись солдаты, и жители хотя два часа медлили выставкою быковъ, писали жители Бодбисхеви [3]), то первые брали женщинъ и запрягали ихъ въ арбы». Отъ требованій генерала Портнягина, говорили жители селенія Паніани [4]), ни быкамъ не было покоя, ни людямъ: когда быки падали, людей запрягали.

«Назадъ тому годъ, показывали жители города Душета [5]), какъ безъ бытности дома хозяина (недавно окрещеннаго изъ осетинъ въ христіанскую вѣру) Беція-Швили, стоявшій въ Душетѣ съ командою офицеръ отобралъ жену его, и когда по возвратѣ своемъ Беція требовалъ ее къ себѣ, то офицеръ не отдалъ; когда же Беція отъ того (своего требованія) не отступалъ, то солдатами былъ поднятъ на штыки, гдѣ онъ въ то же время и померъ; жена же его и по сіе время у того офицера находится...»

— Мы дошли до такой крайности,—говорили Бодбисхевцы,—что при персіянахъ, туркахъ и лезгинахъ такого гнѣва Грузія не терпѣла, какъ теперь.

«Всѣ обиды переносили мы изъ усердія къ Государю,—писали жители селенія Просіанъ [6]),—но взятія у насъ женъ изъ объятій не могли переносить».

— У насъ отбирали женъ,—говорили грузины [7]),—связывали

[1]) Показаніе жителей сел. Мэшкары 4-го мая 1812 г. Слѣдственное дѣло.
[2]) Записка генералъ-маіора князя Чавчавадзе.
[3]) Въ донесеніи моураву кн. Іосифу Андроникову отъ 6-го марта 1812 года. Акты Кавк. Арх. Ком., т. V, № 90.
[4]) Слѣдственное дѣло.
[5]) Въ показаніи отъ 4-го мая 1812 г. Тамъ же.
[6]) Отъ 7-го марта 1812 г. Слѣдственное дѣло.
[7]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. V, № 100.

мужьямъ руки, и въ виду ихъ солдаты имѣли съ ними дѣло. Жена кричала мужу: «*помоги*», а мужъ отвѣчалъ, что и его давятъ—«чѣмъ помочь!»

Народъ нѣсколько разъ обращался съ просьбою вывести изъ деревень войска, которыя поведеніемъ своимъ оскорбляютъ стыдливость ихъ женъ и дочерей. На эту просьбу отвѣчали требованіемъ скорѣе ставить хлѣбъ въ магазины. Тяготясь такимъ положеніемъ и испытывая сами недостатокъ въ пропитаніи. жители почти ежедневно собирались около своихъ церквей, для совѣщанія о мѣрахъ къ скорѣйшей поставкѣ хлѣба. Сюда являлись агенты царевича Александра съ фирманами Аббасъ-Мирзы, который писалъ объ отправленіи грузинамъ значительной суммы денегъ и, обѣщая явиться на помощь, просилъ ихъ оказывать сопротивленіе русскимъ [1]). Въ виду своего бѣдственнаго положенія, грузины готовы были поддаться всякаго рода внушеніямъ. Съ каждымъ днемъ число недовольныхъ увеличивалось. Духовенство было недовольно уменьшеніемъ числа епархій, упраздненіемъ нѣкоторыхъ приходовъ, уничтоженіемъ церковныхъ имѣній и передачею ихъ въ казенное вѣдомство; князья—ограниченіемъ ихъ власти и уничтоженіемъ моуравствъ, а народъ ропталъ на притѣсненія и поборы среди голода, болѣзней и огромной смертности. При такихъ условіяхъ безпорядки явились тотчасъ же, какъ только извѣстный предѣлъ былъ перейденъ...

Рано утромъ 31-го января 1812 г. набатный звонъ колоколовъ селенія Ахметъ собралъ къ сельской церкви всѣхъ жителей деревни. Здѣсь они узнали о прибытіи экзекуціи, требовавшей провіанта. Отказавшись исполнить требованіе, грузины бросились на команду и выгнали ее изъ селенія.

Посланный на другой день новый отрядъ, подходя къ селенію, былъ встрѣченъ выстрѣлами возмутившихся, къ которымъ успѣли присоединиться пшавы, хевсуры и жители сел. Матанъ и Тіонетъ. Изъ этой послѣдней деревни команда была также изгнана и частію перерѣзана. Народная ярость была возбуждена одною

---

[1]) Всеподд. рапортъ маркиза Паулуччи, 26-го марта.—Фирманы Аббасъ-Мирзы.—Военно-Учен. Арх. Главн. Штаба.

женщиною, которая, вбѣжавъ въ средину толпы, бросилась къ мужу, стащила съ него папахъ (шапку), надѣла его на себя, а на мужа накинула свое покрывало (чадру).

— Теперь ты жена, а я мужъ! — кричала она. — Я обезчещена и иду мстить за тебя.

Съ этими словами она выхватила у мужа кинжалъ и бросилась къ дому; толпа ринулась за нею. Офицеръ былъ заколотъ; команда перерѣзана [1]). Возстаніе быстро распространилось и охватило всю Кахетію; увѣщанія капитанъ-исправниковъ не дѣйствовали. Народъ повсюду отказывался повиноваться, и отъ одного селенія къ другому скакали зачинщики, угрозами заставляя жителей присоединяться къ нимъ и истреблять всѣ экзекуціонныя команды. Грузины слѣдовали за коноводами, хотя сознавали въ душѣ несообразность своего поведенія и искренно желали оставаться вѣрными русскому Императору.

«На тотъ конецъ сдѣлали мы бунтъ, говорили жители селеній Нукреянъ и Магаро [2]), чтобы насъ больше не притѣсняли, а не на тотъ, чтобы лишиться россійскаго покровительства... Сопротивлялись же противъ россіянъ [3]), въ чаяніи томъ, чтобы правительство обратило вниманіе на состояніе наше и не оставило опредѣлить къ намъ одного изъ россійскихъ, а другаго изъ грузинскихъ чиновниковъ, для управленія нами и удовлетворенія просьбъ нашихъ».

По полученіи первыхъ извѣстій о возстаніи, военное и гражданское начальство разослало повсюду предписанія пріостановиться взысканіемъ провіанта съ жителей. Тогда же разосланы повелѣнія ко всѣмъ комендантамъ, капитанъ-исправникамъ, моуравамъ и уѣзднымъ маршаламъ о принятіи необходимыхъ мѣръ предосторожности и употребленіи всѣхъ способовъ для удержанія народа отъ мятежа; князья, пользовавшіеся уваженіемъ народа, и почетныя духовныя особы были посылаемы для увѣщанія, но все оставалось напраснымъ. «Ожесточенный народъ, доносилъ маркизъ

[1]) Записки князя Д. О. Бебутова. «Военный Сборникъ» 1867 года, №№ 6-й и 7-й.

[2]) Въ прошеніи отъ 26-го марта 1812 г.—Военно-Учен. Архивъ.

[3]) Показаніе жителей сел. Арагвиспири и Ораниси, 1-го мая. Тамъ же.

Паулуччи, не внималъ никакимъ совѣтамъ, стрѣлялъ по тѣмъ, кои старались его успокоить, и умерщвлялъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки курьеровъ и лазутчиковъ, отъ правительства посланныхъ».

Соединившись съ пшавами и хевсурами, возмутившіеся заперли всѣ дороги въ Кахетіи и отрѣзали пути отступленія нашимъ войскамъ. Послѣднія, будучи разбросаны самыми маленькими командами по отдѣльнымъ деревнямъ, были застигнуты врасплохъ. Города Телавъ и Сигнахъ подверглись осадѣ; въ послѣднемъ всѣ чиновники и гарнизонъ были вырѣзаны. Та же участь постигла пятый эскадронъ Нарвскаго драгунскаго полка, стоявшій въ сел. Какабети. Нижніе чины защищались въ сараяхъ, эскадронной конюшнѣ, банѣ, но, уступая въ численности, по большей части погибли. Одинъ только унтеръ-офицеръ со штандартомъ успѣлъ прискакать въ штабъ полка, въ д. Сагареджо; туда же прибылъ со знаменемъ и есаулъ донскаго Поздѣева 8-го полка Кузнецовъ, изъ селенія Анаги, которое было сожжено вмѣстѣ съ провіантскими магазинами. Жители селеній Ахмета, Тіонетъ, Матаани и Маралисы, соединившись вмѣстѣ, при содѣйствіи армянъ, жившихъ въ предмѣстьѣ Телава, ворвались, 2-го февраля, въ форштатъ этого города, разграбили всѣ квартиры, умертвили нѣсколькихъ солдатъ и расхитили изъ сельскихъ магазиновъ податной провіантъ. Телавскій комендантъ, маіоръ Шматовъ, съ 60 человѣками, заперся въ крѣпости и защищалъ ее до прибытія маіора Вронскаго съ тремя ротами 9-го егерскаго полка, стоявшими вблизи Телава, въ селеніи Гомборахъ, и 250-ти человѣкъ нарвскихъ драгунъ, отправленныхъ генераломъ Портнягинымъ съ маіоромъ Есиповымъ. Пробиваясь сквозь толпу инсургентовъ, Есиповъ былъ убитъ, но драгуны достигли до крѣпости, хотя и съ весьма большою потерею въ людяхъ. Изъ 250 человѣкъ драгунъ пришло въ крѣпость только 148 человѣкъ, а отрядъ егерей, пробиваясь черезъ толпу, потерялъ 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми, 10 человѣкъ захваченными въ плѣнъ и ранеными 2-хъ офицеровъ и 30 человѣкъ рядовыхъ.

Возставшіе кахетинцы провозгласили царевича Григорія [1]) сво-

[1]) Григорій былъ сынъ царевича Ивана, находившагося въ Москвѣ. Такъ

имъ царемъ и рѣшились признавать за собою власть только его одного.

Недалекій по своимъ умственнымъ способностямъ, хромой отъ природы и забытый русскимъ правительствомъ, Григорій жилъ на свободѣ въ Кахетіи [1]). Не пользуясь до сихъ поръ ничьимъ уваженіемъ, царевичъ вдругъ, при открывшемся возстаніи, выросъ въ глазахъ народа и сталъ играть довольно видную роль. Повѣривъ въ возможность сохранить за собою званіе царя Грузіи, Григорій принялъ предложеніе и явился среди мятежниковъ предводительствовать ихъ толпами. Имя Григорія стали упоминать въ церквахъ, какъ законнаго царя Грузіи. Царевичъ началъ издавать отъ своего имени возмутительныя прокламаціи и письма [2]) Кахетинцы толпами спѣшили подъ его знамена. Пристрастіе народа къ бывшимъ членамъ грузинскаго царскаго дома сдѣлало теперь особенно вреднымъ пребываніе Григорія среди инсургентовъ. Деревни одна за другою присоединялись къ возмутившимся. Посланные съ разныхъ концовъ по разнымъ направленіямъ развозили возмутительныя письма.

какъ старшій братъ Ивана, царевичъ Давидъ, былъ бездѣтенъ, то грузины и считали за Григоріемъ право наслѣдства престола.

[1]) Отношеніе маркиза Паулуччи генералу Ртищеву, 17-го марта, № 252.

[2]) «Высокосіятельные кизикскіе князья, чиновники и вообще жители! — писалъ Григорій: — Нижайше вамъ кланяемся, и если хотте знать наше обстоятельство, то сегодня, то есть суббота, переѣдемъ на Хашми съ большимъ войскомъ. Если хотите знать о Карталиніи, то войска обоихъ ліахвскихъ ущелій собрались, и сколько въ Цхинвальской волости было русскихъ, всѣхъ побили, мосты сорвали, и всякій карталинецъ васъ ожидаетъ; всю же силу русскихъ составляютъ войска, на Хашми стоящія; если ее погубимъ, то знайте, что все въ рукахъ будемъ имѣть — Карталинію, Арагви и Тифлисъ, и нынѣ просьба наша къ вамъ состоитъ въ семъ, а воля ваша».

«Сегодня, въ пятницу, — писалъ Григорій джимитскимъ и уканамхарскимъ жителямъ, — мы, хевсуры, пшавы и кахетинцы, кто только носитъ шапку, у Ахтальской рѣчки встрѣтили русскихъ, и до сумерекъ сраженіе продолжалось; много людей и солдатъ побили, такъ что ружьями и лошадьми, отъ нихъ доставшимися, Кахетія наполнилась, а съ наступленіемъ ночи расположились русскіе на Капризскомъ полѣ; мы съ нашимъ войскомъ кругомъ ихъ стоимъ, и съ разсвѣтомъ будетъ опять драка, и Богъ намъ помощь! Пока хотя одинъ кахетинецъ живъ, Кахетія не отступитъ; поспѣшите на помощь, кто хочетъ только христіанства, поспѣшите на помощь вашимъ сосѣдямъ, и если хотите жизни вашихъ семействъ, то поспѣшите на помощь».

*

«Мы всѣ, кахетинскіе князья, говорилось въ одномъ изъ такихъ писемъ [1]), кизикскіе (сигнахскіе) чиновники и кевхи, народъ пшавскій, тушинскій и хевсурскій пишемъ къ вамъ. Вѣрьте Богу, что начиная отъ Тіонетъ до Кизика (Сигнаха) и отъ Кизика до Марткопи россійскаго имени нѣтъ. За наше притѣсненіе и за васъ вступаемся мы, что такія дѣла дѣлаемъ. Вы, подобно сему, покажите намъ, сколько можете, какое нибудь дѣло, т. е. пригласите поскорѣе царевича (Григорія). Мы, кромѣ одного царя, ни въ чемъ недостатка не имѣемъ. Если вы согласны съ нами—отвѣчайте, а если нѣтъ, то мы (одни) съ ними развѣдаемся. Если въ семъ намъ не вѣрите, то здѣсь и татарскій народъ живетъ: спросите ихъ и узнаете, что мы *въ крови замараны*».

«Мы навѣрно знаемъ, что драться противъ великаго Государя намъ трудно, писали жители Сигнаха тѣмъ же агаларамъ [2]), но мы до такого стѣсненія были доведены, что не имѣли ни женъ, ни дѣтей и себя отдавали на смерть... Можемъ ли мы увѣриться, чтобы пролитія толикой христіанской крови и противность Государю могли быть кѣмъ либо прощены? Нынѣ всѣ вообще: Кахетія, горцы и на плоскости живущіе лезгины соберемся въ Сагореджо... Мы собою рискнули и себя на смерть отдали. Намъ умереть—Государю убытокъ, и ихъ (русскихъ) побить—тоже Государю убытокъ...»

Въ Сагореджо находился штабъ Нарвскаго драгунскаго полка, шефомъ котораго былъ генералъ-маіоръ Портнягинъ, бывшій въ то же время начальникомъ Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ. Онъ былъ поставленъ обстоятельствами въ критическое положеніе: изъ всего полка онъ могъ собрать только до 150 человѣкъ драгуновъ. До Тифлиса было 90 верстъ, и помощь могла придти въ Сагореджо не ранѣе какъ дня черезъ три. Къ тому же главнокомандующаго въ то время не было въ Тифлисѣ—онъ отправился въ Баку, Кубу, Дербентъ и для введенія правленія въ новопокоренной Кюринской области. Вторженіе персіянъ заставило мар-

[1]) Казахскимъ агаларамъ. Письмо подписано 31 лицомъ и приложено къ рапорту маркиза Паулуччи Г. И. отъ 26-го марта 1812 г. Военно-Учен. Арх.

[2]) Отъ 27-го февраля. Письмо подписано 17 лицами. Тамъ же.

киза Паулуччи проѣхать въ Карабагъ; но едва только онъ успѣлъ собрать тамъ отрядъ и передать его Котляревскому, какъ, получивъ извѣстіе о возстаніи въ Кахетіи, отправился въ Тифлисъ, гдѣ присутствіе его было болѣе чѣмъ необходимо.

Съ полученіемъ первыхъ извѣстій о возстаніи, генералъ Портнягинъ просилъ о присылкѣ ему подкрѣпленій, но, за отсутствіемъ маркиза Паулуччи, всѣ распоряженія производились весьма вяло и нерѣшительно. Въ Сагореджо въ первое время хотя и было тихо, но видимо жители находились въ сильномъ безпокойствѣ. Вооруженные съ головы до ногъ, они каждую минуту ожидали прибытія къ себѣ инсургентовъ. Старшина селенія предъявилъ Портнягину полученное имъ письмо, въ которомъ говорилось, что вся Кахетія идетъ на нихъ, и если сагореджинцы не пристанутъ къ возставшимъ, то селеніе будетъ сожжено, и жители истреблены.

— Будете ли вы насъ защищать или оставите деревню? спросилъ старшина.

Портнягинъ отвѣчалъ утвердительно, но видѣлъ, что народъ желаетъ, чтобы русскія войска оставили селеніе и тѣмъ избавили его отъ неминуемаго разоренія.

Ожидая прибытія толпы мятежниковъ, нарвскіе драгуны укрѣплялись. Бывшую передъ домомъ Портнягина небольшую площадку они обставили кругомъ мѣшками съ провіантомъ. Хотя такое укрѣпленіе и обстрѣливалось изъ окружающихъ селеніе виноградниковъ и съ мѣстныхъ горъ, но все-таки могло служить нѣкоторою защитою до прибытія подкрѣпленій. Вечеромъ, 5-го февраля, толпа инсургентовъ появилась въ садахъ и на высотахъ, окружающихъ селеніе, и завязала перестрѣлку съ драгунами. Перестрѣлка эта и продолжалась всю ночь, но не причинила намъ никакого вреда. Съ разсвѣтомъ число непріятеля увеличилось; драгуны лежали подъ прикрытіемъ мѣшковъ и ожидали подкрѣпленія. Переговоры съ мятежниками и совѣты прекратить непріязненныя дѣйствія не приводили къ желаемымъ результатамъ. Опасность для драгунъ возрастала: въ отрядѣ было ранено до 25 человѣкъ и много лошадей. Солнце перешло уже за полдень, когда въ сел. Сагореджо услышали сначала пушечный выстрѣлъ, а затѣмъ барабанный бой отряда, спѣшившаго на помощь. То были

двѣ роты Херсонскаго гренадерскаго полка, посланныя изъ Тифлиса подъ начальствомъ маіора Бухвостова. Съ появленіемъ гренадеровъ инсургенты тотчасъ же стали очищать сады, и перестрѣлка прекратилась.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія къ отступленію, генералъ Портнягинъ сжегъ всѣ тяжести и въ слѣдующую ночь оставилъ Сагореджо. Драгуны шли пѣшіе и вели въ поводу лошадей, которыхъ было втрое болѣе чѣмъ людей, за потерями и командировками. Отрядъ отступалъ не по большой дорогѣ, гдѣ поджидали его инсургенты, а лѣсомъ, въ обходъ, къ переправѣ черезъ р. Іору. Возставшіе грузины все-таки открыли это движеніе и выстрѣлами преслѣдовали отступавшихъ.

Прибывъ въ Тифлисъ и найдя тамъ только шесть ротъ, Портнягинъ, какъ старшій, принялъ надъ ними начальство и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія по оборонѣ города: повсюду были разставлены караулы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и орудія, на устроенныхъ для того батареяхъ.

Получавшіяся съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія были далеко неуспокоительны. Возстаніе въ Кахетіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалось. Инсургенты врывались въ города и селенія, грабили казенныя деньги и вещи. Многіе владѣльцы просили помощи, говоря, что народъ грозитъ сжечь ихъ дома и имущество, если они не присоединятся къ возставшей толпѣ. Никто изъ князей не рѣшался ѣхать уговаривать возмутившихся, и оттоваривались тѣмъ, что не имѣютъ лошадей. Уклоненіе это признано было неосновательнымъ и князьямъ предложено взять казенныхъ лошадей, но они браковали ихъ, говоря, что въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ можно выѣхать передъ толпу только на хорошихъ лошадяхъ (?).

Такимъ образомъ, предоставленные самимъ себѣ, инсургенты продолжали собираться въ различныхъ пунктахъ. Не имѣя опредѣленной цѣли и плана дѣйствій, каждая партія дѣйствовала по своему усмотрѣнію, занимаясь преимущественно грабежомъ и изгнаніемъ русскихъ властей. Болѣе или менѣе значительныя толпы появились у Манавы, гдѣ сожгли казармы, и на Сагурамскомъ полѣ съ намѣреніемъ напасть на Гартискарскій постъ. До сорока

человѣкъ вооруженныхъ грузинъ собралось въ селеніи Караджалы, на лѣвой сторонѣ р. Куры, и, не смотря на увѣщанія, не соглашались разойтись по домамъ.

8-го февраля въ Тифлисѣ было получено извѣстіе, что главное скопище остановилось въ сел. Шешебуро и тамъ укрѣпляется; что значительное число мятежниковъ собралось также между р. Іорою и Марткопи, съ намѣреніемъ идти въ Тифлисъ; что гарнизонъ, бывшій въ Пасанаурѣ, истребленъ, и сообщеніе съ Кавказскою линіею прервано; что возмущеніе распространилось по всему Ананурскому уѣзду, и самый городъ находится въ осадѣ, и наконецъ, что Телавъ и Сигнахъ окружены вооруженными толпами.

Стоявшихъ въ Кахетіи войскъ оказывалось недостаточно для усмиренія волненій. На подкрѣпленіе ихъ отправленъ изъ Карталиніи подполковникъ Ушаковъ съ баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Ему приказано прямо и какъ можно поспѣшнѣе слѣдовать къ г. Анануру и по дорогѣ присоединить къ себѣ отряды, стоявшіе въ Мухрани и въ Гартискаро. Осада мятежниками послѣдняго пункта не дозволила Ушакову присоединить къ себѣ гартискарскій гарнизонъ, а съ присоединеніемъ команды, находившейся въ Мухрани, отрядъ его состоялъ всего изъ пяти ротъ пѣхоты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ владикавказскому коменданту, генералъ-маіору Дель-Поццо, и подполковнику Казбеку предписано принять мѣры къ возстановленію сообщенія съ линіею, а для разсѣянія толпы, собравшейся у Марткопи, отправленъ изъ Тифлиса полковникъ Тихоновскій съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка и четырьмя орудіями.

Взявъ съ собою двухъ князей Орбеліани, на случай переговоровъ съ мятежниками, Тихоновскій выступилъ по направленію къ Марткопи. Приближеніе нашихъ войскъ заставило разъѣзжавшіе близъ селенія толпы грузинъ отступить къ селенію Хашми. Получивъ донесеніе, что число вооруженныхъ въ этомъ селеніи достигаетъ до 4,000 человѣкъ, и что толпа эта состоитъ преимущественно изъ тушинъ, пшавовъ и хевсуръ, Тихоновскій двинулся прямо къ селенію Хашми. Встрѣченный выстрѣлами съ вы-

сотъ и изъ садовъ, онъ штыками вытѣснилъ непріятеля, заставивъ его бѣжать къ дер. Сартачаламъ. Жители ближайшихъ селеній со всѣмъ семействомъ и имуществомъ удалились въ лѣса и горы. Тихоновскій уговаривалъ ихъ возвратиться [1]), и, послѣ долгихъ убѣжденій, десять человѣкъ старшинъ явились къ нему съ покорностью и обѣщаніемъ не допускать къ себѣ возмутителей. Двигаясь далѣе, Тихоновскій успѣлъ привести къ покорности жителей селеній: Сартачалъ, Уджармъ, Карабулахъ и Патерзаулъ [2]). Возвративши ихъ въ дома, онъ пошелъ обратно въ селеніе Хашми [3]).

Въ это время подполковникъ Ушаковъ прибылъ съ своимъ отрядомъ въ селеніе Мухрань и 12-го февраля двинулся къ Душету. Встрѣченный сильнымъ огнемъ непріятеля, Ушаковъ по позднему времени не могъ атаковать города. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ штурмовалъ форштатъ и послѣ двухчасоваго боя овладѣлъ какъ имъ, такъ и Душетскою крѣпостью. Возстановивъ порядокъ въ городѣ и имѣя приказаніе спѣшить на помощь г. Анануру, Ушаковъ выступилъ изъ Душета и едва только отошелъ двѣ версты, какъ былъ окруженъ инсургентами. Начиная съ 6 часовъ утра и до 5 часовъ пополудни, нашъ отрядъ прокладывалъ себѣ дорогу штыками, достигъ до Ананура и вытѣснилъ оттуда мятежниковъ.

На слѣдующую ночь, съ 17-го на 18-е февраля, Ушаковъ узналъ, что въ трехъ верстахъ отъ города, въ небольшомъ селеніи, находится аріергардъ отступившихъ инсургентовъ, состоящій изъ 70 человѣкъ. Взявъ 150 человѣкъ гренадеръ, онъ тихо подошелъ съ ними къ селенію, окружилъ сакли и истребилъ всѣхъ, кромѣ пятнадцати человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ, и трехъ бѣжавшихъ. Атака была такъ неожиданна, что гренадеры не сдѣлали ни одного выстрѣла, а кололи штыками. Повѣсивъ главнаго предводителя, Ушаковъ нанелъ страхъ на всю окрестность [4]).

Скопища въ этомъ углу Кахетіи были разсѣяны, и сообщеніе

[1]) Рапортъ Тихоновскаго главнокомандующему, 14-го февраля 1812 года, № 20.

[2]) Тоже, отъ 15-го февраля, № 23.

[3]) Рапортъ Тихоновскаго главнокомандующему, 16-го марта, № 50.

[4]) Рапортъ Ушакова генералъ-маіору Портнягину, 19-го февраля, № 165

съ линіею возстановлено высланною изъ Ларса ротою Суздальскаго полка, которая, переваливъ черезъ Крестовую гору, появилась въ Закавказьѣ. Жители многихъ селеній стали являться съ покорностью, и большая часть деревень, окружающихъ Душетъ, была приведена къ присягѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 21-го февраля маркизъ Паулуччи прибылъ въ Тифлисъ и узналъ, что отрядъ, бывшій въ Караагачѣ, и гарнизонъ въ Телавѣ находятся въ крайней опасности, что они отрѣзаны и окружены со всѣхъ сторонъ вооруженными толпами, и болѣе пятнадцати дней въ Тифлисѣ не было о нихъ никакого извѣстія. Главнокомандующій тотчасъ же приказалъ баталіону Тифлисскаго полка выступить изъ столицы Грузіи въ сел. Хашми и присоединиться къ полковнику Тихоновскому; генералъ-маіору Портнягину приказано съ остатками нарвскихъ драгунъ перейти въ сел. Цинцкаро и наблюдать, чтобы хищники не дѣлали разбоевъ.

«Къ удивленію найдя, писалъ ему маркизъ Паулуччи [1]), что вы, оставивъ порученный вамъ Кахетинскій округъ, прибыли въ Тифлисъ съ полкомъ и приняли команду надъ войсками въ Тифлисѣ и Ананурѣ, гдѣ былъ другой начальникъ, требую отвѣта, почему, не истребовавъ сикурса, когда увидѣли бунтъ въ Кахетіи, не обратились туда со всею поспѣшностью».

Недовольный такимъ запросомъ, генералъ Портнягинъ подалъ рапортъ о болѣзни и затѣмъ не принималъ участія въ усмиреніи возстанія.

Между тѣмъ, 23-го февраля, маркизъ Паулуччи, имѣя въ конвоѣ 140 казаковъ и 40 драгунъ, выѣхалъ изъ Тифлиса въ Хашми съ тѣмъ, чтобы принять личное начальство надъ отрядомъ, тамъ собравшимся.

Здѣсь онъ узналъ, что инсургенты отправили посланнаго къ Шерифъ-пашѣ ахалцыхскому съ просьбою о помощи. Принявъ его ласково, паша думалъ воспользоваться затруднительностью нашего положенія и возвратить въ свое владѣніе Ахалкалаки, такъ недавно, послѣ блестящей побѣды Котляревскаго, занятаго нашими

[1]) Въ предписаніи отъ 21-го февраля 1812 г., № 226.

войсками. Если бы Шерифу удалось овладѣть этою крѣпостью, прикрывавшею всю Кахетію, то, за отозваніемъ войскъ въ Кахетію для усмиренія возстанія, путь въ Борчалинскую провинцію и даже въ Тифлись былъ бы совершенно открытъ и безпрепятственъ.

Сознавая, что успѣхъ можетъ принести огромныя выгоды, Шерифъ собралъ до 5-ти тысячъ человѣкъ, подошелъ къ Ахалкалакамъ и 21-го февраля штурмовалъ укрѣпленія. Послѣ четырехъ-съ-половиною-часоваго боя, паша принужденъ былъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ и сознать невозможность овладѣть крѣпостью. Геройское сопротивленіе гарнизона заставило его отступить къ укрѣпленному мѣстечку Хертвиси. Оправившись и устроивъ свои войска, Шерифъ намѣренъ былъ вторично штурмовать Ахалкалаки, но, узнавъ о прибытіи въ Грузію главнокомандующаго и почти повсемѣстномъ усмиреніи возстанія, онъ отказался отъ своего намѣренія и ушелъ внутрь своего пашалыка [1]).

Маркизъ Паулуччи принялъ дѣйствительно весьма рѣшительныя мѣры къ подавленію возстанія.

Для предварительнаго увѣщанія возмутившихся, онъ отправилъ къ инсургентамъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, изъ дворянъ и духовенства, съ прокламаціею, въ которой обѣщалъ имъ испросить прощеніе, если они съ полнымъ раскаяніемъ и покорностью возвратятся въ свои дома.

«Что вы дѣлаете? спрашивалъ главнокомандующій кахетинцевъ [2]). Какое ослѣпленіе обуяло умы ваши, и какая цѣль ваша? Неужели въ насчастномъ изступленіи своемъ забыли вы силу и могущество неодолимыхъ войскъ россійскихъ, забыли вѣру христіанскую и не видите, что рука Божія, неизбѣжно карающая клятвопреступныхъ измѣнниковъ, готова васъ поразить!

«Вспомните, что вы дерзнули поднять оружіе противъ войскъ Его Императорскаго Величества, кои суть братья ваши по вѣрѣ, защищающія жилища ваши, семейства и имущество отъ внѣшнихъ непріятелей, издавна жаждущихъ вашей погибели, и что вы,

---

[1]) Рапортъ маркиза Паулуччи Г. И. 11-го марта 1812 г., № 13.—Рапортъ подполковника Загорельскаго главнокомандующему, 10-го марта, № 69.

[2]) Въ прокламаціи отъ 22-го апрѣля 1812 г., № 177. Акты Кавказ. Археогр. Ком., т. V, № 97.

въ заблужденіи своемъ нарушивъ присягу, данную вами въ вѣчной вѣрности Его Императорскому Величеству передъ лицомъ самого Бога, вооружились противъ защитниковъ вашихъ, противъ самаго вашего отечества и противъ религіи. И такъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, видя бездну, въ которую вы сами стремитесь, вовлекая невинныя ваши семейства, я счелъ обязанностью, прежде нежели приступлю къ мѣрамъ, кои мнѣ предписываетъ долгъ и званіе мое, объявить вамъ слѣдующее:

«Кахетинскій народъ! теперь предлежитъ вамъ два пути — одинъ къ спасенію, а другой къ неминуемой гибели. Собравъ сильныя войска, я иду самъ въ Кахетію для водворенія среди васъ покоя. Мечъ мой готовъ истребить непокорныхъ мятежниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рука простерта принять съ милосердіемъ раскаявающихся, подобно какъ отецъ пріемлетъ заблудшаго сына. Почему избирайте немедленно дорогу, которую укажетъ вамъ собственное ваше благоразуміе. Я же увѣряю васъ честію моею, что не накажу тѣхъ, кои, положивъ оружіе, съ раскаяніемъ будутъ просить прощенія и, съ семействами своими, возвратясь въ свои жилища, примутъ вновь присягу на вѣрность Его Императорскому Величеству. Но если встрѣчу кого съ оружіемъ въ рукахъ и противящимся законной власти, то тѣхъ предамъ достойной ихъ казни, безъ взякаго помилованія».

Присланные съ этою прокламаціею явились къ мятежникамъ, но переговоры ихъ были безуспѣшны.

— Мы,—говорилъ посланнымъ армянинъ Коцо Охановъ, предводительствовавшій толпою [1]), — мы знаемъ, что насъ мало въ сравненіи съ русскими, не надѣемся ихъ побѣдить, но желаемъ, чтобы они насъ истребили. Мы искали покровительства русскаго Царя, и Богъ далъ намъ его, но несправедливости и жестокости его слугъ привели насъ въ отчаяніе. Мы долго терпѣли. Нынѣ же, когда Господь послалъ намъ этотъ ужасный голодъ, когда мы сами ѣдимъ коренья и травы, отъ насъ насильственно требуютъ хлѣба и фуража. Насъ выгнали изъ собственныхъ домовъ; ры-

[1]) Записка генералъ-маіора князя Чавчавадзе, поданная Императору Николаю въ 1837 г. Воен. Учен. Арх. Глав. Штаба.

лись въ сундукахъ и ямахъ нашихъ, открывали наши запасы, вина и, напившись допьяна, оскверняли остальное, бросая туда нечистоты. Наконецъ, въ глазахъ нашихъ стали обижать женъ и дочерей. Неужели и послѣ такого семейнаго срама дорога намъ жизнь? Мы виноваты предъ Богомъ и русскимъ Царемъ, обагривъ руки въ христіанской крови; но Богъ свидѣтель, что измѣнить русскимъ никогда въ нашемъ помышленіи не было; насъ вынудили къ тому силою, и мы рѣшились погибнуть на мѣстѣ. На прощеніе намъ надѣяться нечего: кто откроетъ наше положеніе Государю? Развѣ мы не помнимъ, что намъ, бывало, отвѣчали, ваши начальники, когда мы ссылались на него: до Бога высоко, до Царя далеко! Ступайте же къ нимъ; ни они, ни вы насъ не обманете.

Слова эти, подтвержденныя единогласно всѣми находившимися въ толпѣ, въ тотъ же день были переданы маркизу Паулуччи. Ему же доставлено было и письмо, служившее отвѣтомъ на прокламацію.

«Все общество кахетинское, отвѣчали инсургенты, [1]) въ горахъ и на плоскости живущее, доноситъ, что мы неопытны въ письмахъ и не можемъ понять вашего писанія. Мы не отрицаемся отъ Христа, не измѣнники Государю, ниже клятвопреступники. Вы дали намъ поводъ: что было отъ всемилостивѣйшаго Государя манифестомъ повелѣно, отъ васъ не было исполнено; вы намъ дали поводъ, убивая и вѣшая на веревкѣ; виновные и усердные не были различены, но и сего мы по усердію къ всемилостивѣйшему Государю и по присягѣ отъ насъ данной терпѣли.

«Сверхъ того, чего у насъ не было, къ тому экзекуціею и штыками вы насъ принуждали; убивали нашихъ женъ и дѣтей; отняли у насъ хлѣбъ и голодомъ насъ морили, а намъ говорили, чтобы мы паслись на травѣ. Какъ младенцамъ пастись на травѣ?

«Отъ нарядовъ не стало у насъ быковъ, а въ лѣсахъ не нашли мы болѣе лѣсу для построенія аробъ (телѣгъ) и такой

[1]) Записка кн. Чалчавадзе.

обиды не могли мы болѣе вытерпѣть; чѣмъ человѣку морить своихъ женъ и дѣтей, скорѣе убьетъ прежде другаго. Мы истинно знаемъ то, что Государь Императоръ народа истребить не изволитъ (не желаетъ). Поводъ данъ вами; сойтись съ вами намъ болѣе невозможно: мы рискнули и семействами, и собою. Вы давали намъ за коду (2 пуда 10 фунт.) по 1 руб. 20 коп., а у кого изъ насъ не было хлѣба, брали въ плату по 4 рубля за ту же коду.

«Мы Государю не измѣнили и не измѣнники; вы преступили повелѣніе Государя, и мы болѣе не могли переносить несправедливости. Намъ съ вами сойтись невозможно, мы итакъ мертвы и должны умереть. Мы подали просьбу, а вы не довели оной до Государя. Вы насъ обманывали, мы терпѣли; уже болѣе невозможно. Нынѣ конецъ—и мы должны умереть».

«По пріѣздѣ моемъ въ деревню Хашми, писалъ на это маркизъ Паулуччи инсургентамъ [1]), доставленъ былъ ко мнѣ отъ васъ отвѣтъ на мое объявленіе; видя изъ того причину, побудившую васъ къ настоящему мятежу, я нужнымъ почитаю сказать вамъ: кахетинскій народъ! Вамъ самимъ извѣстно, что объясненныя вами жалобы при главнокомандованіи моемъ приносимы отъ васъ не были, такъ равно и просьбъ вами поданныхъ я не получилъ, по которымъ я бы не оставилъ тотчасъ сдѣлать строгое изслѣдованіе и доставить вамъ должную справедливость, но какъ все сіе происходило прежде до моего командованія и вами мнѣ не было объявлено, то я и не могъ быть о томъ извѣстенъ, а потому и нынѣ отправляю къ вамъ съ симъ преосвященнаго Ниноцминдели, духовника моего патера Онуфрія и маіора князя Соломона Авалова, какъ довѣренныхъ отъ меня, объявить вамъ послѣднее мое слово, дабы вы, опомнясь, оставили предпринятыя вами намѣренія и разошлись по вашимъ домамъ. Тогда вы мо-

[1]) Хотя въ Актахъ Кавказской Археографической Коммисіи (т. V, № 96) документъ этотъ помѣченъ 24-мъ числомъ марта, но его слѣдуетъ отнести къ 24-му февраля, такъ какъ волненія продолжались только до 10-го марта. Съ этого дня, по словамъ всеподданнѣйшаго донесенія маркиза Паулуччи (см. тамъ же, № 97, стр. 80), «окончились и всѣ дѣйствія противъ мятежниковъ», мятежный духъ истребленъ въ Кахетіи, и «вся Грузія приведена въ спокойствіе».

жете всѣ ваши жалобы и просьбы мнѣ представить, и я не оставлю оказать вамъ всю справедливость и сдѣлать все возможное облегченіе; но если вы и за симъ не послушаетесь сего моего обвѣщенія, то буду васъ трактовать какъ измѣнниковъ».

25-го февраля посланные съ этимъ обвѣщеніемъ отправились къ инсургентамъ, укрывавшимся въ лѣсахъ по дорогѣ къ Телаву, близъ монастыря Самеба. Обѣщая дать отвѣтъ черезъ два часа, коноводы вооруженной толпы не дали его до ночи. Тогда, на разсвѣтѣ 26-го числа, маркизъ Паулуччи, не обращая вниманія ни на густоту лѣса, ни на то, что противникъ засѣлъ въ крѣпкихъ ущельяхъ—рѣшился атаковать его съ наличными силами, состоявшими всего изъ 600 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Командовавшій авангардомъ, полковникъ Тихоновскій, двинулся противъ непріятеля, имѣя у себя двѣ роты Херсонскаго полка, роту 9-го егерскаго и 35 казаковъ. Вооруженная толпа была разогнана, и нѣкоторые болѣе виновные, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, по приказанію главнокомандующаго повѣшены. Войска перешли въ дер. Патерзаулъ, куда прибылъ изъ Сагореджо архимандритъ Елевтерій, отправленный для переговоровъ съ инсургентами. Неудовлетворительный отвѣтъ, имъ привезенный, заставилъ главнокомандующаго перейти съ войсками въ Сагореджо [1]).

Сагореджинцы явились съ покорностью и просили пощады. Селенія Сагореджи, Какабети, Манава и другія были приведены къ присягѣ; почти весь Сигнахскій уѣздъ успокоился, и жители возвратились въ свои дома.

27-го февраля главнокомандующій перешелъ въ сел. Какабети, гдѣ присоединился къ нему полковникъ Степановъ, выступившій съ отрядомъ изъ Караагача. Отрядъ этотъ состоялъ изъ сборныхъ командъ и образовался при слѣдующихъ условіяхъ.

При первомъ извѣстіи о возстаніи въ Кахетіи была отправлена изъ Пховели къ Телаву рота 9-го Егерскаго полка. На пути слѣдованія въ сел. Вакиры и Анаги, рота была окружена значительною толпою непріятеля и, не будучи въ состояніи пробиться къ Телаву, принуждена была отступить къ Караагачу, куда при-

[1]) Изъ предписанія генералъ-маіору барону Клодту, № 266.

была и штабъ-квартира Кабардинскаго полка изъ Бодбисхеви. 12-го февраля прибылъ также въ Караагачъ и маіоръ князь Орбеліани съ двумя ротами Кабардинскаго полка и съ однимъ орудіемъ. Войска эти имѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи. Въ теченіе двѣнадцати дней, съ 11-го по 23-е февраля, они питались однимъ ячменемъ, заготовленнымъ для лошадей Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ такомъ критическомъ положеніи, подполковникъ Степановъ, принявшій начальство надъ всѣми собравшимися въ Караагачѣ, какъ только узналъ о прибытіи маркиза Паулуччи въ Хашми, тотчасъ же двинулся на соединеніе съ главнокомандующимъ. Послѣдній предписалъ Степанову остановиться въ Сагореджо и наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ, а самъ двинулся къ сел. Велисцихѣ. У селенія Чумлаки маркизъ Паулуччи встрѣтилъ, 1-го марта, мятежниковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ царевича Григорія. Разсѣявъ толпу, главнокомандующій объявилъ жителямъ сосѣднихъ деревень, что если кѣмъ нибудь будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ по русскимъ войскамъ, то деревня будетъ предана огню. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ выдачи царевича Григорія, послѣ пораженія скрывшагося у анцугскихъ лезгинъ.

6-го марта Григорій былъ представленъ главнокомандующему анцугскимъ старшиною Али-ханомъ [1]), отвезенъ въ Тифлисъ, помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ дома главнокомандующаго, а впослѣдствіи отправленъ въ Россію. «Сей царевичъ, доносилъ маркизъ Паулуччи [2]), весьма важенъ не по личнымъ своимъ достоинствамъ, коими, къ счастію, не одаренъ отъ природы, но по уваженію, каковое народъ здѣшняго края имѣетъ къ его происхожденію... Опытомъ же народнаго легковѣрія и той истины, что необходимо нужно для спокойствія здѣшняго края удалить отсель все то, что только носитъ на себѣ имя происхожденія отъ бывшаго грузинскаго царственнаго дома, можетъ служить то, что сей царевичъ, не имѣющій никакихъ особенныхъ достоинствъ, остав-

[1]) Изъ предписанія генералъ-маіору барону Клодту, 6-го марта 1812 г., № 304.

[2]) Графу Румянцову, отъ 18-го марта 1812 г. Акты Кавк. Археогр. ком., т. V, № 77.

ленный безъ вниманія моими предмѣстниками и даже у самихъ грузинъ до сего случая мало имѣвшій уваженія, вдругъ, при открывшейся революціи началъ играть между ними важную роль и, по ослѣпленію народа, которое однакоже обнаруживаетъ ихъ всегдашнюю привязанность къ прежнему царскому правленію, былъ съ радостью принятъ мятежниками, провозглашенъ царемъ Грузіи и предводительствовалъ толпами бунтовщиковъ».

Предводительство это хотя и было безуспѣшно, но съ покорностью Григорія безпорядки въ Грузіи не были еще прекращены. и главнокомандующій принужденъ былъ спѣшить къ Телаву, осажденному огромною толпою инсургентовъ.

Въ самомъ началѣ волненій толпа вооруженныхъ грузинъ окружила Телавъ и 9-го февраля потребовала отъ русскихъ властей, чтобы они оставили городъ.

«Господа телавскій комендантъ и исправникъ! писали инсургенты [1]). Клянемся вамъ Богомъ, святымъ крестомъ и евангеліемъ, мы всѣ, здѣсь собравшіеся, что если послѣдуете сему нашему совѣту и мирно выйдете, то какъ противъ нашего брата и отца не согрѣшимъ, такъ и вамъ ничѣмъ не повредимъ и противъ васъ не согрѣшимъ. Гдѣ только были войска: въ Кизикѣ, на Арагвахъ, въ Сагореджо, по сю сторону Куры, въ цѣлой Кахетіи, также въ Карталиніи, вездѣ ихъ истребили и нигдѣ уже нѣтъ русскихъ, и гдѣ такимъ образомъ покорились, то благополучно освободились. Клятвою васъ увѣряемъ, что по выходѣ получите миръ, и если сему совѣту не послѣдуете, то, исполнивши долгъ свой, отнынѣ мы ничего не пришлемъ вамъ сказать. Вѣдь вы видите, эти войска всѣ противъ васъ собрались; вѣрьте, у васъ помощи уже никакой нѣтъ,—не умирайте!»

Запершаяся въ Телавѣ команда и представители русской власти предпочли однако же умереть чѣмъ сдаваться и предложили собравшейся толпѣ разойтись по домамъ. Возставшіе отказались исполнить этотъ совѣтъ и 13-го февраля отправили новое требованіе сдать имъ городъ и крѣпость.

«Комендантъ, исправникъ и вообще собравшіеся въ крѣпости!

[1]) Акты Кавк. Арх. Ком., т. V, № 97.

писали они. Письмо ваше мы получили и что совѣтовали — все уразумѣли, которое было писано по глупости; мы давно васъ знаемъ и не обманемся какъ ребенокъ. Будьте увѣрены, что не только мы противъ васъ, но всѣ наши братья, цѣлая Кахетія и Карталинія за ваше звѣрское притѣсненіе возстали противъ васъ; намъ съ вами мириться невозможно, довольно: болѣе не обманемся. Знайте и то, что маркиза казахцы убили въ Сала-оглы; въ Кизикѣ войска ваши истреблены кизикцами и джарцами, такъ равно въ Борчало, въ Карталиніи, на Арагвахъ и Сагореджо вамъ болѣе помощи нѣтъ. Мы не хотѣли, такъ какъ вы христіане, напрасно пролить кровь и теперь совѣтуемъ вамъ: всѣ мы противъ васъ и клянемся, что если выйдете добровольно, то будете счастливы и избавитесь смерти и никакого вреда вамъ не будетъ — клятвою клянемся и повѣрьте; а если совѣту сему не послѣдуете, то преданы будете безъ пощады смерти. Мы отсюда не отступимъ, и не думайте объ этомъ, чтобы мы не могли взять крѣпость».

Угрозы эти остались одними словами: среди возставшихъ не было единодушія и единства въ дѣйствіи; они были плохо вооружены и, имѣя только одно орудіе, не рѣшались предпринять штурмъ. Обложивши со всѣхъ сторонъ Телавъ, инсургенты отрѣзали всѣ пути сообщенія и намѣрены были продолжительною блокадою достигнуть своей цѣли; но прошелъ мѣсяцъ, а осажденные не сдавались. Перенося всевозможныя лишенія, они дождались прибытія главнокомандующаго, который 4-го марта появился съ отрядомъ въ виду г. Телава.

Оставивъ пѣхоту за дерев. Цинандали, въ семи верстахъ отъ крѣпости, маркизъ Паулуччи поѣхалъ, съ 50 казаками и съ нѣкоторыми преданными намъ грузинскими князьями, впередъ, къ крѣпости. Замѣтивъ приближеніе главнокомандующаго, инсургенты разсыпались въ разныя стороны, бросили начатыя траншеи и въ нихъ свое шести-фунтовое орудіе.

Телавъ былъ освобожденъ, и съ занятіемъ его послѣднія шайки инсургентовъ были разогнаны. Волненіе въ Кахетіи на время прекратилось, о чемъ и было объявлено въ Грузіи, Имеретіи и сообщено начальникамъ войскъ въ ханствахъ.

Съ окончаніемъ безпорядковъ, изъ разныхъ деревень Кахетіи были представлены правительству солдаты, спасенные жителями отъ преслѣдованій народной ярости; многіе грузины скрывали ихъ у себя подъ именемъ рабовъ. Такіе поступки доказывали, что туземцы не питали вражды къ русскому правительству и не желали нарушать присяги, данной русскому Императору: они возстали противъ злоупотребленій и недобросовѣстныхъ исполнителей предначертаній правительства. Маркизъ Паулуччи скоро узналъ истинныя причины волненій и не счелъ возможнымъ скрыть ихъ отъ Императора Александра I.

«Причины происшедшей здѣсь революціи, доносилъ онъ [1]), по моему образу мыслей и сколько я могъ видѣть, заключаются: въ безнравственности, вообще царствующей здѣсь между россійскими чиновниками, которые, не имѣя правилъ религіи, пускаются на бо́льшія или мѐньшія преступленія. Подарки въ числѣ злоупотребленій не послѣднее занимаютъ мѣсто и, къ несчастію, притомъ часто на сіе зло подавали право самые примѣры начальниковъ, которые, на подобіе азіятскихъ сардарей, хановъ и пашей, считали подарки какъ пріобрѣтеніе законное и какъ одолженіе за услугу».

Съ одной стороны, лихоимство чиновниковъ, а съ другой — неудовольствіе дворянства, лишившагося своихъ правъ съ уничтоженіемъ моуравствъ и причисленіемъ въ казну церковныхъ и казенныхъ имѣній, которыми управляли дворяне на правахъ собственности — все это давало прекрасную почву для интригъ членовъ бывшаго царскаго дома и подготовило возстаніе. Къ этому присоединялось огромное число подводъ, требуемыхъ отъ жителей для перевозки войсковыхъ тяжестей, медленность русскаго судопроизводства и наконецъ, по словамъ маркиза Паулуччи, тысячи «дѣлаемыхъ подлостей чиновниками провіантскаго вѣдомства, которыхъ, не взирая на всю мою бдительность и строгость въ краткое время моего здѣсь командованія, я не имѣлъ еще времени открыть всѣхъ и остановить зло, котораго въ тягость народу и

[1]) Во всеподд. рапортѣ отъ 26-го марта 1812 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. V, № 97.

къ разоренію казны они не перестаютъ здѣсь дѣлать съ самой смерти генерала князя Циціанова».

Желая искоренить зло и устранить причины къ народному неудовольствію, маркизъ Паулуччи не находилъ другаго средства, какъ устранить провіантскихъ чиновниковъ отъ покупки хлѣба, поручивъ это дѣло гражданскому губернатору, при содѣйствіи частныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая несостоятельность уѣздныхъ судовъ, главнокомандующій учредилъ въ Сигнахскомъ и Телавскомъ уѣздахъ особые *временные суды*, въ которыхъ разбирались дѣла по законамъ царя Вахтанга, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ, разсматривавшихся по русскимъ законамъ.

Грузины скоро оцѣнили распоряженія главнокомандующаго и съ сожалѣніемъ узнали, что маркизъ Паулуччи оставляетъ Закавказье. Политическое положеніе Россіи и неизбѣжность войны съ Наполеономъ побудили Императора Александра I собрать вокругъ себя людей, извѣстныхъ своимъ боевымъ опытомъ и военными дарованіями.

«Отличное ваше служеніе, писалъ Государь маркизу Паулуччи [1]), обратило мое на васъ вниманіе. Я, желая по достоинствамъ вашимъ употребить васъ съ большею блистательностью повелѣваю вамъ прибыть въ С.-Петербургъ, а начальство надъ Грузіею сдать генералъ-лейтенанту Ртищеву».

Послѣдній былъ совершенно неизвѣстенъ грузинамъ, и дворянство, съ согласія Паулуччи, отправило въ Петербургъ князя Захара Андроникова съ полномочіемъ подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи маркиза по-прежнему въ званіи главнокомандующаго въ Закавказьѣ.

Императоръ Александръ не призналъ возможнымъ измѣнить назначеніе, но, по пріѣздѣ въ столицу маркиза Паулуччи, назначилъ его своимъ генералъ-адъютантомъ.

[1]) Въ рескриптѣ отъ 16-го февраля 1212 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абазадзе, Давидъ 384, 385.
Аббасъ-Кули-ханъ, 226.
Аббасъ-Мирза, наслѣдникъ персидскаго престола 11, 32, 33, 35, 38, 41, 42, 45, 46, 47, 50, 68, 69, 71, 72, 97, 112, 119, 120, 121, 123, 124, 125, 127, 141, 142, 177, 181, 186, 187, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 208, 209, 215, 217, 218, 226, 228, 232, 233, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 321, 336, 338, 339, 341, 343, 344, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 355, 358, 359, 360, 362, 375, 414, 425, 438, 439, 440, 441, 442, 446, 449, 464.
Абашидзе, князь 313, 328, 332.
Абашидзе, князь Ростомъ 287.
Абдула-бекъ 380.
Абдулъ-бекъ, уцмій каракайдагскій 17.
Абдурахманъ-эфенди, мулла 237, 339.
Абдулъ-Фетхъ, братъ карабагскаго хана 39, 137.
Аваловъ князь Соломонъ, маіоръ 477.
Ага-Магометъ-ханъ 40, 182.
Адиль-бей, подпоручикъ 192.
Александръ, грузинскій царевичъ 7, 11, 12, 30, 32, 33, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 166, 228, 232, 249, 251, 263, 291, 322, 323, 353, 356, 383, 384, 387, 462, 464.
Александръ I, Императоръ 15, 29, 48, 53, 66, 77, 93, 100, 101, 103, 104, 106, 108, 123, 129 138, 146, 188, 196, 207, 208, 233, 245, 260, 272, 295, 310, 339, 382, 416, 417, 418, 419, 482, 483.
Али-паша 107, 156, 168, 171, 188.
Али-Пенахъ бекъ, 64.
Али-ханъ анцугскій старшина 479.
Алли-Шахъ-задэ, 352, 353, 354, 355, 358.
Амереджибовъ, капитанъ 289, 293.
Анна Іоаннова, Императрица 184.
Андроникова, княгиня 335.
Андрониковъ, князь Іосифъ 463.
Андрониковъ, Малхазъ 263, 291.
Андрониковъ, князь 456, 462.
Антоній, царевичъ грузинскій, католикосъ 418, 419.
Арсланъ-бей, сынъ абхазскаго владѣтеля 259, 260, 262, 263, 264. 265, 400.
Аскеръ-ханъ, чрезвычайный посланникъ 207.
Асланъ-бекъ, 33, 415, 419, 427, 428, 429, 431, 432.
Асланъ-ханъ, Кюринскій 433, 434.
Асѣевъ, полковникъ 341, 342, 343.
Атажуковъ, князь Измаилъ 413.
Ата-ханъ, предводитель, персидскихъ войскъ 442.
Афанасьевъ, маіоръ 442.
Ахвердовъ, генералъ, правитель Грузіи 331, 382, 383, 384.
Ахметъ-ханъ, аварскій 17, 92, 93.
Ахметъ-ханъ 349, 350.

Баба-ханъ, впослѣдствіи Фетхъ-Али-шахъ, властитель Персіи 8, 11, 12, 16, 20, 21, 22, 23, 38, 39, 47, 63, 72, 96, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 124, 130, 132, 141, 158, 182, 185,

186, 201, 203, 204, 205, 207, 208, 217, 228, 231, 232, 233, 234, 238, 243, 244, 245, 247, 250, 273, 278, 279, 281, 282, 4,28 336, 344, 346, 359, 384, 403, 405, 443.

Багиръ-бекъ, персіянинъ 186.

Багратіонъ, князь Константинъ 386.

Багратіонъ, князь Петръ Ивановичъ 12, 13.

Багратіонъ, князь Романъ, поручикъ 12, 13, 14.

Барковъ, генералъ-маіоръ 73.

Баталъ-бей, сынъ абхазскаго владѣтеля 259, 400.

Бебуровъ, Вачнадзе 462.

Бебутовъ, князь Д. О. 465.

Бебутовъ, князь Іосифъ 49.

Бебутовъ, князь, надворный совѣтникъ 48.

Бенигсенъ, генералъ 108.

Болецовъ, подполковникъ 402.

Борщовъ, маіоръ 212, 223, 438.

Брюнъ, маршалъ 101, 102.

Бӯдагъ-султанъ артикскій 174.

Будбергъ, баронъ министръ иностранныхъ дѣлъ 29, 53, 90, 100, 107, 109, 110, 113, 114, 115, 117, 118, 124, 129, 131, 145, 148, 164, 179, 180, 186, 187, 188.

Буксгевденъ, генералъ 108.

Булгаковъ, генералъ отъ инфантеріи 61, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 95, 133, 135, 406, 413, 314.

Булгаковъ, подполковникъ 224.

Бухвостовъ, маіоръ 212, 470.

Вахтангъ, царь Грузіи 14, 316, 317, 483.

Венедиктъ, архимандритъ 402.

Веселаго, капитанъ - лейтенантъ 75.

Витвортъ, лордъ 104, 444, 445, 446.

Вреде, баронъ, подполковникъ 203, 205, 206, 207, 234, 244.

Вронскій, маіоръ 466.

Вылазковъ, маіоръ 223.

Габаони, Николай, протопопъ 287.

Гадобрелидзе, дворянинъ имеритинскій 390.

Гарданъ, французскій генералъ 200, 201, 203, 205, 207, 217, 218, 219 220.

Георгій XII, послѣдній царь Грузіи 458, 460.

Георгій Черный, вождь сербскаго народа 125.

Геуохеръ, дочь карабагскаго хана 53.

Глазенапъ, генералъ-лейтенантъ 3, 4, 5, 8, 9, 28, 29, 38, 44, 48, 51, 52, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 73, 74, 81, 87, 97.

Головачевъ, полковникъ 161.

Григорій, грузинскій царевичъ 452, 466, 468, 479, 480.

Гудовичъ, графъ И. В., главнокомандующій 1, 2, 15, 16, 26, 27, 28, 29, 48, 53, 54, 66, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 78, 79, 80, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 123, 124, 125, 127, 129, 131, 132, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 152, 154, 155, 156. 157, 158, 159, 160, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 252, 253, 257, 260, 261, 320, 441.

Гудовичъ, графъ, сынъ главнокомандующаго генералъ-маіоръ 78, 162.

Гуляковъ, генералъ-маіоръ 92.

Гуріели, Вахтангъ 262.

Гуріели, князь Мамія 268, 269, 272, 289, 318, 400.

Гурьевъ, генералъ-маіоръ 78, 79, 81, 136, 137, 201, 237, 419, 426, 427, 428.

Гурьевъ, министръ финан. 461.

Давидъ, архимандритъ Гелатскаго монастыря 307, 309.

Давидъ, грузинскій царевичъ 467.
Давидъ, царь Имеретинскій 311.
Дадіанъ, Григорій 260, 265, 266.
Дадіанъ, Леванъ 327.
Дельпоццо, генералъ-маіоръ 387, 471.
Денисовъ 9-й, полковникъ 366.
Дехтеревъ, генералъ-маіоръ 78.
Джафаръ-Кули-ага, сынъ карабагскаго хана 52, 438, 439, 440, 441, 442, 446, 447, 448, 449, 450.
Джафаръ-Кули-бекъ 42.
Джафаръ-Кули, ханъ хойскій 53, 54, 55, 111, 139, 140, 141.
Джафаръ-Кули, ханъ шекинскій 84, 89, 90, 140, 236, 237, 338, 339, 373, 406, 425.
Джафаръ, племянникъ карабагскаго хана 138, 139.
Джевадъ-ханъ ганжинскій 45, 122.
Джепаридзе, князь 293.
Джехангиръ-ханъ, 372, 376, 380.
Джиджавадзе, князь 189.
Джини, маіоръ 440, 446, 447.
Джонесъ, англійскій посолъ 231, 232, 285, 344, 346.
Джораевъ, маіоръ 38, 56, 264.
Додтъ, капитанъ-лейтенантъ 399, 400.
Дублянскій, капитанъ 187.
Дузчи-Оглу, начальникъ турецкихъ войскъ 167.
Дьячковъ, маіоръ 449.

Евлетерій архимадритъ 478.
Ениколоповъ, подполковникъ 388.
Есиповъ маіоръ 466.
Ефремъ, патріархъ армянскій 360, 405.

Живковичъ полковникъ 448, 449, 450.
Жменскій, маіоръ 162.
Жобертъ, французскій эмиссаръ 132.

Завалишинъ, генералъ-маіоръ 1, 2, 3.
Загорѣльскій, маіоръ, потомъ подполковникъ, 51, 474.
Зубовъ графъ В. А. 442.

Ибраимъ бекъ посланецъ казикумухскаго хана 431.
Ибраимъ-ханъ беглербей 112.
Ибраимъ, ханъ карабагскій 30, 38, 39, 41, 42, 43, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 378.
Иванъ грузинскій царевичъ 466, 467.
Измаилъ-бекъ, братъ хана ширванскаго 70, 379.
Измаилъ-ханъ 356.
Ильяшенко, капитанъ 448.
Ипсиланти, господарь 106, 107, 108.
Ираклій II, царь Грузіи 249, 345, 460.
Италинскій, нашъ посланникъ въ Константинополѣ 98, 99, 104, 106, 107, 108, 109, 129.

Іоаннъ Бодбели, митрополитъ 456, 462.

Казбекъ, подполковникъ 471.
Калимахи, господарь 106.
Каноненко, адъютантъ 197.
Капцевичъ, генералъ-лейтенантъ 135.
Кара-бекъ, братъ карскаго паши 151, 152, 153, 154, 155, 156.
Кара-бекъ, владѣлецъ магизбертскій 352.
Картвеловъ, протоіерей 382.
Карягинъ, полковникъ 4, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 41, 44, 56, 58, 59, 70, 71, 120.
Касимъ-бекъ, 35, 36, 68, 76.
Келешъ-бекъ, владѣтель Абхазіи 98, 99, 100, 132, 143, 144, 165, 259, 260.
Кербелай-Хаджи-Хуссейнъ-ханъ, персидскій посолъ 281.
Керимъ-ханъ, начальникъ персидскихъ войскъ 347.
Киши-бекъ, ханъ 54.
Кіалъ-балы, ханъ нахичеванскій, 20, 348.

Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ, баронъ 337, 478, 479.
Колотузовъ, маіоръ 162, 307, 312, 327.
Константинъ, царевичъ имеретинскій 196, 253, 274, 290, 291, 296, 299, 300, 303, 306, 311, 312, 313, 390.
Коробка лейтенантъ 445.
Котляревскій, маіоръ, потомъ полковникъ 36, 54, 68, 69, 138, 139, 215, 336, 347, 348, 349, 350, 359, 360, 419, 435, 436, 437, 438, 440, 448, 449, 450, 451, 473.
Кривцовъ, адъютантъ 82.
Кучукъ-бей, комендантъ Поти 165, 167, 261, 262, 264, 271,

Ладинскій, капитанъ 359.
Леванъ, грузинскій царевичъ 343. 371, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389.
Левицкій, плацъ-маіоръ 373, 374.
Лежаръ, секретарь французскаго посольства 217, 218, 219, 220, 221.
Леонидзе, князь Соломонъ 287, 290, 291, 293, 295, 296, 298, 299, 303. 307, 311, 312, 313.
Леонидзе Николай, патеръ 313.
Ливенъ, графъ 3, 29.
Лисаневичъ, маіоръ, потомъ полковникъ 38, 39, 41, 42, 43, 45, 56, 59, 61, 68 71, 122, 215, 235, 241, 244, 307, 312. 354, 356, 357, 358, 371, 372, 376, 377, 379, 380, 381.
Литвиновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ 99, 143.
Лихачевъ, генералъ-маіоръ 64 65, 80, 81.
Луневъ, унтеръ-офицеръ, 447.
Лыкошинъ, маіоръ 144.
Лютфъ-Али-ага 439.

Мадатовъ, князь 54.
Малиновскій, дѣйст. ст. сов. 455.
Мамадъ-Али-ханъ, сынъ владѣтеля Персіи 336.
Мамедъ-ага, карабагскій чиновникъ, 39, 51.
Мамедъ-Али-ханъ, начальникъ персидскихъ войскъ 232, 238, 239. 241.
Мамедъ-бекъ, персіянинъ 182.
Мамедъ-паша карскій 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 167, 168, 170, 171, 174.
Мамедъ-Хассанъ-ага, 42, 52, 55, 56.
Мамедъ-Хассанъ, бывшій ханъ шекинскій 264.
Марія, царица имеретинская 335.
Махмудъ-ага 439.
Мегдій, шамхалъ тарковскій 18. 64, 65, 66, 67, 275, 276.
Мегмедъ-ханъ эриванскій 20.
Мегти-ага, 42.
Мегти-Кули-ага, сынъ карабагскаго-хана 52.
Меликовъ, князь 290
Меликовъ, поручикъ 125.
Мехметъ-Ассанъ-ханъ, братъ шекинскаго хана 88.
Мехметъ-бекъ 88.
Мехмедъ-Зминъ, паша 397, 398.
Мехти-Кули-ханъ карабагскій 30, 52, 53, 54, 55, 89, 137, 138, 139, 338, 341, 342, 343, 350, 361, 362, 440, 441, 447, 451.
Микеладзе, Давидъ 393.
Милюковъ, мичманъ 445.
Мирза-Али, секретарь хойскаго хана 53.
Мирза-Безюркъ, визирь 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 187, 203, 208, 217, 218, 221, 241, 242, 282, 284, 285, 286, 344, 405.
Мирза-бекъ, чиновникъ шекинскаго хана 57, 58.
Мирза-Мамедъ-Али, персидскій чиновникъ 113, 114, 118.
Мирза-Муса, персіянинъ, довѣренный Баба-хана 113, 114, 115, 116, 118, 124.
Мирза-Муса, правитель Гиллянской области 112.
Мирза-Фетхъ-Али-Ахундовъ, полковникъ 53, 54.
Мирза-Шефи, первый визирь 119, 120, 124, 125, 126, 181, 182, 183, 185, 203, 207, 218, 221, 279, 281.

Миръ-Мустафа, ханъ талышинскій 20, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 282, 283, 284, 344, 346 444, 445.
Мисостовъ князь Арсланъ-бей 414.
Михельсонъ, генералъ отъ кавалеріи 107, 108, 109, 420.
Могилевскій, правитель канцеляріи главнокомандующаго 287, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 307, 308, 309, 312, 313, 314, 315, 342, 432.
Монзо, маіоръ 492.
Мурузи, господарь 106, 107, 108.
Мусинъ-Пушкинъ, генералъ-лейтенантъ 28, 135.
Мустафа-ага, турецкій чиновникъ 264.
Мустафа-Байрактаръ, 129.
Мустафа, ханъ ширванскій 18, 22, 27, 32, 68, 69, 70, 71, 79, 86, 103, 141, 236, 237, 238, 286, 339, 340, 341, 371, 372, 377, 379, 422, 425, 426, 442, 443, 448.
Мухамедъ-Вели-Мирза, 112.

Надиръ, шахъ 184.
Наполеонъ I, императоръ 10, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 112, 122, 125, 128, 129, 169, 183, 185, 187, 188, 200, 201, 205, 206, 207, 219, 281, 416, 483.
Насибъ-бекъ, шамшадыльскій султанъ 122, 359.
Небольсинъ, генералъ-маіоръ 9, 30, 41, 43, 44, 45, 46, 69, 70, 71, 72, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 139, 140, 145, 158, 202, 208, 215, 216, 226, 235, 236, 237, 239, 240. 243, 244, 251, 337, 338, 342, 247, 348, 359, 360, 375.
Неклюдовъ, лейтенантъ 282, 283, 284.
Несвѣтаевъ, генералъ-маіоръ 3, 4, 7, 8, 12, 13, 31, 32, 41, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 56, 59, 60, 96, 97, 98, 113, 141, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154 155, 156, 158, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 178, 200, 201, 202.
Нижерадзе, князь Ростомъ 191, 263, 291.
Николай I Императоръ 458, 475.
Николозъ, протоіерей имеретинскій 299.
Нина Георгіевна, мингрельская княгиня 272.
Новицкій, маіоръ 50, 222, 223.
Нукъ-Магометъ, карабагскій житель 39.
Нуха-бекъ, сынъ хана казикумухскаго 429.

Ованесъ-Юзбаши 448.
Оловяшниковъ, капитанъ 447.
Омаръ-ханъ аварскій 17, 92.
Орбеліани, князь генералъ-маіоръ 31, 33, 36, 84, 85, 90, 91, 92, 93, 94, 213, 215, 252, 253, 254, 255, 256, 259, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 321, 322, 323, 328, 329, 330, 331, 337, 366, 367, 422, 446, 461, 471, 479.
Орбеліани, князь, маіоръ 267, 270.
Османъ-Оглу, начальникъ турецкихъ войскъ 167.
Османъ-паша, 202, 210.
Отто, полковникъ 164.

Парфеновъ, маіоръ, потомъ подполковникъ 56, 57, 58, 59, 60, 84, 360.
Паулуччи, маркизъ, главнокомандующій въ Закавказьѣ 241, 354, 355, 356, 357, 358, 366, 417, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 431, 432, 434, 436, 437, 438, 440, 441, 442, 443, 444, 448, 449, 451, 452, 454, 455, 456, 459, 460, 461, 464, 466, 467, 468, 473, 474, 476, 477, 478, 479, 481, 482, 483.
Петръ I, Императоръ 122, 184.
Печерскій, подполковникъ 155, 178, 241, 352, 354, 355, 356, 368.
Пиръ-Кули, ханъ 34, 72.
Писемскій, маіоръ 372, 373, 450.
Побѣдинскій, лейтенантъ 445.

Подлуцкій, подполковникъ 213, 215.
Подревскій маіоръ 451.
4 Портнягинъ, генералъ-маіоръ 3, , 8, 111, 163, 172, 174, 175, 202, 411, 214, 215, 241, 337, 342, 351, 252, 353, 354, 355, 364, 366, 367, 363, 466, 468, 469, 470, 472, 473.
Потлогъ 2-й, маіоръ 386.
Прибыловскій, маіоръ 329, 332, 334, 367, 368.
Прозоровскій, князь, фельдмаршалъ 194.
Просвиркинъ, маіоръ 50, 85.

Ребиндеръ, генералъ-маіоръ 31, 33, 35, 36.
Репинъ, генералъ-лейтенантъ 275, 276, 277, 278, 371, 372, 373, 374, 375, 414, 415, 446.
Реутъ, маіоръ 265, 329.
Ришелье-дюкъ 407.
Розенъ, баронъ, генералъ-лейтенантъ 85, 86, 91, 133, 162. 175 209, 222, 224, 319, 331, 333, 337.
Ртищевъ, генералъ, главнокомандующій 407, 419, 420, 450, 451, 452, 467, 483.
Румянцовъ, графъ 206, 260, 266, 272, 280, 281, 285, 286, 315, 318, 320, 336, 369, 405, 479.
Рыкофъ, генералъ-маіоръ 7, 8, 104, 143, 144, 145, 157, 165, 166. 167, 189, 191, 192, 195, 196, 198, 199, 252, 257, 260, 261.
Рябининъ, маіоръ 278.

Сагиновъ, штабсъ-капитанъ 307.
Садыкъ-ханъ, 359.
Салтыковъ, графъ 218.
Себастіани, французскій генералъ 105, 106, 108, 128.
Селимъ-паша ахалцыхскій 263, 264, 291, 319, 320, 321, 322, 323, 353, 363, 364.
Селимъ-паша, муширъ 170, 189, 190.
Селимъ, султанъ 102, 103, 107, 128.
Селимъ ханъ, шекинскій 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 51. 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 85, 86, 87, 88, 90, 101. 122, 139, 141, 232, 236, 339, 340, 378, 379, 448.
Сенявинъ, вице адмиралъ 129.
Сеферъ-Али-бей, владѣтель Абхазіи 259, 260, 261, 262, 263, 399, 400.
Симоновичъ, полковникъ потомъ генералъ 12, 44, 51, 96, 98, 161, 212, 222. 223, 258, 267, 268, 272, 273, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 301, 302, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 318, 319, 323, 324, 326, 327, 328, 333, 334, 335, 356, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 386, 387, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 398, 399, 453.
Соловьевъ, маіоръ 86.
Соломонъ II, царь имеретинскій 6, 7, 8, 18, 26, 142, 143, 166, 180, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 234, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 259, 263. 264, 267, 268, 269, 274, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 306, 307, 308, 310, 311, 313, 314, 315, 318, 319, 323, 325, 328, 332, 333, 334, 335, 347, 363, 365, 370, 371, 375, 387, 389, 390, 393, 394, 400, 401, 402, 403.
Сорокинъ, капитанъ-исправникъ 462.
Софроній, митрополитъ 287, 288, 299, 323.
Сталь 2-й, генералъ-маіоръ 462.
Сталь, полковникъ 352, 385, 387.
Степановъ, капитанъ 95.
Степановъ, маіоръ, потомъ подполковникъ 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 158, 181, 185, 186, 436, 478, 479.
Сулейманъ-бекъ левантскій 355.
Сулейманъ-Хазнадаръ-Оглу 396, 397, 398.
Султанетъ-бегюмъ, жена хойскаго хана 53.
Сурхай-ханъ казикумухскій 9, 17.

30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 61, 62, 67, 73, 75, 82, 83, 84, 92, 122, 127, 141, 275, 276, 277, 278, 379, 414, 416, 424, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 442.
Сухановъ, капитанъ 332.
Суццо, господарь 106.

Тарасовъ, маіоръ 76, 78.
Тарасовъ, полковникъ 192.
Тархановъ князь, Давидъ 267. 289.
Таяръ-паша 98, 99, 100.
Теймуразъ, грузинскій царевичъ 232, 355.
Титовъ, генералъ-маіоръ 161, 175, 188, 337, 366, 367.
Титовъ, капитанъ 327, 330.
Тихановскій, полковникъ 236, 339, 375, 376, 379, 380, 381, 452, 471, 472, 473, 478.
Тихоцкій, маіоръ 329, 330, 332.
Токаревъ, маіоръ 85.
Толстой, графъ, нашъ посланникъ во Франціи 207.
Тормасовъ, А. П., главнокомандующій 227, 228, 229, 230, 233, 234, 236, 237, 238 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 251, 254, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 264, 266, 268, 271, 272, 274, 276, 277, 278, 280, 281, 282, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 297, 300, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 223, 327, 328, 330, 331, 333, 335, 336, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 346, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358 359, 360, 361, 363, 364, 365, 366, 367, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 379, 382, 383, 384, 386, 387, 388, 390, 392, 393, 394, 395, 399, 401, 402, 403, 404, 405, 410, 411, 412, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 424, 436, 444, 454, 459, 461.
Тути-бегюмъ, дочь карабагскаго хана 51.
Угурлу-ага 45.
Ураковъ, князь, подполковникъ 167, 353.
Ушаковъ, маіоръ, потомъ подполковникъ 175, 332, 335, 436, 450, 471, 472.

Фараджъ-Улахъ-ханъ 214, 247, 248.
Феридунъ-бекъ-гулямъ 439.
Фетхъ-Али-бекъ 88.
Фетхъ-Али, ханъ дербентскій 64.
Фрейманъ, инженеръ-подполковникъ 265.

Хаджи-Абуль-Хассанъ, посланный тегеранскаго двора 242.
Хаджи-бекъ кубинскій 136, 137.
Хаджи-бекъ, наибъ 81.
Хаджи-Мамедъ, ханъ, предводитель персидскихъ войскъ 442.
Хатунцевъ, генералъ-маіоръ 419, 422, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 442.
Хассанъ-бей 400.
Хассанъ-ханъ, комендантъ эриванскій 213, 214, 216 221.
Хассанъ-ханъ, начальникъ персидскихъ войскъ 211.
Хейръ-Ниса-бегюмъ, мать наслѣдника Карабагскаго ханства 440.
Хуссейнъ-ага куртинскій 97.
Хуссейнъ-Кули, ханъ эриванскій 47, 48, 50, 51, 60 62, 202, 209, 211 225, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 362.
Хуссейнъ, Кули-ханъ, начальникъ персидскихъ войскъ 211, 213, 214, 215 217, 220.

Церетели, князь Беро 308.
Церетели, князь Григорій 392, 394.
Церетели князь Зурабъ 191, 192, 195, 196, 197, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 267, 268 272, 274, 287, 289, 290, 298, 308, 309, 310, 319, 326, 327, 371, 389, 390, 392, 393, 394, 395.
Церетели Кайхосро 273, 291 296,

298, 299, 308, 312, 389, 395.
Церетели, князь Семенъ 308, 390, 393.
Церетели, князь Сехнія 312.
Циціановъ, князь Іосифъ 369.
Циціановъ, князь П. Д. 1, 3, 5, 7, 11, 12, 15, 19, 20, 22, 23, 26, 30, 37, 53, 62 64, 72, 73, 75, 93, 113, 120, 122, 123, 179, 196, 205, 210, 253, 257, 381, 483.
Цулукидзе, Сехнія 291, 299, 310, 314, 393.

Чавчавадзе, князь, адъютантъ 443.
Чавчавадзе, князь, генералъ-маіоръ 458, 459, 463, 475.
Чарторижскій, князь 11, 62. 65, 66.
Челищевъ, капитанъ 222.
Челѣевъ, капитанъ-лейтенантъ 245, 246, 247, 248, 284.
Челокаевъ, князь, Иванъ 15.
Чиганъ-ханумъ, жена шамхала тарковскаго 64.

Шеншинъ, генералъ-маіоръ 134, 145.
Шерафи-ханъ 359.
Шервашидзе, Бежанъ 260.
Шервашидзе, Георгій, владѣтель Абхазіи 399, 400. См. также Сеферъ-Али-бей.
Шервашидзе, князь 265, 271.
Шервашидзе, Манучаръ 260, 262.
Шерифъ-паша 264, 269, 271, 273, 308, 319, 322, 223, 336, 352, 353, 354, 355, 356, 358, 362, 363, 364, 365, 366, 370, 387, 389, 397, 398, 402, 452, 473, 474.
Шефи-бекъ-гулямъ 439.
Шихъ-Али-бекъ 216.
Шихъ-Али, ханъ дербентскій 18, 32, 63, 64, 65, 66, 67, 76, 78. 80, 81, 82, 136, 137, 141, 238, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 340, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 414, 415, 419, 424, 425, 426, 427, 428, 430, 431, 432, 434, 442.
Шматовъ, маіоръ 466.
Шмидтъ, маіоръ 12.
Штауде, полковникъ 2, 161.

Щелкачевъ, маіоръ 334.

Эмиръ-Кулибекъ талышинскій 284.
Эрбутнотъ, англійскій посолъ 104.
Эристовъ, князь, Антонъ 389.
Эристовъ, князь Елизбаръ 289.
Эристовъ, князь подполковникъ 50, 51, 262.
Эристовъ, князь, Рачисъ 263.
Эристовъ, князь, Ревазъ 453.

Юлонъ, грузинскій царевичъ 343 371, 382, 384.
Юсуфъ-бекъ, мирза, персіянинъ, посланный въ Парижѣ 187.
Юсуфъ-Зія-паша 97, 110, 129, 141, 142, 147, 148, 151, 156, 158, 166, 167, 170, 171 172, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 188, 189, 200, 202, 320.

Явангулъ-бекъ 136.
Якимовъ, полковникъ 240.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка сверху:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
162	38	Калатузова	Колотузова
231	31	Гасфортъ Джонесъ	Гарфортъ Джонесъ
308	9	Бери Церетели	Беро Церетели
393	1	Цилукидзе	Цулукидзе